Hans Delbrück

Geschichte der Kriegskunst

IM RAHMEN DER POLITISCHEN GESCHICHTE

ERSTER TEIL

DAS ALTERTUM

VERLAG VON GEORG STILKE
BERLIN 1920

Ю
Д29

Ганс Дельбрюк

История военного искусства

В РАМКАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

ОБЪЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА И. К. П.
33883

ТОМ ПЕРВЫЙ

АНТИЧНЫЙ МИР

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО Л. ГРИНКРУГ
ПРЕДИСЛОВИЕ К. БОЧАРОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1936

Ганс Дельбрюк

ИСТОРИЯ ВОЕННОГО ИСКУССТВА В РАМКАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

ТОМ ПЕРВЫЙ

АНТИЧНЫЙ МИР

Перевод с немецкого Л. Гринкруг,
с предисловием К. Бочарова

Тщательно анализируя первоисточники и работы других исследователей, содержащие описания наиболее выдающихся военных событий древней Греции и древнего Рима, проф. Г. Дельбрюк делает выводы о состоянии военного искусства в данную эпоху. Предисловие т. Бочарова помогает советскому читателю критически разобраться в общей концепции и отдельных выводах Г. Дельбрюка.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
33883 л

ПРЕДИСЛОВИЕ

«История военного искусства в рамках политической истории», которую начал выпускать с 1900 года известный профессор истории при Берлинском университете Ганс Дельбрюк, является наиболее серьезным трудом исторической мысли буржуазной Германии последнего столетия.[1]

ВАЖНЕЙШИЕ ОПЕЧАТКИ

замеченные в I т. труда Дельбрюка „История военного искусства".

Страница	Строка	Напечатано	Следует
244	8 снизу	гастопы	гастаты
255	20 „	кельбитеров	кельтиберов
399	16 сверху	$1^1/_3$	$1^1/_2$

лучших буржуазных военных историков.

Первый том исторического труда проф. Дельбрюка охватывает военное искусство в древнем мире. Это — самое крупное произведение в данной области как по поднятому колоссальному материалу, так и по серьезности исследования. Автор с исключительной настойчивостью, преодолевая знакомые исследователю древнего мира трудности — вымысел и фантастику, ограниченность или полное отсутствие данных,— старался установить достоверный ход военных событий, представить правдивую и возможно полную картину военного искусства древности. Он впервые в области военной истории устроил в большом объеме, как говорит Меринг, грандиозное побоище гиперболическим цифрам античной историографии, находящим приют в работах военных историков. Вместо миллионных полчищ и стотысячных армий Дельбрюк выводит на поля сражений лишь несколько тысяч или не-

[1] Франц Меринг, Очерки по истории войн и военного искусства, стр. 2.

Ганс Дельбрюк

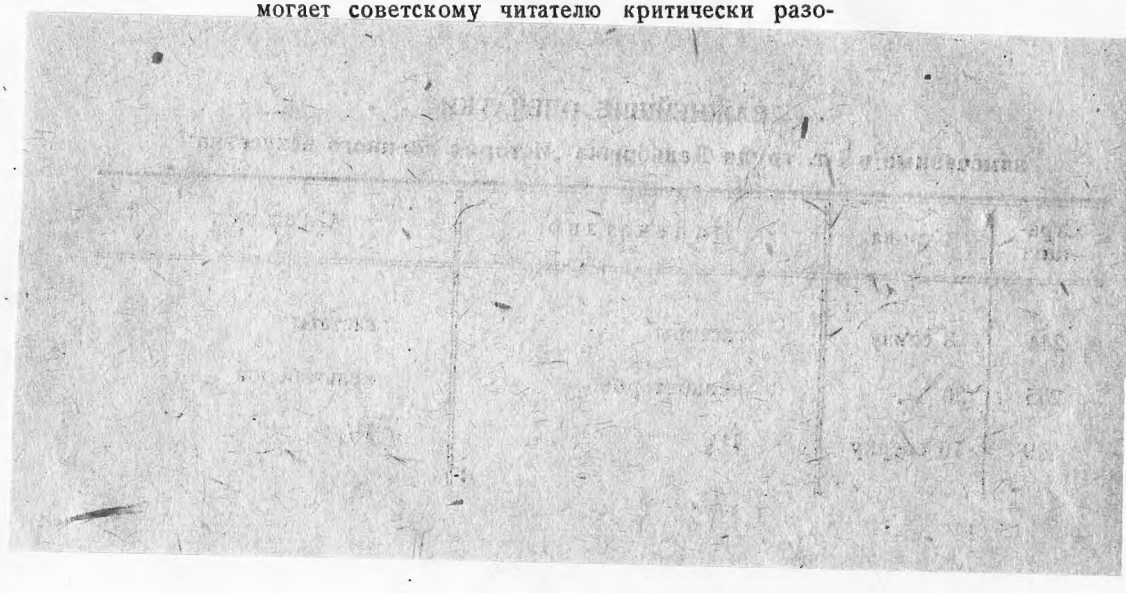
ИСТОРИЯ ВОЕННОГО ИСКУССТВА В РАМКАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

ТОМ ПЕРВЫЙ

АНТИЧНЫЙ МИР

Перевод с немецкого Л. Гринкруг,
с предисловием К. Бочарова

Тщательно анализируя первоисточники и работы других исследователей, содержащие описания наиболее выдающихся военных событий древней Греции и древнего Рима, проф. Г. Дельбрюк делает выводы о состоянии военного искусства в данную эпоху. Предисловие т. Бочарова помогает советскому читателю критически разо-



ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
33883 л

ПРЕДИСЛОВИЕ

«История военного искусства в рамках политической истории», которую начал выпускать с 1900 года известный профессор истории при Берлинском университете Ганс Дельбрюк, является наиболее серьезным трудом исторической мысли буржуазной Германии последнего столетия» [1].

Высокая оценка военно-исторических трудов Дельбрюка Францем Мерингом, крупным марксистским теоретиком,— лучшее свидетельство их научной ценности.

Военно-историческая литература современной эпохи представляет яркое доказательство ограниченности и мельчания буржуазной военно-теоретической мысли. Подобно великану Гаргантюа, оставшемуся невеждой, несмотря на учебу у ученого схоласта, современная буржуазная военная наука не только не превзошла достижений прежней эпохи, но даже обнаружила признаки несомненного упадка. Крайне редко появляются в буржуазной литературе работы, которые могут быть названы серьезными научными исследованиями.

«История военного искусства в рамках политической истории» представляет собою редкостный труд на фоне современной военно-исторической науки. Проф. Ганс Дельбрюк справедливо вошел в ряды лучших буржуазных военных историков.

Первый том исторического труда проф. Дельбрюка охватывает военное искусство в древнем мире. Это — самое крупное произведение в данной области как по поднятому колоссальному материалу, так и по серьезности исследования. Автор с исключительной настойчивостью, преодолевая знакомые исследователю древнего мира трудности — вымысел и фантастику, ограниченность или полное отсутствие данных,— старался установить достоверный ход военных событий, представить правдивую и возможно полную картину военного искусства древности. Он впервые в области военной истории устроил в большом объеме, как говорит Меринг, грандиозное побоище гиперболическим цифрам античной историографии, находящим приют в работах военных историков. Вместо миллионных полчищ и стотысячных армий Дельбрюк выводит на поля сражений лишь несколько тысяч или не-

[1] Франц Меринг, Очерки по истории войн и военного искусства, стр. 2.

сколько десятков тысяч бойцов — реальные для того времени количества [1].

Серьезная критическая работа проделана им также в области установления фактического хода военных событий и, в частности, хода отдельных сражений. Свидетельства древних и данные современных историков подвергаются глубокой, кропотливой, подробной проработке. Невозможно найти в современной военно-исторической литературе труд, который мог бы сравниться в этом отношении с работой проф. Дельбрюка. Достаточно сослаться на такие известные произведения, как «Канны» Шлиффена или «История пехоты» Рюстова, в которых тенденциозность вместе с произвольной и легковесной трактовкой фактов привели к редко виданному искажению действительности.

Добросовестное исследование военных событий Дельбрюком разрушило много легенд, долго державшихся в военной истории. При свете его строгой критики, оригинальных и смелых выводов приобрели новую окраску освященные годами представления, потеряли свое значение многие старые ценности, сурово развенчаны неумеренные восхваления панегиристов и самовосхваления победителей. На место сказочных подвигов Дельбрюк водворяет старую истину, что фортуна щедра к гениям и талантам, но предпочитает большие батальоны.

Однако, отмечая труды проф. Дельбрюка как самый крупный факт в буржуазной военно-исторической литературе за последние десятилетия, одновременно следует подчеркнуть, что именно здесь в яркой форме проявилась относительная научность буржуазной военной историографии. Франц Меринг упустил добавить, что на примере проф. Дельбрюка мы видим всю ограниченность и неспособность буржуазной военно-исторической науки понять сущность явлений, раскрыть законы развития военного искусства. И хотя, как говорили древние, время выдает все тайны, буржуазная военно-историческая мысль продолжает безнадежно стоять у их запертых ворот.

«Я только историк,— заканчивает свое предисловие проф. Дельбрюк, — и хотел написать труд для любителей истории, пособие для историков в духе Леопольда Ранке» [2].

Дельбрюк сам раскрыл свое миропонимание и исторический метод. Он являлся одним из столпов немецкой исторической школы, отцом которой справедливо считается Леопольд Ранке. И достоинства и пороки этой школы целиком присущи также Дельбрюку.

---

[1] Так, вместо 100 000 персов у Марафона Дельбрюк определяет их численность не свыше количества греков и даже ниже — от 4 000 до 6 000 воинов. Четырехмиллионную армию Ксеркса он уменьшает в 40—50 раз, остроумно замечая, что при тогдашней дисциплине марша и отсутствии хороших дорог она вытянулась бы на все протяжение от Афин до Сузы. Он отбрасывает нарочно преувеличенную Цезарем численность галльских и германских ополчений и военных дружин.

[2] Hans Deldrück, Geschichte usw. Erster Teil, Vorrede, XII (стр. 38 настоящего перевода).

Немецкая историческая школа, к которой принадлежат крупнейшие историки Германии, отвергает всякую закономерность в истории и видит свою задачу в восстановлении фактов, как они происходили в действительности: «В течение многолетних своих исследований,— писал Эдуард Мейер,— я и сам не открыл ни одного исторического закона и не встретил такового у кого-либо из других исследователей» [1].

Восстановление фактов дает историку якобы возможность восстановить прошлое, как оно было в действительности.

Характерной чертой немецкой исторической школы является сожительство сравнительно-исторического метода и крайнего эмпиризма. Труд Дельбрюка — самая яркая демонстрация этого. Взаимный контроль слов и фактов, их критический анализ с целью установить, что достоверно, — вот что пронизывает исторические исследования Дельбрюка. «Правильный, единственно достоверный метод — не тот метод, при котором за неимением достоверных сведений пользуются менее достоверными, стараясь сделать их более или менее вероятными, но тот метод, при котором твердо разграничивают, что следует и чего нельзя считать правильным» [2].

Достоверное восстановление прошлого достигается путем раскрытия индивидуальных фактов. История для немецкого историзма представляет постоянную коллизию между спонтанно действующей личностью и обществом. Исторические факты — результат этого столкновения, причем толчок принадлежит индивидуальной личности.

Невозможность применить эксперименты к историческому прошлому заставляет эмпирически восстанавливать достоверность фактов и опираться исключительно на документы. «Ценность нашего знания,— писали французские сторонники исторической школы Ланглуа и Сеньобос, — зависит от ценности наших документов» [3]. Ганс Дельбрюк отказывается исследовать военное искусство греков до Греко-персидских войн, так как более или менее достоверные исторические документы начинаются с Геродота.

Еще Маркс и Энгельс доказали полную несостоятельность немецкого историзма и в частности — эмпирического метода в общественных, исторических науках. Отысканием и описанием фактов, совершившихся в данном месте и в данное время разрешается лишь одна часть познания исторической истины. Трагедия немецкого историзма в том, что, отыскивая и восстанавливая факты прошлого, он неспособен понять и раскрыть их сущность, установить закон, лежащий в основе их развития. Так, когда Ранке от игрушечной возни с анекдотами,— говоря словами Маркса,— обращается к попыткам дать общую картину развития европейских государств, этот великий на малые

[1] E. Meyer, Theorie, 32.
[2] H. Delbrück, I, Vorrede.
[3] Ланглуа и Сеньобос, Введение в изучение истории, стр. 222, 1899.

дела историк оказывается в глазах современного, вооруженного действительно научным социологическим методом историка беспомощным, как малый ребенок. Как мы увидим, и Гансу Дельбрюку не чужд этот порок. Конечно, научная теория историков строится на фактах, однако, отыскание и восстановление фактов происходит в соответствии с определенным мировоззрением. На труды Ранке и его учеников падает тень их монархического, консервативного мировоззрения.

Консерватор и монархист [1], апологет фридриховской монархии, которую он объявлял исторически выкованной формой германской империи, ярый ненавистник марксизма,— Дельбрюк сознательно и бессознательно вплел свое мировоззрение в ткани своих исторических работ. Он чистосердечно признается, что мотивы, толкнувшие его на создание теории «двухполюсной стратегии», исходили из его желания возвеличить Фридриха II, ибо в свете наполеоновской стратегии последний казался ничтожеством.

Интересен для его политических взглядов следующий факт, сообщаемый Трельчем: 11 ноября 1918 г.,— два дня спустя после свержения кайзера Вильгельма II,— отмечали 60-летие Дельбрюка. «Это был необычайный праздник,—рассказывает Трельч,—похожий на похоронную процессию. Говорили вполголоса, а оратор, приносивший поздравления, едва сдерживал слезы. В своем волнующем ответе Дельбрюк сказал, что происходящее означает конец фридриховской монархии, с которой срослось все его политическое мышление и вся его вера в будущее Германии» [2].

Ганс Дельбрюк дал интересное название своему труду: «История военного искусства в рамках политической истории». Но первый том уже изобличает автора — история военного искусства у него совершенно не связана с политической историей. И там, где это нашло место, дано лишь слабое и неверное отражение действительности.

Буржуазная военная историография вообще не ставит развитие военного искусства в зависимость от общественного развития. Она и до сих пор произносит заклятия против этого материалистического греха. Она не может отказаться от Прометеев, похищающих тайны военного искусства с олимпийских высот.

Ганс Дельбрюк слишком серьезный историк, чтобы разыгрывать роль странствующего трубадура вечных принципов военного искусства. Он предпочитает о них не говорить. Но в то же время он остался враждебен и чужд материалистическому пониманию развития военного искусства, так классически сформулированному основоположником пролетарской военной науки Фридрихом Энгельсом: «Вся организация армии и способы борьбы, а вместе с тем победа и поражения

[1] Курьезно слушать, с какой гордостью маститый профессор рекомендует себя публике как воспитатель принца и близкий друг целой группы крупных генералов и военных чинов.

[2] Troeltsch, Aufsätze über die deutsche Revolution und Weltpolitik.

оказываются зависящими от материальных, т. е. экономических, условий, от свойств людей и оружия, — следовательно, от качества и количества населения и от развития техники» [1].

Дельбрюк не только не устанавливает зависимости между развитием способов ведения войны армиями античных государств и развитием рабовладельческого общества, но он и не стремится отыскать эту зависимость. Это был бы полный отказ от метода исторической школы, отрицающей, как это указано выше, всякую закономерность в истории человеческого общества. Поэтому он совсем не останавливается на характеристике социально-экономических отношений древней Греции и Рима. Больше того, прогресс военного искусства греков и римлян совсем не находится в органической связи и в рамках их политической истории, говоря словами самого автора. Прекрасная иллюстрация — оглавление книги. Например, история военного искусства в древнем Риме начинается со следующих глав: I. Средневековое рыцарство и римские фаланги. II. Манипулярная фаланга; знамена. III. Римские упражнения, искусство устройства лагерей и дисциплины. IV. Пирр; сражение при Гераклее и т. д.

Не исследовав общественного порядка, экономики и политики данного государства, невозможно понять ни причины, вызвавшие войну, ни характер и политические цели последней, ни характер армии, а, следовательно, невозможно выяснить полностью также и характер стратегии и тактики войск.

Дельбрюк изредка касается политического устройства греческих государств и Рима,— и то лишь попутно, в связи с пространными расчетами численности армий. В одном месте он признает, что «путь к правильному толкованию фукидидовых чисел можно найти, лишь учитывая классовое деление афинян» [2]. Однако, фактически классовое деление населения им игнорируется [3]. А там, где он обмолвился на этот счет, он дал очередное доказательство, что и серьезным буржуазным историкам присущи исторические открытия, не выдерживающие серьезной критики. Так, без всякого зазрения совести он заявляет: «Политического значения эти классы (солоновское деление на классы афинского населения.—К. Б.) больше не имели, если даже они и имели его когда-либо раньше; для обложения налогом эти подразделения едва ли были применимы, но в организации военного дела они, несомненно, должны были играть большую роль» [4]. Как могло старое, потерявшее

[1] Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 158. Можно только удивляться, что авторы, писавшие о Дельбрюке в БСЭ, набрались смелости утверждать, будто Дельбрюк исследует военное искусство так же диалектически и материалистически, как и Энгельс.

[2] Г. Дельбрюк, стр. 63 (по настоящему переводу).

[3] В предисловии ко 2-му изданию первых двух томов (стр. 31 настоящего перевода) Дельбрюк говорит, что «в Риме вербовка никогда не производилась на основании принадлежности к тому или иному имущественному классу».

[4] Г. Дельбрюк, стр. 72 (по настоящему переводу).

политическое значение деление на классы в IV в. лежать в основе военного устройства Афин? На это Дельбрюк не дает ответа. Он забыл о векселе, выданном читателю в названии книги. Совершенно оставляя в стороне выяснение социальных изменений в Афинах после Греко-персидских войн, из которых можно было бы вывести и характер и численность их войска накануне Пелопоннесской войны, он протаскивает старое солоновское деление населения на классы с целью доказать свою правоту в толковании фукидидовых цифр. Его не смущает тот факт, что Фукидид в своей истории, говоря о времени Пелопоннесской войны, не упоминает о существовании в это время солоновского классового деления в Афинах.

Так же попутно, в связи с определением численности спартанского войска, он зачисляет спартанских илотов по ведомству крепостных крестьян [1], следовательно, для него спартанский общественный порядок был не рабовладельческим, а крепостным.

По ведомству феодальных монархий западноевропейского средневековья зачисляется также Македония Филиппа и Александра, хотя конкретное исследование ее социально-экономических отношений не привлекло его внимания.

Под знаком средневекового феодализма рассматривается и римское варварство и т. д.

Итак, важнейшего выданного читателю векселя — органически связать историю военного искусства с политической историей государств античного мира — проф. Ганс Дельбрюк не оплатил. Он не смог избежать основного порока буржуазной историографии.

Когда однажды Гете зашел в мануфактурную мастерскую, то он вышел оттуда с глубоким отвращением. Великий писатель не понял, что без этого начального прогресса промышленности старый сонный мир Германии не был бы в состоянии ни испытать, ни понять ту неудовлетворенность жизнью, которая была в душе Фауста.

Дельбрюк не только не понял того, что без прогресса способа производства невозможен прогресс военного искусства, но и старался опровергнуть материалистическое понимание развития военного искусства.

Проф. Дельбрюк неоднократно в печати объявлял себя учеником Клаузевица. Но, как повелось в практике немецких военных писателей, выдавая себя за ученика великого военного теоретика, он никогда не стоял на почве его взглядов.

Глубокие положения Клаузевица, что война является продолжением политики иными средствами и что политика решающим образом влияет на способы ведения войны, не нашли места в «Истории военного искусства в рамках политической истории».

[1] См. стр. 71.

Буржуазная историография, исследуя развитие военного искусства, обходит причины, порождавшие войны, их характер и их результаты в общественно-историческом процессе. Это приводит к отрыву от хода боевых действий, к отрыву форм военного искусства от живой действительности. Военное искусство рассматривается само по себе. Разностороннее влияние социально-экономической структуры общества и в особенности политики на ведение войны не находит необходимого разъяснения. Исключение представляют единичные писатели [1].

Марксистской военной историографии чужды эти пороки. Нигде лучше не показана всесторонняя зависимость способа ведения войны от социально-экономических отношений общества и от политики ведущих войны классов, нигде лучше не показана неразрывная связь данной войны и способа ее ведения, чем в бессмертных военно-исторических работах Энгельса.

Проф. Ганс Дельбрюк, подобно большинству военных историков, не счел необходимым исследовать войны, в ходе которых имело место то или иное военное искусство. Он не исследует характер и политические цели таких важных войн, как Греко-персидские, Пелопоннесские, Пунические, завоевание римлянами Греции и Востока и т. д. Он совершенно обходит гражданские войны и в особенности рабские восстания. Все это привело к абстрактному, вне хода войны и вне политических взаимоотношений, рассмотрению способа ведения войны и боя.

А как можно говорить о ведении войны греков с Персией, о стратегии Перикла, о стратегической линии поведения римских полководцев и Ганнибала в Пунических войнах, о военном искусстве Цезаря вне политики и в особенности вне политической линии поведения, проводимой в данных войнах!

Остановимся на трактовке стратегии Перикла. С его именем Дельбрюк связывает появление так называемой «стратегии измора». Как писал впоследствии Дельбрюк, его «стратегия измора» является уточнением стратегической теории Клаузевица. Но здесь Дельбрюк заблуждался на свой собственный счет. Клаузевиц стратегическую линию поведения рассматривал как военное выражение политической линии поведения. От того, каковы политические цели войны, зависят и ее военные цели. Война ведется решительно, на разгром и уничтожение вооруженных сил неприятеля и т. д., если политические цели войны имеют решительный характер, если они грандиозны и требуют политического разгрома и ниспровержения неприятеля. Наоборот, ограниченные политические цели конкретизируются в ограниченных военных целях,— война ведется без решающих генеральных сражений, она принимает «слабый», «хилый» вид.

[1] Большинство буржуазных военных историков в историю военного искусства не включает ни истории войн, ни форм ведения их, ни истории армии. Достаточно вспомнить определение Клаузевица о военном искусстве «в широком смысле», чтобы увидеть, насколько ниже Клаузевица стоят эти историки.

«Война является не самостоятельным делом,— писал Клаузевиц майору фон-Редеру,— а продолжением политики другими средствами. Ввиду этого главные линии всех крупных стратегических планов преимущественно имеют политический характер...

С этой точки зрения о чисто военной оценке стратегической обстановки крупного масштаба, а равно и о чистом военном плане не может быть и речи» (Клаузевиц, О войне, т. I, стр. 130).

Дельбрюк при определении характера стратегии Перикла не исходит из политики Афин перед войной. Причины, характер и политические цели войны Афин и Пелопоннесского союза остаются за горизонтом исследования. В основу оценки Дельбрюка положено то обстоятельство, что «одна сторона имеет на море такой же перевес, как другая на суше» [1]. Поэтому Перикл решается вести войну на измор. Подобная мотивировка выводов относительно стратегии Перикла не только игнорирует политику, но и логически не проведена до конца. Если на суше Перикл из-за превосходства сил неприятеля избегал решительного сражения (измор), то на море, где перевес афинян был значительным, он вел войну решительно, на сокрушение. А если учесть, что судьба войны в конце концов решилась на море, то мы должны будем признать, что и на решающем театре война велась решительно, на «сокрушение» противника.

Так, в свете подлинного хода войны «стратегическая» концепция Дельбрюка теряет raison d'être, вернее — превращается в исторический курьез.

Чрезвычайно показательно в данном случае заявление Дельбрюка, что если кто-нибудь докажет, что Афины имели 60 000 взрослых горожан вместо 40 000 (цифра Дельбрюка), то авторитет Перикла как государственного деятеля и авторитет Фукидида как историка будут ниспровергнуты.

«Авторитет величайшего из историков был бы непоправимо подорван, а один из столпов греческой литературы был бы опрокинут, если бы только кто-нибудь доказал, что в 431 г. в Афинах было 60 000 граждан» [2]. Откуда этот «трагический» вывод? Неужели просчет в 20 000, что вполне возможно, явился бы провалом величайшего греческого историографа — больше того, провалом государственого гения Перикла, которого современники величали «олимпийцем»?

Дело, однако, обстоит иначе. Перикл и Фукидид останутся в числе великих людей античного мира, а опрокинутой окажется только стратегическая теория проф. Дельбрюка. Еще 20 000 свободных граждан, рассуждает Дельбрюк, это — значительное увеличение воинов Афин. Почему тогда сухопутная армия Афин была меньше, чем можно

[1] См. стр. 126.

[2] См. стр. 59.

было укомплектовать, исходя из количества населения? Почему тогда Перикл держался стратегии измора, а не сокрушения?

Здесь необходимо подчеркнуть два момента.

Во-первых, стратегическая линия поведения Перикла выводится Дельбрюком только из численного соотношения войск (еще 8 000—10 000 воинов, и тогда стратегия Перикла должна быть осуждена), а не из политической линии поведения. Конечно, численное соотношение сил — важное обстоятельство, однако, политика, приведшая к войне, реализуемая войной и проводимая во время войны, прежде всего и определяет стратегическую линию поведения, проникает во все поры войны и не может быть исключена исследователем. Дельбрюк забыл, что численное превосходство во время Греко-персидских войн не было (даже если полностью принять его цифры) на стороне греков, а ведение войны имело решительный характер. Марафон, Саламин, Платея — памятники ведения войны на «сокрушение» (по терминологии автора).

Во-вторых, исчисление свободных мужчин в Афинах на 15 000—20 000 больше еще не означает, что войско должно быть значительнее цифры, приводимой Фукидидом. Дельбрюк считает афинскую сухопутную армию таким же ополчением, как и во время Персидских войн, в то время как она преимущественно состояла из наемников. Милиция сильно уменьшилась; ее использовали, главным образом, для защиты города. Призывавшиеся из бедноты и получавшие жалованье воины составляли сухопутную полевую армию, десантные войска и т. д. При определении количества войск нельзя исходить лишь из численности населения; необходимо — и это главное — исходить также из природы армии. Так, например, в последний период римской империи численность населения Рима превосходила численность населения во времена Пунических войн, а римские императоры не могли и думать о мобилизации ополчения горожан, хотя бы вдвое меньшего по численности, чем выступавшая против Ганнибала милиция. Они вынуждены были воевать при помощи наемников и притом не с помощью римских граждан, а с помощью варваров. Но «тревога» Дельбрюка курьезна также и потому, что он не учитывает боеспособности армий. Перикл мог не итти на решающие бои на суше даже при большем количестве войск, если у него могли быть сомнения, выдержит ли афинское войско (наемники и ополчение) натиск сильной пелопоннесской армии и в особенности спартанских гоплитов.

Вне решающего влияния политики на ведение войны рассматривает Дельбрюк также стратегию Александра, Ганнибала и Цезаря. Правда, иногда дело обстоит значительно лучше. Так, выгодно отличается разбор стратегии Ганнибала. Дельбрюк в некоторой степени связал стратегическую линию поведения Ганнибала после Канн со сложившимися политическими взаимоотношениями и с его политической линией по-

ведения. Но и здесь «ключ к поведению Ганнибала» Дельбрюк ищет в тактике. Стратегией Ганнибала руководил тактический момент — уверенность в победе над римлянами в открытом поле. А это привело к неправильной оценке стратегии Ганнибала.

Нет надобности доказывать игнорирование Дельбрюком всестороннего влияния политики на ведение войны на примерах отсутствия у него рассмотрения политико-морального состояния армий и политических мероприятий по укреплению их боеспособности, на примерах политической работы по разложению неприятеля и т. д. Дельбрюк так же, как вообще все буржуазные историки, политическую работу во время войны не рассматривает как одну из сторон способа ведения войны. Необходимо, кроме того, подчеркнуть, что и при разборе отдельных сражений, являвшихся по преимуществу генеральными сражениями, не отмечена их связь с политикой. Так, разбирая сражение при Марафоне, Дельбрюк совершенно не принимает во внимание политические моменты. Пространно рассуждая о том, кто начал наступление, какова была численность армии и где выстроилась фаланга греков, он не уделил ни одного слова выяснению влияния политической борьбы в Афинах на политико-моральное состояние афинских воинов и ведение боя. Об этом ярко говорит его полное молчание по поводу следующего места Геродота: «Если мы не дадим сражения, — говорил Мильтиад Каллимаху,— то я уверен, что сильная смута постигнет умы афинян и склонит их на сторону мидян; если же мы вступим в бой прежде, чем обнаружится раскол в среде некоторых афинян, то с помощью справедливых богов мы сможем выйти из сражения победоносно» [1].

Политическая борьба в Афинах, несомненно, явилась причиной решения принять сражение.

Для знатока способа ведения боя в древности муки Дельбрюка в выяснении того, кто начал первый наступать, вылившиеся в пространные рассуждения, покажутся не только беспредметными, но и наивными. На соотношение между наступлением и обороной Дельбрюк смотрел сквозь призму современности. Важнейшую роль тогда играло решение принять (искать) сражение, а вопрос о том, кто из выстроившихся для сражения противников начал продвигаться раньше, хотя и имел значение, но не являлся основным. Так, например, под Каннами Ганнибал, искавший сражения, выстроив свои войска на месте, ждал римлян. Но никто не скажет, что Ганнибал оборонялся. Так поступал очень часто и Цезарь в борьбе с галлами.

«Не свободное творчество ума гениальных полководцев совершало перевороты в этой (военной) области, а изобретение лучшего оружия и изменение в составе армий». В этом положении великого основоположника пролетарской военной науки дана диалектика специфического

[1] Геродот VI, 109. Перевод Ф. Мищенко, т. II, стр. 115—116.

выражения общественной закономерности развития в закономерности развития способа ведения войны. Энгельс указывает, что социальная природа армии и характер ее военной техники, т. е. существенные стороны армии, непосредственно определяют способы ведения войны. Формы военного искусства непосредственно зависят от того, какие социально определенные люди и с какой военной техникой вступают в особые соединения, в особую организацию, чтобы драться за определенные политические цели. Следовательно, чтобы выяснить характер военного искусства, необходимо выяснить характер армии, ее социальный состав и ее технику. Таким образом, всякое изменение в социальном составе армии и в военной технике вызывает изменение в способе ведения войны и боя.

Если читатель рассчитывает познакомиться с характером и историей армии античного мира, пользуясь для этого трудом Ганса Дельбрюка, то он будет глубоко разочарован. Он встретится с пространными выяснениями и описаниями вооружения воинов и соотношения родов войск, но лишь изредка он набредет на случайно оброненные слова о социальной природе армий.

Отказ проф. Дельбрюка от исследования социальной природы армии является также одним из самых ярких выражений коренного отличия его методологии от материалистического понимания развития военного искусства. И здесь он не совершил материалистического грехопадения: нигде не связаны изменения способа ведения войны и боя с изменениями социального состава армии и ее техники.

Хотя в работе Дельбрюка и нет открытых высказываний, уличающих его как сторонника существования «вечного» солдата, но по существу дела он мало отличается от этого наивно-идеалистического взгляда. Солдаты для него лишь материал в руках полководцев.

Попутные замечания проф. Дельбрюка совершенно недостаточны для выяснения лица армии греческих полисов, Рима, Карфагена или Персии. Больше того, там нередко встречаются высказывания, вызывающие недоумение.

Так, характеризуя персидскую армию, он пишет: «Как арабы, так и персы создавали свое войско на основе не количественного, но качественного принципа» [1].

Как можно создавать армию — важнейший орган государства, орудие политики господствующего класса,— вне и независимо от политики, знают только древнеперсидские боги. Дельбрюк и не подумал, что образование постоянной профессиональной армии Персии связано целиком и полностью с образованием персидской восточной военной абсолютистской монархии. «Дарий Гистасп организовал постоянную армию,— писал Энгельс,— чтобы держать в повиновении завоеванные

[1] См. стр. 75.

области, а также предупреждать частые восстания сатрапов или гражданских губернаторов» [1]. Обширность территории, конечно, отражалась на роде войск, тем более что значительная часть племен персидской монархии являлась, так сказать, естественными наездниками. Однако, решающее здесь — оформление персидской военной деспотии, т. е. политические причины.

Интересно рассмотрение македонского войска. Его природу Дельбрюк также не показал, хотя отдельным родам войск (кавалерии, пехоте) и их оружию он уделил много места. Но здесь он уже связал образование сильной армии с укреплением македонского монархизма, причем воскурил фимиам возлюбленной его сердцу государственной форме. «Только прочный монархический строй, установленный царем Филиппом II, создал из этих элементов (знати и прочих) военную силу, которая вскоре превзошла всех соседей» [2]. И одновременно удивительно неправильное наивное объяснение образования македонского дворянства. Так как Македония преимущественно земледельческая равнинная страна с незначительным городским населением, и земледельцы не могли быстро стягиваться к центру страны (от периферии до Пеллы около 4—5 переходов), а, кроме того, они были недостаточно богаты, чтобы обзаводиться хорошим вооружением гоплита, — «образовалась особая военная каста — дворяне, сражавшиеся на конях, тогда как народ выставлял только пельтастов» [3].

В труде Дельбрюка не показано также и лицо римской армии, ее внутренние взаимоотношения, ее история. Нигде читатель не найдет хотя бы намека на то, что римское войско было орудием господства рабовладельцев. «Общественная власть сосредоточивалась здесь,— говорил Энгельс,— в руках граждан, обязанных отбывать военную службу, и была направлена не только против рабов, но и против так называемых пролетариев, не допущенных к военной службе и лишенных вооружения» [4].

Дельбрюк считает римское варварство римским средневековьем и отсюда открывает, что в период так называемых царей войско было похоже на средневековое рыцарство, причем он обогащает историческую науку, как сам хвастает, открытием «ключа» к разгадке образования сословий патрициев и плебеев в том, что «всадники всегда имели решительное преобладание над городской и крестьянской пехотой, пока та не научилась объединяться в мощные боевые единицы» [5].

---

[1] Энгельс, Армия. Маркс и Энгельс, Соч., т. XI, ч. II, стр. 369.

[2] См. стр. 155. «Самодержавный авторитет македонских царей,—говорит дальше Дельбрюк, — втиснул даже стремившихся вразброд всадников в крепкие рамки покорных единой воле эскадронов».

[3] См. стр. 154.

[4] Энгельс, Происхождение семьи, стр. 181.

[5] См. стр. 215.

В действительности вооруженные силы Рима в эпоху варварства представляли обычные варварские военные дружины и милицию, образованные из боеспособных мужчин рода.

Образование армии, которая выступала в годы Первой пунической войны, не связывается Дельбрюком с социальной революцией, названной именем Сервия Туллия, которая ликвидировала родовой строй и привела к установлению рабовладельческого способа производства, а, следовательно, привела и к возникновению рабовладельческой армии Рима. Он видит причину перехода от выдуманных им рыцарей к римской милиции легионеров в том, что Рим (в отличие от Капуи) «путем строгой организации, путем сурового военного обучения и дисциплины сумел воспитать из гражданской массы боеспособное и сильное войско» [1].

Как далеко отстал Дельбрюк как ученый не только от марксистских историков, но и от ряда крупных буржуазных социологов и историков, в частности от Моргана!..

Остановимся на трактовке Дельбрюком образования и характера наемных войск.

Причину появления наемных войск Дельбрюк видит в продолжительных войнах: Пелопоннесской (Греция), Второй пунической и последовавших за ней Македонской, Югуртинской (Рим). Надо было оплачивать людей, надолго оторвавшихся от работы и семейства. Было введено жалованье. С другой стороны, старые солдаты, отвыкшие от производственной жизни, не уходили из армии, а, оставаясь в ней, превращались в наемников-профессионалов.

Таково объяснение Дельбрюка.

Оно просто и подкупает своей кажущейся правдивостью. Дело, однако, обстояло иначе. Причины образования наемной армии античных государств лежали глубже.

Создание наемных армий античного мира связано с глубокими социально-экономическими процессами, происшедшими в недрах рабовладельческого общества, в греческих полисах и Риме. Предпосылки их возникновения: рост товарно-денежных отношений, широкое внедрение рабского труда, массовая пауперизация крестьянства и ремесленников, накопление крупных денежных капиталов в государственной казне и у частных собственников, обострение классовой борьбы и, в особенности, борьба за установление абсолютизма, за политическую гегемонию промышленной знати, опиравшейся на античный пролетариат, и за превращение полиса в большую державу, угнетающую много народностей.

При этих условиях рабовладельческая милиция, ядро которой составляла аграрная знать, не могла быть орудием осуществления поли-

[1] См. стр. 215.

тики промышленно-купеческой знати внутри и вне государства. Появилась необходимость образования новой армии. Таким образом и были созданы наемные армии античных государств. Государство на деньги вербовало из пауперизованных и беднейших слоев населения воинов, которые шли в войско под кнутом голода, ради денег и добычи, находя в военном деле единственное средство пропитания. «Никто не сожалеет о том, — говорил Исократ, — что многие вынужденные голодом умирают, сражаясь за неприятеля против друзей» [1].

Войны Пелопоннесская и Пунические не были и не могли быть причиной образования наемных войск. Они сыграли колоссальную роль, ускорив назревание предпосылок возникновения наемников. И здесь показательно, что наемники появились в Греции до Пелопоннесской войны во флоте, т. е. в том роде войск, который был главным орудием политики античного купеческого капитала [2].

Проф. Дельбрюк не показал и социальное лицо наемников; он не показал, орудием чьей политики они являлись, каковы были их внутренние взаимоотношения и т. д. Но он и теперь не забыл обогатить историческую науку несколькими мудрствованиями. Так, например, он пишет: «Переход к наемничеству уничтожил в Афинах старое деление на классы». Слепота буржуазной историографии продемонстрирована здесь с исключительной наглядностью. Не переход к наемничеству ликвидировал старые классы греческого полиса, а, наоборот, крупные изменения в классовых взаимоотношениях и в особенности усиление промышленно-купеческой знати, захватившей гегемонию, привели к образованию наемных армий Греции и Рима.

Следует отметить несомненную ценность выяснения Дельбрюком некоторых специфических сторон армии (соотношения и особенностей родов войск, обучения и т. д.), хотя и в этой области его исследования не лишены пороков. Собственно на этой стороне он и сосредоточил все свое внимание военного историка.

Подходя к трактовке вопросов тактики и стратегии, мы встречаемся со знакомой уже нам картиной. Там, где проф. Дельбрюк на основе исторических документов восстанавливает действительность, ему часто удается достигнуть многого, показать правдиво тактику и стратегию греков и римлян. Но там, где ему приходится не просто констатировать и описывать факты, а устанавливать закономерность явлений, он сразу теряет почву под ногами и обнаруживает беспомощность, чередующуюся с необоснованной априорностью и смехотворными историческими открытиями. При этом значение численного со-

[1] Цит. по М. Иенсу, Военное дело и народная жизнь, стр. 203—204.

[2] Сам Дельбрюк вынужден констатировать факт, что «чем больше капитализм, с одной стороны, и рабство — с другой, поглощали средний класс и крестьянство, тем более удобную почву представляла собой Италия для офицера-вербовщика» (стр. 339). Это еще не понимание закона явления, но признание важного факта, подводящего к нему. Ганс Дельбрюк, однако, не сделал из этого все выводы.

отношения как исходной данной для реконструирования события доводится им до крайности, за которой начинается уже сфера исторической нелепости.

Начнем с происхождения тактического порядка рабовладельческой милиции — фаланги.

«Вопрос о происхождении фаланги как тактического построения, — пишет Дельбрюк,— или, другими словами, о том, как из умноженного единоборства развивался бой единым тактическим целым, мы исключили из рамок этой книги и повели наше изложение от того времени, когда в греческих городах-государствах тактическое целое гоплитской фаланги уже несомненно существовало и успело доказать свою жизнеспособность» [1].

Дельбрюк отказался исследовать происхождение фаланги. Он упоминает о легендах (у Полиэна и др.), в которых впервые говорится о фаланге, но из которых ничего достоверного нельзя вывести.

Но и в этой цитате мы находим место глубоко неверное. Дельбрюк считает, что греки от умноженного единоборства перешли к фаланге. Здесь уже читателя втолкнули в сферу нелепостей. Сравнительно-исторический метод сыграл с проф. Дельбрюком злую шутку. В средневековье тактика рыцарского ополчения была заменена сомкнутым боевым порядком наемной пехоты. Дельбрюк, находящий в античном мире все фазы развития западно-европейского общества, делает вывод, что единоборство античного рыцарства было заменено фалангой.

Выше нами указывалось, что марксистская историография давно опровергла наличие фазы «феодализма» в античном мире. Период гомеровских греков и римских царей являлся периодом разложения родового строя и началом перехода к рабовладельческому обществу. Поэтому варварские военные дружины и родовая милиция греков и римлян не могли иметь ничего общего с рыцарским ополчением западноевропейских феодальных монархий, а, следовательно, не происходила и не могла происходить замена единоборства фалангой.

Фаланга развилась из сомкнутого порядка родовой милиции и дружин [2]. Воины рабовладельческой милиции строились одной сплошной массой, в эпоху варварства родовые и племенные отряды смыкались, только идя в рукопашную схватку, причем в передних шеренгах становилась рабовладельческая знать, которая занимала все командные пункты в хозяйственной и политической жизни города-государства. «Порядок центральных комиций народного собрания, — писал Макс

---

[1] См. стр. 68.

[2] Единоборство имело место и в варварской милиции, преимущественно среди военных вождей. Но рыцарская тактика не существовала и не могла существовать среди варварской милиции и дружин.

Франц Меринг более правильно подошел к решению проблемы образования фаланги, но не понял, что фаланга развилась из сомкнутого строя по родовым и племенным отрядам, а не из выдуманного «квадрата».

Иенс,— совершенно тот же, что и фалангового легиона» [1]. И если сомкнутый боевой порядок родовой милиции строился из родовых и племенных дружин, то теперь он состоит из территориальных отрядов (по демам и филам).

Другой предпосылкой оформления фаланги явилось более массовое производство металлического оружия. Знать и зажиточные имели вооружение гоплита (панцырь, шлем, копье, короткий меч). Подобным вооружением можно драться с соответствующим эффектом только в сомкнутом боевом порядке; гоплиты не могут действовать в рассыпном строе. «Без тактического порядка,— говорит Аристотель,— тяжеловооруженная пехота ни к чему не пригодна» [2].

Так обстоит вопрос с происхождением фаланги. Она представляла тактический порядок, возникший вместе с образованием рабовладельческого государства и армии рабовладельцев, и непосредственно была обусловлена ее социальной природой и техникой.

Нигде так резко не выражено полное отличие эмпирического метода Дельбрюка от материалистического понимания развития военного искусства, как в следующем месте:

«Все развитие и усовершенствование военного дела в Греции со времени Персидских войн, как мы его знаем, не означало принципиальной реформы или изменения. Действительно принципиальное новшество было делом фиванца Эпаминонда.

Оно исходило из чисто внешнего, случайного явления старой фалланговой тактики — своеобразной тяги вправо, которая отнюдь не имела какого-либо более глубокого значения» [3].

Дельбрюк оставил за горизонтом исследования данного исторического периода в военном искусстве такие новые факты, как сражение на о. Сфактерии и в особенности тактику пельтастов Ификрата. Он не видит никакого прогресса в военном деле за целое столетие, — за то столетие, в течение которого экономический прогресс греческих городов вошел в историю как период расцвета рабовладельческого общества. В военной области также произошли крупные изменения. Старая милиция полиса была ликвидирована, а на ее месте появились наемные войска античной Греции. Прогресс античной общественной техники сказался также и на развитии военной техники. Не только в строительстве военных кораблей, но и в производстве сухопутного оружия были достигнуты значительные улучшения (лучшее и более массовое производство оружия, сложные осадные машины и пр.). Таким образом, новое по своей природе войско, действовавшее лучшим по своим качествам и во многом измененным оружием (вооружение пельтастов Ификрата), непосредственно обусловило и изменение в военном искус-

[1] М. Иенс, Военное дело и народная жизнь, стр. 99—100.
[2] Аристотель, Политика, VI, 13.
[3] См. стр. 147.

стве. Тактика наемников Ификрата, Тимофея, Хабрия, Агезилая — это не тактика милиции, дравшейся на Марафонском поле.

Интересно, что Дельбрюк сам чувствует шаткость своего утверждения и признает большие изменения в стратегии.

Здесь нет надобности в подробном разборе трактовки Дельбрюком тактики македонской и римской армий, чтобы доказать, насколько он чужд подлинно-научному пониманию развития военного искусства древних греков и римлян.

Центральным моментом в трактовке проф. Гансом Дельбрюком стратегии армий античного мира является применение им здесь его теории о двух видах стратегии — «измора» и «сокрушения».

Александр Македонский и Цезарь — гениальные представители «стратегии сокрушения»; Перикл, Фабий Кунктатор — представители второго вида — «стратегии измора». В чем причины этого явления? «В Пелопоннесской войне своеобразно то, — говорит Дельбрюк, — что одна сторона имеет на море такой же перевес, как другая на суше. Этим ставятся совершенно новые задачи стратегического характера» [1]. Стратеги жили, согласно Дельбрюку, представлением, что более слабая сторона на море или на суше не может сделать решительного тактического шага и довести дело до решительного сражения, а потому перед стратегией «была поставлена новая своеобразная задача — война без решительного исхода, только измором» [2].

Разбирая стратегическую проблему во время Второй пунической войны, Дельбрюк подобным образом обосновывает стратегию.

«Перевес сил то на одной, то на другой стороне создал положение, напоминающее соотношение сил между афинянами и спартанцами в Пелопоннесской войне» [3]. Здесь перевес Ганнибала состоял в его тактическом преимуществе, а перевес римлян — в «почти неисчерпаемом числе прекрасных и надежных воинов».

В приведенных цитатах проф. Дельбрюк дал конкретные причины, якобы вызвавшие к жизни стратегию измора Перикла и Фабия. Эти цитаты великолепно раскрывают всю концепцию Дельбрюка.

Теория существования двух видов стратегии во всех эпохах военной истории — неверная теория, уже опровергнутая на страницах нашей печати.

В о - п е р в ы х, несоответствие сил, вернее — их соотношение, является только одной из ряда важнейших данных для суждения о стратегической линии поведения. Дельбрюк остановился лишь на одной данной и поставил на этом точку. Рассматривая стратегию только как «идею» ведения войны, он исчерпывает стратегию одной стратегической линией поведения. Другая сторона стратегии — кон-

---

[1] См. стр. 126.
[2] Там же.
[3] См. стр. 276.

кретная, материальная деятельность — у Дельбрюка и не затронута. А в этом, собственно, и заключается гвоздь вопроса. Во все времена полководцы, исходя из обстановки, держались линии стратегического нападения или обороны, искали сражения или избегали его. Выводить из этого характер стратегии означало бы заниматься тривиальностями. Необходимо выяснять также, каким образом проводились стратегическое наступление или стратегическая оборона, каким образом вели войну, чтобы осуществить ее политические цели. В различных исторических условиях война должна была вестись неодинаковым образом, ибо и стратегия как часть военного искусства определяется политикой классов, ведущих войну, и характером армии. «Способы ведения войны, формы войны,—говорит товарищ Сталин,— не всегда одинаковы. Они меняются в зависимости от условий развития, прежде всего, в зависимости от развития производства. При Чингис-Хане война велась иначе, чем при Наполеоне III, в XX в. ведется иначе, чем в XIX в.» [1]. Также и в различных условиях развития античного общества ведение войны не было одинаковым. Стратегия Мильтиада не была одинакова со стратегией Александра или Цезаря, хотя все они, по Дельбрюку, «сокрушители».

Во-вторых, Дельбрюк не учитывает, как говорилось выше, решающего влияния на стратегическую линию поведения политической линии поведения. Исходя из своего высказанного между прочим взгляда, что Афины не задавались завоевательными целями, он мог бы легче обосновать «стратегию измора» Перикла. В действительности политические цели войны для Афин сводились к установлению гегемонии над Грецией и в частности — к завоеванию торговых путей в Адриатике, к завоеванию о. Сицилии. И война велась с решительной целью на разгром неприятеля. То, что она оказалась затяжной, не зависело от стратегической линии поведения Перикла. И после него она долго продолжалась. Собственно в то время войны, как правило, имели затяжной характер и продолжались годами.

Особенно наглядно демонстрируется порочность стратегической концепции Дельбрюка на разборе им стратегии Ганнибала. Наперекор всем военным историкам он причисляет гениального карфагенского полководца к лику «изморителей». «Ганнибал не менял своей стратегии; он с самого начала был стратегом измора и оставался им до конца». Он якобы задавался целью не сокрушить Рим (также и римляне не намеревались его сокрушить), а лишь его обессилить и заставить принять компромиссный мир. Этот вывод Дельбрюк делает из того факта, что Ганнибал не старался осадить Рим и штурмовать его стены.

Ганнибал и не намеревался обессилить Рим. Его линия на отрыв «союзных» с Римом италийских городов означала ниспровержение римской державы не менее грозное, чем разгром Пруссии после Иены

[1] «Правда» № 56, 1923 г.

и Ауэрштедта. В этом союзе коренилось могущество Рима. Если бы процесс отпадения союзников пошел дальше и большая часть союзных городов присоединилась к Ганнибалу, гибель Рима была бы неминуема. Это великолепно понимали и римляне: они прилагали чудовищные усилия, чтобы удержать союз от распада. В то же время они с самого начала и до самого конца старались уничтожить Ганнибала, вторгнувшегося на территорию римской державы. Конец войны показал, что римляне добивались не компромиссного мира, а полной капитуляции Карфагена. Иначе и быть не могло. Война велась из-за господства над западной половиной Средиземного моря, и лишь разгром и уничтожение сильной карфагенской рабовладельческой державы обеспечили, как отмечает Полибий, мировое господство Рима.

Оставляя вне поля зрения характер войны и ее политические цели, Дельбрюк не может правильно понять и оценить стратегию Ганнибала и римлян. Дельбрюк не понял, что именно в этой решительной цели войны и лежит причина ее затяжного характера. Конечно, здесь необходимо учесть и военные условия борьбы, характер армий, соотношение сил и пр., но основное заключалось в политике.

За время войн в античном мире не проводилась ни одна из «двух» стратегий Дельбрюка, а применялась стратегия, характер которой вообще обусловливался развитием способа производства, в частности же — характером политики классов, ведших войну, и их армий. При этом стратегическая линия поведения была различна не только в разные периоды истории рабовладельческих государств и в данных конкретных войнах, но иногда менялась даже в течение одной и той же войны. Поэтому для военно-исторической науки было бы во много раз ценнее, если бы проф. Дельбрюк занялся не обогащением ее новой стратегической «теорией», а выяснил бы общие, характерные особенности стратегии в различные исторические периоды древней Греции и Рима. А это как раз и отсутствует в его труде, что резко понижает его ценность.

Историю военного искусства проф. Дельбрюка можно назвать историей важнейших сражений. Описание и разбор сражений и по значению и по объему стоит на первом месте. В этом отношении Дельбрюк превзошел все, что имелось до него в буржуазной военной историографии. Достаточно сравнить военно-исторические труды многих из признанных военных историков, чтобы увидеть преимущество Дельбрюка. Сражения при Марафоне, Иссе, Каннах, Фарсале и др. вышли из-под наслоения исторических легенд, и читатель получил возможность рассматривать живую ткань событий. Но и здесь сказались недостатки метода Дельбрюка. Крайняя априорность суждений на основе «фетишизации» значения численности войск опорочивает ценность исследования Дельбрюком отдельных сражений и приводит его к неправильным выводам. Так, анализируя сражение при Марафоне, он совершенно не изу-

чает и не учитывает политико-морального состояния войск и в особенности влияния политической борьбы в Афинах. Головокружительный успех Александра его смущает, и он разрешает проблему очень просто: Александр имел больше войск, чем могла выставить персидская монархия. Он даже доходит до такого необоснованного вывода, что огромная персидская монархия выставляла меньшее войско, чем такие небольшие государства, как Греция и Македония. И чтобы этот вывод сделать правдоподобным, он совершенно неправильно сравнивает персидскую монархию с феодальными монархиями Западной Европы XII—XIII вв. В действительности Персия имела гораздо большее количество войск. Отдельные сатрапы выставляли в среднем до 20 000 воинов. Кир, выступая против Артаксеркса, имел только 13 000 наемников-греков. Агезилаю сопротивляются с успехом отдельные сатрапы. Данные Геродота относительно численности персидской армии гиперболические, а последующих историков—сильно преувеличенные. Но показательно то, что именно войско персов представляется греческими историками в грандиозных числах, а это помимо других данных также говорит об относительно больших массах войск. Причина поражения персов коренилась не в отсутствии большей, чем у Александра, армии, а главным образом в разложении персидской монархии.

Проф. Ганс Дельбрюк не превратил свой труд в жизнеописание великих полководцев древности. Это, бесспорно, положительная сторона его исследования, особенно в свете методологии немецкой исторической школы, связывающей исторический процесс с непрерывным столкновением личности и общества. Однако, это не означает, что он верно отобразил объективный процесс развития военного искусства, в котором соответствующую роль играет и гениальная личность — полководец. Как видно из вышеизложенного, Дельбрюк чужд пониманию того, что закономерность развития военного искусства есть специфическая форма закономерности общественного развития. Он не связывает развития способа ведения войны и боя греческих и римских армий с развитием рабовладельческого общества Греции и Рима. Подчеркнем снова здесь, что даже такой переворот в военном деле, как образование наемных армий в Греции, — переворот, обусловленный экономическим и социальным развитием греческого рабовладельческого общества, — не вызвал, по его мнению, никаких изменений в военном деле. Он не понял, что этим была призвана к жизни новая стратегия и тактика, высший пункт развития которых представляет военное искусство Александра Македонского.

Он обошел социальные перевороты Солона в Афинах и Сервия Туллия в Риме, — перевороты, означавшие ликвидацию родового строя и образование классового рабовладельческого общественного порядка, — перевороты, обусловившие возникновение рабовладельческих армий и их способа ведения войны.

Все это показывает глубокое отличие историографии Дельбрюка от марксистской историографии. Гениальная личность остается для него демиургом военного искусства, и эта мысль целиком проведена в рассматриваемом нами томе его большого труда. Впоследствии он яснее ее сформулировал, в противовес материалистическому пониманию истории. Военное искусство французской революционной армии и армии Наполеона нельзя рассматривать как «естественный продукт» новых отношений. «Лишь творческий гений великой личности вылепил фактически новое явление из данного ему материала. Именно на этих моментах истории с особенной ясностью убеждаешься в том, что мировая история отнюдь не представляет естественно-исторический процесс, как то думают материалисты» [1].

Все новое и величественное в истории военного искусства Греции и Рима связано с великими полководцами. Мильтиад, Перикл, Эпаминонд, Александр, Ганнибал, Сципион, Марий — представляют собою новые явления и вносят оригинальные идеи и способы управления войском. Маститый историк впадает в лирический транс, когда очерчивает крупнейших полководцев Греции и Рима, ибо ему казалось, что здесь заложены корни столь близкого его сердцу монархического начала. «На заре мировой военной истории фигура полководца Мильтиада представляется поистине величественной. Совершенная, редчайшая форма ведения боя, какая только создана военным искусством вплоть до наших дней,— оборонительно-наступательная тактика,— встает здесь перед нами в четких линиях классического произведения искусства при первом же крупном военном событии, с которым нам пришлось столкнуться. Какая нужна была проницательность при выборе поля сражения, какая выдержка при ожидании неприятельской атаки, какая власть над массами, над самонадеянной демократической милицией» [2] и т. д.

С именем Мильтиада, однако, не связано ничего нового в военном искусстве. Фалангообразный боевой порядок оформился до него. Что касается «редчайшей» формы боя—«оборонительно-наступательной» тактики, то, как мы уже говорили выше, она является величественной только в фантазии проф. Дельбрюка: было обычаем ждать противника на месте и бросаться на него с ближайшей дистанции (60—100 шагов). При этом в действительности греки первыми начали продвижение вперед, так что на самом деле произошло встречное столкновение. Но главное не в том, кто из выстроившихся двинулся первым вперед, главное — в решении принять бой. И если искать заслугу Мильтиада, то она заключается прежде всего в решении (и убеждении большинства стратегов в необходимости) дать бой персам, а затем — в смелом проведении этого решения.

[1] Г. Дельбрюк, т. IV, стр. 418—419.
[2] См. стр. 85.

Дальше. За сто лет не произошло ничего нового в тактике, пока не появился фиванец Эпаминонд, который выдумал и применил косой боевой порядок. В стратегии до Эпаминонда появился Перикл. Он — творец стратегии измора. Так говорит Дельбрюк.

Такова же картина и в римской военной истории. В Пунических войнах римляне терпели поражения из-за неразумной системы командования: постоянно сменяющиеся два консула. И вот «Рим выдвинул на этот раз человека, который понял знамение времени и, как 2 000 лет спустя Гнейзенау Наполеону, сумел противопоставить гениальному противнику (Ганнибалу.—К. Б.) свое собственное искусство» [1]. Это был Сципион — гениальный полководец, по праву стоящий в одном ряду с Ганнибалом и Наполеоном. Он «дал римскому войску новые формы тактики» [2].

Марий создал когортальную тактику.

«В Цезаре сосредоточиваются наивысшие достижения античной стратегии» [3].

Здесь Дельбрюк вынужден признать, что в лице Цезаря, величайшего мастера военного искусства древности, мы имели лишь усовершенствование — доведение до классических пределов — способа ведения войны и боя, изобретенного уже до него. Он не совершил переворота в военном искусстве, ибо получил готовые средства и идеи. «Цезарь все это получает уже готовым, как средства, так и идеи, но он приводит их в действие в самом богатом разнообразии, в самом большом масштабе и в самой совершенной форме» [4].

Но это не нарушает общего тона картины.

В характеристике полководцев и государственных мужей древности Дельбрюк совершенно недвусмысленно выразил свои политические взгляды. Он возвеличивает представителей аграрной аристократии и монархизма, подавая в то же время читателю представителей масс и демократии в мало привлекательных красках. Великолепное доказательство этого представляет его характеристика Клеона и Мария. Особой любовью пользуются Александр и Цезарь, объединяющие в одном лице монарха и полководца. Он без зазрения совести приписывает монархизму чудодейственную силу в области военного искусства.

Марксистская историография никогда не отрицала роли личности в общественно-историческом процессе, а, следовательно, и роли гениальных полководцев в истории военного искусства. Никто не оценивает лучше, чем мы, учение Ленина—Сталина, их великую роль в революции, в гражданской войне, в организации руководства победой над внутренней и международной контрреволюцией. Однако, марксистская историография ставит гениальную личность на соответствующее

[1] См. стр. 304.
[2] См. стр. 317.
[3] См. стр. 438.
[4] См. стр. 439.

место. Она снимает гениального полководца с пьедестала демиурга искусства и устанавливает его настоящую роль в развитии способа ведения войны. Полководец сам является продуктом определенной общественной эпохи. Он сам — социально определенный человек. Между Мильтиадом, Периклом, Александром, Ганнибалом и Цезарем есть разница, поскольку разнились из-за развития рабовладельческого способа производства общественные условия и в частности — военные условия, в которых они жили и воевали. Тем большая разница между Ганнибалом, Фридрихом II и Наполеоном. Энгельс великолепно показал, что роль полководца не в выдумывании из своей головы нового военного искусства, а в лучшем, более быстром и более глубоком осознании и приведении в систему порожденного социально-экономическим развитием нового способа ведения войны. «Не «свободное творчество ума» гениальных полководцев совершало перевороты в этой (военной.—К. Б.) области... влияние гениальных полководцев в лучшем случае ограничивалось лишь приспособлением способа войны к новому оружию и новым бойцам» [1].

Оценивая роль Наполеона, Энгельс указывает, что новые стратегия и тактика зародились до него; новая по своей социальной природе революционная армия, имея новое оружие, начала и драться по-новому. И до Наполеона уже практиковали стрельбу в рассыпных строях и атаку массовыми колоннами. Об этом писал Жомини. Но все это оставалось в зачаточном состоянии, пока Наполеон во время шестинедельного пьемонтского похода в 1797 г. уничтожением превосходных сил неприятеля по частям не показал людям, к чему они приходят, сами того не сознавая [2].

Особенно важна роль полководца и вообще командных кадров в конкретных операциях и сражениях. В трудах великого основоположника пролетарской военной науки это прекрасно показано. Разбирая кампании и отдельные сражения, он указывает, что многие из них проиграны по вине командующих. Он издевается над бездарными генералами русской армии 1853—1856 гг., австрийской—1859 г., а также армии Наполеона III, которые добирались до крупных военных постов путем пресмыкательства, а во время войны состязались между собой в «благоглупостях».

Так марксистская историография, отвергая право «разума» гениальных полководцев творить новое военное искусство, одновременно указывает, в чем заключается их действительно творческая роль в его развитии. Ни одна гениальная личность не сможет совершить переворот в способе ведения войны, если не произойдет переворота в общественном развитии. «Величайшей важности открытия Наполеона в на-

[1] Энгельс, Анти-Дюринг.
[2] Энгельс, «Предпосылки войны Священного союза» и пр., Статьи и письма, стр. 20.

уке военного дела,—говорит Энгельс,—не могут быть заменены путем чуда». Новая военная наука должна быть в такой же степени необходимым продуктом новых общественных отношений, как рожденная революцией и Наполеоном явилась результатом созданных революцией новых условий... «Предпосылкой наполеоновского ведения войны были выросшие производительные силы. Предпосылкой каждого нового усовершенствования в ведении войны должны быть также новые производительные силы» [1].

Итак, первый том «Истории военного искусства в рамках политической истории» проф. Ганса Дельбрюка представляет, как мы уже отмечали, крупнейшее произведение буржуазной военной мысли последнего времени. Именно поэтому и необходимо ознакомление с ним наших военно-теоретических работников и начальствующего состава. Но при этом мы не упускаем из вида, что в свете марксистской критики труд Дельбрюка имеет лишь относительную научную ценность. Правдивое иногда толкование отдельных исторических фактов еще не означает, что Дельбрюк объективно, вопреки своему мировоззрению, дает верное, подлинно научное исследование истории военного искусства в древнем мире.

К. Бочаров.

[1] Энгельс, «Предпосылки Священного союза» и пр., Статьи и письма, стр. 29.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ

Со времени появления 2-го издания этого тома в 1908 году получили разрешение две крупные проблемы древней военной истории — сражения при Саламине и при Тапсе, — которые и вошли в новое издание в новом освещении. Сражения при Платее и при Иссе остались, в основных чертах, в прежнем изложении, но подверглись переработке в отдельных деталях на основании новейших топографических исследований. Старый спорный вопрос о том, произошло ли сражение под Каннами на правом или левом берегу р. Ауфида, решен окончательно, но зато достоверность источников по вопросу о Второй пунической войне была сильно поколеблена новой, очень солидно обоснованной гипотезой. Вот отдельные пункты, в которых, не говоря о многочисленных исправлениях, новое издание отличается от предыдущего.

Одновременно я, наконец, довел до конца IV том и, таким образом, закончил весь свой труд.

Ганс Дельбрюк

21 июля 1920 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ ПЕРВЫХ ДВУХ ТОМОВ

Вот уже несколько лет, как первые два тома «Истории военного искусства» распроданы, но я, занятый работой над III томом, не находил до сих пор времени заняться подготовкой их к переизданию. За это время появилось немало прекрасных новых монографий; пришлось проверить их и включить в старый текст, а также внести те или другие исправления и совершенно переработать важный отдел — древнейшую римскую военную организацию. Но эти исправления потребовали в сущности наименьшей работы и не могли бы настолько задержать выход нового издания; больше всего труда и времени потребовало при переиздании нечто другое. В рецензии на I том автор «Тактических и стратегических принципов современности» ген.-от-инф. Ф. Шлихтинг выразил надежду, что рассматриваемый труд «положит конец военному диллетантству, которое до сих пор царило в историографии». В этих словах очень точно выражено то, к чему я сам стремился в своей работе и чего я надеялся добиться. Но эта надежда не только не оправдалась, но даже случилось как раз обратное. Вряд ли когда-либо в прошлом в области истории военного дела и военного искусства появилось в свет, в результате лишенной методичности диллетантской учености, столько искажений и вводящих в заблуждение сведений, как именно за последнее десятилетие. И в этом повинны не только историки и археологи, но и военные, которые слишком поспешно и слишком самоуверенно считают, что могут подвергать критическому анализу военную обстановку минувших эпох, основываясь на представлениях, полученных ими на практике, зачастую только на службе в мирное время. Таким образом, сложились и появились в свет не только неправильные толкования источников, относительно которых можно держаться и всегда будут держаться разных мнений, но даже фактически и физически невозможные построения, которые зачастую затемняют совершенно ясные исторические процессы; большая часть моей работы над подготовкой первых двух томов к переизданию и состояла в том, чтобы на основании источников и по существу разоблачить и опровергнуть эти невозможные построения. Как будет видно из

дальнейшего, это отнюдь не легкая и не простая работа, так как при нашем большом удалении от исторических событий даже полной бессмыслице легко можно придать известный налет правдоподобности; нужны длинные подробные рассуждения, чтобы разрушить эти обманчивые картины и, — ввиду невозможности прибегнуть к эксперименту, — объяснить словами, что́ физически возможно и что́ невозможно. Иногда такая дискуссия приносит пользу, внося в вопрос большую ясность, и чувствуешь себя вознагражденным за свой труд. Но в большинстве случаев не удается получить эту награду, а испытываешь только досаду на бесполезную трату времени и сил, которые можно было бы употребить на лучшее.

Насколько охотнее я приступил бы к работе над IV томом!

Несмотря на то, что I том встретил в свое время со стороны научной критики в общем благожелательное отношение, все же зачастую высказывались опасения, не злоупотребил ли я правом критики по существу (Sachkritick) и не допустил ли я ничем не оправдываемых отклонений от традиционного толкования источников. Новая проработка материала нигде не показала мне обоснованности этого опасения. Напротив, я беру на себя смелость утверждать, что все изменения по существу я внес, придя к убеждению, что в 1-м издании я еще недостаточно далеко отошел от традиционных воззрений. Ведь фактически было так, что не персы, а греки обладали численным превосходством, что Александр двинулся завоевывать персидское царство не с маленьким отрядом, а с армией, вдвое большей, чем когда-то имел Ксеркс, что в Риме вербовка никогда не производилась на основании принадлежности к тому или иному имущественному классу, что армии варваров, угрожавшие цивилизованному миру, всегда были очень небольшими, что римляне одерживали свои победы над галлами и германцами главным образом благодаря своему численному превосходству, что рыцарские приемы ведения войны существовали еще до возникновения феодализма, а вовсе не вытекали из него.

Вера в противоположную традицию по всем этим вопросам почти так же прочна, как и стара, и, чтобы преодолеть ее и заменить более правильным пониманием, нужны не только обоснования, но и время. Наилучшей поддержкой в этой борьбе будет продолжение настоящего труда.

Я вполне понимаю осторожность и сомнения историка древнего мира, который прочтет только один I том; историка права, который будет сравнивать со своими традиционными воззрениями только изложение возникновения феодализма; историка крестовых походов, который вычитает только то, каким ничтожным было число рыцарей и как мало оригинального, будто бы, дала эта великая военная эпоха. Но я твердо уверен в том, что сомнения рассеются и забудутся, если историк Древних веков ознакомится со II и III томами настоящего

труда; если историк права уяснит себе противоречие между одиночным воином и тактическим соединением, прочтя весь труд; если историк крестовых походов наглядно представит себе различие между рыцарством и кавалерией и противоположность понятий рыцарства и тактики, сравнив этот период с предыдущим и последующим.

Как у меня этот труд возник из рассмотрения развития военного искусства в целом, так и полную научную пользу сможет извлечь из него лишь тот, кто использует его не только с точки зрения историка Древних, Средних или Новых веков, а примет его в целом, как вклад в исследование всемирной истории.

Ганс Дельбрюк.

Берлин—Груневальд, 12 июля 1908 г.

„Я же утверждаю, что не следует ни пренебрегать показаниями этого историка, ни считать его непогрешимым; наоборот, читатели должны выводить свои суждения из самых фактов".

(Полибий, III, 9)

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Непрестанная специализация в области исторической науки происходит по двум направлениям — по периодам и по явлениям. Одни обрабатывают по всем направлениям какой-нибудь один определенный период, другие стараются проследить через различные, а если возможно, то через все периоды какое-нибудь одно частное явление. Мы имеем специальные истории искусств и литературы, истории религий, историю конституций и права, экономической жизни, финансов, а также отдельных институтов, как, например, брака. Все эти частные истории сливаются во всемирной истории и взаимно оплодотворяются. Ни без одной из них нельзя обойтись, чтобы от этого не пострадало понимание всего целого. Поэтому всеобщая история нуждается и в истории военного искусства. При том большом месте, какое занимают во всеобщей истории войны, создающие и разрушающие государства, нельзя обойти требования — не просто передавать предания об этих войнах, а критически подходить к ним и давать технически правильное описание их. В силу закона о разделении труда наилучшим средством для этого является работа над специальной историей войны.

Однако, трудность всякой такой специальной истории заключается для историка в приобретении достаточных технических знаний. Если можно еще поверить, что историк литературы способен совершенно погрузиться в процесс поэтического творчества, то гораздо труднее требовать, чтобы историк искусства овладел техникой живописи и архитектуры, историк-экономист — техникой сельского хозяйства, ремесл и торговли. Ведь от них нельзя требовать, чтобы они сами писали мадонн, строили соборы, шли за плугом или основывали колонии; но даже не требуя от них всего этого, практик, понимающий в этих делах, а тем более занимающийся ими, всегда будет иметь некоторое преимущество перед историком и смотреть на него с некоторым недоверием. Ахиллес обязан Гомеру своей славой, но разве при чтении того или иного стиха он не мог бы воскликнуть: «Видно, что ты поэт и что ты сам не метал копья во главе мирмидонов!»

Ученому, который пишет историю стратегии и тактики, приходится еще труднее. Он еще может считать себя счастливым, если ему когда-нибудь удалось, будучи в самых младших чинах, узнать, что такое настоящая война. Но все высшие знания он должен приобретать чисто теоретически и не позволять себе в этой области поэтических вольностей. Условием успеха является техническая точность. Как художник или военный, который хочет писать историю своей специальности, должен систематически изучить источники, так и ученый, который собирается описывать войны, а тем более писать историю военного искусства, должен до тех пор изучать реальную обстановку и технические возможности того времени, пока он полностью не овладеет ими.

В этом требовании нет принципиально ничего нового, а потому следует сразу же отвергнуть предположение, будто в труде, подобном предлагаемому, применим какой-либо иной метод, чем при любом историческом исследовании. Правда, говорят о критике по существу, противополагая ее филологической критике, но это — не две противоположности, а просто два различных средства той же самой единой научной критики. Никакой филолог, даже сознающий свое мастерство в деле строго филологического толкования, не будет из-за этого принципиально отвергать критики своего предмета по существу; ни один специалист, хотя и умеющий с точностью эксперимента показывать фактическую связь между событиями, не станет из-за этого отрицать, что основой всякого исторического знания является основанное на источниках предание. Разница лишь в том, что по характеру своей научной работы и по своей личной склонности один видит свою силу в первом методе, другой — во втором. Один подвергается опасности принять на веру ложное предание, так как он не в состоянии постичь его фактическую невозможность; другой рискует перенести на прошлое явления из современной практики, недостаточно учитывая различие обстановки. Поэтому, чтобы вести исследование до самых основ, филологическая критика и критика по существу должны на каждом шагу и при рассмотрении каждого факта итти рука об руку, непрерывно обогащая и контролируя друг друга. Не может быть истинной критики по существу без точной филологической основы, доставляемой источниками, как не может быть и истинной филологической критики без критики по существу. Только таким путем можно добиться полной строгости метода, сущность которого заключается в исключении возможности всякого произвола как в случае признания, так и в случае непризнания данных, почерпнутых из преданий. Эта мысль прекрасно выражена еще Полибием в словах, выбранных нами в качестве эпиграфа.

Если предлагаемый труд является шагом вперед в области познания прошлого, потребность в котором так глубоко заложена в человеческом уме, то это об'ясняется не применением какого-нибудь нового

метода, а только практическим и систематическим применением давно известных и признанных теорией принципов. Поэтому я прошу разрешения сказать несколько слов о том, что относится к сущности этого труда, а именно—о причинах, заставивших меня признать, что мы имеем еще не разрешенную наукой задачу, и о том сочетании благоприятных обстоятельств, которое облегчило мне изучение именно военного дела.

Вскоре после окончания университета я, не помню по каким побуждениям, занялся некоторыми вопросами истории военного искусства. Весной 1874 г. мне пришлось проходить учебный сбор в Виттенберге; в полковой библиотеке я достал «Историю пехоты» Рюстова и с тех пор уже не переставал заниматься этим вопросом.

В 1877 г. по поручению графини Гедвиги Брюль мне предложили закончить биографию деда графини — Гнейзенау, оставленную в недописанном виде покойным Георгом Генрихом Перц. Когда я погрузился в историю освободительных войн, я почувствовал острую потребность составить себе действительно правильное представление о событиях, и моя научная работа в этом направлении приобрела тем более широкий размах, что в то время приходилось исторически оценивать достоинства двух противоположных стратегических концепций — одной, представленной эрцгерцогом Карлом, Шварценбергом и Веллингтоном, и другой, представленной Наполеоном и Гнейзенау.

Гете говорил однажды об импульсе, который можно получить от одного умного слова; другой раз он сказал, что учиться лучше всего не по книгам, а благодаря живому обмену мыслей, благодаря сношениям с умными людьми. В то время я на себе испытал справедливость этих слов.

В те годы я был воспитателем младшего сына императора Вильгельма, принца Вольдемара, скончавшегося в 1879 г. На этом посту я не только имел случай из рассказов тогдашнего кронпринца и фельдмаршала графа Блюменталя составить себе до известной степени непосредственное представление о том, как психологически возникают решения командующего армией, но также мог во всякое время облегчать и пополнять вопросами мою научную работу, начатую с изучения Клаузевица, сочинения которого подарил мне кронпринц. Я до сих пор помню случаи, когда я, так сказать, застревал на каком-нибудь вопросе, а живое об'яснение или меткое слово позволяли мне уразуметь его; я и теперь, спустя почти 25 лет, не могу не вспомнить с благодарностью о тех лицах, которые не оставляли меня своими советами. Назову в числе их ген. ф.-Готберга, умершего в должности командира 1-го корпуса, ген ф.-Винтерфельда, командовавшего гвардейским корпусом, ген. ф.-Мишке, полковника ф.-Дрески, бывшего командира полка императора Александра, ныне покойного ген. ф.-Унру, а прежде всего бывшего в то время подполковником военного воспи-

тателя принца Фридриха-Леопольда-ф.-Гейслера, умершего в чине генерал-лейтенанта. Фон-Гейслер был по природе педагогом, — и в то время, как наши молодые питомцы играли под нашим наблюдением на спортивной площадке нового дворца или на горе Бетхер близ Глейнике, он с удовольствием отвечал на мои пытливые вопросы целыми лекциями по военному делу, которые, отличаясь удивительной ясностью, принесли мне огромную пользу. Мне хотелось бы упомянуть по этому же поводу еще о двух высокопоставленных военных — ген. ф.-Франзецком, который в 1870 г. командовал 2-м корпусом, затем 11-м, а под конец был берлинским военным губернатором, и о тогдашнем майоре генерального штаба Бойе, умершем военным губернатором Торна. Первый, будучи молодым офицером генерального штаба, начал однажды писать биографию Гнейзенау; это и было причиной нашего знакомства; я часто бывал у него и беседовал с ним на эту тему; по истории кампании 1814 г. он предоставил в мое распоряжение свои записки, которые он составил на основании документов для лекции в Военной академии, и мы обсуждали с ним некоторые вопросы, связанные с этой кампанией.

Когда я, закончив биографию Гнейзенау, в январе 1881 г. был приглашен в Берлинский университет, моя первая лекция была посвящена войне 1866 г. Затем (летом 1881 г.) я читал «Историю военной организации и военного искусства времен возникновения феодализма». Вводить в цикл моих лекций Древние века я еще не решался, так как недостаточно проработал эту эпоху по источникам; хотя я уже тогда чувствовал, что господствующее представление о римской тактике (ромбовидное построение — Quincux-Stellung) не может быть правильным; однако, еще не мог предложить вместо него что-нибудь другое. Только спустя два года, летом 1883 г., я решился об'явить цикл лекций «Общая история военной организации и военного искусства от Персидских войн до нашего времени». Этот цикл я прочел несколько раз. Кроме того, я читал лекции «О войне 1870 года», Избранные главы из стратегии и тактики для историков», «Главные сражения Фридриха и Наполеона» и, наконец (зимой 1897/98 г.), «О связи между экономическим процветанием народов и их военной организацией и военными подвигами». Я напечатал историческое исследование по Персидским войнам, стратегии Перикла, о Фукидиде и Клеоне, о римской манипулярной тактике, о древнегерманском государстве и округе (Gau), о первом крестовом походе, о сражениях швейцарцев и бургундцев, об основах стратегии Фридриха и Наполеона; по моему совету ряд молодых ученых написал работы по самым различным периодам военной истории от Ганнибала до Наполеона.

Из этих лекций и специальных работ и создался труд, I том которого я ныне выпускаю, обращаясь к читателям с настоятельной просьбой помнить во время чтения, что это только первый том и что лично

для автора отправная точка находится не в этой эпохе, а в новейшей эпохе всемирной истории.

Необходимой предпосылкой возможности моей работы была тщательная проработка и классификация доставляемого источниками материала с точки зрения филологической, антикварной и государственно-правовой, насколько это допускает современное состояние науки. Я здесь должен был бы назвать бесчисленных своих предшественников, если бы хотел перечислить всех, которые имеют право на мою благодарность в связи с выходом в свет моего труда, а что первым среди них стоит Моммсен — это настолько само собой разумеется, что мое уважение к нему скорее запрещает мне, чем заставляет меня упоминать о нем особо. Поэтому я ограничусь общим указанием на эту связь. Я хотел бы особо упомянуть только об одной книге, которая представляет так сказать умственную параллель к моему труду. Это — «Население греко-римского мира» Юлиуса Белоха (1886 г.), который так же, как я военное искусство, изучает на всем протяжении Древних веков статистику населения на основе не только филологического метода, но прежде всего—метода критики по существу, испытанного и заостренного в новейшее время. Чем больше я работал над этой книгой, тем больше я научился ценить ее. Если читатель найдет, что я сам стараюсь обосновать не только отдельные поправки к выводам Белоха, но и некоторые довольно значительные расхождения с ними, то я хочу здесь же отметить, что сам Белох считал такие расхождения и поправки вполне возможными. Но критическое расхождение по частному вопросу означает здесь для всего труда в основных его положениях согласие и подтверждение.

Без предварительной работы Белоха многие разделы предлагаемого труда вряд ли могли бы быть написаны, так как вопрос о численности войск будет играть у меня такую роль, что можно было бы подумать, будто во всех моих исследованиях я исходил именно из нее. Но это совсем не так: наоборот, я могу сказать, что при исследовании каждого частного вопроса я, к своему удивлению, всегда приходил к вопросу о численности. Вероятно, важнейшим достижением всей книги явится — для следующих томов и для истории вообще — исправление прежнего представления о численном соотношении сил в войне Цезаря с галлами и все, вытекающее из этого; и я должен признаться, что этот вопрос я уяснил себе только при последней проработке. Исторический труд значит здесь так же мало, как логическое развитие идеи, обретенной в счастливый момент интуиции; но он основывается на развивающемся шаг за шагом эмпирическом исследовании; лишь медленно мысли освобождаются от глубоко вкоренившихся традиционных представлений.

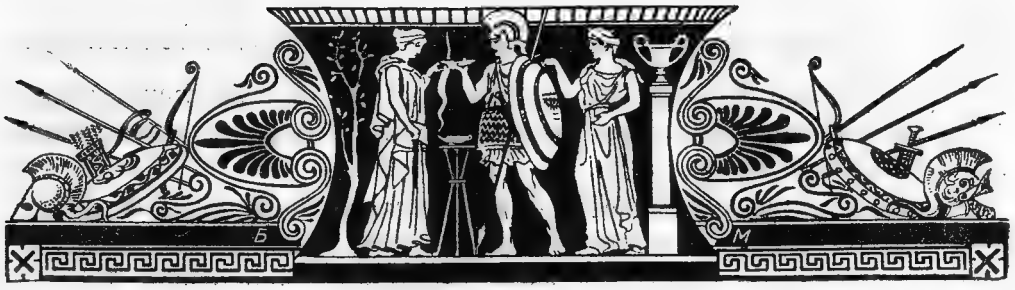
Я полагаю, что цель и пределы моего труда достаточно точно очерчены избранным заглавием. Я не претендую на то, что написал совер-

шенно исчерпывающую «Историю военного искусства»: для этого надо было бы включить в нее древности (Antiquitäten), подробности строевого учения с командами, технику вооружения, выездки лошадей и ухода за ними, фортификацию, осадную войну и, наконец, все морское дело — предметы, о которых я либо не сумел бы сказать ничего нового, либо не имею достаточных познаний. Такая «История военного искусства» еще не написана, как и нет такой, которая могла бы служить практическим руководством. А что военная история представляет ценность и с этой точки зрения, этому приходится верить, так как это часто утверждали великие полководцы; в частности Наполеон всегда требовал, чтобы тот, кто желает стать стратегом, изучал великие дела прошлого, а Клаузевиц считал идеалом — учить войне на одних исторических примерах. Но предлагаемый труд не задается столь высокими целями. Писать историю, которая могла бы дать что-нибудь для практических целей,—дело военных; мне самому такое направление ума не дано. Я только историк и хотел написать труд для любителей истории, пособие для историков в духе Леопольда Ранке.

Ганс Дельбрюк.

4 июня 1900 г.

Античный мир



Исходный момент

ИСТОРИЯ ВОЕННОГО ИСКУССТВА есть одна из нитей в ткани всеобщей истории и начинается вместе с последней. Но изучению она лучше всего поддается не с момента появления из доисторического полумрака первых мало-мальски ясных очертаний; лучше всего начать исследование с момента появления исторических источников, дающих полное и ясное представление о событиях.

Такой момент наступает для нас впервые лишь с эпохой Персидских войн. Зато, начиная с этого момента, мы можем с помощью непрерывного ряда свидетельств проследить эволюцию вплоть до наших дней, причем каждый последующий период способствует освещению всех предыдущих.

Конечно, и для времени до Персидских войн нет недостатка в очень красноречивых источниках. В частности для греков особенно богатый материал дает Гомер, для восточных же народов, равно как и для египтян, мы имеем исторические источники, которые на много веков и даже тысячелетий старше Гомера. Но все же эти свидетельства слишком скудны и не дают нам непосредственно полной и достоверной картины [1].

Только опытный глаз историка, изощренный в исследовании явлений военного дела на основе объективной критики, сумеет по отдельным указаниям воссоздать цельную картину. Но в данном случае полнота опыта дается только самым изучением военной истории, т. е. более поздних ее периодов. Для первых шагов мы должны искать более твердой почвы, какую доставляют нам лишь показания современников. На их основе и с их помощью может выработаться объективный критический подход, необходимый для создания ясных представлений.

---

[1] Это утверждение Дельбрюка нельзя признать правильным. — Ред.

Эти полученные таким путем представления впоследствии, может быть, прольют некоторый свет на предыдущие времена и рассеют окружающий их полумрак.

Традиция Персидских войн в сущности тоже далеко еще не достоверна, переплетается с легендой, записана не подлинным современником, а лишь с изустных рассказов следующего поколения, так что Нибур оставил надежду извлечь из нее указания о подлинном ходе событий, — и если, несмотря на его предостережение, историки снова и снова преподносят нам под видом исторических фактов все подробности геродотова рассказа, то это лишь напрасное самообольщение.

Но как бы скептически ни относиться к красочным рассказам отца историографии, они все же содержат в себе зерно истины, достаточное для задач истории военного искусства. Мы узнаем о тактических методах обоих войск, можем определить местность, где происходило то или иное сражение, и можем уяснить себе стратегическую обстановку. Таким образом, нам даны основные черты военного события, и эти основные черты дают в свою очередь вполне надежный критерий для суждения о легендарных подробностях предания.

Ни об одном из более ранних военных событий мы не имеем столь ясного представления. Поэтому Персидские войны и являются естественной исходной точкой для истории военного искусства.

Основой для научного ознакомления с постановкой военного дела в Греции служит и по сей день «Geschichte des griechischen Kriegswesens von der ältensten Zeit bis auf Pyrrhos". Nach den Quellen bearbeitet von W. Rüstow, ehemaligem preussischen Genieoffizier, und Dr. H. Köchly, ord. Proffessor der griechischen und römischen Literatur und Sprache an der Universität Zürich. Mit 134 in den Text eingedruckten Holzschnitten und 6 lithographierten Tafeln («История военного искусства с древнейших времен до Пирра», обработанная по источникам В. Рюстовым, бывшим прусским офицером инженерных войск, и д-ром Г. Кехли, орд. профессором греческой и римской литератур и языков в Цюрихском университете. Со 134 гравюрами в тексте и 6 литографированными таблицами. Aarau Verlags-Comptoir, 1852 г.). Наряду с этим: «Griechische Kriegsschriftsteller», греческий и немецкий тексты с критическими и пояснительными примечаниями Г. Кехли и В. Рюстова. Лейпциг, 1853—1855 гг.

Более новые труды:

«Heerwesen und Kriegführung der Griechen» («Военное дело и ведение войны греками») д-ра Х. Дройзена (von Dr. H. Droysen), с одной таблицей и семью иллюстрациями в тексте (включено в книгу K. F. Hermann «Die griechischen Antiquitäten»), Фрейбург, 1888—1889 гг. (ср. мой отзыв в «Lit. Centr.-Blatt» 1888 г., № 16).

«Die griechischen Kriegsaltertümer» («Греческие военные древности») д-ра Адольфа Бауэра, профессора древней истории

при Грацком университете (в «Handbuch der klassischen Altertumswissenschaft»), изд. C. H. Beck в Нордлингене (ныне в Мюнхене) 1886 г., 2-е изд. 1892 г. Превосходное произведение, группирующее в ясном обзоре показания исторических источников. Весьма полно и внимательно у Бауэра освещена библиография, на которую здесь раз навсегда делается ссылка.

«Das Kriegswesen der Alten mit besonderer Berücksichtigung der Strategie» («Военное дело древних, особенно с точки зрения стратегии») д-ра философии Гуго Лирс (Hugo Liers), старшего преподавателя гимназии в Вальденбурге. Бреславль, 1895 г. Книга написана интересно и с большой эрудицией. Лирс много и самостоятельно читал древних авторов. Эта книга обратила мое внимание на многие значительные факты. Но в целом книга, к сожалению, неудачна; местами отдельные факты подобраны в стройную систему, но далеко недостаточно проконтролирована их достоверность: недостаточно четко проводится грань между отдельными периодами эволюции.

В «Hist. Zeitschr», Bd. 98 (1907), Бен. Низе (Niese) напечатал статью «Ueber Wehrverfassung, Dienstpflicht und Heerwesen Griechenlands» («О способах обороны, воинской повинности и организации военного дела в Греции»), не содержащую, однако, ничего нового.

Я лично посвятил проблеме Персидских войн монографию: «Die Perserkriege und die Burgunderkriege» («Персидские и Бургундские войны»), два параллельных исследования двух военно-исторических проблем с приложением очерка римской манипулярной тактики. Берлин, изд. Вальтер и Аполант (ныне Вальтер), 1887 г.

Из всех трудов по греческой истории наиболее значительными для нас являются труды Бузольта (Busolt) (2-е изд.), Белоха (Beloch) и Дункера (Dunker); в некоторых моментах еще сохраняет свое значение труд Гроте (Grote).

Руководством для всех томов данного труда вплоть до новейших времен служит гениально составленная, несмотря на некоторое количество ошибок и небрежность изложения, «Geschichte der Infanterie» von W. Rüstow. Zwei Bände, Gotha, 1857 und 58 (und spätere Neudrucke) («История пехоты» В. Рюстова в двух томах, Гота, 1857 и 1858 гг. и позднейшие переиздания), а также особенно ценный для дальнейших томов труд Макса Иенса (Max Jähns) «Geschichte der Kriegswissenschaften vornehmlich in Deutschland», изданный в 1889—1891 гг. Исторической комиссией при Баварской академии наук.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПЕРСИДСКИЕ ВОЙНЫ

Глава I

Численность войск. Предварительные замечания

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЕ исследование — в тех случаях, когда это позволяют источники,— лучше всего начать с подсчета численности войск. Числа играют решающую роль не только для выяснения соотношения сил (хотя и это очень важно, ибо побеждает всегда большая масса, если разница в численности не выравнивается храбростью и лучшим командованием у более слабого численно противника), но и безотносительно, сами по себе. Передвижения, легко совершаемые отрядом в 1 000 чел., являются уже весьма затруднительными для 10 000 чел., чудом искусства для 50 000 и невозможными для 100 000.

По мере увеличения численности войск задача снабжения армии занимает все более видное место в стратегии. Поэтому без определенного представления о величине войска невозможен критический анализ исторического предания или самого события.

Поскольку именно в этой области еще господствуют во многих отношениях ошибочные представления, а дошедшие до нас по преданиям цифры воспроизводятся вне сознания всей важности выводов, которые отсюда могут быть сделаны, нам кажется необходимым, так сказать, заострить критический взгляд, показав здесь же на нескольких примерах, в какой мере могут быть неправильны цифры и как легко они укореняются в исторических преданиях.

В более старых немецких трудах об освободительных войнах,— у Плото, который состоял флигель-адъютантом при Фридрихе Вильгельме III и лично в главной квартире собирал свои сведения, в биографии Радецкого, принадлежащей перу одного австрийского ветерана, а также в ранних изданиях распространенного и почтенного труда Бейцке «Германские освободительные войны»,— число французских

войск к началу осеннего похода 1813 г. определяется в 300 000 или максимально в 353 000 чел. Союзники располагали в то время армией свыше 492 000 чел. и, следовательно, должны были обладать подавляющим численным перевесом. В действительности же армия Наполеона насчитывала 440 000 чел., не считая крепостных гарнизонов на театре войны, т. е. численно почти равнялась армии союзников [1].

Е. М. Арндт определил общее количество потерь во всех наполеоновских войнах, включая 1814 г., в 10 080 000 чел., а более тщательное исследование дает значительно меньше 2 000 000, из коих приблизительно четверть приходится на долю французов [2], точная же статистика, несомненно, привела бы нас к еще более скромным цифрам.

В новейших научных работах по освободительным войнам мы находим, что в сражении при Гагельсберге прусские ополченцы пробили прикладами головы 4 000 французов. В действительности же их было около 30.

В вышедшей в 1897 г. книге полковника австрийского генерального штаба Берндта «Die Zahl im Kriege» силы французов, участвовавших в сражении под Орлеаном (3 и 4 декабря 1870 г.), определяются в 60 700 чел. Другие же исследователи исчисляли их в 174 500 и выше.

В этой же книге приводятся следующие данные о сражении при Асперне: 75 000 австрийцев сражались против 90 000 французов, причем последние потеряли 44 380 чел. В действительности же, в первый день около 105 000 австрийцев сражались против 35 000 французов, а на второй день те же австрийцы (за вычетом потерь) сражались против 70 000 французов, причем последние потеряли, примерно, от 16 000 до 20 000 чел.

Численность армии Карла Смелого при Грансоне определяется швейцарскими современниками в 100 000—120 000 чел., а при Муртене он будто бы выставил в три раза более многочисленные силы. В действительности же у него в первом сражении было около 14 000 человек, а во втором несколькими тысячами больше. Швейцарцы, сражавшиеся будто бы против несоизмеримо более сильной армии, на самом деле имели в обоих боях значительный численный перевес. Уже при Грансоне они убили якобы до 7 000 бургунцев; на самом же деле было убито всего 7 рыцарей и несколько рядовых бойцов [3].

Гусситские войска, которые наводили страх на всю Германию и описываются как несметные полчища, насчитывали около 5 000 чел.

Здесь мы имеем дело не только с обычным пристрастием к гиперболе, отсутствием «чувства числа», хвастовством, страхом, стремлением оправдаться и тому подобными человеческими слабостями, создающими чудовищные преувеличения; необходимо также принять во внимание, как трудно даже для привычного глаза правильно определить численность более крупных масс, хотя бы и собственных, которые вполне свободно можно окидывать взглядом. По отношению же к войскам противника эта задача становится почти неразрешимой. Прекрасную иллюстрацию этому дают недавно опубликованные записки [4] Фридриха Вильгельма III о поражении, понесенном его вой-

---

[1] Beitzke, Geschichte der deutschen Freiheitskriege, Bd. I, Anhang. — Bernhardi, Denkwürdigkeiten aus dem Leben Tolls. Bd. III, Anhang.

[2] Pertz-Delbrück, Leben Gneisenaus, Grosse Ausg. Bd. IV, Exkurs. Kleine Ausg., 2 Aufl., 2. Bd. S. 19.

[3] Delbrück, Perser und Burgunderkriege. S. 157.

[4] P. Bailleu, в журн. «Deutsche Rundschau», декабрьский номер 1899 г.

сками под его личным командованием при Ауэрштедте. Король говорит, что во время боя уже не оставалось места для сомнений в значительном численном перевесе противника: французы, будто бы имея более многочисленную пехоту, могли постоянно сменять сражавшиеся батальоны. Так как силы пруссаков состояли из 50 000 чел., то силы французов должны были оцениваться безусловно в 70 000—80 000 чел., в действительности их было 27 000 [1], и то, что Фридрих Вильгельм фактически только заблуждался, а не хотел оправдать поражение, вытекает из одной приписки, которую король добавил вскоре же после этого и в которой он говорит: «Из французских бюллетеней и из других сведений я убедился, что — к стыду нашему будь сказано — силы неприятеля, действовавшие против нас, не превышали 30 000 чел.».

Следует заметить, что не всегда дело сводится к одним переоценкам и преувеличениям; встречается и обратное, почему я преднамеренно включил выше в свое изложение несколько примеров этого.

* * *

Войско, которое Ксеркс вел в Грецию, исчисляется Геродотом совершенно точно в 4 200 000 чел., включая обозы. Армейский корпус, состоящий из 30 000 чел., растягивается, по германскому уставу походного движения, приблизительно на 3 мили (около 21 км без повозочного парка). Следовательно, походная колонна персов должна была бы быть длиной в 420 миль (около 3 000 км), и когда передние подходили к Фермопилам, последние могли бы как раз только еще выступить из Сузы по ту сторону Тигра. Германский армейский корпус возит с собой артиллерию и повозки с боеприпасами, которые занимают много места; с этой точки зрения античное войско могло поместиться на меньшем пространстве. С другой стороны, совершенно очевидно, что персидское войско обладало лишь очень слабой дисциплиной марша, которая вообще может быть достигнута только при очень дробном расчленении армейского организма, при непрерывном внимании и напряжении. При отсутствии дисциплины марша колонны очень скоро растягиваются вдвое и втрое против установленной для них глубины. Поэтому персидские войска, хотя и не имевшие артиллерии, можно сопоставлять с современными войсками в отношении протяжения походных колонн.

После ухода Ксеркса из Греции с большим войском Мардоний остался якобы с 300 000 чел.; но и это число отнюдь не может претендовать на правдоподобие.

По Геродоту Мардоний, разгромив вторично Афины, прошел из Аттики через Декелею обратно к Танагре и на следующий день отправился дальше. Так не может следовать походным порядком войско в 300 000 чел. Даже если часть персидского войска оставалась в Беотии и если были использованы не только декелейский, но и все другие горные проходы, то и тогда численность войска не могла превышать 75 000 чел. (включая греческих союзников).

Но весь этот метод постепенного уменьшения числовых данных имеет лишь подготовительное значение и сам по себе еще не приводит к цели.

Мы должны уяснить себе и установить как общее правило, что придавать какое бы то ни было значение числам, подобным геродотовым,

[1] v. Lettow, Der Krieg von 1806 u. 1807.

значит обманывать самих себя. Если бы и удалось каким-либо образом извлечь из его цифр какие-либо показательные данные, то мы от этого ничего не выиграли бы. Настоящий, единственно надежный исторический метод заключается не в том, чтобы за неимением достоверных сведений довольствоваться недостоверными и обращаться с ними как с полноценным материалом, а в том, чтобы резко и определенно отличать, где можно доверять преданию, а где нет. Может быть мы где-нибудь найдем точку опоры для выяснения хотя бы приблизительной численности персидских войск; но прежде всего необходимо твердо установить недостоверность цифровых данных, полученных нами от греков: они ни в какой мере не заслуживают большего доверия, чем показания швейцарцев о войсках Карла Смелого, и не дают нам даже возможности определить, был ли численный перевес на стороне греков или персов.

Что касается греческого войска, то здесь мы стоим на более твердой почве. В описании сражения при Платее Геродот дает точно разработанный список по контингентам: 8 000 афинян, 5 000 спартиатов, 5 000 периойков и т. д.—всего 38 700 гоплитов. Грекам, несомненно, была известна численность их войск; поэтому указанным цифрам, казалось бы, можно доверять, и действительно большинство исследователей попросту принимало их на веру. Однако, это—крупный методологический промах. У нас нет никакой гарантии, что кто-либо из лиц, доставлявших сведения Геродоту, не составлял списков по совершенно произвольным данным. Во всяком случае в одном пункте отношение автора к числовым данным выявляется в весьма неблагоприятном свете. Каждого греческого гоплита обычно сопровождал слуга; поэтому для подсчета полной численности войск Геродот удваивает первоначальное число. Но каждый спартиат, как говорит он, имел при себе 7 илотов; следовательно, надо прибавить еще 35 000 чел. 35 000 небойцов на 5 000 бойцов—это, конечно, нелепость, если принять во внимание снабжение войск и маневрирование. Повидимому, эта нелепость возникла благодаря представлению греков о спартиате как о знатном человеке, отправлявшемся в поход с большим количеством слуг: 7 слуг казалось вполне подходящим числом, — и вот предполагаемое число спартиатов было безоговорочно помножено на семь. Подобное же явление наблюдается и у современных историков. В «Истории Прусского государства» Филиппсона (т. 2, стр. 176) мы читаем, что прусское войско при Фридрихе Великом (1776 г.) шло в поход в сопровождении 32 705 — точно сосчитано! — прачек. Автор указывает даже свой источник — «Достоверные данные из истории правления короля Фридриха II Прусского» Бюшинга, — источник, содержащий большей частью вполне достоверный материал. Ввиду того, что армию Фридриха действительно сопровождало известное число маркитанток и солдатских жен, 32 705 прачек на двухсоттысячное войско является, конечно, более правдоподобным числом, чем 35 000 илотов на 5 000 спартиатов, тем более, что современный историк, пользующийся научно разработанными методами, заслуживает большего доверия, чем наивный Геродот. Но в конце концов нам придется отбросить оба показания, как первое, так и второе. Краткое ознакомление с общим характером короля Фридриха и его армии убеждает нас в ложности сообщенного факта: никакие прачки не могли сопровождать армию в походе и, следовательно, Бюшинг стал жертвой недоразумения и пришел к этому числу, считая по одной прачке на каждую

солдатскую палатку; а Филиппсон без всякой критической проверки попросту переписал это любопытное сообщение. Аналогичным же образом, повидимому, появились и у Геродота его 35 000 чел. В общем вычисления Геродота приводят к определению сил греческих войск, примерно, в 110 000 чел. Историки, переписывая эту цифру, не составили себе достаточно ясного представления о всех трудностях снабжения продовольствием 110 000 чел. на одном и том же месте в течение продолжительного времени. Нам придется еще много говорить об этом впоследствии, когда мы будем располагать точными, вполне достоверными числами [1]. Дошедшее до нас по преданию число попросту неправдоподобно. Мы должны решительно признать, что мы не располагаем никакими данными о численности греческого войска при Платее, на которых можно было бы строить какие-либо выводы [2].

Совершенно не заслуживают доверия сообщения позднейших греческих источников, исчисляющих силы афинян при Марафоне в 10 000 чел. Эта цифра уже потому представляется произвольной, что силы союзных платеян, включенные в это число или поставленные рядом с ним, определяются в 1 000 чел. Платея была крохотным местечком и никак не могла поставить десятой или даже девятой части афинских войск. Если историки до сих пор по большей части принимали эту цифру—10 000, то только оттого, что по существу она казалась вполне подходящей, но ее отнюдь нельзя считать достоверно доказанной.

Если мы, несмотря на отсутствие прямых надежных источников, все же хотим составить себе представление о силах греческого войска в Персидских войнах, то должны обратиться прежде всего к изучению самого хода событий; затем мы располагаем выводами из дальнейшей истории Греции и из данных о народонаселении, численность которого в свою очередь зависит до известной степени от величины страны и ее продовольственных возможностей.

В отношении богатейшего государства — Афин — мы располагаем указаниями, что полуостров Аттика в 490 г. насчитывал около 100 000 душ свободных; так как количество рабов тогда еще было незначительно, то численность населения определялась самое большее в 120 000—140 000 чел., т. е. 2 500—3 000 на 1 кв. милю (около 50 на 1 км^2), или почти столько же, как и в наше время.

Какое количество из этих афинян фактически принимало участие в сражениях с персами, мы еще не знаем и должны выждать, не даст ли нам изучение самого хода событий данных для более или менее точного подсчета.

НАСЕЛЕНИЕ АТТИКИ И ДРУГИХ ГРЕЧЕСКИХ СТРАН

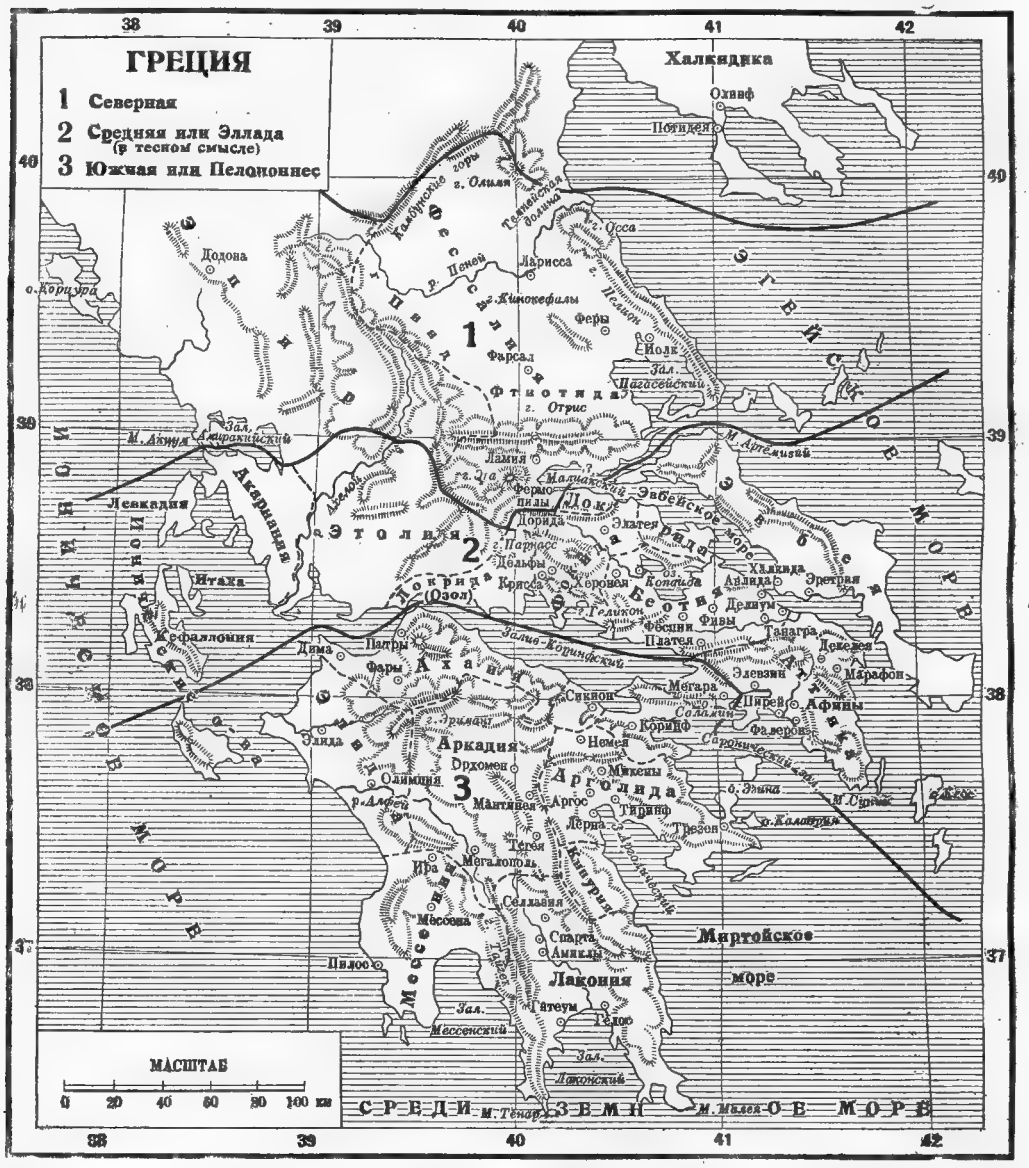
В Греции был целый ряд областей, о которых мы с уверенностью можем сказать, что они не требовали никакого или почти никакого ввоза продовольствия: Беотия, Аркадия, Лакедемон, Мессения.

В нашем распоряжении нет точного критерия для определения производительности сельского хозяйства в этих местностях в эпоху Персидских войн. Но все же

[1] Ср. «Geist und Masse in der Geschichte». «Preuss. Jahrb.», Bd. 147 (1912), S. 193 ff.

[2] R. Adam в своей диссертации «De Herodoti ratione historica quaestiones selectae sive de pugna Salaminia atque Plataeensi» (Исследование отдельных исторических данных, встречающихся у Геродота или о сражениях при Саламине и при Платее, Берлин, 1890 г.) доказывает, что приводимые Геродотом числа войск и кораблей покоятся на расчетной схеме, которая лишает их последних остатков правдоподобия.

мы имеем возможность по аналогии с известными нам условиями установить некоторый максимум продовольственных возможностей для этих областей; установив его, мы сможем далее допустить вывод, что этот максимум был в большей или меньшей степени достигнут. Фивы едва ли были незначительным городком, да и кроме Фив Беотия насчитывала еще целый ряд городов. С другой стороны,



и Лакедемон не мог значительно уступать плотностью населения другим греческим странам; в противном случае он не мог бы так долго занимать столь выдающееся положение.

Исходя из этих основных положений и при помощи дошедших до нас по преданию чисел, Белох в своем труде «Bevölkerung der griechisch-römischen Welt» [1]

[1] В «Wochenschrift für klassische Philologie», Bd. 12, S. 877 (1895 г.) Белох, в связи с одной рецензией, удачно защитил свою точку зрения против некоторых необоснованных нападок.

высчитал, что население Лакедемона и Мессении вместе составляло 230 000 чел. (или 27 чел. на 1 км²), а Пелопоннеса—800 000 или 900 000 душ, т. е. 36—40 чел. на 1 км², так как торговые города Коринф, Сикион, Трезен, Эпидавр были относительно плотнее населены; но и их население не могло быть очень плотным, так как во время Пелопоннесской войны эти города годами оставались почти совершенно отрезанными от подвоза хлеба морским путем. Следовательно, им приходилось кормиться тем скудным количеством хлеба, которое можно было подвозить сушей.

Относительно Беотии вычисления Белоха таковы: в первой половине IV в.— 60 чел. на 1 км², причем третья часть приходится на несвободное население. Такой процент несвободных кажется мне слишком высоким для страны без крупных приморских городов; каким путем Беотия могла приобретать такое огромное количество рабов и чем она их оплачивала?

Несвободное население лишь в очень незначительной мере пополняется путем естественного размножения; чтобы поддерживать его на данном уровне, требуется постоянный подвоз рабов извне. Применительно к V в. также и Белох считает Беотию страной свободного труда, с плотностью населения, примерно, в 40 душ на 1 км². Это находится в правильной пропорции к населению Пелопоннеса: Беотия, правда, была много плодороднее, но зато в пелопоннесских торговых городах — Коринфе, Сикионе и т. д.— было много рабов, что взаимно компенсируется [1].

Белох в своих вычислениях исходил из того, что количество взрослых мужчин составляло около одной трети всего населения. По его мнению, греческое народонаселение уже в V в. более или менее стабилизировалось [2], примерно, как в современной Франции. Я с этим не могу согласиться.

Население Афин, Мегары, Коринфа и многих других городов в V в. сильно росло благодаря иммиграции метойков, а потому, если в Лаконии, Мессении, Аркадии количество жителей не увеличивалось, то это происходило лишь вследствие внутренних переселений. Поэтому я определил бы количество детей бо́льшим числом, чем Белох, и, следовательно, считал бы на взрослых мужчин меньше одной трети всего населения. В Германии в настоящее время (1898 г.) мужчины старше 18 лет составляют 28—29% всего населения. Но разница не настолько значительная, чтобы существенно отразиться на конечных выводах Белоха.

В современной Германии (1898 г.) на 1 км² приходится 97 жителей, но Германия не в состоянии их прокормить и вынуждена путем импорта покрывать недостаток хлеба больше, чем на одну четверть, а всех сельскохозяйственных и лесных продуктов в среднем, примерно, на одну четверть. Следовательно, она при помощи картофеля и пользуясь всеми техническими достижениями современной аграрной культуры может прокормить около 74 чел. на 1 км², или около 4 000 чел. на 1 кв. милю [3].

---

[1] Кромайер в своей статье «Очерки о военных силах и военном устройстве Греции преимущественно в IV в.» (Kromayer, Studien über Wehrkarft und Wehrverfassung der griechischen Staaten vornehmlich in 4 Jahrh., Klio, Bd. III, 1903) приводит значительно более высокие цифры для народонаселения и ополчений, которые, однако, Белох удачно опровергает в своей статье «Греческие ополчения» («Griechische Aufgebote») (там же, тт. V и VI, 1905, 1906 гг.).

[2] В «Истории Греции» (т. I, стр. 320, русск. перевод) Белох отказывается от этого мнения, считая, что еще и в V в. народонаселение сильно росло.

[3] P. Voigt, Deutschland und der Weltmarkt, «Preuss. Jahrbuch», Bd. 91, S. 260).

По новейшему исследованию Макса Дельбрюка: «Немецкое сельское хозяйство на пороге нового века» («Preuss. Jahrb.», Febr.-Heft, 1900 г.) следует принять в расчет значительное потребление мяса у германского населения, требующее больших затрат. При растительном питании страна имела бы возможность прокормить большее количество людей.

Для сравнения я привожу следующие числа жителей на 1 км²: в 1890 г. Пруссия — 86, Мекл.-Штрелиц — 33; в 1888 г. Швейцария — 71, Граубюнден — 13, Швиц — 55, Ури — 16, Валлис (Уэльс) — 19; в 1889 г. Греция — 34, Лакония — 30, Мессения — 55, Эвбея — 24, Аттика и Беотия — 41.

О населении Аттики нельзя судить по условиям почвы, так как еще задолго до Персидских войн Афины ввозили много хлеба из-за моря. Но зато для второй половины столетия мы имеем ряд достоверных дошедших до нас по преданию цифр, позволяющих нам делать ретроспективные выводы также и о численности населения в период Персидских войн. Ввиду того что в данном случае у меня с Белохом весьма существенное разногласие, нам придется более тщательно рассмотреть этот вопрос.

В начале Пелопоннесской войны, в 431 г., Фукидид (II, 13) устами Перикла в одной из его речей говорит, что Афины располагали 13 000 гоплитов и сверх того 16 000 чел. гарнизонных войск из стариков, молодежи и метойков, несших гоплитскую службу; далее, у Афин было 1 200 чел. конницы, 1 600 стрелков из лука и 300 триер [1].

Это показание, как бы точно оно ни звучало, к сожалению, не представляет для нас непосредственной ценности. Молодежь и старики вместе с гоплитами из метойков не могли составить 16 000 чел., если действующая армия насчитывала только 15 000 чел. А афинян призывались на службу в военное время мужчины от 20 до 45 или даже до 50 лет, следовательно, число способных к военной службе мужчин ниже 20 и выше 45 или 50 лет должно было значительно уступать числу военнообязанных. Кроме того, не приводится никаких данных относительно экипажей на 300 триерах. При полном снаряжении этот флот требовал не менее 60 000 чел. Если кроме полевых войск, в Афинах было еще такое множество людей, то почему же армия была количественно так слаба? Состояла ли она только из высших слоев граждан? Где проходили границы для их определения? Почему не призывались низшие слои?

Самыми различными гипотезами пытались пролить свет на эти вопросы. Белох, не находя иного выхода, превратил 16 000 гарнизонных гоплитов в 6 000 и добавил 12 000 граждан в качестве матросов на кораблях — средство отчаянное, но чрезвычайно показательное для состояния наших исторических преданий: единственное место во всей греческой литературе, дающее нам более или менее полные и систематические указания о численности военных ополчений, мы должны таким образом извратить для того, чтобы сделать его понятным. Дело затрудняется еще тем обстоятельством, что уже Эфор толковал это место так, как оно и сейчас толкуется в древних рукописях; Диодор, который только списал у Эфора, определяет численность армии в 12 000, а гарнизонные войска в 17 000 чел. Это подтверждение, являясь в то же время отступлением (12 000 вместо 13 000), лишний раз подчеркивает ненадежность наших источников.

В сравнительно недавнее время (Klio, т. V, 1905, стр. 341) Белох высказал предположение, что число 16 000 не следует заменять числом 6 000, а надо попросту вычеркнуть как произвольное добавление издателя.

При такой ненадежности их содержания, сведения Фукидида мы можем использовать лишь в случае установления каких-либо других данных, которые доставили бы ключ к правильному их толкованию и в то же время явились бы надежным критерием для их проверки.

Действительно, я нахожу у Фукидида сообщение, которое никем — в том числе и Белохом — до сих пор не было использовано и которое, как я полагаю, может оказаться для нас очень ценным.

Фукидид два раза описывает нам чрезвычайный набор у афинян, причем каждый в своем роде является максимальным и характеризуется им как исчерпывавший все возможности города. Осенью первого года войны (431 г.) афиняне вторглись в Мегару с 13 000 гоплитов, в то время как 3 000 стояли под Потидеей. В то же время у них был на море флот в 100 судов (и, вероятно, еще несколько судов

[1] «Тринадцать тысяч гоплитов, не считая гарнизонов сторожевых пунктов, а также 16 000 бойцов, расставленных вдоль стен. Такое количество войск охраняло город вначале во время вторжения неприятеля; оно состояло из военнообязанных самого старшего и самого младшего возрастов, а также из метойков, служивших в гоплитах... Он указал, что имеется 1 200 чел. конницы вместе с конными стрелками, 1 600 стрелков и 300 годных к плаванию триер» (Фукидид, II, 13).

под Потидеей). Сто кораблей требовали экипажа, примерно, в 20 000 чел.; вместе с гоплитами это составляет 36 000 чел. Но так как Фукидид добавляет, что было еще не меньшее количество ψιλοί (невооруженных), то из этого сообщения нельзя сделать вывод относительно общего количества афинян.

Иначе обстоит дело со вторым местом (III, 17), где Фукидид изображает вооружение афинян в связи с лесбосским восстанием 428 г. У них было 70 кораблей на море (40 под Лесбосом, 30 у Пелопоннеса) и 1 000 гоплитов под Митиленой; тогда спартанцы, полагая, что противник уже исчерпал все свои возможности, составили план одновременного нападения на Афины с моря и с суши. В доказательство их ошибки афиняне снарядили еще 100 судов, набрав для этого матросов из двух низших податных сословий.

Это достижение Фукидид сравнивает с набором первого года войны, считая его, пожалуй, даже еще большим, ибо тогда, в 431 г., 100 триер охраняли Аттику и Эвбею, 100 судов блокировали Пелопоннес, а 50 стояли сверх того у Потидеи и в других местах, итого 250 кораблей. 100 судов, охранявших родину, разумеется, не находились беспрерывно на море,—к этому не было никаких оснований; это были просто снаряженные резервные триеры с заранее назначенным и готовым экипажем, которые в любой час могли быть спущены в море. Некоторые из них и выходили время от времени в море для проверки и учебных маневров. Поэтому в известном смысле достижение 428 г., когда 170 судов одновременно фактически находились в действии, превосходит достижения 431 г., когда номинально общее число кораблей равнялось 250, но из них единовременно находились в деле только 150. Согласно речи Перикла афиняне имели 300 триер; отныне мы будем понимать это в том смысле, что к началу войны афиняне могли снабдить экипажем 250 из них, а 50 оставались в резерве. В 428 г., как вполне ясно и определенно сообщает Фукидид, они смогли снарядить 170 триер, причем пришлось привлечь в качестве матросов также и граждан третьего податного сословия, которые обычно несли службу в качестве гоплитов.

Здесь мы имеем предпосылки для подсчета афинских граждан в 428 г. 170 судов требовали 34 000 матросов; сверх того под оружием стояли 1 000 гоплитов и при них столько же слуг. Кроме вышеуказанных 36 000 чел., в Афинах оставался еще гарнизон для защиты города и некоторых фортов, численность которого мы определим в 4 000—6 000 чел.

Следует, однако, принять в расчет, что экипаж наспех набранных судов был, вероятно, неполным; во всяком случае эпибаты помогали грести или же их не было вовсе; следовательно, весь экипаж составлял около 18 000 вместо обычных 20 000 чел. К тому же во флоте, стоявшем под Лесбосом и в боевом флоте было, несомненно, очень значительное количество наемников [1]; наконец, остается невыясненным число рабов среди гребцов. Несмотря на целый ряд недостоверных моментов в этом расчете, он все же дает нам известный минимальный и максимальный предел. Безусловно верно, что во флоте было значительное число наемников и рабов, но верно также и то, что в целом этот набор носил преобладающий характер афинского гражданского ополчения [2].

---

[1] Еще говоря о периоде подготовки к Пелопоннесской войне, Фукидид упоминает и даже решительно подчеркивает, что афиняне вели свои войны отчасти при посредстве наемников (I, 123; I, 143); после же чумы отвлечение переживших эпидемию граждан от мирных занятий становилось для общего хозяйства страны еще чувствительнее, чем раньше; число тех, кого можно было безболезненно мобилизовать, сильно сократилось, а, следовательно, и число наемников должно было сильно возрасти.

[2] Что афинский флот и войско, при известном проценте рабов и наемников, по существу обслуживались самими афинскими гражданами, явствует из всего афинского политического строя. На этом сходятся все древние авторы. В частности старшая Ἀθηναίων πολιτεία, восходящая, по моему убеждению, не к кому иному,

Если комплектование было полным, то всего вооружено было 42 000 чел.; но, по всей вероятности, общая численность составляла 38 000, причем, по крайней мере, 10 000 приходилось на наемников и рабов; но их могло быть и 18 000. Итак общее количество боеспособных афинских граждан и метойков в 427 г., по нашему расчету, могло составить от 20 000 до 32 000 чел.

Более широкого простора сообщение Фукидида нам не дает. По общему характеру афинской политики 20 000 является во всяком случае числом слишком низким; мы безусловно должны принять за минимум, по крайней мере, 24 000. Но, с другой стороны, если бы еще в 428 г. Афины имели свыше 32 000 способных к военной службе граждан и метойков, то было бы непонятным, почему прочие эллины считали силы города почти исчерпанными, когда он выслал против Лесбоса корабли, потребовавшие всего 10 000 чел., половину которых, несомненно, составили наемники; наконец, дополнительное снаряжение 100 судов должно было действительно исчерпать наличный остаток годных к военной службе граждан [1]. Основным числам Фукидида (30+40+100=170 триер и 1 000 гоплитов) можно доверять. Возможность ошибки с его стороны можно считать исключенной, а верность рукописной передачи доказывается сопоставлением с другими числами, относящимися к 431 г.

В 424 г. афиняне провели полный набор (πανδημεί, в сражении при Делии) и выставили 300 всадников, 7 000 гоплитов и «значительно больше 10 000 невооруженных (ψιλοί)». Следовательно, всего было мобилизовано 20 000—25 000 чел. Кроме того, у них было на море 70—80 судов и на них 14 000—16 000 матросов. Итого 35 000—40 000 чел., т. е., примерно, столько же, как и в 428 г.; в чисто военном отношении, однако, это ополчение слабее, поскольку почти половину составляют в нем невооруженные, отправленные с войском не для участия в сражениях, а для быстрейшей постройки укреплений [2].

Следовательно, мы можем считать всесторонне доказанным, что в 428 г. в Афинах было от 24 000 до 32 000 военнообязанных граждан и метойков. Отсюда же можно вывести и число афинских граждан в начале войны. Военные потери афинян были до тех пор еще незначительные, но очень много афинян погибло от

как к самому Фукидиду, дает нам веское свидетельство того, что основой демократии была служба во флоте; если бы кадры матросов заполнялись исключительно или преимущественно наемниками и рабами, то тогда флот, как это имело место в других крупных торговых городах (Карфаген, Венеция, Амстердам), явился бы орудием в руках богатых купцов, имевших возможность оплачивать наемников и покупать рабов. Также и Аристотель в своей «Политии» (V, 3, 5) говорит: «Опять-таки «корабельная чернь», сыгравшая главную роль в Саламинской победе, а благодаря ей в установлении гегемонии Афин на море, способствовала укреплению демократии». Экипаж керкирского флота при Сиботе состоял, главным образом, из рабов (Фукидид, I, ср. ниже, ч. II, гл. 2, примечания).

[1] В подтверждение того, что греческий кантон действительно сплошь да рядом мобилизовал для кратковременной экспедиции всех своих мужчин, способных носить оружие, я сошлюсь на рассказ Фукидида (I, 105), где Миронид с «мальчиками и стариками» двинулся на коринфян, в то время как настоящая боевая армия занята была на другом, более отдаленном театре (V, 56), где аргивяне (в 418 г.) рассчитывали разгромить Эпидавр, пользуясь тем, что мужское население города ушло на войну.

[2] Для похода на Делий было собрано полное ополчение (πανδημεί). Может показаться странным, что афиняне выставили в этом случае только 7 000 гоплитов, тогда как речь Перикла дает нам 13 000 граждан +3 000 метойков, т. е. всего 16 000 чел. Но если отнять отсюда потери от чумы, если учесть, что во флоте служили не только эпибаты, но также и значительное число граждан, состоявших в то же время и в гоплитских списках; наконец, если принять в соображение, что цифра 16 000 дает полное число состоявших на учете,—тогда как в действительности очень многие оказались, конечно, больными, в отъезде или уклонялись под тем или иным предлогом, то оба эти числа прекрасно согласуются между собою.

чумы из рядов войска (ἐκ τῶν τάξεων): 4 400 гоплитов и 300 всадников. Цифра «4 400 гоплитов» не дает нам надежного критерия для вычисления, так как мы не знаем, из какого расчета мы должны исходить: относится ли этот урон только к полевым войскам или также к метойкам и гарнизонным гоплитам. Но 300 всадников, несомненно, следует сопоставить с теми 1 200 всадниками, о которых упоминается в речи Перикла. Возможно, что в низших классах среди городских жителей смертность была выше, но многие из них зато в качестве крестьян-клерухов находились вне города и меньше подвергались, таким образом, опасности заражения чумой. А потому мы и для них определим среднюю смертность в 25%. Таким образом, если в Афинах в 428 г. было еще 24 000—32 000 военнообязанных граждан и метойков, то в 431 г. их было 30 000—40 000. Если прибавить еще 25% на стариков и инвалидов, то в Афинах того времени было всего 37 500—50 000 граждан и метойков, причем число граждан мы определяем в 30 000—40 000, из них 22 500—30 000 годных к военной службе. Возможная ошибка в низшем из этих предельных чисел не имеет значения; если же мы к верхнему из них прибавим 1 000 или 2 000, то лишь для удовлетворения наиболее упорных скептиков и предупреждения каких бы то ни было возражений.

Установленное нами число дает нам возможность толковать вышеприведенное место из речи Перикла (Фукидид, II, 13). Перикл высчитывает: 13 000 гоплитов в полевых войсках, 16 000 гарнизонных гоплитов, 1 200 всадников, 1 600 лучников,— итого 31 800 чел. под оружием. Сюда же включены (II, 31) 3 000 метойков-гоплитов; следовательно, отбросив их, получаем 28 800 граждан.

Это число до сих пор было окутано туманом; не было известно, обнимает ли оно всех военнообязанных афинских граждан, или же сюда надо было прибавить еще и все экипажи кораблей, так как при дословном толковании речь идет здесь как-будто лишь о строевых войсках. Наряду с метойками, наемниками и рабами во флоте служили еще 15 000 — если не 25 000 — афинских граждан.

Следовательно, мы получили бы совершенно иные цифры для военнообязанных афинских граждан, а их силы предстали бы совершенно в ином свете, и критика их походов и всей политики пришла бы к совершенно иным выводам, если бы только мы получили возможность заменить наше предельное число 30 000 числом 50 000 или даже большим. Но сейчас вся путаница отпадает. Цифры 428 г., давшие нам возможность определить максимальную численность всего ополчения в 30 000 с небольшим, позволяют нам с полной уверенностью утверждать, что Перикл, говоря о 28 000 способных носить оружие, не упустил из вида столь значительной статьи, как все феты или же весь экипаж кораблей, т. е. около 20 000 чел.; ясно, что он имел в виду всех граждан.

Это толкование, точно взвешенное, является единственно возможным. Мы вправе ожидать от Фукидида, что он сообщит нам, какими денежными средствами, каким количеством военных кораблей и каким общим числом способных к военной службе граждан располагало афинское государство; эти сведения, с добавлением к ним на последнем месте количества обязанных нести гоплитскую службу метойков, он и сообщает нам в речи Перикла.

Вопрос о том, скольким гражданам — за исключением тех, которые вооружались на собственный счет — предполагалось выдать гоплитские доспехи, является вопросом исключительно денежным, который при рациональном обзоре наличных боевых сил отнюдь не следует смешивать с вопросом о личных силах данного народа. Именно поэтому Перикл, несомненно, исключил из своих расчетов всех наемников-чужеземцев.

В правильном соотношении с этим призывом стоит и осенний призыв 431 г. Выше мы вычислили, что он дал 36 000 бойцов и к тому же еще немалое количество невооруженных. Всего было, таким образом, мобилизовано 45 000 или максимально 50 000 чел. Это было Афинам вполне по силам, так как к 28 000 военно-

обязанных граждан и 3 000 метойков-гоплитов добавлялось еще около 5 000 метойков-негоплитов, а остаток падал на долю наемников и рабов.

Итак, определив общее число афинских граждан, мы теперь имеем под ногами твердую почву, которая, может быть, позволит нам рассеять некоторые неясности в связи с цифрами, приведенными в речи Перикла.

Мы уже убедились в том, что сообщения Фукидида неизбежно содержат в себе ошибку, так как он исчисляет полевую армию в 15 800 чел., гарнизонные войска в 16 000 чел., причем о последних он совершенно определенно говорит, что они состояли из молодежи, стариков и метойков-гоплитов. Такое соотношение невозможно. Но так как мы узнаем дальше, что метойков-гоплитов было 3 000 чел., то на стариков и допризывников, т. е. на мужчин от 50 или 45 до 60 лет и на 18-19-летних молодых людей, приходится 13 000 чел. Но совершенно невозможно, чтобы в 17 возрастных контингентах было такое же количество людей, как и в 25 или даже 30 контингентах, призванных в армию.

Поражает не только это. Эти 16 000 чел., не входивших в действующую армию должны были, по словам Фукидида, в случае неприятельского вторжения защитить длинные стены и все укрепления. Но именно в это время большая часть воинов полевой армии находилась дома (гоплиты полевой армии вообще призывались редко и на короткое время; в длительные же экспедиции они отправлялись лишь в незначительном числе). Мыслимо ли, чтобы именно эта лучшая часть войска при вторжении неприятеля не несла никакой службы? Разве возможно, чтобы стариков от 50 до 60 лет посылали на крепостные стены, в то время как мужчины от 20 до 50 лет сидели дома? Удивительно далее и то, что по словам Фукидида выходит, будто афинские стены защищались лишь одними гоплитами. Для защиты городских стен тяжелые доспехи и щит являются излишними и даже прямо помехой; прикрытие дают зубцы стен; из-за них же лучше всего стрелять в неприятеля из луков и пращей и осыпать его дождем дротиков и камней. Гоплиты должны были стоять в резерве на случай рукопашной схватки с вторгающимся врагом.

Следовательно, тот факт, что в сообщения Фукидида вкралась ошибка, является несомненным. Возможность считать виновником ее не самого Фукидида, а позднейших переписчиков, как мы уже установили, исключена. Эти числа достаточно точно проверены другими числами у Фукидида. Позднейшее предположение Белоха, что ошибку сделал не Фукидид, а издатель его труда, запутавший все данные прибавлением цифры 16 000, нельзя, разумеется, ни доказать, ни опровергнуть. Как общее правило, при явных ошибках в источниках ученые всегда, когда это возможно, предпочитают исправлять текст наиболее безболезненным способом; в этом случае, мне кажется, моя гипотеза об ошибке со стороны самого Фукидида значительно меньше посягает на его авторитет, чем предположение, что издатель, не считаясь с именем автора, мог позволить себе исправлять текст без достаточной осторожности и уважения. Мы сейчас увидим, как в сущности ничтожна приписываемая нами Фукидиду оплошность; и как ни охотно я сам всегда причисляю себя к почитателям Фукидида, я все же не могу утверждать, что возможность подобной ошибки с его стороны совершенно исключена. В доказательство того, что даже самые осторожные, критически настроенные умы иной раз могут совершить именно при определении цифр почти непонятные впоследствии для них самих ошибки, я приведу один очень яркий пример из новейшего времени. Не кто иной как сам Мольтке в своей истории войны 1870 г. определяет численность немцев в сражении при Гравелоте—Сен-Привa тысяч на 50 ниже, чем она была в действительности, забыв весь командный состав, кавалерию и артиллерию, но сосчитав их у неприятеля. Происхождение этой ошибки становится сейчас же понятным, если сравнить соответствующую страницу в отчетах генерального штаба (III, 234), послуживших материалом для его труда, с 63-й страницей его книги. Вопрос идет

в данном случае не о каком-нибудь второстепенном, случайно упомянутом числе,— нет, на этом числе основано построение дальнейших весьма важных выводов. Если такая вещь могла случиться с Мольтке,— правда, в очень преклонном возрасте,— то мы не слишком оскорбим Фукидида, приписав ему, ввиду несообразности его чисел, аналогичную ошибку.

Ошибка заключается в определении гарнизонных войск, как состоящих из «молодежи, стариков и метойков-гоплитов»; нехватает здесь еще одной, по общему смыслу совершенно необходимой категории: военнообязанных граждан, предназначенных для несения негоплитской службы.

Если мы из 16 000 гарнизонного войска отсчитаем 3 000 метойков, то останется 13 000 граждан, т. е. ровно столько, сколько насчитывалось граждан-гоплитов в строю. Это совпадение едва ли можно приписать случайности. Скорее мы должны признать, что для гоплитской службы была вооружена и обучена половина военнообязанных граждан. Оба возраста рекрут (περίπολοι) применялись в качестве гарнизонов фортов, проходя в то же время военное обучение. Поэтому в Афинах было принято поворить — и так мог выразиться и Перикл в своей речи,— что даже, когда армия с 13 000 гоплитов находилась в походе, такое же количество людей оставалось для обороны длинных стен и в фортах; да еще кроме них было 3 000 метойков-гоплитов. Приводя эти цифры, Фукидид назвал только молодежь, стариков и метойков, об остальных же он забыл упомянуть.

Следовательно, современный читатель, для того чтобы правильно понять это место у Фукидида и пополнить его пробел, должен уяснить себе следующее.

13 000 гоплитов в полевых войсках состояли не только из граждан высших классов, приобретавших вооружение на свой счет (это дало бы нам слишком большое число всех афинских граждан), но кроме них также и из фетов, получавших гоплитские доспехи от государства.

16 000 чел. гарнизонных войск — это не те войска, которые фактически занимали городские стены при вторжении неприятеля в страну, а те, которые даже в этом случае стояли наготове для защиты стен, в то время как все строевые гоплиты были бы заняты в другом месте.

В число этих 16 000 чел. входит 3 000 метойков, несших гоплитскую службу, новобранцы, граждане в возрасте от 45 или 50 до 60 лет, полуинвалиды и, наконец, те из фетов, которые несли негоплитскую службу.

Фукидид не присчитал метойков-негоплитов. Этот пробел, чрезвычайно чувствительный для нас, является, как мы убедимся (часть II, гл. 3), вполне естественным для Фукидида.

В подсчитанное нами число (36 000 афинских граждан) включены также и клерухи. Эти колонисты были и оставались афинскими гражданами, но жили большей частью в отдалении, — например, на островах Лемносе, Имбросе, Скиросе,—образуя там собственные общины; и в дальнейшем Фукидид всегда считает их контингенты в походах отдельно от афинян; дальше Фукидид определяет афинские силы при походе 431 г. в 16 000 гоплитов, т. е. называет то же число, что и Перикл. Но следует думать, что жившие в отдалении клерухи не были привлечены к этому походу.

Из этого можно было бы вывести заключение, как это и делает Белох (стр. 82), что они не вошли в счет Перикла. Но против этого есть веские соображения. Мы видели, что Перикл хотел дать общее число всех способных к военной службе афинян. Было бы совершенно непонятно, если бы он при этом пропустил из счета такую значительную статью, как все общины клерухов, силы которых Белох определяет (слишком высоко) в 10 000 граждан, находившихся частью далеко, частью же совсем близко, как, например, на Саламине или в Ореосе на Эвбее. Рассказ Фукидида, относящийся к 428 г., отнюдь не оставляет нам столь широких рамок для оценки афинских боевых сил. Сообщение, что в 431 г. 13 000 гоплитов вторглись в Мега-

ру, в то время как еще 3 000 стояли под Потидеей, разъясняется без труда. Во всяком случае клерухи из более отдаленных общин не были, конечно, привлечены к этому походу, но некоторый контингент их, несомненно, находился во флоте; Фукидид же вообще не приводит ни одного числа, установленного специально для данного случая, а попросту повторяет цифру, названную Периклом в его речи, не рассматривая специально, сколько человек из общего числа могло отсутствовать по тем или иным причинам. По всей вероятности часто нехватало не только клерухов из отдаленных мест, но и значительного числа афинян, отсутствовавших по торговым делам; но Фукидид не вычитает их из общего числа.

В заключение я хотел бы объяснить, в каких пунктах и по каким причинам я изменил сейчас выводы, сделанные мной в моих «Персидских и Бургундских войнах». В том своем труде я пытался разрешить противоречие у Фукидида (II, 13), руководствуясь идеей Дункера, что всех способных к строевой службе фетов зачисляли в гоплиты, а наиболее отдаленных клерухов — в гарнизонные войска. Формально такое решение вопроса лучше всего согласуется с дословным смыслом фукидидовского текста, где строго проводится различие между полевыми войсками и гарнизонными.

Но сейчас для меня ясно, что в определении этих 16 000 слова «гарнизонное войско» нельзя понимать буквально; при таком понимании не остается места для клерухов, так как считать их общины «гарнизонами» совершенно невозможно. Между тем было бы неестественно, чтобы Перикл, на основании лишь одной теоретической возможности превратить всех военноспособных фетов в гоплитов, причислил их к таковым, пропустив при этом клерухов, которые действительно несли гоплитскую службу.

Итак я произвел, так сказать, обмен между фетами и клерухами, благодаря чему общий итог повысился на 2 000 граждан. Это произошло вследствие того, что раньше мне пришлось в целях последовательности выделить из приведенного Фукидидом числа еще некоторое число метойков — гарнизонных гоплитов, считая на эту категорию 1 500 чел. Но теперь это стало ненужным, так как самое это понятие отпало. Число военнообязанных граждан возросло вследствие этого на 1 500, а с надбавкой 25% на долю граждан, к военной службе негодных, общее число граждан увеличилось на 2 000 чел.

В то время как я с 34 000 дошел до 36 000, Белох в своей «Истории Греции», вышедшей в 1893 г. (т. I, 404, прим.) [1], снизил число афинских граждан с 45 000 до 40 000 (30 000 живущих в Аттике, 10 000 клерухов). Следовательно, мы настолько приблизились друг к другу, что разница между нашими числами свелась всего лишь к 4 000 чел.

По моим подсчетам:

1 200	всадников
1 600	стрелков из лука (лучников)
13 000	гоплитов (включая клерухов)
13 000	военнообязанных афинских граждан (включая клерухов), не несших гоплитской службы в строю
7 200	неспособных к военной службе
Итого 36 000	афинских граждан

Сюда следует причислить еще 6 000 — 8 000 метойков.

Из этих вычислений нельзя еще делать выводы относительно общего населения Аттики в 431 г., так как мы не располагаем никакими данными, по которым можно

[1] См. русский перевод Гершензона, 1897 г., т. I, стр. 321. — Прим. пер.

было бы высчитать число рабов. Мы можем лишь сказать, что оно во всяком случае было очень велико.

Для такого почти исключительно земледельческого государства, как Спарта, Белох совершенно правильно предполагает, что население его было более или менее стабильно: прирост населения эмигрировал. Это предположение не годится, однако, для Афин. Если не считать клерухов, то эмиграция была, конечно, очень незначительна; напротив, в период расцвета Афин, в течение V в., число метойков сильно росло, так что еще в 490 г. их численность была значительно ниже, чем в 431 г. Для определения естественного прироста населения мы, к сожалению, не имеем никаких данных. Вопрос идет об отрезке времени в 60 лет, в течение которого при благоприятных условиях народонаселение может удвоиться. Но этого нельзя предполагать относительно Афин, понесших за этот промежуток времени крупные военные потери (например, при походе в Египет). Надо считать, что прирост давали, главным образом, переселявшиеся в Афины метойки и рабы. Но все же и число граждан не оставалось стабильным, так что, если для 431 г. мы имеем 28 000 военнообязанных граждан, то для 490 г. мы должны свести это число, примерно, к 18 000—26 000 чел.; сюда следует, может быть, прибавить еще тысячи 2 метойков.

* * *

Я переношу на эти страницы из 1-го издания II тома (стр. 1 и сл.) мой спор по данному вопросу с Эд. Мейером (Ed. Meyer).

Незадолго до напечатания I тома этого труда вышел II том «Forschungen zur alten Geschichte» Эд. Мейера, но вышел слишком поздно для того, чтобы мне удалось им воспользоваться. По основным вопросам греческой истории V в. наши мнения в общем совпадают; лишь в двух пунктах мы с ним пришли к противоположным выводам.

Первый пункт — подсчет по данным Фукидида (II, 13) народонаселения Аттики к началу Пелопоннесской войны. Здесь Мейер (II, 149e) предлагает такое разрешение вопроса, которое приводит его к числам, вдвое большим, нежели мои. Если вспомнить о значении, придаваемом числам в моем исследовании, о постоянной проверке мною одного числа другим, о выводе одного числа из другого, то можно понять всю значительность этого расхождения. Мне хотелось бы думать, что предложенное мною новое разрешение этого вопроса обладает столь большой убедительностью, что особенно оспаривать попытку Мейера не придется; но когда столь крупный знаток греческих древностей, как Ад. Бауэр, неожиданно признал правильными выводы Мейера («Histor. Zeitschr.», т. 86, стр. 286), то я не могу уклониться от обстоятельной дискуссии. По моему мнению, от этого статистического вопроса зависит оценка Фукидида как историка, а Перикла как государственного деятеля, ибо я не только намекнул, как полагает Бауэр, но ясно, в совершенно определенных выражениях сказал и продолжаю на этом настаивать: «Авторитет величайшего из всех историков будет безнадежно подорван, а один из столпов греческой литературы будет опрокинут, если кому-либо удастся доказать, что в 431 г. в Афинах было 60 000 граждан, ибо, если Фукидид неправильно судил о Перикле и его политике, то мы вообще не должны больше доверять его суждениям». Тот факт, что столь признанный исследователь, как Мейер, вполне согласный со мной по основным вопросам как методологии, так и толкования, все же берется это доказать, показывает всю важность этого пункта и необходимость новой проверки.

Мейер также исходит из того, что приведенные Фукидидом данные — 13 000 гоплитов в действующей армии и 13 000 граждан-гоплитов в гарнизонных войсках, пополняемых из лиц самых старших и самых младших возрастов, — по существу неприемлемы, ибо немногие возрасты граждан, неспособных к полевой, но способ-

ных и гарнизонной службе, не могли количественно равняться 30 возрастным контингентам граждан, неспособных к службе в поле.

В то время как я (отбросив более раннюю гипотезу) предполагаю, что Фукидид упустил из вида ясно упомянуть наряду с самыми старшими и самыми младшими возрастами о непризванных к гоплитской службе фетах, Мейер считает, что значительное количество (5 400) из числа подлежавших полевой службе наименее сильных людей было зачислено в гарнизоны и не упомянуто Фукидидом. Следовательно, Фукидид совершенно упустил из вида дать нам число фетов-гоплитов, и нам приходится пополнить этот пробел, руководствуясь другими данными. Здесь Мейер приходит к числу 20 000, а для метойков — по меньшей мере к 14 000, так что по его расчету Афины располагали 70 000 взрослых свободных мужчин, не считая клерухов, в то время как я пришел к числу 40 000 (из них 36 000 граждан) со включением клерухов, т. е., примерно, к половине высчитанного Мейером числа.

Против мейеровского расчета говорят следующие соображения:

1. Он считает 33 000 зевгитов против 20 000 фетов. Это совершенно невозможное соотношение. Мейер не принял во внимание того, что к фетам — поскольку гоплитская служба требовала личных средств — принадлежали не только низшие слои населения, но неизбежно и очень многие сыновья среднезажиточных людей. Было бы, конечно, невозможно в тех случаях, когда отец, имевший нескольких взрослых сыновей, причислялся к зевгитам, обременять и сыновей гоплитской повинностью; притом в большинстве случаев в каждой семье было только одно гоплитское вооружение. Если бы в Афинах было 33 000 граждан, имевших возможность приобрести доспехи, и к тому же еще 2 500 всадников, то фетов было бы по меньшей мере тысяч 40 или 50.

Неверно также представление Мейера (стр. 158), что фетам их профессия мешала получить «полное военное и гимнастическое обучение гоплита». Это дает совершенно неверное представление о гоплите, который в действительности так же мало нуждался в гимнастическом обучении, как римский легионер. Огромная масса гоплитов, состоявшая из среднезажиточных крестьян и ремесленников, скорее всего не получала никакого гимнастического обучения, а военное их обучение, несомненно, требовало меньше упражнений, чем обучение франита.

2. Фукидид (III, 17) рассказывает нам, что спартанцы считали уже Афины исчерпавшими все силы, когда в 428 г. выслали 1 000 гоплитов и 70 триер, однако, Афины напрягли усилия и спустили в море еще 100 кораблей.

Этот рассказ был бы лишен всякого смысла, если бы вычисление Мейера было верно, ибо в экипажах 70 триер, составлявших около 14 000 чел., было максимально (за вычетом клерухов) 5 000—7 000 афинских граждан, что составит вместе с гоплитами 8 000. Даже если предположить, что чума стоила афинянам 15 000 боеспособных мужчин (Фукидид говорит «4 400 гоплитов, ἐκ τῶν τάξεων и 300 всадников»), то и тогда оставалось бы около 40 000 чел. Как же спартанцы могли думать, что Афины были истощены отправкой на войну 8 000 граждан? И разве при таком количестве граждан снаряжение еще сотни кораблей должно было требовать такого большого напряжения сил: 18 000 чел. было достаточно для обслуживания этих кораблей, причем большая половина из них могла состоять из рабов или чужеземных матросов, находившихся в тот момент в Афинах.

И наоборот, рассказ Фукидида очень хорошо согласуется с предположением, что в Афинах в 431 г. было не свыше 40 000 взрослых граждан и метойков. Тогда можно было бы составить следующий расчет:

а) граждан и метойков в 431 г.	около 44 000
б) потери от чумы	около 12 000
	остаток 32 000

в) неспособных к военной службе и отсутствующих 8 000

остаток 24 000

г) выслано на 70 кораблях 7 000

остаток 17 000

д) меньшая половина экипажей сотни триер 8 000

остаток 9 000

С привлечением наиболее сильных из категории в) этого остатка было достаточно для занятия и защиты городских стен и фортов, хотя следовало бы сделать еще известный вычет на дальних клерухов. Отдельные параграфы этого расчета можно было бы увеличить или уменьшить на 1 000 или 2 000 чел., но мешают находящиеся в рассказе Фукидида два предельных определения: с одной стороны, силы Афин считались исчерпанными отправкой 70 кораблей и 1 000 гоплитов, с другой же стороны, Афинам удалось снарядить еще 100 кораблей и оставить в городе достаточное для его обороны количество людей; эти два определения не должны быть нарушены, а потому вычисление Мейера никак не может быть согласовано с Фукидидом.

Для защиты самого города Афин и длинных стен было довольно нескольких тысяч человек, Мейер же (стр. 154) считает недостаточным для этой цели даже 6 000 чел., ибо стена имела 26 000 м в окружности; следовательно, если бы всегда на постах была занята $^1/_6$, т. е. 1 000 чел., то на каждые 52 м пришлось бы только 2 часовых. Однако, самая предпосылка этого вычисления неверна. Здесь недостаточно проведено различие между наблюдением и обороной. Только многочисленное неприятельское войско могло бы осмелиться напасть на такой город, как Афины, а многочисленное вражеское войско не может приблизиться незамеченным. Следовательно, поскольку не было донесений о приближении неприятельских войск, достаточно было небольшого числа башенных часовых. Если же неприятель действительно надвигался на город, то и тогда не расставлялись по стенам равномерно двойные посты, но опять же организовывалось тщательное наблюдение и присылалось на угрожаемый участок стоявшее наготове войско. Занятие стен равномерно кругом двойными постами, несомненно, никогда не имело места; что же касается условий 428 г., то, конечно, флот в 100 триер уже давно успел бы вернуться в гавань, прежде чем пелопоннесское войско могло бы появиться перед длинными стенами. В городе должен был оставаться небольшой гарнизон только на случай неожиданного нападения какого-либо летучего отряда. В условиях же 431 г., когда афинская армия двигалась на Мегариду, и это являлось излишним, ибо такой своей позицией она прикрывала свой город от всякого нападения с суши. Да и беотийцы, будучи отрезаны, ничего не осмелились бы предпринять против Афин.

3. Мейер признает вместе со мной, что военный план Перикла был верен. Но если бы Афины в то время насчитывали 80 000 свободных мужчин, включая клерухов, то военный план Перикла оказался бы неверным. Ввиду того, что городу его положение во главе морского союза давало большую финансовую мощь и широкое поле для вербовки наемников, в борьбе с Пелопоннесом он мог держаться стратегии сокрушения, а не измора. Для вторжения в Аттику Пелопоннесский союз едва ли мог выставить армию свыше 30 000 чел. Следовательно, афиняне могли бы сразиться с противником в открытом поле, а Истмийский перешеек давал им возможность разделить неприятельские силы и разбить беотийцев и пелопоннесцев порознь. Возможность более быстрого по сравнению с Афинами прироста населения для других греческих государств исключается, так как они многие годы находились в блокаде и жили почти без подвоза. Даже Коринф вследствие этого может быть причислен лишь к средним городам.

Фраза Ад. Бауэра («Histor. Zeitschr.» 86, 288): «Имея полевую армию в 13 000 гоплитов, Афины не могли принять решительного сражения с далеко превосходившими их количественно боевыми силами Пелопоннесского союза, прочие же их силы было возможно использовать лишь весьма условно» бьет мимо цели. Почему же в распоряжении Афин было не больше 13 000 чел., если Афины насчитывали свыше 80 000 граждан, клерухов и метойков, да к тому же еще имели достаточно денег для вербовки наемников? Рим и не в такой еще мере напрягал свои силы во время Второй пунической войны, не взимая притом дани с союзников. Было бы крайней ошибкой на случай возможного неподчинения со стороны союзников постоянно держать наготове, как полагает Бауэр, войска и корабли, ослабляя тем свои боевые силы на главном театре военных действий. Прочтите, что пишет Клаузевиц об ошибках стратегического резерва в стратегии сокрушения. Победа над Спартой, Коринфом и Фивами была бы лучшим средством для Афин в их стремлении сохранить свой авторитет первого города. Поскольку существует достаточно доказательств тому, что Афины действительно напрягли все свои силы (вспомним хотя бы, что и метойки облачились в гоплитское вооружение и что Сократ на 47-м году жизни должен был итти гоплитом в армию); поскольку у нас есть совершенно ясное показание о том, что в 424 г., когда произведено было всеобщее ополчение πανδημεί, армия насчитывала лишь 7 000 гоплитов, мы смело выводим заключение, что в 431 г. в Аттике никак не могло быть 70 000 свободных мужчин.

4. В начале Пелопоннесской войны Афины имели 300 триер. Если же вместе с Мейером (руководствуясь не вполне понятными мне соображениями) повысить это число до 400, то все же Афины никогда не имели в деле одновременно свыше 170 или максимально 250 триер (см. выше, стр. 53), Коринф же выслал в 433 г. 90 триер (Фукидид, I, 46). Коринф по вычислениям Белоха насчитывал не больше 10 000 свободных взрослых мужчин, причем исключается всякая возможность существенного повышения этого числа, иначе было бы совершенно непонятно, как мог бы город прокормить еще большее количество людей при длительной блокаде во время Пелопоннесской войны. Если бы Афины в семь раз превосходили численностью населения Коринф, то не только флот их был бы сравнительно слишком мал, но стало бы совершенно непостижимым, как мог Коринф выдерживать столь долгое и серьезное соперничество со своим соседом при таком чудовищном неравенстве сил.

Все это становится еще очевиднее, если мы вернемся к эпохе Персидских войн. Мейер полагает, что Аттика уже в то время имела, примерно, такое же число жителей, как и в 431 г. Собственно говоря, доказать этого нельзя; но если мы хотя бы приблизимся к этому предположению, то перед нами тут же возникает ряд невозможных следствий. При Артемизии и Саламине у Коринфа было 40, а у Афин 123 и, соответственно, 180 кораблей. Последнее число, вероятно, слишком высоко. Но даже если бы оно было верно, то все же ясно, что Афины не были, примерно, в семь раз больше Коринфа, так как согласно преданию и общему положению вещей они дали флот относительно не меньший, а больший, чем их сосед. Ведь еще за несколько лет до того Афины вынуждены были взять у Коринфа взаймы 20 триер; следовательно, тогда они еще совершенно не были развитым торговым городом, каковой был бы немыслим без военного флота. Если же они не были еще развитым торговым городом, т. е. не имели еще существенного подвоза извне, то они никак не могли иметь такого большого населения. Сведения о том, что Афины еще со времени Солона нуждались в подвозе хлеба, конечно, не опровергают наших выводов: от величины подвоза зависит, сколько народа могло кормиться чужим хлебом — десятая ли, двадцатая ли часть всего населения или же треть, а то и половина. Последнее мы не можем предположить для Афин в период их первых попыток приобрести силу на море.

Придется сделать еще следующий вывод: если бы Афины уже в то время были густо населенным торговым городом, то Коринф испытывал бы чувство все растущего коммерческого соперничества и не оказывал бы помощи соседу, одалживая ему корабли. Но если Афины были в то время еще столь мало развитым в торговом отношении городом, что никакого существенного соперничества Коринфу не приходилось опасаться, то и через 50 лет они никак не могли насчитывать в семь раз больше жителей, чем Коринф.

Итак величина Коринфа косвенным образом является мерилом для определения величины Афин, а величина Коринфа в свою очередь проверяется величиной Спарты (ср. ниже, гл. III, § 3).

5. Если я отвергаю результаты исследования Мейера, то все же косвенным образом оно, как и всякая серьезная научная работа, имеет существенную заслугу. Ядром нашего спора относительно толкования Фукидида (II, 13) является собственно следующее: были ли включены в счет феты или же нет? До сих пор представители того мнения, что феты не включены в это число, ни разу не попробовали точно и последовательно вычислить, какова должна была быть в таком случае численность народонаселения Афин, и, соблюдая несколько неясную среднюю позицию, они представляли это толкование по существу в некоторой мере возможным. Только Мейер, неоспоримо доказав, что такое толкование приводит к наличию в Аттике 70 000 чел. свободных взрослых мужчин (следовательно, без клерухов, да и то по самому скромному подсчету), дал тем самым весьма убедительное доказательство от противного тому, что его предпосылка в корне ошибочна. Следовательно, мы должны искать для Фукидида (II, 13) другое толкование,— и в этом случае толкование, предложенное мною, имеет то преимущество, что оно не стоит в противоречии ни с какими-либо из дошедших до нас чисел, ни с действительными достижениями Афин. Ввиду того, что афиняне значительную часть своих войн вели посредством наемников, они, конечно, вполне могли — даже насчитывая лишь 36 000 граждан и 6 000—8 000 метойков — одновременно давать бои на суше и на Эгейском море, на Кипре и в Египте.

Путь к правильному толкованию фукидидовых чисел можно найти, лишь учитывая классовое деление афинян, хотя Фукидид здесь о нем не упоминает и строит свои расчеты помимо него. Установка правильного понимания этой ложно толкуемой связи важна и в других отношениях. Все толкование истории римской конституции было направлено по ложному руслу вследствие неправильного представления о том, какой в сущности смысл имело деление народа на классы. Вникнув, какие классы имел в виду Фукидид (II, 13), и правильно истолковав его числа, мы приходим одновременно к правильному пониманию афинского, а косвенно и римского государственного строя.

Глава II

Греческие вооружение и тактика

Основная масса греческого войска в период Персидских войн состояла из снабженной панцырем пехоты, вооруженной копьями длиной, примерно, в 2 м [1], словом, из гоплитов. Предохранительное вооружение

[1] Ад. Бауэр (§ 40) считает, что копье было длиной 3 м (ср. ниже исследование о сариссах).

гоплита состояло из шлема, панцыря,[1] поножей и щита; короткий меч служил вспомогательным оружием.

Гоплиты составляют тесно сомкнутое тактическое построение—фалангу. Фалангой называется непрерывное линейное построение во много шеренг [2].

Глубина фаланги меняется; очень часто нам приходится слышать о глубине в 8 чел., являющейся, повидимому, своего рода нормой построения; но приходится слышать также о глубине в 12 и даже в 25 чел. [3].

Непосредственно в бою в подобной фаланге могут принимать участие максимально две шеренги, причем вторая шеренга в момент столкновения заполняет прорывы, образовавшиеся в первой шеренге. Дальнейшие шеренги служат для немедленной замены убитых и раненых, но главное их назначение оказывать физическое и моральное давление на передовых бойцов. Более глубокая фаланга победит более мелкую, хотя бы даже непосредственно в рукопашной схватке принимало участие одинаковое число воинов.

Если бы не преимущества этого давления, то было бы много выгоднее удлинить боевой порядок так, чтобы сделать свой фронт длиннее неприятельского и в момент столкновения совершить охват с обоих флангов. Но при равных силах такой охват возможен лишь за счет глубины построения, и хотя от момента столкновения фронтов до полного окружения должно пройти лишь несколько минут, этого времени, по всей вероятности, окажется достаточно для того, чтобы более глубокая неприятельская фаланга противника опрокинула мелкий центр своего противника и этим разрушила все его построение.

Следовательно, тут основанием служат два диаметрально противоположных принципа: глубина, придающая мощь удару, и длина, облегчающая возможность охвата. Дело военачальника — определить длину и глубину фаланги в зависимости от обстоятельств, относительной численности, качества обоих войск и условий местности. Очень большое войско усиливается больше в глубину, чем в длину, так как очень длинную шеренгу чрезвычайно трудно передвигать в каком бы то ни было порядке и хоть сколько-нибудь организованно, в глубокой же колонне, наоборот, порядок нарушается не так легко.

---

[1] Дройзен (H. Droysen, a. a. O, S. 24) приводит некоторые места, где панцырь не упомянут в вооружении спартанцев, и считает возможным, что они в отличие от прочих греков его не носили. Такое различие имело бы огромное значение. Но это мнение безусловно неверно. Дройзен сам приводит цитату из Тиртея, где ясно упоминается панцырь. А если бы из одного места у Ксенофонта (Анабазис, 1, 2, 16) можно было заключить, что наемники Кира не носили панцырей, то это должно было бы относиться ко всем представленным там грекам.

[2] Дройзен (H. Droysen, Heerwesen und Kriegführung der Griechen, S. 171, Anm.) советует применять слово «фаланга» только к вооруженной сариссами пехоте, чей своеобразный боевой порядок заключался в «сомкнутом расположении задних и передних рядов» (πυκνότης κατ' ἐπίστατην καὶ καρτάτην). Я, однако, считаю нужным придерживаться укоренившегося словоупотребления, которое, по моему мнению, вполне соответствует приведенному выше определению. Из дальнейшего хода нашего исследования выяснится обоснованность этого взгляда.

Дройзен сам указывает на неопределенность и переменчивость греческого словоупотребления.

[3] Рассказ Исократа (Архидам, 99), что спартанцы при Дипее победили аркадцев одной шеренгой, — рассказ, которому Дункер (VIII, 134) поверил, был вполне правильно отброшен Дройзеном (стр. 45) и Ад. Бауэром (стр. 243; 2-е изд., стр. 305), как риторическое преувеличение. Столь же обоснованно отбрасывает Дройзен и указание о двух шеренгах, которые мы находим у Полиэна (2, 1, 24).

Ввиду того, что задние шеренги фаланги почти никогда не доходят до применения оружия, могло бы показаться излишним снабжать полным вооружением бойцов, примерно, дальше четвертой шеренги. Однако, относительно греков не дошло никаких сведений о том, чтобы такое различие проводилось в жизнь. Человек без панцыря не может сражаться с человеком в панцыре. Следовательно, установка нескольких шеренг бойцов без панцырей за бойцами в панцырях явилась бы лишь своего рода маскировкой. Сознание же у воинов в передних шеренгах, что сзади стоящие не могут оказать им действительной поддержки, несомненно, в сильной мере ослабило бы давление задних шеренг на передние, тогда как в этом давлении, в подталкивании вперед, и заключается вся ценность задних шеренг. А если бы действительно на каком-либо участке, вследствие случайного прорыва фаланги, вооруженный неприятель добрался до невооруженных задних шеренг, то последние были бы немедленно отброшены, и бегство одних легко повлекло бы за собой бегство всего остального войска.

Поэтому меньше всего следовало бы ставить в задние шеренги фаланги не совсем надежных людей, рабов. Они не приносили бы там никакой пользы, но легко могли бы преждевременным или даже злонамеренным бегством вызвать панику среди гоплитов.

Все это, конечно, не исключает обратного положения: если есть менее хорошо вооруженные бойцы, то их надо ставить в задние шеренги. Такие легко или неполно вооруженные люди могут быть полезными, оказывая помощь своим раненым и добивая или забирая в плен раненых врагов. Но это лишь второстепенные услуги, а фаланга как таковая требует возможно полнее вооруженных воинов для всех своих рядов.

При подобном способе сражения чрезвычайно важно качество бойцов, поставленных в первой шеренге. Как часто Тиртей в своих военных песнях восхваляет воинов, сражающихся в первых рядах „ἐν προμάχοισι“ [1]. Позднейшие теоретики советуют полководцу ставить в первую и последнюю шеренги наиболее надежных людей, чтобы удержать целостность всей фаланги. Один привлеченный к суду афинский гражданин ссылался перед судьями на то, что в опасном бою он добровольно стал в первую шеренгу [2].

Если в Лакедемоне спартиаты и периойки одинаково шли в армию гоплитами, — между тем как спартиаты, будучи профессиональными бойцами, имели несравненно большую ценность, нежели периойки, занимавшиеся в обычное время своими хозяйственными делами, — то это лучше всего объясняется тем, что первые шеренги фаланги составлялись преимущественно из спартиатов [3].

---

[1] «Находящихся среди передовых бойцов».

[2] Взявший слово Мантифей похваляется: «Когда начался поход в Коринфскую область, все знали заранее, что дело будет жаркое. Многие старались уклониться, я же просил, чтобы меня поставили сражаться в первом ряду. Хотя наша фила пострадала больше всех и многих потеряла убитыми, я все-таки отступил уже после великого стирийца, упрекавшего всех в трусости» (Лисий, 16, 15). Этой прекрасной цитатой я обязан книге Hugo Liers, Das Kriegswesen des Altertums, стр. 46.

[3] Относительно объединения спартиатов и периойков в одной войсковой организации см. Bauer, § 18, 19 и 23, а также и оживленный спор между Кромайером (Klio, Bd. III, 1903 г., S. 177 ff.) и Белохом (Klio, Bd. VI, S. 63). По этому случаю выдвинуто было новое превосходное доказательство важности первой шеренги. Исократ (Panathen. 180 (271) пишет: «В походах, которыми командует царь, по одному человеку (из периойков) ставить вместе с ними (спартиатами), а некоторых даже в первый ряд» (Исократ, Панафинейская речь, 180 (271).

Дальнобойное оружие лишь в очень незначительной мере связывается с гоплитской фалангой. Лук издавна пользовался у греков почетом. Национальный герой Геракл был лучником. Во время платейского похода у афинян упоминается особый отряд лучников. Но с тех пор как копьеносцы образовали фалангу, лучники оказались оттесненными на задний план, ибо эти два рода оружия если и не совершенно исключают друг друга, то все же плохо сочетаются один с другим. Лучников, пращников, метателей дротиков можно себе представить лишь впереди, сбоку или позади фаланги. Если же они высыпают перед строем, то затем до столкновения обеих фаланг они должны скрыться, т. е. обойти фланги своей фаланги. Если бы они захотели пройти сквозь самую фалангу, то вызванные этим беспорядок и промедление принесли бы слишком большой вред, не компенсируемый тем ущербом, который их стрельба причинила бы врагу. Чтобы спокойно обойти оба фланга, стрелки должны были бы начинать отступление в то время, когда фаланги находятся еще на расстоянии в несколько сот шагов друг от друга. Если неприятель совсем не имеет стрелков и ему навстречу посылают легковооруженных, беспрерывно обстреливающих его при его приближении, то это, конечно, может нанести ему существенный ущерб. Если же стрелки имеются у обеих сторон, то они будут, главным образом, обстреливать друг друга, а это не окажет никакого влияния на бой между фалангами, которому принадлежит решающая роль. Большое количество стрелков, обстреливая надвигающегося неприятеля наискось с обоих флангов гоплитской фаланги, могло бы еще оказать известное влияние на ход сражения. Но нигде, даже в последних греческих сражениях, мы не находим никаких следов подобной тактики.

Если, наконец, поставить лучников позади фаланги, то они могли бы стрелять оттуда незадолго до столкновения; но такая стрельба, без настоящего прицеливания, при крутой траектории выпущенных стрел, не могла бы принести больших результатов, в особенности если, как это обычно бывало, собственная фаланга скорым шагом шла навстречу неприятелю. Действительно, с подобным применением стрелков мы чаще встречаемся в теории [1]. Практически же оно проводилось в жизнь очень редко, например, в сражении, которое Фрасибул дал 30 тиранам на улицах Пирея (Ксенофонт, II, 4) [2]. Но здесь воины Фрасибула стояли лишь в 10 шеренг на возвышении и ждали неприятеля, подвигавшегося в гору фалангою в 50 щитов глубиною. Следовательно, выстрелы, направленные сверху в плотную массу противника, могли при этих особых обстоятельствах сослужить немалую службу.

Но, как правило, стрелки являлись лишь вспомогательным родом оружия. Настоящие же боевые войска греков в Персидских войнах состояли исключительно из гоплитов.

Несмотря на это, Геродот, говоря о Персидских войнах, считает на каждого гоплита по одному невооруженному (ψιλός) и причисляет их к войскам при подсчете боевых сил. Позднейшие греческие историки тоже часто упоминают о больших массах невооруженных, но не причисляют их к настоящим бойцам, — вполне основательно, как мы уже имели случай убедиться, так как с этим родом оружия почти совсем не приходилось считаться: роль его в бою была ничтожна. Здесь мы

[1] Ксенофонт, Киропедия, VI, 3, 25. Об этом будет речь ниже, в части II, гл. 5.

[2] «Киропедия» Ксенофонта переведена на русский язык — к сожалению, далеко не удовлетворительно — Янчевицким. — Прим. перев.

сталкиваемся с затруднением, с которым нам неоднократно придется встречаться и дальше, особенно в рыцарских войсках средневековья. Строгое различие между бойцами и небойцами, которое кажется нам теперь чем-то само собой разумеющимся, в действительности бывает довольно трудно провести. Греческому гоплиту было очень тяжело нести свое вооружение, да еще за то короткое время, какое длился обычно поход, он сам должен был заботиться о своем пропитании. Большинство гоплитов были люди состоятельные и не совсем молодые. Поэтому им трудно было обходиться без помощника, служившего им оруженосцем, фуражиром, поваром, а в случае ранения — братом милосердия.

Каждый гоплит должен был иметь при себе какого-нибудь другого человека — будь то сын, брат, сосед или хотя бы надежный раб. Этот спутник не был совсем безоружен: он имел по меньшей мере кинжал на поясе или топорик, а может быть также и легкое копье. Если вставал вопрос о том, чтобы опустошить неприятельские земли, когда противник уклоняется от боя, то невооруженным было легче это сделать, чем тяжеловесным гоплитам. В бою часть из них могла зайти во фланг неприятельской фаланги, чтобы киданием камней и метанием копий затруднить врагу продвижение; другая часть могла итти за фалангой для того, чтобы немедлено подбирать раненых и подавать им первую помощь, а попавшихся в руки раненых врагов брать в плен или добивать. Итак, эти невооруженные не являлись просто обозными — на них лежали также известные боевые функции. Но все же получится искаженная картина, если их считать вместе с гоплитами при определении боевых сил. Гораздо вернее (как это большей частью делали сами греки) считать только гоплитов, а также всадников и стрелков, которых обозначать особо. Но в то же время не надо упускать из вида, что было, примерно, такое же количество обозных, несших известные второстепенные боевые функции.

Кавалерии греки совсем не применяли против персов.

Слабость фаланги гоплитов — в ее флангах. Если противнику удалось охватить фалангу хотя бы с одного фланга, в то время как фронт занят, то она погибла. Незначительное количество бойцов из крайних рядов едва ли смогло бы выдержать натиск неприятеля. В то время, когда они вынуждены остановиться и поворачиваться к неприятелю, они или заставляют этим остановиться всю фалангу, отнимая у всех задних рядов возможность выполнять свою основную задачу — напирать на передние ряды, — или же происходит разрыв фаланги, и враг захлестывает ее с фланга.

Очень наглядно это показано в описании одного сражения под Керкирой в 373 г.[1] Спартанцы, осаждавшие город, отбили вылазку. Тогда из ворот города им во фланг ударил другой отряд керкирян, «выстроенных в фаланги по 8 чел. в глубину»; лакедемоняне,— рассказывает дальше Ксенофонт, — «решили, что фланг (τὸ ἄκρον, т. е. дословно «острие») слишком слаб, и попытались повернуть кругом». Последние ряды пробовали еще построиться покоем и образовать новый фронт. Неприятель, усмотрев в этом маневре начало бегства, надавил на них сильнее, перестроения провести не удалось, и одна часть за другой в самом деле бросились в бегство.

[1] Ксенофонт, Hellenika, VI, 2, 21.

Особенно опасна для фаланги кавалерия, когда она, хотя бы даже очень слабо, атакует во фланг. Тогда сила фаланги может быть немедленно сломлена, так как она не сможет наступать, сохраняя порядок.

Вопрос о происхождении фаланги как тактического построения или, другими словами, о том, как развивался из умноженного единоборства бой единым тактическим целым, мы исключили из рамок этой книги и повели наше изложение от того времени, когда в греческих городах-государствах тактическое целое фаланги гоплитов уже несомненно существовало и успело доказать свою жизнеспособность. Но некоторые указания относительно предыдущего периода я все же хотел бы дать.

Многое указывает на то, что доряне, покорившие себе часть пелопоннесских земель, были первыми, которые не только признали важность крепкого единения бойцов, но стали также практически и с успехом проводить его в жизнь. В легендарных рассказах о Мессенских войнах в том виде, как они сохранились до нас у Павсания (VI, 8, 11), говорится, что лакедемоняне не преследовали неприятеля, потому что им важнее было сохранить свой порядок, чем убить того или другого из беглецов [1]. Почти совершенно одинаково звучат (Арнет, Мария Терезия — Arneth, Maria Theresia, V, 171) заметки императора Франциска I о военном деле пруссаков, написанные им для его брата Карла Лотарингского в 1757 г. «Они (пруссаки) лишь редко умели извлекать значительные выгоды из выигранных сражений. Причина заключалась в том, что они ничего так не боялись, как внести беспорядок в свои ряды, и потому большей частью избегали стремительного натиска».

Старейшее воспоминание о происхождении фаланги дает легенда, которую мы находим у Полиэна (I, 10).

Когда Гераклиды воевали со Спартой, неприятель напал на них однажды во время жертвоприношения. Но они не поддались панике и приказали выступить вперед своим флейтистам. Флейтисты дули в флейты и шли вперед, гоплиты же, подвигаясь в такт мелодии, образовали и сохранили в целости боевой порядок и победили.

Этот опыт научил лакедемонян, чтобы в бой их всегда вели флейтисты, и бог возвестил им, что они всегда будут победителями, пока будут сражаться с флейтистами, но не против них. При этом флейтисты означают не что иное, как тактический порядок; толпа отдельно дерущихся героев не марширует в такт, но своим беспорядочным шумом она заглушила бы даже флейты.

1. Плутарх (Ликург, гл. 22) и Фукидид (V, 70) также рассказывают, что лакедемоняне медленно шли в бой под ритм и мелодию многочисленных флейт.

Но из этого неправильно выведено заключение (Liers, S. 177), что спартанцы придерживались этого шага до самого момента столкновения, не делая подобно афинянам разбега. Приближение под музыку размеренным шагом безусловно сочетается с конечной атакой форсированным маршем, как того требует природа, или, если можно так сказать, психология вещей.

Также и Полибий (IV, 20, 6) сообщает, что в древности критяне и лакедемоняне вместо трубы ввели на войне αὐλὸν καὶ ῥυθμόν (флейту и ритм), т. е. ровную, ритмическую игру флейты.

[1] Что именно у лакедемонян было не в обычае далеко преследовать неприятеля, сообщает также и Фукидид (V, 73). Хельбиг в труде «О времени введения сомкнутой фаланги» (Helbig, Über Einführungszeit d. geschlossenen Phalanx, Sitz.-Ber. der Bayr. Akademie 1911 г.) считает недостаточными указания о том, что первыми стали строить фаланги халкидяне.

2. Если внимательно отнестись к песням Тиртея, то в некоторых отрывках, как уже вполне правильно отметил Ад. Бауэр (a. a. O. p. 242, 2-е изд., 304), можно найти указания на то, что перед певцом проносились сомкнутые ряды, именно (примеч. 10, 15 у Bergk): «Сражайтесь, оставаясь друг возле друга». Другие места, конечно, указывают скорее на единоборство, как в Илиаде,— например, обращение к гимнетам в конце № 11, но существование тактического целого отнюдь не исключает единоборства и даже частого единоборства.

3. В гражданской присяге афинян было особо подчеркнуто: «И не покину товарища, с которым буду итти рядом в строю».

К этим цитатам Ольсен (Olsen) в своей «Schlacht bei Platää» («Progr., Greifswald», 1903 г., S. 15) прибавил еще следующие две прекрасные ссылки: Софокл «Антигона», стих 670: «Он не покинет своего поста во время сражения — доблестный и справедливый боевой товарищ» и Фукидид, II, 119, речь Архидама: «Следуйте повсюду, куда бы вас ни повели. Прежде всего соблюдайте порядок и сохраняйте бдительность. Дело идет лучше всего и безопасность повышается тогда, когда многие готовы подчиняться одному порядку».

4. На основе чрезвычайно тщательно проведенного сопоставления и сравнения литературных источников с дошедшими до нас изображениями на вазах, Гельбиг [1] пытался недавно доказать, что в Греции (за исключением Фессалии) до Персидских войн вообще не было кавалерии, а тех ἱππεῖς, о которых так часто упоминается и чьи изображения мы встречаем не раз, следует рассматривать как конных гоплитов.

Вопрос идет о времени, значительно предшествующем исходному моменту моего исследования, однако, я должен заметить, что доказательства Гельбига не кажутся мне убедительными и что против них имеется много веских возражений. Прежде всего самое представление о пехоте и кавалерии слишком современно, т. е. если брать его так подчеркнуто; кто прочтет III том этого исследования, тот увидит, что бывали воины пешие и конные, к которым нельзя было применить ни слово «пехота», ни слово «кавалерия». Поэтому и гельбиговское понятие «конной пехоты» безусловно подлежит оспариванию,— и это не только простой спор о словах, но на это понятие опирается все его исследование; дело в том, что при толковании различных сцен вазовой живописи, где изображены кони и вооруженные люди, целиком предоставляется нашему выбору видеть в них кавалеристов и пехотинцев. Кто достаточно вник в самую сущность средневековых рыцарских сражений, тот поймет, что изображения на греческих вазах часто допускают другое толкование, чем то, которое дает им Гельбиг, когда он, например, так излагает сцену сражения (рис. 37, стр. 255): два конных гоплита подверглись нападению, прежде чем успели перед боем соскочить с лошадей; я готов скорее предположить, что они подверглись нападению и не успели вскочить на седло для того, чтобы ринуться в бой верхом или же ускакать. Также и толкование на стр. 188 кажется мне недопустимым, равно как и многие другие.

Гельбигу представляется, что граждан с лошадью, даже с двумя лошадьми, вербовали на войну для того, чтобы в случае сражения они вступили в фалангу в качестве гоплитов, а после сражения опять садились на лошадь и преследовали врага. Мне это представляется неприемлемым. Что состоятельный человек, назначенный участвовать в походе, садился на лошадь для того, чтобы не утруждать себя бегом, а потом сражался в качестве гоплита,— это, конечно, могло случиться; что обладатели лошадей сейчас же после исхода фалангового сражения стремительно вскакивали на своих коней и преследовали побежденного врага, это также

[1] Les ἱππεῖς Athéniens par M. W. Helbig. Mémoires de l'Académie des Inscript. et Belles-Lettres, p. 37, 1902 г.

Ср. также: „Berittene Infanterie im Altertum" von Georg Friederici. „Neue Militärische Blätter", Bd. 67, Nr. 11/12, 1905 г.

могло происходить, хотя для более древнего периода греческой истории у нас нет никаких указаний на существование самого понятия о подобном преследовании, и едва ли оно вязалось бы с ним. Но с уверенностью можно утверждать, что в подобных целях институт конных гоплитов не мог бы быть организован государством. С другой стороны, многие случаи показывают нам, что конные воины значительно больше могут повлиять на исход сражения, если остаются в седле и атакуют неприятельскую фалангу во фланг.

Применяя современное понятие «кавалерия», Гельбиг считает необходимым (стр. 169), чтобы всадники собирались для совместных упражнений, причем он вполне основательно сомневается в исполнимости этого требования. Но те два всадника, которых должен был поставить каждый округ (навкрария) Аттики не составляли эскадрона численностью в 96 чел., а были попросту 96-ю отдельными всадниками или, если угодно, рыцарями, так же мало думавшими о совместных упражнениях, как и средневековые рыцари.

Что эти рыцари при известных обстоятельствах вступали гоплитами в фалангу, вполне естественно; ведь и средневековые рыцари зачастую сражались пешими, и не только тогда, когда обстоятельства не благоприятствовали бою на конях, но также и для оказания моральной поддержки прочим пешим бойцам; и подобно тому, как это ставилось в большую заслугу афинским всадникам [1], так же точно прославлялось это и рыцарями XV в. (Г. Дельбрюк, т. III, стр. 468 и 549 нем. текста). Во время Персидских войн, когда горсточка греческих всадников оказалась бы совершенно бессильной против многочисленной персидской конницы, знатные афиняне, само собою разумеется, сражались в рядах гоплитов, а потому заключение Гельбига (стр. 160), что отсутствие кавалерии у греков при Марафоне и Платее доказывает, будто у них ее и вовсе не было, никак не убедительно.

Для нас излишне входить в детали сделанного Гельбигом исследования; поскольку они касаются интересующего нас периода, они относятся больше к области «древностей». Здесь последнее слово должно быть сказано новым исследованием. Ибо, если я и не могу согласиться с основной мыслью и выводом Гельбига, все же он безусловно прав в том, что в наших преданиях таятся противоречия, оставшиеся до сих пор незамеченными. Самая постановка вопроса, собирание воедино разбросанного материала, остроумный его подбор — все это само по себе составляет большую заслугу. Вопрос же о конечном выводе остается открытым, а загадки так и остались загадками.

Особенно удивительным для нашего восприятия является сообщение Павсания (I, 18; указано Гельбигом на стр. 180), что в одном из афинских храмов находились статуи диоскуров, изображавшие господ пешими, а их слуг на конях. В наше время это можно было бы рассматривать как опрокинутый мир (die verkehrte Welt).

Глава III

Численность греческих войск. Итоги

Установление тактической природы греческого войска дает нам новую отправную точку для определения его величины. Полное гоплитское вооружение обходится очень дорого; далеко не каждый военнообязанный гражданин в состоянии им обзавестись.

[1] Lysias, Mantitheos, XVI, 13; Helbig, S. 239.

Кроме того, каждый гоплит имеет при себе еще одного легковооруженного. Следовательно, фаланга была значительно меньше числа граждан.

В Афинах издавна существовало четыре имущественных класса, из которых высшие два служили всадниками, третий же — зевгиты (т. е. «упряжники»), имевшие доход от 200 до 300 четвериков (медимнов) пшеницы, вина или масла, служили гоплитами. Следовательно, до момента появления у афинян флота самое низшее сословие граждан—феты были совершенно освобождены от воинской повинности. Но все же можно с уверенностью сказать, что легковооруженный, сопровождавший гоплита в поход, также являлся большей частью гражданином; у большинства зевгитов не было рабов. Когда же афиняне обзавелись флотом и одновременно увеличилось количество рабов, то феты стали нести морскую службу, а гоплитов сопровождали в поход преданные рабы.

Спарта (вместе с Мессенией) имела почти вдвое большее население, но ввиду того, что военную службу несла лишь господствующая каста воинов, с привлечением к ней в крайних случаях граждан (периойков), но отнюдь не крепостных крестьян (илотов), она поставляла гоплитов не больше, чем Афины, — около 2 000 спартиатов и 3 000 периойков. Коринф и Фивы могли выставить 1 500—2 000 бойцов. Эти числа значительно ниже, чем те, которые принимались раньше в науке, но тщательная выверка традиции и учет всех обстоятельств и соотношений дают нам право считать эти числа весьма близкими к действительности.

1. В числах, которые мы привели в первой главе, поражает колоссальный численный перевес людей, требовавшихся для службы во флоте над бойцами сухопутной армии. В наши дни соотношение обратное. Афиняне однажды выставили флот в 170 кораблей, требовавший по норме 34 000 чел. команды. Между тем самый большой их сухопутный набор (в 431 г.) дал лишь 16 000 гоплитов и даже, вероятно, еще значительно меньше, так как Фукидид дает число, взятое из регистра военнообязанных без вычета выбывших или хотя бы клерухов из дальних поселений. Но мы установили, что набор 16 000 гоплитов в действительности означает мобилизацию, примерно, 32 000 чел. Следовательно, морская и сухопутная милиции были по численности приблизительно равны.

В 431 г. из 28 000 годных к военной службе афинских граждан 1 200 служили всадниками, 1 600 — лучниками, 13 000 — гоплитами в строю; оставались еще 13 000 чел., в том числе два призывных контингента новобранцев.

Следовательно, когда вспыхнула Пелопоннесская война, действующую армию составляли около половины всех взрослых военнообязанных граждан. В то время Афины находились в расцвете своего могущества и благосостояния. Нельзя предположить, чтобы ко времени сражения при Марафоне их оборонительные силы стояли бы уже на такой высоте. Гоплитские доспехи были настолько ценным предметом, что и в 431 г. даже половина граждан не могла обзаводиться ими на собственные средства,— так что часть гоплитов, как мы увидим впоследствии, получала вооружение от государства. Нам не представляется вероятным, чтобы подобное явление могло иметь место уже во времена Персидских войн. Следовательно, мы должны принять, что в рассматриваемое время гоплитами служили лишь те из граждан, которые были в состоянии на свой счет приобрести доспехи. Здесь мы имели точку опоры в классовом подразделении афинян на пентакосиомедимнов (т. е. лиц с годовым доходом в 500 четвериков) — всадников, запряжчиков — зевгитов и поденщиков — фетов. Самые названия указывают, что, когда создавались эти классы, жители Аттики жили еще преимущественно земледелием. Для V в. мы

должны принять просто существование четырех имущественных классов, на которые делилось также и городское население в зависимости от доходов. Политического значения эти классы больше не имели, если даже они и имели его когда-либо раньше; для обложения налогом эти подразделения едва ли были применимыми, но в организации военного дела они, несомненно, должны были играть большую роль. Для высшего класса как такового в источниках нет указаний на какие-либо определенные обязательства, но были известные повинности, в частности снаряжение триер (самый остов поставляло государство), лежавшее специально на богатейших гражданах. Так как лицо, не достигшее ценза высшего класса, конечно, не могло брать на себя подобных «литургий», то нам придется видеть в них характерный признак принадлежности к этому классу. Кроме «литургий», на лицах, относившихся к 1-му классу, лежала, наряду с гражданами 2-го класса, обязанность служить всадниками. Зевгиты же обязаны были служить гоплитами и иметь для этого собственное вооружение.

Мое предположение, что в более ранние времена феты шли на войну в качестве легковооруженных, основано на том, что Афины еще до появления у них флота были демократией, а всеобщее избирательное право немыслимо без всеобщей воинской повинности. Гоплиту, не приведшему самому спутника — сына, брата, соседа или раба,— его община сама назначала в спутники какого-либо гражданина. Принадлежность к классу зевгитов мы будем понимать в том смысле, что семья обязана была дать одного вооруженного бойца. Совершенно невозможно [1], чтобы при наличии в крестьянском доме нескольких взрослых сыновей отец был обязан приобретать для каждого гоплитское вооружение. Повинность дать одного вооруженного человека фактически означала повинность дать не одного, а двух.

Если это толкование правильно, то афинское гоплитское войско в 490 г. не могло охватить не только половину, как в 431 г., но едва ли даже и треть всех способных к военной службе афинских граждан. Вероятно, гоплиты составляли четверть или даже одну пятую часть их. Следовательно, у афинян в сражении при Марафоне было, включая метойков, максимально 8 000, а вернее всего только около 5 000 гоплитов, сопровождаемых таким же числом легковооруженных.

Нам с точностью не известно, как далеко простирались военные обязанности метойков. Однако, для наших целей это большой роли не играет, так как независимо от этого их все равно призывали в особенно важных случаях и при необходимости оборонять страну, а ведь наши вычисления сделаны лишь исключительно по максимальным наборам.

Шенкль (Schenkl, De Metoecis Atticis, Wiener Studien, I, S. 196, 1879 г., «О метойках в Аттике») категорически опровергает мнение Германа, что граждане и метойки несли воинскую повинность на равных началах. Также и Тумзер (Thumser, Wiener Studien, VII, 62, 1885) полагает, что метойки-гоплиты в додемосфеновские времена, за исключением особенно выдающихся случаев, применялись для обороны лишь Аттики. Того же взгляда придерживается и Бузольт (III, 53).

2. Народонаселение Лаконики и Мессении, по вычислениям Белоха, насчитывало 230 000 душ, в том числе 9 000 спартиатов, 45 000 периойков и 176 000 илотов.

Общую численность населения я несколько повысил, так как считаю процент взрослых мужчин несколько меньшим, чем это полагает Белох. Кроме того, всегда имеется в наличии больше людей призывного возраста, чем тех, которые действительно отправляются или имеют возможность отправиться в поход. Во всем остальном я вполне согласен с вычислениями Белоха и за подробностями отсылаю читателя к нему. Итак, по Белоху Спарта имела возможность направить на фронт

[1] Это, повидимому, подтверждается Платоном в его «Менексене», где указано, что семья выбирала, кому из мужчин итти на войну.

гоплитское войско, примерно, в 2 000 спартиатов и 3 000 периойков [1]; легковооруженными служили илоты.

Таким образом, становится опять на почетное место переданное нам первоисточниками число, которое до сих пор вызывало лишь очень небрежное отношение к себе. По Геродоту (VI, 120), спартанцы послали афинянам на помощь в 490 г. 2 000 чел. Это было бы поразительно мало, если бы у них действительно, сверх занятых во флоте матросов, было при Платее еще 5 000 спартиатов и 5 000 периойков в качестве гоплитов. Теперь мы узнаем, что на помощь афинянам явилось спартиатское ополчение, и, следовательно, Лакедемон чрезвычайно серьезно отнесся к войне. Конечно, в виду общей ненадежности числовых данных Геродота, вполне возможно, что здесь перед нами простая случайность, но возможно также, что именно это число, официально сообщенное афинянам, сохранилось в предании, в то время как число афинян и платеян, шедших «всенародным ополчением» (πανδημεί), не получило места в предании и впоследствии — быть может, в ответ на вопрос Геродота — было каким-либо несведущим лицом настолько несообразно подсчитано, что на крохотное местечко Платею падает относительно гораздо более высокая повинность, чем на самые Афины.

3. Наш вывод относительно Спарты также поддерживается нашими вычислениями для Афин. Спарта считалась в то время у греков безусловно наиболее сильным в военном отношении государством [2]. Спартиаты были профессиональными воинами, а потому в качественном отношении, несомненно, превосходили гражданские ополчения всех других областей. Но если бы Афины уже в период Персидских войн имели возможность послать на фронт 10 000 гоплитов, т. е. войско, вдвое большее спартанского, то Спарта не могла бы притязать на столь неоспоримое первенство. Предположение, что численно их силы были приблизительно равны и что преимущество Спарты состояло в качественном превосходстве господствующей касты воинов, устраняет все затруднения.

Если Афины и Спарта могли дать не больше 5 000 или максимально 6 000 гоплитов, то Коринф или Фивы, владевшие лишь очень незначительными округами, конечно, не могли выставить больше 1 500 или максимально 2 000 чел.

Глава IV

Персидское войско

Персидское войско по своему характеру было противоположно греческому: оно состояло из всадников и лучников. Единственный современник, повествующий нам о Персидских войнах. Эсхил в своей драме «Персы» воспевает борьбу копья с луком, неоднократно возвра-

[1] Ад. Бауэр не делает общего вычисления, но, считая числа Геродота сильно преувеличенными, он все же дает для одних только спартиатов при Мантинее в 418 г. численность в 3 584, а всего круглым счетом 4 300 способных к полевой службе (§ 23, 2-е изд., стр. 312). Я не могу с этим согласиться. Во всяком случае данные Фукидида представляются мне спорными, в частности — пентекостия в 128 чел.; если же принять их. то на мой взгляд не подлежит никакому сомнению, что Фукидид имеет в виду общую численность лакедемонских войск, а не одних лишь спартиатов. Мы нигде не находим у него никаких указаний на подобное ограничение, да и нет никаких оснований, почему эфоры при столь большой опасности оставили бы дома всех периойков, за исключением скиритов.

[2] «Лакедемоняне, превосходя в силе воевавших с ними в союзе эллинов, играли среди них руководящую роль» (Фукидид, I, 18).

щаясь к этому мотиву[1]. Персидские всадники также пользовались луком. Упоминаемые мечи и короткие копья служили лишь в качестве второстепенного оружия.

Ввиду того, что основным оружием был лук, предохранительное вооружение было легким: у пехоты только плетеный щит, который стрелок выставлял перед собой при стрельбе. «Они идут в бой в шапках и штанах», — описывает Аристагор персидских воинов спартанцам. В другом месте[2] упоминаются чешуйчатые панцыри, но ими по всей вероятности пользовалась только часть всадников.

Различие между персами и греками заключается не только в неодинаковом вооружении. Сила фаланги покоится, кроме мужества и вооружения отдельных воинов, также на стойкости целого, на сплоченности тактической единицы. Мы уже видели, что даже при значительном численном перевесе победный исход сражения достигается не силой оружия, а физическим и моральным давлением, оказываемым задними шеренгами фаланги. Такого тактического целого у персов не было: стрелки мало для этого приспособлены; они естественно стремятся не сплотиться, а рассыпаться. Только исключительно высокое искусство может все же привести их к внутреннему единству. Но на первом месте остается ловкость, рвение и мужество отдельных воинов. Стрелков нельзя применять в больших массах против гоплитов; если выстроить их очень глубоким строем, то выстрелы из задних шеренг не получат должной силы. Если же раздвинуть строй в ширину, то очень скоро стрелы совсем не будут долетать до врага.

Персидское государство состояло из национального персидского ядра и многочисленных подчиненных народностей. Из этих последних персидские цари не набирали бойцов. Месопотамцы, сирийцы, египтяне, малоазиатские народности составляли невоинственную, платившую дань массу; исключением являлись финикийские и греческие моряки, из которых, разумеется, комплектовались матросы для военного флота. Когда Геродот насчитывает чудовищное количество народностей, входивших в состав персидского войска, то мы должны рассматривать это как чистый вымысел. Сама Персия, охватывавшая нынешний Иран, Афганистан, Белуджистан и значительную часть Туркестана, была и остается до сих пор в большей своей части страной степей и пустынь, с разбросанными среди них бесчисленными мелкими, реже более крупными и несколькими очень крупными оазисами. Персы, мидийцы и парфяне представляли собой разветвление одного и того же народа, совершенно как в средневековой Германии саксонцы, франки, швабы, баварцы. Связывало их не только племенное единство, но и об-

[1] Стих 25: «Стрелки или всадники». Стих 82: «Он ведет стрелка Ариев на лихих копьеносцев». Стих 133: «Кто-то верх одержал: победила ль стрела или сила копья одержала победу над ней». Стих 226: «Что ж у них в руках, стрела ли, напрягающая лук? Нет, они для ближнего боя носят копья и щиты». Стих 864: «Стрелки» (буквально «Укрощающие луком»).

То же самое говорит Геродот (IX, 18 и 49). То же говорится в посвящении Симонида: «Эти луки, которые в огне оглашаемой стонами битвы не раз омывались кровью персидских всадников, теперь, после того, как прекратилась война, несущая слезы, сложены на корабле Афины» (Симонид, фрагм. 143, Bergk). Близкое место — в фрагм. 97 (Bergk, стр. 454). Полковник Биллербек в своем исследовании «Суза» обращает внимание на то, что на рельефах главным оружием иранцев изображается не лук, но копье. Однако, не только ясные высказывания греков, но также, как мы увидим далее, и ход событий указывают бесспорно на лук. Следует предоставить разъяснение рельефов знатокам-специалистам.

[2] Геродот, VII, 61 и IX, 22.

щая религия, откровение Заратустры. Воинственным элементом являлись собственно больше кочевые, чем оседлые части племени. Кочевники же были, видимо, и основателями государства. По мере того, как персы становились властителями все более обширных и богатых культурных стран, они превращались из воинствующих пастухов в воинственных правителей, рыцарей. Надо представлять себе, что все сатрапы от Черного моря до Красного, вступая в должность, приводили с собою большую национально-персидскую дружину, из которой они набирали своих телохранителей и придворных, а также гарнизоны для наиболее важных укрепленных пунктов. Налоги и взимаемая сатрапом дань натурой давали ему возможность не только содержать эти дружины, но также пополнять их в случае нужды наемниками из воинственных племен, многие из которых оставались в этом огромном государстве в полунезависимом, а иногда и вовсе независимом положении. Некоторые пополнения и подкрепления приводились и из самой Персии, где их вербовали больше среди кочевников, чем среди крестьян.

Персидское государство как по своему основанию, так и по своей структуре аналогично создавшейся 1 200 лет спустя из другой страны оазисов мировой державе аравийских бедуинов, которых — как некогда персы — спаивала новая религия. Как позднее арабы, так некогда и персы не создавали массового войска: большие массы не могут передвигаться на чудовищные расстояния в странах, имеющих такое огромное протяжение. Как арабы, так и персы создавали свое войско на основе не количественного, но качественного принципа. Для того чтобы ясно представить себе, какова была сущность персидского войска, следует пополнить показания греческих источников сопоставлением с германским рыцарским войсковым устройством: вспомним, как франки под предводительством Меровингов заняли с небольшими отрядами богатые романизованные области Галлии, в то время как основная народная масса не покидала унаследованных земель; также и с немецкими рыцарями саксонские и салические короли и Штауфены заняли и держали в повиновении Италию. Мы здесь не будем останавливаться на отличиях между устройствами восточного и западных государств, нас интересует лишь вопрос, что представляло в своей сущности военное сословие, сумевшее при небольшой численности создать большие державы [1].

Очень меткую оценку и определение разницы между войсками обеих сторон дает греческое предание о беседе между Ксерксом и изгнанным спартанским царем Демаратом. Великий царь похваляется, что среди его телохранителей найдется не один человек, готовый потягаться силами с тремя эллинами одновременно. Демарат же возражает на это, что отдельные спартанцы не менее храбры, чем другие люди, но их подлинная сила заключается в их единении, и закон повелевает им, не выходя из строя, вместе победить или вместе умереть. Мы, понятно, толкуем это таким образом: греческие гоплиты составляют сплоченное тактическое целое, персидские же воины — нет.

Греческое предание, поскольку оно касается персов, содержит в себе внутреннее противоречие. То они представляются в виде огромных, но очень невоинственных толпищ, погоняемых в бой плетьми, то их изображают в высшей степени доблестными и очень искусными

[1] Исследование о сущности персидской державы как ленного государства дал недавно Георг Хюзинг (Hüsing) в статье «Porusatis und das achamanidische Lehenswesen. Berichte d. Forschungs-Instituts f. Osten und Orient in Wien, т. II, 1918 г.

воинами [1]. Если бы верны были оба сообщения как относительно численности, так и относительно воинской доблести персов, то постоянно повторяющиеся победы греков были бы необъяснимы. Только одно из двух может быть верным,—и совершенно ясно, что превосходство персов следует искать не в количественном перевесе, а в качественном.

Греческая легенда — единственно дошедшая до нас — превратила победу гражданского ополчения над профессиональным войском в победу незначительного меньшинства над огромным большинством. Это — обычный сдвиг в народной психологии, с которым постоянно приходится встречаться. Качественное отличие является слишком тонким для понимания массы, и она переносит его в категорию количества. Это — легенда, но не ложь. Для каждого, кто понимает разницу между профессиональным войском и гражданским ополчением, победа греческих горожан над персидскими рыцарями является не менее славной, чем отмечаемая преданием победа немногих над многими. Но для военно-исторического понимания в данном случае важнее всего установить, где кончается легенда и где начинается история. Представление об огромных персидских полчищах нужно совершенно отбросить. Ничто не заставляет нас предполагать у персов какое бы то ни было численное превосходство при Марафоне и Платее; наоборот, вполне возможно и вероятно, а на мой взгляд даже несомненно, что греки имели численный перевес.

Персы были профессиональными воинами. Даже пополнения, набранные для собственно рыцарского войска из числа персидских пастухов и крестьян, ввиду такой большой войны, как война с греками, не являлись гражданским ополчением, так как из всей народной массы вербовались наиболее воинственные. Греки же, за исключением спартиатов, могли выставить лишь гражданские ополчения, не имевшие даже сколько-нибудь твердых военных традиций. Героический век уже лежал далеко позади, а последнее поколение хотя и видало неоднократно пограничные ссоры, но в общем воспитывалось для мирных занятий — земледелия, торговли, мореходства, ремесла.

Когда я в своих «Персидских и Бургундских войнах» впервые высказал это мнение, оно было отвергнуто многими учеными без дальнейшего обоснования, просто словом «невозможно». Конечно, вполне естественно, что столь твердо укоренившееся представление, как представление о величине приведенных Ксерксом войск, не может быть отброшено с легкостью. Я это предвидел и потому соединил свое исследование Персидских войн с исследованием войн между Карлом Смелым и швейцарцами — так называемых Бургундских войн. Здесь перед нами совершенно аналогичный случай. Гражданско-крестьянское войско в ряде сражений неизменно побеждает профессиональных воинов (рыцарей и наемников), предание же превращает это в победу ничтожного меньшинства над огромным большинством. Но до нас дошло несколько списков войск, участвовавших с обеих сторон в сражениях при Грансоне и Муртене; благодаря им мы можем документально доказать, что мнимые стотысячные армии Карла Смелого на деле значительно уступали численностью швейцарским войскам. Поэтому голым словом «невозможно» никак нельзя отвергать возможность подобной замены в предании. Трудно понять, почему Геродоту и грекам сле-

[1] «В храбрости и силе персы не уступают эллинам, но они безоружны и неопытны и не могут с нами равняться в боевом искусстве» (Геродот, говоря о сражении при Платее, IX, 62).

дует оказывать больше доверия, чем суровым швейцарским летописцам, которым также верили в продолжение ряда веков. Я прошу всякого, кому мои доводы покажутся сомнительными, не произносить окончательного приговора, не ознакомившись со швейцарскими преданиями. У нас есть швейцарское предание о Буллингере, записанное приблизительно через такой же промежуток времени после рассказанных в нем событий, какой отделяет геродотовы рассказы от Персидских войн, и потому оставшееся ненапечатанным. Я привел соответствующий отрывок из этой рукописи в моих «Персидских и Бургундских войнах», чтобы дать возможность судить по нему о характере и достоверности подобных записей. Путем такой методологической подготовительной работы я сам научился обращаться с греческими источниками, а потому и советую каждому ученому, желающему дальше трудиться на этом поле, освоиться с этим орудием, прежде чем доверить каменистой почве свои семена.

К сожалению, — добавлю я в этом новом издании, — я еще не заметил, что кто-либо из ученых последовал этому совету.

Глава V

Сражение при Марафоне

Вышеизложенные условия дают нам основание принять для персидского войска в 490 г. приблизительно такую же численность, как и для афинского, — пожалуй, даже несколько меньшую, а именно от 4 000 до 6 000 воинов, в том числе от 500 до 800 всадников. Наряду с этим у персов так же, как и у греков, было большое число невооруженных. Это определение может показаться произвольным; но нужно уяснить себе, что размеры одного войска всегда дают возможность делать известные выводы о размерах другого войска, если имеется представление о качестве воинов обеих сторон; ход событий доставит нам в дальнейшем еще больше данных для суждения. Персидское войско переплыло на большом флоте через Эгейское море, захватило и разрушило городок Эретрию на Эвбее и направилось затем к Аттике. У афинян еще не было флота, равного персидскому, следовательно, они могли встретить нападение лишь на суше.

Задачей персидских полководцев, Датиса и Артаферна, было прежде всего высадить войска на каком-либо участке афинского побережья и затем, напав на город Афины, захватить его; если же афинское войско покажется в открытом поле, то необходимо было сперва разбить его и прогнать.

По указаниям Гиппия, прежнего афинского тирана, изгнанного за двадцать лет до того, персы избрали для высадки Марафонскую равнину. Она находилась на расстоянии, примерно, 4 миль [1] от Афин и совершенно не охранялась, так как афиняне не могли знать, что персы произведут высадку. Если афинское войско и было уже собрано, то оно во всяком случае стояло в самих Афинах. Даже в том случае, если бы у афинян была очень тщательно организована дозорная служба и о

[1] Около 28 км. — Ред.

высадке неприятеля было дано знать в город немедленно, как она только началась, то и тогда должно было бы пройти не меньше 8 часов, пока их войско добралось до Марафона и приготовилось к нападению. За это время и персидское войско вполне могло притти в боевую готовность. Кроме того, Марафонская равнина была со всех сторон окружена горами и малодоступна: персы легко могли занять все проходы, послав туда первых же высаженных на берег стрелков, и этим еще больше задержать вступление афинян в равнину.

В Афинах колебались, дать ли неприятелю открытое сражение или же допустить до осады города. Мнение большинства, что можно отважиться на сражение, одержало верх. Послали в Спарту просьбу о присылке вспомогательного отряда.

Верховное командование было доверено Мильтиаду, человеку из богатого рода эвпатридов, который, подобно венецианским нобилям XIV и XV вв., будучи афинским гражданином, владел княжеством вне своей родины, в стране варваров, во фракийском Херсонесе, и там близко познакомился с персами. Он был даже подданным персидского царя и должен был бежать от него в Афины.

Мы знаем, в чем заключалось превосходство персов. Дойди дело до сражения в открытом поле, персидские всадники, будучи поставлены на флангах, несомненно, атаковали бы афинскую фалангу с обоих флангов, в то время как лучники осыпали бы ее фронт стрелами. Лишенная возможности из-за удара во фланги повести организованную атаку на стрелков, фаланга почти без боя стала бы жертвой комбинированных действий персов. Задача афинских полководцев заключалась именно в том, чтобы выровнять эту тактическую слабость односторонней афинской военной силы. Если изучить топографию Марафона и сравнить результаты изучения с дошедшими до нас сообщениями, то можно с уверенностью сказать, каким образом Мильтиаду удалось разрешить эту задачу.

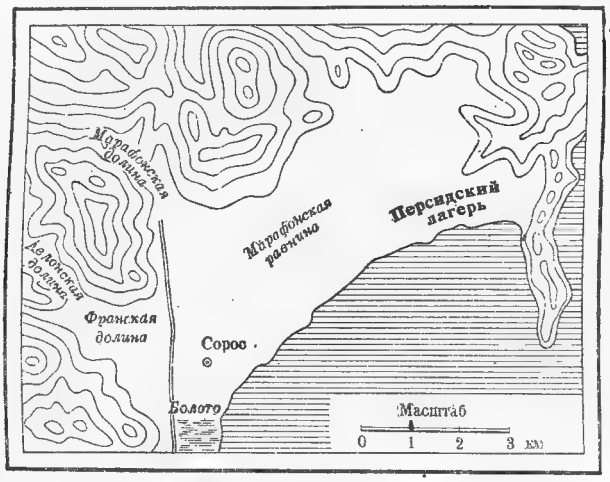
Корнелий Непот, черпавший свои сведения из Эфора, сообщает нам в жизнеописании Мильтиада, что афиняне расположились у подножия горы, на тесном пространстве, где они свалили деревья, чтобы стволы, так же как и скалы, служили им прикрытием против неприятельской конницы [1].

Это описание настолько соответствует обстановке, что нам следовало бы предположить нечто подобное, если бы даже до нас и не дошло определенного предания. Даже место на небольшой Марафонской равнине, ближе всего отвечающее сообщению Непота — Эфора, легко найти на специальной карте наметанному глазу военного историка: это вход в небольшую боковую долину, ныне называемую Франа. Эта долина в 150 м от входа имеет около 1 000 м ширины. Пространство это слишком широко для гоплитской фаланги в 6 000 бойцов, но оно было сужено засекой. Доступная для пехоты тропинка ведет из Афин через горы прямо в эту долину.

[1] Это место гласит: «Они начали сражение в защищенной местности у подножия горы, так как во многих пунктах здесь росли редкие деревья; и они думали, что горы и деревья смогут их защитить от окружения неприятельской конницы». Бюхнер («Жизнеописания» Корнелия Непота с комментарием Августа Бюхнера, Франкфурт и Лейпциг, 1721), вместо чтения «во многих пунктах росли редкие деревья» предлагает вариант «во многих пунктах были срублены деревья», что больше подходит к контексту, но без чего можно обойтись, если принять вместо «начали сражение с величайшей энергией и используя новые методы» чтение «начали сражение в защищенной местности».

На главной дороге — единственной, ведущей в Марафонскую равнину, — Франская долина дает хорошую позицию для флангов, так что неприятельское войско не может двинуться на Афины, не выбив предварительно афинское войско из Франской долины.

Геродот рассказывает нам, что афиняне бросились на врага с разбега в 8 стадий (4 800 футов, что составляет 1 500 м). Подобный бег физически невозможен: большой отряд бойцов в тяжелом вооружении может пробежать скорым шагом максимально 400—500 футов (120—150 м), не выбившись окончательно из сил и не нарушив своего порядка. Отдельные искусные бегуны, а также дикари могут пробежать очень большое расстояние даже при тяжелой нагрузке; но афиняне, сражавшиеся при Марафоне, не были уже первобытным народом, а представляли собой попросту гражданско-крестьянское ополчение. По прусскому воинскому уставу бег с полной укладкой не должен продолжаться больше 2 минут, что соответствует расстоянию от 330 до 350 м. А ведь афинское войско состояло не из кадров, прошедших



военную муштру, и даже не из юношей, занимавшихся гимнастикой, а из набранных в массовом порядке горожан, крестьян, рыбаков, угольщиков, в возрасте до 45 или 50 лет; притом сомкнутая масса значительно тяжеловеснее в беге, нежели отдельные бегуны.

Когда какой-либо новейший историк говорит, что афиняне пробежали «по преданию» 8 стадий, то это звучит совершенно так же, как если бы он повторил вслед за древним рассказчиком, что они «по преданию» сделали в один день 60 миль (420 км). Если же кто-либо думает, что огромный воинственный подъем делает возможным совершенно иное напряжение нервов и мускулов, чем ежедневные упражнения на плацпараде, то это, конечно, верно, но все же это не может сделать возможным бег фаланги на протяжении полутора километров.

Одно сражение из новейшей военной истории дает нам очень показательный пример. Во время датской войны 1864 г. высланный далеко вперед прусский отряд, под командованием полковника фон-Шлюттербаха, подвергся при Люндби в Ютландии нападению более многочисленной датской пехоты (3 июля). Пруссаки заняли оборонительную позицию. Когда их отделяло от противника 400 шагов, датчане с громкими криками «ура» пошли скорым шагом, «но, — говорит дальше

рассказчик [1],— пройти 400 шагов скорым шагом, непроизвольно переходившим в полный бег, для войсковой части совершенно невозможно, если ей предстоит рукопашный бой с неприятелем. Нехватает дыхания, а потому, пробежав 100 шагов, рота должна остановиться. Пока же она снова будет в состоянии двинуться, ей придется пережить несколько очень тяжелых минут».

«Баснословный бег, — заявляет один филолог, — не мог быть никому в тягость: Артемида дала им силу для бега с криком (βοηδρόμια) и в благодарность получила жертвенную козу»; так этот филолог предостерегает тех, кто в неразумии или по маловерию стал бы отрицать, что вопреки суетному людскому суждению простая вера в бога и собственная доблесть дали афинянам победу. И это миросозерцание имеет свои права: в средневековьи, в описаниях жизни святых и крестовых походов, весь мир, а равно и войны были полны чудес, люди же вообще неохотно отказываются от романтики исторического предания. Но тот, кто хочет критически исследовать историю военного искусства, тот может лично для себя молить о помощи святого Георгия или, если ему угодно, Артемиду и Аполлона, но из своего исторического исследования он должен решительно их изгнать. Пресловутый бег является решающим моментом для исторического понимания сражения, положившего основу греческой свободе, а с ней и всей современной культуре. Эти 8 стадий должны с неизбежной последовательностью определить сперва место сражения, а затем ее тактическое развитие и причины победы и поражения. Поэтому мы должны считать за счастье, что здесь мы имеем такой исходный момент, простое и объективное исследование которого может дать нам полную уверенность, не зависящую ни от каких сомнительных свидетельств и недостоверных рассказов. Объективное исследование прежде всего показывает, что ни греческая фаланга, ни другой какой-либо построенный шеренгами боевой порядок никогда не пробегали, да и не могли бы пробежать полутора километров [2].

---

[1] Ген.-лейт. фон-Квисторп (v. Quistorp, Beihefte z. Milit.-Wochenblatt, 1897 г., стр. 186).

[2] Даже фаланга профессиональных бойцов-наемников Кира не может, сохраняя порядок, пробежать сколько-нибудь значительное расстояние. «Кричали друг другу не бежать, а продвигаться строем»,—рассказывает нам Ксенофонт (Анаб., I, 8, 19).

Цезарь (bell. Gall. II, 18 и сл.) рассказывает, что нервии, атакуя его солдат, промчались 200 passus под гору, затем через речку Самбр в 3 фута (около 1 м) глубины и снова взбежали вверх по склону второго холма. Это очень большое достижение, но оно отнюдь не придает правдоподобия марафонскому бегу: галлы ни в коем случае не были так тяжело вооружены, как афинские гоплиты, к тому же бег их был прерван переправой через реку, а вся длина пробега вообще не указана; наконец, галлам, поскольку римляне сидели в укрепленном лагере, незачем было при штурме сохранять свой тактический порядок.

По bell. Gall. (III, 19) галлы напали на римский лагерь и сделали 1 000 passus (что равно 8 стадиям) magno cursu («скорым шагом»). Этот пробег настолько их утомил, что, когда неприятель сделал вылазку, они ничего не могли против него предпринять и тотчас же обратились в бегство. Однако, этот случай мало показателен, так как галлы бежали в гору и притом еще несли фашины. Кроме того, подлежит большому сомнению, действительно ли все эти 1 000 passus были пройдены непрерывным бегом: здесь мы имеем дело не с фалангой, не с боевым порядком, где все должны двигаться одним темпом и где нарушение строя недопустимо, а с беспорядочной толпой, где человек, когда у него нехватает дыхания, может пройти некоторое расстояние медленнее.

Показание Геродота покоится на каком-то недоразумении, но это недоразумение не остается даже загадкой для нас, мы очень скоро получим его разъяснение.

Посреди Марафонской равнины возвышается искусственный холм, который, как подтвердили новейшие раскопки, является могилой павших при Марафоне афинян. Фукидид (II, 34) ясно говорит, что афиняне обычно хоронили своих павших бойцов дома, но павшие при Марафоне, в виде особой чести, были погребены на поле сражения. Нет никакого сомнения в том, что сам Геродот стоял на этом кургане, вышиной, примерно, в 12 м, или у его подножия и оттуда обозревал поле, где произошло сражение.

На расстоянии ровно 8 стадий от кургана, в кольце окружающих Марафонскую равнину гор, видна Франская долина.

Трудно приписать простой случайности тот факт, что упоминаемые в рассказе Геродота 8 стадий в действительности имеются в данной местности. Афиняне стояли во Франской долине, а в 8 стадиях от нее стоит курган над прахом их павших бойцов, и как раз 8 стадий они по словам Геродота пробежали навстречу врагу, т. е. на такое расстояние протянулся бой. Афиняне не понесли своих убитых назад — на то место, где произошло первое столкновение с врагом, а отнесли их вперед — туда, где лежал последний из павших воинов, туда, докуда дошло преследование и где была завершена победа. Здесь, посреди равнины, на видном со всех сторон месте, они воздвигли высокий могильный холм. Отсюда же и Геродот обозревал местность и слушал описание сражения: до этого места, на расстоянии 8 стадий от долины, афиняне мчались, как он понимал, на врага в атаку, но в действительности сражаясь с врагом, преследуя врага.

Геродот рассказывает нам дальше, что афиняне и персы стояли друг против друга трое суток, прежде чем дело дошло до боя. Афиняне, сообщившие ему об этом, не могли указать ему причину этого промедления, не зная ее или, вернее, слишком хорошо ее зная. Мильтиаду фактически не принадлежало верховное командование; во главе войска стояли 10 стратегов совместно, и по закону командование переходило поочередно от одного к другому на один день. Они же договорились между собой добровольно передать командование Мильтиаду. Тем не менее последний, желая возможно полнее связать честь победы со своим именем, откладывал сражение до того дня, когда верховное командование принадлежало ему также и по закону. Здесь мы опять узнаем психологическую черту, с которой нам все чаще придется встречаться по мере дальнейшего развития этого военно-исторического исследования. Объективные мотивы слишком тонки для легенды, слишком мало понятны, слишком будничны, и вот она заменяет их личными. Нам же нетрудно разгадать объективную конъюнктуру. Из легенды мы должны принять на веру то, что не было смысла измышлять, а именно, что оба войска несколько дней стояли друг против друга, не завязывая сражения. Афиняне ничего при этом не теряли; в родной стране они не испытывали, конечно, продовольственных затруднений, но повышали боевой дух своих бойцов, указывая, что персы не смеют на них напасть; наконец, они ждали подкрепления от спартанцев. Совершенно невозможно, чтобы Мильтиад, не дожидаясь прихода спартанцев, без всякого повода приказал бы начать сражение. Следовательно, нападение вообще могло исходить не от афинян, а от персов.

Теперь, мне кажется, картина сражения вполне ясна. Как только получилось известие о том, что персы высадились на Марафонской равнине, Мильтиад выступил в поход и привел афинское войско во Франскую долину, имевшую непосредственное сообщение с городом через горы. Здесь, во Франской долине, недалеко от ее выхода, где горы еще давали обоим флангам прикрытие, которое было еще усилено порубкой деревьев, он выстроил свое войско так или велел ему стать лагерем таким образом, чтобы при первом известии о приближении врага оно могло выстроиться в боевой порядок. Ввиду того, что долина, несмотря на искусственную преграду, все еще оставалась слишком широкой [1], Мильтиад не имел возможности дать своей фаланге желательную глубину, и вот он ослабил центр и укрепил оба фланга, чтобы они могли даже, выйдя из-за закрытия, оказать должное сопротивление персидской коннице в случае фланговой атаки. Наиболее ловких и храбрых из легковооруженных послали, вероятно, в горы налево и направо, чтобы они затрудняли подступ, осыпая неприятеля сверху стрелами, камнями и дротиками. Возвышенности, служившие прикрытием левому флангу, имеют пологие скаты, в чем я убедился, посетив эту местность в 1911 г., но они так густо усеяны обломками скал, что безусловно неприступны для конницы. Обычная дорога из Марафонской равнины в Афины проходит южнее, довольно близко от берега, вдоль болота, на незначительном расстоянии от линии фронта афинских войск. Персы не могли выбраться из Марафонской равнины, не выбив предварительно афинян из их позиции. По главной дороге они пойти не могли, так как афиняне врезались бы с фланга в их походные колонны. Не могли они также использовать какую-нибудь из тропинок, ведших на север, равно как и боковую долину — Марафонскую; все это было связано с риском, что, пока одна часть войска застряла бы в горах, другая еще во время марша подверглась бы нападению со стороны афинян [2].

Марафонская долина к тому же была, вероятно, в каком-либо узком своем месте преграждена афинянами для того, чтобы персы не зашли к ним оттуда во Франскую долину с тыла. У персов, следовательно, был только очень ограниченный выбор: или дать неприятелю сражение на этом избранном ими самими месте, или же снова сесть на корабли и попытаться сделать высадку в другом месте. Но и это последнее было весьма опасно. Афиняне находились так близко, что могли напасть на персов во время посадки на корабли, а если бы даже и удалось благополучно высадиться в другом месте, то где была гарантия, что афиняне в этой столь пересеченной местности не нашли бы такой же выгодной позиции, какую давала им Франская долина? Персидские

---

[1] Русло ручья разделяет Франскую долину надвое. Правда, оно и в наши дни не очень глубоко, но все же должно было сильно мешать продвижению фаланги правильным и сомкнутым строем. Может быть, Мильтиад не с обеих сторон урезал ширину долины напроможденнем срубленных деревьев, а совершенно завалил одну половину от подножия горы до ручья.

[2] В «Киропедии» (V, г. 4, § 44) Кир говорит: «Итти на врага и итти мимо врага — не одно и то же. Наступающий находится в таком положении, из которого ему, как он считает, будет наиболее удобно вступить в бой; напротив, проходящий мимо должен тащиться с длинным рядом телег и далеко протянувшимся обозом. Все это должно быть прикрыто спереди вооруженными отрядами, и в то же время обоз нигде не должен быть обнажен для неприятеля. Следовательно, при таком движении боеспособные силы неизбежно должны принять очень тонкое и слабое расположение».

полководцы должны были находиться в большом сомнении (ибо, по-видимому, верно, что они раздумывали несколько дней); между ними даже могли возникнуть крупные раздоры в вопросе о том, как поступить.

В конце концов взяло верх решение атаковать афинян в их крепкой позиции, не дожидаясь, по крайней мере, прихода спартанцев.

Их решение было бы диаметрально противоположным, если бы персы, как обычно принято считать, значительно превосходили греков численностью. Будь это так, они разделили бы свое войско, причем одной половиной удерживали бы греческое войско во Франской долине, а другой под прикрытием первой обошли бы афинян сухим путем или морем и при помощи того или другого маневра заставили бы их оставить позицию. При слишком выгодном расположении неприятельских войск эта мера напрашивается сама собой, и если персы ее не применили, то из самого этого отрицательного факта можно сделать обратное заключение, что для этой меры у них нехватило сил. Наше прежнее мнение об отсутствии значительного численного перевеса у персов, обоснованное общими условиями, подтверждается теперь самым ходом событий. Против превосходных неприятельских сил позиция афинян во Франской долине оказалась бы недействительной; численность войска и его расположение находятся всегда в известном соответствии. Персы схватили быка за рога, потому что у них не было другого выхода. До тех пор еще не бывало, чтобы греки выдержали натиск персидских воинов. Поэтому можно было итти на риск. Мильтиад подпустил неприятеля к своей оборонительной позиции, и в то мгновенье, когда дождь стрел стал ощутителен, т. е. на расстоянии 100—150 шагов [1], вся гоплитская фаланга снялась с места и скорым

[1] Полиэн (II, 2, 3) изображает, как Клеарх при Кунаксе вел греков в атаку: «Он сначала вел фалангу шагом, устрашая противника стройным порядком своих рядов, в пределах же досягаемости стрел приказал перейти на бег для того, чтобы ни одна стрела не поразила бойцов». Аналогично и у Диодора. Что это описание отнюдь не противоречит ксенофонтовскому, по которому фаланга сама ринулась в бег, удачно доказывает Г. Фридрих (Friedrich, N. Jahrb. f. Philol., Bd. 151, S. 26). Пауль Рейхард (Reichard) в «Deutsch. Rundschau», Sept. 1890 г., Heft 12, S. 426 приводит справку из дневника Стэнли, где тот утверждает, будто он стрелял из африканского лука дальше, чем на 200 м. Это по меньшей мере преувеличение. Он будто бы сам состязался в стрельбе с Ватузи, лучшим восточноафриканским стрелком из лука, причем лучший стрелок выстрелил на 120 м (160 шагов), а Рейхард еще на 7 шагов дальше. Точно так же лейтенант Морген сообщил как-то в докладе о Камеруне, что пущенная из лука стрела бьет на 150—180 шагов. Однако, азиатские луки по изысканиям Лушана (Luschan, Ueber den antiken Bogen, Festschrift für Benndorf, 1898 г. и в Verhandlungen d. Berliner anthropol. Gesellschaft, Sitz. v. 18 Febr. 1899 г.) были значительно лучше африканских, а самые лучшие из них, на изготовление которых требовалось несколько лет, стреляли на невероятно далекое расстояние. Страбон (XIV, I, 23) сообщает: Митридат выстрелил с крыши Эфесского храма и постановил, чтобы храмовой участок, простиравшийся до тех пор на одну стадию, занимал впредь пространство до того места, где упала стрела, что составляло, как добавляет Страбон, несколько больше. Митридат, несомненно, имел самый лучший лук и был хорошим стрелком; если он, стреляя на расстояние, т. е. по высокой дуге, выстрелил лишь немного дальше, чем на стадию, то при прямой стрельбе он должен был попадать в цель по крайней мере шагов с 200—240. Недавно опубликованная эпиграмма из Ольбина прославляет стрелка Анаксагора, который будто бы стрелял на 280 клафтеров = 521,6 м («Lit. Centr. Bl.» 1901, Sp. 887). Для большого войска следует, конечно, принимать в расчет меньшую цифру. Вегеций дает 600 футов, Иенс (Jähns, Entwicklungsgeschichte der alten Trutzwaffen, S. 281) до 250 шагов при прицельной (настильной) стрельбе, 400 — при навесной стрельбе (по дуге). Более новые исследования принадлежат Паулю Раймеру (Reimer, Der Pfeilbogen. Prometheus, Nr. 944. 20/XI 1907 г.).

*

шагом ринулась на врага. Бег имел двоякую цель: увеличить морально и физически силу натиска и уйти из-под стрел. Естественно, что слабый центр при отсутствии достаточного давления из задних рядов заколебался под дождем персидских стрел и подался назад, но обе более глубокие фланговые колонны продолжали бег и очутились перед неприятелем, прежде чем персидской коннице удалось их остановить фланговой атакой. Вероятно, служившие афинянам обеспечением естественные препятствия с правой и левой сторон простирались настолько далеко вперед, что по открытой равнине афинянам пришлось пройти лишь совсем небольшое пространство. Быстрота атаки и глубина построения дополнили то, что могло недоставать в отношении естественного прикрытия флангов, и как только афинские гоплиты вплотную подошли к персидским стрелкам, последние с их гораздо менее значительным предохранительным вооружением могли считать себя погибшими. Конечно, они как храбрые воины могли еще некоторое время защищаться, но долго они не могли противостоять яростной силе этого натиска. Точно так же и победившие сначала в центре стрелки, стиснутые теперь с обеих сторон, оказались бессильны что-либо предпринять, а когда они повернули вспять, когда поток общего бегства хлынул в равнину, тогда и конница даже здесь, на открытой местности, уже не могла ввязаться в бой. Будь то сомкнутые, хорошо дисциплинированные эскадроны с твердым командованием, пожалуй, можно было бы представить себе, что даже и в тот момент еще не поздно было энергичным вмешательством остановить бегство, но продолжение этой книги покажет, — в частности описание боев Карла Смелого против швейцарцев, — что всадники рыцарского типа, какими были персы, не в состоянии сделать это. Кто слишком долго задержался, того ждала верная гибель.

Все спешили к кораблям. Так как северная часть бухты, где, несомненно, стояли персидские суда, лежала не больше как в полумиле (3½ км) от места сражения, то всей массе персов действительно удалось снова погрузиться на суда. Преследование, как мы должны понимать Геродота, зашло на 8 стадий от Франской долины, т. е. на $^1/_5$ мили (около 1 400 м) до Сороса. Затем Мильтиад снова собрал свое войско и повел его на персидские корабли. Дальше мы слышим о бое у кораблей. Между двумя актами сражения должен был быть некоторый перерыв, во время которого персы взошли на свои суда и отчалили, так как грекам удалось захватить в добычу лишь 7 триер. Нам не сообщается о многочисленных пленниках или лошадях, попавших в руки победителям. Если бы афиняне без всякой задержки преследовали персов до их кораблей, то добыча была бы значительно больше. Но вновь собрать войска и увлечь их в такое непосредственное преследование после победы вообще исключительно трудно. Блестящим свидетельством личной силы и влияния Мильтиада является тот факт, что он вообще довел дело до второго сражения у кораблей. Афиняне потеряли 192 чел. убитыми, к которым надо соответственно прибавить еще много сот раненых, так как персидские стрелы редко сражали насмерть хорошо защищенных доспехами афинских гоплитов. Потери афинян убитыми и ранеными, как принято считать ныне, могли составить около 1 000 чел. — верное доказательство того, что сражение при Марафоне было не простой стычкой, а весьма энергично проведенным боем.

О персидских потерях нам ничего достоверно не известно.

На заре мировой военной истории фигура полководца Мильтиада представляется поистине величественной. Совершеннейшая и редчайшая форма ведения боя, какая только создана военным искусством вплоть до наших дней,— оборонительно-наступательная тактика,— встает здесь перед нами в четких линиях классического произведения искусства при первом же крупном военном событии, с которым нам пришлось столкнуться.

Какая нужна была проницательность при выборе поля сражения, какая выдержка при ожидании неприятельской атаки, какая власть над массами, над самонадеянным демократическим гражданским ополчением, чтобы удержать его на выбранной позиции и затем в решительный момент повести бурным натиском в бой. Не слишком смело будет с нашей стороны представить себе, как Мильтиад держал речь к своим согражданам, указывая, что окружающие горы будут им служить обеспечением от неприятельской конницы, и призывая их выдерживать персидские стрелы до тех пор, пока он не подаст им знак. Как он затем на коне стоял посреди фаланги под устремленными на него со всех сторон взглядами, выбирая мгновение, когда он должен поднять копье и произнести слово команды, которое зычный трубный сигнал распространяет далеко по рядам. Все построено на точном выборе этого мгновения, ни на одну минуту раньше,— иначе афиняне запыхавшись и в беспорядке подойдут к врагу; ни на одну минуту позже,— иначе слишком многие из них будут сражены неприятельскими стрелами, а многочисленные падающие и отступающие затормозят и сломят силу натиска, который должен лавиной обрушиться на врага, чтобы дать победу. Нам еще предстоит рассказать о многом, что может с этим сравниться, но не о более великом.

1. Подробное обоснование моего взгляда на Марафонское сражение дано в моих «Персидских и Бургундских войнах». Однако, со времени выхода этой книги наша информация подверглась в двух важных пунктах исправлениям или углублениям.

Только теперь [1] твердо установлено, что Сорос — действительно могила павших афинян, в то время это было еще настолько сомнительным, что я не осмелился на это сослаться. Далее новейшая топографическая съемка [2] показала, что бывшие в моем распоряжении карты не точны. Именно: выход из Франской долины на этих картах изображен настолько широким, что он, казалось, не мог дать небольшому войску необходимого обеспечения флангов, поэтому я и был вынужден перенести расположение афинян дальше в долину, там, где от нее ответвляется другая боковая долина (Авлона). Но так как теперь точно установлено, что Франская долина в 150 м от выхода имеет лишь 1 000 м ширины, то она представляется весьма подходящим местом для расположения афинских войск; наша уверенность получает при этом новую опору в источниках еще и в силу того, что выход из долины находится как раз в 8 стадиях от Сороса. Я привел эту поправку в «Histor. Zeitschr.» (65, 1890 г.). С тех пор передо мной еще точнее вырисовывалась картина сражения во многих подробностях. Но основные черты остались те же.

2. Геродот ясно говорит, что персы для экспедиции выстроили особые корабли для лошадей и высадились на Марафонской равнине как раз в расчете, что здесь сумеют дать своей коннице надлежащее применение. Едва ли это является чистым вымыслом, а, следовательно, у персов действительно были всадники. С дру-

[1] Сообщения Археологического института в Афинах, 1890 г.

[2] Карты Аттики. Издание офицеров и служащих Королевского прусского большого генерального штаба. Текст Е. Курциуса (Curtius) и Кауперта (1889 г.).

гой стороны, Геродот не упоминает о всадниках в самом сражении, и мы не слышим ни от него, ни от позднейших летописцев чего бы то ни было о захваченных лошадях, которые, конечно, в качестве ценного имущества были бы достойны упоминания и благодаря своему приплоду надолго должны были бы остаться в памяти афинского народа.

Но так как посадка лошадей на корабли требует очень много времени, то кажется мало вероятным, чтобы персы успели справиться с этой задачей до того, как афиняне добрались до флота. Поэтому может явиться такая мысль: персы, сознавая, что при выбранной афинянами позиции они не смогут применить свою конницу, оставили ее при кораблях или даже, на случай неблагоприятного исхода сражения, заранее водворили лошадей на суда. Но этому противоречит тот факт, что персидским полководцам все же не казалась безнадежной попытка выбить афинское войско из его позиции; они, несомненно, рассчитывали на то, что их грозные всадники, даже оставаясь на равнине позади лучников, все же окажут известное моральное впечатление на неприятеля, а своим будут служить опорой. Ошеломляющая, сокрушительная сила афинского натиска опрокинула этот расчет и повернула дело таким образом, что всадники фактически не сыграли в сражении никакой роли. Тот факт, что афиняне не захватили в добычу лошадей, все же поддается объяснению. Пока им снова удалось установить порядок, чтобы напасть на флот, могло пройти несколько часов, и персы могли попросту сбросить в воду тех лошадей, которых не имели возможности захватить с собою.

3. Павсаний (I, XXXII, 3) сообщает, что при Марафоне находятся также могильные холмы платеян и рабов. «Тогда впервые сражались и рабы».

Этому сообщению не следует особенно доверять. Тем не менее возможно, что гоплиты в некоторых случаях брали с собою спутниками в поход не сограждан, а верных и ловких рабов; возможно, что многие из этих рабов вместе с другими легковооруженными занимали посты в горах и здесь погибли от персидских стрел.

4. Очень существенным для восстановления картины сражения является длительный промежуток времени, протекший между сражением во Фракской долине и боем у кораблей, ибо только этой передышкой можно объяснить спасенье бегством остатка персов и большей части их флота. Мне, пожалуй, возразят, что собрать фалангу, установить в ней порядок и сделать с нею переход в 3 км можно в самое короткое время. Можно, не спорю, но не так-то легко это осуществить. Когда решился исход сражения, когда персы в панике бежали к берегу и наступила первая передышка после боя, общее настроение афинян было, примерно, такое, каким описывает Фридрих настроение своих солдат, когда он после победы при Сооре попытался впервые организовать непосредственное преследование. «Моя кавалерия, — рассказывал он впоследствии ландграфу Карлу Гессенскому, — остановилась неподалеку от неприятельского арьергарда; я поспешил туда и скомандовал: «Марш, вперед на врага!». Меня встретило громовое «виват, виктория» и несмолкаемое «ура». Я продолжать кричать: «Марш!», но никто не двигался с места. Я злился, дрался, ругался, — а я, смею вас уверить, здорово умею ругаться, когда разозлюсь, — но я не мог ни на шаг сдвинуть с места эту кавалерию. Восторг победы опьянил их, и они меня не слышали».

Также и Мильтиаду пришлось основательно помучиться, прежде чем он заставил афинских граждан, увлеченных отчасти заботой о своих убитых и раненых, отчасти о захвате добычи после павших персов или просто предававшихся ликованию, снова стать в шеренги; не будь у них надежды захватить еще добычу у кораблей, дело, пожалуй, вовсе не дошло бы до второго боя; во всяком случае, вполне естественно, что между обоими боями протекло довольно много времени.

5. Новую гипотезу Марафонского сражения опубликовал недавно В. Шиллинг (W. Schilling, Philologus, Bd. 54, S. 253, 1895). Шиллинг исходит из традиционного представления об огромном численном превосходстве персов. Тем не менее

персы не осмелились напасть на афинян, но все же превосходство сил дало им возможность вновь погрузиться на корабли, причем целый отряд, все еще вдвое превосходивший численностью греков (а именно 20 000 чел., но без всадников), был оставлен посреди равнины, чтобы прикрыть их посадку; на этот-то заслон и напали афиняне в том месте, где был впоследствии сооружен Сорос; они победили, и 6 400 персов легли на поле сражения.

Если это толкование верно, то совершенно непостижимо, почему персы оставили свое прикрытие на равнине без конницы. Если есть налицо конница, то ее ставят там, где она может быть применена, и нигде она не могла бы оказать персам больше пользы, чем именно там.

Единственным объективно допустимым выводом является обратное положение: так как источники ясно сообщают нам, что персы избрали для высадки Марафонскую равнину именно ради конницы, — и это сведение представляется вполне правдоподобным с точки зрения обычной персидской тактики, — то наличие конной части должно быть одной из основных предпосылок для восстановления картины сражения. Но коль скоро у персов были всадники, сражение никак не могло произойти на равнине, ибо тогда афинская фаланга едва ли могла его выиграть, и затем хоть где-нибудь было бы упомянуто о конном бое. Следовательно, сражение разыгралось на недоступном для конницы месте.

Не в меньшей мере подрывает гипотезу Шиллинга еще и другая несообразность: совершенно непонятно, зачем персы снова погрузили на корабли часть своего войска. Если они у Сороса поставили прикрытие, то ничего не было проще, как двинуть войско (то, которое по Шиллингу уплывало на кораблях) по большой дороге через Месогею на Афины. Тогда афиняне вынуждены были бы немедленно оставить свою фланговую позицию во Франской долине.

6. Известное сходство с гипотезой Шиллинга имеет другая, одновременно высказанная Н. В. Маканом (Macan) в его «Геродоте» (Лондон 1895 г.) и получившая одобрение от Э. Б. Бьюри (Bury) в Classical Review (1896 г., X). Макан присоединяется к мнениям Дункера и Бузольта (впрочем последний в появившемся в 1895 г. 2-м издании своей «Греческой истории» изменил свое толкование и присоединился к моему), но видоизменяет их в одном существенном пункте.

Он считает, что персы, поняв неприступность афинской позиции в Авлонской долине, хотели пройти к Афинам южным ущельем и во время перехода подверглись на равнине нападению афинян. Сорос был воздвигнут приблизительно на том самом месте, где отступил афинский центр. При этом персы атакованы были не с фланга, и на них, собственно, вообще не нападали; они подготовились к возможности нападения и имели достаточно времени, чтобы выстроить боевой порядок. Но эта южная часть равнины была будто бы неблагоприятна для конницы, и возможно, что персы вновь погрузили на суда большинство своих всадников, так как они не могли им пригодиться в сухопутном марше. Вот почему конница не играла никакой роли в сражении.

Против этого можно возразить следующее:

а) Если персы были подготовлены к возможности сражения, то зачем они погрузили часть своих бойцов на суда? Если же они считали их излишними для победы, то зачем было возить их с собой?

б) Вдвойне непонятно, почему персы погрузили на суда именно конницу. В коннице была их сила; ведь им предстояло пройти по открытой равнине, подставляя фланг неприятелю. Если где-нибудь необходимы были всадники, то, конечно, именно здесь.

в) Совершенно непонятно и автором никак не обосновано, почему местность здесь неблагоприятна для конницы. То, что с правого фланга протекает ручей, а с левого лежит болото, не может итти в соображение, так как между обоими препятствиями все же есть еще пространство свыше 3 км.

г) Осмельсь персы пройти фланговым маршем мимо афинского лагеря, афиняне, несомненно, атаковали бы их и, вероятно, победили бы их даже в том случае, если бы неприятель позаботился создать себе прикрытие из своей конницы. Афиняне, конечно, дали бы сперва главной части персов пройти в ущелье и только тогда напали бы на остальных; когда же эта последняя треть вместе с конницей была бы уничтожена, то и прошедшие вперед, в ущелье, стали бы их верной добычей. Именно поэтому мысль о том, что персы могли совершить подобный маневр, да и к тому еще удалить предварительно свою конницу, является абсолютно неудачной. Они не могли без риска даже погрузиться на корабли, поскольку афиняне находились на столь близком расстоянии, и уж ни в коем случае не могли выйти из равнины сушей, не выбив предварительно афинян из их позиции. Поэтому персы и решились после некоторого колебания на прямую атаку.

7. Дополнительно я ознакомился с книгой «Hérodote, Historien des guerres médiques par Amédée Hauvette» (Париж 1894 г.), которая требует нового исследования вопроса о 8 стадиях. Я основывался на утверждении, что подобный бег физически невозможен, и при этом сослался на предписание прусского воинского устава. Овет приводит такое возражение (стр. 261):

«Эти предписания, — несомненно, весьма полезные, когда вопрос идет об упражнениях для молодых солдат, — существуют и у нас; но они далеко не соответствуют требованиям, предъявляемым к таким сильным, хорошо тренированным людям, какими были афиняне. Доказательством этому служит то, что артиллерийский капитан Рауль, применяя, правда, новый способ маршировки и гимнастического шага, добился недавно исключительных результатов; взвод, которым он командовал на больших маневрах XI армейского корпуса в 1890 г., в конце концов пробегал до 15 км скорым шагом с оружием и полной укладкой (см. статью д-ра Felix Regnault в журнале «La Nature», № 1052 от 29 июля 1893 г.)».

Если сопоставить эти два утверждения, то противоречие между ними кажется неустранимым. Я утверждаю: «Такая большая сомкнутая масса гоплитов, какая сражалась при Марафоне, не может пробежать больше 100—150 шагов (скорым шагом, что равно 150—200 обычных шагов), не исчерпав своих сил и не нарушив порядка в своих рядах». Овет возражает: «Капитан Рауль со своим взводом осилил 15 км скорым шагом, т. е. 24 000 обычных шагов при оружии и полной укладке». Но это единственное наше расхождение. Овет совершенно отбрасывает метод объективного анализа, с помощью которого я взялся пересмотреть всю традиционную концепцию Персидских войн. Значительная часть его книги направлена против моих «Персидских и Бургундских войн». Он признает недоказательным выведенное мною из аналогии со швейцарскими народными преданиями (рассказ Буллингера о Грансоне и Муртене) заключение, что рассказы, подобные геродотовым, заслуживают лишь очень мало доверия. Наоборот, он считает, что Геродот, как субъективно, так и объективно, в общем заслуживает полного доверия, и видит задачу науки лишь в устранении случайно проскользнувших ошибок, недоразумений и противоречий. Он проводит эти свои положения с полной эрудицией и с большой проницательностью, и хотя он не отказывается совершенно от объективного анализа, но все же доверяет ему меньше, чем букве записанного предания.

Верно, что объективный анализ легко вводит в заблуждение. Он является очень затруднительным при выяснении самых простых вещей, ибо даже специалист редко когда может учесть все обстоятельства, какие влияли или могли влиять у других народов и в другие времена на то или иное явление; да и независимо от этого специалисты часто питают пристрастие к какой-нибудь предвзятой теории и дают различные, часто даже противоречивые, сведения. Основой всякого исторического знания остаются неизменно свидетельства современников или же наиболее близких к современникам источников. Но чем дальше развивается исторический анализ, тем больше приходится убеждаться в том, что показания современников часто бывают

затуманены и затемнены всякого рода фантазиями, и там, где материал не дает возможности проверить один источник другим, — там последним прибежищем остается объективный анализ. Необходимо только проводить этот анализ с полным знанием дела, которое могло бы дать уверенность, что какая-нибудь чисто внешняя обманчивая аналогия не увлечет нас на ложный путь. Ветт тоже пользуется объективным анализом, выдвигая Рауля Реньо в противовес прусскому воинскому уставу, но тем самым он впадает во внутреннее противоречие. Он отбрасывает всякий принципиально проводимый объективный анализ, но сам пользуется им, оперируя сведениями, которые приобрел случайно, мимоходом. Подобный половинчатый объективный анализ, конечно, ничего не дает, а только вводит в заблуждение. Уж лучше попросту, самым наивным образом, пересказать все, что сообщают источники. Ветт — превосходный тому пример, поэтому ниже я неоднократно буду разбирать некоторые его утверждения. Здесь стоит на очереди вопрос о пробеге в 8 стадий.

Ветт ссылается на статью Реньо в популярном журнале «La Nature» от 29 июля 1893 г. С тех пор вышла в свет книга в 188 страниц «Comment on marche» Феликса Реньо и Де-Рауля с предисловием М. Марэя (Paris, Henri Charles-Lavauzelle, p. 188), где подробно разбирается этот вопрос. В этой книге майор Рауль утверждает, что зимой 1889/90 г. ему удалось в течение 3 месяцев натренировать взвод 16-го пехотного полка так, что он пробегал $20^1/_2$ км в 1 час 46 минут и после 2-часового отдыха совершал тот же путь обратно за 2 часа 05 минут. Каждый солдат нес на себе винтовку, саблю, 100 патронов и свой паек.

Дорога была неровной. Ген. Фэй осматривал после этого взвод: солдаты не проявляли никаких признаков усталости.

Два дня спустя тот же взвод на глазах у ген. Колонье прошел 11 км целиной без дорог, с походной укладкой, в 80 минут. Сейчас же по прибытии солдаты стреляли в цель и превзошли в этом всех состязавшихся.

В других полках стали подражать этому усовершенствованному обучению; некий капитан Фэй написал Раулю, что уже на девятый день он со своей ротой прошел 7 км в 45 минут.

Рауль считает, что армия, принявшая его способ бега «en flexion» (сгибаясь), может при хорошей дороге достичь скорости 1 км в 5 минут, начиная с третьего километра, и сохранять эту скорость в течение многих часов.

Прусский скорый шаг, из которого я исходил, дает от 165 до 175 м в 1 минуту, т. е., переводя на километры, около 1 км в 6 минут. Следовательно, скорый шаг Рауля на $^1/_6$ быстрее и равен скорости бегущей рысью лошади.

Если современные солдаты могут бежать с такой скоростью несколько часов, то почему же афиняне не могли пробежать так 9 минут?

А почему в таком случае, спрошу я, прусский устав гимнастики не разрешает бега с полной укладкой дольше 2 минут?

Прежде всего к результатам, достигнутым капитаном Раулем, следует отнестись с некоторым скептицизмом.

Он и сам распространяется о том, как неизмеримо важно было бы для ведения войны в будущем, если бы войска обладали способностью ходить и бегать с достигнутой им скоростью. «Войны выигрываются ногами», — часто говорят теоретики и не без основания. Изобретение современного оружия не внесло бы такого изменения в военное искусство, какое должны были бы внести солдаты, пробегающие милю (7 км) в $^3/_4$ часа и могущие работать таким темпом в течение многих часов и дней. Все господствующие ныне представления о стратегических операциях должны были бы быть изменены до основания, если бы мысль Рауля была правильна. Почему же французская армия не вводит эту новую систему маршировки? Она явилась бы полной гарантией победы над любым противником. Ведь испытания делались еще в 1890 г. на глазах у генералов и будто бы успешно.

Является подозрение, что у майора Рауля не последнюю роль играет самообман, столь часто наблюдаемый у изобретателей. О его достижениях мы узнаем не от какого-либо незаинтересованного третьего лица, а всегда лишь от него самого или от его сотрудников.

Отряд Рауля не был ни полком, ни хотя бы ротой, а лишь отдельным взводом из 34 чел., набранных, повидимому, из всего полка. Тренировка продолжалась 3 месяца.

Рекорды подобного отряда виртуозов ни в коей мере не могут служить критерием для суждения о способности большой человеческой массы. Затем, вопрос идет не только о беге, но и о том, чтобы фаланга подошла к неприятелю в полном порядке, чтобы люди не утратили даже частично своей боевой силы, чтобы им не изменяло дыхание. Для измерения возможностей целого равняются не по лучшим, а по худшим бегунам. Если бег приводит к потере сил хотя бы только у отдельных солдат и к их отставанию, то это должно не только внести беспорядок, но и в моральном отношении представляет большую опасность.

Аристофан в своем «Празднике мира» (v. 1, 78 n. 1171 ff.) очень реалистически рассказывает о воине, отправившемся в бой и найденном затем без оружия в ближайших кустах, или о полководце, выдававшем за узорную сардскую ткань свою пурпуровую одежду, которую он сам обмочил, когда бросил щит и пустился наутек. Каждое войско состоит не из одних лишь храбрецов, и если потеря дыхания дает сперва повод к отставанию, а с этого некоторые воины и начинают, то пример их действует всегда заразительно. Афиняне в этом отношении ничем не отличались от прочих людей, и если Оветт полагает, что они были лучше натренированы, чем современные солдаты, то нетрудно доказать, что в действительности было как раз наоборот. Афинское войско при Марафоне состояло из ополченцев в возрасте от 20 до 45 лет, и, конечно, из них лишь очень незначительная часть когда бы то ни было занималась гимнастикой. По большей части они жили не в самом городе Афинах, но на расстоянии 1—2 дней ходьбы, а вне города едва ли много времени посвящалось гимнастике. Людям, которые весь день должны работать за кусок хлеба, как афинские крестьяне, рыбаки, угольщики, гончары, ваятели и т. д., нехватает ни времени, ни сил для упражнения в беге. Знатные юноши, получавшие в гимназиях спортивное образование, и те едва ли могут сравниться энергией и выдержкой с современными солдатами, принужденными строгой дисциплиной несколько лет жить исключительно для военного физического развития и сообразно с этим регулировать весь свой образ жизни — не отлучаться по ночам, не позволять себе никаких послаблений. Если даже представить себе, что физическое развитие в эллинских гимназиях стояло на большой высоте, то все же в массовых ополчениях это не могло играть роли; чтобы судить об их возможностях, не приходится предполагать особенной тренировки.

Итак истинный объективный анализ марафонского бега не может привести к иным выводам, чем те, что я сделал еще в своих «Персидских и Бургундских войнах» (стр. 56). Прусский «Устав гимнастических упражнений для пехоты» гласит (стр. 21):

При упражнениях в передвижении скорым шагом должна соблюдаться следующая нормировка времени бега:

без укладки:	4 минуты бегом
	5 минут шагом
	4 минуты бегом
с походной укладкой:	2 минуты бегом
	5 минут шагом
	2 минуты бегом

Скорость движения бегом — 165—175 шагов [1] в минуту; отсюда максимум расстояния, которое можно пройти бегом с нагрузкой, — 350 шагов, а директор Центрального военно-гимнастического института оказал мне лично любезность, засвидетельствовав, что он считает 2 минуты (300—350 шагов) за наибольший предел того, сколько может пробежать снаряженная по-походному колонна чтобы с неутраченными силами добежать до неприятеля. К тому же нагрузка греческого гоплита была значительно тяжелее, чем у прусского пехотинца (у этого 58 фунтов, у того 72 фунта [2]), и притом бежать сплошной массой в 10 000 чел., конечно, труднее, чем небольшим отрядом.

Доказательством тому, что даже самые натренированные солдаты в древности не в состоянии были совершить большего, можно привести рассказ Цезаря о Фарсале (bell. civ., III, 92—93). Помпей приказал своим людям встретить атаку цезарианцев, не двигаясь с места, для того чтобы последним, вследствие удвоенного разбега (что составляло согласно bell civ., I, 82, 600—700 футов), пришлось добежать до неприятеля усталыми и запыхавшимися. Но закаленные в войнах солдаты Цезаря поняли уловку, сделали на полпути небольшую передышку и только тогда снова пустились в атаку (ср. Hist. de Jules César, guerre civile, par le Colonel Stoffel, II, 339).

8. Если Мильтиад (по Геродоту) распорядился о более глубоком построении обоих флангов и о более мелком центре, то в этом надо, конечно, видеть не искусную военную уловку, а крайнее средство, к которому афинян вынудила слишком большая ширина Франской долины.

Несомненно, что было бы лучше сделать центр столь же сильным, как и фланги. Может быть, следует еще особо обратить внимание на то, что и более глубокое построение флангов все равно было бы недостаточно для отражения персидской конницы в бою на открытой равнине. Хотя более глубокую колонну нельзя просто захлестнуть фланговой атакой, как мелкую фалангу, но ее можно остановить, и этого достаточно для ее гибели в тех случаях, когда ей, как при Марафоне, противостоят с фронта стрелки: против них она беззащитна, если не может подойти к ним вплотную. Более глубокое построение флангов можно, следовательно, рассматривать только как дополнительную меру укрепления флангов, главное обеспечение которым давали естественные условия местности. Но как бы хорошо ни была задумана эта мера, не известно, чего больше принесла она афинянам при Марафоне — пользы или вреда; ведь мы не знаем, способствовала ли она фактически отражению персидских всадников, но зато с уверенностью можем сказать, что последствиями ее были в высшей степени опасное ослабление и прорыв центра.

9. Эд. Мейер в III томе своей «Древней истории» (Ed. Meyer, Geschichte des Altertums), законченном, когда 1-е издание этой моей книги едва успело выйти в свет, так что автор мог о ней упомянуть лишь в предисловии, стал в отношении Персидских войн в общем на точку зрения, выраженную мной в моих «Персидских и Бургундских войнах», вышедших в 1887 г. В отдельных пунктах все же у нас есть существенные расхождения, которые следует подробно рассмотреть каждое на своем месте.

К мейеровскому рассказу о Марафоне я замечу следующее (переношу сюда из II тома 1-го издания).

Мейер говорит: «Национальной армии, которая могла бы помешать персам высадиться в Аттике, у афинян не было». Никакая армия вообще не может поме-

[1] Имеется в виду шаг во время бега, равный 1 м; французский шаг для бега считается в 80 см.

[2] Droysen (Heerwesen, стр. 3, примеч.) правильно отвергает теперь принятые мной вычисления Рюстова-Кёхли, считая их произвольными; однако, самый факт более тяжелой нагрузки в общем не может подлежать сомнению.

шать высадке, — это может сделать лишь флот. Береговая линия Аттики настолько длинна, что неприятельский флот всегда имел возможность появиться в том или ином месте и высадить свои войска до того, как подоспеет оборона, особенно если мы примем во внимание примитивное устройство античного корабля. Поэтому Мильтиад вполне резонно даже и не подумал о подобной операции, а позаботился лишь о возможно более благоприятных условиях для сражения с уже высадившимся неприятелем.

Мейеру кажется совершенно «невероятным», что афиняне заняли позицию, закрывавшую им возможность видеть неприятеля. В этом нет ничего невероятного. Нет никакой необходимости, чтобы все расположенное в лагере войско видело неприятеля; нужно лишь, чтобы он был виден надежным наблюдателям, поддерживающим быструю и верную связь с военачальниками.

Главное расхождение между Мейером и мной относительно самого боя касается местности. Я считаю, что афиняне расположились у выхода долины, — там, где горы служили обеспечением их обоим флангам. Мейер заставляет их расположиться на склоне южной горы (Агриелики), откуда они затем для отражения персидской атаки спускаются в открытую равнину. Почему персы при этом не атаковали со своей кавалерией афинскую фалангу с одного или с обоих флангов, остается невыясненным: сказано лишь, что персы, вызвавшие сражение и двинувшиеся на афинян, сражались храбро, применив пехоту, конница же, «застигнутая врасплох и ненадежная, не могла принять участия в сражении». Чем она была «застигнута врасплох», почему она была «ненадежна» и почему не могла принять участия в сражении, — об этом автор умалчивает.

Мы оставили в стороне вопрос о том, соответствует ли это изложение истине, ибо оно страдает более значительным пороком: оно создает видимость логической связи там, где таковой нет. Когда фаланга с холодным оружием сражается на равнине против стрелков и всадников, то исход зависит от того, зайдут ли всадники фаланге во фланг. Вопрос о том, произошло ли это, — или если не произошло, то почему, — должен безусловно лежать в основе каждого изображения этого сражения, правильно задуманного с исторической и военной точек зрения. Возможно, что вопрос останется без ответа, что наши источники окажутся слишком скудными или что автору существующие объяснения покажутся несостоятельными. Поэтому, если бы Мейер прибавил к своему рассказу о Марафоне фразу: «О тактическом ходе и общей конъюнктуре сражения предание нам ничего не сообщает, и наши догадки здесь бессильны», то это было бы вполне законной точкой зрения. Но Мейер этого отнюдь не делает; он попросту проходит мимо вопроса, почему персидские всадники оказались бессильны, и даже говорит (стр. 333), что сражение не представляет для понимания его никаких трудностей и что оно вполне объяснимо с точки зрения персидских боевых приемов; другими словами, что проблема, связанная со сражением, не только — правильно или нет — разрешена, но она даже не признается автором.

Еще хуже — настоящей насмешкой над законами стратегии — является повторение Мейером пустой афинской сплетни, будто персы уже после своего поражения, обогнув на кораблях Суний, хотели взять столицу.

10. Мунро (J. A. Munro, Some observations on the Persian wars. Journ. of Hell. Studies, 1899, стр. 185) выдвигает новую, родственную шиллинговской (см. выше, стр. 86, п. 5), гипотезу о Марафоне, основанную, во-первых, на том же, численном превосходстве персов и, во-вторых, на наличии сильной персофильской партии в самых Афинах. Обе эти предпосылки, хотя мы и находим их в рассказе Геродота, все же не могут на этом основании притязать на правдоподобие, да и следствия, которые выводит из них Мунро, настолько искусственны и натянуты, что я считаю излишним задерживаться на их детальном разборе.

Глава VI

Фермопилы

Марафон послужил персам уроком, что победа над эллинами требует более внушительных сил.

Поэтому для нового похода было снаряжено значительно большее войско, — настолько большее, что на одном только флоте его едва ли можно было перевезти; а так как поход был к тому же еще рассчитан на покорение всей Греции, то пришлось избрать сухопутный способ передвижения с тем, чтобы одновременно, по мере передвижения вперед, покорять все лежащие на пути страны и таким образом принудить еще независимые народности к признанию персидского владычества. Сухопутную армию сопровождал большой флот, на котором лежала тройная задача: снабжать армию продовольствием, победить греков на море и обеспечить армии возможность совершения водным путем обходов в тех случаях, когда на суше они окажутся неосуществимыми.

О том, как протекала эта война, мы можем составить себе еще значительно менее ясное представление, чем о первом походе. События при Марафоне настолько просты, что если только отбросить легендарные преувеличения вроде чудовищных размеров персидской армии и полуторакилометрового бега афинской фаланги, то одних намеков и преданий достаточно для того, чтобы понять логическую связь целого. Вторая война сложнее. Политические соображения не только Афин и Спарты, но также и второстепенных государств, сталкиваются с соображениями стратегическими; сухопутная армия и флот оспаривают друг у друга верховное руководство. Эти различные силы и противоречивые интересы непрерывно скрещиваются.

При таких обстоятельствах совершенно невозможно из одного лишь легендарного предания извлекать по нитям историческую основу. Однако, то, что существенно для нас, а именно выяснение, на каком уровне стояло военное искусство в этот решающий момент мировой истории, оказывается все-таки возможным, даже если мотивы отдельных стратегических операций приходится лишь угадывать.

Естественным стремлением греков было немедленно запереть перед наступающей неприятельской сухопутной армией те немногочисленные горные проходы, которые ведут с севера в Элладу. От обороны первого самого северного прохода — Темпейского ущелья — им пришлось, однако, отказаться, так как выяснилось, что дальше вглубь страны существовали другие проходы и что некоторые племена, жившие по эту сторону Темпейского ущелья, примкнули к персам. Второй горный проход — Фермопильская теснина между горой Этой и морем — был своевременно занят войском под предводительством Леонида.

Здесь возникает вопрос общего порядка: таков ли действительно наилучший способ использования гор при обороне страны и были ли уже известны грекам основные законы стратегического использования гор, возникающие из самой природы войны.

Современная глубоко продуманная стратегия применяет горы не для прикрытия страны, а по способу Леонида. Через любой горный кряж, в том числе и через Эту, всегда найдется, ближе или дальше, поудоб-

нее или потруднее, несколько дорог. Занять все эти пути чрезвычайно затруднительно, а защитить их все никогда не удается [1].

Неприятель всегда найдет место, где он сумеет прорваться или благодаря своему численному превосходству, или благодаря недостаточной бдительности противника, или же зайдя в тыл одному из оборонительных заслонов и используя для этого хотя бы простую горную тропинку; когда же линия прорвана где-нибудь в одном месте, то отряды, занимающие все другие проходы, подвергаются величайшей опасности. Если они не будут в кратчайший срок предупреждены и не снимутся тотчас с места, то могут потерять возможность отступления; и даже если им удастся уйти без потерь, они все же остаются отрезанными друг от друга или с большим трудом смогут добиться возобновления взаимной связи.

Следовательно, совершенно не требовалось обманувшее всякую бдительность позорное предательство изменника Эфиальта для того, чтобы персам открылось Фермопильское ущелье.

В неприятельской стране, как и всюду, нужен проводник, и его всегда приобретают добром или силой, подкупом или побоями; идея же обхода отнюдь не является результатом новейшей теории военного искусства, а свойственна полководцам с самых древних времен. Уже в сказании о борьбе Астиага с Киром персы завладевают мужественно защищаемым ущельем благодаря умелому обходу. В непосредственной близости от Фермопил проходит та самая тропа, по которой по Геродоту персы в 480 г., галлы в 278 г. и римляне в 191 г. обошли защитников ущелья.

От самой Трахиды, где начинается эта тропа, проходит еще и другая дорога, ведущая прямо через горы в Дориду. Эта дорога была использована частью персидских войск. Несколькими милями дальше, у горы Коракс, в 191 г. перевалил свое войско консул М. Ацилий Глабрион. Переход был очень труден и стоил больших потерь, но все же он удался [2]. Ксеркс был достаточно силен, чтобы использовать одновременно все эти проходы; его войско и без того было разделено на три части и шло по параллельным дорогам. Следовательно, рано или поздно, он все равно зашел бы защитникам ущелья в тыл, если бы ему не удалось справиться с ними с фронта.

Оборона горных проходов имеет смысл лишь тогда, когда она ставит себе целью не окончательное задержание неприятеля, а лишь принуждение его к известной потере времени и к принятию кровопролитных боев. Если же хотят использовать горы для того, чтобы действительно отразить вторжение превосходящих по численности войск, то по теории тактики следует собрать все силы против того прохода или одного из тех проходов, которым должен воспользоваться неприятель; затем, в тот момент, когда из теснины вышла лишь часть его войск, на него нападают врасплох. Если удастся разбить эту — еще относительно слабую и не развернувшуюся в боевой порядок — часть, то неприятель понесет большие потери. Ему придется вернуться в ущелье, а отдельные отряды могут оказаться совершенно отрезанными и будут поголовно истреблены.

---

[1] Увеличение в новейшее время численности войск вносит поправку в это положение. Чудовищные массы наших нынешних армий позволяют так плотно занять даже длинную горную цепь, что прорваться через нее нелегко. Так, в течение зимы 1914/15 г. австрийцам удалось долго отстаивать Карпаты против русских.

[2] Ливий, XXXVI, 30.

В том же случае, когда неприятель предпринял переход через горы в нескольких местах одновременно, можно бросить все свои силы на какую-либо часть его войск и таким порядком порознь разделаться со всеми частями противника, действуя все время объединенными силами. Эта уловка настолько проста, что мы встречаем ее применение уже в древнейших военных преданиях. Первым великим народом-завоевателем по легендарным историческим преданиям были ассирийцы при царе Нине. И вот, когда царь Нин, как рассказывает предание, пошел на бактрийцев, бактрийский царь дал одной части ассирийцев спуститься по горным ущельям в свою страну, а затем напал на нее и разбил. Но Нин оказался настолько силен, что проникших через другие ущелья отрядов было достаточно для того, чтобы в конечном счете все-таки победить бактрийцев [1].

Итак мы должны признать, что принципы стратегического использования гор были известны уже в древнейшие времена, но греки в 480 г. не имели возможности следовать им. Пришлось бы собрать все силы у горы Эты и здесь дать наступательный бой. Но это было невозможно уже по чисто политическим соображениям. Нельзя ждать от конгломерата мелких республик, чтобы они выслали так далеко от дома все свои силы и подвергли их всем опасностям наступательного боя еще до того, как над их собственной страной нависнет непосредственная угроза; при этом значительная часть их, а именно афиняне, была занята во флоте. Но прежде всего греки не имели тактической возможности дать наступательный бой ввиду наличия у персов конницы. Только искусно выбранная оборонительная позиция с обеспечением флангов дала победу при Марафоне. Если бы грекам снова удалось занять подобную же позицию, то, конечно, персы на этот раз на них не напали бы, а, обойдя ее — в данном случае при помощи флота, — искали бы сражения в открытом поле.

Позднейшее предание [2] рассказывает, что Фемистокл, избранный афинянами в полководцы, с самого начала отказался от всякой обороны на суше и хотел как можно дальше выйти с флотом навстречу персам. В сущности это было бы в то время наилучшим решением. Все равно морское сражение было неизбежно; а в случае удачи, победа над персидским флотом создала бы более благоприятные условия для победы на суше: большая часть экипажа могла выйти на сушу, надеть гоплитские доспехи и составить подкрепление сухопутной армии. Персы же для своих стратегических маневров лишились бы дополнительного средства — обхода морским путем.

Но при подобном плане действий могли бы возникнуть разного рода препятствия. Отдельные контингенты греческого флота едва ли смогли бы так скоро приготовиться и собраться в далекую экспедицию, к самому Геллеспонту; риск был очень велик, тем более, что персидские суда держались с большой осторожностью у берегов, пока сухопутное войско не подошло к границам Эллады.

Таким образом, становится понятным, почему греки, наконец, избрали средний путь; они попытались закрыть проход при Фермопилах, тогда как флот поджидал неприятельские корабли у северной оконечности Эвбеи близ мыса Артемизия. Афиняне, еще принимавшие большое участие при занятии Темпейского ущелья, теперь изменили свой

---

[1] Диодор, II, 6, из Ктесия.
[2] Плутарх, Фемистокл, гл. 7.

взгляд, сосредоточили все силы исключительно на флоте и не доставили контингента в войско Леонида. Занятие Фермопил является, очевидно, лишь дополнительным штрихом к основному стратегическому плану: дать сражение в открытом море, к северу от Эвбеи. Дальше к северу невозможно было бы собрать все разрозненные контингенты флота, даже у Артемизия их не удалось собрать полностью; отойти же дальше на юг значило бы оставить Среднюю Грецию без обороны на разгром сухопутному персидскому войску, так как Фермопилы были единственной позицией, где была еще надежда его задержать, покуда флот прикрывает с моря фланг фермопильского отряда.

Часто высказывалось удивление, почему греки не усилили войско Леонида; хотя и нельзя полагаться на дошедшие до нас цифры, но все же достоверно известно, что при общей численности воинов-спартиатов около 2 000 чел. Леонид имел в своем распоряжении лишь 300 из них. Из этого следует, что и другие государства выслали лишь небольшие отряды или же вовсе ничего, однако, это легко поддается объяснению. Грекам была знакома опасность обороны в горах. Когда закрытие прохода не удается, то это означает не только потерю позиции, но и гибель большей части всего войска, и чем последнее сильнее, тем большая часть его обречена, так как более многочисленному войску труднее отступать. Для отступающего войска персидские всадники и лучники были особенно опасными преследователями. Между тем, чтобы закрыть ущелье, было достаточно и небольшого войска; в самом деле греки проиграли в конечном итоге сражение не потому, что их отряд был численно слаб, а лишь из-за недостаточной бдительности.

Фермопилы же — хотя я и впервые высказываю это здесь — являются в общем стратегическом замысле греческой обороны лишь второстепенным вспомогательным действием. Ведь расчет при занятии этой позиции был основан на надежде, что греческому флоту удастся победить персидский у Артемизия, и тогда неприятельскому сухопутному войску придется отказаться от своих намерений и отступить. Сама по себе оборона Фермопил не имела почти никаких шансов на успех; она являлась, если рассматривать ее изолированно, лишь героической попыткой, при которой отнюдь не было поставлено на карту сразу все. С формальной и с материалистически-военной точки зрения это было, можно сказать, ошибкой, но в то же время этого требовала необходимость иного порядка. Не отдавать варварам без боя доступ в исконно эллинские земли было неизмеримо важно с моральной точки зрения.

И Леонид понял и выполнил сущность своей задачи. Как только стало известно, что персы совершили обход, он приказал главной части своего войска начать отступление; сам же со своими спартиатами остался для того, чтобы прикрыть это отступление и вместе с тем достойным образом осуществить идею возложенной на него борьбы. Гибель спартиатов является не только одной искупительной жертвой и не только одной геройской смертью в бою, прикрывавшем отступление, она — и то и другое одновременно.

Критики утверждают, что Леонид должен был отступить; несомненно, сами критики на его месте отступили бы. Эти слова Генриха Лео можно привести и в нашем военно-историческом обзоре как наилучшую характеристику сражения при Фермопилах.

Как Мильтиад своей оборонительно-наступательной тактикой при Марафоне доказал, что Эллада уже усвоила основные законы военного

искусства, так Леонид воплощает моральное начало в войне, его значение, его ценность; не только рыцарскую личную храбрость и геройскую смерть, но и геройство как органический элемент войны, как сознательное военное действие.

Доказательство тому, что греки сознавали эту идею, дает нам поэт, который в словах, классических, как само событие, запечатлел его смысл на все времена:

«Путник, когда ты прибудешь в Спарту, сообщи там, что ты видел нас здесь павшими, как повелевал нам закон».

* * * . .

1. Чем больше себе уясняешь, что греки не могли принять сражение с персами на суше до победы над персидским флотом, тем поразительнее кажется то, что афиняне выслали сначала к Темпейскому ущелью большое сухопутное войско, да еще под предводительством Фемистокла, который из всех греков наиболее правильно сумел оценить стратегическое положение.

Возможным кажется следующее объяснение. Когда греки шли к Темпейскому ущелью, то не только беотяне, но и фессалийцы были еще на их стороне, причем те и другие, в особенности же фессалийцы, располагали прекрасной конницей. Следовательно, Фемистокл, может быть, имел в виду не запирать Темпейский проход,— что являлось совершенно безнадежным, так как персы имели возможность обойти его не только по суше, но и с моря,— а с фессалийской конницей дать сражение выходящим из ущелья персам. Этот замысел оказался невыполненным, главным образом, потому, что на фессалийцев трудно было положиться, а остальные греки явились с недостаточными силами; только тогда Фемистокл повел афинян по другой линии — помериться сперва с персидским флотом — и к Фермопилам уже вовсе не послал войска.

Таким образом, Фермопилы представляли заранее потерянную позицию (надежда могла быть только одна, а именно, что персы с п е р в а проиграют сражение на море и вынуждены будут отступить), и на Леонида была возложена задача с честью умереть в пример всем эллинам.

2. У Диодора (XI, 4) приводится (по Эфору) не получивший до сей поры никакого доверия рассказ, который, однако, исходя из всего вышеизложенного, очень похож на истину. По этому рассказу Леонид хотел взять из Лакедемона лишь 1 000 чел.; когда же эфоры предложили ему больше, он ответил, что для закрытия ущелья нехватит и тех, но что в действительности ему предстоит не запереть ущелье, а вести спартиатов на смерть. Если он пойдет туда со всем народом, то Лакедемон погибнет. Возможно, что число 1 000 является в рассказе произвольным, так же как и предложение эфоров дать царю большее войско. Они, вероятно, понимали положение не хуже Леонида. Но для нас существенно то, что здесь в популярной форме сохранилась фактически правильная стратегическая идея. Также и относительно Марафона мы нашли у Эфора предание, правильно оценивавшее военную обстановку.

3. По Геродоту Леонид удержал при себе также и 700 предложивших себя для этой цели феспийцев, а также фиванцев. Фиванцы передались персам, феспийцы же пали вместе со спартиатами.

Если самопожертвование спартиатов, составлявших военное сословие, кажется незабываемым героическим подвигом, то добровольное участие в нем гражданского ополчения небольшого городка как будто превосходит все человеческие возможности. Факт, что целый город был населен подобными героями, — Феспии не могли иметь больше 700 гоплитов, — совершенно неправдоподобен, и мы не можем при-

нять его на веру по свидетельству одного лишь легендарного предания. Логически рассуждая, это можно объяснить так: персы нагнали феспийцев при их отступлении и, ввиду их сопротивления, истребили их; фиванцы же предпочли сдаться.

4. Против моего взгляда на подвиг Леонида Бузольт (стр. 686, примеч.) возражает, что Леонид, если он хотел прикрыть отступление остального войска, мог во всяком случае и сам отступать до тех пор, пока персидская обходная колонна не очутилась бы снова перед его фронтом; ведь и дальше нашлись бы узкие места, где удобно было бы обороняться. Это возражение совершенно не выдерживает критики. У персов была, конечно, хорошо поставлена дозорная служба, и они немедленно начали бы натиск, как только заметили бы отход неприятеля из ущелья. В результате греки сперва понесли бы большие потери от стрел преследователя, а затем в ближайшем месте были бы снова обойдены. Может быть, незначительной горсточке спартиатов и удалось бы в конце концов спастись, но вся моральная ценность борьбы была бы утрачена. Две стоявшие перед спартанцами задачи связаны между собой безраздельно: самопожертвование ради его моральной ценности и чисто военная цель.

5. (2-е изд.). Я не внес существенных изменений в мое изложение фермопильских событий, как оно дано в 1-м издании, хотя в своем превосходном топографическом исследовании (The great Persian war and its preliminaries; a study of the evidence, literary and topographical, London 1901) Грэнди (Grundy) оспаривает возможность пройти через горы поблизости от Фермопил и в частности отрицает существование в древности дороги из Трахиды на Дориду. Но если и не было дороги, то была тропинка, как говорит Мунро (Munro, The journal of Hellenic studies, т. 22, стр. 314, 1902 г.), настолько вообще исправивший и ограничивший выводы Грэнди, что в принципе мое толкование остается в силе.

Какой тропинкой фактически воспользовались персы для обхода, является чисто топографической проблемой, которую нам нет необходимости рассматривать.

Глава VII

Сражение у Артемизия

Одновременно с боями при Фермопилах оба флота сражались три дня подряд у мыса Артемизия [1]. Позднейшее предание рассматривает дело при Артемизии как победу. По Геродоту силы были приблизительно равны, но греки, вследствие повреждения большого числа кораблей, решили отступить и уже начали отход, когда вдобавок пришло известие о постигшей Леонида катастрофе.

На первый взгляд этот рассказ следует как будто рассматривать как признание в поражении; ведь отступление флота от северной оконечности Эвбеи означало сдачу Фермопил, а сдать Фермопилы означало очистить всю Среднюю Грецию и Аттику. Народ мог думать, как рассказывает Геродот, что отступление дойдет лишь до Эврипа и что сухопутное греческое войско где-нибудь дальше к югу еще раз

[1] Платон, Менексен, XI; Аристофан, Лисистрата, стих 1250 (в русском переводе А. Пиотровского ст. 1255—1260). Впоследствии на мысу был воздвигнут на скале памятник победы, надпись на котором передает нам Плутарх.

выйдет против Ксеркса. Но военачальники, конечно, знали, что если уж не удалось удержаться у Фермопил, то дальше к югу не было такой позиции, которую персы не могли бы обойти, а, следовательно, спартанцы могли снова приступить к обороне страны лишь у Истма. Грекам, а в особенности афинянам, нелегко далось решение отступить от Артемизия; их страна и город тем самым предавались гибели. Только безусловная необходимость, т. е. поражение, могла, казалось, привести к такому решению.

С другой стороны, представляется странным, почему персы дали греческому флоту отступить, не преследуя его.

Персидские адмиралы знали, что сухопутное войско Ксеркса сражается за горный проход; они знали, какую они стяжали бы великую славу, если бы прогнали греческие корабли и тем самым создали бы возможность обойти Фермопилы морским путем. Тем не менее, после трехдневного боя они на четвертый уже не вышли в бой и лишь при известии об отходе греков снялись со своей якорной стоянки у входа в Пагасейский залив. После полной победы персы, конечно, не были бы так сдержаны.

Итак очевидно, что греки в этом трехдневном бою держались совсем не плохо. Не ошибочно ли сообщение, что они решили отступить еще до получения известия из Фермопил. Во всяком случае связь между событиями становится много понятнее, если принять, что только это известие дало перевес тем голосам, которые, может быть, и раньше высказывались за отступление (так понимал еще Плутарх), и окончательно решило вопрос.

Как бы то ни было, можно сказать с уверенностью, что греческий флот в открытом море показал себя вполне достойным соперником персидского, который не смог его одолеть в трехдневном бою.

Отсюда мы должны заключить, что оба флота были приблизительно равны. Когда греки утверждают, что персы втрое превосходили их численностью и все же не смогли победить, а объясняют это внутреннее противоречие беспорядком, внесенным в персидский флот чрезмерной величиной и количеством их кораблей, то это явный вымысел. Основу персидских морских сил составляли финикияне и ионийские греки; те и другие—превосходные моряки, умевшие управлять ими же построенными кораблями. Весь экипаж состоял, повидимому, сплошь из профессиональных моряков, тогда как греческие корабли обслуживались отчасти, правда, также превосходными моряками, отчасти же неопытными в морском деле гражданами. Сам Геродот неоднократно упоминает о техническом превосходстве противника (VII, 179; VIII, 10) и заставляет Фемистокла совершенно ясно сказать (VIII, 60), что греческие корабли более неповоротливы (βαρυτέραζ). Факты позднейшей военно-морской истории, как, например, превосходство афинян над спартанцами в Пелопоннесской войне, учат тому, как важна для флота профессиональная опытность экипажа. Однако, в 480 г. экипаж афинского флота состоял, главным образом, из аттических крестьян, угольщиков и ремесленников, получивших лишь самое необходимое обучение [1] во флоте, созданном всего лишь за два года перед тем.

[1] Относительно постройки триер см. Hauk (бывший директор судостроительного общества «Vulkan») в журнале «Zeitschrift des Vereins deutscher Ingeniere», 1895 г.; A. Tenne (инженер), Kriegsschiffe zu den Zeiten der alten Griechen und Römer, 1916 г., отзыв дал Chr. Voigt в «Die Liter. Zeit.» за 1917 г., № 29, стр. 932.

Значит, греки никак не могли бы выдержать трехдневного боя, если бы более опытный в морском деле противник имел к тому же еще и численный перевес. Греки сами сообщают, что в первый день имели 271 триеру, так что у персов было, конечно, не больше 200—300 триер.

По преданию они за несколько дней до того потеряли много кораблей во время сильной бури. Даже если сообщение об этой потере сильно преувеличено и они с самого начала не имели больше 200—300 триер, то все же вполне вероятно, что Ксеркс рассчитывал с таким флотом убрать с моря всех греков. Из всех греческих кораблей 127 принадлежали афинянам. За несколько лет до этого афиняне заняли 20 кораблей у коринфян для войны с Эгиной. Лишь после этого, по настоянию Фемистокла, был выстроен большой флот в 483/82 г., и при персидском дворе, конечно, не имели представления о том, какое колоссальное напряжение было сделано этим маленьким государством уже в последний момент. Поэтому у нас нет не только никаких оснований предполагать, что персидский флот был сильнее греческого, но весь ход сражения у Артемизия совершенно исключает эту возможность, по крайней мере после потерь, понесенных персами вследствие бури [1].

Предположение, что персы совершили нападение до того, как весь их флот был в сборе, конечно, равным образом исключено.

Если все это правильно, то и отступление греков становится вполне понятным. По Геродоту афиняне еще у Артемизия получили подкрепление из 53 дополнительных афинских триер; это известие вполне основательно оспаривает Белох. Для 200 триер у Афин нехватило бы людей. Но не подлежит никакому сомнению, что значительная часть мелких контингентов появилась лишь при Саламине. Геродот старается обстоятельно доказать, что не только греки, но и персы со своей стороны тоже получали подкрепление. Правда, для персов подкрепления состояли лишь из немногих судов от греков-островитян, для греков Геродот дает 55 триер (сверх 53 афинских). Следовательно, отступая от Артемизия, греки отступали за подкреплением; к тому же они имели возможность в своих гаванях очень быстро починить попорченные суда, что для персов было значительно труднее. Если грекам с честью удалось удержаться у Артемизия, то можно было с твердой надеждой на победу ждать второго сражения в Сароническом заливе. Правда, платить приходилось чрезвычайно дорогой ценой: афиняне должны были оставить на разгром неприятелю свою страну и город; но коль скоро не удалось победить неприятельский флот у Артемизия, другого выхода не оставалось.

1. Геродот рассказывает, что греки уже до сражения один раз отступили от Артемизия до самого Эврипа и вернулись на старую позицию лишь после известия о крупных потерях, понесенных персами вследствие бури. Этот рассказ не

[1] Следует вспомнить, что не только крупные сухопутные силы, но и большие флоты мало поворотливы. Полный состав флота, с которым афиняне в 415 г. выступили против Сицилии, насчитывал 134 триеры, 2 пентеконтеры; к ним надо добавить 131 грузовое судно и некоторое число добровольных торговых судов. Весь этот флот не был собран в одну эскадру, но был разделен на 3 дивизии, «чтобы они при совместном плавании во время остановок у берегов не терпели нужды в воде и в гаванях, а также в съестных припасах и, кроме того, чтобы воины, находясь в каждой эскадре под начальством отдельного стратега, лучше подчинялись и соблюдали дисциплину» (Фукидид, VI, 42).

заслуживает никакого доверия, ибо в таком случае и Леонид должен был бы очистить Фермопилы. Назначение этого рассказа — сгустить краски и показать нам, в каком великом страхе жили греки до прихода персов и как помогли боги, наслав непогоду и ветер. Чем больше были потери персов при кораблекрушении, тем больше, значит, был их флот первоначально.

2. Вместе с точным установлением соотношения сил на море окончательно отпадает басня, будто персы отправили 200 кораблей за Эвбею, чтобы отрезать грекам отступление, и что все эти корабли были разбиты бурей. Для того чтобы отрезать отступление греческому флоту в том случае, если бы персы могли обойтись в бою без этих 200 кораблей, их вовсе не надо было посылать за Эвбею, а попросту надо было в тот момент, когда главный флот пошел бы в бой, направить их прямо в море, против левого фланга греков. Этот рассказ также принадлежит к вспомогательным штрихам легенды, стремящейся сгладить противоречия между действительно огромной величиной персидского флота и фактическим участием его в сражении.

3. Противоречие между многократным превосходством персидского флота над греческим и тем обстоятельством, что этот последний все-таки оставался господином положения в трехдневном сражении в открытом море, я пытался ранее разрешить таким образом, что при Артемизии вообще не произошло настоящего сражения. Однако, такое решение несостоятельно и, конечно, не потому, что имеется рассказ греков об этом сражении (легенда ведь часто выдумывала целые сражения), но потому, что происходили бои при Фермопилах. Невероятно, чтобы персидский флот стоял в бездействии, пока царь сражался здесь; и флот должен был внести в дело все свои силы, чтобы отбросить греческий флот и зайти в тыл позиции Леонида. Так как решение при Фермопилах последовало только на седьмой день после подхода царя к ущелью, то совершенно ясно, что сухопутное войско именно и ожидало выступления флота. Это выступление задержалось будто бы на три дня из-за непогоды. Эти показания Геродота можно было бы считать достоверными, хотя подробности в хронологических сообщениях при описаниях событий спустя столь долгое время всегда подлежат серьезной критической оценке, а Геродот противоречит и самому себе.

Глава VIII

Сражение при Саламине

Когда в Афины пришла весть, что граждане должны покинуть город и отдать его неприятелю, они в тупом отчаянии отказывались последовать этому совету, а толкование божественного изречения относительно деревянных стен еще не было разгадано. Наконец, выяснилось, что священная городская змея не поглотила своего ежемесячного жертвенного пирога; следовательно, надо было признать, что она тоже покинула город. Последовать такому божественному примеру не постыдились теперь и афинские граждане.

Население было перевезено частично на пелопоннесский берег, частично же лишь на Саламин. Для перевозки больших человеческих масс с их движимым имуществом, всех вместе, на пелопоннесский бе-

рег нехватило бы средств. Крестьянское население бежало в горы. В то время как остров Саламин предоставлял убежище афинским гражданам, к этому месту стягивался флот. Тем не менее — так гласит предание — произошел, якобы, большой спор между военачальниками, следовало ли теперь же у Саламина принять бой с персидским флотом. Мы не в состоянии с достоверностью распознать природу этого спора, а потому методологически было бы совершенно неправильно выдавать за подлинную историю рассказ, подобный данному рассказу Геродота, даже если бы удалось очистить его от очевидных нелепостей и противоречий. Может быть, весь этот спор военачальников является басней, в которой заключено только зернышко истины, а именно, что соображения, следовало ли давать сражение при Саламине или в другом месте, были всесторонне взвешены на военном совете. Именно такое искажение действительности, кажущееся столь убедительным, встречается довольно часто в истории войн, в том числе и в новейшей; сошлюсь здесь только на сообщение буллингерской хроники сражения при Муртене и на аналогичный мнимый спор между Фридрихом и Шверином перед сражением под Прагой. Отдельные куски геродотовского рассказа все же настолько соответствуют природе событий, что мы безусловно можем их принять; но мы не знаем, не играли ли роль в этих событиях также и другие неизвестные нам и, может быть, значительно более важные причины.

Прежде всего надо установить, что речь шла только о том, где должно произойти сражение, а не о том, должно ли было оно произойти. Если бы у греков не было мужества отважиться на морское сражение, то Греция должна была бы подчиниться персам; при отсутствии противодействия со стороны флота персы обошли бы прегражденный стеною Истм, а то, что сухопутное войско не рассчитывало дать бой персам в открытом поле, это мы уже знаем. Если бы сражение произошло теперь между Саламином и материком и было бы проиграно, то побежденные были как бы отрезаны, — и только немногие корабли могли бы спастись через Мегарский пролив, если бы персы не преградили и его. Сражение в открытом море имело, следовательно, то преимущество, что опасность при этом не достигала высшего предела. Но для исхода войны это не имело значения; поражение флота, даже несколько менее полное, во всех случаях решало войну, так как без флота и сухопутное войско не было способно оказать сопротивление. Кроме того, отступление к Истму передало бы в руки неприятеля не только Саламин со спасшимися туда афинянами, но также Эгину и Мегару. Это представляется нам безусловно решающим обстоятельством, и мы прежде всего беспомощны отыскать хоть какой-нибудь рациональный мотив, который должны были бы все же выставлять сторонники дальнейшего отступления. Ведь легенда удовлетворяется тем, что объясняет это просто глупостью и трусостью; в действительности события происходили не так, и совершенно очевидно, что спартанский царь Эврипид и вождь коринфян Адеймант, которого соотечественники его превозносили как героя и считали настоящим победителем при Саламине, приводили в защиту своего плана еще и другие доводы, помимо сохраненных до нас Геродотом. В самом деле, мы и в рассказе Геродота находим еще один факт, который до сих пор оставался совершенно незамеченным, но мог бы дать нам искомый ключ к решению вопроса, если только вообще в основе этого рассказа лежит что-либо реальное.

Мы узнаем, что флот в составе 60 керкирских (с острова Керкира, ныне Корфу. — Ред.) триер уже достиг южной оконечности Пелопоннеса. Греки позднее высказывали подозрение, что керкиряне, которые якобы были задержаны противными ветрами, запоздали нарочно, чтобы выждать решения и присоединиться к победителю. Нельзя, однако, считать невероятным, что в совете греческих военачальников каждый момент ждали их прибытия, а потому, идя на самые тяжелые жертвы, предпочитали отступить еще на шаг и сделать победу при помощи керкирцев еще более надежной.

Решающую роль со всей смелостью его натуры сыграл будто бы Фемистокл, который, притворяясь изменником, сам оповестил царя Ксеркса о раздоре между греками и тем вызвал его на немедленное наступление. Относительно содержания того, что Фемистокл приказал сообщить царю, греки были не совсем единодушны во мнениях. У Эсхила («Персы», стих 336) говорится, что один человек сообщил Ксерксу, будто греки ночью обратятся в бегство и рассеются, чтобы спасти свою жизнь. Геродот добавляет к этому еще слова, что, когда персы подплывут, греки начнут борьбу между собою. Диодор (конечно, по Эфору) заставляет посланного сказать, что греки хотят плыть к Истму, чтобы соединиться там с сухопутными войсками. Близок к этому и, конечно, почерпнут из этого источника рассказ Плутарха. Причина таких изменений в рассказе ясна: были люди, для которых не являлось очевидным, что царь был заинтересован в том, чтобы помешать грекам рассеяться. Ибо, когда дело дошло бы до этого, персидский флот не только с легкостью разбил бы любой отряд греческого флота, если бы только тот вообще отважился держаться в открытом море, но и добился бы также решающей победы на суше, высадив часть персидского войска где-нибудь на Пелопоннесском материке и тем самым вынудив греков уйти со своей последней, недоступной для обхода позиции за стеной Истма. Отсюда и добавление Геродота, что греки вступят в борьбу друг с другом, т. е. часть их перейдет на сторону персов; это по крайней мере делает нападение персов до известной степени понятным. Эфор сознавал, однако, что и этого недостаточно, а так как не было никакого другого достоверного предания, он ввел в рассказ вместо роспуска флота только отступление к Истму и соединение с сухопутным войском. Позднейшие писатели, такие, как Непот, Юстин, Фронтин, вернулись к первоначальной легенде и заставляют передавать царю такой совет: греки намереваются рассеяться, а потому он должен быстро напасть на них, чтобы захватить их всех вместе. Ни в какой сказке не удается так великолепно одурачить задорного короля. Но настоящий солдат, каким был Фемистокл, вероятно, сказал бы себе, что Ксеркс ответил бы ему так: «Это очень радостное известие; теперь я без риска могу разбить их поодиночке одного вслед за другим». Наиболее вероятным было бы, конечно, сообщение, которое гласило бы, примерно, так: в пути находятся еще шестьдесят керкирских триер, а потому персы должны начать сражение до их прибытия.

—До этого момента я мог сохранить изложение в том виде, как оно было в первых двух изданиях. Дальнейшее является новым. Достойно удивления, что путем тщательных филологических исследований удалось открыть абсолютно новый факт, который ставит совершившееся при Саламине как в тактическом, так и в стратегическом отношениях на совершенно иную основу, чем это было принято до сих пор. Все

изыскания относительно Саламина исходили из предпосылки, что остров Пситтале́я, занятый во время сражения персами, которые после победы греков были отрезаны и уничтожены, идентичен нынешнему острову Лейпсокутали, который расположен еще перед входом в пролив. Бесконечные старания были потрачены на то, чтобы сообщения о сражении, имеющиеся у Эсхила и Геродота, привести в согласие друг с другом и с такой топографической предпосылкой. Но теперь Юлиус Белох установил, что исследователи были введены в заблуждение внешним созвучием названий «Пситтале́я» и «Лейпсокутали», что оба названия не имеют между собой ничего общего и что остров Пситтале́я, вблизи которого произошло сражение, с гораздо большим основанием можно считать островом Хагиос Георгиос, находящимся значительно дальше к северу в самом проливе. Этот случай напоминает случай со сражением при Муртене, где топография, а вследствие этого также и тактико-стратегическая концепция сражения были запутаны необоснованным преданием, которое принимало часовню, отстоявшую довольно далеко от поля сражения, за часовню, находившуюся на самом поле. С работой Белоха в руках я прошел в 1911 г. по берегу вдоль пролива, и тогда с моих глаз как бы спала пелена: я пришел к выводу, что сражение вообще произошло не в этом проливе, так как в нем слишком мало места. Сражение могло произойти только по ту сторону пролива, в Элевсинской бухте.

С учетом этого основного положения первоисточники этого предания были еще раз проработаны одним из моих учеников Готфридом Цинном, в результате чего получилась картина сражения, бесспорная и тактически и стратегически [1]. Все сообщения источников, которые казались настолько запутанными, что объяснить их считали возможным только искажениями текстов то в том, то в другом месте, находятся теперь в прекраснейшей гармонии.

После занятия Афин персы прождали добрых две недели, прежде чем они предприняли решительные действия (занятие города—приблизительно 10 сентября; сражение—28 сентября). Несмотря на все предшествующие успехи, обстановка была для них трудной, и нелегко было решить, какой способ действия был бы наилучшим. Греческий флот стоял у северного берега острова Саламина, где имеется достаточно прибрежных песков (почти весь восточный берег обрывистый). Так как на острове слишком мало воды, чтобы обеспечить ею весь флот (приблизительно 300 кораблей с 50 000—60 000 экипажа), то часть кораблей стояла, видимо, у побережья Мегары [2]. Можно было бы себе представить, что Ксеркс предварительно обсудил, должен ли он одновременно с нападением на море предпринять также нападение и на суше, по дороге из Афин в Мегару. Но так как об этом ничего не сообщается, то

[1] «Berliner Dissertation», 1914 г., изд. Р. Тренкель (R. Trenkel).

[2] Если учесть природу геродотовского рассказа, то нет естественно ничего невозможного в том, что в контексте утерян большой кусок, от которого не осталось никакого следа. Все же очень странно, что мы ничего не слышим о том, почему большое персидское войско за те 2 недели, в продолжение которых оно находилось на лагерной стоянке в Аттике, не заняло также и Мегару, которая лежит ведь еще перед Истмом и его стеной. Естественным было объяснение, что спартанцы с сухопутной армией пелопоннесцев не окопались у Истма, но заняли узкие горные проходы, которые вели из Аттики в Мегару, а Ксеркс, как при Фермопилах и тем более после опыта Фермопил, не напал на них, так как он сперва хотел покончить с флотом. Тем более вероятно в этом случае, что часть греческого флота могла находиться у берегов Мегары. Совершенно очевидно, что такая концепция находится в прямом противоречии с преданием.

мы можем лишь установить, что во всяком случае персы до Мегары не доходили, а, следовательно, не чувствовали себя достаточно сильными для этого и ограничились только наступлением флота, которое предполагало тщательную и длительную предварительную разведку. Чтобы подойти к грекам, персидский флот должен был пройти или через Саламинский пролив, довольно извилистый, заполненный островами и подводными камнями, или через еще более узкий проход с другой, Мегарской стороны острова — через бухту Трупика. Решили, наконец, атаковать греков одновременно с обеих сторон; в случае победы греческий флот был бы разбит и полностью уничтожен. Обе части флота выступили еще ночью, чтобы на утро проникнуть в Элевсинскую бухту одновременно обоими путями.

Как только было сообщено о приближении неприятеля, греки тоже приготовились к бою, также разделились на части и поплыли навстречу противнику. Перед этим Фемистокл нашел еще время произнести зажигательную речь. В его намерение не входило преградить путь неприятелю при входе последнего в открытую бухту, — он стремился напасть на противника еще во время развертывания его в узком проходе. Передовые корабли греков, несомненно, те из них, которые несли наблюдательную и сторожевую службу при входе в пролив, сначала отплыли на некоторое расстояние назад. После этого началось наступление, во время которого пытались охватить правый фланг персов, т. е. фланг, который двигался в направлении на Элевсин, как совершенно правильно замечает Геродот. Персы защищались самым храбрым образом, но узкий пролив лишь медленно выпускал их корабли, в то время как греки немедленно могли ввести в дело свои и без того превосходившие персов силы.

В таких условиях финикийско-ионические корабли, несмотря на превосходство их маневроспособности, вынуждены были терпеть урон и были вновь загнаны в пролив. А так как отходившие назад корабли встречались с кораблями, еще стремившимися вперед, то они попадали в величайший беспорядок и несли тяжелые потери.

Относительно боя в противоположном морском проходе у Мегары нам ничего не известно. Но мы можем с достоверностью принять, что этот бой разыгрался точно таким же образом, ибо афиняне рассказывали Геродоту, что коринфские корабли отошли к этой стороне (по мнению афинян для того, чтобы спастись бегством), а коринфяне чествовали своего полководца Адеймanta как героя.

Все искажения, которые делали традиционную версию столь непонятной, теперь исчезли.

Если до настоящего времени не могли понять, почему узость фарватера должна была оказаться губительной именно для персов (что как раз подчеркивает Эсхил), хотя финикияне и ионийцы были, несомненно, лучшими мореплавателями, чем афинское ополчение, то теперь ясно, каким образом стратегический гений Фемистокла действительно сумел так организовать сражение, что узость прохода помогла грекам, а противник при всем своем мореходном искусстве не мог выровнять положение, ибо узость прохода имеет отношение не к самому бою, а к моменту подхода к месту боя.

Противоречие, заключавшееся в том, что греки при Артемизии успешно сражались в открытом море, а теперь при увеличившейся численности кораблей якобы нарочно выбрали для боя узкое простран-

ство, устранено, так как узкий пролив представлял собой не место боя, а только подход к месту боя.

Наряду с преданием, что Ксеркс наблюдал за сражением с одной из высот у Саламинского пролива, сохранилось и другое (у Плутарха), что Ксеркс поставил свой трон на высоте у границы Мегары. Каким образом могло бы возникнуть такое предание, если бы сражение произошло у южного входа в Саламинский пролив, в 10—12 км от того пункта? Теперь можно признать это предание, хотя, повидимому, и недостоверным, но построенным вполне рационально.

Наконец, найдено и необходимое для сражения пространство; указание Геродота о направлении правого фланга персов на Элевсин и поведение коринфян объяснены.

Наоборот, во всех источниках, сохранивших эти предания, нет ни одного момента, который говорил бы против той реконструкции сражения, которую произвел Цинн.

Греки победили, но победа не была настолько велика, чтобы они могли преследовать персов далеко в море. Они ожидали даже повторения нападения персов. Но Ксеркс убедился, что он не в состоянии, особенно если бы прибыли еще керкирцы, одолеть греков на море. Поэтому он отослал флот домой, — тот флот, который ни для чего уже не был нужен, если он не мог победить греков.

Война тем самым еще ни в какой мере не была проиграна. Правда, против позиции греков на Истмийском перешейке теперь уже ничего нельзя было предпринять, но персы удерживали все же в своих руках Среднюю Грецию и Аттику, а греки не рисковали подставить им свой лоб на суше. Поэтому, если сухопутное войско оставалось в Греции и заставляло покоренные области кормить себя, то надо полагать, что греки, точнее афиняне, не были в состоянии защищать свою страну от повторных вторжений и со временем оказались бы покоренными. Не могли же они ежегодно покидать город и бежать за море.

Война должна была принять теперь затяжной характер. При этом самому царю в Элладе уже нечего было делать, его присутствие требовало бы больших и блестящих дел, которых пока не предвиделось. Наоборот, и с военно-политической точки зрения было правильным, что лично Ксеркс вернулся в Азию. Слабым пунктом в позиции персов была малая надежность ионийских греков. Если бы последние отпали, то находившемуся в Элладе персидскому войску грозила бы опасность оказаться совершенно отрезанным от родины. А так как Ксеркс не мог располагать еще новыми крупными частями войск, то личный авторитет царя был лучшим средством для того, чтобы держать в повиновении ионийских греков. Поэтому Ксеркс передал верховное командование Мардонию и возвратился в Сарды, где он сначала и остался [1]. Мардоний отступил в Северную Грецию, где он не рисковал подвергнуться неожиданному нападению и мог заставить покоренные области кормить его войско. Отсюда он мог в любой подходящий момент вновь предпринять наступление.

---

[1] Из того факта, что Ксеркс избрал сообщение сухим путем, в то время как своих детей он отправил с флотом, пытались делать всяческие заключения. Однако, для таких частностей мыслимы столь многочисленные и разнообразные мотивы, что углубляться в них имеет мало смысла.

Глава IX

Сражение у Платеи

Вожди греков не знали, где и как они должны нанести свой контрудар персам, которые отступили только на один шаг и все время угрожали новым наступлением. Будто бы сейчас же после сражения при Саламине Фемистокл предложил послать флот к Геллеспонту, чтобы разрушить там персидские мосты; это — доступный сознанию масс мотив для похода во Фракию и Малую Азию, чтобы побудить тамошних греков отложиться от варваров. Только для того, чтобы разрушить мост через Геллеспонт, Фемистоклу не стоило стараться; об этом и без греков позаботились ветер и непогода.

План Фемистокла не встретил среди его соотечественников никакого сочувствия. Зачем они должны были отправиться в дальний поход, в то время как большое персидское войско опустошает их страну? Следующей весной Фемистокл снова так мало имел успеха со своей идеей, что афиняне вместо него, победителя при Саламине, избрали своими стратегами его политических противников — Аристида и Ксантиппа.

Больше понимания нашел Фемистокл среди спартанцев, и это вполне понятно: если бы план удался, Мардоний должен был бы покинуть землю эллинов, — и сухопутное сражение, которого так боялись спартанцы, стало бы излишним.

Во время этого разлада между двумя ведущими греческими государствами сначала ничего не было предпринято. Афиняне требовали, чтобы пелопоннесцы выступили всеми своими силами и помогли прикрыть Аттику от вторжения персов. Спартанцы настаивали на морской экспедиции. Каждый пытался вынудить другого к признанию своего плана. Спартанцы не выступили, и афиняне должны были, когда Мардоний приблизился, во второй раз отдать неприятелю свой город и свою страну и бежать через море. Теперь они угрожали спартанцам, что если они не получат помощи от пелопоннесцев, то снесутся с персами и заключат с ними мир или даже союз.

В конце концов нашли компромисс. От ионийцев поступали одно за другим известия, что они готовы отложиться от персов; следовательно, чтобы отважиться на экспедицию, требовался теперь уже не весь флот, а только часть его. Тем самым главные силы афинских гоплитов освобождались для войны на суше. Если при Саламине по самым минимальным предположениям сражались 310 греческих триер, которые требовали 50 000—60 000 чел. экипажа, то теперь на море находились только 110 триер приблизительно с 20 000 чел., под командованием спартанского царя Леотихида и афинянина Ксантиппа. Войско же пелопоннесских гоплитов под командованием Павсания сосредоточилось на Истмийском перешейке, а когда Мардоний покинул Аттику, чтобы не вступать в борьбу повернутым фронтом, заняло на горах Киферона, близ Платеи, позицию, прикрывавшую Аттику. Здесь, однако, это войско остановилось, а персы расположились против греков на равнине. Ни одна сторона не нападала на другую.

До этого момента мы могли вести изложение, не вдаваясь в особые исследования относительно величины обеих армий. Одно ясно, что персы чувствовали свое тактическое превосходство над греками, а эти

последние не решались принять бой в открытом поле. По сравнению с предыдущим годом обстоятельства складывались для греков благоприятнее, поскольку часть экипажа кораблей, сражавшихся при Саламине, а именно части афинян, мегарцев, эгинян и коринфян, несли теперь службу на суше. Поэтому теперь можно было занять позицию у Платеи, прикрывавшую Аттику, на что год тому назад еще не надеялись. Учитывая, что для кораблей все еще требовалась часть людей, но в то же время на суше греки напрягали все свои усилия, мы можем принять, что спартанцы и афиняне имели там приблизительно по 5 000 гоплитов, все остальные вместе — примерно, столько же, сколько спартанцы и афиняне, т. е. войско насчитывало, примерно, 20 000 гоплитов, а вместе с таким же числом невооруженных составляло массу в 40 000 чел. Силы персов с подвластными им греками были приблизительно такими же. Если бы Мардоний располагал значительным или, тем более, двойным превосходством в силах, он не стоял бы неподвижно на реке Азопе, а с половиной своей армии обошел бы греков через одно из восточных ущелий Киферона и отрезал бы им пути подвоза или ударил бы им в тыл, в то время как другой частью армии он сковал бы их с фронта.

Даже при незначительном численном превосходстве Мардоний, конечно, мог бы осуществить обходный маневр и совершил бы его, не опасаясь, что отдельно действующие части армии подверглись бы нападению и были разбиты поодиночке. Стоя по своим военным качествам по меньшей мере на одном уровне с греческими ополчениями, персидская армия, состоявшая из различных родов войск, настолько превосходила противника в маневроспособности, что и изолированный отряд не так-то легко мог бы быть вынужден к бою против его воли. В результате присоединения греческих общин персы располагали теперь, помимо своих всадников и лучников, также и гоплитами. Поэтому отсиживание у реки Азопа находит свое объяснение только в том случае, если мы примем, что по своей численности войска Мардония равнялись греческим, а вернее — были слабее их на несколько тысяч или, может быть, даже на довольно большое число тысяч человек.

Определив силы Мардония, мы можем теперь задним числом вывести заключение, что Ксеркс за год до этого располагал приблизительно таким же числом бойцов. Потери в людях и войсках, которые сопровождали царя на его обратном пути и остались при нем, могли быть вполне уравновешены контингентами покоренных греков, а также некоторым количеством высаженных с кораблей солдат-моряков[1]. Можно предполагать, что обоз персидского войска, в составе которого было много знатных лиц, был относительно больше, чем у греков, и легко мог достигать численности, примерно, 40 000—50 000 чел., так что все войско в целом представляло собой людскую массу в 50 000—70 000 чел., — количество, которое казалось грекам неизмеримым, отчего они и выдумывали по этому поводу любые фантастические цифры.

Предание относительно сражения при Платее, как оно изложено у Геродота, отличается обстоятельностью и богато подробностями, но также полно противоречий, которых до сих пор не удавалось распутать. Того, кто хочет получить настоящее представление, как далеко

[1] Геродот, IX, 32.

отходит легенда от реальной действительности уже через одно человеческое поколение, я еще раз отсылаю к «Истории Бургундских войн» Буллингера. И с точки зрения народной психологии в высшей степени интересно видеть, насколько одинаково работала народная фантазия у таких различных наций, как древние греки и швейцарцы, как они создали почти идентичные картины и типы, причем нельзя и думать о подражании.

Но даже если подвергать сильному сомнению каждый отдельный штрих, каждый отдельный рассказ и считать их неправдоподобными, то попытка реконструкции все-таки не совсем безнадежна. Как ни мало достоверным может быть предание во всех своих подробностях, в нем отражаются все же некоторые факты, которые не могли быть выдуманы и дают нам возможность с уверенностью установить в развязке сражения действительно важное, типичное, принципиальное. Но еще дальше может привести нас топография. Грэнди (Grundy) в уже цитированном нами труде дал исключительно тщательное исследование и описание местности в окрестностях Платеи, которое еще не было мне известно при подготовке 1-го издания настоящего труда, но одному из моих учеников, Людвигу Винтеру [1], дало основу для реконструкции, как мне кажется, безусловно удавшейся.

Путем комбинирования нескольких и притом очень немногих твердых данных удалось фиксировать на местности все названия горных проходов, бухт, высот и храмов, которые Геродот приводит в большом числе, и рассмотреть, могут ли уложиться в этом пространстве передвижения обеих армий. Дело обстоит совершенно так же, как с Марафоном и Саламином. Местность, на которой дается сражение, — это настолько важный элемент, что как только он расшифрован, так раскрывается и вся картина данного военно-исторического события.

Как только греки вышли из ущелья Киферона на северные склоны гор, они сейчас же подверглись нападению персидских конных лучников. Мегарцы, которые находились впереди, попали в тяжелое положение, пока им не пришли на подмогу афиняне со своими лучниками. Постепенно из ущелья появлялось все больше и больше греков, и так как они не спускались ниже, а держались на склонах гор, то персы прекратили бой, не вводя в дело своих пеших бойцов.

Павсаний своими действиями показывает, что он понял уроки Марафона и хочет им следовать. Но это было не так просто. Его войско состояло из гражданского ополчения, выставленного, примерно, 20 независимыми общинами из людей, которые хотели поскорее вернуться домой, чтобы озаботиться устройством своих домашних дел, и не понимали причины медлительной стратегии их полководца. Он велел позвать прорицателя, у которого оказалось так много тактического разумения, что из жертвоприношений он вывел заключение о победе греков, если они будут придерживаться оборонительной тактики и не перейдут Азопа — речонки, протекавшей перед их фронтом. Несмотря на то, что греки в конце концов стали ощущать большую нужду в жизненных припасах, они все еще продолжали стоять на своей позиции.

Через несколько дней Павсаний перенес свою позицию дальше вперед на последний холм у края глубокой равнины, — на тот холм, у самого подножья которого течет река Азоп. Смысл этого маневра был очевиден: хотели вызвать противника на нападение и выдвинулись,

[1] «Berliner Dissertation», 1907 г.

насколько было возможно, вперед, не отказываясь все же полностью от выгод прилегавших справа и слева оборонительных позиций.

Однако, Мардоний не менее, чем Павсаний, знал, чего требовала от него тактика и какова цена хорошему прорицателю. Он тоже призвал одного такого ясновидящего, который из жертвоприношений узнал, что персы не должны переходить через Азоп.

Вместо того, чтобы атаковать греков на их холме, Мардоний использовал своих лучников для того, чтобы мешать грекам черпать воду из Азопа, а его всадники даже объехали кругом холма, закрыли источник (Гаргафия) на задней стороне холма и отрезали подвоз.

Такими мерами Мардоний поставил греков в столь тяжелое положение, что Павсанию в конце концов не оставалось ничего другого, как отступить. Он хотел занять позицию несколько дальше позади, у самого города Платеи, где войско не могло быть отрезано ни от воды, ни от подвоза. Отход был не так прост, ибо на марше в непосредственной близости от персидского войска легко можно было подвергнуться нападению. Поэтому решили отступить ночью и разделить войско на три колонны. Спартанцы оставались на месте до последнего момента. Геродот рассказывает о начальнике одного лоха, Амомфарете, который отказывался отступать, поспорил по этому поводу с царем и, наконец, обеими руками положил к его ногам камень. Так как Амомфарет в конце концов все же последовал за другими, то рассказ этот может быть истолкован таким образом, что начальник лоха отнюдь не противоречил царю, но, наоборот, поклялся ему терпеливо выжидать, оставаясь на холме, как тот камень, и прикрыть отход.

Когда на утро персы обнаружили, что греки отошли, они тотчас же выступили и последовали за греками. Они настигли их раньше, чем греки успели вновь соединиться; повидимому, именно это разделение греческих сил и побудило Мардония пренебречь указаниями оракула и отдать приказ об атаке.

В одном месте, у мегарцев и флиазийцев, персы оказались победителями, — оттого ли, что эти греки, когда исход сражения был уже решен, устремились на равнину без мер предосторожности и в беспорядке, как об этом рассказывает Геродот, или оттого, что иные благоприятные обстоятельства, — поскольку на рассказ как таковой мы, конечно, не можем полагаться, — содействовали успеху нападения всадников. Афиняне, со своей стороны, добились успеха против греческих союзников персов и разбили их в регулярной, но мало упорной схватке гоплитов. Настоящий же и характерный бой дали спартанцы и примыкавшие к ним тегейцы.

Геродот рассказывает, что, когда персы перешли в наступление против спартанцев, они засыпали их стрелами. Многие из спартанцев были убиты или ранены, но они выдержали эти потери и продолжали стоять на месте, потому что результаты жертвоприношений еще не были благоприятны. Наконец, когда Павсаний обратился к помощи платейской Геры, храм которой был виден с позиции спартанцев, жертвы были приняты богами: спартанцы обрушились на противника, и персы, не имевшие достаточного защитного вооружения, не могли противостоять натиску закованных в железо воинов, наступавших сомкнутым порядком.

Павсаний умел использовать прорицателей и жрецов. До тех пор, пока одни передовые части персов издали обстреливали фалангу, — безусловно для того, чтобы спровоцировать греков на преждевремен-

ное наступление, — Павсаний сдерживал своих людей. И только когда вся масса персов подошла ближе к тому месту, которое он для себя избрал, Павсаний молитвенно поднял руки, обращаясь к богине; тотчас же догадливый жрец узрел и объявил, что жертва принята благосклонно, и Павсаний подал сигнал к атаке.

Хотя непосредственно перед этим непрерывно шла речь о персидских всадниках, которые теснили греков, мы ничего не слышим о том, что во время этого наступления они зашли грекам во фланг; они только прикрывали отступление. Следовательно, Павсанию удалось дать сражение на такой местности, где персидская конница не могла зайти во фланг греческой фаланге; Винтер смог теперь правильно установить и это место. Аналогия с Марафоном полная. Всякие подробности можно подвергать сомнению; однако, можно с достоверностью принять по меньшей мере тот факт, что персы, наконец, решились перейти в наступление и что сражение — такое, как оно с самого начала было завязано Павсанием, — протекало аналогично сражению при Марафоне. Не зная Марафона, нельзя было бы извлечь из предания какого-либо исторического ядра; но Марафон дает ключ к пониманию, и, исходя из этого, я могу, не колеблясь, сделать еще один шаг вперед и признать рассказ о выдержке спартанцев под градом персидских стрел, о неблагоприятном жертвоприношении и молитве Павсания достоверными историческими фактами. В истории найдется мало примеров, в которых мы могли бы с такой отчетливостью распознать зерно исторического события в чудесном обличии народной легенды.

Мне кажется вероятным, что в решении Мардония вынудить противника к решительному сражению сыграло роль стратегическое соображение, о котором в предании нет никакого следа, но которое подсказывается природой вещей.

Если рассматривать беотийский театр войны изолированно, то может казаться, что как раз греки должны были бы стремиться к решению. Ведь Мардоний начал теперь войну на измор; он заставил покоренных им греков снабжать его продовольствием и все время угрожал Аттике новым опустошением. Но Беотия составляла лишь часть театра войны. Мардоний не мог не знать (сами греки позаботились бы о том, чтобы он это узнал), что греческий флот отплыл к берегам Ионии и что они надеялись зажечь там восстание. Не будет слишком рискованным предположение, что Ксеркс в Сардах сам узнал об опасности и послал Мардонию сообщение, что тот должен поспешить добиться решения в Элладе и часть своих войск отослать обратно, чтобы прикрыть Ионию и держать ее в повиновении. Следовательно, у Мардония был теперь более сильный мотив для того, чтобы искать решения; таким образом и может быть объяснено, почему он, — вопреки своему правильному мнению, что тактически для него выгоднее было оставаться в оборонительном положении и на равнине ожидать наступления греков, — в конце концов все же сам перешел в наступление.

Остается необъясненным, почему часть персидского войска под командой Артабаза, как рассказывает Геродот, не принимала участия в сражении; возможно, что она просто пришла слишком поздно.

То обстоятельство, что греки разделили свои силы и, двинувшись против Мардония, одновременно снарядили в поход большой флот, представляется, если рассуждать формально, крупной ошибкой. Почему они не разбили сначала соединенные силы Мардония, чтобы потом

двинуться через море? Стратегия оказывается здесь, как мы часто будем видеть и в дальнейшем, в зависимости от тактики. Даже превосходство в 10 000 гоплитов не сделало греков способными спуститься в беотийскую равнину и в открытом поле в любом месте напасть на персов. Им не оставалось ничего другого, как предложить Мардонию оборонительное сражение на местности, обеспеченной от нападений его конницы, и попытаться вызвать его на наступление. Это было выполнено при помощи морской экспедиции, а может быть также при помощи предпринятой Павсанием перемены позиции. Можно ли во всех этих мероприятиях видеть только случайное совпадение во всех изречениях прорицателей, а в божественных знаках — только влияние слепого суеверия? Такую точку зрения нельзя было бы опровергнуть, но я верю, что Фемистокл и Павсаний были такими, как их изображают нам греки, и знали, что они делают. Кто еще, кроме них, наряду с Мильтиадом, и Леонидом умел соединять стратегический взгляд и геройство с хитростью и тонкостью превосходного ума, издалека обозревать вещи и прибегать к крайним мерам — к притворному предательству, к использованию суеверий толпы — ради достижения своей высокой цели!

1. Одновременно со сражением при Платее греки одержали победу также в Малой Азии при Микале. В рассказе об этом сражении о персидской коннице не упоминается, а атакующей стороной являлись якобы греки. На их сторону во время сражения перешли ионийцы. Так как количество гоплитов в экипаже греческого флота безусловно было очень небольшим, то и персидское войско, во всяком случае после ухода ионийцев, было, видимо, очень малым, — новое доказательство того, что Ксеркс не располагал крупными массами воинов, иначе в почти годичный промежуток после Саламина ему было бы нетрудно выставить новое войско. Военное могущество персов еще не было сломлено; приблизительно 25 годами позднее они нанесли поражение значительной афинской армии в Египте и полностью ее уничтожили.

2. Тот же самый умный прорицатель, который так хорошо руководил спартанцами при Платее, был при них и тогда, когда они — примерно, в 467 г. — победили аркадцев в тяжелом сражении при Дипее. В ночь перед этим сражением в лагере спартанцев сам собой возник алтарь, украшенный блестящим оружием, и вокруг него видны были следы двух коней. Заключив на основании этого, что им на помощь пришли божественные диоскуры, бойцы были охвачены таким мужеством и воодушевлением, что победили значительно превосходившего их численностью противника. Однако, осведомленный грек, который передает нам эту историю, рассказывает, что это царь Архидам велел поставить алтари и провести вокруг них лошадей, чтобы поднять мужество своих воинов (Геродот, IX, 35; Полиэн, Стратег. I, 41).

3. Возвращаюсь еще раз к книге Овегта (Hauvette).

Овегт верит, что сухопутное войско персов насчитывало 2 100 000 бойцов; он допускает, что число это на несколько сот тысяч человек преувеличено, но как раз 80 000 всадников представляются ему вполне вероятным числом (стр. 311, 312). Мое возражение, что персидская армия при современных условиях растянулась бы от Берлина до Дамаска и что даже, если протяжение ее сократить на одну треть по сравнению с протяжением, необходимым для такой же по численности современной армии, то все же, когда передовые части подошли к Фермопилам, последние как раз только бы еще выступали из Сард, — это возражение не производит на Овегта никакого впечатления, ибо, по его мнению, положение античных армий было иным, чем армий современных. Современные войска совершают марш в ко-

лонне по четыре для того, чтобы половина дороги оставалась свободной, а, кроме того, между ротами, батальонами, полками, дивизиями всегда остается значительная дистанция. По мнению Овертта, персы этого не знали. Ксенофонт в «Киропедии» заставляет однажды 10 000 всадников построить карре в 100 чел. по фронту и 100 чел. в глубину; подобно этому могли двигаться и персы Ксеркса.

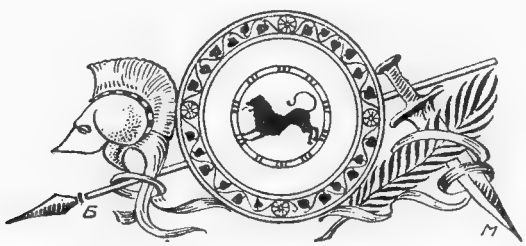
Ширина колонны, в которой совершает марш войсковое подразделение, зависит от ширины дороги. Если дорога хотя бы в некоторых немногих местах слишком узка для походной колонны, это создает затор, который прогрессивно возрастает к хвосту колонны и в конце концов становится совершенно непереносимым. Идущие далеко позади должны часами ожидать и тратят при этом свои силы или, если они не очень хорошо дисциплинированы, разбегаются. Передние уходят на столько же вперед, и колонна совершенно разрывается. Поэтому всякое хорошее военное руководство придает величайшее значение тому, чтобы предотвратить заторы при движении или, поскольку в крупных массах войск этого почти невозможно достигнуть, сократить заторы до минимума. Поэтому и введены дистанции между различными войсковыми подразделениями, чтобы небольшие заторы могли быть тотчас же ликвидированы, а высшие начальники непрерывно заняты тем, чтобы соблюдать эти дистанции. Если персы, как думает Овертт и как действительно могло быть, не применяли этого правила, то фактически их походные колонны растянулись бы на еще большее расстояние, чем современные. Современные войска с правильной предусмотрительностью следят за тем, чтобы половина дороги оставалась свободной. Для каждой двигающейся походным порядком части, и особенно на походе в неприятельскую страну, безусловно небходимо, чтобы была возможность сообщения вдоль двигающейся колонны для высших начальников, для посыльных, доставляющих приказы и донесения, а при некоторых обстоятельствах и для быстрого продвижения вперед какого-либо определенного подразделения, например, конницы. И у персов это не могло быть иначе. На длинном пути от Сард до Геллеспонта и от Геллеспонта до Аттики приходится форсировать многочисленные реки, пересекать гористые местности, преодолевать горные ущелья. Во многих местах ширина мостов, бродов и горных дорог была, вероятно, не шире, а уже, чем те, которые приходится принимать в расчет современным армиям. Персы двигались, видимо, колоннами не по 100, зачастую даже и не по 4, а только по 2 чел., причем они естественно использовали возможно большее число параллельных дорог.

В собственноручных записях от 18 августа 1870 г. одного генерала из прусского гвардейского корпуса, который в этот день по специальному приказу продвигался в колоннах с более широким фронтом, я нашел пространное рассуждение о том, что по опыту автора этих строк такой марш широким фронтом по шоссейным дорогам своей цели не достиг, а «наоборот, вследствие частых заторов и остановок, после которых вновь начинали движение, сильно утомил войска, и совершенно естественно, что при таком длительном марше образовались промежутки, которые казались беспорядком».

Разница между предположениями Овертта (около 1 700 000 бойцов) и моим (максимум 25 000, вернее, конечно, 15 000—20 000 бойцов) велика, но это вполне подходящее выражение для различия методов наших исследований. Оно настолько велико, что какое-либо согласование кажется невозможным. Каждый отдельный факт из Персидских войн, каждая попытка причинного объяснения тех или иных связей должна быть различной в зависимости от того, примем ли мы ту или иную численность войск или хотя бы приблизимся к ней. Я полагаю поэтому, что не следует вдаваться в дальнейшие подробности, и отказываюсь от других ложных положений в этой книге, причем я еще раз отмечаю, что Овертт отнюдь не лишен эрудиции и проницательности, но что наши методы различны, — конечно, только практически различны: принципиально Овертт не отрицает объективной критики.

Например, в вопросе о марафонском беге он также привлек объективные соображения, ссылаясь на дистанции в походной колонне и т. д. Однако, он не применяет их последовательно и поддается самообману, будто там, где филологически опытный глаз не видит ничего невероятного, его нет и в действительности.

4. Какую массу представляло собой войско Ксеркса по моим цифровым расчетам, можно лучше уяснить себе, если представить его на походе. Армию силою в 20 000 бойцов или вместе с большим обозом в общей сложности около 70 000 чел., с большим числом лошадей, со слабой дисциплиной марша, зачастую также на узких неровных дорогах с подъемами, речными ущельями и другими естественными препятствиями мы должны представить себе (там, где эта армия не может использовать параллельных дорог) в виде колонны глубиной по меньшей мере в 10 миль (около 70 км). Если ничего особого не предстоит, то авангард должен выступить не раньше 5 часов утра, а хвост — притти в лагерь не позже 6 часов вечера. Тогда, чтобы пройти 2 мили (4 часа), последний человек должен выступить в 2 часа пополудни; таким образом в первый день достигнет цели марша меньше половины войска, или, другими словами, в течение 2 с лишком дней жители будут наблюдать прибытие все новых и новых войск, и некоторые части прибудут еще на третий день, а в последующие дни еще многие из отставших. Неудивительно, что здесь прекращается всякий счет.



ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГРЕЦИЯ В ПЕРИОД РАСЦВЕТА

Глава I

Греческая тактика до Пелопоннесской войны

В ТЕЧЕНИЕ всего V в. фаланга гоплитов, одержавшая победу над персами, оставалась основною формой греческой тактики.

Фаланга гоплитов представляет собою естественную тактическую форму для гражданского ополчения. Все, что требуется от каждого бойца в отдельности, очень просто и может быть достигнуто путем незначительного упражнения. Человек обучается движениям в тяжелых доспехах, управлять копьем, итти в затылок и держать направление. Здесь не нужно никакого сложного строевого учения. Все это образует единое, крепко спаянное целое, которое движется прямо вперед и незадолго перед встречей с врагом принимает разбег для атаки; по Геродоту, этот разбег был впервые сделан при Марафоне.

В нормальном бою гоплитов обычно получалось, что обе противные стороны подавались несколько вправо, а оба левые фланга несколько отклонялись назад, так как каждому отдельному бойцу правая, не прикрытая щитом сторона казалась менее защищенной; поэтому он и старался напасть на противника именно справа. Таким образом, каждая сторона легко обходила неприятеля справа, приводила в смятение его левый фланг и на этом участке одерживала верх. Затем оба победоносные правые фланга должны были схватиться вторично, уже между собой, имея часто фронт обращенным в противоположную сторону, и только этот второй акт решал исход сражения.

Из этой особенности нельзя, однако, сделать никаких тактических выводов; основным характером боя остается фронтальная атака, без какого-либо расчленения фронта.

Этой тактики не меняли, хотя еще задолго до Персидских войн грекам стали известны ее слабые стороны. Уже в 511 г. на равнине неподалеку от Афин спартанцам было нанесено поражение фессалий-

скими всадниками (Геродот, V, 63), а все течение Персидских войн определялось страхом греков перед неприятельской кавалерией. Даже в сражении при Платее некоторые греческие контингенты понесли очень тяжелые потери из-за того, что были настигнуты фиванской конницей.

Однако, мы не слышим ни о каких попытках принципиального разрешения вопроса об обороне против конницы путем введения новых тактических форм и приемов борьбы. Всадники, лучники и прочие легковооруженные попрежнему остаются по отношению к гоплитам лишь вспомогательными родами оружия; в зависимости от обстоятельств, они иногда оказывают сильное влияние на исход сражения, но все еще не могут вырасти в существенную, органическую, составную часть войска. Так оно было в сущности уже и во время Персидских войн. Если здесь вовсе не было речи о коннице на стороне эллинов, то это объясняется отнюдь не тем, что у них вообще не было никакой кавалерии, а тем лишь, что их малочисленные всадники не решались выступать против персов; вероятно, поэтому большинство всадников оставляли дома своих коней и облачались в гоплитские доспехи.

Как в Спарте, так и в Афинах еще не созрели условия для образования действительно сильной конницы [1], хотя, например, в походе афинян на Сицилию всадники играют очень важную роль [2].

Как всадники, так, я думаю, и лучники должны были рассматриваться в Афинах как отборные отряды [3].

Хотя материальное снаряжение лучника обходилось дешевле, чем снаряжение гоплита, зато стрелок из лука нуждался в значительно более интенсивном обучении, чтобы быть пригодным для боя. Гоплит очень быстро бывал настолько подготовлен, что можно было поставить его в фалангу, а там уже сама масса вовлекала и вела его. Лучник должен был быть не только искусным стрелком, но еще, кроме того, отличаться быстротой и ловкостью, чтобы суметь близко подойти к неприятелю, а затем, в случае нападения на него самого, вновь отойти назад. Следовательно, от него требовались самостоятельность, зоркость, находчивость и большое присутствие духа. Такие качества передаются в народе вместе с военными традициями путем воспитания молодежи с самых юных лет; в культурных государствах, как Афины того времени, эти качества воспитывались в высших сословиях, имевших достаточно средств и досуга для упражнений. Исходя из этого, я ищу лучников в том слое афинского гражданства, где сыновья были недостаточно богаты, чтобы обзавестись конем, но все-таки могли уделять своему военному образованию несколько больше времени и сил, чем широкие неимущие массы. Кроме того, действительно хороший лук представляет собою дорого стоящее оружие.

Кроме лучников, среди стрелков были еще пращники и копейщики. Праща требует большой ловкости, которая достигается только там, где молодежь по местной традиции с ранних лет упражняется в метании камней. Такая традиция существовала, например, на Родосе, а потому родосских пращников вербовали в качестве наемников.

---

[1] Только во время Пелопоннесской войны спартанцы завели у себя всадников и лучников для защиты своей земли от афинян, совершавших то здесь, то там набеги с моря (Фукидид, IV, 55).

[2] Ср. Bauer, § 52.

[3] Wernicke в «Гермесе» («Hermes», XXVI, стр. 51, 1891 г.) высказывает мнение, что афинские граждане, служившие в качестве стрелков (лучников), происходили из беднейших слоев населения.

Копейщика нельзя ставить на одну доску ни с лучниками, ни с пращниками, хотя и он, как и те, не носил брони. Однако, его вооружение отнюдь не исключает легких доспехов. Так сперва у северных полугреческих племен, где ограниченность средств не позволяла обзаводиться полным вооружением, из копейщиков выработался особый род воинов — пельтасты. Они носили легкий круглый щит, шлем, несколько дротиков, меч, а большей частью также и плотный панцырь из кожи или стеганого холста. Современные негры — суданские и банту — кидают копье на расстояние до 40 шагов.

На прямое столкновение с гоплитами при равной численности пельтасты, конечно, не отваживались; но их легко можно было выставить в большем числе [1], а на трудно проходимой местности они легче могли двигаться и очень успешно оперировать против флангов и тыла гоплитской фаланги. При таких обстоятельствах лучник и пращник еще опаснее для гоплита, но пельтаст имеет то преимущество, что в крайнем случае все-таки может вступить и в рукопашный бой. Гоплит и лучник предоставляют лишь очень односторонние возможности их использования; пельтаст годен для всего, он бросает издалека копье, легко передвигается вперед и назад и имеет в своем щите достаточное прикрытие на случай рукопашной борьбы.

Люди, не носившие доспехов, сопровождавшие войска в качестве слуг и обозных работников, равным образом сохраняли тот же характер, какой они имели еще во время Персидских войн. А Эсхил изобразил нам в «Персах» (стих 441), как афиняне, перешедшие после сражения при Саламине на остров Пситтелею, сперва обстреливали камнями отрезанных от остальных войск персов, а затем бросились на них с мечами наголо. Совершенно так же по свидетельству Фукидида (I, 106) афинские гоплиты преградили дорогу отрезанному отряду коринфян, а легковооруженные расправились с ним, забрасывая его камнями. В этих случаях изменение могло иметь место лишь потому, что граждане-ополченцы — если не везде, то по крайней мере в Афинах — брали с собой на войну в качестве прислужников все большее и большее число рабов. То, что при этом терялось в военном отношении, возмещалось дальнейшим расширением категории специально обученных легковооруженных.

В боевом порядке всадники и не носившие доспехов, а также пельтасты ставились на флангах гоплитов.

При благоприятных обстоятельствах иной раз удавалось использовать всадников и легкую пехоту таким образом, что в бою они оказывали гоплитам весьма действительную поддержку и приводили бой к успешному исходу или даже совершенно самостоятельно побеждали неприятельских гоплитов.

Как ни примитивны были по нашим представлениям тактические формы боя в Пелопоннесскую войну, еще примитивнее оказываются формы крепостной и осадной войн. Воздвигались самые простые стены, но при условии достаточной бдительной сторожевой охраны они являлись для противника непреодолимым препятствием. Даже при неизмеримом превосходстве сил греки не умели и не решались штурмовать стены, предпочитая брать крепость измором.

---

[1] По Ксенофонту (Hellenica, I, 2, 1) Фрасил выслан был с флотом и вооружил 5 000 своих моряков как пельтастов.

1. Словом ψιλοί обозначаются вообще все те, которые не имели никакого предохранительного снаряжения; следовательно, сюда относятся как обозные солдаты, которые лишь случайно выполняли иногда воинские функции, так и настоящие воины-лучники, пращники, копейщики. Я передаю этот термин словом «Unbewappnete» — «невооруженные», «не имевшие доспехов» или «легковооруженные».

По Фукидиду (I, 60) коринфяне послали в Потидею 1 600 гоплитов и 400 ψιλοί. Очевидно, под этими 400 подразумеваются не обозные солдаты, а только настоящие воины — легковооруженные.

Фукидид (II, 79), очевидно, причисляет к ψιλοί — легковооруженным — также и пельтастов.

Там, где речь идет о сражении при Делие, Фукидид (IV, 93) снова делает различие между этими категориями и упоминает сперва 10 000 ψιλοί и затем отдельно 500 пельтастов.

У Фукидида же (IV, 94) мы читаем: «Легкого войска (ψιλοί), регулярно вооруженного, тогда не было, да его и вообще не было в Афинах».

Эту фразу не совсем легко понять. Фукидид различает ψιλοί в смысле вооруженных обозных солдат, в огромном числе сопровождавших это войско, но при отступлении уже говорится о «легких войсках, регулярно вооруженных»; следовательно, здесь имеются в виду воины как таковые, соответственным образом вооруженные, но без доспехов, т. е. лучники, пращники и, может быть, пельтасты. Если же он говорит, что подобной легкой пехоты город не имел, то это стоит в прямом противоречии с речью Перикла (II, 13), где ясно сказано, что город имел 1 600 лучников. Можно предложить такое объяснение: Фукидид не имеет здесь в виду лучников как специальную категорию воинов, а подразумевает под «легкими войсками, регулярно вооруженными», легкую пехоту типа пельтастов. Во всяком случае это место показывает, что ψιλοί не означают здесь у Фукидида настоящих воинов, так как они не были вооружены с предусмотренным заранее намерением, планомерно, специально.

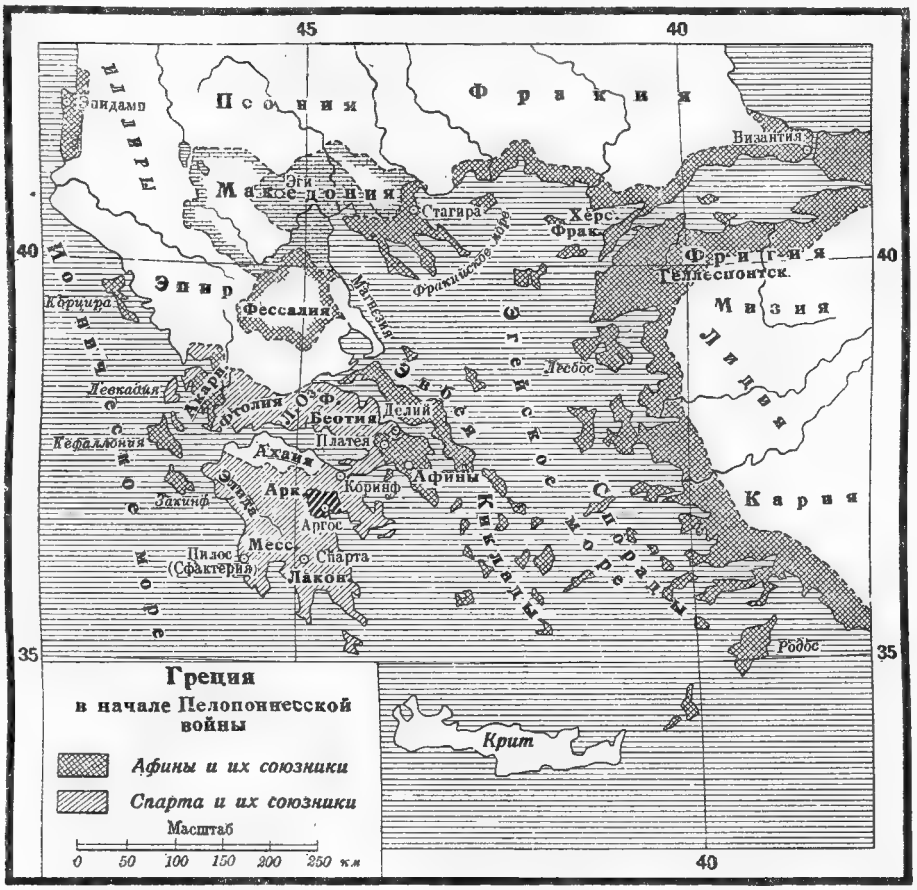
ХАРАКТЕРНЫЕ СРАЖЕНИЯ ИЗ ЭТОГО ПЕРИОДА

2. Под Потидеей в 432 г. (Фукидид, I, 1, 2 и сл.) обе стороны — афиняне и соединившиеся против них халкидяне и коринфяне — имели наряду с гоплитами по несколько сот всадников. Однако, на этих всадников было возложено особое задание, и они с обеих сторон держались вдалеке от поля сражения, так что дрались только одни гоплиты между собою. Каждая сторона одержала верх на одном из флангов; затем союзники прекратили бой и тесно сомкнутым строем поспешно прошли мимо победоносных афинян обратно в город Потидею.

3. В бою при Спартоле в 429 г. (Фукидид, II, 79) халкидские гоплиты были побеждены 2 000 афинских гоплитов. Зато халкидская конница и легкая пехота, в том числе пельтасты, одержали верх над афинской конницей и легкой пехотой. Воодушевленные этим успехом халкидские всадники, пельтасты и прочие легковооруженные (имевшие, повидимому, большой численный перевес) нападали на афинских гоплитов, каждый раз уклоняясь от боя, когда те шли в атаку, затем снова наступая, как только те останавливались или отступали, и обстреливая их издалека. Таким порядком они в конце концов обратили противника в бегство, пустились в преследование и убили из 2 000 гоплитов 430, в том числе всех военачальников.

4. Совершенно аналогичное поражение, как при Спартоле, потерпели афиняне в 426 г. в Этолии, под предводительством одного из своих лучших полководцев — Демосфена. Пока у их лучников хватало стрел, они держали неприятельских копейщиков на расстоянии; когда же все стрелы были истрачены, тогда неприятельская легкая пехота, то устремляясь вперед, то вновь отступая, стала со всех сторон теснить гоплитов, истощила их силы и в конце концов значительную часть их истребила. Здесь, в лесистой и холмистой местности, всадники не принимали участия.

5. Подобным же образом и афиняне в 424 г. победили запертый на острове Сфактерии отряд спартанцев в 420 чел. (Фукидид, IV, 27—29). Как ни мал был этот отряд лакедемонских гоплитов, афиняне не хотели предпринять против них прямое нападение, чтобы самим не понести потерь, какие были бы неизбежны в упорном рукопашном бою с доблестными и доведенными до отчаяния воинами. Они оставили своих гоплитов в резерве и выпустили на спартанцев огромную массу легкой пехоты, от лучников до гребцов, оставивших триеры и вооружившихся просто камнями. Будучи окружены со всех сторон, спартанцы в конце концов не устояли перед этим численным превосходством, причем афиняне не понесли значительных



потерь. Следует особенно подчеркнуть, что производимый неприятельскими толпищами шум мешал спартанцам понимать команды своих военачальников.

* * *

Во II томе 1-го издания этого труда я сделал к последнему абзацу некоторое добавление, которое теперь переношу сюда.

Осаде спартанцев на острове Сфактерии в 425 г. я не уделил места в своем труде потому, что — как бы ни было интересно само по себе это событие — оно, однако, не имеет отношения к истории военного искусства. История военного искусства не является общей историей войн. Об этом я кстати напомню Ад. Бауэру, который удивляется («Histor. Zeitschr.», 86, 285), что я так кратко обработал историю диадохов. Я смогу признать это недочетом только в том случае, если

кто-либо докажет, что в военном искусстве эпохи диадохов произошли какие-либо изменения, оставшиеся вне моего поля зрения.

Делая оговорку, что это собственно сюда не относится, я все-таки добавлю несколько слов о Сфактерии, так как Эд. Мейер (a.a. O. II, 333) заявил о своем несогласии с ранее опубликованным мною на этот счет исследованием («Стратегия Перикла в свете стратегии Фридриха Великого», приложения); между тем его полемика покоится на чистом недоразумении, и я хотел бы предостеречь других читателей от того же заблуждения. Впрочем я считаю нужным предупредить, что этот вопрос — толкование Фукидида и высказанное в связи с этим делом осуждение Клеону — я считаю труднейшей темой и самой тонкой психологической проблемой во всей военной истории. Фукидид совершенно прав, прав абсолютно и безусловно; но кто не хочет и не может удовлетвориться тем, что просто разделит чувства Фукидида, а захочет в самостоятельном анализе составить свое собственное суждение, тому следует прежде всего основательно изучить Клаузевица и усвоить его психологию стратегии, чтобы затем суметь применять ее уверенно и самостоятельно.

Здесь я только укажу недоразумения и ошибки, допущенные Мейером в его исследовании.

Я высказал положение, что если афинянам удалось благополучно высадиться на острове, то этим они в значительной степени обязаны были оплошности самих спартанцев, которые не держали бдительной стражи. Остров не имеет и полумили в длину; если бы спартанцы установили вокруг сторожевые посты и завели систему сигнализации, то через полчаса после того, как замечено было бы приближение афинян, т. е. прежде чем десант успел бы действительно высадиться и построиться в боевом порядке, главные силы спартанцев были бы уже на месте и сбросили бы высадившихся обратно в море. Мейер считает «понятным», что осажденные не проявили такой осторожности. За два месяца с конца перемирия афиняне не сделали ни одной попытки предпринять наступление. «Не удивительно, что спартанцы не ожидали нападения и не считали нужным истощать свои силы в утомительной сторожевой службе». Это извинение спартанцев тем менее может быть признано удовлетворительным, что здесь не может быть и речи об «утомительной сторожевой службе». Что же еще делать осажденному гарнизону, как не вести наблюдение за противником?

Благодаря превосходному топографическому обследованию, произведенному англичанином Грэнди (Grundy, «Journal of Hellenic studies», v. 16, 1896), мы теперь в состоянии еще конкретнее разобрать тактическую сторону вопроса, причем мои прежние аргументы, основанные больше на принципиальных соображениях, получат, таким образом, существенную опору.

Остров Сфактерия поднимается над морем сплошной стеной утесов в несколько сот футов высоты. Он очень узок (500—750 м), а в длину имеет половину немецкой мили (около 3,5 км). Высадка возможна только в семи местах, причем из этих семи мест одно лежит на северной оконечности острова, а все остальные сосредоточены посредине или на юге. Однако, у северной отмели берег тотчас круто поднимается вверх, так что там нельзя было бы высадить и развернуть большой десант; более удобные для производства десанта места представляли афинянам средний и южный берега, где непосредственно у моря не встают крутые высоты, а образуется между утесами широкий и пологий склон. Спартанскому коменданту Эпитиду было бы достаточно установить наблюдение только за этими пунктами.

Семь ежедневно сменяемых постов — по два спартиата и дюжине илотов, — едва ли такую стражу можно было бы назвать чересчур обременительной. Но если бы даже спартанцы это и сделали, то, думает Мейер, от этого почти ничто не изменилось бы.

Афиняне легко расправились бы с небольшим сторожевым отрядом и утвердились бы на острове, прежде чем подоспела бы помощь. Такое понимание военной обстановки во всех отношениях ошибочно. О «расправе» со сторожевым отрядом не может быть и речи, так как он, само собой понятно, вовсе не вступил бы в бой: его единственная задача — своевременно дать сигнал и выслать гонца. Нужно было только правильное несение службы этим сторожевым аппаратом. Высадка десанта в несколько тысяч человек (гоплитов и легковооруженных) на тесном пространстве совершается не так-то быстро. Ни один пункт берега не был удален от спартанского лагеря (в центре острова) больше, чем на четверть мили (1,75 км). Между тем мы видели, что те участки берега, где действительно была возможна высадка, лежали все в одном направлении; следовательно, если бы спартанцы расположились лагерем не совсем посредине острова, а несколько ближе к югу, то они могли бы прибыть еще быстрее. Если бы афиняне высадились на северном конце, то спартанцам потребовалось бы несколько больше времени, чтобы туда подойти, но все же они пришли бы раньше, чем афиняне успели бы взобраться на утесы. То место, где, по мнению Грэнди, фактически высадились афиняне (у источника, посредине острова), отстояло от лагеря спартанцев не более как на 1 200 м. Таким образом, следует признать по меньшей мере весьма спорным вопрос, кто быстрее успел бы обернуться — афиняне ли выстроиться в боевой порядок или же спартанцы (если бы они были во-время предупреждены) начать атаку; а при той грозной славе, которой все еще пользовалась спартанская фаланга, едва ли бы даже удалось двинуть на противника большой десант, уже высадившийся, но еще не выстроившийся. Грэнди совершенно прав, говоря, что рассказ Фукидида об этом сражении афинян с небольшой спартанской фалангой, которую они превосходили численностью в несколько раз, производит такое впечатление, точно свора собак окружила умирающего льва, воет и лязгает зубами, но не смеет к нему подступить.

Если бы Мейер был прав в своем утверждении, что «такую протяженную позицию, как сфактерийская, невозможно защищать от внезапного нападения», или иными словами, если бы возможность неудачи для афинян при их огромном численном превосходстве была совсем исключена, то тогда совершенно ясно, что всех афинских полководцев, противившихся этому предприятию, следовало безжалостно клеймить позором. Но Мейер и сам не преминул добавить, что «нападение на остров все-таки было смелым предприятием», так как противник мог случайно получить предостережение или случайно оказаться очень бдительным. Если заменить эту «случайную бдительность» постоянной и обязательной, то все расхождение между мною и Мейером будет устранено. Но было бы совершенно ошибочно из ясного сознания опасности предприятия делать заключение об его несвоевременности.

Если Мейер, меняя смысл моих слов, говорит, что я подобно Никию «склонен считать высадку чистым дилетантизмом, преступавшим все законы правильного, методического ведения войны», то это лишь доказывает, как плохо он понял меня. То же непонимание породило и другой упрек, будто я упустил из вида, что афиняне не смогли бы сохранить свою позицию, если бы блокада затянулась до зимы. Я не привел этого соображения, так как оно слишком очевидно; само собою разумеется, что афинянам было в высшей степени важно принудить к сдаче гарнизон Сфактерии до наступления зимы.

Объявив высадку на Сфактерии довольно легко выполнимым делом, Мейер вполне последовательно отводит и мою ссылку на невыполненную при аналогичных обстоятельствах высадку на Альзене, — ссылку, которую я привел для освещения обстановки; в деле при Альзене датчане господствовали над морем, и пруссакам пришлось бы высаживаться под датским картечным огнем. Значит, здесь предприятие было действительно чрезвычайно трудным и опасным. Различие совершенно очевидно, но оно сглаживается другими обстоятельствами. Остров Альзен

имеет 2 мили (15 км) в длину, и берега его изрезаны глубокими бухтами, так что здесь могло бы пройти много часов, пока главные датские силы появились бы на том участке берега, который подвергся бы внезапному нападению. Сфактерия же — совсем небольшой островок, где гарнизон, если бы только провел правильную подготовку и нес бдительную стражу, всегда мог бы почти мгновенно явиться на место. Следовательно, tertium comparationis заключается в том, что и здесь и там успех зависел исключительно от неожиданности нападения. В заключение замечу еще, что Мейер перепутал попытки переправы в альзенском деле. Попытка, о которой я говорю, предполагалась совсем не на том месте, где потом фактически под артиллерийским огнем была осуществлена другая, о которой говорит Мейер. У Баллегаарда, где предполагалась первая такая попытка, фиорд настолько широк, что от прибытия одного транспорта до прибытия другого должно было пройти 2 часа; зато это место лежит очень далеко от Зондербурга. А Затруп, где три месяца спустя действительно была совершена переправа, лежит довольно близко от Зондербурга, но зато и фиорд здесь очень узок.

Выставляя дело при Сфактерии так, как будто бы оно почти не было сопряжено с возможностью неудачи, Мейер приписывает главную заслугу техническому исполнителю предприятия, полководцу Демосфену.

«Участие Клеона ограничивалось только тем, что он дал ему (Демосфену) возможность осуществить предприятие и взял на себя нравственную ответственность за исход дела». Это ли не пример самого полного непонимания сущности стратегии! Как ни велика заслуга Демосфена при осуществлении предприятия, все же самое предприятие остается делом того человека, который принял великое решение, взял на себя ответственность за исход и к тому же еще обладал достаточным умом и знанием людей, чтобы выбрать превосходнейшего военного техника и возложить на него практическую задачу. Только уяснив себе во всей полноте значение клеонова подвига, можно понять всю трудность вставшей перед историками проблемы: каким же образом этот самый Клеон был все-таки лишь трубым, беззастенчивым демагогом? От Грота до Ланге историки искали разрешения в том, что возвышали личность Клеона, объявляя приговор Фукидида несправедливым. Мейер, который согласен со мною, что дело при Амфиполе показало полное ничтожество Клеона, пошел по другой дороге и пытается восстановить единство личности этого человека, сводя на-нет его заслугу при Сфактерии. Оба пути одинаково ложны. Клеон действительно сделал большое дело, и я отнюдь не держусь мнения, как меня толкует Мейер (стр. 333), что оно ему удалось только по милости обстоятельств.

Если вопрос стоял так просто, почему же Фукидид не изложил его нам именно в этом смысле? Почему он не приписывает попросту всю заслугу Демосфену, как это сделал Аристофан? Почему он вводит нас в смущение, объявив сперва требование Клеона «безрассудным», а непосредственно затем рассказывает о его блистательном осуществлении? Прежде чем критиковать Фукидида, надо научиться его понимать, и я рад, что Мейер тоже решительно отводит все заблуждения ложной новейшей учености, которая хочет судить о военном плане Перикла или о событиях под Амфиполем умнее, чем сам великий учитель. Мы должны принять также и этот момент — роль Клеона в сфактерийском деле. Фукидид знал, что делал, когда ничуть не умалил объективную заслугу демагога и в то же время изобразил нам самого человека ничтожным трусом.

Именно это противоречие и делает из Клеона тот политический тип, каким он сохранился в памяти истории — и сохранился заслуженно. Фукидид едва ли взял бы на себя труд так тщательно обрисовать нам этого отталкивающего человека, если бы роль его была так незначительна и сфактерийские лавры так легко было сорвать. Мало того, надо сделать еще один шаг и сказать, что не только Клеон, но и современные ему Афины сильно проиграют, если мы признаем вместе с Мейером, что город в тот промежуток времени — со смерти Перикла до высту-

пления Алкивиада — так оскудел политическими талантами. Но дело обстояло иначе. Перед Афинами стояла такая великая и трудная задача, что всесторонне разрешить ее мог бы только очень крупный человек. Такого человека не оказывалось, а потому Клеон и смог не только занять видное положение, но и свершить однажды действительно великое дело. Именно так следует здесь понимать Фукидида, и тем, кто еще не оставил сомнений и не чувствует себя удовлетворенным моими комментариями в моей вышеназванной брошюре, я могу преподать только один совет: изучать Клаузевица и еще раз Клаузевица, пока через него не станет понятен Фукидид (ср. следующую главу, прим. 6).

6. При Ольпе в 426 г. Демосфен победил амбракийско-пелопоннесское войско, хотя противник имел численный перевес. Афинский полководец посадил в засаду резерв, который, когда завязалось сражение, напал на неприятеля с тыла. Такой маневр мы встречаем очень редко.

7. Предтечей позднейших времен является данное Фукидидом [1] (IV, 93—96) изображение сражения при Делие (424 г.). Обе стороны, афиняне и беотяне, имели равные силы в гоплитах (по 7 000 чел.); беотяне сверх того имели 10 000 не носивших доспехов. У афинян же их было лишь немного, так как основная масса легкой пехоты, которую они также имели при себе, уже ушла вперед. Далее у беотян было 1 000 всадников; число афинских всадников не указано, но во всяком случае оно было значительно меньше, чем у беотян; Афины и вообще-то вряд ли имели в то время более 900 всадников, причем, конечно, многие из них не принимали участия в походе, а 300 всадников были оставлены в резерве при Делие, чтобы оттуда действовать неприятелю в тыл; однако, беотийская конница не допустила этого.

Вся масса беотийской легкой пехоты не оказала никакого влияния в этом сражении, так как лесные ручьи мешали ей подобраться к неприятелю, — верный показатель ее чрезвычайно низкой боеспособности. Бой, как обычно, разыгран был гоплитами. Афинские гоплиты были построены равномерно по 8 чел. в глубину и, следовательно, образовали фронт в 880 чел. Беотяне стояли по различным контингентам различно, а главный фиванский корпус в глубину чуть ли не в 25 человек. Таким образом, беотийская боевая линия должна была быть значительно короче афинской. Но это выравнивалось численным превосходством беотийской конницы.

О настоящем конном бое мы ничего не слышим. Афиняне победили на своем правом крыле и стали обходить стоявшие ближе к середине беотийские части, которые понесли тяжелые потери. Но тем временем глубокая фиванская фаланга, имевшая со своего фланга прикрытие в коннице, а, может быть, также и в естественных условиях местности, оттеснила стоявшее против нее левое афинское крыло; когда же сражение приняло здесь благоприятный для беотян оборот, фиванский полководец Пагонд послал два отряда всадников на помощь другому крылу; внезапное появление этих всадников вызвало панику среди афинян и также на этом участке решило сражение в пользу беотян. В преследовании и избиении бежавших афинских гоплитов приобрела значение наряду с конницей также и многочисленная легкая пехота беотян.

8. На сражении под Амфиполем (422 г.) я подробно остановился в приложениях к моей книге «Стратегия Перикла». Афиняне проиграли бой вследствие неспособности Клеона, который в самонадеянном безрассудстве подставил войско под удар, когда оно едва только перешло из боевого порядка в походный. Лакедемонских гоплитов Брасида поддерживали конница и легкая пехота.

---

[1] Отступающий от него рассказ Диодора наряду со свидетельством Фукидида не должен итти в расчет, как это правильно было указано еще Гротом.

9. В сражении при Мантинее (418 г.) спартанское войско насчитывало в общем 7 000—8 000 чел. [1], а соединившиеся против него мантинейцы, аргивяне и афиняне было несколько сильнее. В связи с этим сражением Фукидид специально говорит о свойственном греческой тактике выдвижении правого фланга. Спартанский царь Агис боялся, что противник обойдет его с левой стороны; во избежание этого он приказал своему левому крылу отделиться от центра и податься влево; в образовавшийся промежуток должны были вклиниться два лоха с той части правого фланга, которая выдавалась за боевую линию противника. Однако, начальники обоих лохов не хотели оставить своего выгодного места и отказали царю в повиновении. Таким образом, левое крыло осталось оторванным от главных сил, было охвачено с двух сторон и разбито. Однако, правое крыло тем же порядком победило на своем участке, а так как эта победа была одержана над более значительной частью неприятельского войска, то она и решила исход; правое крыло мантинейцев и аргивян, когда Агис обратился против него, не осмелилось возобновить борьбу и оставило поле сражения [2].

Фукидид подчеркивает, что потери разбитого в первую очередь аргиво-афинского крыла были бы гораздо значительнее, если бы его не поддержала афинская конница. У спартанцев тоже были всадники, однако, мы ничего не слышим о конном бое. О легковооруженных также нет речи.

10. По Фукидиду (VI, 64) Никий не хотел итти сухим путем из Катаны к Сиракузам, так как афинские легковооруженные и обоз могли бы потерпеть большой урон, если бы на них напали по дороге сиракузские всадники. У афинян конницы не было вовсе.

Под Сиракузами афиняне заняли позицию, при которой неприятельская конница не могла их сильно беспокоить. «Стены, дома, деревья, болота и скалы, — говорит Фукидид, — служили им прикрытием».

---

[1] Белох в «Bevölkerung» (стр. 140) исчисляет, что лакедемонян могло быть 4 234 чел. К этому надо прибавить неодамодов, брасидейцев и союзников. Едва ли можно заключить из Фукидида (IV, 55), что здесь было также ровно 400 всадников. Ср. выше стр. 61, примеч.

[2] В рассказе Фукидида (V, 37 и сл.) можно усмотреть некоторое противоречие: там сперва говорится, что лакедемоняне выстроили свои лохи в затылок (ἐξῆς — один за другим) в центре, на крайнем же правом крыле стояли вместе с тегейцами еще «немногие лакедемоняне», а потом оказывается, что с этого крыла приказано было отозвать целых два лоха, несомненно, лакедемонских. Бузольт (Hermes, Bd. 40, 1895 г., стр. 399) пытается разрешить противоречие в том смысле, что эти два лоха составляли не крайнее правое крыло, а должны были быть взяты с правой части центра; образовавшиеся при этом промежутки можно было снова закрыть путем сдвига вправо других лакедемонских лохов. В этом нет ничего невозможного, но все-таки я не рискнул бы утверждать это положительно. Слово „ὅλιγον“ у Фукидида всегда может охватывать довольно широкий круг; например, незадолго перед тем (66, 4) он говорит, что у лакедемонян «все войско, за исключением небольшой части», состояло из начальников. Следовательно, если у Фукидида сказано сперва, что лакедемоняне выстроили свои лохи «один за другим», а затем мы слышим, что «немногие», помещавшиеся на правом крыле и отделенные от прочих чужими контингентами, составляли на деле целых два лоха (из семи), то это может объясняться просто некоторой небрежностью выражения. Во всяком случае под «немногими» никак не могут разуметься единичные воины; это непременно должны были быть какие-то тактические единицы, т. е. по меньшей мере один лох, а может быть, и два.

Также и другое предположение Бузольта (стр. 418), что непокорными полемархами в этом сражении были не начальники лохов, а офицеры из царского штаба, мне ничего не разъясняет. Для передачи приказа нужен был только один человек, и строптивость такого царского адъютанта, с одной стороны, едва ли понятна, а с другой стороны, дело слишком легко могло быть исправлено посылкою другого адъютанта. Вся эта история становится понятной лишь при том предположении, что упоминаемые здесь полемархи были командирами лохов.

11. Очень темно сообщение Фукидида (VI, 67) о первом сражении под Сиракузами. Афиняне, читаем мы, выставили собственно в боевую линию только половину своего войска, а из другой половины подальше в тылу образовали карре, внутри которого поместили весь обоз; эта вторая половина в то же время получила приказ итти в случае нужды на помощь первой. Обе фаланги имели по 8 чел. в глубину. Как же мы должны представить себе это карре с обозом в середине? Почему охрану обоза не поручили многочисленной массе легковооруженных, каковой афиняне располагали в лице своих матросов? Ведь войско и без того было слабо гоплитами по сравнению со всем сиракузским ополчением.

Сиракузяне имели фалангу вдвое глубже афинской, в 16 рядов, и сверх того еще 1 200 всадников. Тем не менее афиняне победили; роль неприятельской конницы свелась лишь к тому, что она воспрепятствовала преследованию.

Историки Грот и Гольм (Holm, Geschichte Siciliens im Altertum, II, 26), насколько я могу судить, до сих пор просто повторяют фукидидовский рассказ, не вдаваясь в рассмотрение вопросов, которые встают перед читателем.

Несмотря на свою победу, Никий вернулся обратно в Катану, так как ничего не мог сделать без конницы.

Если сиракузская конница, не принеся пользы в самом сражении, все-таки хоть остановила преследование, то это как будто ставит ее выше персидской, которая при Марафоне не сумела исполнить и этой задачи. Однако, причина заключается в том, что сиракузяне были уверены в безусловно обеспеченной возможности отступления, тогда как персидские всадники при Марафоне не имели этой уверенности и, когда пехота обратилась в бегство, ими овладело чувство, что теперь одно спасение — скорее на корабли, а кто во-время не поспеет, тот пропал. При Платее, если часть персидского войска была выделена, надо принять в расчет большой численный перевес греков; впрочем мы не знаем, может быть, персидская конница до некоторой степени задержала преследование.

12. Когда явился Гилипп, он сейчас же нашел, как сиракузянам использовать свое превосходство в коннице. Он направил всадников вместе с копейщиками (Фукидид, VII, 6) афинянам во фланг, а сам той порой повел фронтальную атаку, и афиняне были разбиты.

13. Рассказ Диодора (XIII, 72) о походе царя Агиса на Афины в 408 г. содержит так много непонятного и невероятного, что вряд ли может быть использован историками. Войска Агиса насчитывали будто бы 14 000 гоплитов, 14 000 легковооруженных и 1 200 всадников. Фаланга имела 4 чел. в глубину и 8 стадий, т. е. 1 500 м, в длину. В таком случае на человека приходилось по фронту всего 43 см. В то же время, читаем мы, эти войска оцепили третью часть афинской стены; тогда они в полную противоположность такому чрезвычайно тесному строю фаланги должны были растянуться на добрых 30 стадий (свыше 5 000 м) по всей равнине к северу от города до Ликабетского хребта. Афиняне, читаем мы далее, выслали в бой конницу, которая не уступала по численности неприятельской коннице и одержала над ней победу. Мыслимо ли, чтобы Афины еще в 408 г. вдруг смогли выставить 1 200 боеспособных всадников? На другой день афинское войско, по рассказу Диодора, выстроилось для боя так близко к стене, что было покрыто пущенными сверху стрелами и дротиками. Много ли гоплитов могли выставить тогда Афины, если в то же самое время был выслан с Алкивиадом большой флот? Неужели спартанцы, при их большом численном превосходстве, действительно боялись пробежать неширокую полосу под дождем афинских стрел и дротиков, посылаемых со стены, чтобы затем одержать верную победу, сулившую полное истребление прижатых к стене афинских гоплитов? Как только завязалась бы рукопашная схватка, камни, стрелы и дротики со стен причиняли бы спартанцам не больше вреда, чем самим афинянам, а всего вернее — городской гарнизон должен был бы прекратить этот обстрел со стен, чтобы не убивать своих же.

14. Обстоятельный рассказ Фукидида об осаде и взятии измором Платеи во время Пелопоннесской войны оспаривался Мюллер-Стрюбингом («Jahrb. f. Philol.», Bd. 131) на основании данных топографии; однако, Герман Вагнер (Progr. d. Gymn. v. Dobberan 1892 и 1893 гг.) вполне восстановил версию Фукидида.

Глава II

Стратегия. Перикл

Тактические положения, как мы видели, мало изменились за время между Персидскими и Пелопоннесской войнами. Однако, Пелопоннесская война имеет совсем иной характер, чем те войны. В Персидских войнах основное — это неравенство обоих противников в вооружении и тактике. В Пелопоннесской войне греки сражаются против греков; их вооружение и тактика однородны, но своеобразно то, что одна сторона имеет на море такой же перевес, как другая на суше. Этим ставятся совершенно новые задачи стратегического характера. Персидские войны велись до решающего исхода; они не могли кончиться иначе, чем победой персидского царя и полным порабощением им греков или же чудовищным поражением персов. Пелопоннесская война тянется 27 лет, проявляется в нескольких сухопутных сражениях, но без решительного исхода и кончается только тогда, когда особые обстоятельства позволяют спартанцам создать такие же мощные силы на море, какие были у афинян.

Когда разразилась война, нельзя было ожидать ни от одной из сторон такого развития. Жили исключительно представлением, что перевес одной стороны на море и другой на суше так велик, что более слабая сторона не может сделать решительного тактического шага и довести дело до такого сражения, как при Саламине и Платее. Перед стратегией тем самым была поставлена новая своеобразная задача — война без решающего столкновения, только измором.

Тут мы наталкиваемся на одно из сложнейших, но часто встречающихся явлений мировой истории. В самой природе войны лежит намерение захватить и сокрушить врага, чтобы покорить его своей воле. Все силы собираются для одного большого удара, для сражения, которое должно привести к исходу или за которым последуют другие сражения, пока не наступит решительный исход. Задача стратегии — подготовить этот исход и привести к нему при наиболее благоприятных условиях. Теперь же мы встретились (и будем постоянно встречаться и в дальнейшем) с такой войной, где по различным причинам такие решающие столкновения исключаются. Но все же находятся средства сломить волю противника и достигнуть политической цели войны.

Совершенно так же, как при Марафоне, при Фермопилах, при Саламине и при Платее, мы видим, что из эллинского народа выдвинулся человек, который понял всю глубину новой задачи и с классической уверенностью разрешил ее.

Афинянин Перикл понял, что его город не может соперничать с пелопоннесско-беотийским союзом на суше; отсюда с неумолимой логикой он вывел заключение, что вся Аттика должна быть очищена и предоставлена неприятельским войскам. «Если бы я думал, что вас можно убедить, я заставил бы вас самих опустошить вашу родину», — сказал

он афинянам. Население всей страны должно было укрыться в городе и между длинными стенами, связывавшими город с его портами — Пиреем и Фалерном. Но за опустошения, нанесенные врагами, афиняне отомстили тем, что афинский флот блокировал неприятельские гавани, разрушил торговлю всех городов противника и, высаживаясь внезапно в разных местах, нанес неприятельским странам такой же, если не больший, вред, какой был нанесен Аттике. Что могло выйти при таком ведении (или скорее «неведении») войны? Конечно, исходом не мог явиться сокрушающий удар; речь шла лишь о том, кто раньше сдаст, кто не в состоянии будет выдержать страданий и изнеможет под тяжестью лишений.

Можно было создать план войны без кровопролития; но, конечно, было совершенно невозможно исключить резкие удары, которые способствовали тому, чтобы склонить противника к уступкам. С большой обдуманностью и мудрым предвидением Перикл, излагая свои военные планы афинянам, прибавил, что надо воспользоваться случаем, «который не ждет». Стратегия измора, которая принципиально отказывается от абсолютного решения, несет с собой ту опасность, что полководцы могут сделаться слишком осторожными. В каждой войне бывают случайности, которые должны быть использованы решительно и храбро. Но удастся ли их использовать, — это почти всегда дело судьбы. Полководец никогда не знает точно, насколько силен противник и не будут ли играть роль какие-либо обстоятельства, учесть которые он не сможет. Пока он медлит, взвешивает, вновь и вновь исследует, случай упущен; полководцу всегда бывает вдвое, в десять раз труднее найти в себе решимость для дальнейших действий, если основным принципом ведения войны для него является положение, что окончательный исход зависит не от решительного сражения с присущим ему риском, а от постепенного изнурения противника. Но по ходу нашего изложения, особенно, когда речь идет о позднейших временах, мы увидим, как часто полководцы терпели поражение, если они держались принципов стратегии измора и избегали решительных сражений. Тогда мы поймем, как значительны слова Перикла о том, что, даже принимая за основание принципы стратегии измора, никогда не следует упускать случая, «который не ждет».

Афиняне считали, что Перикл как полководец одержал девять побед. Мы слишком мало знаем об этих победах, чтобы сделать какие-либо заключения о стратегических способностях Перикла, но ведение Пелопоннесской войны, связанное с известием о многих боевых победах, заставляет нас отвести Периклу место не только среди государственных мужей, но и среди великих полководцев всемирной истории. Не план войны как таковой дает ему на это право (ибо не советы, но поступки создают славу полководца), а колоссальная решительность, которая нужна была для того, чтобы, не останавливаясь на полпути, заранее учесть, чем нужно было пожертвовать, — уступить всю Аттику врагу, суметь силой своего личного авторитета разъяснить это решение демократическому народному собранию и заставить принять его. Проведение этого решения есть стратегическое действие, которое можно поставить в уровень с любой победой. В 480 и 479 гг. афиняне очистили перед персами не только страну, но и самый город; это был еще более величественный шаг, но совсем другого рода. Это был поступок, вызванный отчаянием, когда другого выхода не оставалось, если не хотеть покориться врагу. Сражение, посредством которого

хотели вновь завоевать родину, должно было разыграться немедленно. В Пелопоннесской войне речь также шла о неизбежной необходимости, но не о такой, которая была явно перед глазами, а такой, какую мог предугадать только вдумчивый стратег; речь шла об оставлении города не только в данный момент, но о действии, которое предполагалось повторять из года в год. Еще теперь иногда выскакивают ученые умники, которые оспаривают необходимость этого поступка и тем самым лишний раз подтверждают мудрость Перикла, который сумел заставить суверенный афинский народ принять такую трудно понимаемую стратагему.

Военный план Перикла выполнялся афинянами продолжительное время, причем в первые полтора года, пока Перикл стоял во главе города, проводилась умная и энергичная последовательность в действиях, так что различные мероприятия вполне соответствовали друг другу; с неменьшей силой велись действия и после падения и смерти Перикла, но без согласования отдельных действий, толчками, под влиянием момента, часто под действием речей того или иного оратора. Несмотря на это, Афины сохраняли превосходство над противником. Даже страшные опустошения, которые произвела чума, похитившая четверть афинского населения, не сломили силы этого города, а непрестанная малая война предоставила в конце концов «случай» к решительному удару. 420 лакедемонян были заперты на острове Сфактерии, другая часть была убита, а остальные 292 чел. — из них 120 спартиатов — были взяты в плен.

Этой победой через 5 лет после смерти Перикла был выполнен его военный план. Ясно, что конечной целью войны нельзя считать порабощение Афинами всей Греции, как впоследствии Рим поработил Италию. Об этом не думал ни Перикл, ни другой какой-нибудь афинский государственный деятель; для этого Афины были слишком слабы; для этого надо было бы не только выиграть крупные сражения на суше, но также осадить и занять неприятельские города — Фивы, Мегару, Коринф. В этой войне для Афин, как и в современных европейских войнах, речь шла только о самоутверждении, о сохранении равновесия и о распространении сферы влияния.

Из-за отсутствия опытного руководителя, государственного мужа, Афины после смерти Перикла упустили момент и благоприятное для них положение для заключения выгодного мира. Но даже после того, как афиняне были разбиты гениальным спартанским полководцем Брасидом при Амфиполе, они все же могли еще заключить мир, при котором полностью сохранили свое положение, а в сущности больше ничего и не было нужно.

Через 8 лет война снова разразилась, и афиняне ее проиграли, потому что пренебрегли одним из существеннейших советов Перикла, который предупреждал «не делать во время войны новых завоеваний».

Уже в 424 г., возгордившись успехом при Сфактерии, афиняне провели большую операцию на суше и потерпели очень тяжелое поражение (при Делие), где они потеряли не менее 1 000 гоплитов. При заключении мира, который в сущности был только перемирием, они предприняли покорение Сицилии, потеряв при этом около 6 000 граждан[1], большой флот и снаряжение. Это привело к поворотному

[1] 4 450 гоплитов и конных граждан; кроме того, на каждой триере было по меньшей мере несколько афинских граждан в качестве командиров. Вся экспедиция насчитывала, примерно, 60 000 чел.

пункту. Теперь ионийцы осмелились отделиться от Афин, пелопоннесцы появились на море и вступили в союз с персидским царем. Этой комбинации сил Афины выдержать не могли, были, наконец, побеждены на море и вынуждены покориться.

1. Основным вопросом при обсуждении Пелопоннесской войны является, конечно, вопрос, правилен ли был план Перикла. Ответ на него зависит в большой степени от статистики. Если правда, что в Афинах тогда было 60 000 граждан, тогда как установлено, что в Лакедемоне было не больше 2 000—3 000 спартиатов и 9 000 периойков, то Афины, конечно, могли проводить такую политику и такой способ ведения войны, как Рим. Надо понять всю важность установления этих сухих цифр. От них зависит суждение о Перикле, а отсюда и суждение о Фукидиде. Авторитет величайшего из историков был бы непоправимо подорван, а один из столпов греческой литературы был бы опрокинут, если бы только кто-нибудь доказал, что в Афинах в 431 г. было 60 000 граждан. Ибо если Фукидид неправильно судит о Перикле и его политике, то мы вообще не можем ему доверять.

К счастью, обо всем этом не может быть и речи. То, что афиняне при Делие выступили «всенародно» и имели только 7 000 гоплитов, непреложно доказывает при сопоставлении с другими цифрами, что в Афинах никогда не было 60 000 граждан.

Можно допустить, что Афины, кроме упомянутых в речи Перикла 15 800 фетов и метойков, выставили еще 8 000 чел. и снабдили их гоплитским вооружением. Кроме того, могли быть призваны некоторые союзники и выставлено большое количество наемных гоплитов. Если отнять те войска, которые непременно должны были остаться на местах, и принять во внимание, что значительная часть триер тоже должна была быть в готовности, то Афины с величайшим напряжением могли бы выставить войско в 25 000 гоплитов. Войско, с которым пелопоннесцы напали на Аттику, Белох исчислял сначала в 30 000, затем [1] в 27 000 гоплитов. Следовательно, победа в открытом бою представляется не совсем исключенной для афинян. Но какую пользу это могло принести? «Если мы даже победим,—сказал Перикл афинянам (Фукидид, I, 143),— то вскоре нам придется бороться со столь же многочисленным врагом». Огромное афинское войско могло лишь на несколько дней — в крайнем случае, на несколько недель — остаться в строю, так как граждане должны были вернуться к своим занятиям. О преследовании противника до пределов его страны, об осаде Фив или Коринфа не могло быть и речи. Даже последующие народные вожди, после славной победы при Сфактерии, все же не допускали этой мысли. Следовательно, победа недала бы Афинам ничего, кроме кратковременного облегчения; поражение же могло бы стоить им половины граждан, и во всяком случае такой поход настолько подорвал бы их финансы, что другие походы были бы для них совершенно немыслимы. Нам придется еще не раз возвращаться к закону экономии сил, который проявляется в таких случаях. В появившемся в 1920 г. IV томе настоящего труда этот основной принцип стратегии разработан очень подробно.

2. Во всех подробностях я исследовал проблему перикловой стратегии в моей книге «Стратегия Перикла в свете стратегии Фридриха Великого» (1890 г.). Почти одновременно с этой книгой появилось исследование Ниссена «Начало Пелопоннесской войны» (Nissen, Der Ausbruch des Peloponnesischen Krieges в 63 томе «Hist. Zeitschrift»). Его возражения Фукидиду я считаю не совсем справедливыми, но в одном существенном пункте мы пришли к одинаковому выводу, а именно: если Афины имели захватные намерения в этой войне, то их целью могло быть только включение в свои пределы Мегары.

[1] Klio, т. VI, 1906 г., стр. 77.

3. С тех пор появились еще «Хронологические данные к предистории Пелопоннесской войны», соч. В. Кольбе (W. Kolbe, Ein chronologischer Beitrag zur Vorgeschichte des Peloponnesischen Krieges, «Hermes», т. 34, 1889 г.).

Кольбе считает, что сражение при Сиботе произошло осенью 433 г. (я считал, что в мае 432 г.). Но отсюда не вытекают никакие выводы для иного понимания политики Перикла, чем понимаю ее я.

4. Бузольт в своем исследовании «военного плана Перикла» (сборник к юбилею Людвига Фридлендера, составленный его учениками в 1884 г.) примыкает к тем, кто считает, что военный план принципиально правилен, «но при его проведении недоставало решимости и предприимчивости». Дело в том, что он упустил из вида занятие в первые годы войны неприятельских гаваней, как, например, Пилоса и острова Киферы. «Энергичное вступление боевых сил в рамках военного плана могло бы, несомненно, сократить длительность войны и скорее утомить противника». Это утверждение совсем не так «несомненно». Сам Бузольт в этом очерке справедливо подчеркивает больше, чем это делалось раньше, всю важность блокады Пелопоннеса. Если эта блокада не могла герметически запереть Пелопоннес, то все же она чувствительнейшим образом подорвала торговлю больших приморских городов и столь необходимый для них подвоз зерна, причем этот гнет должен был чувствоваться чем дольше, тем сильнее. Нигде не сказано, что если бы афиняне в первый же год сразу нанесли неприятелю весь тот вред, какой они смогли нанести в течение всей войны, они этим приблизили бы мир. Длительность боли, психологическое воздействие времени должны были притти на помощь. Тут перед нами проблема, которая постоянно выплывает в военной истории. Когда государственный деятель и полководец, как Перикл, намечает военный план, который должен не опрокинуть противника, а взять его измором, то нет правил для того, сколько надо сделать в каждом году и в какой степени надо щадить свои силы. В стратегии сокрушения существуют какие-то исходные данные, например, боевая мощь противника. Там надо или пустить в ход все силы, какие только возможно, или по крайней мере столько, чтобы с уверенностью рассчитывать на победу. Если победы не будет, значит, была сделана какая-то ошибка. При стратегии измора масштаб гораздо субъективнее. Напрячь все силы сразу было бы неправильно и противоречило бы собственному плану. Что бы ни случилось, всегда может явиться критик и сказать, что должно было еще случиться то или другое событие. Причины, по которым в первые полтора года, пока господствовал Перикл, не случилось еще чего-либо, я изложил в указанной выше книге (на стр. 116). На второй год он вместо оккупации Киферы, как этого требует Бузольт, предпринял более грандиозное дело, а именно—завоевание Эпидавра, что, правда, ему не удалось. То, что за этим ошибочным выступлением не был предпринят поход на Киферу, нельзя вменить в вину Периклу, так как он был уже отставлен от дел. Но это вполне понятно по причинам, приведенным мною в том же труде, на стр. 130.

5. Слова Перикла о «случаях на войне, которые не ждут» (Фукидид, I, 142), главным образом, относятся к противнику, который из-за недостатка средств и из-за непрочной связи с союзниками не мог использовать все случайности обстановки. Но отсюда, как вывод, вытекает обратное, а именно—что афиняне были в состоянии сделать это и должны были воспользоваться предоставлявшимся им случаем.

6. В приложении к упомянутой мною выше книге я обсуждал вопрос о значении Клеона. Постоянно появляются ученые, которые не могут понять, что человек мог одержать такую блестящую победу, как Клеон при Сфактерии, и быть во всех отношениях ничтожеством. Нигде нет большего, чем в военной области, соблазна поддаться искушению и объявить того, кто одержал победу, великим полководцем; а именно в этой области особенно важно не поддаваться обаянию славы и спокойно исследовать, заслужена ли эта слава и кому она должна достаться. Пример Клеона особенно удобен в этом отношении для выработки правильного

суждения и критического подхода. Очень интересной, а иногда просто потрясающей аналогией к поединкам Клеона является победа демагога-генерала Л'Эшелль над вандейцами, о чем я советую прочесть в превосходной книге ген. Богуславского «Война вандейцев против французской республики» (1894 г.).

7. После того как мы убедились, что в оценке Перикла и его боевого плана, а также в оценке Клеона точка зрения Фукидида является в основном единственной вполне правильной, мы вправе и даже обязаны верить этому автору и в остальных пунктах, где точное исследование, при нашем скудном знании фактов, невозможно. Именно на этом основании я и строил изображение той эпохи.

Обвинения, которые пытались выдвинуть против Фукидида как полководца, исходя из его собственных рассказов, не имеют никаких оснований и вытекают из неправильных тактических представлений критиков.

8. У Геродота (VII, 9) Мардоний говорит Ксерксу: «Как я слышал, эллины по невежеству и по глупости ведут войну бессмысленнейшим способом. Объявив друг другу войну, они выбирают прекрасную и совершенно ровную местность, сходятся там и ведут бой; вследствие этого даже победители уходят с поля сражения с большими потерями; о побежденных я и не говорю: они все гибнут поголовно.

Им следовало бы как людям одного языка мирно улаживать споры. Если же воевать друг с другом абсолютно необходимо, то каждая сторона должна была бы отыскать для боя такое место, где ее труднее всего победить, и там уже состязаться с неприятелем».

Старик Геродот наверно не сумел выразить то, что он думал или что ему было сказано: смысл этих слов, конечно, заключался в том, что каждый должен стараться использовать положение в своих интересах.

Ясно, что такие взгляды высказывались в Афинах времен Перикла.

* * *

9. При исчислении народонаселения Аттики я считал, что афиняне брали на службу во флот также и рабов. Низе (Niese) объявил этот взгляд «совершенно неосновательным» и подробно изложил свои возражения в приложении к своему докладу в «Histor. Zeitschr.», т. 98 (см. выше, стр. 44). Для наших статистических вычислений этот вопрос не играет роли, так как установлено, что, с одной стороны, личный состав флота в главной массе был из афинских граждан, а с другой стороны, известно, что неграждане большей частью были наемниками, так что во всяком случае для рабов не остается места. Никакого значения не имеет, назвать ли небольшой контингент неграждан «наемниками» или «наемниками и рабами». Когда Бек (Böck, Staatshaush. I, 329, 3-е изд.) говорит, что «бюльшая часть гребцов состояла из рабов», то он заходит слишком далеко; я выражался осторожнее (см. стр. 133): «Когда в Афинах объявлялся призыв для похода, то мы должны предположить, что для службы во флоте всегда являлось много добровольцев, афинян или чужеземцев, или же брались рабы. Таким образом, надо считать, что в Афинах, не принимая во внимание походов «всенародных», служба во флоте вскоре после Персидских войн стала чисто наемной». По-моему, из этих слов совершенно ясно, что я не считаю рабов в афинском флоте чем-то существенным, а скорее считаю их подсобным составом, когда нехватало граждан и наемников, а, следовательно, также и при тех экстраординарных случаях, которые легли в основу моих статистических вычислений. Низе слишком заостряет мои положения, когда он пишет: «Дельбрюк в своей «Истории военного искусства» (стр. 110) сказал, что афиняне р е г у л я р н о привлекали рабов в экипажи военных судов».

Низе подкрепляет свое мнение несколькими argumenta ex silentio, которые, конечно, имеют значение, поскольку они возражают против мнения Бека, что «большую часть гребцов составляли рабы», но не против меня, так как рабы у

меня играют настолько незначительную роль, что можно при вычислениях не обращать на них внимания.

То, что в других греческих государствах рабов применяли в качестве гребцов, доказывалось много раз. Когда Низе уверяет (стр. 496, 501, 505), будто «есть неоспоримые доказательства того, что рабы в Афинах... допускались на корабли только как слуги находящихся во флоте граждан», то он, к сожалению, не приводит этих доказательств, несмотря на то, что его работа до отказа набита учеными цитатами. Даже возникает подозрение, что он сам был мало осведомлен о состоянии античной триеры: нам и так трудно понять, как на таком судне вообще помещалось 200 чел., а тут еще и их рабы для обслуживания! Быть может, только у капитана и у штурмана были рабы. И вообще как это могло быть, что господа гребли, а рабы смотрели? Положительные доказательства того, что в афинском флоте рабы тоже были в составе судовых экипажей, мы имеем в следующих источниках: Фукидид (VII, 13, 2) пишет Никию из Сицилии домой, что есть люди, которые подкупают капитанов и сажают на свое место гиккарийских рабов, нарушая тем самым судовой распорядок («есть и такие, которые, сами занимаясь торговлей, ставят вместо себя гиккарийских рабов, подкупив триерархов (или начальников триер), вследствие чего падает дисциплина во флоте»).

Гиккары — город в Сицилии, который был занят афинянами сейчас же по их приходе, а жители его были обращены в рабство. Никий, следовательно, считает ошибкой не то, что рабы вообще были включены в состав гребцов, а то, что это были рабы такого происхождения, враждебно настроенные, без опыта и умения. Если бы он хотел просто указать как на неслыханную вещь — на присутствие рабов среди гребцов, он не подчеркнул бы, что это были «гиккарийские» рабы.

Фукидид (VIII, 73, 5) говорит о том, что на государственном корабле «Паралос» весь экипаж был из свободных людей; значит, на других кораблях этого не было. Низе (стр. 501, примеч.) считает это общепринятое положение недоразумением: он хочет слово «ἐλεύθεροι» — свободные — перевести как «свободомыслящие», к чему я не вижу никаких оснований.

Ксенофонт (Hellenika, I, 6, 24) сообщает, что в 406 г. афиняне, чтобы укомплектовать свой флот, навербовали свободных и рабов. О том же упоминается у Аристофана и в «Схолиях» (цитирована Беком I, 329).

Исократ в своей речи о мире (8, 48) упоминает, что афиняне пускали на корабли чужеземцев и рабов в качестве матросов, а граждан — в качестве гоплитов (см. Низе, стр. 501, примеч. 3).

Все эти свидетельства не оставляют у меня сомнений, что мое представление вполне справедливо и в сущности, повторяю, не настолько отличается от представления Низе, как заставляет думать его энергичная полемика. Ведь, и сам Низе — по крайней мере, в виде исключения, в примере 406 г. — признает введение рабов в личный состав флота; а у меня рабы играют настолько второстепенную роль, что я тоже мог бы употребить слова «в виде исключения», и это абсолютно не изменило бы ничего в моих вычислениях.

Глава III

Наемники

Во время Персидской войны греческие войска состояли из гражданского ополчения; но к концу Пелопоннесской войны мы видим уже другую картину.

Всеобщее гражданское ополчение παυδημεί («поголовное», «всенародное») встречалось все еще редко. Обыкновенно высылалось войско или флот известной силы, а набор для этой цели в Афинах происходил приблизительно следующим образом. Граждане делились на 10 фил, а каждая из них на 3 триттии—одна городская, одна береговая и одна для охраны внутри страны, — которые охватывали большее или меньшее число дем. По ним распределялись имеющиеся отряды, которые поочередно выставлялись военнообязанными.

Такая регулярная смена приводила к большой неравномерности. Экспедиции были различной продолжительности и трудности; на службу в гоплиты более богатые шли много реже, чем на службу во флоте. Короткие походы прежнего времени оплачивались гражданами из собственных средств, причем эти походы не особенно нарушали их рабочую и торговую жизнь. Долгие, часто заморские войны создали совершенно другую обстановку. Чтобы сделать возможными более долгие походы, начали платить большое жалованье [1]. Необходимые для этого средства предоставляли союзники афинян, которые за это полностью или частично освобождались от военной службы [2]. Афинские граждане несли за них военную службу и именно этим достигли такой большой боеспособности. Хотя они и оставались гражданами, но все же до известной степени брали на себя обязанности профессиональных солдат и помнили об этом. Перед первым сражением при Сиракузах предводитель Никий напоминает им, что они совсем иные воины, чем гражданское ополчение их противника [3]. Когда в Афинах объявлялся призыв для похода, то мы должны предположить, что для службы во флоте всегда являлось много добровольцев, афинян или чужеземцев, или же брались рабы. Особого списка обязанных для морской службы, повидимому, не велось. В крайних случаях призывались все, даже уже отслужившие [4]. Со службой гоплитов было несколько иначе; она была ведь не только личной повинностью, но и податью, так как гоплит должен был сам позаботиться о своем дорогом вооружении. Поэтому гоплитов облагали налогом и несущих эту повинность включали в особый показательный список, «каталог», который вели наряду с общим списком граждан. Несмотря на это, остается вероятным, что, если кто-нибудь не хотел выступать, то нетрудно было найти заместителя [5], и

[1] Böckh, Staatshaushalt (Содержание государства), I, 152 и 340 (3-е изд.). Жалованье колеблется между 4 оболами и 1 драхмой (6 оболов) на человека; для гоплита 2 драхмы — одна для воина, другая для его слуги, включая и деньги на продовольствие. Когда комик Феопомп говорит: «Двумя оболами человек пропитает жену, а с четырьмя он вполне счастлив», то он, вероятно, говорит о жаловании в два обола без продовольствия, которое также обходилось еще в 2 обола. Во времена Аристотеля афинские эфебы получали в день по 4 обола, а их инструктора—по 1 драхме (Staat d. Ath. cap 42).

[2] См. Nöthe, Bundesrat, Bundessteuer und Kriegsdinst der delischen Bündner, Progr. v. Magdeburg 1880 г. — Gülde, Kriegsverf. d. ersten athen. Bundes. Progr. Neuhaldensleben 1888 г.

[3] Речь Никия (Фукидид, V, 68): «Против людей, которые вышли сражаться с нами всей массой, без разбора, не так, как мы, и к тому же против сицилийцев, которые нас презирают, но не устоят против нас, так как они более дерзки, чем искусны».

[4] Ксенофонт, Hellenika, I, 6, 24: афиняне решили выступить со 110 судами «и посадить на них всех рабов и свободных призывного возраста... посадить на них также многих всадников».

[5] По Полиэну (III, 3) однажды к Толмиду, который должен был выступить с 1 000 гоплитов, присоединилось 3 000 добровольцев. Аристофан говорит в двух своих пьесах совершенно противоположное. Во «Всадниках» народ выражает желание, чтобы не освобождать людей от гоплитской службы, а в «Мире» один из дей-

государство не могло возражать против подходящего заместительства. Этим оно оберегало обычную производственную деятельность граждан, причем боевые требования от замены не страдали, а могли даже выиграть. Кроме того, служба гоплитов сама по себе не была строго личной, но каждый дом лишь должен был выставить мужчину и раба. Считалось частным делом семьи, шел ли на службу в гоплиты отец или сын, один брат или другой, или вместо них дальний родственник, или даже сосед. Для того чтобы еще усилить отряды гоплитов, государство при начале Пелопоннесской войны заготовило гоплитские доспехи и снабжало ими множество фетов. Когда для сицилийской экспедиции были погружены 1 500 гоплитов по каталогу и 700 фетов-гоплитов, то из высших классов пошли в поход или не более 1 500 чел., или, что более вероятно, государство, не желая отсылать далеко так много состоятельных граждан, взяло не более 150 из каждой филы, а кроме них вооружило на казенный счет еще 700 фетов, которые тоже пошли добровольно.

Таким образом, надо считать, что в Афинах, не принимая во внимание походов «всенародных», служба во флоте вскоре после Персидских войн стала чисто наемной; также и служба гоплитов постепенно во время Пелопоннесской войны все более и более превращалась в наемную же.

Аналогичное развитие произошло и в других государствах. В первые годы Пелопоннесской войны союзниками не было сделано ничего, кроме вторжения в Аттику с двумя третями своих граждан-гоплитов, причем они в продолжение нескольких недель грабили и опустошали эту страну и потом ушли обратно. Скоро стало ясно, что таким образом Афины не будут сломлены; наконец, спартанский предводитель Брасид пошел со своим войском во Фракию, чтобы сломить Афины через колонии и союзные города. Это войско больше уже не могло состоять из граждан, которые лишь на некоторое время удалились от своего дела и сами себя содержали. Оно не состояло целиком и из спартиатов, которые были горды тем, что у них не было гражданских занятий, а что они были исключительно воинами. Такой поход в далекую страну с половиной или даже только с четвертью спартиатов, способных носить оружие (а их было не более 500—600 чел.), противоречил характеру государства и образу мыслей спартанцев. Привлекли много сильных крепостных крестьянских сыновей, илотов, и обучали их как гоплитов. Конечно, им должны были давать продовольствие и жалованье, чтобы удержать их под знаменами. Таким образом, Спарта подошла к ведению войны поневоле тем же путем, что и Афины.

1. Фукидид (V, 67) рассказывает об аргивянах, что они, кроме ополчения, имели отборный отряд в 1 000 чел., который был особо образован на казенный счет[1]. Вероятно, он был не просто так образован, а для того, чтобы быть готовым предпринимать далекие экспедиции, которые бывали от времени до времени и которые слишком отрывали граждан от их обычных занятий и могли быть вредными в хозяйственном смысле. За это платили регулярное жалованье.

ствующих персонажей чувствует себя глубоко несчастным, так как он призывается вновь, и жалуется на то, что эта повинность главным образом тяжело ложится на крестьян, предоставляя преимущества горожанам.

[1] «Тысяча отборных аргивян, которых государство с самого раннего их возраста обучало военным упражнениям на общественный счет». — Фукидид, V, 67.

2. Когда Агезилай в Азии употребил в 391 г. конницу, то он привлек к этому богатых малоазиатских греков и позволил им находить себе заместителей. (Xen., Hell., III, 4, 15).

3. Переход к наемничеству уничтожил в Афинах старое деление на классы. Уже Перикл в своей речи в 431 г. не обращает больше внимания на это деление, так как государство вооружало фетов, которые не имели средств на вооружение. В народе держалось выражение, что граждане низшего класса «οὐκ ἐστρατεύοντο» неслужили в войсках. Узенер (Usener «Jahrb. f. klass. Philol.», 1873, S. 162) предполагает, что в 412 г. граница между классами окончательно стерлась; речь Лисия о восстановлении демократии показывает, что тогда была обычной служба фетов в качестве гоплитов, в то время как при представлении «Пира» Аристофана в 427 г. об этом говорится не так.

4. В части I, главе 2 мы установили, что Фукидид в речи Перикла сообщает число афинских граждан и метойков-гоплитов, а не число метойков-негоплитов. Мы теперь видим, что у Фукидида для этого не было причин. Метойки-негоплиты для афинской войны имели значение только как гребные команды, которые могли быть пополнены рабами. Хотя велся список не всех метойков, но самые бедные между ними были все же слишком переменной величиной, чтобы считаться существенной частью государства. Те, которые были достаточно состоятельными для того, чтобы быть годными для службы гоплитами, были тоже связаны с Афинами и потому входили в счет.

Глава IV

Усовершенствование существовавшей тактической системы в IV столетии до нашей эры

Хотя Пелопоннесская война носила изменчивый и затяжной характер, все же она не выработала новых форм военного искусства. Новое, что принесла она Элладе, — это появление профессиональных солдат. Еще и раньше Греция знала профессиональных бойцов в лице наемников; тираны, как Поликрат Самосский или Писистрат Афинский [1], держали при себе телохранителей, на которых опиралась их власть; Поликрат имел даже, по преданию, небольшое войско из 1 000 лучников [2]. Цари Египта и Лидии содержали сильные армии из греческих наемников. Но это не было еще общим явлением; настоящее наемничество, ставшее существенным моментом греческой национальной жизни и греческой истории, порождено было лишь Пелопоннесской войной. И отныне мы должны считаться не только с массой рядовых солдат, — на сцену выступают также как особое новое сословие вожди этих наемников, профессиональные офицеры.

[1] Геродот (I, 61). Впрочем, наемники Писистрата были, повидимому, не греки, а скифы. Helbig, Sitz.-Ber. d. Münch. Akad. 1897, 2. Bd., стр. 259. Смотр войск у Писистрата или Гиппия, изображенный на чаше с черными фигурами.

[2] Геродот (III, 39).

Переход образуют такие военачальники, как афиняне Демосфен и Ламах или спартанцы Брасид, Гилипп, Лисандр. Когда вскоре после окончания Пелопоннесской войны персидский царевич Кир, наместник Малой Азии, восстал против своего брата, царя Артаксеркса, он имел возможность нанять не более и не менее, как 13 000 греческих солдат под начальством опытного командного состава как высшего, так и низшего.

Постепенный переход от гражданского ополчения к наемным войскам имел, конечно, последствием усовершенствование военных упражнений и более интенсивное их применение; или, пожалуй, это можно выразить иначе: военное обучение спартанцев распространилось и на прочие греческие армии. «Спартанское войско, — говорит Фукидид (VI, 66), — почти сплошь состояло из командиров (ἄρχοντες ἀρχόντων — начальников над начальниками), и, согласно автору «Государства лакедемонян», спартанское военное обучение основывалось на том, что каждый солдат следовал за своим «взводным командиром» (эномотархом); благодаря этому легко можно было производить самые сложные эволюции.

Отдельные стадии развития этих упражнений мы не можем теперь указать, но самое это развитие лежит в природе вещей, и некоторые эпизоды похода «десяти тысяч» ясно показывают нам, что здесь был достигнут значительный прогресс. Организационные подразделения войсковых частей оказываются в состоянии двигаться, если необходимо, как самостоятельные тактические единицы, а общая спайка, которая достигается только путем интенсивного военного обучения, настолько сильна, что гоплиты решились однажды, в сражении с Фарнабазом, пойти в атаку на персидскую конницу, хотя сами они имели лишь горсточку всадников для прикрытия своих флангов (Анаб., VI, 330). Взамен конницы на расстоянии 30 м за фалангой было расположено уступами несколько эшелонов по 200 чел. гоплитов в каждом. Таким образом, недостаток в коннице уравновешивался повышением воинских качеств пехоты.

Мы там находим также применение совсем нового боевого приема. Колхидяне заперли «десяти тысячам» дорогу, заняв перед ними широкую горную позицию. Натиск обычной сомкнутой фалангой был неосуществим, так как в этой сильно пересеченной местности фаланга во время продвижения неминуемо должна была разорваться. И вот по совету Ксенофонта было образовано 80 мелких колонн, по 100 чел. в каждой, которые построены были очень глубоко, — вероятно, по 20 человек в глубину и по 5 в ширину, — и на довольно значительных интервалах. Таким образом, каждая колонна могла самостоятельно выбирать удобную дорогу, а крайние из них охватывали неприятельские фланги. Пельтасты наступали тремя группами (два крыла и центр) вместе с гоплитами. Против греческой фаланги нельзя было бы так итти; уже не говоря о перемежающемся расположении гоплитов и пельтастов, сами по себе разрозненные гоплитские колонны не могли бы выдержать натиска сомкнутой фаланги тяжеловооруженных воинов: голова каждой отдельной колонны при столкновении фронтов оказалась бы с обеих сторон зажатой и раздавленной, и, таким образом, все колонны центра были бы разбиты, прежде чем направленные в обход колонны успели бы нанести удар неприятельским флангам. Массивный сомкнутый фронт, конечно, сильнее прерывчатого. Однако, против варваров, которые полагались больше на выгодность своей

горной позиции, чем на свое оружие, и не имели к тому же достаточно твердого руководства, чтобы в должное мгновение сомкнутым строем пойти в атаку, — против такого противника и в таких условиях местности маленькие глубокие колонны на довольно больших интервалах представляли правильную тактическую форму. Колхидяне не отважились вклиниться в интервалы, опасаясь, что соседние колонны нападут на них с тыла и отрежут от остального войска. Гениальная импровизация Ксенофонта достигла цели, но она не явилась и не сделалась, как думают обычно, новой фазой в развитии принципов греческой тактики.

Особенно большие преимущества открыло наемничество оружию пельтастов. Хороший пельтаст стоил больше гоплита. Фаланга имеет у себя наряду с хорошим и плохого бойца, слабо обученного и не очень храброго, она держит его в своих прочных рамках и использует как некоторую единицу. Пельтаст же, если он не подлинно доблестный воин, не представляет собой вообще никакой ценности. Пельтаст, если ему пришлось уступить перед превосходным оружием гоплита, должен во-время (в этом все дело — во-время!) снова двинуться на врага. Для этого от каждого отдельного воина требуется большая стойкость, а командир должен пользоваться величайшим доверием своих людей и очень твердо держать их в руках. Офицер, который этого достиг, может сделать с ними очень многое. Именно такие офицеры, прошедшие школу войны и умеющие муштровать своих людей, и выступают теперь на сцену.

Особенно прославился афинский начальник наемных войск Ификрат своими огромными успехами благодаря использованию пельтастов. Этот род оружия, который до тех пор считали полуварварским, он перенес на собственно греческую почву и снабдил им наемников-эллинов, усовершенствовав при этом как вооружение, так и снаряжение. Длинный меч вместо короткого клинка и наряду с дротиками длинное копье — оба эти оружия, давшие пельтасту возможность вступать в рукопашный бой с гоплитами, были, весьма вероятно, введены Ификратом. Но главным были не эти изобретения (которые, строго говоря, вовсе и не были изобретениями); все дело — в той замечательной дисциплине, которую, по сообщению Непота, Ификрат ввел в своих войсках. Она-то и дала ему возможность так успешно применять в деле легкую пехоту, которой до тех пор не придавали почти никакой цены. Из страха перед пельтастами Ификрата, рассказывает нам Ксенофонт (Hell., IV, 4, 16), аркадские гоплиты не посмели бы выйти за городскую стену. Но перед лакедемонскими гоплитами, которые высылали вперед свои младшие по возрасту разряды, пельтасты сами трепетали и не смели приблизиться на полет копья. Следовательно, молодые лакедемонские гоплиты были так хорошо натренированы в беге, что могли догнать пельтастов, несмотря на свои тяжелые доспехи.

Но когда одна лакедемонская мора, слишком положившись на свои силы, попробовала раз пройти близ Коринфа, Ификрат напал на нее при Лехеоне со значительно большими силами и совершенно истребил ее; при этом его пельтасты все время ее обстреливали, а когда она сама переходила в атаку, отступали к своим гоплитам, которые подходили сзади.

Конный отряд, пришедший лакедемонянам на помощь, был слишком слаб и ничего не мог сделать. Ксенофонт упрекает его в вялом образе действий (Hell., IV, 5).

Победу, аналогичную лехеонской, Ификрат одержал со своими пельтастами при Абидосе; он напал врасплох на лакедемонских гоплитов, когда те, растянувшись длинной линией, спускались по горному склону (Ксенофонт, Hell., IV,8, 37).

Когда вскоре после этого подобному же нападению подвергся в Акарнании Агезилай, ему удалось при поддержке конницы провести атаку, нанести большие потери неприятельским пельтастам, обратить в бегство служивших им опорою гоплитов и таким образом расчистить себе путь для дальнейшего марша (Hell., V, 6).

Фракийские и северогреческие пельтасты, выступавшие наемниками в более раннюю эпоху, были, вероятно, вооружены не совсем однообразно; каждому отдельному бойцу предоставлялось обзаводиться по его личному усмотрению длинным или коротким мечом, поножами или сапогами, а то и просто сандалиями. Только регулярная служба в наемных войсках под командой греческих полководцев, вроде Ификрата, выработала единообразный в военном смысле тип вооружения.

Относительно конницы нам не известно, сделала ли и она за это время какой-либо прогресс. Она культивировалась, главным образом, беотянами, которые выработали также и смешанный тип борьбы, прибавив к всадникам быстроногих легковооруженных пехотинцев, так называемых гамиппов [1].

Агезилай в своей азиатской войне, читаем мы у Ксенофонта, признал, что в открытом поле ему без всадников ничего не достичь, и сформировал конницу [2]. Сам Ксенофонт посвятил ей два сочинения, но об этом нам удобнее будет говорить в следующей книге, в связи с военным делом у македонян.

Существенных успехов достигли греки за этот период в осадном искусстве. Уже в древнейшей египетской и ассирийской стенной живописи и рельефах мы можем распознать осадные машины; но греки даже во время Пелопоннесской войны были совсем неискусны в этом деле. Правда, еще Перикл при осаде Самоса велел построить военные машины, и пелопоннесцы при осаде Платеи сделали несколько попыток взять городок посредством искусственного наводнения, таранов и поджога; но в конце концов, не достигнув цели со всеми этими средствами, они прибегли к старому способу окружения осажденного города валом и голодом принудили осажденных к сдаче. Настоящему осадному искусству греки, повидимому, впервые научились в Сицилии, у карфагенян, которые осаждали и взяли Селинунт, Гимеру, Гелу и Акрагант при посредстве подкопов, башен и таранов (409—405 гг. до н. э.) [3]. Сиракузский тиран Дионисий Старший был великим машиностроителем, а из Сицилии это искусство проникло и в древнюю Грецию.

Около того же времени в Сиракузах изобретены были также и метательные машины — катапульта и петробола, а триера заменена пентерой. По рассказу Диодора [4], Дионисий собрал в Сиракузах искуснейших техников со всего света, лично заботился о рабочих, поощрял их, награждал усердных и способных и приглашал их к сво-

---

[1] Фукидид, V, 57, 2; Ксенофонт, Hell., III, 5, 24.

[2] «Он понимал, что, не имея достаточной конницы, он не может вести войну на ровной местности, — и он решил организовать конницу для того, чтобы быть в состоянии воевать, а не быть вынужденным обращаться в бегство» (Ксенофонт, Hell., III, 4, 15).

[3] Ad. Bauer, § 47.

[4] Диодор, кн. 10.

ему столу. И они действительно прилагали к делу все свои силы и изобретали новые образцы стенобитных и метательных машин [1].

1. У спартанцев мы находим очень развитую систему подразделения войска, которая, однако, часто преобразовывалась, а потому нам трудно теперь восстановить ее с уверенностью во всех частностях. Лохи распадались на пентакостии, пентакостии на энномотии, насчитывавшие от 32 до 36 человек [2]. Несомненно, и в этих мельчайших частях проводилось военное обучение.

2. Непот рассказывает, что Ификрат преобразовал гоплитов в пельтастов и вообще первым создал этот вид оружия. Это могло быть верно только в отношении Афин, где до тех пор не было пельтастов, которых считали пережитком варварства. Однако, благодаря систематическому развитию этот род оружия настолько усовершенствовался, что получил признание даже среди афинских граждан. Впрочем набросанное Непотом изображение ификратовых пельтастов очень недостаточно. Он совсем не упоминает дротиков, а только длинное копье и длинный меч. Судя по этим признакам, можно было бы подумать, что пельтасты приспособлены были исключительно для рукопашного боя; Рюстов и Кёхли, действительно, понимали реформу Ификрата в том смысле, что он создал новый промежуточный род пехоты. Но это воззрение справедливо отвергал еще Берг, а затем также H. Droysen (S. 26) и Ad. Bauer (§ 42). Никогда в практике военных событий не выступает на сцену подобная средняя пехота; решающим оружием остаются, как и были, гоплиты. Вопрос лишь в том, действительно ли удлиненное копье и удлиненный меч, в соединении с легким предохранительным вооружением (холщевый панцырь, сапоги вместо поножей — «ификратиды»), были изобретены Ификратом или еще и до него являлись обычной экипировкой пельтаста.

НАИБОЛЕЕ ИНТЕРЕСНЫЕ СРАЖЕНИЯ ЭТОГО ПЕРИОДА

3. В отношении сражения при Кунаксе,—как и везде, где на арену выступают персы, — мы прежде всего должны произвести ампутацию над числами. Греки настолько сжились с представлением, будто персидское войско в соответствии с величиной государства должно было иметь колоссальную численность, что даже Ксенофонт, этот практик военного дела, обладавший трезвым и ясным умом, как под гипнозом, повторяет нелепые басни. У Артаксеркса под Кунаксой было будто бы 4 армии по 300 000 чел. и из них 3 были на месте [3]. Даже 100 000 чел., приведенные будто бы Киром сверх его 13 000 греков, подлежат весьма основательному сомнению, как доказал еще Hollaender (Beilage z. Jahresber. d. Domgymnasiums zu Naumburg, 1793 г.). Вероятно, это была армия незначительной численности.

В бою персидские всадники, под предводительством Тиссаферна, ринулись на греческих пельтастов, стоявших рядом с гоплитской фалангой. Пельтасты уклони-

---

[1] О конструкциях и названиях см. Bauer, § 58.

[2] Многие частности спорны и излагаются по-разному. Ср. Bauer, § 23; Droysen, стр. 68; Белох, Bevölkerung, стр. 131. Бузольт, «Hermes», Bd. 40 (1905 г.), стр. 387, пытается разрешить противоречия в преданиии удачным, как мне кажется, доказательством имевших здесь место многократных изменений.

[3] Reuss «N. Jahrb. f. Philol.», Bd. 145, стр. 550 дает основание с большой вероятностью предполагать, что Ксенофонт неповинен в этих цифрах; повидимому, § 10—13 главы 7, книги 1-й следует признать позднейшей вставкой. Это, может быть, предостережет филологов от попытки оспаривать мои исследования следующими доводами: Ксенофонт де—очевидец, правдивый историк и сам солдат—заставляет Артаксеркса двинуть в поход войско в 900 000 чел.: правда, мы не можем представить себе теперь, как это могло быть осуществлено, но мы должны доверять такому вескому свидетельству; а что было возможно при Кунаксе, то возможно было и везде, следовательно, и войско Ксеркса могло насчитывать несколько миллионов; поэтому так называемый метод вещественной критики к древности неприменим; нам не остается ничего другого, как выбирать наилучшие из преданий и пересказывать их.

лись от удара, пропустили персидских всадников сквозь свой боевой порядок и обстреляли их при этом с двух сторон. Ударить на самую фалангу всадники не решились, хотя теперь они могли произвести на нее нападение с тыла, а когда персы Кира обратились в бегство, то — также и с того фланга, где те стояли прежде. Греки не упустили из виду возможность такого нападения и хотели поэтому выполнить маневр, который должен был прикрыть их тыл и фланг, а именно — выстроиться тылом к Евфрату, который до тех пор находился у них с правого фланга. Следовательно, им пришлось бы произвести полный поворот на четверть круга, что чрезвычайно трудно осуществить длинной растянутой линией. Каким способом должен был быть выполнен этот маневр, мы теперь не можем сказать [1]. Но так или иначе к нему, повидимому, не пришлось прибегнуть.

Персы стянулись к своей прежней позиции, и греки — не известно, угрожали ли им персы новым нападением или нет [2], — еще раз пошли на них в атаку и опрокинули их. Вероятно, персы не проводили серьезно этого второго боя, так как их пехота уже отступила. Иначе невозможно объяснить, почему их конница не ударила грекам во фланг.

Читатель видит, как сильно изменились условия по сравнению с Марафоном и Платеей. Греческая фаланга, состоящая из наемных солдат и профессиональных офицеров, обладает гораздо большей стойкостью, чем афинское гражданское ополчение; сообразно этому новому сознанию и той нравственной силе, которую придали эллинам события этого века, грек теперь отправляется в бой с повышенной верой в свои силы, а перс, напротив, с пониженной; и, наконец, фаланга получила поддержку в превосходных вспомогательных войсках, снабженных метательным оружием. Отныне греческая пехота может сражаться с персами в открытом поле.

Все это объясняется также и возможностью отступления. Персы вполне могли бы одолеть греков, но они предпочитали щадить свои силы в надежде, что греки и без их вмешательства найдут свою гибель в Кардухийских горах. Отсюда еще нельзя сделать заключение о положительном превосходстве греческой пехоты над персидской конницей. Да и те 50 всадников, которых выставили греки, не могли, конечно, испугать персов. Как уже приведено выше, Ксенофонт (в Hell., III, 4, 15) сам рассказывает, что Агезилай в войне с Тиссаферном признал необходимым иметь конницу для того, чтобы противостоять персам в открытом поле.

Доктор Marie Pancritius (Studien über die Schlacht bei Kunaxa, Berlin, Alex. Dunker, 1906 г.) удачно опровергает многие ложные положения, высказанные за последнее время учеными о Ксенофонте и «десяти тысячах»; однако, и она не сумела дать правильную оценку стратегических и тактических моментов, так как исходит из ложных предпосылок.

4. Ксенофонт (Hell., III, 4, 23) рассказывает об одном сражении Агезилая против персидской конницы. Так как его собственная конница была, очевидно, слабее персидской, Агезилай хотел поддержать ее пехотой. С этой целью он выслал

---

[1] Точному толкованию слов Ксенофонта посвящено было много исследований. Из новейших работ укажем следующие: F. Reuss, в «N. Jahrb. f. Philol.», 1883, стр. 817; Bunger, там же, Bd. 131, стр. 262 и G. Friedrich, там же, Bd. 151, стр. 19. Ученые всегда слишком легко представляют себе маневры с большими войсковыми массами. Даже если сократить сообщаемую преданиями численность персидского войска на 95—97%, то и тогда остается все-таки слишком тяжелая масса, которою трудно управлять тактически, не говоря о сложных эволюциях. Уже обратное выстраивание греческой фаланги на заднюю шеренгу, даже если мы представим себе это перестроение в виде простого поворота кругом всей фаланги, — который к тому же по мнению Рейса выполнялся захождением всей фаланги плечом вокруг одного из флангов, — представляет собою чрезвычайно трудный маневр. Ср. ниже специальное исследование этого вопроса в связи со сражением при Гавгамеле.

[2] Диодор, рассказ которого основан на свидетельстве врача Артаксеркса Ктесия, сообщает еще об одной персидской атаке; Ксенофонт, которому мы должны доверять больше, об этом не упоминает.

вперед сперва 10 младших возрастных разрядов из гоплитов, потом пельтастов, а затем и все главные силы фаланги. Смысл этого деления заключался в том, что не только пельтасты, но равным образом и гоплиты должны были ринуться на неприятельских всадников, а так как главные силы фаланги, включавшей в своем составе много пожилых людей, были для этого слишком тяжелы, то вперед были отправлены более молодые бойцы, которые дольше могли выдержать бег.

5. О сражении при Коринфе в 394 г. до нас хотя и дошли рассказ Ксенофонта (Hell., IV, 2) и некоторые другие сообщения, однако, их недостаточно для подлинного понимания этого события. На обеих сторонах победило правое крыло, совершив охват левого неприятельского крыла путем сдвига вправо и ударив ему во фланг. Затем лакедемоняне со своими победившими частями повернули налево и поочередно, одну за другою, разбили неприятельские части, возвращавшиеся после преследования.

По этой версии можно принять, что превосходная дисциплина спартанцев, сохранившаяся даже после победы и обусловившая возможность трудного маневра перемены фронта на 90° (с 6000 бойцами), дала им перевес над противником и решила исход сражения. Тем не менее остается много неясностей.

По Ксенофонту, коринфяне с беотянами и афинянами имели 1550 всадников, а лакедемоняне только 600, причем союзники имели перевес также и в легкой пехоте. Каким же образом лакедемонские гоплиты получили возможность охватить афинский фланг, если этот фланг был обеспечен более сильной конницей и легкой пехотой? По одному замечанию в платоновском «Менексене» (цитируется у Грота) афиняне приписывали свое поражение неблагоприятным условиям местности. Может быть, это объясняет нам бездействие их всадников,— но почему же сражение дано было в такой местности, где нельзя было использовать конницу?

Далее, по Ксенофонту, союзники имели 24000 гоплитов, а спартанцы только 13500. Свою первую частную победу спартанцы одержали с 6000 чел. против 3600 (6 фил) афинян, тогда как остальное спартанское войско, за исключением небольшой части, было разбито. Следовательно, во втором акте боя 6000 победоносных лакедемонян противостояли победоносному неприятельскому войску в 20400 чел., — и оно было побеждено часть за частью. Это звучит крайне неправдоподобно, в особенности если мы вспомним про конницу, поведение и местонахождение которой нам не известны. А если теперь мы примем в расчет сообщение Диодора (XIV, 82, 83), что другое предание дает обеим сторонам одинаково по 500 всадников, а пехоты дает спартанцам 23000 против 15000, то не лучше ли скромно сознаться, что мы имеем слишком мало достоверных сведений о ходе этого сражения, и воздержаться от анализа его частностей.

6. Через несколько недель после сражения под Коринфом разбитое там войско должно было снова принять сражение, чтобы при Коронее преградить путь возвращавшемуся из Азии Агезилаю. На этот раз, также и по Ксенофонту, силы были более или менее равны; о поведении конницы и легкой пехоты мы попрежнему ничего не знаем, и попрежнему каждая из сторон побеждает на правом крыле. Но, в отличие от предшествовавшего сражения, на этот раз оба победоносные крыла, обратившись друг против друга, вступают в правильный бой и сражаются с большим упорством. В конце концов фиванцам удалось оттеснить бойцов Агезилая в сторону и, таким образом, проложить себе дорогу к отступлению, что, однако, стоило им больших потерь. Ксенофонт говорит: «Сражение выделялось из других сражений, которые у нас были». Это следует отнести к необычайно энергичному проведению второго боя, так как обыкновенно при первом столкновении фаланг одна часть тотчас уступала. В «Агезилае» изображено, как на другой день можно было увидеть: напоенную кровью землю; мертвецов, лежавших рядом, тело к телу, — не разберешь, где друг, где враг; расколотые щиты, поломанные копья и обнаженные мечи на земле, в телах и в руках.

7. Hellenica, IV, 2, 5. Агезилай выдает награду тем, «которые будут участвовать в походе с лучше всего вооруженными лохами гоплитов, стрелков и пельтастов». K. Hartmann, Über die Taktik des Arrian (Progr. Bamberg, 1895 г., стр. 16) толкует это как полк (лох), скомбинированный из трех родов оружия. Это едва ли правильно. Речь идет скорее об отдельных лохах, различного рода оружия каждый.

Глава V

Теория. Ксенофонт

Успехи техники военного дела вызвали к жизни также и его теорию. Она развивалась при обсуждении преимуществ различного рода вооружения. Своеобразный след того, как живо дебатировался этот вопрос среди афинян, мы находим в трагедии Эврипида «Геракл», где поэт заставляет Лика, который презрительно отзывается о Геракле как о простом стрелке из лука, спорить с Амфитрионом; сюжет совершенно не требовал этого спора, и Эврипид, очевидно, просто хотел порадовать общественность поэтическим отголоском ее собственных речей.

Лик говорит [1]:

Да что такое ваш Геракл, скажите?
Чем славу заслужил он? Убивая
Зверей... На это, точно, у него
Хватало мужества! Но разве взял он щит
Или копье когда, готовясь к бою?
Его оружие — трусливая стрела,
Его военное искусство — в быстрых пятках.
Да может ли, скажите мне, стрелок
Из лука храбрым быть? Нет, чтобы мужем
Быть истинным, спокойным оком надо,
Не выходя из воинских рядов,
Следить за копьями врагов, и мускул
В твоем лице пусть ни один не дрогнет.

Амфитрион ему на это отвечает:

. . . . . .
Затем, тиран, ты не хотел признать
От лука пользы: слушай и учися.
Гоплит — он в вечном рабстве у своих
Доспехов: сломится ль копье в сраженьи,
Он беззащитен, а случись с ним рядом трусы,
Храбрейший из гоплитов пропадает.
Ну, а владелец лука может смело
Разить врагов: всегда довольно стрел
В его распоряженьи для защиты.
А выстрел издали, когда врагу

[1] Дельбрюк цитирует по переводу Виламовица. Мы сочли удобным воспользоваться здесь переводом Ин. Анненского, который в свою очередь в работе над Эврипидом широко использовал Виламовица. — Прим. перев.

Тебя не видно и, прикрытый, можешь
Ты целиться. О, Лик, вредить врагам,
От случая при этом не зависи,
Вот — высшее искусство на войне.

В это же время, т. е. во время Пелопоннесской войны, некоторые софисты начали читать лекции по военному искусству. Однако, первым, кто взял на себя труд систематически проанализировать сущность военного дела и подробно развить связанные с ним вопросы, был Ксенофонт. Он признал — и постоянно, вновь и вновь подчеркивал это, — что военное дело — не наука, но искусство, которое требует всего человека, со всеми его способностями. «Тактика — только очень небольшая часть военного искусства», говорит у него Сократ (Воспом., III, гл. 1). Полководец должен разбираться во всем, что относится к вооружению солдат и к обеспечению их продовольствием. «Он должен быть изобретателен, энергичен, заботлив, выносли́в, обладать присутствием духа; должен быть обходителен и суров, справедлив и хитер; он должен быть бдителен сам и уметь обмануть чужую бдительность; он должен ставить все на карту и стремиться выиграть все; он должен быть щедрым и алчным; уметь итти на риск и быть всегда настороже». Хороший полководец соединяет в себе прирожденные качества с высоким образованием. Полководцу идет впрок, если он честолюбив, читаем мы с другом месте (III, гл. IV, 3). «Киропедия» представляет собою учебник политики и военного искусства, облеченный в форму исторического романа. Но как бы мы ни ценили эту книгу как литературное явление, сколько бы ни читали ее практики военного дела, все же для наших целей — для изучения истории военного искусства — из нее немного извлечешь. Вечные и неизменные элементы ведения войны — психологические и моральные — Ксенофонт разработал превосходно; но подверженные изменению исторические формы у него даны лишь в беглом и часто фантастическом освещении, так что здесь следует с большой осмотрительностью подходить к роману и не отождествлять его с действительностью. Формы, в которых во времена Ксенофонта развивалось военное искусство, были настолько несложны, что о них почти нечего было говорить; а Ксенофонт не обладал тем творческим даром, который умеет из наличного материала вывести и разрешить новые проблемы. Подобные попытки, когда он все-таки их делает, ему явно не удаются, и мы видим, как он, солдат-практик, впадает даже в оторванное от реальности теоретизирование.

К проблемам, которые, несомненно, должны были занимать каждого греческого полководца, принадлежит проблема соотношения между шириной и глубиной фаланги. Как лучше поставить, скажем, 10 000 гоплитов — по 1 000 ли чел. по фронту и по 10 шеренг в глубину или же по 500 чел. по фронту и по 20 в глубину? В первом случае можно было легче совершить охват противника, во втором — получалась большая мощь удара[1]. Удивительно, что во всей античной литера-

[1] Ксенофонт (Hell, IV, 2, 13) говорит, что выступившие в 395 г. против Спарты союзники обсуждали вопрос, «как построить войска с тем, чтобы вследствие излишней глубины строя не дать неприятелю возможности обхода». По этим строкам, кажется, можно заметить, что отдельные контингенты имели склонность выстраиваться как можно глубже, чтобы сконцентрировать на своем участке как можно больше силы, не заботясь о том, что боевая линия в целом может оказаться слишком короткой, или надеясь, что другие будут настолько любезны, что примут более мелкое построение.

туре мы собственно не находим никаких попыток рассмотреть специально этот вопрос. Мы даже не имеем в преданиях определенных указаний о том, на какую глубину в действительности выстраивалась обычно фаланга. Восемь шеренг в глубину упоминаются так часто, что исследователи хотели видеть в этом словосочетании известную норму боевого порядка, и это очень правдоподобно. Но в отдельных случаях полководец отступает от этой нормы, — и не только тогда, когда это вызывается надобностью, но часто и по произволу. Нам трудно понять сообщение Фукидида, будто в сражении при Мантинее отдельные военачальники выстраивали свои части по собственному усмотрению на различную глубину. В сражении при Делие фиванцы были построены в 25 человек в глубину, а другие контингенты по-другому, но во всяком случае гораздо мельче. Ксенофонт приходит к этому вопросу в рассказе о вымышленном сражении Кира с Крезом. Киру сообщили, что египтяне выстроились в 100 шеренг в глубину, тогда как его собственное войско построено всего лишь в 12 шеренг. Один из его военачальников усомнился, достаточно ли будет их сил против такой глубокой фаланги. Кир на это возражает, что если фаланга занимает по глубине больше, чем дальность действия оружия, то ее оружие тем самым становится безопасным для противника, — довод, который во всех отношениях следует признать несостоятельным: даже при 12 или при 8 рядах большая часть оружия уже не может получить непосредственное применение. Однако, такому человеку, как Ксенофонт, никак не могло быть неизвестно, что преимуществом глубокого построения является сила натиска: но он еще сам узнает на опыте и сам расскажет нам, какие плоды приносит эта сила.

Другая проблема, которая должна была занимать в Греции военных специалистов, — это вопрос о сочетании метательного оружия с тяжеловооруженной пехотой. До тех пор каждое оружие действовало в бою самостоятельно; тактика взаимодействия разных видов оружия еще не существовала. Только в редких случаях удавалось успешно применять метательное оружие против гоплитов и устанавливать взаимную поддержку одного вида оружия другим. Ксенофонт заставляет Кира выставить копейщиков за гоплитами и лучников за копейщиками, чтобы они соответственно пускали свои стрелы и метали свои дротики через головы стоящих впереди (кн. IV, гл. 2), — ибо стрелки и метальщики, сообщается нам, не могли бы устоять в рукопашном бою, тогда как под прикрытием гоплитов они могли стрелять и метать через головы последних.

Будь такое разделение оружия практически осуществимо, оно, конечно, имело бы чрезвычайно сильное действие, и мы хоть где-нибудь да встретились бы с ним на деле. Но это лишь простая выдумка теоретика. Копья и стрелы, пущенные вдаль по крутой траектории через головы гоплитов, могут оказать лишь самое минимальное действие [1]. Но прием этот совершенно неприменим, когда гоплитская фаланга находится в быстром движении последнего разбега. Для того чтобы метательное оружие могло причинить чувствительный ущерб неприятельской фаланге до столкновения врукопашную, стрелы и копья должны быть пущены залпом издалека, или же гоплиты в самой фаланге должны быть вооружены каким-либо метательным оружием. Было бы трудно понять, каким образом Ксенофонт, с его ясным прак-

[1] Об одном исключительном случае такого рода см. выше, стр. 66.

тическим умом, мог изобразить такую фантасмагорию, как помещение стрелков в задних рядах фаланги, если бы другие примеры в истории не показывали нам, насколько легко теория теряет из-под ног твердую почву реальности. Превосходный практик Наполеон I в своих заметках о «Семилетней войне» (примеч. 2 к гл. 11 и 12) предлагает снабдить пехотных солдат, стоящих в третьем ряду, пробковыми подошвами от 3 до 5 дюймов толщиною, чтобы они могли стрелять через головы других. Неясно, предлагалось ли им надевать пробковые сандалии непосредственно перед открытием огня, или же они должны были проделать весь марш на пробковых подошвах. Это мало чем отличается от предложения Ксенофонта. Не только добрый старый Гомер, но и величайшие полководцы любят иногда помечтать...

Более реалистическая мысль проводится, повидимому, в предисловии, в котором предлагается ставить позади боевого порядка жандармские заградительные отряды, которые следили бы, чтобы никто не смел бежать с поля сражения, и в крайнем случае убивали бы беглеца на месте. Однако, при ближайшем рассмотрении этот совет также оказывается чисто идеологическим, и еще никогда такая мера не применялась на деле ни одним полководцем: кто, в самом деле, поручится за храбрость этих жандармов? А если и найдутся в войске люди, на чью отвагу можно положиться с безусловной уверенностью, то лучше применять их на фронте, а не позади него.

Третья проблема, затронутая у Ксенофонта, — построение резерва. Греческая фаланга гоплитов атакует единым, крепко спаянным массивом. Если часть ее оставить позади, то в известных случаях это может принести большую пользу, но зато ослабляется сила первого натиска. При своей гениальной прозорливости в отношении практических потребностей Ксенофонт в описанном выше сражении с Фарнабазом выделил из фаланги гоплитов небольшой резерв, чтобы в случае нужды отбить возможную атаку персидской конницы против флангов. Эта мысль открыла широкие горизонты, но в «Киропедии» мы не находим ее развития; а ей вполне можно было бы уделить место при рассказе о построении кавалерии в большом фантастическом сражении (кн. 7, гл. I). Здесь Кир придерживает конницу и пользуется ею против охватившей его крылья неприятельской конницы для того, чтобы в свою очередь атаковать ее с фланга.

Гораздо внимательнее оказывается автор при оценке боевых колесниц с прилаженными к осям серпами и предлагает (VI, 1, 30), чтобы за фалангой следовала деревянная башня с 20 стрелками; башню должны были везти в бой 16 быков при 8 дышлах. Ксенофонт уверяет, что произведенный опыт показал полную осуществимость этого плана: башня поедет великолепно; запряженная в телегу пара волов должна тащить 25 талантов груза, причем прекрасно справляется с задачей, — а при этих башнях на каждую пару волов придется только по 15 талантов, следовательно, дело должно пойти на лад.

Всю эту пустую игру воображения, допущенную в качестве прикрасы романа, вполне искупает один эпизод (II, 3, 17), который должен продемонстрировать нам несомненное превосходство холодного оружия над метательным. Некий таксиарх разделил своих бойцов на две части и дал одной из них палки, а другой предложил вооружиться земляными комьями. Затем он заставил их подраться, и на следующий день повторил состязание, переменив между ними оружие. Затем Кир пригласил весь отряд к столу и за трапезой стал расспрашивать лю-

дей, где получили они синяки и как это произошло. Все в один голос заявили, что от земляных комьев пришлось действительно потерпеть, но тем приятнее было потом, догнав неприятеля, отыграться палкой на его спине. Поэтому, говорит Ксенофонт, Кир стал отдавать предпочтение в боях холодному оружию, с которым боец идет на врага грудь на грудь (II, 1, 7—9; II, 121; II, 3, 17). Но в свое время, говорится в заключении романа, персы усвоили другие навыки; они опять перешли к метательному оружию и стали избегать рукопашной схватки, хотя и были вооружены мечами.

Ксенофонт решительно подчеркивает превосходство холодного оружия, с которым боец в рукопашном бою непосредственно, грудь на грудь, идет на врага. И это мы должны поставить Ксенофонту в большую заслугу, тем более, что как раз в это время в Греции делало большие успехи именно легкое оружие, в особенности пельтастов, и даже не раз бывало, что легкая пехота наносила поражение гоплитам. Можно с большим вероятием принять, что среди эллинов, склонных к рассудочности и умствованию, неоднократно выдвигалась обратная идея — о возможности совершенно победить посредством этих новых приемов тяжеловесную фалангу и вовсе вытеснить ее.

Но греческие предания не забывали, что в Персидских войнах копье одержало победу над луком, и Ксенофонт так же, как и греческая практика, не дал ввести себя в заблуждение. Фаланга и впредь сохраняла значение остова для греческого войска, а все прочие роды оружия, как бы успешно ни шло их развитие, играли лишь вспомогательную роль.

Кроме «Киропедии», Ксенофонт оставил нам еще военные монографии в своем сочинении о государстве лакедемонян и в двух трудах о кавалерии — об искусстве верховой езды и о командовании конницей. В этих сочинениях мы находим немало любопытных подробностей.

Первое большое военно-теоретическое произведение, не прибегающее ни к каким поэтическим маскировкам и предназначенное непосредственно для практических потребностей, вышло из-под пера одного аркадянина, Энея из Стимфалии. В своем труде, написанном около 357 г., он широко использовал Ксенофонта. Этот труд состоял из нескольких книг, но до нас дошла только одна, посвященная обороне городов; однако, и она не дает нам большого материала. Больше всего места в ней уделено мероприятиям против измены, военных хитростей, тайной переписки, телеграфии, а также общим соображениям. Между тем об осадных машинах и средствах обороны против них мы находим в книге лишь очень немногое, да и это немногое, по всей вероятности, является позднейшей интерполяцией.

1. Бальдес (Baldes) в труде «Xenophons Cyropädie als Lehrbuch der Taktik» (Progr. von Birkenfeld 1887) утверждает, что Ксенофонт уже открыл в теории то, что македоняне ввели затем на деле: тактику комбинированных родов войск, боевую кавалерию, преследование. Картину, данную в III, 2, 5, Бальдес толкует как изображение боевого построения. Я не могу с этим согласиться. Помещение армян впереди персов представляется мне просто прикрасой при описании боя, а не воплощением собственной тактической идеи. С первыми же указанными выше вопросами дело обстоит иначе: Ксенофонт действительно дает описание тактики комбинированных родов оружия, как доказывает Бальдес, но отсюда нельзя выводить никаких особенных следствий, так как дойти до этой идеи настолько же легко, насколько трудно осуществить ее в действительности. Только последнее составляет заслугу.

2. Эней был издан Рюстовом и Кёхли и затем снова Гугом (Hug). Далее Гуг говорит о нем в «Gratulationsschrift der Universität Zürich an die Universität Tübingen, 1897 г.». Ср. Jähns, Geschichte der Kriegswissenschaft, Bd. I. § 8 и Ad. Bauer, Kriegsalter, § 2 и 47.

Глава VI
Эпаминонд

Все развитие и усовершенствование военного дела в Греции со времени Персидских войн, как мы его знаем, не заключало в себе принципиальных реформ или изменений. Действительно принципиальное новшество было делом фиванца Эпаминонда.

Оно исходило из чисто внешнего, случайного явления старой фалангового тактики — своеобразной тяги вправо, которая отнюдь не имела какого-либо более глубокого значения, а являлась только следствием того обстоятельства, что щит носили на левой руке; но дальнейшим следствием было то, что победу обычно одерживало правое крыло и нередко — с обеих сторон одновременно.

И вот Эпаминонд усилил свое левое крыло так, что оно образовало глубокую колонну — под Левктрами в 50 человек глубиною, — а правое крыло, обычно выдававшееся вперед, осадил назад. Таким образом, неприятельское правое крыло, т. е. то, которое привыкло побеждать, натолкнулось теперь на искусственно усиленное сопротивление; левое крыло равным образом ничего не достигло: оно и без того привыкло итти на врага несколько замедленным темпом, а теперь, когда неприятельское правое крыло оказалось отодвинутым назад, здесь вообще дело не доходило до настоящего боя или же он завязывался слишком поздно.

Увеличение глубины сопровождается укорочением фронта; при равных силах неприятельское правое крыло могло охватить фиванское левое, зажать его и атаковать одновременно с фронта и с фланга. Поскольку сражение протекает таким порядком, для нас еще большой вопрос, выгодно ли в действительности глубокое построение фаланги: если фронт противника в состоянии выдержать натиск, пока его избыточная часть совершит охват и более глубокая колонна окажется атакованной с двух сторон, то едва ли она устоит. Следовательно, необходимым дополнительным условием при более глубоком построении одного крыла является прикрытие укороченного фланга кавалерией.

Беотия издревле славилась своей конницей. Но Эпаминонд сумел поставить оба оружия — кавалерию и пехоту — в плодотворную, органическую связь. Теперь, когда его левое крыло, несмотря на свое укороченное построение, не подвергалось опасности охвата, оно могло всею тяжестью своей глубины не только оказать сопротивление правому крылу неприятеля, но и само напасть на него. Как триера врезается в своего противника, — говорит Ксенофонт о сражении при Мантинее, — так глубокая колонна фиванцев своим могучим натиском проломила спартанскую фалангу.

Заведенный Эпаминондом боевой порядок получил название косого строя; раньше того, как мы видели, фаланги шли друг на друга скошенным фронтом, но тактической идеей косой строй становится

лишь с того момента, когда Эпаминонд вывернул его наизнанку, искусственно уклонив правое, обычно зарывавшееся вперед крыло, а левое выдвинув и одновременно усилив его. Раньше обе противостоящие фаланги одинаково выдвигали вперед правое крыло, так что бой, несмотря на скошенность фронтовой линии, оставался обычным фронтальным столкновением. Но через новшество Эпаминонда фаланги сходились теперь косо, под острым углом, вследствие чего фронтальное столкновение превратилось в схватку на одном крыле: только одно крыло ведет наступление, другое же устраняется от дела и старается как можно больше избегать непосредственного участия в свалке, связывая и сдерживая часть неприятельских сил одним лишь своим присутствием, одним показом. Для такого заслона требуется меньше сил, чем для боя, а потому избыток можно перекинуть на подкрепление другого наступающего крыла, так что здесь создается искусственный перевес. Теперь стоит лишь опрокинуть натиском мощной массы правое неприятельское крыло, как левое, которое и без того чувствует себя слабее, отступит само собой.

Отдельные элементы этой тактики мы уже наблюдали и раньше, а именно — глубокую колонну и участие кавалерии на обоих фиванских флангах в сражении при Делие (гл. I, § 7). Присутствие новой идеи в эпаминондовском боевом порядке выражается в том, что крылья меняются ролями. Если бы фиванский полководец укоротил и углубил не левое, а правое крыло, то этим он не достиг бы ничего существенного: одновременная победа обоих правых крыльев в первом акте сражения не раз происходила и раньше, и для этого не требовалось никакого искусственного переустройства. Все это приобретает ценность лишь постольку, поскольку собственному левому крылу обеспечивается победа над правым крылом противника.

Здоровая новая идея обычно тотчас дает знать о себе в многостороннем своем развитии. При Левктрах беотийское войско упиралось, вероятно, левым флангом в какое-либо препятствие, что было сделано, несомненно, с намерением, имея в виду затруднить неприятелю охват; а при Мантинее прикрывавшая фланг кавалерия получила подкрепление в специально для этой цели натренированных легковооруженных гамиппах.

Глубокая прозорливость Ксенофонта в военном деле сказалась в его оценке Эпаминонда. Ксенофонт видит заслугу фиванца отнюдь не в одной лишь созданной им новой тактике, но особенно подчеркивает его другую заслугу — то, «что он приучил войско не бояться никаких лишений и трудов, ни днем ни ночью, не гнуться ни перед какой опасностью и сохранять дисциплину даже тогда, когда нехватало продовольствия».

1. Основные черты эпаминондовской реформы правильно поняты и изложены Рюстовом и Кёхли, но в подробности следует внести некоторые — довольно существенные — поправки. В особенности важно указать, что тактика комбинированных родов войск была впервые выработана не македонянами, а еще Эпаминондом.

2. В частности неправильно сочетать сообщение Диодора, что Эпаминонд имел под Левктрами 6 000 чел., с указаниями Плутарха, который дает спартанцам 10 000 гоплитов и 1 000 всадников, а отсюда делать вывод, что беотяне одержали победу над вдвое превосходившими их силами противника. Правда, и Диодор утверждает, что беотяне победили вчетверо более сильного врага, но так как тот же автор уверяет нас, будто спартанцы потеряли 4 000 чел., а беотяне только 300, то мы не можем придавать цену его цифровым данным. По всему ходу сражения нельзя

принять, чтобы одна сторона была значительно сильнее другой. Еще Ад. Бауэр справедливо отметил ненадежность этих цифр; также и Грот отвергает их, но тем не менее принимает, что лакедемоняне имели численный перевес. Я не вижу к этому никакого основания. 6000 беотян, вероятно, тождественны той «двенадцатой части 70 000», о которой упоминает Плутарх в 24-й главе «Пелопида».

Далее Рюстов и Кёхли обеспечивают угрожаемый левый фланг беотян не столько кавалерией, сколько сложным маневром пехоты: пока крайнее правое спартанское крыло разворачивается, чтобы зайти фиванцам во фланг, из хвоста фиванской колонны выступает Пелопид со священной дружиной в 300 чел. и со своей стороны угрожает флангу и тылу лакедемонян. Эта версия основана на комбинации рассказа Плутарха (Пелопид, гл. 19 и 23) с рассказом Ксенофонта (Hell., VI, 4). Ад. Бауэр и Дройзен (Droysen) тоже приняли эту версию, но только Дройзен делает при этом оговорку, что нам не известно, где стоял Пелопид перед своим неожиданным вмешательством.

На это можно возразить, что у Плутарха вовсе не говорится о выступлении Пелопида из колонны, а еще того менее о выступлении в сторону или о нападении на спартанцев с фланга. Там только сказано, что фиванская атака произведена была в тот момент, когда лакедемоняне собирались сделать поворот и потому нарушили свой порядок. Да и немыслимо, чтобы маленький отряд в 300 чел., оторвавшийся от большого массива, мог оказать такое действие. Свидетельство наших источников также и в этом сражении не отказывает спартанцам в их обычной доблести: «Все павшие поражены были в грудь». Триста человек не могли воспрепятствовать такому противнику, при его большом численном перевесе, выполнить охват. Кроме того, действия Пелопида нельзя объяснить ни как импровизацию,— потому что Эпаминонд при коротком фронте своей колонны должен был принять какую-либо меру в предотвращение охвата,— ни как заранее подготовленный маневр, потому что в этом случае дружина Пелопида стояла бы не в хвосте колонны, а уступом сбоку, прикрывавшим фланг. В этом последнем случае нам было бы непременно сообщено о таком построении. Мне кажется, не подлежит никакому сомнению, что Пелопид со «священной дружиной» сражался во главе большой колонны, и если Плутарх отводит своему герою с его отрядом особое место, то это лишь вполне понятная риторическая прикраса. Но Рюстов и Кёхли нашли нужным усмотреть в этом бою прикрытие флангов большой колонны, исходя из совершенно правильной предпосылки, что здесь оно должно было быть, а прямое указание на это они пропустили.

Я, однако, думаю, что о прикрытии флангов без труда можно вычитать у Ксенофонта, который и вообще-то представляет для нас гораздо более высокий авторитет, чем Плутарх; ведь Плутарх получил свои сведения не из первых и даже, может быть, не из вторых и не из третьих рук,— и нельзя упускать из виду, что в своем повествовании он нарочно сводил все нити к Пелопиду. Ксенофонт переносит центр тяжести на конный бой, предшествовавший столкновению фаланг, и придает решающее значение тому обстоятельству, что в этом бою лакедемоняне были разбиты. Оскорбленный в своей любви к спартанцам, он старается подробно обосновать, как и почему оплошала их кавалерия. Он не нашел нужным подробно объяснять, что теперь, когда лакедемонская конница была разбита, фаланга гоплитов не могла зайти противнику во фланг: невозможность этого маневра ввиду победоносной конницы врага представлялась Ксенофонту слишком очевидной, чтобы стоило специально об этом говорить. Но мы можем без колебания добавить эту черту, необходимую нам для уяснения картины, вместо того чтобы строить по многословному и туманному плутарховскому изложению искусный, но ничего не достигающий маневр Пелопида.

По Ксенофонту, лакедемонская конница выстроилась не на крыле, а впереди фаланги пехотинцев. Поэтому Рюстов и Кёхли заявляют, что ответ Ксенофонта на

этот вопрос — «ибо местность между двумя войсками была ровная» — вовсе нельзя назвать ответом и предлагают со своей стороны такое объяснение: в процессе марша лакедемонская конница непреднамеренно очутилась впереди пехоты. H. Droysen (a. a. O. p. 99) совершенно справедливо возражает на это, что вполне определенное выражение Ксенофонта «προετάξαντο» не допускает такого толкования, и спрашивает: «Уж не хотел ли Клеомброт за спиной своей конницы оттянуть пехоту вправо, чтобы атаковать беотийский боевой порядок с фланга и с тыла? Может быть, конница должна была подождать, пока развернется пехота, и затем примкнуть к ней слева (справа), вместо того, чтобы ринуться на врага, прежде чем подоспеет остальное войско?».

Из одного лишь замечания, что местность между войсками была ровная, действительно ничего не выведешь; оно кажется излишним, так как греческий гоплитский бой почти всегда разыгрывался на ровной местности. Однако, если вчитаться внимательнее, Ксенофонт вовсе не дает нам здесь абсолютного установления причин этого явления. Это место гласит: «Так как, кроме того, между ними было ровное место, лакедемоняне выстроили перед фалангой свою конницу, а фиванцы выставили против них свою».

Сочетание «так как» с последующим «кроме того» показывает нам, что «ровное место между войсками» было лишь дополнительным, а не единственным мотивом к такому построению конницы. Если же местность между фалангами представляла соблазн для конницы, то следует принять, что на фланге местность была менее удобна или даже вовсе неудобна.

Следовательно, Эпаминонд построил свое войско таким образом, что его левый фланг был прикрыт естественным препятствием. Спартанская боевая линия была длиннее беотийской, но не могла охватить ее из-за трудной местности. Тогда спартанская конница попыталась сперва отвлечь беотийскую и с этой целью построилась перед своими гоплитами, чтобы очистить им путь к левому флангу беотян. Если бы местность позволяла произвести конную атаку с избыточной части длинного крыла и одновременно двинуть вперед гоплитов, то ошибка лакедемонян была бы совершенно необъяснима. Если же на левом фланге беотян сама местность представляла препятствие, то тогда все понятно. Случайное и недостаточное обоснование к построению спартанской конницы перед фронтом гоплитов, «потому что местность между той и другой пехотой была ровная», является психологическим осадком прошедшего в уме писателя, но не высказанного им соображения, что с левого фланга фиванцев лежала неудобная местность. Впрочем этот пробел настолько бросается в глаза, что здесь представляется вполне возможным искажение текста вследствие пропуска нескольких слов между «так как» и «кроме того».

Сообщение Плутарха (Пелопид, гл. 23), что Эпаминонд со своей стороны пытался сперва обойти спартанцев и ударить им во фланг, следует отбросить как ни с чем несообразную нелепость. Подобным маневром Эпаминонд совершенно разорвал бы свой и без того укороченный фронт. Глубокая колонна, как он ее построил, могла иметь своим предназначением только прорыв фронта, а никак не охват неприятельского фланга. Этот пример лучше всего показывает нам, как мало заслуживает внимания все плутарховское описание данного сражения.

Бузольт (Hermes, Bd. 40, стр. 455) оценивает войско Эпаминонда в 6 500 гоплитов, 600—800 всадников и неопределенное количество легкой пехоты; лакедемоняне же имели, по его расчету, 9 260 гоплитов, не менее 600 всадников и несколько сот пельтастов. Однако, на обеих сторонах союзники были ненадежны и шли в бой очень неохотно; поэтому сражение заключалось собственно в борьбе между приблизительно равными силами фиванцев и лакедемонян, причем перевес был как раз на стороне фиванцев, так как их конница качественно превосходила спартанскую.

Не думаю, чтобы этим правильно были охарактеризованы решающие элементы в сражении под Левктрами. Огромное численное превосходство спартанцев уравновешивалось, говорят нам, слабой волей к победе у многих из их контингентов. Но опыт военной истории учит нас, что даже совершенно ненадежные в политическом отношении контингенты, внедренные в большой военный организм, очень часто (войска Рейнского союза) самым добросовестным образом исполняют свой воинский долг. Если и возможно что-либо, так это прямое отложение еще перед боем; вообще же сами по себе военные действия, пыл и опасности боя, понятие о чести — все это достаточно сильные психологические факторы для того, чтобы одолеть известные политические антипатии и позволить даже вынужденным соучастникам сражаться очень храбро. Поэтому даже великие полководцы так часто решались брать с собой на войну своих подневольных союзников и тем подкреплять свои силы. Объяснение победы меньшинства над большинством под Левктрами нельзя поэтому искать в приведенных обстоятельствах, — да и нет к тому нужды, так как основания расчета недостаточно тверды, чтобы можно было положительно утверждать наличие численного перевеса у спартанцев.

Также и прочие военные соображения Бузольта в этой статье не всегда можно назвать удачными; зато превосходно обоснованно опровержение статистических выкладок Кромайера, которые Бузольт подвергает столь же острой критике, как это одновременно сделал Белох (см. выше, стр. 51, примеч. 1).

3. Описание сражения при Мантинее у Рюстова и Кёхли тоже построено на комбинировании рассказов Ксенофонта и Диодора. У Диодора заимствовано сообщение, что войско Эпаминонда насчитывало 30 000 пехотинцев и 3 000 всадников, а спартанское — 20 000 пехотинцев и 2 000 всадников. Будь это верно, для победы беотян не требовалось бы особенного искусства; но у нас нет никакого основания верить в данном случае показанию такого ненадежного свидетеля, как Диодор; весь ход сражения отнюдь не указывает на значительное превосходство беотян в силах, а если Ксенофонт не упоминает о численном перевесе противника в оправдание поражения спартанцев, то это служит прямым свидетельством против Диодора.

О самом ходе сражения Рюстов и Кёхли говорят следующее: «Ксенофонт, собственно говоря, останавливается только на событиях, происходивших на левом крыле Эпаминонда, об остальном же при всей пространности своего изложения рассказывает довольно неточно. Диодор же останавливается преимущественно на фланговых боях, на коннице и на легкой пехоте. Таким образом, оба вместе дают вполне удовлетворительную и ясную картину сражения». Уже с точки зрения метода это обоснование кажется мне неправильным. Если исход сражения, как мы безусловно можем верить Ксенофонту, был решен на левом беотийском фланге с его конницей и большой, «как триера», колонной, то как мы можем после этого считаться с Диодором, который не сообщает об этом ни слова, но зато заставляет Эпаминонда сражаться и пасть в бою наподобие троянского героя (как справедливо отметил еще Грот). Картина сражения сильно испорчена тем, что Диодор описывает на правом крыле беотян большое конное сражение, протекавшее с переменным успехом. Вследствие этого «косой строй» теряет свое оправдание. По моему мнению у Диодора нельзя заимствовать ни одной черты; возможно (по Гроту), что как раз это изображение сражения при Мантинее послужило основанием к уничтожающему приговору Полибия над Эфором. Сражение при Мантинее можно излагать только по Ксенофонту; хотя он и не скрывает своего пристрастия к спартанцам и как в своем описании сражения при Левктрах, так и здесь откровенно подчеркивает оправдательные моменты (нападение врасплох), — но его писательская добросовестность и зоркий глаз солдата не позволили ему исказить картину по существу. По Ксенофонту решающим фактором при Мантинее, как и при Левктрах, явилась комбинация глубокой пехотной колонны с более сильной,

чем у противника, кавалерией. В качестве новых моментов выступают подкрепление беотийской конницы особым видом легковооруженной пехоты (гамиппами) и поддержка правого, уклоненного назад крыла особыми резервными отрядами, которые грозили левому крылу противника фланговыми и тыловыми атаками и путем этих демонстраций удерживали его от нападения до тех пор, пока не решился исход боя на другом крыле.

4. Усиливая именно левое крыло и делая его нападающим, Эпаминонд (как признал еще Рюстов и как я у него перенимаю) основывался на том случайном, внешнем обстоятельстве, что в старом фланговом бою — хотя он и был по своей идее фронтальным столкновением — правое крыло обычно выдвигалось вперед. Кромайер (Antike Schlachtfelder in Griechenland, I, 79) полагает, что тут допущено смешение двух понятий — «сдвига вправо» и «выдвижения правого крыла». Из наших источников, считает он, можно усмотреть лишь первое. Это мнимое смешение происходит только от недостаточно внимательного изучения Кромайером как элементарной тактики, так и источников. Когда фаланга тянет вправо, то даже при простом марше левое крыло неизбежно будет «заваливать», т. е. отставать, тем более, что при этом левые крылья обеих сторон вследствие «сдвига вправо» будут чувствовать себя под угрозой охвата, правые же крылья, ободренные перспективой окружить противника, будут рваться вперед. Кроме того, у греков по большей части на правом крыле сосредоточивались лучшие войска. Да и в источниках можно найти доказательство отставания левого крыла, как, например, в отчете о сражении при Коронее («Hell.», IV, 315 ff), когда орхоменцы на крайнем левом крыле Агезилая ожидали нападения фиванцев, между тем как им навстречу вышли другие контингенты.

Вместе с ложной предпосылкой Кромайера рушатся и все его выводы, так что не стоит труда останавливаться на них, тем более, что у него мы совершенно не находим ясного представления, каким собственно образом Эпаминонд защищал свое более слабое крыло. По рюстовскому толкованию, этот вопрос освещается просто и ясно: так как неприятельское левое крыло и без того обычно продвигалось медленно и осторожно, то Эпаминонду достаточно было приказать своему правому крылу тоже придержаться позади, и у него таким образом получалось нужное ему выдвижение вперед левого крыла. Вместо этой ясной картины Кромайер предлагает туманные общие соображения о местности и псевдонаучные, ошибочные сравнения с тактикой Фридриха Великого. К этому вопросу я еще вернусь, когда доведу свой труд до Фридриха. Сравн. Roloff, Probleme a. d. Griechischen Kriegsgeschichte, стр. 42, и сл., где в обстоятельном разборе опровергаются положения Кромайера.

Там же (стр. 12 и сл.) дается уничтожающая критика рассуждений Кромайера об Эпаминонде как о «стратеге-сокрушителе»: Кромайер, как показывает Ролоф, недостаточно ясно понимает, в чем по существу заключается разница между «стратегией сокрушения» и «стратегией измора», и недостаточно глубоко изучил источники E. v. Stern («Lit. Zentr. Bl.», 1903, № 24, Sp. 777), в большинстве случаев соглашаясь с Ролофом, по этому пункту считает нужным взять сторону Кромайера. Однако, его доводы не выдерживают критики.

Он не принимает ясного свидетельства, что Эпаминонд вынужден был ожидать, пока соберутся все его пелопоннесские союзники, и считает недопустимой мысль, чтобы столь близкие общины, как Мегалополь, Аргос и др., могли еще не быть на месте.

Между тем приведенная Ролофом цитата из Ксенофонта (Hell., VII, 5, 9) вряд ли может быть истолкована в каком-нибудь ином смысле; но и независимо от показаний Ксенофонта мы должны спросить: если не в ожидании союзников, то чего же ради Эпаминонд так долго оттягивал решительную встречу? Или, если его войска или хотя бы их большая часть были налицо, разве он располагал таким

подавляющим превосходством сил, при котором можно было обойти любую, даже столь сильную, позицию?

Далее, Штерн считает очень неправдоподобным, чтобы все недостающие контингенты «как по уговору» должны были прибыть в течение нескольких дней. Но почему же нет? И почему не «по уговору»?

Наконец, Штерн полагает, что Эпаминонд, уклонившись от боя и предприняв поход против Спарты, вполне мог рассчитывать принудить Спарту к миру, если бы только ему удалось взять город внезапным нападением и увести в плен женщин, детей и оставшихся дома мужчин.

На это можно возразить, что Эпаминонд был бы очень слабым полководцем, если бы держался такого расчета: большие войны не разрешаются путем захвата неожиданным нападением неукрепленных городов. Еще стоит под большим сомнением, удалось ли бы в самом деле Эпаминонду взять так много пленных; ведь спартанские женщины, дети и т. д. спаслись бы во-время бегством. И даже если бы фиванцам удалось взять такую большую добычу, почему же спартанцы и их союзники стали бы после этого избегать сражения, которое одно могло решить, за кем останется взятая без боя добыча?

Штерн впадает в грубую ошибку, припоминая здесь, как спартанцы после взятия в плен их гарнизона на Сфактерии запросили у афинян мира. Тогда обстоятельства были совсем иные: спартанцы не видели никакой возможности освободить пленных или вообще нанести афинянам сколько-нибудь чувствительный удар. Но войско Эпаминонда, обремененное и связанное своей добычей, не могло бы избежать сражения с жаждавшими мести спартанцами. Следовательно, Ролоф совершенно прав, когда не ищет в этом походе серьезных захватных намерений, а видит в нем лишь демонстрацию с единственной целью: выиграть время, пока не стянутся подкрепления.

Обстоятельное описание сражения при Мантинее у Кромайера не имеет никакой цены, изобилует существенными искажениями и стоит в противоречии с источниками. Здесь и Штерну пришлось согласиться с критическими указаниями Ролофа. Равным образом не удалось Кромайеру твердо определить топографию посещенного им поля сражения, так как ему только по возвращении из этой поездки пришло на ум, что, собственно, подлежало определению.

Кромайер делает открытие, что Эпаминонд в особенной мере считался с условиями местности и искусно пользовался ими. Но это «открытие» мы должны отвести. Пользоваться местностью умели уже и Мильтиад, и Павсаний, а утверждение, что Эпаминонд тоже умел использовать местность, вовсе не составляет открытия: это само собою разумеется и, надо признать, оговаривалось выше в нашем изложении.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

МАКЕДОНЯНЕ

Глава I

Македонское войско

ТАКТИЧЕСКИЕ идеи Эпаминонда были переняты и развиты царем Македонии Филиппом II. Македония была преимущественно земледельческой равнинной страной, с весьма незначительным городским населением. Скотоводы и земледельцы были недостаточно богаты, чтобы иметь тяжеловооруженных гоплитов, и не могли легко стягивать в одно место большие силы: для того чтобы из отдаленных пограничных местностей дойти до главного города Пеллы, расположенного внутри страны, требовалось от 4 до 5 дневных переходов. Поэтому образовалась особая военная каста,—аристократы, сражавшиеся на конях,— тогда как народ выставлял только пельтастов, которые сражались без определенного тактического распорядка, рассматривались как вспомогательный род войск и не могли противостоять греческим гоплитам.

Фукидид (IV, 126) в обращении к воинам полководца Брасида превосходно разъясняет разницу между греческим и варварским способами сражаться. Спартанскому полководцу пришлось отступить перед превосходившими его силами воинственных иллирийцев; его солдаты объяты страхом, но он говорит им: только вид варваров страшен, страшна их численность, их воинственные боевые крики и бряцание их оружия. Но в рукопашном бою они никуда не годятся, ибо не сохраняют стройных рядов и не видят ничего постыдного в том, чтобы отступить со своих мест. А раз каждому из них предоставляется на усмотрение — драться или отступать, мотивы к уклонению от боя всегда найдутся. Вот почему варвары предпочитают грозить издали, не вступая в рукопашную схватку [1].

---

[1] Фукидид не упоминает о более совершенных доспехах греков; быть может, иллирийцы были лучше снабжены ими, чем македоняне, которые стояли ближе

Но так как собственно военная группа, группа знати, не могла быть особенно многочисленной, то и вся Македония в древнейшие времена представляла собой очень слабое в военном отношении государство. Только прочный монархический строй, установленный царем Филиппом II, создал из этих элементов военную силу, которая вскоре превзошла всех соседей. Царь собрал средства, чтобы кроме греческих наемников, принятых им на службу, содержать также постоянное войско из своих подданных, дал им военное воспитание, нашел для этого войска новые и своеобразные формы ведения боя и развил тактическое искусство так, что оно стало новой отраслью военного искусства, превзошедшей греческое влияние.

Мы начнем с описания кавалерии.

КАВАЛЕРИЯ

Греческая конница представляется нам в виде довольно беспорядочных отрядов, которые, будучи снабжены доспехами, хотя и стремились в бою к удару холодным оружием, но употребляли копье больше для метания, чем для ударов.

Ксенофонт, у которого есть два труда о коннице, а именно: «О конном искусстве» и «О вождях конницы», говорит, что он предпочитает для вооружения два коротких копья одному длинному [1]. Последнее неудобно и ломко; из двух коротких копий, более крепких и удобных, одно можно бросить, а другим колоть во все стороны [2].

Кроме копий, всадники были вооружены также мечом или кривой саблей; последняя, говорит Ксенофонт, удобнее, так как всадник рубит сверху. Ксенофонт советует одевать броню не только на всадника, но и на коня; он не снабжает всадника щитом. Стремена тогда еще не были изобретены: всадник сидел на плотно пригнанных попонах или подушках. Поэтому удар пикой должен был передаваться, главным образом, силой всей руки, тогда как сейчас всадник может дать толчок всей силой тяжести своего корпуса и силой разбега лошади. В многочисленных дошедших до нас изображениях на вазах, где представлены сцены сражения, я никогда не видел, чтобы всадник держал пику так, как это предписано в нашей кавалерии (зажатой между корпусом и верхней частью руки). На мозаике, изображающей, по всей вероятности, сражение при Иссе, Александр держит очень длинное копье свободно в руке.

Македонская кавалерия по снаряжению и вооружению походила на греческую. Образовавшийся из македонской знати конный корпус назывался «свитой», «гетэрами» царя. Они дрались копьем (употреблявшимся как для метания, так и для ударов) и мечом. Броня на

к культурной хозяйственной жизни и были менее воинственны, хотя Арриан (I, 1, 12) называет именно иллирийских и фракийских варваров как «людей полунагих и плохо вооруженных».

Вообще же Брасид настойчиво сопоставляет иллирийцев с македонянами, ввиду чего мы можем отнести это описание и к ним.

[1] «Вместо пики с длинным древком» (Ксенофонт, О коннице, XII, 12).

[2] Замечание Ксенофонта можно связать с конным боем («Hell.», III, 4, 13). Но из описания видно, что эллинские всадники были вооружены именно не короткими, а длинными копьями. Не совсем ясно в этом рассказе, почему персы имели такое глубокое построение. Из задних рядов они не могли метать копья. Может быть, это объясняется тем, что персы рассчитывали прорвать линии греков своей колонной и бросать копья при этом направо и налево.

коне, о которой говорит Ксенофонт, очевидно, не вошла в употребление. Гетэры, однако, были снабжены щитами [1].

Преимущество македонской конницы перед греческой состояло, главным образом, в том, что она была гораздо дисциплинированнее. Ее «илы» мы можем считать настолько сплоченными, что можно их обозначать как «тактические единицы». Понятия «конница» и «кавалерия» надо различать так, что в первом случае речь идет о массе отдельных всадников, тогда как во втором случае всадники сведены в дисциплинированные эскадроны.

В таком случае можно сказать, что первая кавалерия была создана македонянами. Образовать тактические единицы из всадников по многим причинам, о которых речь будет впереди, гораздо труднее, чем создавать пехотные единицы. Поэтому понятно, что греческие кантонные республики не пошли дальше фаланг гоплитов; однако, самодержавный авторитет македонских царей втиснул даже стремившихся вразброд всадников в крепкие рамки покорных единой воле эскадронов.

Смешанных войск «гаммитов» у македонцев мы не находим, из чего также можно заключить, что у них были более крепко сплоченные тактические единицы, чем у беотийцев.

Кроме кавалерии гетэрийской, у македонян были также сариссофоры, вооруженные копьями, которые обычно рассматривались как отряды легкой кавалерии. Однако, я не мог ни в каких источниках найти основания для подтверждения этого взгляда. Вооружение длинной сариссой, пожалуй, скорее говорит о тяжелой кавалерии. Хотя гетэры и вели бой, главным образом, врукопашную, но при некоторых обстоятельствах они пользовались своим копьем по старому способу, т. е. для метания. Сарисса, однако, была слишком длинной, чтобы ее можно было бросить; поэтому ее носители были еще больше, чем гетэры, вынуждены к рукопашному бою; следовательно, тут приходится подумать о броневых доспехах, а это говорит о существовании тяжеловооруженной кавалерии. В бою сариссофоры находят то же применение, что и гетэры, а эти, в свою очередь, используются для разведки и преследования. Выходит как будто, что между обоими родами войск в снаряжении и в вооружении была только незначительная разница. Может быть, она заключалась только в разном происхождении воинов.

Во время войны с Дарием Александр образовал из азиатов корпус конных стрелков-лучников.

ФАЛАНГА

Македонские всадники издавна назывались «гетэрами» царя; вновь созданной пехоте Филипп дал почетное название «пецетеров», т. е. «пешей свиты». Их обучали сражаться в фалангах, в тесно сомкнутом тактическом порядке, подобно грекам.

Все же наблюдалась некоторая разница: македонская фаланга была построена теснее, чем у греков, и вооружена длинными копьями, сарис-

[1] Ад. Бауэр (стр. 313, во 2-м изд.—стр. 433) заключает из Арриана (I, 6, 5), что у гетэров обычно щита не было. Я не нахожу, что данный отрывок вынуждает к такому заключению,—пожалуй, даже он его и не допускает. Щиты конников были, конечно, гораздо меньше, чем щиты пеших войск. Так как у Плутарха (Алекс., 16) ясно говорится о щите, который царь имел в бою, а судя по Полибию (VI, 25, 7) македонские всадники имели без сомнения щиты, то мне кажется неоспоримым, что и в более древние времена было так же.

сами, которые позволяли одновременно пустить в ход копья нескольких шеренг. Таким же образом Фридрих Великий теснее построил свою пехоту, чем было принято раньше, — по 4 чел. на протяжении 3 шагов вместо 4 шагов, — для того чтобы иметь одновременно больше ружей на линии огня [1].

Как именно была построена фаланга сариссофоров в классическую эпоху македонской истории, мы подробно не знаем, в частности не знаем, какой длины была самая сарисса. Я предполагаю, что первая или две первые шеренги фаланги и прежде и потом имели ручное копье, как у гоплитов, и только у задних шеренг было длинное копье, однако, оно, вероятно, не было настолько длинным, чтобы им нельзя было управлять одной рукой [2].

Причины такого отступления от старого дорического порядка не дошли до нас, но их можно вывести из природы самого явления.

Мы можем установить, что опыт многих столетий научил греков сделать свое главное оружие — пику — наиболее пригодным для боя, т. е. соответственно соразмерить ее длину, толщину и вес: сделать ее по возможности длинной, чтобы достать до врага, но не настолько длинной, чтобы нельзя было уверенно направлять ее рукой и чтобы противник мог легко парировать удар. Судя по изображениям на вазах, пика была немного выше человеческого роста, т. е. около 2 м [3].

Возможно, что происходили всякие изменения. Какая длина является лучшей, об этом до сих пор в военной среде не пришли к общему заключению. В немецкой кавалерии длина пики 3,52 м, в русской—3,16, во французской—3,29, в австрийской—2,63 [4]. Если македоняне превзошли самый длинный размер, позаимствованный путем опыта у греков, то это было недостатком в рукопашном бою, причем тесное построение еще больше увеличивало эти неудобства, так как мешало свободным движениям каждого воина. Но фаланга сариссофоров, очевидно, больше действовала напором всей массы, а не рукопашным боем. Если такая масса занимает оборонительную позицию, то в колючую толщу копьеносцев проникнуть абсолютно невозможно.

Филипп, очевидно, выбрал этот способ ведения боя, так как сознавал, что его заново созданные войска не устоят при равных условиях против греческих гоплитов, опытных старых воинов, полных веры в свои силы. Возможно также, что вначале у него не было средств приобрести для всех своих солдат дорогостоящее полное вооружение гоплитов. В тесно сомкнутом строю, который почти не допускал рукопашного боя, задние ряды фаланг могли обойтись без полного защитного вооружения. Но это лишь предположение, которое может быть отставлено. Существенно то, что македонскую фалангу надо рассматривать не как введение новых, высших военных форм, а как упадок предшествовавших ей достижений пехоты. Новая фаланга тяжеловеснее старой, легко приходит в беспорядок, еще чувствительнее на флангах; для рукопашного боя, который воин должен суметь выдержать, несмотря на многочисленные задачи, поставленные ему вне боя, носители сарисс были слишком неуклюжи. Старая дорическая фаланга гоплитов, которая соединяла в себе сплоченность тактиче-

[1] См. т. IV нашего труда, стр. 307.

[2] О неудобстве носки и трудностях фехтования копьем ср. т. IV, стр. 14, 61.

[3] Ад. Бауэр (стр. 272) дает длину в 3 м, но во всех изображениях на вазах, которые я просматривал, я нигде, — даже там, где места много, — не нашел таких длинных гоплитских пик.

[4] R. Wille (Р. Вилле), Waffenlehre, стр. 79.

ского целого с боеспособностью каждого входящего в нее воина, может быть рассматриваема как высшая тактическая форма. Впрочем во времена Филиппа и Александра разница не была столь существенной. Во всех боях той эпохи, о которых сохранились рассказы, фаланги двигаются с такой легкостью, а разница между ними и старой гоплитской фалангой столь незаметна, что можно было бы ею совсем пренебречь, если бы не было некоторых указаний на то, что перемены, ставшие впоследствии очень значительными, а именно более длинное копье и более тесный строй, уже были введены при Филиппе.

Избранная часть, гипасписты, была вооружена совершенно так же, как старые гоплиты, может быть, немного легче, так как они были уверены, что смогут при рукопашной схватке возместить легкое оружие большей ловкостью. Гипасписты в бою являлись связующим звеном между нападавшим крылом кавалерии и огромной массой вооруженных сариссами фаланг, которая медленно передвигалась.

Македонское войско было сильно также легкой пехотой, пельтастами, лучниками и метателями копий [1].

ТАКТИКА СОЕДИНЕННЫХ РОДОВ ВОЙСК

Успехи македонян были достигнуты благодаря органическому соединению всех родов войск в одно действующее целое. Эпаминонд положил этому начало, но все же пехота оставалась главным родом войск, а кавалерия только поддерживала ее.

Филипп с самого начала, — а особенно с тех пор, как он подчинил Фессалию своему господству, — стал в отношении кавалерии сильнее, чем когда-либо была Беотия. Он мог поэтому не только разбивать своей кавалерией вражескую кавалерию, но также нападать с фланга на вражескую пехоту. Мы знаем еще по Марафонскому бою, как чувствительны были фаланги греческих гоплитов в этом пункте.

С этих пор кавалерия не сопутствует пехоте, а имеет одинаковое с ней значение и даже ведет главное нападение; может случиться, что фаланга только тогда подойдет к противнику, когда одно крыло его уже будет разбито, и македонская кавалерия нападающего крыла уже атакует главные силы. Может также случиться, что вражеская армия обратится в бегство, так что фалангам даже не придется итти в бой.

Рюстов и Кёхли зашли даже так далеко, что полагают, будто кавалерия стала отныне главным родом войск, а фаланги — уже не свет, а тень, не ядро, а масса всего войска. Задача фаланг состоит в том, чтобы вести затяжной бой, организовать несокрушимую оборону, пока кавалерия не добьется решения. Но тщательный анализ сражений эпохи Александра показывает, что это слишком сильно сказано. И тяжелая пехота, гипасписты, и фаланги принимают активное, положительное участие в победе. Кавалерия со своей стороны поддерживается подвижной, легко вооруженной пехотой, которая пробивается и помогает копьями, стрелами и метанием пращи. В спаянности отдельных частей была органическая сила македонского войска. Всем руководит единая мысль полководца, который одновременно является создателем войска и командующим. Македонское военное искусство — плод царской деятельности.

---

[1] A. Krause (А. Краузе), Hermes, 1890 г., стр. 66, довольно убедительно доказал, что Александр имел в своем войске также метателей копий и что Арриан под словом „τοξόται“ понимает этих метателей.

Своеобразие греческой фаланги привело к тому, что Эпаминонд при создании косого боевого порядка, поставленного им на место параллельного, должен был предоставить нападение левому крылу и задерживать правое. Филиппу не пришлось придерживаться этой схемы. Он мог поставить кавалерию на то крыло, где было удобнее по условиям данной местности; то, что по дошедшим до нас описаниям боя решительный удар врагу почти всегда наносит кавалерия правого крыла, не основывается ни на чем и должно рассматриваться как отголосок греческой традиции или просто как случайность. Как результат сосредоточения всего военного дела в руках и голове одного лица надо рассматривать также то, что македоняне перенимают и развивают далее очень продвинувшееся к тому времени искусство осады. В середине столетия еще очень мало знали об изобретениях Дионисия Сиракузского из Греции; Филипп провел две больших осады — Коринфа и Византии — с применением всех средств техники.

В подробности технического характера мы вдаваться не будем. Однако, самый факт имеет величайшее значение в общем ходе военной истории. Стратегическая задача Александра была бы невыполнима, если бы он мог одолеть Тир, Галикарнасс и Газу не при помощи мощного нападения, где искусство одних столкнулось с искусством других, а только медленным измором.

1. О военных реформах царя Филиппа можно судить по методам ведения боя и войны Александром; при этом суждении выводы совпадают с тем немногим, что мы знаем о самом Филиппе. О первом сражении Филиппа в 359 г. против иллирийцев рассказывает Диодор (XVI, 4) так: на правом крыле Филиппа были его всадники; он пустил их на варваров с фланга, и под двойным напором спереди, с фланга и, наконец, с тыла враги сдались после храброго сопротивления. «Филипп, имея на правом фланге отборнейших македонских бойцов, приказал коннице, обойдя кругом, атаковать неприятеля с фланга, сам же напал на него с фронта, нанося ему, таким образом, мощный двойной удар... Конница начала теснить противника с фланга и тыла» (Диодор, XVI, 4).

Также и о сражении в Фессалии в 353 г. Диодор определенно говорит (XII, 35), что Филипп выиграл его благодаря кавалерии.

2. О сражении при Херонее мы имеем весьма недостаточные сведения. Но из описаний Диодора (XVI, 86) и Полиэна (VI, 2, 2 и 7) можно сделать вывод, что и оно было фланговым нападением. Царь командовал крылом, противостоявшим афинянам и отступившим перед ними, а его сын Александр командовал нападавшим крылом против беотийцев и решил победный исход сражения. И если у Диодора царь начинает наступление, когда видит победу сына и не желает ему одному предоставить славу победителя, или если у Полиэна автор, не думая о совместных действиях обоих флангов македонян, вдруг заставляет Филиппа после отступления самостоятельно победить слишком горячих афинян, то все эти рассказы надо рассматривать просто как народные предания, которые не вникают в самую суть причин, обусловивших победу.

Когда предыдущий отрывок был уже написан, Кромайер произвел топографические исследования поля битвы и соответственно этому попытался точнее восстановить течение сражения. Но попытка такой реконструкции, как указывал Ролоф и как признал Э. фон-Штерн, ему абсолютно не удалось, потому что была предпринята не только на основании совершенно недостаточных и недостоверных источников, но также на невероятнейшем представлении, будто фаланга Филиппа отступала на 600 м, не повернувшись кругом (прим. на стр. 167). Пройти 600 м, пятясь назад и не спотыкаясь, пожалуй, не сможет даже один человек на прекрасной дороге,

а бойцы фаланги, которая попробовала бы это сделать в открытом поле, неминуемо в самом непродолжительном времени лежали бы на земле, друг на друге. Если войсковая часть во время обучения на плацу отходит назад, не поворачиваясь, то она может сделать только несколько шагов, не нарушая строя. И самое характерное то, что у Кромайера представление об отходе назад, не поворачиваясь, сплоченной массой в 15 000 чел., не случайный ляпсус, так как автор в «Histor. Zeitschr.» (т. 95, стр. 20) пытается свое нелепое предположение подробно обосновать. Отсылаем тех, кто не сможет найти его изложение, к «Preuss. Jahrb.», т. 121, стр. 164.

Ролоф и Штерн еще пытались признать заслуги Кромайера по установлению места сражения. Но и эта заслуга не выдержала дальнейших испытаний. Г. Сотириадес (G. Sotiriades) в «Mitteil. d. K. deutschen Arch. Inst. in Athen», т. XXVIII, стр. 301 (1903 г.) и т. XXX, стр. 113 (1905 г.) опубликовал тщательные исследования о поле сражения, в которых устанавливается ряд ошибок в наблюдениях Кромайера и разрушаются его обоснования. В решающем вопросе — о положении македонского могильного кургана — Кромайер уступил. («Histor. Zeitschr.», т. 95, стр. 27). Что касается других упреков, то он оправдался только в одном: он действительно не выдавал остатки стены турецкого хана за античные, как его в том упрекает Сотириадес на стр. 326 и как я прореферировал в «Preuss. Jahrb.» (т. 116, стр. 211). Он только поднял вопрос и оставил его неразрешенным: не были ли это остатки античной постройки? Но остальные его ошибки остаются, — особенно умолчание о Брамагском ущелье, по которому, как указывает Сотириадес на стр. 328, ведет тропа не хуже тропы через Кератский проход, что очень существенно для отступления в этом направлении.

3. Господствующим воззрением является мнение, что фаланги сариссофоров, какими мы их встречаем в сражениях македонян с римлянами и как их описывает Полибий, совершенно сходны с теми, какие имелись уже во времена Филиппа и Александра. Но уже Дройзен («Untersuchung», стр. 64) обратил внимание, с какой легкостью двигались фалангиты Александра; и я тоже постепенно пришел к убеждению, что произошли какие-то более поздние усовершенствования. Более подробное подтверждение этого взгляда, основанное на источниках, см. далее, ч. VI, гл. I.

4. Рюстов и Кёхли («Griech. Kriege», стр. 240) представляют себе гипаспистов снабженными маленьким щитом пешетеров, латами, легкой обувью, македонской шапкой, копьем и, может быть, длинным мечом. Мне кажется, что для воина в принципе, а не только в силу случайной необходимости, предназначенного для ближнего боя и не имеющего дальнобойного оружия, такое вооружение является слишком легким; названные авторы (стр. 241) тоже вводят ограничение, говоря, что вооружение гипаспистов, может быть, было немногим легче вооружения гоплитов.

Дройзен, напротив, лишает их даже лат («Heerwesen», стр. 110). Он ссылается на монеты царя пэонов, Патраоса, жившего во времена Александра. На них изображен пэонский всадник, который собирается пронзить копьем поверженного на землю воина. Последний одет в хитон и каузию и вооружен щитом и копьем. Щит по своим своеобразным украшениям похож на известные македонские щиты, как их изображают на монетах более поздних царей Македонии; следовательно, изображенный воин — македонянин, но не пешетер, так как у него нехватает прежде всего сариссы, а гипаспист («Untersuchung», стр. 41—42).

С этими взглядами Дройзена соглашается и Ад. Бауэр, который тоже приводит изображение монеты; но я полагаю, что эти взгляды вызывают значительные сомнения. Пэонийцы были принуждены Филиппом Македонским в 359 г. признать его господство и после попыток освободиться были в 358 г. снова покорены Филиппом, а в 335 г. — Александром. Патраос был их князем с 340 по 315 г. Неужели вассал посмел бы поместить на своих монетах изображение, на котором явственно можно было видеть, как пэониец побеждает воина из личной стражи своего господина? А если действительно знаки на щите не позволяют иного толкования, то кто может

поручиться, что изображен воин именно из новообразованных войск, гипаспистов? Ведь это, может быть, выдуманное изображение, а, может быть, это — пельтаст. Поэтому по данной монете ничего заключить нельзя, а применение гипаспистов в бою не оставляет сомнений, что они были не легкой, а тяжелой пехотой с полным вооружением.

Глава II

Александр и Персия. Бой на Гранике

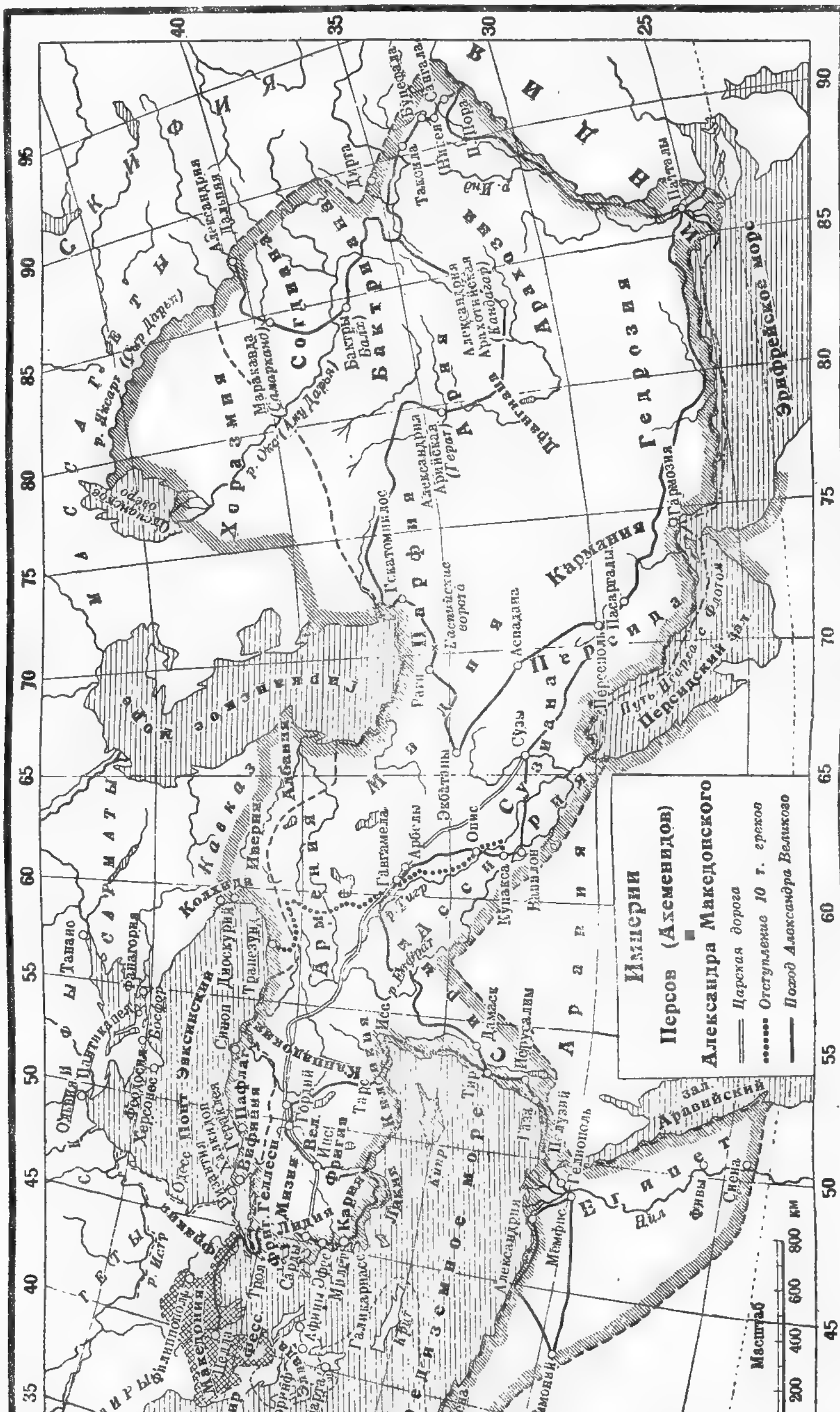
Численность войска, с которым Александр выступил на покорение Азии, современниками обозначается различно; мы, однако, можем считать достоверным, что у него было 32 000 пеших и 5 100 конных воинов [1]. На Гранике и под Иссой дралось около 30 000 воинов; при Гавгамеле Арриан указывает 40 000 пеших воинов и 7 000 всадников, а между тем очень значительные гарнизонные и этапные войска оставлялись в покоренных местностях. Во всяком случае войско Александра было значительно больше, — пожалуй, вдвое больше, — войска, с которым Ксеркс когда-то выступил на покорение Греции.

О силах, выставленных Дарием против македонян, греческие писатели фантазировали так же, как когда-то о полчищах Ксеркса. Цифры, приводимые этими источниками, сильно преувеличены: персы при Гранике выдвигают будто бы 100 000, при Иссе — 600 000, при Гавгамеле — 1 000 000 пеших и 40 000 конных воинов.

Эти цифры совершенно не приходится рассматривать; мы не знаем ничего о численности персидских войск, побежденных Александром, и в 1-м издании этой книги я оставил открытым вопрос, на чьей стороне было численное превосходство.

Однако, события, описанные мною в III томе (средневековые войны), заставили меня сделать выводы из истории персов, которые совершенно разрушили обычные представления о многочисленности персидских войск. Протяжение персидского царства от Гиндукуша до Босфора и от Кавказа до Сахары колоссально! Отсюда и заключали о колоссальных силах, которые это царство могло выставить. Но если бы число воинов всегда соответствовало численности подвластного населения, то какое же огромное войско должно было иметь германское царство при Оттонах, Штауфенах и салических королях и какими ничтожными были в действительности войска этих государей. Не от численности населения, а от военной системы зависит величина войск, и рыцарские полки, как учит нас история средних веков, чрезвычайно малы. Персидское войско уже при Ксеркссе, как мы это видели, было рыцарским войском. Огромная масса подданных ахеменидского царя была отнюдь не воинственна. Войны велись и власть поддерживалась национальной персидской военной кастой, храбрость которой греки признали еще во время Дария Кодомана, но численность ее была совсем ничтожна, — настолько ничтожна, что персидский царь пытался увеличить ее чужеземными наемниками, в первую очередь греками. Относительно маленькие государства, как Македония и Эллада, выставляли гораздо больше воинов, чем вся Персия до Индии.

[1] По тщательному исследованию источников, произведенному Диттбернером (W. Dittberner, Issos, Berlin 1908).


Империи
Персов (Ахеменидов)
Александра Македонского
Царская дорога
Отступление 10 т. греков
Поход Александра Великого
Масштаб
0 200 400 600 800 км
Средиземное море
Понт Эвксинский
Эрифрейское море
Персидский зал.
Аравийский зал.
Македония
Фракия
Лидия
Кария
Фригия
Каппадокия
Киликия
Армения
Месопотамия
Сирия
Аравия
Египет
Мидия
Парфия
Персида
Кармания
Гедрозия
Арахозия
Бактрия
Согдиана
Хорезмия
Скифия
Индия
Колхида
Кавказ
Иверия
Албания
Сарматы
Саки
Геты
Иллирия
Вавилон
Сузы
Персеполь
Пасаргады
Экбатаны
Гавгамела
Арбелы
Иерусалим
Дамаск
Тир
Газа
Мемфис
Александрия
Аммоний
Фивы
Сиена
Нил
Тапаис
Ольвия
Синоп
Трапезунд
Гордий
Тарс
Исс
Сарды
Милет
Галикарнас
Афины
Спарта
Кносс
Кипр
Киренa
Мараканда (Самарканд)
Бактры (Балх)
Александрия Арийская (Герат)
Александрия Арахотийская (Кандагар)
Гармозия
Паталы
Таксила
Гекатомпил
Каспийские ворота
Рагн
р. Тигр
р. Евфрат
р. Окс (Аму-Дарья)
р. Яксарт (Сыр-Дарья)
р. Инд
Аральское озеро
Каспийское море
Путь Неарха с флотом

Яснее всего это можно себе представить, изучая ход войн в Европе в конце XV в. При обстоятельствах, представляющих некоторую аналогию с греческими условиями, обитатели немецких Альп создали военную силу, которая опиралась на обороноспособность всего народа. Отсюда выходило так, что обитатели этих немногих долин могли посылать войска, перед которыми дрожали окружавшие их большие страны. Представим себе, что тогда какой-нибудь один король, сам владевший хорошим рыцарским войском и ландскнехтами, прикрепил бы к себе швейцарцев так, как Александр прикрепил греков; тогда он мог бы покорить Европу, как македоняне покорили Азию. Александр стоит во главе государства и союза, насквозь проникнутого военным духом; персидский царь хотя и властвует над гораздо большим географическим пространством, но с очень немногочисленным господствующим военным сословием. Уже походы младшего Кира с его 13 000 греков и походы спартанца Агезилая в Малую Азию показали, как ничтожна была сила сопротивления этого колосса. Последнее сражение Александра с Дарием показывает, что настоящее массовое войско нельзя было собрать из оседлого персидского населения даже на границах центральной области страны.

Благодаря вовлечению греческих наемников персидские войска, как и македонские, состояли из гоплитов, лучников и всадников. Арриан говорит о всадниках на Гранике, что они были в худшем положении, чем македоняне, потому что боролись дротиками против пик. Но он же рассказывает случай, когда македоняне бросали копье, а персы рубили мечом. Очевидно, существенной разницы в снаряжении и способе борьбы не было. Соединение рыцарской персидской кавалерии и персидских лучников с греческими гоплитами создало войско, совершенно похожее на войско македонских противников, — разве только участие разных родов войск в обеих армиях было неодинаково.

Существенной предпосылкой военного похода было то, что отец Александра подчинил греков македонской гегемонии. Коринфский союз в торжественной форме объявил эту войну национальной эллинской войной, и греки вместе с другими контингентами составляли в войсках Александра половину или даже больше [1].

Это активное соучастие — еще не самое важное; главное — в безопасности тыла, обеспеченной замирением Греции. Возбудив однажды войну в самой Греции, персы заставили спартанца Агезилая оставить их в покое. Но за Александром была не только Греция: он был настолько силен, что смог оставить в Македонии войско в 12 000 пеших и 1 500 конных воинов под командой Антипатра, дабы быть вполне спокойным за свое отечество.

СРАЖЕНИЕ НА ГРАНИКЕ

Доказательством полного произвола в оценке греками числа персидских воинов могут служить противоречивые описания сражения

[1] Бауэр (стр. 314; 2-е изд., стр. 343) считает даже, что македоняне составляли не более шестой части всего войска. Это, конечно, слишком мало. A. Krause (l. c., Hermes, 1890) различает: 1) полевые войска, 2) осадные войска, 3) сатрапские войска, т. е. те, которые формировались сатрапами завоеванных стран.

Это в сущности правильно, но разница проведена слишком резко. Само собою разумеется, что были войска более пригодные для операции и боев, другие были более приспособлены для гарнизонной службы и, наконец, вновь назначенные губернаторы создавали новые формирования. Однако, вполне естественно, что эти различные формирования, в зависимости от обстоятельств, применялись то для боя, то в качестве гарнизонных войск.

на Гранике. Источники, которыми пользовался Диодор, указывают на 100 000 пехоты и 10 000 кавалерии. Арриан, напротив, определенно говорит, что македоняне далеко превосходили персов численностью пехоты и вообще не называет общей численности персидских войск, а только упоминает, что у них было 20 000 греческих наемников и 20 000 всадников. По обычному критическому методу надо было бы принять, что наиболее достоверными являются самые малые из цифр, называемых противником. Но данные Арриана страдают внутренним противоречием: кроме греческих наемников и персидских всадников должна была быть еще и персидская пехота; значит, если пехота в целом была значительно слабее македонской (а последняя едва ли превышала 25 000), то персы не могли иметь 20 000 одних греческих наемников в строю. С уверенностью можно только сказать, что персидская пехота была действительно слабее македонской; кто был сильнее в кавалерии, мы не знаем, — вероятно, тоже македоняне, так как в поведении персов не чувствуется их превосходства, особенно в отношении кавалерии. Они не искали для сражения свободного широкого поля, а заняли позицию с трудно одолимым препятствием впереди фронта—р. Граником, чтобы здесь выждать нападения македонян. Хотя самую р. Граник и можно было почти везде перейти вброд, но правый берег, на котором стояли персы, был высок и крут.

Можно было предполагать, что персы здесь вообще не хотели дать бой, а просто заняли эту позицию в предположении, что Александр не решится напасть на них при такой неудобной местности и будет вынужден потерять время на маневрирование. Тем временем персы могли бы произвести диверсию в Европу. Но все поведение персов, согласно положительному свидетельству всех первоисточников, не оставляет сомнений в том, что только тактические соображения обусловили выбор поля сражения. Тут мы имеем новое явление военной истории: персы, сознавая свою слабость, выбирают препятствие перед фронтом, чтобы затруднить неприятелю нападение.

Македонское войско было построено так, что тяжелая пехота образовала центр, а кавалерия и стрелки — оба крыла. Сам Александр с кавалерией гетэров стоял на левом крыле, а рядом с ним по направлению к середине — гипасписты. Это крыло — всадники и стрелки, возможно, подкрепленные одним отделением гипаспистов,— первым перешло реку и без особого труда обратило персидских всадников в бегство. Хотя описание боя при подъеме на крутой берег и очень подробно, но мы все же не можем ясно представить себе тактическую картину сражения, так как у нас, с одной стороны, нет правильных цифровых данных о соотношении сил, а с другой — ни в одном из первоисточников ничего не говорится о действиях персидских лучников. Едва ли можно предположить, что таковых вообще не было; и совершенно ясно, что при создавшихся обстоятельствах именно этот род оружия мог иметь наибольшее значение.

Но по греческим источникам сражение целиком вел самый неподходящий для защиты крутых склонов род войск — персидская конница. И вполне понятно, что она была побеждена соединенными силами македонских стрелков и всадников, даже если на их стороне не было численного перевеса. Таким образом, существенные моменты, необходимые для понимания этого сражения, для нас потеряны. Мы только узнаем, что препятствие перед фронтом оказалось бесполезным для персов, — явление, к которому еще придется вернуться, — и что исход

боя был решен всадниками и стрелками правого крыла. Как только персидская конница оставила поле сражения, на фалангу греческих наемников, которые до тех пор стояли без действия, напали с флангов кавалерия и стрелки, которые без существенного сопротивления изрубили воинов, а часть их взяли в плен.

Потери македонян, согласно лучшему источнику, Арриану, составляют 85 всадников и 30 пехотинцев убитыми. Эти цифры маловероятны, если действительно верить источникам, что греческие наемники были почти целиком зарублены: наемники были не из тех, кто дешево отдает свою жизнь. Но, вероятно, их число не было так велико, а сражение не было столь кровопролитно: должно быть, большинство было поцажено и взято в плен; если в действительности так и было, то цифры потерь македонян кажутся вполне вероятными. Большая часть пехотинцев совсем не принимала участия в сражении; поэтому и вышло, что три четверти потерь падают на кавалерию, и это соотношение в цифрах подтверждает рассказы о ходе сражения. На 115 убитых должно приходиться от 500 до 1 000 раненых. Такие потери, правда, не велики и доказывают, что сопротивление персов было не так сильно, но если, как вероятно и случилось, в сражении принимало участие не более 6 000 чел., то цифра потерь совпадает вполне с рассказом о проявленной персидскими рыцарями в бою храбрости, угрожавшей жизни самого Александра. Правда, тут можно только делать предположения, и не нужно себя в этом обманывать. Если кто-либо хочет придерживаться данных об уничтожении греческих наемников и даже того, что их было 20 000, пусть он за этим обращается к тем же источникам, по которым потери македонской пехоты равны 30 чел. Нельзя положительно заявить, что первое утверждение нужно отбросить, а второе принять. Но с уверенностью можно сказать, что эти положения стоят в противоречии друг с другом, и одно из них непременно надо отвести.

Примечание ко 2-му и 3-му изданиям. Я особенно не входил в исследование подробностей сражения на Гранике, потому что мне казалось, что при состоянии первоисточников результаты будут очень незначительны и не будут иметь значения для целей данного труда. Существенные черты военного искусства той эпохи достаточно выступят в более поздних сражениях. В настоящее время материал о сражении на Гранике очень обогатился благодаря новым топографическим съемкам и описанию местности в труде: «По стопам Александра Великого» («Auf Alexanders des Grossen Pfaden»; Eine Reise durch Kleinasien von A. Janke, Oberst. z. D. Berlin, Weidmann, 1904). Благодаря этой работе, которая открывает в предыдущих исследованиях местности при Гранике существенные ошибки и устраняет их, становится возможным критическое военно-историческое исследование этого сражения. Так как я лично не могу подтвердить исследований Янке, то мне кажется, что тут еще остается материал для специальных исследований. При этом непременно встанет вопрос о разногласиях первоисточников (Плутарх и Диодор против Арриана), своеобразная проблема отсутствия персидской пехоты и т. д. Но центральным пунктом исследования будет вопрос, действительно ли персы хотели наступать, а препятствие на фронте использовать чисто тактически, или же они хотели маневрировать, чтобы выиграть время.

Те же соображения, что и в 1-м издании, с их весьма скептическим отношением к данному вопросу, я перепечатал во 2-м и 3-м изданиях.

Глава III

Сражение при Иссе [1]

Сражение при Иссе стратегически замечательно в том отношении, что оба враждебные войска, пользуясь различными проходами в одной и той же горной цепи, проходят друг мимо друга, а потом дают сражение с перевернутым фронтом. Александр обогнул самый внутренний угол Средиземного моря — Александрийский залив (Искандерун) — там, где поворачивают из Малой Азии на Сирию, и, повернув, стал фронтом к северу. Дарий, идя с востока за ним, перешел Аманские горы и остановился в долине Иссы, фронтом к югу. Войско Александра было приблизительно столь же велико, как на Гранике, так как значительные пополнения возместили потери, а равно и те многочисленные гарнизоны, которые пришлось оставить в Малой Азии. Персидское войско было не так велико, так как оно, сопровождаемое большим обозом персидского двора совершило горные переходы совершенно аналогично македонянам в смысле времени и пространства. Когда источники указывают, что на стороне персидского царя было 30 000 наемников, то это число не только не обосновано, но и просто невероятно. На Гранике из наемников спаслись лишь немногие,— и если даже персидский флот был в Эгейском море, пытаясь восстановить греков против Александра, а наместники посылали Дарию своих греческих наемников [2], то все же нельзя представить себе, откуда их могло набраться 30 000. То, что все греческие государства, кроме Спарты, были в союзе с Александром и в торжественной форме объявили войну против персов национальной, а всякого эллина, который поднимет оружие против союза с царем македонским, предателем,— все это, конечно, очень затрудняло набор даже в тех государствах, которые снова вступили в сношения с греками, а, кроме того, наготове должны были стоять целые флотилии, чтобы доставлять навербованных в Сирию; об этом же нигде не упоминается, и вообще это мало вероятно.

Следовательно, греческая пехота Дария не могла быть особенно многочисленной. Однако, можно предполагать, что здесь, ближе к родине, было больше персов — как всадников, так и пеших лучников — и контингент азиатских народностей был гораздо больше, чем на Гранике. Возможно, что конница персов была сильнее македонской; пехота, конечно, была слабее, тем более, что роды оружия были распределены иначе: гоплитов было меньше, хотя называют рядом с греческими гоплитами и кардакийских; зато лучников было больше на стороне персов [3].

---

[1] После того, как я был вынужден во 2-м издании переработать это сражение, я должен сейчас вновь сделать в нем несколько несущественных изменений. Основания для этого в обоих случаях одни и те же, а именно—более правильное и более точное представление о структуре местности. Что касается основного вопроса, а именно—что сражение произошло не на Дели-Чай, а на Пайя-Чай, то я остаюсь при прежнем мнении. Поэтому я и теперь, как прежде, считаю диссертацию В. Дитт-бернера (Берлин 1908) основной в этом вопросе и не нахожу, что она противоречит труду Янке, которому мы признательны за топографию местности (Klio, X, 137).

[2] Курций, III, 8, 1; Арриан, II, 2, 1.

[3] Организация походного движения не является абсолютным доказательством слабости персидских полков, потому что, по Янке, через Аманские горы имеется

Соответственно своим силам персы заняли позиции, когда услышали, что Александр повернул и наступает на них. Александр не мог вести все свои войска в бой: он должен был оставить полки для прикрытия тыла и своего лагеря у Мириканда или у выхода из гор Бейланской тропы, так как он не знал, вывел ли Дарий все свое войско в долину Иссы или же еще один корпус подходит к Бейланской тропе. Для этой цели он предназначил своих греческих союзников, которые стояли дальше всех, когда войскам пришлось внезапно повернуть и перейти в наступление [1].

Персы пошли македонянам навстречу на расстояние еще одного небольшого перехода. Они не остались посреди равнины, где ширина ее около мили (7 км),—у Иссы, близ р. Дели-Чай, а заняли позицию ближе к р. Пинару (ныне Пайя). В равнине за Дели-Чаем персидская конница могла свободно передвигаться, а так как македонские войска, численностью несколько меньше 30 000 чел., никак не могли растянуться на милю ширины, то они при нападении неизбежно подвергали свое левое или правое крыло нападению или обходу персидских всадников. Но Дели-Чай во многих местах может быть перейден без особых затруднений,— даже там, где берега круто спускаются, — так как грунт их мягок. Таким образом, персидская пехота не нашла бы никакой защиты против нападения более сильных македонских фаланг. Если бы персидские всадники численно значительно превосходили македонян и на их победу можно было наверняка рассчитывать, то это не играло бы роли: фланговое нападение этих всадников остановило бы македонскую фа-

---

много более или менее проходимых путей в долину Иссы. Все же искусственное подразделение сил по разным путям движения вряд ли можно принять, а так как в сражении играла роль, главным образом, греческая пехота, то остальная пехота вряд ли была особенно сильна.

Кромайер полагает, что персидское войско составляло 50 000—60 000 чел., так как Селевкиды выставили такие же силы. Но диадохи отличались от ахеменидов совершенно другой организацией военных сил, и тут не приходится возражать против тех положительных моментов, которые исключают участие более, чем 25 000 чел.

[1] Арриан (II, 5, 1) сообщает, что Парменон с греками и другими войсками был послан от Тарса, чтобы наблюдать за киликийско-сирийскими проходами. Так как греки не принимают участия в боевом построении при Иссе, дважды подробно описанном, то мы с уверенностью можем принять данное соотношение. Келер (Köhler, Eroberung Asiens Abhandl. d. Berl. Akad. 1898 г., стр. 130) считает, что Александру не пришлось выставить войска для прикрытия тыла, так как персидское войско находилось впереди него. Неосновательность этого утверждения совершенно ясна.

лангу, прежде чем она стала бы опасной персидской пехоте. Но так как численное превосходство персидских всадников (если таковое вообще существовало) было незначительным, то персидский царь, которому мы, по традиции его народа и учитывая наличие у него греческих советников, приписываем высшую осмотрительность, выбрал позицию у Пайя, больше соответствовавшую потребностям его войск, чем позиция посреди долины. Поскольку описание местности, данное у Янке, оставляет некоторые сомнения, я постарался собрать дополнительные данные, которые мне доставил инженер Хассбах, строящий там железную дорогу. Я привожу их ниже.

Факты говорят, что верхнее течение реки идет в крутых скалистых стенах и потому почти непереходимо. Среднее течение также совершенно недоступно для кавалерии и трудно проходимо для пехоты. И только последние 1 600 м проходимы для пехоты, а последние 500 м, хотя и затруднительны, но все же проходимы также для кавалерии.

Так как всюду определенно указано, что левое крыло македонян доходило до моря, то нам придется рассматривать эти 1 600 м как действительное поле сражения. Персы в соответствии с условиями местности сосредоточили главные силы кавалерии на правом крыле от моря; к ним примыкали греческие гоплиты, слева от них — кардаки, национальность коих не установлена (возможно, что это были тоже персы или курды), но которые тоже были гоплитами. Построение персидских лучников в источниках прямо не указано; очевидно, что по условиям данного боя они были распределены вдоль всего берега реки, чтобы открыть стрельбу по наступающему при переходе его через реку [1].

И дальше, вверх от берега к горам, те места, где еще можно было перейти, были защищены персидскими лучниками, так что ширина персидского фронта — понятие относительное: фронт сплошной сомкнутой линии пехоты или кавалерии был немногим шире 1 600 м; примыкавшая к нему стрелковая линия тянулась, быть может, еще на 3 км [2].

Часть персов была выдвинута на горный выступ, врезавшийся в небольшую долину, так что они угрожали надвигавшимся на главную позицию македонянам с правого фланга и даже с тыла.

Таким образом, позиция персов казалась непреодолимо крепкой: пехота как более слабая часть была прикрыта пропастью перед фрон-

---

[1] Описание Арриана, по которому за боевой линией персов находились еще в бесполезном отдалении полчища варваров, новейшими исследователями рассматривалось как свидетельство о построении боевого порядка в несколько линий. Не говоря уже о том, что этот прием, представляя собою, как мы увидим, дальнейшее развитие и усовершенствование тактики, принадлежит более поздней эпохе, мы можем считать заявление Арриана только дополнением к его оценке персидского войска в 600 000. Греки видели перед собой только небольшое войско, но варвары для них были раз навсегда «полчищами»,— значит, эти полчища стояли где-то в «бесполезном отдалении».

[2] Полибий (XII, 17, 7). По Каллисфену, «линия пельтастов доходила до гор». Эти легковооруженные, которые тянулись до самых гор, были, очевидно, персидскими лучниками. Арриан (II, 10, 6) ясно подчеркивает, что македоняне продвигались сначала медленно, чтобы боевая линия не искривилась, а затем наступали бегом, чтобы не слишком страдать от неприятельских лучников. Что фронт персов не шел по течению реки, ясно видно у Арриана (II, 9, 4), где говорится, что македоняне, после того как Александр стянул войска из тупика к себе, продвинулись за позицию, которую занимали персы. Фразу Арриана (II, 8, 6) «по условиям местности могло расположиться большое количество бойцов, выстроившихся в фалангу по прямой линии» можно понимать так, что ширина долины не вмещала большего количества войск, чем сколько было развернуто, т. е. фаланга тянулась от моря до гор. Но это положение исключается вышеприведенным местом.

том, кавалерия же была готова встретить противника, если бы он захотел прорваться с моря, и сама тоже была готова к наступлению.

На такой позиции, искусственно усиленной в нескольких местах, Дарий ждал нападения. Каждый пункт его позиции казался столь надежно защищенным, что македоняне как будто нигде не могли прорваться при нападении. А если бы наступление македонян было отбито, то Александр был бы отрезан от родины и погиб бы вместе со своим войском. Финикийские корабли поддерживали господство персов на море. Александр все свои силы обратил на сухопутные войска, а так как его флот был слишком слаб по сравнению с персидским, то он его в конце концов совсем распустил. Македоняне вряд ли решились бы повторить раз отбитую атаку. Следовательно, персам вовсе не нужно было разбить македонян и обратить их в бегство: им надо было только заставить противника отказаться от атаки и самим удержать свои позиции; тогда успех был бы им обеспечен.

Наши источники полны рассуждений о том, как невероятна была ошибка Дария, выбравшего для своих действий настолько узкое поле, что он не мог использовать свое огромное численное превосходство; он, по их мнению, должен был выждать атаку Александра где-либо в Сирийской равнине и там окружить его своей конницей. Мог ли этот совет помочь Дарию, мы увидим из сражения при Гавгамеле. Без сомнения, весь македонский лагерь, инспирированный своим штабом, рассматривал положение дел именно с этой точки зрения; ведь не могло быть лучше аргумента, чтобы исполнить воинов верой в победу.

На самом деле все обстояло совсем иначе: если бы у персов действительно было значительное численное превосходство, то они были бы в состоянии, как мы это видели, и сейчас выбрать для сражения подходящее поле. Долина Иссы расширяется на целую милю,— значит, места имелось достаточно для войска, в 3 и 5 раз больше македонского. Но все эти соображения для нас исключаются: если даже персидский царь и имел ту власть над полчищами, какую ему приписывают греческие легенды, то все же войска ни в коем случае не могли так скоро перейти Аманские горы и занять позиции в долине Иссы. Мы даже не знаем, насколько сам Александр верил в огромные персидские силы. Во всяком случае, когда ему в Мирианде (под Александреттой) сообщили о внезапном появлении персов в тылу, он мог обрадоваться тому, что их прибыло немного, а не тому, что для многочисленного войска не было места сражения. Как бы то ни было, но македонский царь не мог ни в коем случае не заметить невероятно невыгодного стратегического положения, в которое он попал. Македоняне были отрезаны от своей базы, а персы — нет. Персы могли в случае поражения вернуться по горным проходам через Аман, а македоняне в случае поражения или даже в случае неопределенного исхода боя погибли бы.

Историки рассказывают нам, как Александр, созвав своих командиров, ободрял их и как перед самым началом сражения он объезжал отдельные воинские части, разжигая их обещаниями господства над всей Азией после победы над великим персидским царем.

Не планомерно, а совершенно случайно, — как правильно освещают историки, — персы получили стратегическое преимущество. Они думали, что Александр, который из-за болезни и по другим причинам задержался — и довольно надолго — в Киликии, не пойдет сразу на Сирию, а так как персидский царь совершенно не мог со всем своим войском оставаться стоять в Сирии и смотреть, как македоняне хозяй-

ничают в завоеванной ими Малой Азии, то он решился продвинуть войска через горы. Но случайно в тот же день и Александр двинул свои части, причем оба войска, пройдя по различным горным проходам, разминулись, что, конечно, по положению вещей должно было пойти на пользу персам.

Иногда ставился вопрос, почему персы просто не заняли все проходы и не отрезали Александра от родины. Ответ найти не трудно. Мы знаем еще со времени Фермопильского сражения, что преграждение прохода обычно является ненадежным предприятием, — особенно же в данном случае, когда главную силу нападающей стороны составляла пехота, а главную силу обороняющейся стороны — кавалерия. В худшем случае Александр мог бы оставить персов на месте и продвинуться дальше вглубь Сирии. Если же у него действительно имелись опасения, что персы запрут за ним «ворота Сирии», то не потому, что это его погубило бы, а потому, что решающий бой, которого он жаждал, был бы отодвинут на неопределенное время. Следовательно, персы предоставили македонянам свободный проход и заняли выгодные позиции для организованного боя не по небрежности, а совершенно сознательно: раньше или позже должно было состояться решительное сражение, причем для персов едва ли нашлись бы более выгодные условия, чем под Пайя, где Александр принял бой.

Но именно механическое преимущество, которое выпало на долю персов и которое они хотели использовать наиболее хитро, привело их морально к гибели.

Александр осторожно развертывал свое войско при выходе из Сирийского прохода и постепенно, по мере расширения поля, перестраивал его из походных колонн в линейный боевой порядок, направляя вправо и влево всадников и стрелков, а в центр — гоплитов. Медленно, с перерывами, чтобы не нарушить строя, передвигался фронт шириной от 1 до 1,5 км [1]. Главные силы кавалерии, под личным предводительством Александра, были сосредоточены на правом фланге; но когда царь заметил, что масса персидской конницы стояла у моря на правом фланге противника, он двинул фессалийских всадников, которых до тех пор удерживал при себе, позади своей фаланги, в подкрепление своего левого фланга, так что теперь этот фланг стал наиболее сильным в отношении кавалерии.

Против персидского отряда, расположенного в горах для угрозы правому флангу македонян, был выделен специальный отряд, который отогнал персов выше в горы. После этого Александр оставил здесь в качестве прикрытия только 300 всадников и некоторое число лучников, а остальных притянул к главной боевой линии, которая уже охватывала персов. Но так как река в этом месте была совершенно непроходима, то персам это повредить не могло.

Выше (по Янке — в 2,5; по Хассбаху — в 3,5 км от устья) можно было найти переправу вброд. Здесь Александр, очевидно, и перешел реку со своими всадниками, — но то, что он опрокинул противника конной атакой, как это сообщают македонские источники, совершенно

[1] Каллисфен, в изложении Полибия, сообщает, что ширина долины Пая была менее 14 стадий ($2^1/_2$ км) и что македонская фаланга была на значительное расстояние удалена от гор, так, что ее левый фланг касался моря. Между тем оказывается, что ширина долины была не $2^1/_2$, а по Янке — 4 км, по Хассбаху же — 5 км. Эта ошибка впрочем не представляет собою чего-либо неестественного (ср. Диттбернер, стр. 122). Тем не менее мы должны верить Каллисфену, что протяжение македонского фронта было значительно менее $2^1/_2$ км.

опровергается узостью подступов, крутым склоном и каменистым дном реки, а потому утверждение это, как выражение преувеличенной придворной угодливости, приходится отбросить.

Однако, возможно, и потому должно быть принято в общей связи со всем описанием, что македонские стрелки и легкая пехота сломили персидскую оборону у переправы, а затем всадники, быстро переправившись через реку, смяли немногочисленную персидскую конницу на этом крыле и перешли в преследование ее. А между тем главным силам фаланги приходилось тяжело. Фалангиты, спускавшиеся в ущелье Пайя, осыпались стрелами персов, а когда они, встретив при своем продвижении вперед массу непроходимых мест, появились на противоположном берегу в разрозненных рядах, то на них напали находившиеся на службе у персов греческие наемники — гоплиты и снова сбросили их вниз. Историки постоянно подчеркивают беспорядок в боевом строю македонян, причем до сих пор это объясняли исключительно естественной расстроенностью рядов фаланги вследствие продвижения ее через скалы, неравномерно окружавшие реку. Но после того как мы себе уяснили, что кавалерия правого крыла вообще не могла перейти среднее течение Пайя, а должна была для этой цели отделиться от центра и сделать обход, — мы можем отнести это обнажение левого крыла фаланги к той же расстроенности рядов, которую подчеркивали историки. Нетрудно себе представить, как фалангиты взбирались на противоположный берег, где их встретил сильный отпор, после чего фланговой атакой греков они были оттеснены назад в реку.

На левом же фланге, где была сосредоточена персидская конница, атака македонян (если только вообще дело дошло до атаки) не только была отбита, но персы со своей стороны перешли в наступление на левый берег реки и поставили фессалийцев в трудное положение.

Исход сражения определился тем, что правый фланг македонян, охватывавший неприятельские ряды, пришел на помощь своему с трудом державшемуся центру. Вслед за частями, с которыми царь сам совершил переход, он пустил через ту же брешь еще два отделения фаланги, и в то время как он преследовал со своими всадниками и гипаспистами неприятельские части,— как защищавшие переправу, так и те, которые стояли с ним рядом и тоже пустились в бегство (кардаки),— оба подоспевшие отделения фаланги обратились против левого крыла греческой фаланги. Царь Дарий, который со своей свитой стоял, очевидно, за греками или в месте стыка греков с кардаками, увидев, что его левый фланг разбит, счел битву проигранной и обратился в бегство. Под впечатлением этого бегства и фланговой атаки фалангитов греки бросили берег реки и отступили.

До этой минуты чаши весов стояли в сущности наравне, так как персидская кавалерия правого крыла была настолько же сильна, а может быть, даже и сильнее находившейся против нее части противника, насколько правое крыло македонян было сильнее левого крыла персов.

Можно было ожидать, что персидская конница нападет с фланга со стороны моря на македонскую фалангу точно так же, как со стороны гор македоняне напали с фланга на греков. Но этого не произошло.

Причину приходится искать не столько в личном и тактическом превосходстве македонян, в более крепком воинственном духе бойцов Александра, сколько в направлении военных замыслов обеих сторон.

Македоняне вели наступательный, персы—оборонительный бой. Мы уже знаем, как греки под предводительством Мильтиада при Марафоне были вынуждены особыми обстоятельствами вести оборонительный бой, но в известный момент Мильтиад перешел из обороны в наступление, и это наступление было его победой. Персы при Иссе рассчитывали вести исключительно оборонительный бой. Они имели перед собой настолько трудно одолимое препятствие, что всякая мысль о наступлении заранее исключалась. В первоисточниках нигде точно не сказано, почему персидская конница правого фланга, которая билась особенно храбро, численно значительно превосходила врага и преодолела реку, все же не одержала победы. Из совокупности всей обстановки нам придется, несомненно, заключить, что этого не случилось потому, что это не входило в намерения высшего командования. Прежде всего источники сообщают, что сражение на этом фланге началось значительно позже, чем на другом. Александр хорошо рассчитал удар своим правым флангом там, где сейчас же после перехода реки он был уверен в своем превосходстве, и задержал левый фланг. Кроме того, как мы теперь узнали, дно реки настолько каменисто, что сильно задерживало продвижение кавалерии как вперед, так и назад. Когда начался бой на этом фланге, он уже был, вероятно, решен на другом. Если бы персы пошли навстречу македонянам с тем же духом боевой готовности к наступлению, как македоняне шли на них, то совершенно нельзя сказать, почему, имея перевес на правом фланге, они не могли бы победить совершенно так же, как Александр победил на своем.

В одном из источников (у Курция) рассказано о притворном бегстве, при помощи которого фессалийские всадники удержали своего противника: это была трактовка самих всадников, приписывавших успех собственной заслуге; но «притворное» бегство легко могло очень скоро обратиться в настоящее, если бы противник со своей стороны не замешкался в преследовании, а продолжал рубить. Но персы расположились за рекой и за ее прибрежными скалами и еще укрепили высокие берега: бой велся так, чтобы использовать это преимущество. Неудивительно поэтому, что кавалерия, даже если она побеждала, не выходила далеко за эту линию: совместных действий с другими частями по ту сторону реки ей нечего было ждать. Она в лучшем случае удовольствовалась бы тем, чтобы после удавшейся атаки вернуться на прежние свои позиции.

Совершенно по тем же причинам фланговое расположение персидского отряда на горах оказалось недействительным. Под натиском македонских войск этот отряд сразу отступил к вершинам гор и ничего другого сделать не мог. Если бы он принял бой в то время, когда главные силы персов неподвижно держались на своих позициях, он, несомненно, был бы разбит. Снова перейти в наступление и ударить в тыл македонскому войску как раз в тот момент, когда оно завязало бой с главными силами персов, мешали войска, которые Александр выставил в виде заслона. Очевидно, персидские фланговые отряды ожидали, что македоняне, разбитые и преследуемые персами, снова пройдут мимо них, — или, по крайней мере, что по ходу главного сражения они будут вызваны на наступление; но так как этого не случилось, то они вообще не вступили в бой, и все их расположение оказалось ненужной демонстрацией и даже не запугало Александра. Заставить изолированную часть вступить в сражение — предприятие, которое удается очень редко, хотя тут не приходится говорить о трусости.

Когда греческая фаланга начала отступать, персидская кавалерия правого фланга поняла, что сражение проиграно, и поспешила прочь. Греки очутились в безвыходном положении. Покинутые персидскими всадниками, они должны были под преследованием конницы и пехоты отступать, по крайней мере, на 1,5 мили (ок. 10 км) по равнине, не только не дававшей ни одного опорного пункта, но даже представлявшей благодаря глубоким рвам с водой массу препятствий. Если бы македонская конница их остановила, а фаланга напала на них, они все погибли бы. И действительно, они потерпели тяжелое поражение, но значительная часть их достигла одного из горных проходов и успела спастись. Это были старые испытанные воины, которые знали, что им делать; они не рассыпались врозь, а, крепко сплотившись, отбивали атаки [1]. Вероятно, довольно много времени прошло, пока главные силы македонской фаланги одолели крутые скалы Пинара, — так что греки выиграли время, чтобы уйти. Сам Александр, увидев, что бой решен, пустился преследовать персидского царя. Вместе с греками отступила часть персидских стрелков, оборонявших берег впереди них, причем во время отступления они отбивались от фессалийских и других всадников, преследовавших походную колонну метательными копьями и стрелами. Еще при Гавгамеле греки находились в войсках персидского царя; но главное ядро [по одним источникам (Курций) — 8 000, по другим (Арриан) — 4 000 чел.] прекратило свою службу, прошло в Финикию и в Триполи нашло корабли, на которых и отплыло на родину.

Греческие сообщения, по которым македоняне потеряли в этом сражении 150 всадников и 300 пехотинцев убитыми, конечно, не могут считаться абсолютно достоверными, но и не противоречат природе вещей и ходу сражения. Опять-таки характерно, что потери кавалерии относительно гораздо больше потерь пехоты. 450 убитых позволяют заключить о 2 000 или даже о 4 000 раненых.

Малые потери македонян еще раз возвращают нас к важному вопросу о численности персидских войск. Мы видели, что, по источникам, полем сражения можно считать только Пайя, а это опять же возможно только в том случае, если предположить, что македоняне были сильнее в отношении пехоты. Цепь доказательств того, что персы, которым даже противники не отказывают в признании храбрости, не были численно сильнее в этом бою, замыкается последним звеном — числом потерь у неприятеля, доказывающим, что победа досталась ему совсем не так трудно.

Пока мы не знали местности так подробно, как сейчас, мы должны были и могли причислить сражение при Иссе, как и другие македонские сражения, к простому типу сражения, когда войско построено в косом боевом порядке с выдвинутым вперед правым крылом. Мы видели, что эта схема была сильно изменена тем, что правое крыло македонян должно было сделать довольно широкий обход. Этот обход и отделение правого крыла от центра, по нашим источникам, представляется не очень ясно выраженным. Но это вполне объяснимо. Мы пользуемся источниками уже из вторых рук, а авторы, — особенно Арриан, — вряд ли лично видели местность. Первоисточники затуманивают истинное положение вещей своими восторженными рассказами о том, как царь во главе своих всадников налетел сквозь град стрел

[1] «Греки... оставленные прочими, бессмысленно разбежавшимися в разные стороны, отступили в полном порядке» (Курций, III, 11, 18).

на левое крыло неприятеля и обратил его в бегство. Для современного исследования все это имело те последствия, что, узнав о трудностях местности, современные историки объявили, будто бой там вообще был невозможен, и пытались перенести его в другое место — к р. Дели-Чай. Но тем самым, как неоспоримо доказал Диттбернер, историки запутались в неразрешимых противоречиях с указаниями источников относительно местности, с точными их указаниями на передвижения обеих сторон и, наконец, со стратегическим положением. Надо, очевидно, решить что Пинар и Пайя — одно и то же, и если нам даже придется не считать блестящую конную атаку под предводительством царя решающим моментом боя, то все же остается поступок полководца, который, увидев непреодолимость скалистой местности перед фронтом, смело оторвал правое крыло от центра, чтобы обходом достигнуть цели; так же, как раньше он передвинул часть своей кавалерии с правого фланга на левый, потому что она там была нужнее, так же точно он перетянул часть тяжелой пехоты на обходящее крыло, чтобы атакой с фланга опрокинуть греческую фалангу, недоступную с фронта.

Александр, можно сказать, видоизменял методы фланговой атаки, применяя их к данным обстоятельствам и не изменяя духа самого боя. Он побеждает как числом и храбростью своих воинов, так и сплоченностью войска, отдельные части которого настолько подчинялись воле полководца, что он мог в любую минуту свободно распоряжаться ими, направляя их по своему желанию и усмотрению; наконец, он побеждает гениальным руководством, осторожно ведя наступление, самоуверенно пренебрегая фланговым расположением персов и кажущимися непреодолимыми трудностями местности; мудро отступая от обычной схемы, он укрепляет ведущее крыло и возбуждает во всем войске дух смелого наступления.

1. Диодор, Курций и Юстин единогласно указывают потери в числе всадников в 150, но Диодор называет 300, Курций — 32, а Юстин — 130 пехотинцев. Возникает вопрос, нет ли тут искажения первоначально одинакового числа (может быть, 332?)? При разнице в полтысячелетия между этими авторами и их первоисточниками это вполне возможно,—особенно при одинаковой у них цифре потерь кавалерии. Наибольшая цифра, очевидно, больше всего соответствует действительности, так как Арриан потери фаланги в бою с греческими гоплитами определяет в 120 чел.

У Курция указано 504 раненых, но эта цифра или неправильна или он считает только тяжело раненых. При современных расчетах принимают во внимание даже малейшую царапину или контузию.

2. Более подробное исследование первоисточников, которое я в первом издании прибавил к описанию боя, я опускаю, так как оно теперь устарело, благодаря подробным топографическим обследованиям в книге Янке и исчерпывающей монографии Диттбернера. Чтобы разрешить некоторые топографические сомнения, я обратился к консулу В. Рёслеру в Алеппо. Он мне достал доклад старшего инженера Хассбаха, который я привожу ниже. За всеми подробностями я отсылаю к Диттбернеру и привожу здесь только следующее.

Сообщения Каллисфена дошли до нас благодаря тому, что Полибий на них показывает, как мало тот понимал в военном деле. Но удивительнейшим образом новейшие ученые стали на сторону Каллисфена и пытались вычитать из труда Полибия, что он был неправ по отношению к Каллисфену, неверно понял его и сам наделал массу серьезных ошибок. Я тоже полагаю, что авторитету Полибия,— как бы высоко я лично его ни ценил,— нельзя безусловно доверять, как это делают довольно часто; вычисления его часто поверхностны, а он сам больше зависит от

своих первоисточников, чем кажется; но тем не менее из того, что он говорит о сражении при Иссе и о Каллисфене, можно отрицать только очень немногое.

Мы упомянем только те пункты, из которых можно заключить что-либо о самом бое.

Согласно Полибию, Каллисфен говорит, что Александр, выведя свое войско к узкому проходу, заставил его постепенно итти вперед и, в конце концов, построил его по 8 чел. в глубину; в таком построении оно продвинулось на 40 стадий (1 германская миля, т. е. ок. 7 км).

Полибий, считая численность войска в 42 000 чел. пеших и 5 000 всадников, указывает на то, что такая большая фаланга в вышеупомянутом построении должна была бы занимать по фронту 40 стадий, в то время как Каллисфен утверждает, что ширина долины составляет только 14 стадий, причем три из них были заняты конницей, и еще оставалось свободное место.

Как Полибий высчитал эти 40 стадий ширины — неясно [1].

Три фута на человека при 42 000 чел., по 8 чел. в глубину, составляет около 16 000 футов, т. е. 27 стадий. Можно, конечно, это оставить так, но можно отметить, что Полибий, желая доказать неправоту Каллисфена, сам слишком преувеличивает силу пехоты; впрочем в основном,—именно в том, что такая фаланга не могла быть глубиною только в 8 чел., он, конечно, прав.

Бауэр исправлял в обратном направлении, желая доказать, что фаланга в 8 чел. глубины очень подходит к данной местности, а Каллисфен сделал только ту ошибку, что указал слишком малую ширину долины — всего 14 стадий (2,5 км). В этом Бауэр прав, но его утверждения немыслимы, так как фаланга глубиной в 8 чел. и шириной почти в милю — бессмыслица. Она не могла бы сделать и 10 шагов не разорвавшись, а через 100 шагов она была бы в абсолютном беспорядке. Было бы просто немыслимо заставить ее хотя бы приблизительно ровно наступать или останавливаться.

Правильное предположение высказывает К. Нейман (K. Neumann, Zur Landeskunde und Geschichte Kilikiens, «Jahrb. f. klass. Philol.», Bd. 127 (1883), S. 544), который указывает, что по Курцию фаланга при Иссе имела глубину в 32 чел. Если предположить, что пецетеры и гипасписты вместе составляли около 20 000 чел., то фаланга (с интервалами) была шириной меньше 1 км (4—5 стадий). Прибавим еще конницу и легкую пехоту [2]. Каллисфен, прибывший в свите Александра к месту сражения за несколько дней до него, хотя и не совсем прав, но в отношении топографических указаний до некоторой степени заслуживает доверия, в описании же боя, как правильно говорит Полибий, он неправ. Он не участвовал в самом сражении, а, вероятно, с гражданскими частями главной квартиры остался в Мириандре.

На другой день ему рассказали, как войска постепенно вышли из опасной теснины, построились фалангой и двинулись на противника. Так как он знал, что нормальное построение гоплитов — 8 чел. в ряду, то он в красноречивом описании заставил всю мощную фалангу маршировать этим строем, а так как он вспомнил, что проход от реки отстоит на 40 стадий, он и заставил фалангу продвинуться так далеко. Его военные знания не были настолько обширны, чтобы понять невозможность подобного продвижения,— понять, что фаланга целого войска располагается глубже, чем фаланги отдельных отрядов, и что при указанной им самим ширине

[1] По всей вероятности, он сначала, опираясь на вычисления Каллисфена, посчитал только 32 000 фалангитов, а на человека считал не то пространство, которое он занимает в бою, а дистанцию между рядами на марше, равную 6 футам.

[2] Полибий (XII, 18) считает на 800 всадников при самом глубоком обычном построении 8 лошадей на 1 стадию, т. е. по 6 футов на коня с интервалом. Но вполне возможно, что они иногда стояли глубже, а, может быть, и гораздо теснее. 5 000 всадников по 8 лошадей в ряд и по 6 футов на каждую лошадь без перерыва образовали бы уже целый километр.

долины всего в 14 стадий развернутая фаланга не могла бы даже разместиться там.

3. Кромайер в своем обсуждении книги Диттбернера («Histor. Zeitschr.», 112, стр. 348) соглашается с нами, поскольку он тоже устанавливает, что в источниках речь шла именно о Пайя как о реке, у которой велся бой. Но он, несмотря на это, считает такое утверждение невозможным, так как верхнее и среднее течения Пайя непроходимы для сомкнутых воинских частей, а проход у верхнего берега, который Диттбернер считает шириной в 300 м, на самом деле состоит из двух небольших щелей в 50 и 30 м ширины. Однако, я возражаю, что обе эти щели совершенно достаточны для той операции, какую Диттбернер и я предоставляем себе. Разница тут опять-таки только в числах. Если бы персидское войско было так велико, что образовало бы до самых этих проходов сомкнутый боевой строй, то Александр, разумеется, не мог бы никак проникнуть. Для сомкнутой атаки тяжелой кавалерии эти щели слишком малы и мало проходимы. Так как путешественники, осматривавшие поле сражения, всегда приступали к исследованию с готовым представлением о персидском войске как о сплошной массе, занявшей весь берег реки до самых гор, то они заранее отрицали возможность прохода в этом месте и даже не вникали серьезно в рассмотрение этой возможности. Какое значение,—говорит Кромайер,— имел бы проход даже в 300 м для конницы Александра, если одновременно с ней не могли пройти фаланги. Ответ один: проход был так слабо защищен, что конница с легковооруженной пехотой,— да еще при таком решительном полководце, как Александр,— могла форсировать проход без помощи фаланги. Недостаточная оборона прохода была простым следствием слабости персидского войска, сосредоточенного у среднего и нижнего течений реки.

4. Здесь же надо возразить против необоснованной мысли Белоха, будто не сам Александр, а начальник его штаба, Парменон, был настоящим великим полководцем македонян. Это не только ничем нельзя доказать, но все сражение при Иссе этому непосредственно противоречит. Все решительные действия этого сражения: усиление кавалерии на левом фланге еще во время развертывания боевого порядка, уклонение правого крыла вправо, усиление этого крыла сначала расположением сил уступом, а затем двумя подразделениями (Taxen) фаланги,— все это могло быть сделано только по личному приказу Александра.

5. Белох в своей «Истории Греции» (т. 2, стр. 634) высказывает мнение, что Дарий обошел македонское войско не случайно, а планомерно и дал бой повернутым фронтом. И действительно, в данном случае мы не должны слишком доверять нашим источникам, несмотря на их единогласие в данном вопросе. С их изображением и характеристикой персов совершенно не вязалась бы такая, не только смелая, а просто великолепная стратагема, и принять ее они не могли, даже если в македонском лагере о ней имелись верные сведения.

Но я полагаю, что самая обстановка и связь отдельных фактов исключают допущение Белоха. Дарий мог бы принять решение — обойти македонян — только тогда, когда они действительно прибыли в Мириканд. Если бы персы начали движение тогда, когда македоняне были еще в пути между Малоссом и Иссой, они рисковали бы непосредственно при выходе из горных проходов натолкнуться на неприятельское войско и попали бы, таким образом, в очень скверное стратегическое положение. За 2—3 дня вперед они никак не могли знать, как долго македоняне будут итти.

Необходимым дополнением к гипотезе Белоха должно быть предположение, что Александр задержался на несколько дней в Мириканде, а в это время персы совершили переход через горные тропы Амана. И действительно, Арриан не вполне ясно и точно говорит о том, как долго македоняне уже находились в Мириканде, когда получили известие о прибытии персов в Иссу. Однако, судя по тону рассказа можно думать, что это случилось на следующий же день, а утверждение

Курция, что в одну ночь оба войска прошли друг мимо друга, несмотря на риторическое преувеличение, также говорит о том, что эти события следовали непосредственно одно за другим. Все соображения греков о непонятном безрассудстве персов, направивших огромные полчища в узкие горные переходы, мы совершенно вычеркиваем, так как, с одной стороны, полки персов не были так огромны, а с другой — равнина Дели-Чая не была настолько узка, чтобы препятствовать необходимому маневрированию. Но понять действия персов было трудно по другим причинам, если предположить, что им было известно прибытие македонян в Мириандр. Мы считаем, что Дарий выступил через Аман, не допуская возможности наступления войск Александра дальше Киликии. Но если он уже был в Мириандре, то, несомненно, должен был пойти дальше, и притом не вдоль сирийского берега, так как тогда он добровольно сдал бы свою операционную линию и лазарет в Иссе персам, а внутрь страны через Бейланскую тропу, чтобы встретить персидское войско. Дарий стоял у Сохоя, положение которого нам неизвестно. Во всяком случае это было недалеко от выхода Бейланской тропы. Единственным естественным решением Дария в ту минуту, когда пришло известие, что Александр в Мириандре, было бы занять позиции у выхода Бейланской тропы и напасть соединенными силами на македонян, как только они выступят из ущелья. Идея обхода македонян привела бы к потере этого существенного тактического преимущества, но было бы выиграно в стратегическом отношении то, что македонянам можно было отрезать отступление. Однако, этот выигрыш был несуществен, так как если бы македоняне потерпели поражение вдали от родины, они все равно погибли бы, независимо от того, были ли у них заранее отрезаны пути к отступлению или не были.

Наш ход мыслей таков: когда Александр прибыл в Мириандр, персы, конечно, не могли решиться пойти в обход, а потому нет причин отрицать утверждения источников, что оба войска прошли одновременно друг мимо друга.

Очевидно, персы решили выступить, когда македоняне еще были в Малоссе; но в то время они вообще рассчитывали, что македоняне дальше совсем не пойдут, потому что иначе они рисковали бы натолкнуться на македонян при выходе из Аманских проходов, в долине Дели-Чая. Значит, их марш был не обходным, а простым продвижением вперед, и лишь по чистой случайности это продвижение превратилось в обход, так как именно в тот же самый день и македоняне выступили в поход,— в точности, как это сообщают наши источники.

6. Рассказ о том, что спасшиеся греческие наемники сели на корабли в Триполи, наводит Диттбернера (стр. 156) на мысль, что они, может быть, прорвали македонскую фалангу и бежали в прямом направлении на юг. Но это заключение не только натянуто, но просто идет вразрез со всеми остальными обстоятельствами. Действительно, путь из долины Иссы ведет через Аманские горы в Финикию полукружием, в обход македонян, но такое бегство за спиной неприятеля часто встречается в истории войн; таким образом, например, спаслась часть бургундских войск у Муртена в 1476 г. и часть французов в сражении при Новаре в 1513 г.

Разумеется, македоняне, как видно из рассказа Арриана, выступили не тотчас же на следующий день после сражения. Если бы греки прорвались сквозь македонские войска, они отступали бы по тому пути, по какому пришел Александр, прошли бы через его обоз и уж, конечно, не оставили бы его нетронутым. Кроме того, под Мириандом или у входа в Бейланский проход стояли греческие союзники Александра. Совершенно нельзя предположить, что о таком огромном событии, как прорыв, о переходе Пайя и обо всем том, что могло случиться на пути отступления, не сохранилось ни малейшего следа в наших источниках.

7. Кепп (Koepp, Alexander der Grosse, стр. 31) полагает, что персидский обход выставляет в плохом свете разведывательную службу македонян. Тут недооценена

трудность ведения разведки на протяжении двухдневного перехода по горным дорогам в неприятельской стране. Даже, если бы Александр выслал по этому направлению дозоры, которые наткнулись бы на неприятельские части, шедшие навстречу, он все же не мог бы распознать, является ли это летучим отрядом персов или приближается все персидское войско. Даже тогда, когда Дарий был уже в Иссе, Александр все еще сомневался и, прежде чем повернуть обратно, послал корабль, чтобы получше рассмотреть. Такая неизвестность и всякие неожиданности в войне неизбежны, очень часты и не всегда заслуживают упрека.

8. Описание местности, присланное главным инженером Хассбахом в письме на имя консула Весслера от 21 ноября 1913 г., гласит:

«После того как я дважды обследовал Пайя-Чай от его устья до выхода из гор, я хочу вам подробно сообщить результаты:

а) От устья вверх по течению, метров на 500, русло реки только в некоторых местах ограничено крутыми берегами высотой в 1—2 м. Переход конницы через реку здесь хотя и возможен, но затруднен крутым берегом и очень каменистым дном реки.

б) Следующие 500 м и далее до западного (нового) моста (километрах в 1 600 от устья) русло реки имеет ширину от 5 до 15 м и сильно извилисто. На этом участке переход конницы в большом числе совершенно исключается, а переход пехоты возможен.

в) От пункта, расположенного в 1,6 км от устья, и до восточного (старого) моста (в 3,5 км от устья) русло реки то шире, то уже. Берега сильно изменены позднейшими постройками гор. Байи, но они очень круты и с трудом доступны даже для пехоты. На протяжении около 300 м стены состоят из отвесных, достигающих 2—4 м в высоту конгломератных скал, делающих переход почти невозможным даже для пехоты.

г) Далее в 3,5 км от устья (т. е. непосредственно за вторым мостом) есть участок длиной около 30 (а не 300) метров, по которому идет узкая дорожка через русло реки, служившая, очевидно, переходом вброд раньше, еще до постройки мостов (а кроме нынешних имеются остатки еще двух, очевидно, очень старых мостов). Дорога ведет с южного крутого берега сразу вниз, к руслу реки и поднимается на северной стороне немного удобнее, по более пологому берегу вверх. Прилагаемая фотография № 1 изображает эту северную сторону с ясно различимой пешеходной тропой; кроме того, внизу слева виден край моста, с которого производился снимок, а далее от середины (за белой фигурой) вправо начинаются уходящие в даль крутые стены скал (ср. ниже, п. «д»), и ясно видно также очень каменистое ложе реки.

д) Далее 3,53 км вверх, русло реки достигает в ширину от 15 до 40 м, но с двух сторон, до самого основания горной цепи (т. е. более 1,5 км в длину), оно сжато отвесными скалистыми стенами, вышина которых от 3 до 20 м и которые абсолютно непроходимы даже для пехоты, если только она не снабжена лестницами и всякого рода другими штурмовыми приспособлениями, употребляющимися при современных крепостных маневрах. На фотографии № 2 показана эта часть берегов в самом начале, т. е. в 100 м от моста, где скалы начинаются с высоты в 3 м. Вода образует здесь небольшое озеро, отсюда — отражение кустов.

Я надеюсь, что изложенное выше описание даст проф. Дельбрюку материал для решения вопроса о сражении при Иссе. В моем исследовании участвовало еще два инженера,— оба прекрасные наездники, и мы все единогласно решили, что переход конницы в боевом порядке в месте, обозначенном в п. «г», абсолютно исключается».

Глава IV

Сражение при Гавгамеле

После победы при Иссе Александр покорил Финикию и Сирию и провел две очень тяжелые осады Тира и Газы. Потом он двинулся дальше, чтобы завоевать господство над Египтом. Этот последний поход часто порицают и даже хотят доказать, будто он объясним только в том случае, если принять во внимание, что древним не было вполне ясно взаимное расположение разных стран, а потому Александр не мог предвидеть, как он сильно подрывал свои прежние связи с Вавилоном из-за этого похода [1].

Но я думаю, что Александр отлично разбирался в том, что он делал. То, что персы в следующем (332) году не могли появиться в Сирии с большим войском, можно было предполагать с достоверностью, а если бы они и появились, то стали бы верной добычей Александра. Чтобы прочно обосновать предстоящий поход вглубь Персии, Александру нужно было господствовать не только в Сирии, но и в Египте. Конечно, было бы вполне достаточно послать туда военачальника с небольшим отрядом, но ничто не указывает, что только завоевание Египта удержало Александра и дало его врагу время собраться и вооружиться. Конечно, чем скорее македоняне появились бы в Персии, тем меньше осталось бы у Дария времени собрать новое войско. Но Александр тем временем тоже сильно укрепился. Правда, при Иссе у него было более 30 000 чел., из них отпадают потери в бою и при осадах, а также необходимые для Сирии гарнизоны. Если бы он еще отделил часть для Египта, то с 20 000 или, считая с подкреплениями, с 25 000—30 000 чел. вряд ли перешел бы Тигр. Но у него при Гавгамеле было 47 000 чел., и это не слишком много. Мы должны, как и прежде, похвалить молодого царя за соединение смелости и осмотрительности, которые не дали ему слепо броситься за разбитым противником, а заставили собрать для выполнения огромного своего предприятия нужные силы, в промежутке же между боями заняться водворением македонского господства в Египте и тем самым обеспечить себе помощь египетских богов.

Дарий не мешал своему страшному противнику перейти через Евфрат и Тигр и ожидал его в большой долине по ту сторону Двуречья, вблизи развалин Ниневии. И здесь, будто бы, у него имелись греческие наемники, но их было так мало, что в сражении они уже не играли роли. Сообщают (Диодор, XVII, 55), что персидский царь заказал для своих воинов более длинные копья и мечи, потому что у македонян было такое оружие. Так как персы раньше сражались, главным образом, при помощи лука и метания коротких копий (ведь и Геродот упоминает о более длинных копьях греков), то эту реформу можно объяснить так: очевидно, Дарий хотел образовать из своих азиатов с помощью своих греческих приближенных фалангу, так как длинное копье служит не для метания, но исключительно как оружие ближнего боя; для персов же не было тайной, что в строгом строю фаланги ручное оружие действует лучше всего. Правильно ли это утверждение или нет, но одно ясно: такая тактическая единица, как фаланга, не создается импровизированным путем, — она требует упражнения и военного воспитания.

[1] Graf Jork, Kurze Uebersicht d. Feldzüge Alexand. d. Grossen. S. 32.

Вышло так, как Мельхиор Рус из Люцерна, посол при короле Франции Людовике XI, в 1480 г. сообщал на родину: король приступает к реформам армии и велит изготовить массу длинных копий и алебард по германскому образцу; если бы он смог изготовить также и людей, которые действовали бы этим оружием, то ничья помощь ему не была бы нужна [1]. В военном искусстве необходимо оружие, но суть этого искусства не в оружии, и в сражении при Гавгамеле мы ничего не слышим о действиях персидской фаланги.

Дарий, поняв невыгодность естественного препятствия перед фронтом, как было при Иссе, старается новым оружием сломить страшный штурм фаланги: он применяет боевые колесницы с ножами и вводит в действие несколько слонов.

В остальном истинная сила персидского войска, — как это должно быть и как было при Иссе, — сосредоточилась в коннице; конечно, по этой причине Дарий дал Александру свободно перейти обе реки, чтобы встретить его на им самим выбранном поле, а именно на широкой равнине, где персидская конница могла беспрепятственно развернуться и проявить свое преимущество. Если, по сведениям Арриана, у Александра при Гавгамеле было 7 000 всадников, то надо считать, что Дарий собрал их, вероятно, тысяч 12, но вряд ли больше: ведь 12 000 всадников в одном месте — это такая огромная масса, что нужно довести до виртуозности искусство организовать и снабжать ее и управлять ею [2].

О пехоте Дария трудно составить себе представление. Лучников (старое оружие персов) можно ставить только в несколько рядов, чтобы достигнуть известных результатов. Выставлять против фаланги гоплитов неорганизованные полчища невоенных людей было бесполезно, а персы достаточно знали военное искусство, чтобы понять это, и предпочитали тратить силы на укрепление конницы, вместо того чтобы бесполезным стягиванием пеших масс создавать непреодолимые трудности в снабжении. Если даже и были попытки образовать фалангу гоплитов, то по ходу боя результатов этого не видно. Поэтому возможно, что у персов, кроме всадников, слонов и боевых колесниц, было относительно ничтожное количество пехоты и, конечно, не больше, а скорее меньше, чем у македонян. Коренная персидская конница подкреплялась еще скифскими и, вероятно, также индийскими наемниками.

Наши источники — и главный из них Арриан — представляют собой смесь очень точных, почти протокольных отчетов, главным образом, о построениях и рассказов во время несения караульной службы, которые, однако, можно довольно точно рассортировать при критическом их разборе.

Одна из невероятных легенд о расположении персов говорит о том, что они при Гавгамеле, совершенно как при Иссе и на Гранике, искали естественных препятствий, а за неимением таковых сооружали искусственные — из волчьих ям и ловушек. Но уже Арриан отвергает эти басни; он говорит об этом, как о предположении македонян, и утверж-

---

[1] Сообщено Мандротом (Mandrot, «Jahrb. f Schweiz. Geschichte», Bd. VI, 1881, S. 263).

[2] Ген. Верди говорит: «24 эскадрона (3 600 лошадей) должно считать максимальным числом для конной дивизии, ибо вести сражение большими единицами удается только выдающимся полководцам и то лишь при основательной подготовке командиров и бойцов».

дает обратное, т. е. что персы искусственно выравнивали поле перед своим фронтом, чтобы дать свободно двигаться своим колесницам.

Так как мы не слышали, чтобы в бою какой-либо македонский солдат попал в волчью яму или запутался в ловушке, то эти приспособления мы вычеркнем из истории; также придется отстранить и искусственное выравнивание поля для боевых колесниц, если принять во внимание, что персы не знали заранее, где будут наступать македоняне, а такие планировки за 1—2 дня произвести нельзя. Достаточно, что персы выбрали совершенно открытую равнину с незначительными возвышенностями, где их главные роды войск — конница и боевые колесницы — могли действовать свободно. Если бы колесницам, снабженным ножами, удалось внести беспорядок в ряды македонской фаланги и воспрепятствовать ее движению, в то время как более сильная персидская конница напала бы на македонскую, окружила и разогнала бы ее, то победа персов была бы обеспечена. Так однажды (Ксенофонт, Hell., IV, 1, 19) сатрап Фарнабаз разогнал отряд в 700 греков двумя колесницами и, напав на них затем со своими всадниками, изрубил их совершенно [1].

Фаланга, лишенная поддержки конницы, не смогла бы сопротивляться общему натиску персидских всадников и стрелков из лука; медленно изойдя кровью, она должна была бы погибнуть.

По рассказам греков, позднее, при взятии добычи, был найден план сражения персов; он точно передается нам, но ничего существенного внести не может. Надо только отметить, что, повидимому, не только оба фланга состояли из всадников, но и в центре пехота и конница были перемешаны; это говорит о том, что пехота была не так многочисленна.

Александр сумел предусмотрительно изменить обычный план своего построения войск применительно к обстоятельствам. Огромной массой своей пехоты он воспользовался не для того, чтобы удлинить боевую линию, что сильно затрудняло бы движение вперед в боевом порядке, но удвоил ее глубину и дал сзади стоящим отрядам приказ повернуть кругом в случае нападения с тыла. Главным же образом он защитил себя от опасности охвата более сильной неприятельской конницей в открытом поле; на него могли напасть отряды легковооруженных и всадников, которые были расположены уступом с обоих флангов, т. е. глубокой колонной следовали за наступающей линией, откуда они могли развернуться так, чтобы удлинить боевую линию (а колонна за правым крылом отошла, следовательно, влево); или же, переменив фронт в сторону фланга, образовать уступ, чтобы встретить нападение с фланга, а равно и для того, чтобы прикрыть сзади те бреши во фланге, которые могли бы образоваться во время наступления.

Таким строем македонское войско двинулось против персов. Если считать, что из 47 000 чел., которые, по словам историков, составляли это войско, отпадают несколько тысяч человек, выделенных для охраны лагеря и больных, то остается еще огромная масса, которая тяжело и медленно продвигалась вперед, чтобы не притти в беспорядок.

Персидский план сражения не оправдал ожиданий в отношении колесниц. О слонах мы в описании боя вообще ничего не находим. Против колесниц Александр выслал стрелков, которые, рассыпавшись в цепь, уничтожали водителей колесниц выстрелами или, обегая ко-

[1] Ср. Киропедия VII, гл. I, а также VI, 2 и VIII конец.

лесницы, стаскивали их водителей с мест. Лошадей без возниц легко можно было отпугнуть, а там, где они наезжали на фалангу, воины, расступаясь, давали им дорогу, так что только немногие были схвачены и изранены острыми серпами [1].

Между тем конница обеих сторон вела бой с переменными результатами. После того как персы обошли фланг македонян, а последние противопоставили им свой уступ, обе конницы пытались взаимно выиграть фланг. Исход был еще сомнителен, когда фаланга, разделавшись с колесницами, вновь начала наступление; левое крыло, оторвавшись от правого, пошло вперед, а когда при его поддержке кавалерия произвела натиск на персов, те обратились в бегство.

Правда, при наступлении фаланга разорвалась, причем персидские и индийские всадники прорвались в эту брешь; но эти недисциплинированные толпы ринулись на македонский лагерь, вместо того чтобы ударить в тыл македонянам, так что и этот эпизод не имел значения для исхода боя. Одно время левое крыло македонян под командой Парменона попало в затруднительное положение, но было выручено победоносным правым крылом.

Сражение при Гавгамеле, — совершенно так же, как и оба предыдущие сражения, — было решено действиями против фланга победоносно наступавшим правым крылом. Почему при Гавгамеле победило правое крыло, из описаний неясно. Из распределения войск нельзя усмотреть, что на правом крыле было больше кавалерии, чем на левом (Рюстов и Кёхли даже высчитали обратное), и ничто не указывает на то, что противостоявшее ему левое крыло персов было слабейшим.

Сообщение Диодора о том, что македоняне потеряли около 500 убитыми и очень много ранеными, вполне правдоподобно [2].

1. Рюстов и Кёхли, а с ними большинство повествователей совершенно иначе понимают боевую обстановку, чем она описана выше. Они видят в поставленных «полукругом» войсках второй эшелон, который следовал за обоими флангами. В сущности это вполне вероятно; но я соглашаюсь в данном случае с Дройзеном («Heerwesen», стр. 119), что «полукругом» означает уступом; в дальнейшем это толкование является единственно возможным. Арриан говорит затем, как с внешней стороны левого крыла, примыкая к лейбэскадрону (телохранителям), «полукругом» стояли части Аталла (агриане, пельтасты), за ними («вместе с ними») части Бриссона (лучники), а к ним примыкали («смыкаясь со стрелками») части Клеандра (род войск неизвестен). Это с натяжкой можно было бы назвать расположением во время второго сражения. Но далее Арриан говорит:

«Впереди агриан и стрелков были построены передовые отряды конницы и пэонийцев, во главе которых стояли Арет и Аристон. Впереди же всех выстроились наемные войска, которыми командовал Менид».

Не может быть, чтобы все эти войска помещались между первой и второй линиями. Поэтому Рюстов и Кёхли правильно определяют их место подле отрядов Аттала и лучников и рассматривают их как выступающую часть второй линии.

Если бы Арриан хотел это сказать, то он по крайней мере выразился бы гораздо точнее. Но все становится совершенно ясным, если мы представим себе вой-

[1] Диодор рисует ужасные раны, наносимые этими серпами, но указывает, что число раненых или убитых было очень незначительно, что также подчеркивает и Арриан.

[2] Арриан говорит, что Александр потерял не более 700 чел. Это весьма неопределенно. Если считать, что это — общее число потерь всего войска, то оно противоречит описаниям боя, принадлежащим самому Арриану. Низе (Niese) относит это число к коренным македонянам. Можно высказать и другие предположения, но не имеет смысла их напрямождать.

ска Аттала, Брисона и Клеандра в виде глубокой (походной) колонны на крайнем правом фланге главного фронта, начинавшейся у эскадрона телохранителей-гетэроз; рядом с нею вправо, на некотором расстоянии,— обе другие колонны, сначала Арета и Аристона, а затем — Менида. Это «рядом» Арриан и его источники выражают словом «πρὸ» («впереди»), так как эти части поставлены уступом таким образом, что их фронт, собственно говоря, повернут к флангу (ср. Dittberner, Schlacht bei Jossos, S. 10). Следовательно, разница между моим толкованием и толкованием Рюстова — Кёхли та, что я себе представляю расположение этих отрядов в виде трех параллельных глубоких (походных) колонн, а Рюстов и Кёхли — в виде уже развернувшихся рядом друг с другом.

Три параллельные колонны правого крыла получили приказ: «Если будет необходимо, развернуть (загнуть?) и сомкнуть фалангу». Выражение «ἀναπτύσσειν» переводилось различно, как словами развернуться, распространиться, построиться, так и словом обогнуть. По смыслу возможны оба значения. Если Арриан подразумевал последнее, тогда приказ значил следующее: войска должны были в случае надобности обогнуть фалангу, т. е. образовать уступ. Правда, они уже находятся в положении «полукругом» по отношению к главному фронту, но еще не подошли к нему; если последует нападение противника с фланга, то они с этой стороны должны образовать фронт тем, что они зайдут. Поэтому они, вероятно, отошли влево. В другом толковании они находятся здесь для того, чтобы «замыкать» (ξυγκλεῖσαι) фалангу, т. е. если на походе будут образовываться разрывы, то вдвигаться в них, а может быть (хотя это и не выражено в данном слове), им надо было удлинить фронт вправо.

Но если признать, что «ἀναπτύσσειν» значит «развернуться», то этот приказ надо понимать так: отряды должны подойти к фаланге, т. е. удлинить фронт, или же замкнуть фалангу, т. е. прикрыть ее с фланга. Значение обоих выражений «ἀναπτύσσειν» и «ξυγκλεῖσαι» таким образом противоположно, но общий смысл остается тот же.

2. Места, где в греческой литературе слово «ἀναπτύσσειν» употребляется в военном смысле, могут иметь иногда одно, а иногда оба эти толкования. В собственном описании Арриана, где он говорит о сражении при Иссе (II, 8, 2), Александр заставляет армию выйти из гор, причем со вступлением в долину «он развернул походные колонны в фалангу и приказал одному звену итти за другим». Но греческий текст можно также перевести иначе: «Он заставил походную колонну обогнуть фалангу, пропуская одно звено за другим».

У Кунаксы греческой фаланге гоплитов с левого фланга (первоначальный фронт) угрожает персидская конница, в то время как правый фланг прикрыт рекой. Тогда греки решают «развернуть колонну и построиться, имея реку в тылу». Это может означать: сначала фаланга сделала поворот к угрожаемому флангу и двигается в эту сторону, или, вернее, разворачивается в эту сторону, так как такая глубокая колонна при обычном марше пришла бы в полный беспорядок; для того чтобы такие маневры произвести в полном порядке, нужно применить искусное развертывание. Против этого толкования говорит то, что греки таким образом заняли бы позиции на расстоянии 1,5—2 км от реки, т. е. река, собственно, не могла служить им прикрытием. Именно поэтому и собирались произвести передвижение к другому крылу так, чтобы греки во время движения повернулись к противнику тылом. Впрочем Ксенофонт, может быть, хотел сказать, что греки загнули свое угрожаемое крыло, т. е. образовали уступ. Но и этот маневр был трудно выполним, а к тому же новая позиция была тактически очень невыгодна, так как при первом же ударе со стороны какого-либо из фронтов фаланга была бы разорвана.

В третий и четвертый раз мы встречаем выражение «ἀναπτύσσειν» у Ксенофонта в «Киропедии» (VII, 5, 3 и VII, 5, 5). Кир хочет сократить наполовину длинную по фронту, но неглубокую фалангу и таким образом удвоить ее глубину. Для этого

он приказывает стоящим на флангах гоплитам перейти за остающийся на месте центр. Это выражено следующими словами: «Он приказал гоплитам с обоих флангов итти за стоявшую на месте центральную часть войска, до тех пор, пока оба фланга не сойдутся в центре».

Если эта фраза относится к уже стоящей фаланге, то слово «обогнуть» дает правильный, ясный смысл. Было бы иначе, если бы фаланга, о которой идет речь, была не та, в которой стоят гоплиты, а та, к которой они должны подойти. Тогда надо перевести так: «Он приказал гоплитам обоих крыльев построиться фалангой и итти позади оставшегося на месте центра, пока оба конца не сойдутся». Такое выражение все же звучит как-то нехорошо. Далее идет так: «При построившейся (или загнутой) таким образом фаланге необходимо было иметь самых отборных бойцов в первых и последних рядах». Первая половина может означать: «При таком развертывании фаланги» или «При таким образом обойденной фаланге».

Плутарх (Пелопид, гл. 23) описывает, как в сражении при Левктрах спартанцы хотят обойти фиванцев. Это место можно перевести только так: «Они завернули свое правое крыло и повели его (или — они повернули свою правую сторону кругом), чтобы окружить противника».

Наоборот (Dio Cassius, L, гл. 29), римляне под предводительством Антония в сражении с парфянами «развернули всю фалангу и внезапно вырвались оттуда».

Здесь, пожалуй, можно перевести так: «Дали всей фаланге развернуться».

В «Тактике» Арриана, VIII, 3 (Кёхли и Рюстов, Греческие военные авторы, II, 1, 286), объясняется, что в войске, в котором каждую из частей всегда легко можно разбить на две части, все передвижения выполняются очень легко. Тут тоже употребляется выражение «развертывая, вытянуть». И здесь ни в коем случае нельзя перевести как «обойти, обогнуть»; сочетание со словом «выпячивать, вытягивать» требует толкования «развернуться, построиться».

Ср.: Кёхли и Рюстов. Греческие военные авторы, II, 2, 267 и примечания к «Анабазису» Ксенофонта, I, 10, 9 в изд. Шнейдера, Фольбрехта и Крюгера, а также примечания Диндорфа к «Киропедии» Ксенофонта (VII, 5, 3); далее — Рейос, «N. Jahrb. f. Philol.», т. 127, стр. 817; Бюнгер, там же, т. 131, стр. 262.

3. Там, где построение войск позади обоих крыльев толкуется как вторая линия, там и двойную фалангу в центре тоже толковали как построение в две линии. Уже Дройзен («Heerwesen», стр. 120) выражает—и с полным основанием—сомнение в этом толковании. Прежде всего спрашивается, какие части тут стояли; было бы в высшей степени удивительно, если бы о них совершенно не было упомянуто, тогда как приводятся названия каждого маленького отряда, и тем удивительнее, что эти части производят самостоятельные действия, а именно — прогоняют проникшего в лагерь противника. Ниэе высказал предположение, что здесь стояли не упомянутые раньше греческие союзники, которые, вероятно (Kohler, Sitz.-Ber. d. Berliner Akademie, 1898 г.), даже не принимали участия в этом бою, а потому все предположения о второй линии нужно отбросить. О значении и характере построения в несколько линий мы еще будем говорить; при Гавгамеле это построение не только не доказано, но просто отрицается рассказом о разрыве фаланги и о прорыве сквозь эту брешь неприятельской конницы. Расстояние между линиями не превосходит 100 шагов, и обе линии двигаются самостоятельно. Если первая линия разорвется, что очень легко может случиться, то вторая, которая едва ли может случайно разорваться в том же месте, конечно, послужит для закрытия этого прорыва или для задержания прорвавшегося неприятеля. Резервные части за флангами должны были выполнять те же функции, а они отличались от второй линии только тем, что не были построены. В центре же, за фалангой, еще меньше могла находиться вторая лин я, так как тогда конница противника не прошла бы так свободно. Следовательно, двойную фалангу надо рассматривать только как удвоенную в глубину, причем задним отделениям было приказано сделать в случае надобиости поворот.

4. По рассказам Арриана, когда оба войска подошли друг к другу настолько близко, что македоняне могли ясно видеть царя Дария и его свиту, Александр велел своей армии произвести перемещение вправо. Рюстов и Кёхли передают это так: «Александр по-эшелонно передвинулся в полоборота вправо»... «это перемещение было рассчитано на то, чтобы бросить всю македонскую армию на левый фланг персов». Произвести подобного рода фланговый марш большой армией значит проявить такое искусство маневрирования, каким вряд ли обладали македоняне. Кроме того, это передвижение было настолько опасно, что его смело можно назвать невероятным: ведь противнику надо было только подойти и он мог бы напасть на македонскую армию в таком состоянии, что она едва ли смогла бы обороняться. Фланговый марш на таком близком расстоянии от неприятельского фронта применим только тогда, когда можно быть уверенным, что противник останется в оборонительной позиции. Но персы, главная сила которых заключалась в коннице и колесницах, ждали только момента наступления. Быть может, кто-нибудь вспомнит фланговый марш Фридриха Великого при Лейтене; но этот марш производился за закрытием в виде горной цепи, так что противник его во-время не заметил и даже подмеченное им, наконец, движение принял за отступление. Но у персов предполагаемое движение македонского войска происходило якобы перед самыми глазами, причем они будто бы тоже сделали параллельное фланговое перемещение, чтобы встретиться с врагом. Не говоря о том, что такое искусство можно меньше предположить у персов, чем у македонян, само это движение совершенно непонятно: если македоняне передвинулись вправо, то они подставили персам свой правый фланг; значит, последним достаточно было итти вперед (по выровненному будто бы полю), чтобы еще во время движения ударить на македонян с фланга и тыла.

Только после того, как обоюдное фланговое движение продолжалось уже некоторое время, Дарий будто бы решил, что лучше всего перейти в наступление, но не потому, что македонское войско находилось в невыгодном положении, а для того, чтобы армии не сошли с искусственно выровненного поля на неровную почву, где колесницы оказались бы непригодными.

Ясно, что события, как их описывает Арриан и как их разбирают с военной точки зрения Рюстов и Кёхли, абсолютно не могли иметь места. Может быть, маневры при начале наступления, когда армии еще не были так близко одна от другой, перепутали с передвижениями собственно по полю сражения. Осмотрительная критика должна принять только то, что описано ранее, а именно, что всадники и легковооруженные правого крыла старались выиграть фланг друг у друга.

То, что фаланга разорвалась при наступлении, было, по Арриану, связано с фланговым маршем. Но разрыв совершенно естественно мог произойти и тогда, когда вовсе не было нарочитого движения вправо, так как широко построенную линию чрезвычайно трудно двигать совершенно ровно вперед; следовательно, при более или менее длительном наступлении разрыв почти неизбежен. Если македонская армия двинулась вправо, то это, конечно, не входило в намерения Александра, так как каждое отклонение от прямой линии увеличивает опасность беспорядка, а было случайной ошибкой, которую лагерная легенда превратила затем в тактический маневр.

5. Швейгер-Лерхенфельд (v. Schweiger-Lerchenfeld) в своей обработке научной экспедиции инженера Черника (Дополнение № 45 к «Petermanns Geogr. Mitteil.», 1876 г., стр. 3) пытается найти место сражения ближе и находит его в плодоносной долине у м. Кермелиса. В военном отношении из этого ничего не вытекает.

6. Сражение при Гавгамеле является, повидимому, единственным большим сражением в мировой истории, в котором боевые колесницы с ножами играли действительную, хотя и неудачную роль. Ксенофонт в «Киропедии» (VI, 1, 30; VI, 2, 17; VII, 1; VIII, 8, 24) неоднократно и подробно возвращается к ним, вероятно, не

только потому, что они дополняли картину персидского боевого могущества, но и потому, что легендарный ужас, наводимый этим оружием, возбуждал его фантазию. Это и после него случалось со многими. Леонардо-да-Винчи занимался конструированием таких колесниц и рисовал, как они врезаются в массы противника, причем руки и ноги неприятельских бойцов летят в разные стороны. Хотя Ксенофонт подробно описывает боевые колесницы, но он же указывает и на их слабость. Кони у него в броне, а водители колесниц терпят в бою (VII, 1) большие потери; в заключительной главе он говорит, что ныне персы не умеют править колесницами; они выезжают на них, но вскоре возницы соскакивают или вылетают, и тогда никем не управляемые кони приносят больше вреда своим, чем неприятелю.

7. Фридрих Гакманн (Friedr. Hackmann, Die Schlacht bei Gaugamela, Dissert. Halle, 1902) пытался реконструировать сражение совершенно иначе. Я мог почерпнуть оттуда только некоторые отдельные поправки, в целом же диссертация неудачна, так как у автора нехватает необходимых знаний по элементарной тактике и вытекающих отсюда возможностей (ср. мою рецензию в «Deutsch. Liter. Zeit», 1902, № 51, Sp. 3229).

Глава V

Сражение при Гидаспе

Обычно считают, что Александр начал поход на Индию во главе войска в 100 000—120 000 чел., т. е. втрое большего, чем войско, с которым он шел против Дария. Но эти данные переданы не вполне достоверно и сами по себе неправдоподобны, даже невозможны [1].

Решительный бой при Гидаспе с Пором, по определенным и не подлежащим сомнению данным Арриана, шел при участии 11 000 чел. (из них 5 000 всадников) [2]. Не приходится думать, что против столь мало способного к сопротивлению противника Александр выставил войско во много раз большее, чем то, с которым он покорил гигантское царство Дария. Кроме того, за войском шел очень длинный обоз, женщины и дети [3], что при 120 000 бойцов составило бы много сотен тысяч человек. Такая масса не так легко и быстро двигается, как дви-

[1] Данные Курция ничего не стоят. Арриан в «Анабазисе» не дает никаких общих чисел и только упоминает в «Индике» (гл. 19), что за царем на обратном пути из Индии следовало 120 000 бойцов, среди них много варваров. Может быть, он принимал в расчет и массовые призывы индийских князей, из которых многие были фиктивными. Но и помимо этого, мы все равно не знаем, откуда взялось это число и достоверно ли оно. Цифрам, относящимся к македонскому войску, которые Арриан приводит в «Анабазисе», можно доверять, так как он в основном опирается на Птолемея, но то, что мы находим в «Индике», возможно, взято из сомнительного источника. Плутарх (гл. 66) называет даже для войска, идущего через Гедрозию, цифры в 120 000 пехоты и 150 000 всадников. Расчеты Рюстова и Кёхли (стр. 298) недостаточно обоснованы. Они считают сконцентрированную у Гидаспа армию в 69 000 чел. и 10 000 лошадей. Авторы сами характеризуют авангардный корпус как «ведущий в сущности бой». Это действительно так, но тогда я ставлю вопрос: зачем такой полководец, как Александр, затруднял себе ведение войны тем, что тащил за собой огромные массы войск, которые в течение сражений не находили себе никогда применения?

[2] Остальное войско, — по сказанию Арриана, которое мы не имеем основания отвергать, — перешло Гидасп, когда исход сражения был уже решен, т. е. не может быть принято во внимание для самого боя.

[3] Crämer. Beitr. z. Gesch. Alexanders d. Grossen, Marburger Dissert. 1893.

гался Александр; да, наконец, и переход через Гиндукуш по тропе на высоте 4 000 м одной колонной для такой массы просто исключается.

Исходя, с одной стороны, из того, что при Гидаспе вступили в бой 11 000 чел. и что на другом берегу осталась значительная часть войска, но, с другой стороны, учитывая, что Александр никогда не принял бы решающего сражения без того, чтобы в нем участвовала по крайней мере треть войска, мы можем принять общую численность войска от 20 000 до 30 000 чел.

О численности войска Пора греческие источники дают нам самые разнообразные,— очевидно, взятые вполне произвольно,— цифры. Диодор (XVII, 87) приписывает ему 50 000 чел. пехоты при 3 000 всадников, более 1 000 колесниц и 130 слонов. По Арриану, у него было 4 000 всадников, 300 колесниц и 200 слонов; по Плутарху — 20 000 пехоты и 2 000 всадников; по Курцию — всего 85 слонов. Существенно, что все источники единогласно дают македонянам перевес в численности кавалерии: 5 000 против 4 000 (по Арриану), 3 000 (по Диодору) и 2 000 (по Плутарху). Сила индийцев заключалась в слонах, число которых соответственно наименьшей цифре, было 85.

Пор не решался дать генеральное сражение и думал, что сможет обороняться, препятствуя переходу македонян через многоводный Гидасп. Это никак не могло удаться, так как мало-мальски опытный тактически противник раньше или позже нашел бы средства неожиданно перебросить свой отряд выше или ниже. Так как нам сообщают, что еще один индийский князь собирался итти на помощь Пору, то весьма возможно, что Пор, ошибочно считая реку абсолютно непреодолимым препятствием, не растерялся, а просто старался выиграть несколько дней, чтобы дать подойти подкреплению [1].

Решительный момент наступил, когда Александр неожиданно переправил 11 000 чел. в 4 милях вверх по течению от того места, где оба войска стояли друг против друга, и Пор, после того как был разбит отдельный отряд, пошел к нему навстречу. Пор, как и македоняне, разместил свою кавалерию на обоих крыльях; ее подкрепляли боевые колесницы, которые мы должны себе представлять не как колесницы с ножами, а как легкие колесницы, везущие стрелков из лука.

Но конница, как мы знаем, была немногочисленна. Сила индийского войска была в слонах. Последние были построены в центре боевой линии, вместе с пехотой, в совершенно особом строю. Животные, на которых, кроме вожака, помещалась еще небольшая башенка с несколькими стрелками, стояли на некотором расстоянии друг от друга; пехота находилась непосредственно за ними, но так, что она заполняла промежутки между слонами. Так как Арриан определенно говорит, что пехота образовала второй фронт, то нельзя сказать ни того, что она была разбита на небольшие группы, ни того, что она стояла на некотором расстоянии позади слонов; скорее фаланга стояла за слонами более тонко, а между слонами более глубоко. Все вместе, по свидетельству греков, походило на городскую стену с башнями. Пор ожидал, что греки не решатся двинуться в промежутки между слонами: лошади наверно испугаются слонов, а пехота не решится на это потому, что, если она двинется вперед для нападения на слонов сбоку, ей придется

[1] Во всяком случае совсем неверно предположение Рюстова и Кёхли, что этот индийский князь Абизар подошел к Пору на правый берег Гидаспа. Ведь он тогда прямо попал бы в руки македонян и был бы захвачен в плен, а следовательно, ни Пор ему, ни он Пору не смогли бы никак помочь. Курций (VIII, 47) также ясно указывает, что Пор ждал подкреплений на левом берегу.

опасаться индийской пехоты, если же она обратится против последней, то придется опасаться, что слоны обратятся против нее и растопчут ее.

Как была вооружена индийская пехота, мы точно не знаем. Греки называют их гоплитами; но нельзя предположить, что мы тут имеем дело со сплоченным построением для рукопашного боя, каким являлась греко-македонская фаланга. Построение слонов впереди этой пехоты указывает на то, что именно от слонов ожидали решающего исхода; пехота в этом войске еще более, чем в персидском, была просто вспомогательным средством. Она должна была, по сообщению греков, служить своего рода прикрытием для слонов [1]. По численности индийская пехота, вероятно, значительно превосходила 6 000 чел., выставленных Александром. Македоняне применили свое обычное построение — фаланга в центре, кавалерия на крыльях [2]; правое крыло, шедшее вдоль реки, которым обычно командовал сам царь, теперь вел Койнос; левое, не имевшее опоры и потому особо угрожаемое, но могущее со своей стороны легко обойти и ударить с фланга,— вел сам Александр. Он велел, однако, фаланге держаться сзади, пока он с кавалерией не внесет смятения в ряды противника, для чего он приказал кавалерии ударить на врага не только с фронта, но сейчас же, применяя охват, и с фланга.

Так как мы можем с уверенностью сказать, что македоняне были гораздо сильнее индийской конницы не только своей численностью, но, главным образом, тактической подготовкой, то маневр удался на обоих флангах. Индийские колесницы еще менее, чем всадники, смогли противостоять натиску сомкнутых македонских эскадронов; разбитые искали укрытия позади слонов, а македоняне преследовали их. Но около слонов,—которые, вероятно, повернули и пошли сквозь пехоту навстречу македонянам, — атака последних остановилась: лошади шарахались, и их никак не удавалось подвести ближе к чудовищам. Так как Александр уже больше года стоял у границы Индии, а несколько месяцев назад вошел в самую Индию и был связан с индийскими князьями, приводившими ему слонов, то для македонян это сражение не было неожиданностью. Именно ожидая, что лошади будут бояться слонов, Александр не решился на переправу через Гидасп перед лицом противника, а сделал обход. Можно только удивляться, что нигде не сообщается о том, пробовали ли македоняне приучить своих лошадей к виду и крику этих огромных зверей. Во всяком случае сейчас им пришлось сразу отступить, и Пор перешел в наступление против македонской кавалерии, а фаланга—против него, так что сражение стало всеобщим.

---

[1] Майор Олендорф (Ohlendorf) в статье «Применение слонов для военных целей в древности» («Jahrb. f. d. Armee und Marine», Bd. 49, дек. 1883) считает, что задачей пехоты было «не допустить слонов повернуть назад». Неясно, каким образом пехота может это сделать. Очевидно, этот вывод сделан на основании неправильного перевода.

[2] Александр взял на переправу два таксиса пешеторов. В боевом строю, однако, они не появились; речь идет только о гипаспистах и легкой пехоте. И общее число пехоты — 6 000 чел. — исключает эту возможность. Рюстов и Кёхли (стр. 229) считают, что они были оставлены у переправы, чтобы, если понадобится, пойти навстречу Абизару. Это было бы ошибкой, даже если бы Абизара ожидали здесь: в первую очередь надо было все силы бросить на то, чтобы разбить Пора и избегнуть боя с Абизаром. Изолированный корпус легкой пехоты без труда мог бы быть разбит им. Причина, по которой пешеторы не были в бою, просто, должно быть, та, что они не успели закончить переправу. Переправа через широкую реку на надутых пузырях и немногих судах отнимает весьма много времени.

Греческие источники стараются изобразить весь ужас этого сражения: слоны проникают в ряды противника, как бы тесно они ни стояли, растаптывают бойцов или хватают их хоботами и швыряют в воздух, или же вонзают клыки в их тела; а стрелки на их спинах, под предводительством могучего царя Пора, мечут свои стрелы.

Но все же, наконец, побеждают македоняне. Стрелами и дротиками они снимают вожаков со слонов и лишают последних управления, а, кроме того, наносят самим слонам столько страшных ран, что те или не хотят итти, или просто поворачивают назад.

Как только слоны ослабевают, индийцы попадают в катастрофическое положение. Их пехота, хотя и была, вероятно, многочисленнее македонской, не сумела использовать внесенное слонами смятение, для того чтобы в рукопашном бою окончательно сломить македонскую фалангу. Кроме того, все индийское нападение, вероятно, было с самого начала парализовано тем, что македонская кавалерия, во время преследования после начальной своей победы, проникла в тыл неприятельской боевой линии, так что, даже отступив перед слонами, она все же осталась не только на поле сражения, но и в тылу слонов и пехоты противника.

Благодаря своему большому превосходству она погнала двинувшихся было вперед индийских всадников снова назад, на слонов. Весьма предусмотрительно Александр приказал своей фаланге, как бы она тонка ни была, сначала держаться позади: атаки слонов совместно с индийской пехотой без всякой задержки она, пожалуй, не выдержала бы. Продолжавшийся кавалерийский бой в тылу, очевидно, с самого начала подавлял уверенность и энергию наступательного движения индийцев, а как только они остановились, они оказались просто зажатыми в тисках и постепенно сдавливались все больше и больше. Их собственные слоны, повернувшие обратно, топтали их; им некуда было отойти, а македонская пехота отступала перед внешним кольцом слонов, которые еще шли вперед, чтобы потом погнать их назад стрелами и, идя за ними сомкнутыми рядами, гнать войско противника навстречу македонской кавалерии.

Большая часть индийского войска таким образом погибла, а большинство слонов и сам Пор были взяты в плен.

По Арриану, македоняне потеряли в этом сражении 310 убитыми, из них 230 всадников. Эта ничтожная цифра заставляет нас подумать, действительно ли сражение было так страшно и упорно, как его изображают наши источники. Но если принять во внимание, что в позднейшие времена македонские военачальники, принимавшие участие в этом сражении, а потом, в качестве преемников Александра, разделившие его царство и боровшиеся за него, вводили в свои войска слонов в еще большем количестве, то из этого можно вывести заключение о ходе сражения. Очевидно, на македонян произвела очень сильное впечатление боеспособность и пригодность слонов в военном деле, и победа им далась не так легко. Когда мы читаем у Диодора, что македоняне потеряли 280 всадников и более 700 пехотинцев, то мы верим этим данным больше, чем арриановым. Почти тысяча убитых и, конечно, несколько тысяч раненых на войско в 11 000 чел. указывают на чрезвычайно жестокое сражение. Известное влияние, должно быть, имели македоняне, переправлявшиеся через Гидасп в тылу у индийцев, даже пока они еще не вмешались в бой; может быть, цифра потерь относится и к этим частям, так как они принимали участие

в преследовании противника, и должна быть вычтена из потерь главных сил.

1. Описание боя у Плутарха опирается на письмо самого Александра, которое его биограф передает косвенной речью. Но подлинность этого письма оспаривалась, и Ад. Бауэр в своем весьма тонком исследовании («Festgaben für Büdinger», Innsbruck 1898) указал, что в некоторых местах письмо это расходится с сообщениями Арриана (который в свою очередь передает не отличающееся по существу описания Птолемея и Аристобула), а именно в том смысле, что будто бы Александр предвидел все. Особенно это касается перехода через Гидасп со всеми промежуточными событиями, которые нами опущены. Но, говорит Бауэр, талант полководца заключается совсем не в том, чтобы предвидеть все случайности, а в том, — и Александр блестяще доказал это, — чтобы при неожиданных событиях быстро принимать нужное решение. Письмо, которое хочет польстить Александру, написано безграмотным в военном отношении человеком. Оно, конечно, написано не самим Александром, а составлено каким-нибудь придворным, которому сообщения Аристобула и Птолемея были известны, но казались недостаточными.

Если речь идет действительно о личном письме Александра, то его надо признать или фальшивым, или оно сильно говорит не в пользу своего автора. Но подделка, по-моему, не очень вероятна, так как, с одной стороны, неоспорима связь с сообщениями, которые мы находим у Арриана, взятыми из Птолемея, а с другой стороны, в письме есть несколько своеобразных оборотов, говорящих об истинном знатоке. Когда, кем и с какой целью была совершена эта подделка? Опубликовал ли Птолемей при жизни Александра повествование, которое он потом перенес в свою историю, или спустя целый век кто-то захотел польстить умершему царю, подделав письмо?

Мы преодолеем все эти затруднения, если будем считать это письмо подлинным, но не личным письмом самого Александра, а своего рода бюллетенем, написанным кем-либо из приближенных секретарей царя. То, что Бауэр проницательно отметил как характерную черту письма, — именно, необычайное предвидение Александра, — как раз и есть стиль официальных военно-исторических сообщений. Если только рассмотреть с этой точки зрения современные труды генеральных штабов, хотя бы и написанные офицерами, — и даже мемуары с о. св. Елены о 1796 г., а особенно официальные французские отчеты о походе 1800 г., то и в них можно найти много похожего.

Военное искусство трудно именно потому, что оно вынуждено действовать во тьме неизвестности или полуизвестности и что даже проницательный взор величайшего полководца не может вполне проникнуть в эту тьму. Но этим положением никогда не надо хвастать перед общественным мнением, — им можно только извинять ошибки. Самый удобный способ внушить публике мнение о гениальности полководца — это показать ей, как последний все предвидел и рассчитал наперед. Мы не переступим известных границ, если будем считать, что Александр действительно выпустил этот бюллетень под своим именем, хотя и придал сообщениям окраску, о которой мы говорили.

2. По Арриану, слоны Пора стояли на дистанции 1 плетрона (100 футов), и поэтому Рюстов и Кёхли рассчитывают длину боевой линии в 1,25 мили (ок. 9 км). У Александра, напротив, фронт был совсем короткий — только до двадцатого слона; его боевой план заключался в том, чтобы сначала разбить только одно—именно левое — крыло индийцев. В наших источниках указаний на такой фланговый бой не имеется; непонятно, почему остальные 180 слонов не ударили македонянам во фланг, да и в изложении Рюстова и Кёхли ничего не говорится о фланговом бое. Но каким образом македонское войско численностью в 11 000 чел. растянулось на

1,25 мили? Решение этого вопроса можно найти только в том, что у Арриана сильно преувеличено как число слонов, так и промежутки между ними. Даже с Птолемеем (который присутствовал при сражении) могло случиться, что он по первому впечатлению оценил расстояние между слонами в 1 плетрон, не уяснив себе, какого протяжения достигнет тогда вся боевая линия. Полиэн (IV, 3, 22) в описании боя, который может служить примером и предупреждением против ненадежных источников, дает расстояние между слонами в 50 футов (15 м).

3. Изображение хода боя, данное мною здесь, существенно отличается от обычных изображений несколько иным толкованием кавалерийского боя на обоих флангах и связанного с этим тылового нападения. Речь идет о разрешении неясности в изложении Арриана.

Александр, говорит он, обратил главные силы своей кавалерии против левого крыла противника. Одновременно он послал Койноса с двумя гипархиями против правого крыла с тем, что, если варвары пойдут против Александра, он должен ударить им в тыл. Спрашивается, как Койнос мог бы это сделать, если бы он стоял на другом крыле? Не мог же он объехать кругом всю боевую линию неприятеля? Поэтому Рюстов и Кёхли считают, что он был послан не против правого крыла неприятеля, а на внешнее правое крыло македонян, и Бауэр пытался объяснить фразу Арриана тем, что отнес слово «δεξιόν» к индийцам, но истолковал все как ложный маневр: Койнос будто бы двинулся в том направлении, но затем повернул и поддержал Александра.

Мне это толкование как в языковом, так и в смысловом отношениях кажется непонятным. Фраза ясно гласит [1]: как Александр пошел против левого, так Койнос — против правого крыла врага. Но если Койнос должен был напасть с тыла на индийских всадников, шедших навстречу Александру, то он должен был торопиться и не мог произвести демонстративного маневра, который не имел никакого смысла, а Арриан не пропустил бы, что от ложного маневра против правого крыла противника Койнос перешел в истинное наступление на левое крыло. Кроме того, македонская фаланга безусловно имела на своем левом крыле кавалерию.

Остается только признать, что повествование Арриана заключает в себе неразрешимое противоречие. Наполовину замазывать это противоречие искусственно притянутым толкованием—это ни к чему не приведет: ошибку надо установить и постараться ее устранить. И это не так трудно, даже без помощи других источников.

Несомненно, Александр на обоих крыльях своего войска имел кавалерию. Кавалерией одного крыла командовал сам Александр, кавалерией другого — Койнос. На обоих крыльях конница македонян численно превосходила противника. Арриан рассказывает далее о правом крыле так: Александр послал против неприятеля своих конных лучников. Значит, Александр напал на индийских всадников со своей гвардией с фланга, в то время как с фронта они были атакованы конными лучниками.

До сих пор все ясно. «Затем, — продолжает Арриан, — Койнос появляется в тылу у индийцев, и они вынуждены образовать двойной фронт против него и против Александра». Вот здесь и кроется путаница. Ведь Койнос находится на другом крыле, а индийцам и без того пришлось образовать двойной фронт — против гетэров и против конных лучников; если бы с тыла еще подоспел Койнос, то им пришлось бы биться тройным фронтом.

Тут не может быть ничего иного, кроме того, что Арриан был невнимателен и плохо понял свои источники. Койнос не имел никакого отношения к бою на этом крыле. В источниках, очевидно, было написано, что как на крыле Александра, так и на крыле Койноса был произведен обход неприятеля и нападение одновременно с фронта и с фланга, что означает также нападение с тыла, если противник не

[1] С этим согласен и Керст (Kaerst, Philologus, т. 56, стр. 412).

произвел одновременно встречного движения. Обход, который Койнос произвел на своем крыле, Арриан перенес на крыло Александра.

Если мы в этом смысле исправим текст Арриана, то он не только станет ясным, но и будет совпадать с бюллетенем, в котором определенно говорится, что Александр на одном, а Койнос на другом крыле напали на противника, который был разбит на обоих крыльях и отступил к слонам.

Это свидетельство является решающим, если только не считать бюллетень подделкой, для чего нет решительно никаких оснований.

Путаницу, которую произвел Арриан смешением правого и левого крыльев, можно не только констатировать, но думаю, что, идя далее, можно установить, откуда она произошла. Бюллетень (в косвенной речи у Плутарха) передает приказ Александра следующими словами: «Сам он атакует один фланг, а Койносу приказывает напасть на правый». Если бы эти слова стояли отдельно, то в их значении сомневаться бы не пришлось, и их перевели бы так: «Царь сам атаковал одно крыло, приказав Койносу напасть на другое». Согласно этому, значит, Александр сам вел правое, а Койнос — левое крыло. Но вся фраза звучит так: «Опасаясь зверей (слонов), а также многочисленности врага, он сам нападает на один фланг, а Койносу приказывает атаковать другой». Значит, построение крыльев особо мотивируется, т. е. оно не походит на обычное: «Из опасения слонов и большого числа врагов» царь сам берет на себя одно, а Койнос другое крыло; это не имело бы смысла, если бы в построении крыльев не случилось нечто необычайное. Но в представлении всех греков Александр командует правым крылом и атакует левое крыло неприятеля.

Если же вместо этого он атаковал бы правое крыло противника, то слово «другое» и все слова, относящиеся к Койносу, можно прекрасно толковать так, что он должен не «атаковать правое крыло» (противника), а «атаковать правым крылом» (своим). Большинство толкователей ради буквального смысла этой фразы и ради согласования с Аррианом переводило это место в первом смысле, но некоторые также и во втором, причем для последнего можно найти очень существенное обоснование. Индийцы опирались левым крылом на реку, и если бы они были здесь разбиты, они могли бы отступить в поле. Если бы их обошли и разбили на правом крыле, то главные силы войска оказались бы прижатыми к реке и отрезанными. Каждая победа в этом месте должна была немедленно сильнейшим образом повлиять на моральное состояние всего индийского войска. Александр, взяв на себя командование левым крылом, выбрал тем самым для себя позицию, которая одновременно была наиболее опасной и на которой он мог оказать наибольшее влияние, причем с самого начала он повел сражение, имея в виду полное уничтожение врага, что ему и удалось, вплоть до взятия в плен самого Пора и наиболее ценной части его войск — слонов. Пор, вероятно, ожидая, что царь македонский по обыкновению поведет правое крыло, сам стоял на левом.

О том, что Александр в этом сражении действительно командовал левым крылом, у нас имеются еще указания.

По Курцию, Александр отдает приказ:

«Пока я в сопровождении Птолемея, Пердикки и Гефестиона буду наносить удар левому флангу противника... ты направляйся к правому флангу и, приведя неприятеля в замешательство, атакуй его». Но дальше говорится: «На левом фланге получилась невообразимая каша».

Таким образом, Курций сам себе противоречит. Очевидно, правилен не первый, а второй отрывок. Ведь ясно сказано, что к полкам, которые хотел вести Александр, принадлежал также полк Пердикки. Но в бою, который Александр перед настоящим сражением дал отдельному отряду Пора, Александр послал Пердикку с его всадниками против правого крыла неприятеля (VIII, 47, «Perdiccam cum equitibus in dextrum cornu hostium emisit»). Мало вероятно, что именно те всадники,

которые уже вели бой на левом крыле, потом участвовали в обходе крайнего правого крыла.

Против нашей трактовки говорит то, что бюллетень совершенно не указывает на выдвинутые нами причины как основание для перемены приказа, а только в общих чертах говорит о слонах и численности противника. Это совершенно не может нам помочь: разве может против слонов и многочисленности противника принести помощь то, что один военачальник командует одним крылом, а другой — другим? Можно было подозревать, что Плутарх неточно излагает и что необычайность в приказании Александра заключалась в том, что, как сообщает Арриан, оба кавалерийские крыла поспешили вперед, в то время как фаланга сначала держалась позади. Но если мы будем считаться с представлениями греков, которые были и у автора бюллетеня, то не исключается возможность, что Плутарх передает содержание вполне правильно. Истинное стратегическое основание того, почему Александр на этот раз командует левым крылом, для бюллетеня слишком тонко и сложно. Автору кажется наиболее важным дать впечатление колоссальной опасности и необычайных достижений. В обычном сражении царь командует правым крылом, которое состоит из лучших частей, и, как правило, побеждает. Но при такой численности противника и при той опасности, какую представляло участие в сражении слонов, могло случиться, что неприятель тоже победит на своем правом крыле, а потому царь должен был взять на себя лично встречу с противником на этом опасном участке.

Быть может (хотя определенно тут ничего сказать нельзя), в этом и был первоначальный смысл. Но вследствие того, что слова бюллетеня были так неопределенны и двусмысленны, авторы уже давно находились в нерешительности, и как Курций, так и Арриан совсем запутались. Курций прямо противоречит себе: у него в одном месте на правом крыле ведет атаку Александр, а в другом — Койнос; Арриан комбинирует атаки обоих крыльев в одну, а потому совершенно упускает из виду левое крыло.

Глава VI
Александр как полководец

Между греческими государствами происходило бесконечное число сражений как на воде, так и на суше. Эти государства имели друг на друга, так сказать, только отрицательное, разрушительное, препятствующее прогрессу влияние. Крупная держава образоваться этим путем не могла. Поражение афинян в Сицилии и морское сражение при Эгоспотамосе ликвидировали господство Афин, но Спарте дали только руководящую, а не господствующую роль. Внутренние силы самой Спарты были для этого еще менее достаточны, чем внутренние силы Афин. Даже такие победы, как победа Агезилая при Коронее, не имели существенных положительных последствий, — совершенно так же, как и победа Эпаминонда при Левктрах и Мантинее,— потому что как войскам, так и государствам нехватало сил закрепить одержанные на поле сражения победы новым, прочным строем. Приходится преклониться перед мудростью Перикла, который, несмотря на избыток сил своих Афин, не дал увлечь себя сокрушительной и завоевательной стратегией и не хотел одерживать бесполезные победы. Невероятные успехи обоих македонских царей стали возможны только тогда, когда для этого были готовы все средства. Не только

фаланга гоплитов, говорит Демосфен афинянам «Филиппики», III, 123, § 49), но и легкая пехота, лучники и всадники — все участвовали в войнах Филиппа. Прошли те времена, когда, как при отцах, спартанцы летом 4 или 5 месяцев находились на полях сражений, нападая на соседей, а зимой снова расходились по домам. Если царь Филипп не встречал противника в открытом поле, он шел на осаду со своими машинами. Зимы и лета для него не существовало,— он шел, куда хотел. Словом, подводя итог, можно сказать, что профессиональное войско заменило ополчение. В течение всей своей жизни, упорно работая и продвигаясь шаг за шагом, царь Филипп завоевал и оставил своему сыну власть, которая могла позволить развернуть самые широкие планы, а с развитием средств, с экстенсивным и интенсивным увеличением военной мощи, и военное искусство, изменив свой облик, приняло другие формы. Александр не только побеждал на поле сражения, но умел также и использовать эту победу. Непосредственное преследование разрушало боевую мощь противника; политико-стратегическая комбинация подчиняла победителю страны, служившие базой для новых походов. Рейды македонской кавалерии с целью преследования противника, а также марши сквозь горы и пустыни были не меньшими военными достижениями, чем самые сражения и разрушение крепостных стен [1]. При преследовании противника к Гавгамеле много лошадей пало от истощения.

Александр был не только великим полководцем, но и полководцем большого стиля. К тому же он был велик не только этим.

Он занимает совершенно обособленное место тем, что соединяет в своем лице покорившего мир стратега с непревзойденно храбрым рыцарем-бойцом. Он искусно подводит войско к противнику, преодолевая препятствия местности и проводя его сквозь теснины; по-разному, в зависимости от обстоятельств, комбинирует различные роды войск для наиболее сильного совместного действия; обеспечивает стратегически свою базу и коммуникации, заботится о снабжении, выжидает, пока подготовка и снаряжение заканчиваются, бросается вперед и преследует после победы до полного изнеможения; и этот же самый человек во всех боях действует во главе своих всадников мечом и копьем, врывается во главе штурмовой колонны в брешь или первый взбирается на стену неприятельской крепости. Это единственный момент в развитии военного дела, когда элементы ведения войны еще настолько близко соприкасаются друг с другом, что полководец по своей сущности является одновременно и бойцом; стратегические и тактические действия так просты, что от Мильтиада и Лео-

[1] Дройзен (Droysen, Untersuchungen, стр. 66) восстановил огромные переходы Александра. Но отдельные его данные о времени и пространстве я бы не хотел повторять. Оценка расстояний весьма произвольна, а также сомнительно, всегда ли правильно указано время. Шварц в своем весьма ценном, основанном на личном знании страны и населения очерке «Походы Александра в Туркестан» (1893 г.) установил не без основания, что поход, который, по Арриану (IV, 6), Александр сделал в 3 дня, был сделан от Ходжента до Самарканда. Арриан считает расстояние в 1 500 стадий, т. е. 275 км, что составляет 37,5 миль, а современные измерения дают действительно 278 км. Но сделать такой переход в 3 дня не в силах даже самое отборное войско.

Арриан (III, 15) рассказывает, что Александр в вечер боя при Гавгамеле дошел до Ликоса (Заба), а на следующий день до Арбелы, которая лежит в 600 стадиях, т. е. в 15 милях, от поля сражения. С достаточной уверенностью можно сказать, что расстояние было приблизительно вдвое меньше, но и это все же является огромным достижением.

нида до Эпаминонда это единство даже не приходится особенно подчеркивать. При Филиппе и окончательно при Александре руководство военными силами выросло в органическую функцию такой сложности и многогранности, что она отделяется от личных боевых качеств. И величайшее восхищение вызывает Александр тем, что он неисчерпаемой силой и уверенностью своей личности еще поддерживает это единство. Гениальным оком провидца он видит и учитывает все новые потребности и возможности, которые требуют и дают новые условия — состав и численность войск, протяженность и природа покоренных стран. Справедливо подчеркивают всегда, как он учел и использовал преимущества преследования после победы, которые совершенно были недоступны греческим гражданским полководцам [1]. Спартанцы в Пелопоннесскую войну не могли и думать об осаде Афин; Александр же дополняет победу при Иссе 7-месячной искусной осадой и штурмом Тира. В Индии перед ним встает задача: победить новый род оружия — слонов — и перед лицом этой угрозы перейти водную преграду. Он сумел ее разрешить и всегда во всем участвует лично, не думая о том, что если в пылу сражения его постигнет участь рядового воина, то все его дело может погибнуть вместе с ним.

Здесь же я хочу указать, в каком пункте единство руководства и действия, которое еще поддерживает Александр, необходимо должно нарушиться. Это произойдет тогда, когда выступит принцип тактических резервов. Александр может еще лично броситься в самый бой, потому что с сигналом к наступлению прекращается деятельность полководца; на войска, которые уже вступили в бой, полководец имеет мало влияния. Но и у Александра мы находим некоторое руководство во время боя; победоносное крыло не должно слепо преследовать разбитого противника, но должно сначала устроиться и помочь отставшему крылу, если оно еще сражается. Но это уже не является действием главнокомандующего, а лежит в области управления отдельными войсковыми частями и может быть связано с личным участием в бою. Только принцип оставления резервных частей, для которых время и место вступления в бой определяет сам полководец, исключает, как правило, личное участие его в бою.

1. Незадолго до своей смерти Александр, согласно изложению Арриана (VII, 23), предпринял полную реорганизацию своего войска. Он создал новую фалангу глубиной в 16 чел., в которой три первые и последняя шеренги состояли из македонян в их национальном вооружении, а 12 средних — из персов с луками и дротиками. Удивительное доказательство власти буквы оказывается в том, что современные ученые все время повторяют этот абсурд и пытаются строить остроумные гипотезы на тему о том, чего Александр хотел достигнуть этим построением и как надо представить себе реальное его выполнение. В качестве извинения можно привести «Киропедию», в которой Ксенофонт, как мы видели выше, тоже приводит такую схему сочетания оружия ближнего и дальнего боя. У какого бы писателя

1 Конечно, то, что преследование увеличивает и дополняет победу, — идея не совсем новая. После Платеи мантинейцы собираются преследовать персов до самой Фессалии (Геродот, IX, 77). После победы у Делия беотийские всадники и легкая пехота преследовали афинян, пока тех не укрыла ночь (Фукидид, IV, 96). Также Алкивиад с всадниками и гоплитами преследует разбитых персов («Hell.», I, 2, 16). Дердас преследует побежденных олинфян 90 стадий («Hell.», V, 3, 2). Кроме того, см. у Лирса, стр. 184. Но все это — исключения, которые не могут итти в сравнение с преследованиями Александра. Теоретически уже Ксенофонт в «Киропедии» (V, 3) советует преследовать врага, добавляя, что не все войско надо употреблять на это дело, но некоторую часть всегда держать наготове в боевом порядке.

Арриан ни позаимствовал свои сведения, ясно видно: речь идет опять об одном из тех доктринерских построений, которые мы так часто встречаем в военной истории даже у практиков, несмотря на то, что при применении на деле оно сразу оказывается негодным, и ни в одном историческом сражении мы не видим даже попытки проведения такого плана в жизнь.

В «Тактике» Арриана-Элиана (III, 4, 3)[1] также имеется утверждение, что легковооруженная пехота может стрелять из лука, метать камни и дротики через фалангу в 16 чел. глубиной.

Глава VII

Диадохи

Из мирового государства Александра выросло несколько небольших государств, основанных его военачальниками. Эти государства представляют собой то, что мы могли бы назвать военной монархией, — термин, еще не применимый к власти Александра. Наибольшее из этих государств — Сирия — лишено каких-либо естественных, национальных или географических основ; Египет хотя и не имеет национального единства, зато обладает географической базой; наконец, Македония сохраняет отчасти характер национального государства.

Войска этих государств по большей части состоят из наемников; большой приток варваров в большей или меньшей степени ассимилируется греко-македонской основой. Качество войск значительно падает, ибо отблески героической романтики, падавшие на воинов от личности и мировых завоеваний Александра, теперь потухли, а ведение войны свелось к лишенным всякой идеи междоусобным сражениям мелких царьков и было поставлено на деловую ногу. Но наемные войска как войска профессиональные обладают все-таки настоящей добросовестностью и выучкой, и мы не можем не признать этой тщательной выучки за эллинистическими войсками в течение полутора веков после Александра. Источники определенно свидетельствуют о наличии инструкторов строевого дела и тщательном обучении [2].

Первоначальный размах в военном деле, принесенный македонянами еще из полуварварских времен или данный им двумя великими их царями, теперь возмещается искусной военной выучкой. Часть наемников образует постоянное войско [3].

---

[1] Köchly und Rüstow, Griechische Kriegsschriftsteller, II Teil, 1 Abt., S. 270.

[2] Дройзен (стр. 155) делает на основании этого тщательного обучения неправильный вывод об ухудшении солдатского состава. Скорее это указывает на энергию, с какой проводилось военное воспитание, на крепкий военный дух. Мысль, высказанная им на стр. 132, что по мере того как росло войско, ухудшался его состав, тоже неосновательна. В огромных владениях диадохов пригодный для военной службы материал едва ли исчерпывался 100 000 человек, и «пираты» могли быть прекрасными солдатами.

[3] Афиней (V, 35, 202 и сл.) говорит о наборе, произведенном в Александрии около 275/4 г., когда в состав войска вошло 57 600 пехотинцев и 23 210 всадников.

Аппиан (в «Prooemium», гл. 10) сообщает, что Птолемей II имел к концу своего царствования войско в 200 000 чел. пехоты, 40 000 всадников, 300 слонов, 2 000 боевых колесниц, 1 500 военных и 2 000 грузовых кораблей.

Пауль М. Мейер (Paul M. Meyer, Das Heerwesen der Ptolemäer und Römer in Aegypten, стр. 8) принимает эти цифры. Но нетрудно установить, насколько они

Эта эпоха ставит вопросы военного искусства в трех плоскостях. Первый из них — вопрос о слонах.

Этот новый род войск является центральной проблемой эпохи. Как он был введен в уже готовый военный организм? Как его комбинировали с пехотой и кавалерией? Как далеко простиралось влияние нового элемента на функции прежних? Как протекало сражение, когда с обеих сторон имелись слоны?

Второй проблемой является внутреннее развитие фаланги, постепенное удлинение сариссы.

Третий вопрос — это развитие взаимоотношений различных родов войск. Кёхли и Рюстов выдвинули положение, по которому кавалерия постепенно становится единственным решающим родом войск; она постепенно развивается все больше, и фаланга, собственно говоря, не участвует в сражении, а только выжидает исхода кавалерийского боя и подчиняется ему.

Непосредственно из военной истории тех времен можно мало что вывести. У нас, правда, имеется достаточно рассказов (Диодор и Плутарх), но они в высшей степени недостоверны. Хотя многое в них может быть правильно, но правильное в них нельзя с уверенностью отличить от ложного. Многие факты кажутся достаточно достоверными, чтобы просто пересказать их, но они недостаточно достоверны, чтобы сделать из них выводы, нужные нам для нашей цели.

Вопрос о слонах мы разберем после того, как просмотрим все дальнейшие сражения, в которых участвовали эти животные, вплоть до последнего сражения — сражения при Тапсе.

Вопрос о сариссах мы тоже будем обсуждать там, где столкнемся с ним практически, особенно при последних сражениях македонян с римлянами. Эпирского царя Пирра, который принадлежит в военном деле к последователям Александра Македонского, тоже лучше всего касаться в связи с историей военного искусства у римлян.

Третий вопрос, о взаимоотношении пехоты и кавалерии, мы можем разрешить, просто оставив его в стороне. Дело в том, что при ближайшем исследовании первоисточников предположение Кёхли и Рюстова оказывается несостоятельным; численное взаимоотношение со времени Александра существенно не изменилось.

Значит, исключая слонов и удлинение сарисс, македонское военное дело не изменилось в основном со времен Александра, и мы из этого можем вывести заключение, что греческие государства, самостоятельность которых была довольно непрочной, подражали усовершенствованному военному искусству македонян и переняли у них даже сариссу.

Удивительно то, что когда галлы напали на страну, преемникам Александра оказалось не под силу с ними бороться. Дело было не в личностях; скорее можно сказать, что искусство и выучка в военном деле просто не выдержали естественного натиска храбрых и решительных варваров. Только огромная мощь сирийского царя Антиоха I с его слонами удержала напор галлов. Предание передает его слова: «Мне стыдно, что мы обязаны своим спасением этим 16 животным». Но о подробностях этих событий мы недостаточно осведомлены.

преувеличены. Надо только представить себе 57 600 пехоты и 23 210 всадников проходящими по улицам города. Если в Египте тогда было 3—4 млн. населения (Beloch, Bevölkerung, стр. 258) или 7 млн., как указывают источники, с мнением которых согласен Ульр. Вилькен (Ulr. Wilcken, Griech. Ostraka aus Aegypten und Nubieh, стр. 490), то постоянное войско в 240 000 составляло от 3,5 до 7% всего населения. Даже пятая часть приведенных цифр была бы достаточно велика.

1. Мнение Рюстова и Кёхли, что конница росла в то время и по значению и по числу, уже Бауэром не принималось во внимание. Дошедшие до нас цифры (Дройзен, стр. 134) устанавливают соотношение пехоты и кавалерии, как и в войсках Александра, в пропорции 5—7 к 1. Отклонения в ту или другую сторону могли быть обусловлены особыми обстоятельствами, о которых мы можем высказывать более или менее вероятные предположения. При этом совершенно отпадает вопрос, который ставит Дройзен на стр. 154, не найдя на него ответа, именно: почему в более поздние эллинистические времена фаланга снова приобретает такое большое значение, тогда как конница свое значение теряет.

Для лучшего обзора я свожу дошедшие до нас цифры в общую таблицу, хотя и не хочу этим сказать, что все они абсолютно верны.

Год			Пехота	Всадники	Слоны
322	Краннон	македоняне	43 000	5 000	—
		греки	25 000	3 500	—
321	Эвмен против Кратерия	Эвмен	20 000	5 000	—
		Кратерий	20 000	2 000	—
321	У Оркинии	Антигон	10 000	2 000	30
		Эвмен	20 000	5 000	—
319	Антигон		60 000	10 000	30
319	Кретополис	Антигон	40 000	7 000	—
		Алкетас	16 000	900	—
317	Паретакене	Антигон	28 000	8 500	65
			или на несколько тысяч больше	(10 300)	
		Эвмен	35 000	6 100	114
				(6 200)	(125)
316	Габиена	Антигон	22 000	9 000	65
		Эвмен	36 700	6 050	114
314	Деметрий		13 000	5 000	40
312	Газа	Птолемей	18 000	4 000	—
			и легкая пехота		
		Деметрий	12 800	5 000	40
312	Деметрий		15 000	4 000	—
306	Антигон		80 000	8 000	83
302	Деметрий		56 000	1 500	—
	Кассандр		29 000	2 000	—
301	Ипс	Союзники	64 000	10 500	400
				(12 000)	(480)
		Антигон	70 000	10 000	75
288	Деметрий		98 000	12 000	—
222	Селлазия	Антигон	28 000	1 200	—
		Клеомен	20 000	всего —	—
217	Рафия	Птолемей	70 000	5 000	73
		Антиох	62 000	6 000	102
197	Киноскефалы, Филипп		23 500	2 000	—
171	Персей		39 000	4 000	—

2. В сражении при Кранноне (Диодор, XVIII, 17) греческая кавалерия победила македонскую, хотя она состояла из 3 500 всадников против 5 000 македонян. Но греческая пехота, численностью в 25 000 чел., была опрокинута македонской, насчитывавшей 43 000. Греки, надеясь на боеспособность своих всадников, поставили их впереди фаланги («перед фалангой пеших»). Греческая фаланга отступила на более высоко расположенную местность и этим отразила натиск враждебной фаланги.

Победоносная греческая конница повернула назад, когда увидела отступление своей фаланги, но не вмешалась в сражение. Все это чрезвычайно неясно.

3. Диодор и Плутарх рассказывают об Эвмене. Он в мудром предвидении обеспечил себя многочисленной, хорошо обученной конницей; с ней он победил сначала Неоптолема, причем разбил также его фалангу, после того как та, победив его пехоту, расстроила свой боевой порядок. Во втором сражении дело не доходит до столкновения с пехотой, так как Эвмен, разбив кавалерию противника благодаря своему численному перевесу (5000 против 2000), завязывает переговоры с неприятельской фалангой, чтобы склонить ее к переходу на свою сторону.

4. Бой при Оркинии не может дать ничего для истории военного искусства, так как успех был достигнут в результате предательства.

5. У Кретополиса Антигон имел такой большой перевес, а описание Диодора так мало наглядно, что для истории военного искусства и тут материалов не найти.

6. Диодор дает очень подробное описание (XIX, 27—31) сражения при Паретакене между Антигоном и Эвменом (317 г.); однако, я сомневаюсь, насколько все это описание можно считать исторически верным. Не останавливаясь на подробностях, я укажу сейчас те пункты, которые заставляют меня подозрительно относиться ко всему повествованию, не говоря уже об общей ненадежности этого источника. Диодор указывает силы довольно точно, но, как уже заметили Рюстов и Кёхли, цифры не совпадают между собой (примеч. к стр. 371).

Эвмен будто бы построил перед своим левым крылом уступом 45 слонов с лучниками и пращниками в интервалах [1].

Рюстов и Кёхли считают этот уступ за уступ, вынесенный вперед. Это возможно, но едва ли целесообразно. Выдвинутый вперед уступ, если только он не упирается флангом в непроходимую местность, всегда может быть обойден.

В центре стояла пехота, на правом крыле — опять кавалерия и перед ней 80 слонов с легковооруженными. Спрашивается: почему слоны стояли на одном крыле уступом, а в центре и на другом крыле — впереди остальных войск? Как могла действовать фаланга позади тех 40 слонов, которые были ей приданы? Должна ли она была, двигаясь за ними, атаковать неприятельскую фалангу, когда она будет расстроена слонами? Антигон будто бы тоже ставил слонов впереди своей фаланги. Но в описании боя мы ни слова не находим о слонах обеих сторон: фаланги наступают друг на друга, как всегда. Антигон обращает внимание на то, что правое крыло противника было особенно сильно благодаря слонам и лучшим всадником. Но из собственного рассказа Диодора видно, что большая часть слонов и значительный перевес всадников были именно на другом крыле.

Антигон тоже построил, подобно своему противнику, всадников всего левого крыла уступом [2]. Рюстов и Кёхли рассматривают этот уступ как осаженный назад. Антигон шел в наступление косым строем, с выдвинутым правым крылом. Несмотря на это, наступление было начато не этим, а отставшим левым крылом. Оно состояло, главным образом, из легкой кавалерии, которая, боясь прямо итти на слонов, попыталась напасть на неприятеля с фланга. Так как Эвмен со своей тяжелой кавалерией не мог равняться с ними, то он взял в подкрепление легкую кавалерию с другого крыла. Спрашивается, почему он не направил своих слонов, которые были у него под рукой, против неприятельских всадников, а в особенности,—как он решился так ослабить свое левое крыло, которое было под наибольшей угрозой наступающего крыла противника.

С помощью этого подкрепления, в котором действуют и слоны, но только «следуя» (ἐπακολουθούντων) за войском, Эвмен побеждает левое крыло противника;

---

[1] «Перед ними он на загнутом фланге расставил 45 слонов, а в промежутках между слонами поставил достаточное число стрелков (лучников) и пращников».

[2] «У левого крыла... он загнул фланг».

точно так же его фаланга, имея численный перевес (35 000 против 28 000), побеждает фалангу противника.

Во время этого сражения нападающее — якобы продвинутое вперед — крыло Антигона держалось совершенно пассивно. Надо было бы полагать, что победоносное войско Эвмена под превосходным его руководством выделит несколько отрядов в тыл и во фланг еще стоящего на месте неприятельского крыла, дабы закончить победу. Вместо этого Диодор повествует нам о том, как победоносные войска Эвмена занимаются исключительно преследованием разбитого противника; левое крыло остается на месте, так что боевой порядок нарушается и получается разрыв. В эту брешь врывается Антигон со своими всадниками и разбивает до тех пор пассивное, ослабленное отделением от прочих войск крыло противника; получив это известие, его разбитое войско останавливается, а Эвмен возвращает своих солдат из наступления. Каким образом вышло, что частичная победа одной девятой всего войска, при восьми девятых, обращенных в полное бегство, решила победоносный исход сражения, — совершенно неясно. При превосходной дисциплине своих войск Эвмен мог бы еще из преследования отозвать несколько отрядов и противопоставить их Антигону.

И, наконец, уже совершенно непонятен и фантастичен последующий рассказ Диодора о том, как оба войска ночью идут на расстоянии 400 футов друг от друга.

7. В сражении под Габиеной (в 316 г.) Эвмен снова поставил 60 лучших своих слонов уступом перед своим левым крылом, а остальных, как и Антигон, поставил перед фронтом (Диодор, XIX, 40—43).

В кавалерийском бою левого крыла Эвмен, — и без того более слабый в отношении кавалерии, а к тому же предательски покинутый одним из корпусов, — был разбит наголову. Мы не находим сообщения о том, чтобы ему принес какую-либо пользу большой перевес в числе слонов. Мы слышим только, что слоны дрались друг с другом и что слон-вожак этой стороны пал в битве с противником.

В пехотном сражении решительно побеждает превосходящая своей численностью и качествами фаланга Эвмена: она без единой потери в своих рядах убивает 5 000 чел. в войсках противника. О слонах и легковооруженных, которые должны были стоять перед фронтом, вообще ничего не сказано.

О боях на другом фланге, на котором находилась конница и который удерживали оба противника, тоже ничего не сказано.

Собственно теперь должна была развернуться весьма своеобразная картина боя, так как на одной стороне была очень сильная и хорошо обученная пехота (36 700 чел.) и много слонов, а с другой стороны — кавалерия (9 000) и половинное число слонов. Перевес, несомненно, находился на одной стороне — именно у Эвмена, тем более что он имел в своем распоряжении еще часть кавалерии. Фаланга отбивает атаку кавалерии Антигона, образуя карре, но тут ход сражения внезапно нарушается, так как войска Эвмена предают своего полководца и выдают его противнику; Антигон во время сражения занял своей более сильной кавалерией лагерь Эвмена, где находились жены и дети солдат, и это будто бы изменило настроение воинов; однако, непонятно, почему их не двинули сразу на лагерь, чтобы очистить последний от вторжения, — тем более, что лагерь был расположен всего в 1 500 шагах за полем сражения.

8. Бой при Газе (312 г.) был бы весьма интересен в военно-историческом отношении, если бы до нас дошли сколько-нибудь достоверные описания. По единственному имеющемуся источнику (Диодор, XIX, 80—84), Деметрий имел перевес в кавалерии (5 000 [1] против 4 000) и в слонах (40 голов), которых у его противника

[1] Согласно гл. 69, у Деметрия было 5 000 всадников; но если сложить перечисленные в описании боя отдельные части, то выходит только 4 400 всадников.

Птолемея, совсем не было. Зато последний был гораздо сильнее в пехоте (18 000 против 11 000 тяжеловооруженных и «огромное количество» легкой пехоты против 16 000). Мы должны были бы ожидать сражения, подобного габиенскому. Сражение разыгрывается исключительно между левым крылом Деметрия, состоящим из всадников, 30 слонов и стрелков, и правым крылом Птолемея, состоящим из тех же родов войск, за исключением слонов. В них-то и был перевес Деметрия. Но Птолемей изобрел против слонов своеобразный способ обороны. Он выставляет перед своим правым крылом загородки, соединенные между собой цепями и окованные железом. Каким образом эти загородки должны были удержать слонов, ясно не сказано. Нельзя наопех сделать такой частокол, который смог бы удержать слонов. Дальше, при описании сражения, говорится о мягких ногах слонов и о том, что они натыкались на острия этого частокола. Тогда надо предположить, что речь идет о каких-то силках или, как предполагает Г. Дройзен, о перевернутых боронах, связанных цепями, чтобы нельзя было их убрать. Но χάραξ (кол) вовсе не имеет этого значения, а, кроме того, нам это толкование мало чем поможет. Расстановка и сковывание «борон» цепями производились ведь на глазах у неприятеля. Очевидно, всадники тоже видели это, а, следовательно, благодаря препятствию, какое представляет такая преграда не только для противника, но и для своих войск, конное сражение разыгрывается на внешнем крыле, причем обход войск Птолемея развивает его еще дальше в ту же сторону, с уклонением, таким образом, от «частокола». Только те, для кого он предназначен, т. е. слоны, — вместо того, чтобы сказывать свое всегдашнее действие на всадников, — идут прямо туда, где их ожидают. Тут их встречают легковооруженные с метательными снарядами, частокол или бороны задерживают их и ранят. Они попадают в плен; храбрых, побеждающих вначале всадников Деметрия охватывает страх, они обращаются в бегство, и сражение проиграно.

Все это описание — пустые россказни; из них нельзя ни слова взять для исторического изображения события.

Читая об искусственных препятствиях для слонов, можно еще представить себе то, о чем рассказывает Диодор (XVIII, 71). Но тут речь идет совсем о другом. Дамис, для того чтобы произведенную противником при осаде Мегалополя брешь в стене сделать недоступной для слонов, велит разложить доски, в которые вбиты крепкие гвозди, и слегка прикрывает их землей. Через них слоны, конечно, не могут пройти, но ведь тут речь идет об определенном участке при обороне, времени на эту работу было достаточно, и она могла вполне быть скрыта от противника.

9. О сражении при Ипсе (301 г.), кроме нескольких отрывков у Диодора (XXI, 1), имеется краткое сообщение у Плутарха («Деметрий», гл. 29). Союзники имели, при приблизительно одинаковой силе пехоты и кавалерии, большой перевес в слонах (400 или 480 против 75). Деметрий сначала разбил враждебную кавалерию и стал ее преследовать; когда же он повернул обратно, ему на пути стали слоны противника так, что он не мог ни напасть на фалангу противника, ни защитить фланг своей фаланги. Угрожаемая остатком кавалерии противника, фаланга Антиоха частью перешла к неприятелю.

Если верить этому описанию, то сражение при Ипсе было первым, которое было решено слонами. У Гидаспа, при Паретакене, при Габиене и Газе всегда терпит поражение та сторона, где больше слонов, да собственно и при Ипсе они не приводят к настоящему тактическому решению.

10. Победа Антиоха над галлами рассказана у Лукиана в «Зевксис или Антиох» (изд. Якобица, 1, стр. 398). Рассказ довольно подробен, но мало вероятен. У галлов будто бы имелись боевые колесницы; сирийское войско состояло большей частью из легковооруженных. Победу решают исключительно 16 слонов, вид которых со-

вершенно незнаком галлам. Лошади сразу поворачивают и врезаются с колесницами в ряды своих войск; общая паника охватывает варваров, и все войско погибает или попадает в плен.

СРАЖЕНИЕ ПРИ СЕЛЛАЗИИ (221 г.)

11. О сражении между спартанским царем Клеоменом и македонским царем Антигоном у нас есть подробное обстоятельное описание у Полибия (II, 65) и, кроме того, некоторые сведения в «Клеомене» и «Филопомене» Плутарха. Это сражение могло бы быть интересным с военно-исторической точки зрения, так как в нем участвовали различные роды войск — тяжелая и легкая пехота и кавалерия, причем все настолько искусно сочеталось с очень разнообразной местностью на поле сражения и с различными укреплениями, как ни в одном из предшествовавших античных сражений. Несмотря на это, я в 1-м издании настоящей книги только мимоходом коснулся этого сражения, так как при анализе описаний его у меня не получилось достаточно достоверной и ясной картины происходившего. У Полибия в причинной связи событий имеются пробелы, которые можно было заполнить только посредством сомнительных гипотез; многие отдельные места в его описании даже противоречат друг другу.

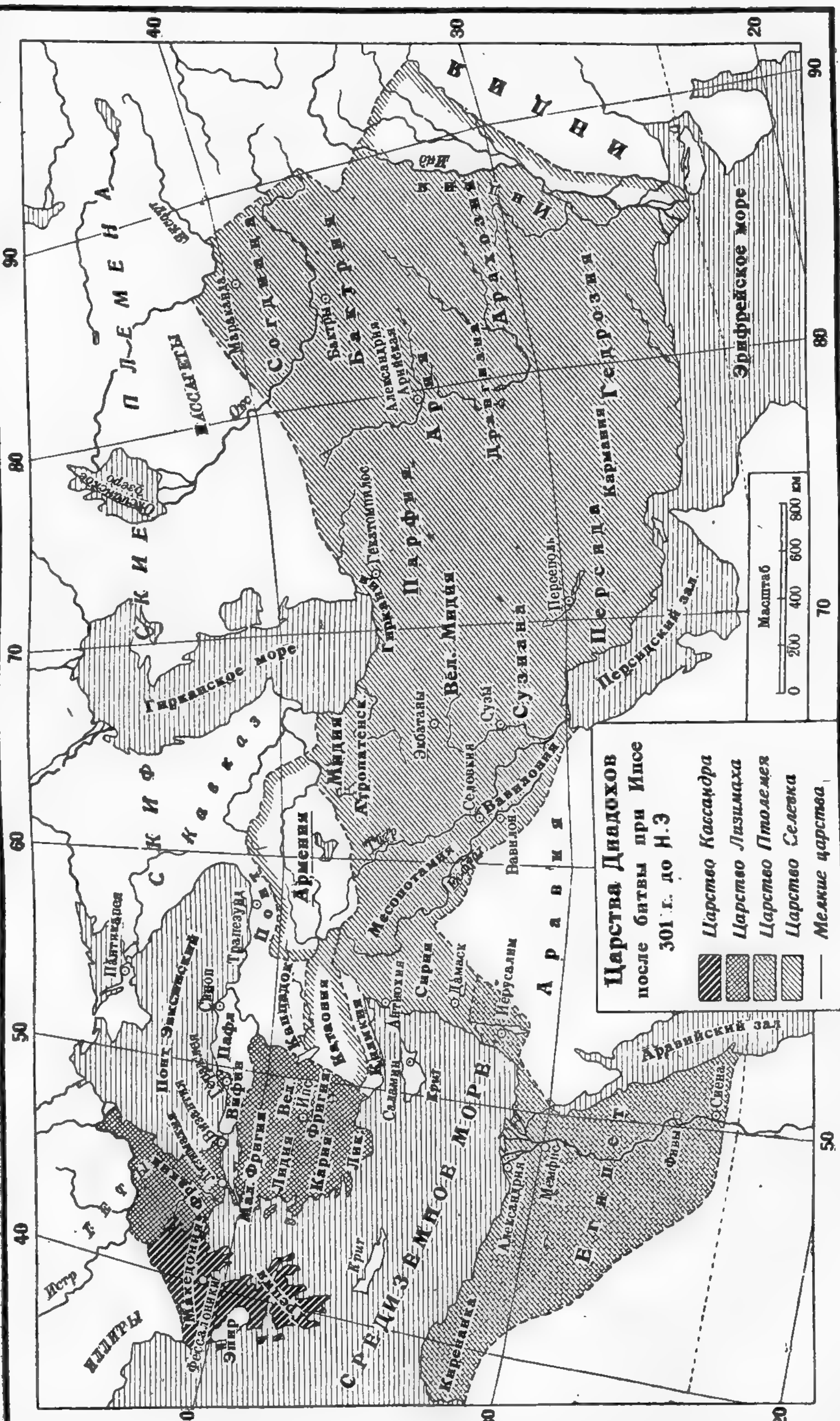
Положение с тех пор значительно улучшилось, так как Кромайер дал точное топографическое описание поля сражения, причем обнаружилась очень существенная ошибка в описаниях, на которые мне тогда приходилось опираться. Кроме того, многочисленные специальные исследования привели к совершенно другому толкованию многих мест из Полибия.

Собственные исследования Кромайера (Archäolog. Anzeig., 1900 г., стр. 204 и Antike Schlachtfelder, I, 199), к сожалению, перемешаны с такой массой совершенно неправильных военных представлений и суждений, что они больше затемняют и путают, чем разъясняют, и имеют ценность только в некоторых подробностях; также я не могу согласиться с остроумной реконструкцией сражения, произведенной Ламмертом («Jahrb. f. d. klass. Altertum», 1904 г., отд. 1, т. XIII, вып. 2—4); напротив, у Ролофа (Roloff, Problemen aus d. griechischen Kriegsgeschichte) верно исследовано все, что касается данного сражения,—особенно, если его дополнить в одном весьма важном пункте, а, кроме того, у него критически разобраны и отвергнуты все путаные места Кромайера [1]. Впрочем в основных выводах ничего в конце концов не изменилось: сражение в военно-историческом отношении особой роли не играет, а описание Полибия слишком неполно, чтобы с достоверностью представить себе связь событий. Все же достигнут существенный успех. На подробностях и противоречиях останавливаться не стоит, — я могу отослать интересующихся к труду Ролофа. Здесь я даю только общий обзор и включаю в него некоторые подробности, которыми я подтверждаю то, о чем я писал в 1-м издании (т. I, стр. 208 и т. II, стр. 11), или добавляю кое-какие данные к труду Ролофа.

Как рассказывает нам Полибий (II, 65), Клеомен защищал другие подступы вглубь страны небольшими заслонами, рвами и засеками; сам же он расположился со своим войском у Селлазии, где ожидал нападения противника. Это звучит так, как будто все другие подступы к Лакедемону были действительно заперты, а Антигон был ограничен только дорогой в Селлазию. На самом же деле такая страна, как Лакедемон, не может быть ограничена таким образом.

Очевидно, это место надо понимать так, что Клеомен на различных подступах, которые могли быть использованы противником, — особенно в долине

[1] В разборе книги Ролофа в «Berl. Philol. Wochenschrift» от 6 авг. 1904 г., стр. 992, Кромайер полагает, что разница между ним и Ролофом не так существенна. Но это только самообман, что и доказывает сам Ролоф в своем возражении на рецензию, помещенном в том же журнале.


Царства Диадохов
после битвы при Ипсе
301 г. до н.э.
Царство Кассандра
Царство Лизимаха
Царство Птолемея
Царство Селевка
Мелкие царства
Масштаб
0 200 400 600 800 км
Средиземное море
Гирканское море
Персидский зал.
Аравийский зал.
Эритрейское море
Египет
Аравия
Сирия
Месопотамия
Вавилония
Сузиана
Персида
Вел. Мидия
Парфия
Гиркания
Ария
Бактрия
Согдиана
Арахозия
Гедрозия
Кармания
Армения
Кавказ
Скифские племена
Массагеты
Индия
Македония
Фракия
Эпир
Иллиры
Понт Эвксинский
Каппадокия
Киликия
Крит
Кипр
Александрия
Мемфис
Фивы
Сиена
Киренаика
Иерусалим
Дамаск
Антиохия
Вавилон
Селевкия
Сузы
Экбатаны
Персеполь
Бактры
Мараканда
Синоп
Трапезунд
Истр

Эврота, — имел укрепленные посты и подготовленные к обороне пункты, а сам двинулся на позиции у Селлазии, в 12 км севернее Спарты, когда ему донесли о приближении Антигона по этой дороге.

Дорога на Спарту ведет здесь с севера через узкую долину; холмы, возвышающиеся с двух сторон, нелегко обойти; на холм справа (восточнее) — на Олимп — можно легко подняться. Его и занял Клеомен своей фалангой. Холм слева (Эва), у которого спереди и слева очень крутые скаты, он передал легковооруженным частям под командой своего брата Эвклида. В долине он расположил свою малочисленную кавалерию вместе с остальными легковооруженными. Через оба холма были проведены полевые укрепления со рвами, насыпями и палисадами. У Клеомена было около 20 000 чел., у Антигона же — 29 800, из которых 1 200 всадников, т. е. почти наполовину больше.

Для меня темным местом в этом расположении была долина. Укрепления как будто находились только на обоих холмах; так понимал это и Ролоф. Долина же, судя по описаниям путешественников и имеющимся картам, как бы они ни различались друг от друга, представлялась довольно широкой. Что же в таком случае могло помешать царю Антигону опрокинуть немногочисленных всадников и легковооруженных в долине, т. е. прорвать центр расположения противника, а затем развернуть оба крыла? Первые данные, опубликованные Кромайером, казалось, разъясняли вопрос: судя по ним, долина была очень узкой, почти ущельем, так как справа и слева над ней высились холмы. Но, как потом выяснилось, я сам сделал ошибку; хотя вся долина не шире 100 м, но холмы справа и слева настолько постепенно повышаются, что не может быть и речи о том, что они наверху командовали над окружающей местностью. Поэтому я не могу согласиться с Ролофом, когда он говорит, что прорыв в данном месте невозможен. Истинное решение заключается в том, что долина тоже была заперта укреплениями; буквальный смысл слов Полибия не противоречит этому; Кромайер также считал это толкование вполне возможным, но он только не сделал из него соответствующих выводов.

При такой предпосылке мы можем рассматривать расположение войск Клеомена как исключительно сильную оборонительную позицию. Когда Полибий, хваля это расположение, говорит, что роды войск были распределены очень правильно и что опытный полководец не упустил из виду ничего, могущего способствовать и обороне и наступлению, то нужно понимать это так; легкие части были расположены по крутым склонам холма Эва, а пологие склоны Олимпа были заняты фалангами. Остается только выяснить, насколько такое расположение давало возможность для контратаки.

По Полибию, сражение проходит так: Антигон, увидев, что прямым непосредственным натиском ему не удастся осилить противника, располагается за несколько дней до сражения непосредственно перед спартанскими позициями и производит точную рекогносцировку. Затем он решает напасть на левое крыло, расположенное на Эве, в то время, когда он сам продвигается фалангой с левого крыла вплотную к Клеомену, тем самым удерживая его без нападения. Центр его войск, расположенный в долине, — где, кроме некоторого количества тяжелой пехоты, стояла вся его кавалерия, — тоже должен был держаться до сигнала к нападению, т. е. до того момента, когда будет взят холм Эва. Таким образом, была фланкирована позиция спартанцев в долине, которая нам представляется тоже укрепленной.

Но не так легко было взять холм Эва с его крутыми уступами и укреплением на вершине. Причиной того, что он пал после совсем короткого боя, Полибий считает поведение Эвклида, который не пошел навстречу наступлению, что было бы тактически правильным, а стал его пережидать. Это объяснение нас не может удовлетворить, так как в нем ни словом не упомянуто об укреплении. Укрепление, состоящее из насыпи, рва и палисадов (по крайней мере на другом холме упоминаются и они), нельзя взять просто штурмом, даже если нам и неизвестно, какой

высоты, глубины и прочности оно было[1]. И, конечно, совершенно неправильно вести осажденное войско навстречу неприятелю по склону, потому что,—если его оттеснят назад,—оно встретит самое трудное препятствие в своих собственных укреплениях. Речь может итти в крайнем случае только о том, чтобы большее или меньшее число стрелков или особо ловких и легковооруженных воинов послать сражаться впереди. Когда читаешь описание Полибия, то трудно отогнать подозрение, что слегка склонный к поучениям автор, имея в мыслях только тактические правила контратаки (годные лишь в тех случаях, когда нет настоящих укреплений), в данном случае забывает об укреплениях. Поэтому его объяснение поражения Эвклида недостаточно. И если у Плутарха есть упоминание о том, что холм Эва был взят обходом, то мы можем принять его как дополнение, которое нельзя отклонить, даже если считать этот источник не вполне достоверным[2].

Кромайер (на стр. 259) для подтверждения своих взглядов приводит «очень неохотно», как он выражается, длинные рассуждения из современных военных сочинений, которые являются хорошим примером того, как опасны исторические аналогии в руках незнающего человека. Кромайер недосмотрел того, что для войск, вооруженных орудиями и другим огнестрельным оружием и обладающих полевыми укреплениями XIX в., создаются совершенно другие условия, чем для древних войск, не имевших дальнобойных орудий. Для них современные короткие полевые окопы были бы не только бесполезны, но и вредны, так как подобное укрепление при слабом действии дальнобойных орудий было бы немедленно обойдено и взято с тыла. Поэтому древние войска могли применять только или очень длинные линии, или замкнутые кругом лагеря с немногими узкими проходами. Это создает при выступлении из укреплений тоже совсем другие условия.

В современные убежища или окопы бегущие части могут входить с передовых позиций через выходы из этих убежищ или окопов в то время, когда заградительный огонь бьет по противнику, задерживая его. Но в вытянутое или замкнутое укрепление древних войска, прогнанные с передовых позиций, не могут войти обратно, даже если это пытаются сделать отдельные воины, так как противник слишком быстро следует за ними по пятам. Итак, когда Кромайер к приобретенным им плодам просвещения, извлеченным из современных военных сочинений, присоединяет совет перенести эти правила в древние условия, то его «нелюбовь» ко всем таким исследованиям приводит к тому, что сам он не применяет своих советов; таким образом, несмотря на все его исследования, задача попрежнему остается неразрешенной, т. е. в рассказе Полибия и в критике его рассказа о событиях на Эве остается много темных мест, которые мы не можем разъяснить.

Неверные современные аналогии, которыми Кромайер оперирует в области тактики,—ничто по сравнению с его стратегическими выводами, в которых он сравнивает положение Клеомена с положением Бенедека в Богемии в 1866 г. Тут не только нет ни малейшего сходства, а наоборот—во всем совершенно прямая противоположность.

Когда войска Антигона начали подъем на Эву, спартанские части в центре сами перешли в наступление и зашли войскам Антигона в тыл и во фланг. Маке-

[1] Кромайер (стр. 237, примеч. 3) считает, что вполне понятно неупоминание Полибием укреплений на вершине, ибо они не играли никакой роли. Совершенно правильно,—но почему они не играли роли? Вот это-то именно мы и должны знать, для того чтобы понять ход сражения.

[2] Мнение Кромайера (стр. 234, примеч.), что между повествованием Полибия и Плутарха нет разницы, не соответствует фактам. По Плутарху, мы должны считать, что иллирийцы действительно обошли Эву и взобрались на гору там, где не было никаких укреплений. Современный читатель с картой в руках может так истолковать Полибия, но из его текста нельзя вычитать ничего, кроме фронтальной атаки. Эта разница между обоими источниками весьма существенна и ни в коем случае не сводится просто к другому техническому термину, который по желанию можно бы и опустить, как полагает Кромайер.

донский центр, выжидая приказа царя, держался пассивно, так что части, штурмовавшие Эву, легко могли быть разбиты. Но решительная инициатива молодого мегалополита Филопомена двинула македонскую кавалерию; ее контратакой спартанский центр, который прикрывали его собственные всадники[1], был отброшен назад, и это дало возможность штурмом взять Эву.

Изображение Полибием этого эпизода совершенно не встречает возражений. Довольно странно, что Кромайер (стр. 238) именно тут резко заявляет: «Не может быть и речи, как утверждает Полибий, что заслуга удачного штурма Эвы принадлежит Филопомену». Совершенно так же Ролоф (стр. 72 и сл.) указывает, что и в предыдущих походах обоих царей Кромайер отвергает как раз те мнения Полибия, правильность которых даже не вызывает сомнений.

В своем первом описании сражения Кромайер утверждал, что 4000 чел., которых Антигон послал вслед штурмующим в качестве резерва, должны были «замаскировать» этот штурм. Я уже отмечал (II, 14), что я не могу себе это представить: в каком отношении 4000 чел. могли прикрыть то, что предпринимали другие отряды огромного войска? Кромайер затем говорит (стр. 261), что он мог бы даже обо всем выступлении македонского войска сказать, что это была только маскировка главного удара на Эву. Против этого я ничего не могу возразить, как не мог бы возразить, если бы Кромайер теперь заявил, что вместо военного абсурда он мог бы *даже* сказать что-либо правильное. У него для этого неоднократно была возможность.

В то время как македоняне занимали Эву и позиции в долине, причем с обеих сторон, кроме всадников, сражались, главным образом, легковооруженные части, в это время обе фаланги стояли на Олимпе, выстроившись друг против друга, и только приданные им легкие части, — правда, довольно многочисленные, — имели стычки перед фронтом. Антигон хорошо знал, как опасно было бы для него штурмовать спартанские укрепления, за которыми стояла фаланга. Только когда его другое крыло победило и стало угрожать из долины фалангу, а с тыла — фаланге Клеомена, для него наступил момент действий. Но Клеомен, увидя поражение этой половины своего войска, не стал выжидать наступления Антигона, а велел сорвать палисады и двинулся через свои собственные укрепления в наступление на македонян. Однако, несмотря на первоначальный успех, он тут потерпел поражение, так как его фаланга насчитывала всего 6000 чел., между тем как в фаланге противника их было 10 000.

В этом собственно и заключается проблема всего сражения. Полибий говорит, что Клеомен был вынужден пойти в наступление, но не указывает, чем и в какой мере он был вынужден. Тут можно ведь предполагать самые разнообразные вещи. Может быть, у него не было пути к отступлению через горы? Это утверждает Кромайер со своим знанием местности. Но ведь это было бы такой серьезной ошибкой в построении, о которой Полибий едва ли умолчал бы. Кто из его читателей мог бы знать об этом? Далее, разве было невозможно передать оборону палисадов легкой пехоте, а тем временем спешно перевести фалангу в долину и здесь постараться хотя бы обеспечить себе отступление, если нельзя было повернуть сражение в свою пользу? Чего Клеомен хотел добиться своим наступлением? Дальнейшей победы? Или почетного поражения? Сам он в конце концов спасся, а его фалангиты большей частью погибли.

[1] Так как мы непременно должны принять, что долина также была преграждена укреплением, то ход событий не может быть воспринят иначе, чем представлено выше. Полибий заставляет спартанскую легкую пехоту пойти во фланговую атаку на штурмующего Эву противника и снова вернуться назад, когда на спартанскую конницу нападает конница противника. Очевидно, и всадники продвинулись вперед: должно быть, укрепление в долине имело своего рода ворота. Как указывает Ролоф (стр. 108 и сл.), Кромайер переводит неверно несколько мест, а потому неправильно оценивает поступок Филопомена и несправедливо отвергает указания Полибия.

На все эти вопросы Полибий не дает ответа. Ролоф из всего вышеизложенного считает вероятным следующий вывод. Клеомен, увидев, что путь через долину, т. е. его путь отступления, для него потерян, ищет во внезапном натиске на неприятельскую фалангу единственный, хотя и слабый, шанс на победу или во всяком случае на почетное поражение. Если бы он дольше ждал за своим укреплением, он был бы заперт со всех сторон. Если бы он сразу направился вниз, в долину, то не вышло бы ничего, кроме беспорядочного бегства или — в лучшем случае — отступления без всякой дальнейшей надежды на успех.

Довольно вероятно, что все именно так и случилось, но все же, — как Ролоф сам резко подчеркивает, — это только гипотеза.

Так как Полибий не открывает нам никаких мотивов, то от нас ускользает ответ на принципиальный вопрос: как держится греко-македонская фаланга при обороне полевых укреплений? При обороне Эвы Полибий требовал, чтобы защитники встречали наступающих впереди своих укреплений. Здесь речь идет о легковооруженных, которые могут относительно быстро скрыться в убежище. Несмотря на это, у нас возникают сомнения, так как при большом количестве солдат такое отступление всегда затруднительно и может принести большие потери. Полибий сам знает об этих трудностях, но, не разъясняя ничего, просто не упоминает больше об укреплении, так что возникает подозрение, не применил ли он правил, относящихся к ведению боевых действий без укреплений, в том месте, где эти правила совершенно не подходили ввиду наличия укрепления. Только про Олимп, где тяжелые фаланги стояли за укреплениями, Полибий говорит, что укрепления были ликвидированы для того, чтобы дать выход войскам. Но и без дальнейшего ясно, что никакой другой возможности для наступления не было. Уже то, что не менее 5000 легковооруженных сражались перед палисадами, понять трудно; а в то же время, чтобы выпустить фалангитов, палисады должны были пасть. Но если бы, как того требует самая природа укрепления, их захотели оборонять, а не разрушать? Было бы очень интересно иметь об этом достоверные сведения. Только тогда мы могли бы полностью оценить и понять боевой план Клеомена. К сожалению, Полибий и тут оставляет нас в неизвестности. Я думал бы так: если фалангиты не обороняли просто вал и палисады, как легионеры Цезаря обороняли вал при Алезии, то, очевидно, легкая пехота должна была оборонять укрепление, а фаланга — стоять в нескольких десятках шагов позади него в резерве. Тогда, если неприятель прогонит легкую пехоту, возьмет штурмом укрепление и при занятии его потеряет свой тактический порядок, то фаланга двинется вперед и быстрым натиском отбросит противника. На самом же деле при Селлазии легковооруженные части высыпают из-за укреплений, а фаланга, желая перейти в наступление, срывает свои собственные палисады, чтобы иметь выход. Таким образом, укрепления тактически вообще не имеют значения.

При этих обстоятельствах остается также неясным следующее: когда Полибий хвалил Клеомена за то, что его расположение годилось и для нападения, имел ли он в виду только возможность выступления в долине или также движение фаланги через разрушенные собственные укрепления? Едва ли можно себе представить, что Клеомен имел это в виду с самого начала. Во всяком случае, раз такая возможность имелась, то о ней могла итти речь у Полибия. Наконец, Полибий мог думать о наступательном ударе фаланги позади укреплений, когда неприятель, взяв их, будет еще находиться в беспорядке. Но и здесь мы не идем дальше предположений и возможностей.

Как Полибий, так и Плутарх говорят, что македонская фаланга своими тактическими особенностями сломила храбрость лакедемонян. Полибий, — который сначала сообщил, что вследствие узости местности глубина фаланги была удвоена, — говорит о «весе» (массе) македонского боевого порядка; Плутарх говорит не только о массе, но и о способе вооружения, о «характере вооружения и массивности

фаланги гоплитов», давших македонянам перевес. Это замечание было бы очень интересным, если бы не вызывало сомнений в его источниках. В другом месте (гл. 11, ср. также гл. 23) Плутарх рассказывал, что Клеомен вооружил спартанских гоплитов сариссой и обучил их, т. е. ввел македонский способ сражения. Если лакедемоняне сами его приняли, то как они могли пасть именно под натиском своеобразного военного искусства македонян? В источниках отнюдь не сказано, что спартанцы понимали его недостаточно хорошо и что они недостаточно владели им, а просто указывается на различный подход к делу, как на причину поражения.

В историю военного искусства это сражение тоже не внесло ничего значительного. Только в общих чертах мы можем из него заключить, насколько улучшилось искусство управления, сочетания родов войск и использования местности. С обеих сторон численность легкой пехоты, легко приспособляющейся к местности, очень велика. Но не в этом направлении пойдет дальнейшее развитие. Это выяснится при более позднем столкновении македонян с римлянами.

СРАЖЕНИЕ ПРИ РАФИИ (217 г.)

12. У Рафии Птолемей IV Египетский сражался с Антиохом Сирийским. Пехота Птолемея была немного сильнее (70 000 против 62 000), но у Антиоха был перевес в кавалерии (6 000 против 5 000) и в слонах (102 против 73). Рассказ Полибия (V, 86) очень прост, но вызывает некоторые возражения.

Сначала Антиох на правом крыле побеждает при помощи своей кавалерии и слонов; стоящие поблизости пельтасты Птолемея тоже попадают под этот удар. Причиной поражения египетских слонов Полибий считает то, что африканские слоны уступают индийским и не могут с ними тягаться; они пугают их ростом и силой, шарахаются от их голоса и даже от запаха. Современные естествоиспытатели совершенно отрицают такое различие [1]. Африканский слон не только не меньше, а, пожалуй, больше индийского, и обе породы совершенно не боятся друг друга, а прекрасно уживаются. Пожалуй, справедливым будет предположение [2], что индийские слоны победили отнюдь не благодаря своим лучшим качествам, а благодаря искусству индийских корнаков, у которых оно передавалось по традиции, тогда как египтяне только переняли все у них и не имели опыта в дрессировке.

В то время как Антиох побеждал на том крыле, которым он сам командовал, на противоположном крыле, несмотря на слонов, приданных кавалерийским флангам обеих сторон, победила египетская кавалерия.

Тут Полибий делает упрек Антиоху в том, что он, желая укрепить свою победу, продолжал наступление. Ту же ошибку будто бы сделал Деметрий у Ипса, и нам она еще будет встречаться, например, у Нараггары (Замы) в 202 г. и у Мольвица в 1741 г. Мы могли бы без дальнейшего объяснить этим решительный исход боя при Рафии, если бы мы услышали, что, с другой стороны, одержавшее верх крыло египетской кавалерии, вместо того чтобы впасть в подобную же ошибку, атаковало неприятельскую фалангу с фланга. Но об этом мы ничего не слышим; напротив, обе фаланги будто бы совершенно изолированно вели бой друг с другом, причем египетская победила сирийскую.

Самое существенное, что мы узнаем из этого сражения, это то, что слоны применяются в связи с кавалерией, а не с фалангой, но что их влияние все же не является решающим.

СРАЖЕНИЕ ПРИ МАНТИНЕЕ (207 г.)

13. Точное топографическое описание поля сражения, сделанное Кромайером, ничего не изменило в дошедших до нас описаниях. Его военно-историческое исследование, сделанное на основании топографических данных, было очень удачным

[1] Bolau, Der Elephant im Krieg und Frieden, 1887, стр. 8 и 13.

[2] Schartf, De natura et usu elephantorum Africanorum apud veteres (О природе и использовании у древних африканских слонов), Weimar, Progr., 1855.

в двух местах, разъяснив некоторые пункты, которые я упустил из виду в 1-м издании этого труда. Но вместе с тем Кромайер дает совершенно неправильное освещение не только неправильными военными рассуждениями, но и повторными ошибками в переводе. Все это с превосходной ясностью и точностью отмечено в «Проблемах греческой военной истории» Ролофа. Я могу не вдаваться в перечисление противоречий, а повторю только то, что писал в 1-м издании, выпуская или исправляя то, что выяснено или исправлено двумя вышеупомянутыми авторами.

Перед нами опять повествование Полибия, не дошедшее до нас полностью, и, кроме того, Плутарх, который почерпнул многое из затерянного другого труда Полибия о Филопомене.

По Полибию, Филопомен поставил ахейцев за ровом, причем оба фланга упирались в холмы. Несмотря на это, спартанцы под предводительством тирана Маханида двинулись против них. В этом сражении в открытом поле они впервые применили новое средство: Маханид выставил перед своей фалангой несколько катапульт для обстреливания неприятельской фаланги. Чтобы воспрепятствовать этому, Филопомен начал сражение высылкой вперед легкой кавалерии (тарантинцев) и других легковооруженных наемников.

Весь ход событий не совсем ясен. Филопомен занял оборонительную позицию с препятствием перед фронтом, и вдруг сам заставляет одно свое крыло итти через это препятствие [1]. Что же должно было из этого выйти? Если бы победили ахейские легкие части, спрашивается, последовала ли бы фаланга за ними или нет? Если бы она последовала, значит, ей пришлось бы на виду у противника форсировать выбранное ею самою препятствие перед фронтом; если же она не последовала бы, то победа легких частей была бы бесполезной: им пришлось бы опять отступить перед неприятельской фалангой. Не совсем ясно также, каким образом выступление легких частей на одном из флангов могло помешать работе катапульт в центре, — тем более, что в этом сражении победили спартанские легковооруженные и обратили ахейцев в бегство через ров [2].

Теперь победа принадлежала бы Маханиду, если бы он своим победоносным правым крылом ударил во фланг ахейской фаланге, в то время как его собственная фаланга одновременно ударила бы на нее с фронта. Тогда ров не спас бы ахейцев, как не спасли Граник или Пинар при Иссе персов и греческих гоплитов. Однако, Маханид — вместо того, чтобы проделать эту совершенно непонятную операцию, — очевидно, не держал своих людей достаточно в руках или был, как говорит Полибий, слишком пылок и ребячлив, слепо ринувшись вслед бегущим. Филопомен, напротив, собрал позади своей фаланги сколько мог бойцов из числа потерпевших поражение и продвинул одну часть их влево — на то место, которое бежавшие оставили незащищенным; а когда лакедемонская фаланга победоносно стала наступать на его фалангу, Филопомен повел своих фалангитов навстречу противнику и разбил его в самый момент перехода его через ров.

Это описание вызывает много вопросов и сомнений.

Откуда Филопомен взял фалангитов, которые удлинили фронт? По буквальному смыслу это были стоявшие поблизости отделения фаланги, которая была и без того построена Филопоменом с меньшими интервалами, чем обычно. Таким образом, в построении ахейцев была большая брешь. При равных силах это считалось бы безусловной ошибкой. Почему Филопомен мог решиться на такой

[1] Кромайер думает, что ров не шел через всю равнину, а кончался перед левым крылом ахейцев. Но текст Полибия, как выяснил Ролоф, говорит против этого. Правда, можно себе представить, что этот ров было легче перейти у его восточного конца, чем в середине или у западного конца. Но мое возражение этим ни в коем случае не отводится: даже если ров не шел до левого крыла ахейцев, все-таки непонятно, какую цель преследовало частное наступление.

[2] Fougères (Bulletin de Correspondance hellénique ,т. 14, стр. 82) пытается заполнить пробел насильно притянутой поправкой, согласно которой катапульты обстреливали не фалангу, как пишет Полибий, а левый фланг ахеян.

маневр, у Полибия не указано, как и вообще не указана истинная причина этого маневра — добровольного разрыва собственной боевой линии. Далее, нам нехватает сообщения, что сделал бы или хотел сделать Филопомен, если бы лакедемонская фаланга перешла в наступление только тогда, когда Маханид вернулся с преследования, и атаковала бы его с тыла.

Самым разумным объяснением было бы то, что мы представляем себе ахейцев гораздо сильнее лакедемонян. К сожалению, и в этом решающем пункте Полибий не дает нам указаний. Но он ясно говорит, что Маханид был не только качественно, но и количественно сильнее на том фланге, где он вначале победил. Так как эти части в данное время находились вдали от поля сражения, то возможно, что Филопомен в этот короткий промежуток времени был значительно сильнее и что это позволило ему не только разделить свою фалангу на две части, но и подумать о переходе в наступление. Это ему показалось подходящим маневром.

Мы должны были бы ожидать, что Филопомен теперь переходит в наступление своей — правда, разделенной, но зато удлиненной — боевой линией, причем выступающим флангом ударяет в обнаженный фланг лакедемонян. Это представляется тем более необходимым, что каждую минуту можно было ждать возвращения победоносного Маханида; ведь только в 2 000 шагов лежит город Мантинея; дальше преследование не могло бы продолжаться — да, кроме того, Маханиду еще и раньше могло бы притти в голову, что ему еще найдется дело на поле сражения. Тогда он ударил бы в тыл фаланге, собранные беглецы вряд ли бы долго удерживали его.

Но, по рассказу Полибия, в наступление переходит не Филопомен, а лакедемоняне, причем исход сражения решает не искусственно удлиненное крыло, а все сводится исключительно к препятствию перед фронтом, т. е. ко рву.

Наше сомнение в полной достоверности дошедшего до нас изложения Полибия усиливается еще больше, когда мы читаем совершенно несхожее описание в «Филопомене» Плутарха. Здесь мы находим как раз то, чего нехватало у Полибия, — что именно ахейская фаланга начала наступление и что она ударила во фланг неприятельской фаланге, не ожидавшей нападения.

«Видя, что фаланга лакедемонян оставлена без прикрытия, он повел свой отряд и с фланга напал на неприятеля, который настолько не был готов к бою, что там даже отсутствовал архонт. Они увидели, что начинают побеждать и теснить Маханида, который их перед этим преследовал».

Это сражение пытались реконструировать самым различным образом. Дройзен предполагает, что Маханид не знал о существовании рва и не мог видеть его при наступлении. Это устраняет только часть затруднений и притом мало вероятно, благодаря близости Мантинеи и Лакедемона. Гишар (C. Guischardt, Mémoires militaires, гл. X, стр. 159), наоборот, предполагает, что Маханид знал заранее, что ахейцы будут построены за рвом, а потому привез и пустил в ход свои катапульты.

Далее он предполагает, что повествование Полибия не дошло до нас полностью, и пытается восполнить эти пробелы частью просто собственной фантазией, частью—сведениями из Плутарха; например, противоречие между удлинением ахейского крыла с целью охвата и пребыванием в оборонительном положении он разрешает тем, что будто бы Филопомен, — в момент, когда он хотел перейти в наступление, — увидел, что лакедемоняне пришли в движение; тут он, конечно, захотел использовать преимущество своей оборонительной позиции и (по Плутарху), развернув левое крыло, заставил его перейти ров в тот момент, когда спартанцы тоже пытались перейти этот ров. Пожалуй, в основном это правильно, но, как уже сказано, предполагает большой перевес ахейцев, потому что без этого полководец не мог бы вести наступление двумя отдельными массами, из которых по крайней мере одна одолевала трудный переход через ров.

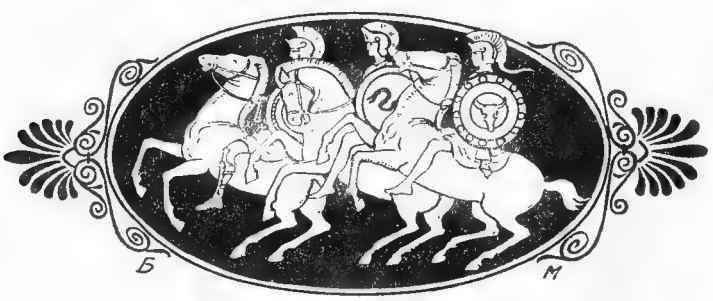
И о втором крыле ахейцев Полибий нас недостаточно информирует. На этом крыле стояла вся их собственная, т. е. тяжелая, конница. Разве она совсем не дей-

ствовала против неприятельской фаланги? А если нет, то что ей мешало? Это замалчивание тем более бросается в глаза, что Полибий раньше (X, 22—24) подробно описывает, какие заслуги были у Филопомена именно по реорганизации ахейской конницы. Г. Дройзен (стр. 182) высказал предположение, что конница, которая не могла быть использована за рвом, очевидно, приберегалась для преследования. Но, с одной стороны, мы слышим, что ров можно было преодолеть без особой трудности, а с другой стороны, было бы грубой ошибкой построить конницу без пользы в этом месте и оставить ее там, тогда как она могла бы предотвратить поражение на другом крыле. Для нашей цели не столь важно устранить противоречия и пробелы, сколь их установить и тем самым сделать заключение, что все это повествование нельзя использовать для истории военного искусства.

Изложение Кромайера страдает тем недостатком, что в нем или не отмечаются пробелы в изложении Полибия, или эти пробелы восстанавливаются лишь частично; кроме того, Кромайер не замечает ошибочности разделения фаланги на две части при равных силах; наконец, он пытается совершенно неверно исправить Полибия. Мы видели, что Полибий ясно считает правое победоносное крыло Маханида численно превосходящим. Кромайер видит в этом сознательное искажение истины. Полибий, будто бы, просто как приверженец ахейцев хочет замаскировать их мало почетное поражение [1]. Но для такого подозрения по отношению к Полибию, во-первых, нет никаких оснований, а, кроме того, такая неверная поправка отрезает доступ к наиболее рациональному (правда, тоже гипотетическому) объяснению сражения, ибо если здесь действительно большая часть ахейцев была побеждена меньшинством, то им, по крайней мере, для решающего сражения остается численный перевес, без которого маневр Филопомена совершенно непонятен.

Пусть не считают преувеличенной ту осторожность, с которой я отказываюсь использовать для истории военного искусства такие неточно переданные описания военных действий. Для простого исторического описания такие события, которые можно реконструировать с большей или меньшей вероятностью, быть может, и годятся, но для истории военного искусства можно взять за основу только совершенно достоверные события, подтвержденные источниками. Правда, мы еще меньше знаем о сражениях во время Персидских войн, чем о Селлазии и Мантинее, и все же приняли те сражения в качестве исходных пунктов целого ряда этапов в развитии военного искусства. Но из этих сражений мы извлекли только принципиальные положения, что легко было сделать при простоте тогдашней структуры; отдельные же факты мы тоже часто оставляли неразобранными. Но во времена Полибия события настолько усложнились, что только очень точные отчеты могут удовлетворить тем требованиям, какие мы ставим.

[1] В своем разборе статьи Ролофа «Probleme» в «Berl. Philol. Wochenschr.» (v. 6 August 1914 Sp. 995 Anum. 4) Кромайер отказался от этого упрека, но не сделал отсюда надлежащих выводов.



ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ДРЕВНИЙ РИМ

Глава I

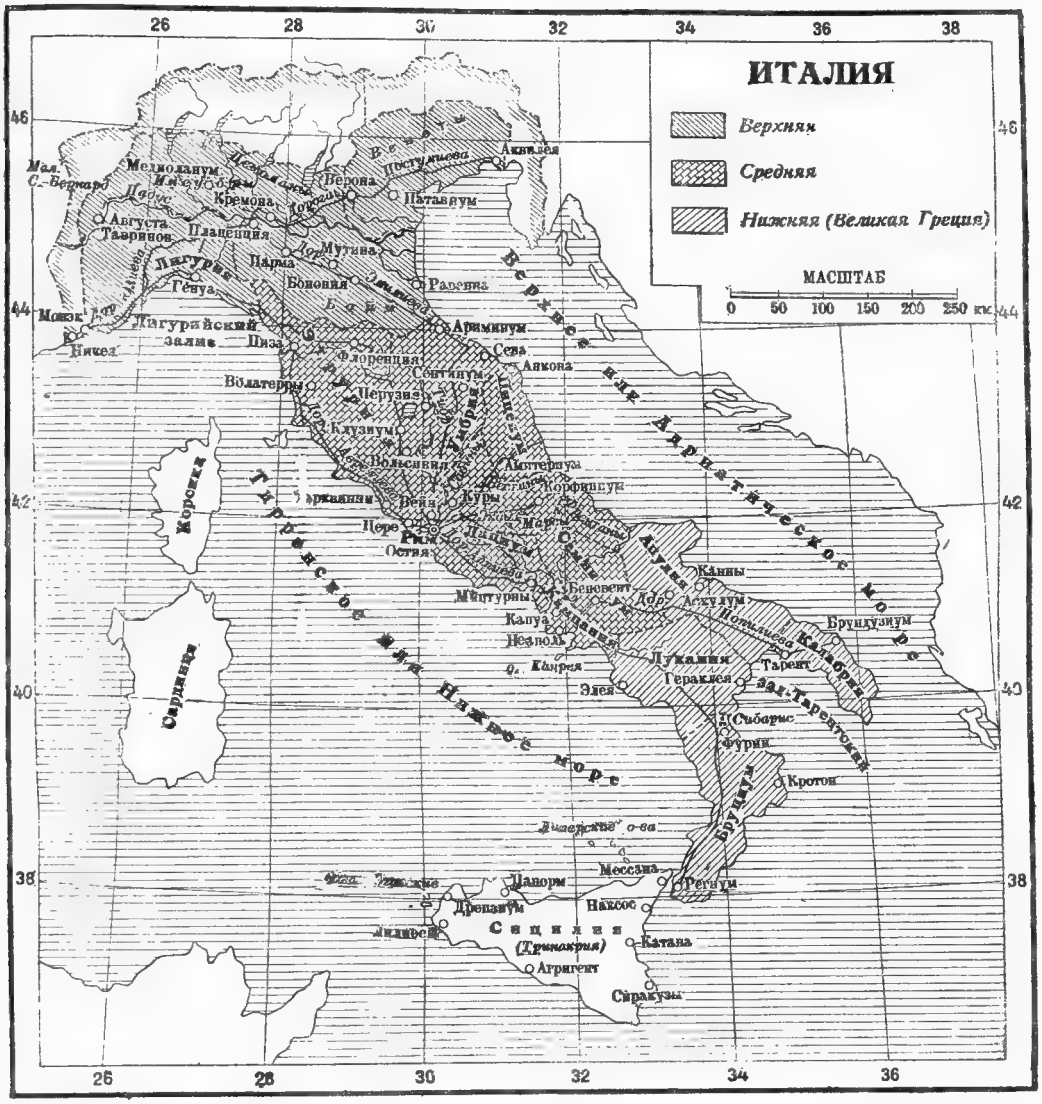
Сословие всадников и фаланга

ЕСЛИ МЫ ХОТИМ излагать историю римского военного искусства на основе тех же принципов, какие мы применяли для изложения греческого, то нам придется начать со Второй пунической войны, так как только с этого периода мы имеем сведения, дающие нам действительно достоверную и наглядную картину хода сражений и своеобразного характера римской тактики. Но римская историография, как и римская история, носит совсем иной характер, чем греческая; развитие римского государственного строя мы можем с достоверностью проследить вглубь значительно далее, чем греческого; таким образом, и для наших целей создается возможность иного подхода. Раздробленные греческие государства либо сохраняли в своем государственном строе нечто косное, застойное (как Спарта), и до нас не дошло о них никаких достоверных известий; или же их кидало от одного коренного переворота к другому, так что, например, для Афин Аристотель насчитывает 11 сменявших друг друга различных образов правления. Рим во всех пережитых им потрясениях все-таки следовал неуклонной линии развития [1].

[1] Несмотря на возражения, выдвинутые Эдуардом Мейером в его «Истории древнего мира» (II, § 499), я считаю, что можно и должно сохранить это представление о «постоянстве государственного развития Рима». Ведь совершенно ясно, что основной принцип римского конституционного права — административные полномочия судебных властей — коренился в очень ранних временах и постепенно ослабевал, вытесняемый более молодым принципом разделения властей. Совершенно исключена возможность, чтобы такое твердое представление о могуществе чиновника сложилось только тогда, когда общее народное собрание уже формально получило в свои руки верховную власть; и то странно, как этот строгий принцип так долго еще уживался с представлением о суверенитете народа.

Далее совершенно ясно, что система голосования, существовавшая в историческую эпоху, сложилась на чисто военной, а не на политической основе; следовательно, и этот институт восходит к времени очень сильной монархии.

Даже при переходе от монархии к республике, совершившемся, несомненно, революционным путем, сохранилась в значительных чертах основная сущность прежнего государственного строя. Равным образом и в отдельных институтах еще в позднейшие времена можно узнать



формы, отвечающие более ранним стадиям развития и восходящие к таким отдаленным периодам, о которых до нас уже не дошло непосредственной исторической традиции. Так, в системе голосования позднейшего времени сохранились элементы самых ранних форм войсковой организации. Весь рассказ о древнейшем периоде римской истории

· Итак действительно, говоря «о постоянстве развития римского государства», мы, повидимому, не преувеличиваем роли этих исторических смен одежды; впрочем один лишь Мейер выдвигал против этого серьезные возражения.

Все сомнения о достоверности хронологии и традиции в ее частностях я оставляю тут в стороне. Они не затрагивают тех данных, которые мне придется использовать в этой книге.

сплошь легендарен. С достоверностью можно принять лишь чисто внешние данные о войнах и сражениях да, пожалуй, еще имена полководцев. Но относительно развития римского государственного права и военного дела среди римских любителей старины жила традиция, которая контролировалась самой современностью, а потому никогда не тонула в вымыслах и, так сказать, исторически дисциплинировала даже легенду.

Историческое исследование еще легче могло бы получить достоверные данные, если бы не то обстоятельство, что своеобразная государственно-правовая традиция была сильно окрашена политической тенденцией и совершенно искажена в некоторых очень важных пунктах.

Однако, с течением времени историки нашли пути и методы для распознавания и устранения этих искажений. Если раньше даже критически мыслившие историки, не задумываясь, повторяли за своими предшественниками, что произведенная царем Сервием Туллием перепись дала 80 000 граждан, то теперь мы знаем, что такого рода цифры можно проверять по данным о величине города и страны, а потому мы их отвергаем вместе со всеми вытекающими из них для конституции последствиями.

С такими или сходными оговорками мы в общем можем до некоторой степени доверять дошедшим до нас известиям. Общее положение в ту эпоху, которую мы видим отчетливо и верно в ярком свете истории, дает нам средство очистить истину от всего легендарного, ложного, неверно истолкованного. Те сведения, которые, не противореча друг другу, образуют ступени, предшествующие исторически ясному периоду, следует признать правильными; а то, что никоим образом нельзя истолковать хотя бы как исключение, опыт, временное отклонение и т. п., должно быть отвергнуто. Некоторые следы указывают нам на то, что в Италии в древние времена конница играла большую роль, чем в Греции. В 1-м издании настоящего труда я ограничился здесь этим замечанием, указав, что еще вернусь к этому вопросу в дальнейшем изложении. Чтобы вполне осветить и сделать понятным социальное значение конницы в экономических условиях Лациума, я должен был бы развернуть перед читателем во всей широте картину средневекового рыцарства, показав его происхождение и развитие. Несколько абстрактных фраз еще не дадут нам возможности произвести должную оценку этих военно-социальных форм. Поскольку имеется уже III том настоящего труда [1], я позволю себе сослаться на него и применить к древнему Риму те выводы, которые мы можем извлечь из явлений средневековья. Дело идет о привлечении того факта, что в Италии конница играла видную роль на поле сражения, к вопросу о возникновении сословия патрициев в Риме.

Что на равнинах Средней Италии тактика конного боя была в древности более развита, чем в Средней Греции и на Пелопоннесе, явствует из самой природы вещей, а также из исторических преданий. Правда, описание отдельных сражений и боев в первых книгах Ливия следует рассматривать как простую легенду, однако, в ней настолько ясно выступает общий перевес конницы, что в этом факте мы можем видеть отражение действительности. Но если даже оставить легенду в стороне, расценив ее как сплошной поэтический вымысел во славу знатных римских домов, мы все же располагаем,— правда, косвенными, но очень вескими,— показаниями из истории Капуи. Об этом городе,

[1] Ср., в частности, т. III, часть 3, гл. 1 и 2, особенно же—стр. 251.

самом значительном после Рима во всей этой области, Ливий сообщает нам, что еще в начале Второй пунической войны его пехота была невоинственна, но зато конница вполне боеспособна [1]. Он описывает нам поединок на копьях между двумя всадниками — в точности такой, о каких мы читаем в рассказах о средневековых рыцарях. Разница в развитии обоих государств заключалась, таким образом, в том, что Капуа осталась на той же ступени, т. е. имела сильную конницу и небоеспособную пехоту, Рим же, — путем организации, путем сурового военного обучения и дисциплины,— сумел воспитать из гражданской массы боеспособное и сильное войско. Однако, преимущественное, почти исключительное значение конницы длилось еще достаточно долго, чтобы резко отграничить от массы малоимущих горожан и крестьян то сословие, которое располагало этим родом оружия. Высказывалось мнение, будто патриции составляли коренную общину, а плебеи были пришельцами, т. е. различие сословий создалось благодаря прибытию в Рим новых элементов. Эта гипотеза нашла поборника в таком крупном ученом, как Моммсен; однако, она противоречила всем источникам (как с этим соглашается и сам Моммсен) и допущена была только ввиду крайности — пока не представлялось другого объяснения. Ключом к правильному разрешению загадки служит нам теперь выводимый из средневековой истории факт, что всадники всегда имели решительное преобладание над городской и крестьянской пехотой, пока та не научилась объединяться в тактические единицы. Был и в истории Рима период, когда фаланга легионеров еще не существовала. Представление, что уже Ромул имел легион, следует отбросить как басню, не имеющую никакой исторической ценности. В то время римский всадник имел решающую силу. Ядром всадничества мы можем считать старинные семьи военачальников, которые мало-помалу все — или почти все — перенесли свое местожительство з город,— быть может, путем своеобразного синойкизма, какой мы наблюдали в Греции. Из города эти богатые и в то же время воинственные роды властвовали над страной. А в городе, который являлся торговым центром и передаточным пунктом для морских путей и крупной области, охватываемой бассейном р. Тибра, благосостояние этих семей развивалось капиталистически. Они держали в своих руках всю область и все мелкое крестьянство равнины не только силой оружия, но и тенетами ссуд. Древнейшая римская история рисует картину сплошного ростовщичества, которым патриции закабаляли плебеев.

Как ни была впоследствии резка и непереходима граница между патрициями и плебеями в Риме, все же предание позволяет нам признать, что патрицианство не представлялось сплошь однородным по своему происхождению. Различались более древние и более молодые семьи. Наряду с более древними родами стояли преуспевавшие купцы, которым их богатство позволяло взять на себя несение воинской повинности совершенно так же, как мы наблюдаем это в средневековых городах, где исконное дворянство сливалось в одно сословие с шедшими в гору ремесленниками. Однако, в Риме элемент старинной военной аристократии оказался сильнее, а купеческий элемент слабее, чем в средневековых городах; во всяком случае, военный элемент

[1] Ливий, 23, 46 (а 215 а. С.) — о капуанцах: «Они имели 6 000 вооруженных бойцов, причем пехота в боевом отношении была слаба; качество конницы было выше, и она главным образом в кавалерийских боях побеждала противника».

был необходим при образовании патрицианства: оно не могло создаться через одно только экономическое развитие. Разве могла бы вся масса латинского народа подпасть под владычество какой-то горсти удачливых соплеменников, если бы это владычество построено было на чисто экономической основе [1]?

Но в соединении с военным превосходством беззастенчивая в своих средствах сила капитала выдвинула из однородной массы аристократию, которая в конце концов стала гнушаться браков со своими соплеменниками-плебеями и, как особо покровительствуемая богами каста, притязала на власть и осуществляла ее.

Численность этой военно-экономической аристократии, образовавшей в древнем Риме сословие патрициев, представляется нам очень незначительной. Следовательно, военная сила, нужная для отражения внешних врагов, была здесь, как и в средневековых городах, лишь очень ничтожна. Поэтому и случилось, что Рим, согласно одному преданию, которому мы можем доверять, подпал под власть соседних этрусских князей.

Тем не менее латинский город освободился от чужеземного владычества, причем очень вероятно, что эта успешная борьба в своих перипетиях дала повод к расширению и преобразованию чисто аристократической до тех пор военной организации. Наряду с всадниками выступило компактной массой, фалангой, объединенное крестьянско-городское ополчение Организация была проведена царем, облеченным абсолютной властью. Римские цари не представляли собой наследственной династии, но они не были и тиранами в греческом смысле этого слова: они являлись высшими чиновниками, назначаемыми пожизненно. По-гречески их лучше всего было бы назвать а р х о н т а м и; наиболее правильное понятие даст нам термин д о ж. Как при первых венецианских дожах, так и при римских царях мы находим совет — с е н а т, который, однако, почти не ограничивает их власти; но стремление царей сделать свое звание наследственным, по-видимому, вызывало в этот период римской истории такие же внутренние конфликты, как и в старой Венеции. Все же должностной принцип удержался, и из него развилась чрезвычайно твердая и суровая власть, совершенно исключавшая патриархальную мягкость, так часто связываемую с представлением о наследственной монархии. Опасное положение государства позволяло доверять эту должность только очень сильным личностям. Один из таких правителей и организовал народное ополчение — фалангу пехотинцев.

Он разделил римскую область на 20 триб, из которых 4 приходились на город и 16 — на остальную территорию; каждая триба делилась в свою очередь на 4 центурии, из которых на 3 центурии возлагалась обязанность являться в доспехах. Под этими доспехами мы для более древнего периода едва ли должны подразумевать полное гоплитское вооружение: в большинстве случаев эти доспехи представляли собой лишь самое необходимое — какой ни на есть щит да шлем. Чет-

[1] Против теории, что коренные жители благодаря земельной ренте сделались патрициями, возражает также и Шмоллер («Grundriss», т. I, 2-е изд., стр. 497): «Если кто воображает, что капитал сам собою, в силу неравномерного распределения, породил крупную промышленность; если думают, что наследники счастливых предпринимателей во втором и третьем поколениях явились уже настоящими капиталистами, что капитал создавал затем новые предприятия, то такое представление совершенно ошибочно. Их и в дальнейшем создают и поддерживают только личные качества».

вертая центурия поставляла легковооруженных, соответствовавших греческим φιλοί, которые в то же время употреблялись как прислужники, как обозные солдаты и для побочных военных нужд. Коль скоро ополченцы вооружались на собственный счет, то для того, чтобы попасть в гоплиты, требовалась известная состоятельность. Если бы в их число принимались пролетарии, то государству пришлось бы самому снабжать их оружием [1].

В то время как в Афинах на каждого гоплита приходился один легковооруженный, в Риме служба была еще настолько сурова, что 3 гоплита должны были довольствоваться услугами одного легковооруженного; и если в Афинах сопровождающим бывал по большей части просто раб, то в Риме и эту роль исполнял гражданин, подлежавший воинской повинности.

До низложения царей территория государства несколько увеличилась, причем была учреждена новая, 21-я триба — клустуминская, в которой, однако, все 4 центурии были привлечены к службе в легкой пехоте, так что на 5 гоплитов приходилось уже 2 легковооруженных. Рим располагал тогда в общем счете 84 центуриями пехоты. К этому надо прибавить, кроме 6 конных центурий, еще 2 центурии кузнецов и плотников, 2 — трубачей и горнистов и 1 центурию писарей (accensi) и служащих по интендантству.

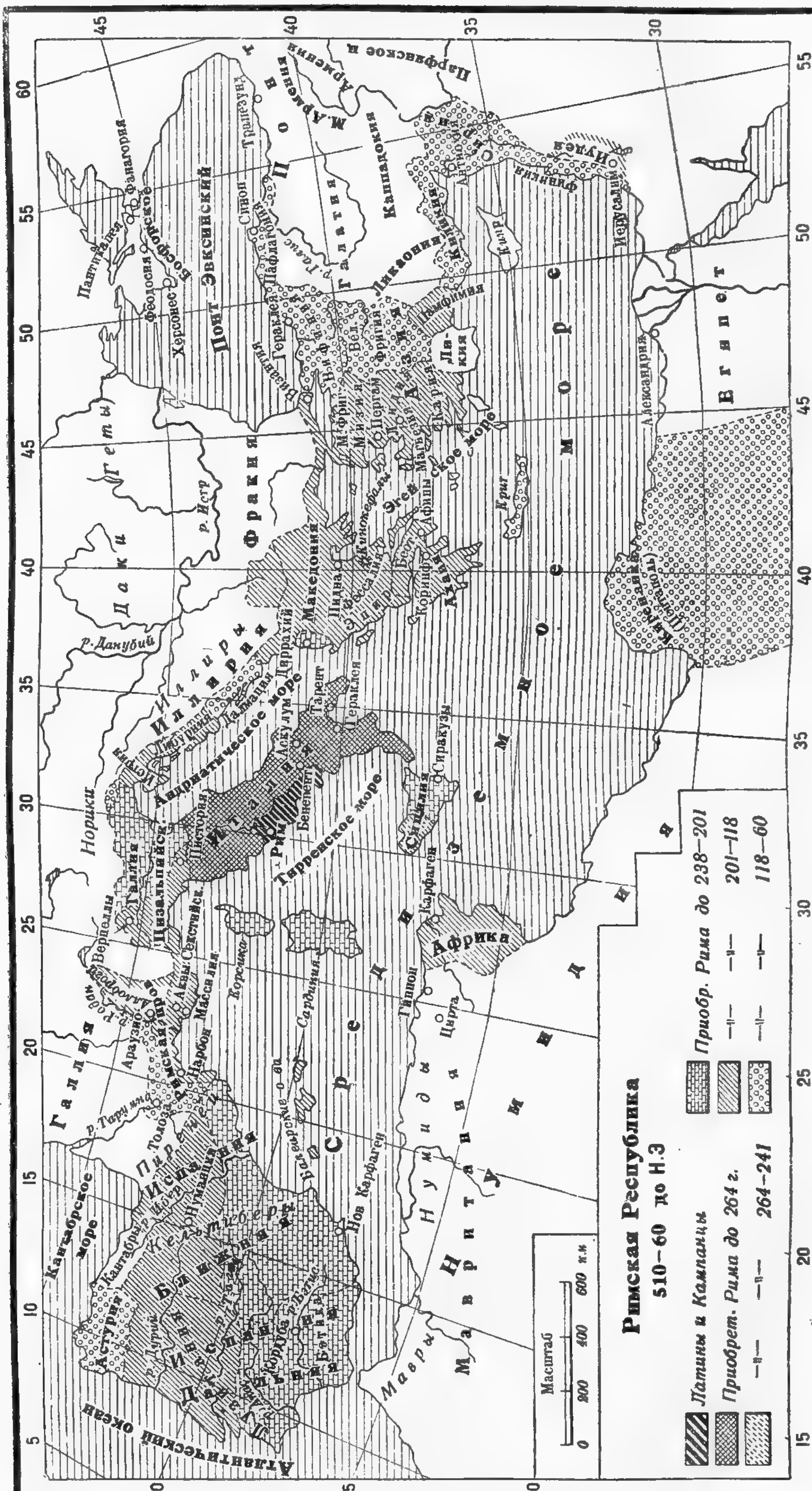
Площадь римской государственной территории ко времени изгнания царей охватывала не более 18 квадратных миль (983 км²), что составляло значительно меньше, чем половина Аттики. Когда же фаланга только учреждалась, эта площадь была еще того меньше. В период, когда вся область была еще так мала, самый город был, конечно, тоже невелик, иначе он раньше и быстрее покорил бы окружающие мелкие области. Город Вейи, всего на 2 мили (ок. 14 км) отстоявший от ворот Рима, был покорен и слит с городом-завоевателем лишь более 100 лет спустя. Территория, подвластная городу, и его размеры всегда стоят в известном соотношении друг к другу. Максимальная плотность населения, какую мы можем принять для тогдашнего Рима, составит 3 000 душ на 1 кв. милю,— в общем, следовательно, около 60 000 чел., из числа которых надо еще скинуть несколько тысяч на рабов [2].

При населении менее 60 000 чел. свободных жителей, число способных носить оружие мужчин в возрасте от 17 до 46 лет могло предположительно составить от 9 000 до 10 000, число стариков и инвалидов — 5 000—6 000, общее же число взрослых граждан мужского пола — 16 000.

---

[1] У Геллия, 16, 10, 1, содержится стих Энния «proletarius publicitus scutisque feroque ornatus ferro» («лица из беднейших классов снабжались щитами и оружием на государственный счет»). Моммсен (Staatsr., III, 1, стр. 29) цит. из Полибия (VI, 21, 7): «Самых молодых и самых бедных из нас зачисляли в легковооруженные»

[2] Для Аттики 490 г. мы считали 2 500—3 000 жителей на 1 кв. милю, для Беотии V столетия—2 200, для Лаконии и Мессении—1 500, для Пелопоннеса—2 000—2 200. При первобытных способах земледелия, страдавшего к тому же от нескончаемых раздоров между соседями (2½ тыс. лет тому назад Италия, несомненно, представляла именно такую картину), даже в самых плодородных полосах 1 кв. миля вряд ли могла прокормить более 2 500 или 3 000 чел. Рим как старый торговый город, может быть, уже в 510 г. имел некоторый подвоз хлеба из-за моря, но, конечно, незначительный; ведь, если бы город был по тому времени велик, он уже и тогда занимал бы более видное политическое положение. Незначительная величина города по отношению к его области доказывается также и тем, что из 20 триб было только 4 городских. Так называемая Сервианская стена, обнимавшая очень большую площадь, была воздвигнута не ранее, как в период Самнитских войн.


Римская Республика
510—60 до Н.Э
Латины и Кампанцы
Приобрет. Рима до 264 г.
—"— —"— 264—241
Приобр. Рима до 238—201
—"— —"— 201—118
—"— —"— 118—60
Масштаб
0 200 400 600 км
Средиземное море
Тирренское море
Адриатическое море
Эгейское море
Понт Эвксинский
Атлантический океан
Кантабрское море
Италия
Галлия
Фракия
Македония
Египет
Африка
Нумидия
Мавритания
Рим
Карфаген
Александрия
Иерусалим

Эти цифры показывают, что трибы и центурии были собственно не призывными округами, а подразделениями самого ополчения; они охватывали все боеспособное мужское население и соответствовали своему названию сотен (центурий) только тогда, когда собирались действительно все, ибо 9 000—10 000 способных носить оружие разделялись, как мы видели, на 95 центурий (84 центурии пехотинцев, 5 добавочных центурий и 6 конных).

Когда последний царь (которого предание именует Тарквинием Гордым) был низложен и удален в изгнание, государственное устройство изменилось в том смысле, что место одного пожизненного верховного правителя должны были заступить двое ежегодно переизбираемых должностных лиц, называвшихся первоначально преторами, а позднее консулами. Эти выборы производились организованным в войско народом — центуриями. Отныне, таким образом, центурии являются уже не только организационными единицами ополчения, но и политическими избирательными единицами. Как таковые, она удержались при всех преобразованиях римского государственного строя, и благодаря им нам известна первоначальная военная организация римского народа.

Чтобы использовать организацию ополчения для политической цели — для выбора консулов (или преторов), надо было организовать также и стариков, неспособных более к военной службе; наряду с 84 центуриями «младших» (juniores) были созданы еще 84 центурии «старших» (seniores), и, таким образом, — намеренно ли или же по случайно оказавшимся в списках личного состава данным — пожилым гражданам было предоставлено при выборах относительно больше голосов, чем молодым. Всадники и дополнительные центурии не подразделялись на «старших» и «младших», из чего мы заключаем, что они по самой своей природе представляли нечто иное, нежели центурии пехотинцев. Последние являлись только организационными частями ополчения, а потому, пока эта организация служила только военным целям, она не охватывала стариков. Но конные центурии мы должны мыслить как общества всадников, искони включавшие также и старых мужчин, которые, по своему всадническому положению, в случае войны еще несли службу. То же относится и к плотникам, кузнецам, писарям, музыкантам, профессиональные объединения которых — цехи, если угодно,— по самой своей природе охватывали также и стариков.

Такой взгляд на зависимость между позднейшей римской системой выборов и первоначальной организацией войска издавна принят историками, и порукой его правильности служит для нас не только самое это деление по явно военному принципу, но также и чрезвычайно показательное соотношение цифровых данных. В первый период республики римское государство делилось на 21 трибу, а нормальной численностью легиона (т. е. половины всего ополчения под командой каждого консула) еще во II в. считалось 4 200 пехотинцев. Оба эти числа, сохраненные преданием, несомненно, достоверны, и их совпадение нельзя относить за счет случайности. Оно вполне объясняется тем, что при основании республики половина пешего ополчения фактически составляла 4 200 чел. при 300 всадниках, и это само по себе случайное число было удержано впредь как норма. С этим не вполне согласуется третье сохраненное преданием число, а именно — 85 центурий «младших» вместо 84, как следовало бы ожидать. Однако, этому небольшому от-

клонению найдено теперь очень простое объяснение (ср. ниже добавление 1), так что и это число, несмотря на закравшуюся в него ошибку, очевидно, подтверждает оба первые, а с ними и все наше построение.

Что центурии «старших» были прибавлены лишь впоследствии, когда войсковые части стали служить избирательными единицами, не подлежит никакому сомнению. Действительный призыв мужчин старше 46 лет производился так редко, что для него не могла существовать постоянная организация с кропотливым учетом [1]. Если писатели, жившие на два или три века позднее, упоминают при описании войн Камилла про ополчение стариков, то эти подробности никак не имеют для нас исторической ценности.

Итак основным принципом римской военной организации, как она сложилась еще при царях и удержалась при республике, мы должны признать всеобщую воинскую повинность в самой суровой и напряженной форме.

Римская воинская повинность была гораздо тяжелее афинской, — даже если учесть морскую службу, которая для Рима отпадает; в самом деле, ведь в Афинах службу во флоте, за исключением редких отдельных моментов, несли большею частью наемники или даже рабы.

В Риме военизация глубже проникала в общество, чем даже в Спарте. Там крестьяне в огромной массе были несвободны, что делало их невоеннообязанными и небоеспособными, пока Пелопоннесская война не вынудила нарушить этот принцип.

Военное напряжение Рима было тем суровее, что неизбежные издержки на выплату жалованья полевым войскам покрывались не из податей, взимаемых с каких-либо подчиненных городов, как это было в Афинах, а попросту налогами. Предание приурочивает введение жалованья войскам к осаде гор. Вейи; Моммсен с полным основанием полагает, что эту дату следует отодвинуть к более раннему периоду. Даже в те времена, когда Рим был уже властителем всей Италии, руководящие семьи хвалились патриархальной простотой своего образа жизни. В старом торговом городе, лежавшем на Тибре среди плодородных земель, с древних пор не могло ощущаться недостатка в средствах для создания богатства; однако, достаток должен был служить не привольной жизни частных лиц, а государственным нуждам,— и такое воззрение еще продолжало жить в римском обществе, когда условия жизни давно уже изменились. Так и у греков историческая легенда рассказывает о враждебном всякой роскоши законодательстве Ликурга в Спарте и о бедном, но неподкупном афинянине Аристиде; однако, эти образы являются лишь чисто эпизодическими для Эллады Между тем Цинциннат, Курий Дентат и Фабриций представляют действительно национальный тип древнего Рима.

Две цели, которым с 510 г. служили центурии, являясь одновременно войсковыми и избирательными единицами, в силу естественного хода вещей все больше отдалялись одна от другой. Бывали войны, когда к оружию призывалось не все мужское население, а де-

[1] Регулярный правительственный учет населения представляется на первый взгляд очень простой задачей: на деле же, — когда он должен вестись непогрешимо, — он требует самого тщательного и неусыпного контроля. Ошибка в ту или иную сторону может иметь очень серьезные последствия, а между тем работа в силу вещей неизбежно находится в руках писцов, которые, помимо нерадивости, могут оказаться доступными подкупу. В 214 г., когда каждый мужчина призывного возраста, не ушедший в поход, должен был бросаться в глаза на улице, ревизия обнаружила 2 000 «младших», уклонившихся от воинской повинности (Ливий, XXIV, 18, 7).

лался отбор, — и чем обширнее становилось государство, чем длиннее бывали марши и длительнее походы, тем затруднительнее становилось отрывать от очагов всех мужчин. Таким образом, ополчение сменилось набором, а наборы производились, разумеется, не по мелким корпорациям, какими были центурии, а по более крупным областным единицам — по трибам. Смысл слова «центурия» разбился, таким образом, на два понятия, которые теперь не имели ничего общего как между собою, так и с исконным значением слова — сотней; с одной стороны, центурия обозначала теперь политическую избирательную единицу, с другой — подразделение легиона. По мере расширения территории римского государства учреждались новые трибы (их число достигло впоследствии 35), а с ними и новые центурии как избирательные округа. Число конных центурий, первоначально — 6, к неизвестному нам моменту (может быть, в 304 г.) повысилось до 18.

Боевые приемы старого римского ополчения представляются нам в точности такими же, как у древнегреческой фаланги гоплитов. Поэтому мы позволяем себе перенести на римлян эти греческие названия. Правда, на этот счет не сохранилось никакого положительного предания; но так как и внутренние причины и последующее развитие исключают возможность того, что римляне в древние времена имели отряды, вооруженные только мечом и сражавшиеся гурьбой, то единственно допустимым остается предположить для них линейный строй копейщиков в тяжелых доспехах, т. е. фалангу.

Легион есть военно-административная единица, а отнюдь не тактическая. Своим существованием он обязан той случайности, что при введении института двух консулов, каждый из которых должен был командовать половиной ополчения, эта половина как раз составляла 4 200 чел. пехотинцев и 300 всадников [2].

Числа эти сохранены были как норма на позднейшие времена, когда и масштабы и самое устройство войска в корне изменились. Впрочем эта норма соблюдалась не строго; часто состав легиона падал значительно ниже нее; иногда, наоборот, пехота усиливалась до 5 000, а при Марие даже до 6 000; но основное понятие сохранялось, так что по мере роста численности войск увеличивались не самые легионы, а их число.

Точно так же и подразделение старинного легиона—центурия—представляет никак не тактическое, а только административное понятие.

Когда Рим сделался главным городом разросшегося союза и обязал своих союзников выставлять войска, то эти союзные контингенты не включались в легионы: это не имело бы смысла, так как легионы являлись только административными частями, а каждый союзный контингент сохранял до известной степени самостоятельное управление. В то время существовал принцип, по которому одна половина войска всегда состояла из римских отрядов, а другая — из союзнических. Следовательно, для определения римских сил надо удваивать

[1] Дата заключения мира между Римом и Тарентом вскоре после окончания Самнитской войны. — Прим. перев.

[2] Если правильна наша выкладка, что при учреждении консулата в Риме была 21 триба и круглым счетом 8 400 пехотинцев, способных к действительной службе, то возникновение для легиона нормы в 4 200 чел. нельзя объяснить иначе, как тем, что каждому консулу определена была половина ополчения. Когда войско бывало в полном сборе и оба консула налицо, то верховное командование переходило через день от одного к другому.

число легионов, хотя, конечно, на практике тут часто происходили очень значительные уклонения от этого общего принципа [1].

В кавалерию союзникам полагалось присылать вдвое больше против того, что выставляли сами римляне.

Щедрое предоставление прав римского гражданства целым общинам облегчало возможность поддерживать такой порядок; но это приводит нас в значительно позднейший период, чем тот, который мы рассматриваем сейчас.

1. Новые воззрения на военное устройство древнего Рима привели к полному перевороту в наших представлениях о древнеримском государственном устройстве в его целом. До сих пор все построения историков брали в основу сервианское деление народа на классы. Уже 1-е издание настоящего труда лишило почвы этот классовый принцип, так как из подсчета населения стало ясно, что центурии различных классов не могли сколько-нибудь резко различаться по своей численности, а, следовательно, представление, будто в Риме вместо строгой и всеобщей воинской повинности была лишь ограниченная, построенная по степеням повинность и соответственно с нею такое же неравное, пропорциональное богатству право голоса, оказывается совершенно превратным. Но если это так, то к чему же вообще деление на классы? «Наличию классового принципа при всеобщем равном избирательном праве, — писал я тогда, — остается только одно объяснение — косность римского сословного самосознания». Нельзя не признать, что такое объяснение являлось в сущности лишь последним отчаянным средством избежать окончательного отказа от традиционных представлений. С тех пор один из моих учеников нанес традиции последний удар: сервианский классовый строй следует вовсе вычеркнуть из древнейшей истории Рима. Фрэнсис Смит [2] в своей книге «Римская тимократия» (Francis Smith, Die römische Timokratie) неопровержимо доказал, что так называемый сервианский строй возник не в VI, а во II в. Он представляет собою неудачную попытку произвести конституционную реформу в духе катоновской политики, с ориентацией на среднее сословие, чтобы отодвинуть от государства возраставшую опасность со стороны аристократии, в услужении которой была теперь продажная чернь, — опасность охлократии. Вероятнее всего эти попытки произвели в 179 г. цензоры Марк Эмилий Лепид и Марк Фульвий Нобилиор. («Они изменили порядок подачи голосов и распределили трибы по районам и разрядам граждан, на основании их имущественного положения и доходов». Т. Ливий. 41, гл. 51.)

Очень возможно, что тогда же и трибы были разделены каждая на 10 центурий вместо прежних 8. Что первоначально в трибе было именно 8 центурий, следует из соотношения чисел: 21 триба, по 4 центурии «младших» в каждой, как раз и составит 8 400 чел., или 2 легиона пехоты.

Чтобы народ легче принял в 179 г. разделение по новому принципу, оно представлено было как восстановление исконного древнеримского государственного права; в то время были найдены как писания царя Нумы Помпилия, так и комментарии царя Сервия Туллия, и по этим довольно скудным и отрывочным данным тогдашние римские историки построили полную противоречий картину сервиан-

[1] Об этом очень ценные указания дает Штейнвендер (Steinwender, Program d. Gymn. zu Marienburg, 1879).

[2] Berlin, Georg Nauck, 1906. Ср. «Preuss. Jahrb.», т. 131 (Januar-Heft, 1908).

Примечание к 3-му изд. А. Розенберг (A. Rosenberg, Untersuchungen zur römischen Zenturienverfassung, 1911) признает несостоятельность моммсеновского построения и пытается найти средний путь между Моммсеном и мною. Подробный разбор этих контргипотез завел бы нас слишком далеко. Основная ошибка Розенберга заключается в том, что он недостаточно учитывает статистику народонаселения Рима и его области.

ского строя. Аналогию этому явлению представляют Второзаконие, Жреческий кодекс и конституции Дракона и Ликурга Фальсификаторам было еще известно, что ко времени изгнания царей Рим имел 21 трибу и сообразно этому 168 центурий пехоты. При разделении народа на классы они округлили это число (так, по крайней мере, мы можем допустить) до 170 (80; 20; 20; 20; 30) и таким образом внесли ошибку, создавшую головоломную задачу для ученых: каким образом войско из 8 400 чел. (2 легиона) могло насчитывать 85 центурий, т. е. одну лишнюю центурию?

Другая несообразность — та, что при 21 трибе, в которых каждая выставляла 3 центурии гоплитов и 1 центурию легковооруженных, легион почему-то насчитывал не 3 000 гоплитов и 1 200 легковооруженных, а 3 150 гоплитов и 1 050 легковооруженных, — получилась, повидимому, не по вине историков. Причина этой несообразности лежит в самом ходе исторического развития, и ей тоже найдено довольно правдоподобное разъяснение. Можно с достоверностью принять, что в Риме было первоначально только 20 триб. Следовательно, несообразность возникла благодаря прибавлению 21-й — клустуминской — трибы. Членам новой трибы сперва не вполне доверяли, — видели в них не совсем полноценных ополченцев, — а так как численное соотношение между легковооруженными и гоплитами (1 : 3) было слишком скупо, то клустуминцев назначили всех на подсобную службу; впоследствии же, когда характер ополчения в корне изменился, различие между клустуминцами и членами других триб само собою исчезло. Такое объяснение хотя и не имеет прямых доказательств, все же представляется вполне приемлемым. В добавлении к книге Смита я подробно развил этот взгляд в специальной статье, напечатанной в «Preuss. Jahrb.» (т. 131, стр. 87, 1908), к которой я и отсылаю читателя. С появлением этой статьи многие страницы в 1-м издании устарели. Здесь же я добавлю только нижеследующее.

2. Старая римская фаланга имела будто бы ту особенность, что члены ее были вооружены неравномерно; только самые передние были облечены в полные гоплитские доспехи; за передними шла шеренга без панцырей, затем — шеренга также и без поножей; задние же вооружены были только копьями, а самые последние — одной лишь пращей. Эти сведения, конечно, недостоверны, однако, очень вероятно, что в них заключается доля истины. Выше мы установили (ч. 1, гл. 3), что фаланге не приносило никакой пользы, если задние ее ряды следовали без вооружения, но в римском войске этих «невооруженных» не следует рассматривать как членов фаланги; они соответствуют греческим легковооруженным, т. е. обозным солдатам, прислужникам, которые несли также второстепенную строевую службу. У римлян они несколько воинственнее, чем у греков, так как набирались из полноправных граждан, тогда как граждане богатых греческих городов,—как, например, афиняне,— брали с собою в поход рабов, а спартанцы — илотов. Ополченец же без панцыря и поножей мог рассматриваться как тяжеловооруженный и сражаться в фаланге. Естественно, что в древнейшие времена очень многие граждане не были в состоянии обзаводиться панцырем и поножами. Таких приходилось ставить в задние ряды; но как для государства, так и для каждого из ополченцев снабжение всех солдат полным вооружением было бы гораздо выгодней, чем такое ступенчатое построение фаланги. Коль скоро в каком-нибудь общественном арсенале или частном доме были в наличии панцыри, они должны были выдаваться недостаточно вооруженным гоплитам. Выставлялось предположение, не лишенное некоторых оснований, что вообще различие заключалось не в самом вооружении, а только в том, являлся ли ополченец в полных собственных доспехах или получал вооружение от государства [1].

[1] Brunke, Philologus, 1881, стр. 368.

В подробностях предания, — что первый класс имел круглые медные щиты (clipei), второй (ввиду отсутствия панцыря) — длинные четырехугольные (scuta), а третий класс не имел поножей, — нетрудно узнать позднейшее построение римских историков: в те времена, когда государство еще не было в состоянии снабдить полным вооружением всех своих фалангитов, невозможно было бы проводить или хотя бы предписывать такие тонкие различия. Консулы не считались с тем, какой был у воина щит — круглый медный или же четырехугольный деревянный, обтянутый кожей, с железной обивкой; а поножи составляли настолько маловажную часть вооружения (позднейшие римские легионеры не носили их вовсе), что здесь они явно притянуты для построения классовой лестницы. Древко копья, острота его наконечника и закал клинка составляли гораздо более существенное различие для боеспособности отдельных солдат, чем замена металлических поножей какими-нибудь крепкими кожаными голенищами.

3. Всаднические центурии, несомненно, имели свою собственную историю, не сходную с историей пехоты; да и назывались они первоначально не центуриями, а трибами. Они не подразделялись на «младших» и «старших», и численность их для древнейшего периода республики относительно велика. В те времена, когда в Риме общее число способных к действительной службе граждан не превышало 9 000—10 000, среди них никак не могло быть 1 800 всадников. Нормально на 8 000—9 000 чел. пехоты (2 легиона) полагалось 600 чел. конницы; эту норму позднейших времен я и принимаю за наличное число всадников в древнейший период.

Если теперь принять во внимание, что 3 древнейших и знатнейших конных центурии носили собственные имена — Рамнов, Тициев и Луцеров, а далее к ним примыкали Рамны, Тиции и Луцеры secundi (т. е. вторые) и еще 12 безымянных центурий, то само собой напрашивается предположение, что эти 3 центурии, названные здесь в первую голову, были аристократическими обществами, существовавшими еще до того, как народная масса организовалась в центурии. Эти аристократические общества являлись в войска в качестве всадников, сопровождаемых большей или меньшей пешей свитой; но так как они представляли собой нечто большее, чем просто ополчение, а именно — братства, клубы,— то к ним принадлежали также старики и инвалиды. Когда же по изгнании царей войсковые части стали нести политическую функцию избирательных единиц и ради этого созданы были центурии «старших», то для конных центурий в этом не было ни надобности, ни возможности, так как они уже включали в себя стариков, хотя те и не принимали больше постоянного участия в войсках. Во всяком случае римская знать никогда не пыталась основать свою власть на избирательном праве стариков в центуриях: она оказывала давление на народные выборы через должностных лиц и жречество.

4. Главным доказательством того, что в основе деления на центурии лежало войско, являются центурии музыкантов и ремесленников. Кузнецов надо рассматривать, главным образом, как оружейных мастеров, которых брали с собою, чтобы можно было тут же в строю производить необходимые починки.

Кроме них была еще центурия accensi velati[1]. Римские историки сами были не уверены, как надо понимать этот термин (ср. цитаты у Марквардта «Röm. Staatsverw.», II, 329, примеч. 2). Эти центурии отождествлялись то с застрельщиками, то с запасными, которые должны были вступать в ряды на места убитых и раненых в их вооружении. Последний взгляд в настоящее время получил преобладание. Но я не могу представить себе в войске подобных людей. Выходит, что пока в рядах не образуется бреши, они не несут никакой функции и не имеют никакого оружия? Но это означало бы напрасную трату сил: ведь кормить их надо было так же, как и

[1] Accensi — приписанные, резервные, заменяющие выбывающих из строя; velati — невооруженные.

всех прочих. Конечно, когда гоплит выбывал из строя, то было очень важно спасти его ценные доспехи. Самым лучшим решением было немедленно вооружить ими другого. Но 100 чел. accensorum на войско в 8 400 чел. нехватило бы для этой цели после первого же боя. С другой стороны, если проявлялась забота, чтобы численность гоплитов по возможности не убывала, то на это имелись легковооруженные, которые и должны были пополнять урон. А раз так, то наличность горсточки специальных «запасных» теряет всякий смысл. Тогда они представляли бы собою такую же центурию легковооруженных, как и все другие. Коль скоро же они упоминаются особо, их назначение должно было быть иным.

Я полагаю, что собранные Моммсеном («Staatsverw», III, 1, 289) надписи и цитаты наводят на правильный след. Здесь центурия «невооруженных резервистов» выступает как привилегированная, а каждый отдельный резервист — как уважаемый человек, который гордится своим званием. Мне кажется, что этого никак нельзя примирить с традицией, которая видит в резервистах граждан последнего класса, совершенно неимущих. Разве могло бы из такой пролетарской центурии образоваться общество, принадлежность к которому являлась желанной честью и в котором мы действительно находим представителей знати? Моммсен приходит к совершенно правильному заключению, что эти люди «по всей очевидности исполняли раньше какие-то общественные обязанности». Какие же это могли быть обязанности? Несомненно, связанные с армией, и призывались они для службы в армии. Следовательно, эти люди составляли управление армии, штат писцов, счетоводов, служащих интендантства и ординарцев, в которых нуждались как высшие, так и низшие командиры. Варрон (цитата у Марквардта, указ. соч.) ясно говорит об этом во многих местах. Когда устраивался смотр войскам, то и они должны были выступать невооруженными (velati), а когда войско разделено было на центурии избирателей, они рассматривались как особая центурия,— совершенно так же, как трубачи, горнисты, кузнецы и плотники. Представление, будто accensi velati были пролетариями, сложилось только тогда, когда установлено было разделение народа на классы по имущественному признаку, с целью создания тимократической системы выборов. Тут этих accensi никак не удавалось пристроить, а потому их поставили попросту внизу. Если верно, что они назывались также ферентариями (по Фесту и Варрону) и что это слово производилось от глагола «нести» (и означало, следовательно, «носильщика»), то они, очевидно, были первоначально не более как слугами, из которых со временем развился штат более высоких должностных лиц.

5. Такие сообщения, как фраза Афинея (VI, 106): «они напали вместе с тирренцами, начавшими рукопашный бой фалангой», не следует более повторять. Хорошо еще, если Катон действительно знал из живого предания, что римляне первоначально сражались фалангой, а не пришел к этому заключению сам, сообразно естественному ходу вещей. И, конечно, никакая живая историческая традиция не могла сохранить сведения о том, что римляне переняли эту тактику у того или другого народа.

Также бессмысленно повторять, что scutum являлось, по Афинею, самнитским или, по Плутарху («Ромул»), сабинским оружием и что его, по Плутарху («Камилл»), стали обивать железом со времен Камилла. Все это — совершенно произвольные фантазии и предположения позднейших историков, противоречивших друг другу; так, например, по Ливию (VIII, 8), римляне сперва носили clipei, а после того как войскам была установлена плата, т. е. со времен Камилла, введены были scuta.

6. W. Helbig в своих работах «Die Castores als Schutzgötter des Römischen Equitatus» (Hermes, т. 40, 1905) и «Zur Geschichte des Römischen Equitatus» (Abhandlungen d. Kgl. Bayr. Akad. d. W. I кл., XXIII, 2. Abt., 1905) пытается доказать как для римлян, так и для греков (ср. выше, стр. 39), что в более древнем периоде.

equites следует рассматривать не как кавалерию, а как конных гоплитов. Однако, относительно Рима исследование принесло более богатые плоды, чем относительно Греции, так как опирается не столько на толкование изображений, сколько на прямые источники и показания. Приводя множество цитат из всех первоисточников, Гельбиг констатирует сперва, как сильна была традиция, утверждавшая, что в древнейшие времена римляне вели конные бои и отправлялись на войну в седле. Этой традиции противоречит один рассказ в ineditum Vaticanum (Hermes, XXVII, 1892, стр. 118), восходящий, вероятно, к Фабию Пиктору, по которому римляне только в период Самнитской войны создали сильную конницу. Гельбиг, желая примирить противоречивые данные, толкует это в том смысле, что в то время под эллинистическим влиянием конные гоплиты были преобразованы в настоящую кавалерию, и ставит это в связь с конным парадом через весь город, который, согласно преданию, произвел в 304 г. цензор Фабий Максим (Mommsen, Staatsrecht, III, 1, 493, примеч. 1).

Ошибка этого исследования, как и соответственных изысканий того же автора в отношении Греции, лежит в слишком резком разграничении между пехотой и кавалерией. Гельбиг приводит в пример драгун XVII в., представлявших собою ездящую пехоту. Эти драгуны действительно являлись ездящей пехотой, которой давались не слишком ценные лошади, чтобы не так тяжело ощущалась потеря. Это, конечно, нисколько не соответствует античным ἱππεῖς и equites. Настоящей аналогией римских equites следует считать средневековых рыцарей, которые сражались и в седле и на земле и которым конь служил, конечно, не исключительно лишь средством передвижения. Гельбиг в доказательство того, что equites не могли сражаться на конях, приводит то обстоятельство, что у них, судя по изображениям, были слишком большие щиты. Такую аргументацию нельзя признать убедительной: они могли, когда хотели сражаться в седле, отдавать свои щиты и обходиться без этого оборонительного оружия. Когда левая рука нужна для управления поводьями, то и меньший щит подчас представил бы вместо помощи опасную обузу. Только внимательное сравнение с боевыми приемами средневековых рыцарей показывает нам, какие выводы позволяют сделать размер и форма щита относительно способов ведения боя. Римские всадники древнейших времен нередко могли сражаться спешившись еще и тогда, когда уже была учреждена фаланга легионеров, но отнюдь не в резерве, как полагает Гельбиг (стр. 312), а, наоборот, в первых рядах фаланги, как это часто делали рыцари в XIV и XV вв. Вообще понятие «резерв» неприменимо к фаланговой тактике более раннего периода.

Противоречию между неизданной Ватиканской рукописью и несомненно верным преданием, сообщающим, что древний Рим располагал всадниками, следует, повидимому, искать другое объяснение. Это место гласит: «Мы не можем воевать в конном строю, наоборот, почти вся сила римлян заключается в пеших... заставили их сесть на коней». У нас нет никакой необходимости вносить в этот отрывок нечто большее, чем то, что он дословно означает, а именно, что во время Самнитских войн римляне значительно усилили свою конницу и учредили 12 новых центурий, так что теперь их стало 18. Что это случилось не раньше и не позже, как в 304 г., нельзя считать доказанным; впрочем не исключена возможность, что торжественный конный парад по городу был приурочен к этой реформе.

Очень интересна упоминаемая и воспроизведенная у Гельбига каменная плита VI в., изображающая римских всадников, один из которых вооружен мечом, другой секирой, у третьего оружия нельзя разобрать. Такая смесь в вооружении совершенно не соответствует нашему понятию о кавалерии, но зато очень характерна для рыцарства.

Действительно ли из почитания диоскуров как покровителей всадников вытекают такие важные следствия, какие выводят отсюда Гельбиг, я не берусь судить.

7. Все первоисточники и литература о римском военном искусстве указаны у Иоахима Маркварда во II томе его «Römische Staatsverwaltung»; 2-е издание этого труда под редакцией A. v. Domaszewski вышло в 1884 г. (Fünfter Band des Handbuches der Römischen Altertümer von Joachim Marquardt und Teodor Mommsen). Это 2-е издание представляет в сущности лишь перепечатку 1-го с некоторыми дополнениями, а именно, к нему добавлен указатель более новой литературы. Таким образом, здесь все еще проводится в настоящее время почти всеми оставленный взгляд, будто манипулы строились в бою шахматным порядком.

Я сам разрабатывал проблему римской манипулярной фаланги сперва в «Histor. Zeitschrift», т. 51 (1883), затем в Hermes, т. 21 (1886) и «Histor. Zeitschrift», т. 56, стр. 504 (1886) и т. 60, стр. 239 (1888). Первые 2 статьи объединены в приложении к моей книге: «Perser- und Burgundenkriegen». Другие воззрения развивали: Fröhlich, Beitr. z. Kriegführung in Kriegskunst d. Römer z. Zeit d. Republik, 1886; Soltau, Hermes, т. 20; Bruncke, Neue philologische Rundschau, Jahrg. 1888, стр. 40; Kuthe в одной из юбилейных статей, посвященных директору Нельтингу в 1888 г.; Steinwender, Programm d. Marienburger Gymnas., 1877, «Zeitschrift f. Gymnas.-Wesen», 1878; Giesing, Programm. d. Vitzthumschen Gymnas., 1891.

Все эти работы характеризует одна и та же ошибка: их авторы слишком сложно представляют себе тактические действия, тогда как первый закон тактики — простота.

Из более новой литературы укажем на Lammert, Die Entwicklung d. Römischen Taktik («Neue Jahrb. f. d. kl. Altertum», 1902), где на стр. 102 очень хорошо обрисовано римское всадничество на основании отрывочных данных и аналогий. В остальном построения автора чересчур искусственны и в настоящее время, после книги Смита, устарели.

Очень ценна статья Либенама (Libenam) «Exercitus» («Войско») в Paulys Real-Encyklopödie»; она содержит тщательно проработанный обзор как всех первоисточников, так и новейшей литературы и вызванных ею споров.

В 1913 г. появилась статья Штейнвендера «Die römische Taktik z. Zeit d. Manipularstellung», Danzig, H. Bruning. Ценную критику на нее дал в своем исследовании, ошибочном в большинстве частностей, Роберт Гроссе, «D. Liter. Zeit.», Nr. 11, стр. 685.

8. О смысле выражений classis, infra classem, classes Зольтау напечатал в журнале «Philologus», 72, 358 (1914) исследование, идущее по правильному пути, но не доведенное автором до конца. Я смотрю на это так: classis означает первоначально «ополчение»; ополчение сопровождалось сперва некоторым количеством слуг, легковооруженных и пр., т. е. ψιλοι, которых римляне называли infra classem, или вне (ниже) разряда, класса; когда эти легковооруженные были организованы и разделены по 1 200 на легион, то из них составилась вторая classis. Таким образом, слово стало означать «часть», и с этого момента можно уже говорить о classes во множественном числе.

9. Решающую роль в истории римской пехоты сыграло, конечно, жалованье солдатам, введенное если не с самого начала, то во всяком случае очень рано. В связи с этим интересен установленный Шлоссманом факт («Archiv f. latein. Lexikographie», т. 14, 1905), что слово stipedium,— впоследствии означавшее как «жалованье», так и «налог»,— означало первоначально «солдатский налог», т. е. налог, собираемый специально на оплату жалованья солдатам.

Глава II

Манипулярная фаланга

Исконная простая фаланга в период Самнитских войн подверглась преобразованию, конечным результатом которого явилась так называемая манипулярная фаланга.

Установить отдельные стадии, пройденные, как надо полагать, этим развитием, в настоящее время невозможно, но заключительная фаза, — тот порядок, в котором римляне выступали в бой еще против Ганнибала, — ясно встает у нас перед глазами.

Гоплиты были разделены теперь по возрасту на три разряда: гастатов, принципов и триариев. Самые молодые — гастаты — составляли 1 200 чел., средние — принципы — тоже 1 200, а старшие — триарии — 600 чел. Этим упразднялись прежние центурии, т. е. организация ополчения по сотням. Но слово продолжало жить как обозначение самого мелкого подразделения легиона, численность которого для гастатов и принципов была установлена в 60 чел. Две таких центурии вместе составляли 1 манипулу; каждый разряд имел 10 манипул, а, следовательно, весь легион — 30 манипул; но манипулы триариев были вдвое слабее, чем манипулы обоих более молодых разрядов.

К каждой манипуле причислялось равномерно по 40 не имевших доспехов. Таким образом, старое соотношение — 3 000 гоплитов и 1 200 не имевших доспехов на легион — осталось в силе. Если же на 60 тяжеловооруженных триариев полагалось столько же легковооруженных, как на 120 гастатов и принципов, то это стоит в определенной связи со служебным характером этих легковооруженных: людям постарше из разряда триариев предоставляли больший штат для обслуживания их, чем молодым гастатам и принципам.

Новое деление преследовало чисто тактические цели.

Как ни просто построение фаланги, все же ее порядок легко нарушается. Даже просто передвигаться более или менее широким фронтом очень трудно; но стоит этому фронту разорваться где-нибудь в одном месте, как тотчас в другом возникает давка. Это случается даже на совершенно ровном учебном плацу, а уж если поле представляет какие-либо неровности или препятствия или если надо двинуть войско вперед, забирая несколько наискось вправо и влево, то правильное движение становится вообще неосуществимым. Между тем при наступлении на противника чрезвычайно важно сохранить хоть какой ни на есть порядок [1]: в давке бойцы не могут толком пользоваться своим оружием, а в разрывы может легко проникнуть неприятель; одно лишь опасение такой возможности порождает растерянность, как это некогда изобразил Ксенофонт (Анабазис, IV, 8, 10). Этот недочет должен был быть изжит при манипулярном построении.

Уже относительно греческой и македонской фаланг мы можем с уверенностью принять, что они не образовывали совершенно непрерывных фронтов, а оставляли между частями небольшие интервалы, благодаря которым облегчалось правильное наступление, а при столкновении с противником само собой происходило просачивание задних

[1] Фукидид (VI, 98) рассказывает нам, как сиракузцы хотели дать сражение афинянам и уже выстроились в боевом порядке, когда полководцы заметили вдруг, что «войско рассеянно, и его нелегко привести в порядок»; они из-за этого увели войско обратно в город.

шеренг фаланги в передние. Эти интервалы римляне ввели теперь в систему.

10 манипул гастатов, — при нормальной расстановке каждой манипулы по 20 чел. по фронту и по 6 чел. в глубину, — стоят одна подле другой на небольших интервалах. Так как манипулы невелики, то интервалы получаются очень частые. За ними вторым эшелоном стоит разряд принципов, но так, что каждая их манипула приходится против интервала в манипулах гастатов. За принципами выстраиваются манипулы триариев.

Две центурии, на которые разделяется каждая манипула, стоят друг подле друга и занимают, следовательно, по фронту половинное расстояние.

Каждая манипула держится плотной, цельной массой. Если где-либо образуется сдвиг, то замешательство не охватывает всей фаланги, а прекращается у ближайшего интервала или самое большее у следующего, причем эти интервалы соответственно сокращаются. Если же при этом интервал на другой стороне слишком расширится, то его тотчас закрывают по команде центуриона центурией или целой манипулой принципов, вклиняя их в линию гастатов. В крайнем случае этот прием можно повторить еще раз, вдвинув во фронт манипул остающихся еще в запасе триариев.

Небольшие же разрывы при столкновении с противником смыкаются сами собой.

В фаланге разрывы и скопления находятся в естественной взаимной связи. Если бойцы столпятся где-нибудь в одном месте, то в другом неизбежно возникнет разрыв. Поэтому нужно было найти средство против обоих зол одновременно. Если разделить старую фалангу и оставить промежутки между частями во избежание скоплений и вызываемого ими замешательства, то очень легко возникали бы разрывы. Интервалы неизбежно приводят к этому. Приходилось пользоваться ими с большим ограничением. Введение более частых интервалов можно было осуществить только в том случае, если одновременно принять меры к немедленному закрытию возникающих отсюда брешей, что и достигалось путем деления легиона на 3 линии — гастатов, принципов и триариев — и расстановки манипул задних линий против интервалов передних. Расчленять фалангу можно было не иначе, как одновременно и вдоль и поперек.

Прием, казалось бы, очень простой, но вместе с тем он требует большого искусства. Греки не могли проводить его в жизнь. Им для этого недоставало предпосылки римской дисциплины. Казалось бы, что обучить каждого солдата очень просто: его часть — центурия или манипула — передвигается вперед по направлению к фронту, как только перед ней открывается брешь. Но эта простая вещь в серьезный момент очень трудна. В шуме и сутолоке сражения перед лицом смертельной опасности подобное правило не всегда может быть выполнено. С другой стороны, и человек, находящийся в линии фронта, увидев, что рядом с ним открылась брешь, теряется и не знает, куда ему податься. Итти вперед, пока прорыв не закроется, означает для него верную гибель: противник ворвется прямо сюда и ударит на него сбоку.

Гоплит в фаланге, как мы это узнали от Эврипида (см. выше, кн. 2, гл. 5), не предоставлен самому себе и собственной храбрости, — нет, он зависит также от стоящего рядом и позади. Следовательно, мало закрыть разрыв,— надо еще, чтобы бойцы передних шеренг фаланги

имели твердую уверенность в том, что это действительно будет своевременно сделано, иначе им изменит мужество.

Однако, продвижение манипул второй и третьей линий не должно совершаться по усмотрению и произволу отдельных бойцов. Нельзя слишком рано выступать вперед; если интервал невелик, он должен остаться; увеличение его может оказаться лишь мгновенным и ликвидироваться само по себе. Если же разрыв достаточно велик, то выдвижение задней манипулы должно произойти неукоснительно; в противном случае оплошность грозит привести к тому, что сражение будет проиграно. Следовательно, манипулярный строй требует в высшей степени твердого и верного командования. Гастаты должны вполне полагаться на то, что центурион, стоящий позади манипулы принципов, в нужный момент даст приказ и поведет свою манипулу на угрожаемый участок. Моральная стойкость легиона покоится на твердой уверенности гастатов в своевременном выступлении принципов.

Организация манипулы и ее целевое назначение натолкнули римлян на применение для обозначения манипул особых значков, что было совершенно неизвестно грекам. Бойцы ни под каким видом не должны были удаляться от своих манипул; поэтому каждая манипула получила видимый символический пункт сосредоточения бойцов — флажок. В самом бою эти флажки, правда, не имели прямого и существенного значения. Только при выдвижении частей к линии фронта они могли служить ориентирами; непосредственно же во время наступления не может быть и речи о равнении на значок, так как все внимание по необходимости направлено вперед; наконец, в опасном рукопашном бою солдат смотрит исключительно на противника, а если и кинет взгляд в сторону, то не далее как на соседей, чтобы не отбиться от своих.

Существенную роль манипулярных значков надо искать в условиях мирного обучения, когда они содействовали воспитанию у каждого отдельного бойца привычки крепко держаться своей манипулы. При выработке этой сплоченности, т. е. при упражнениях, значки имели не только символическое значение, но приносили и практическую пользу, облегчая равнение.

Манипулярный строй не только дает фаланге возможность постоянно сохранять свою сущность, но еще и облегчает ей передвижения при неблагоприятных условиях местности. Что бы ни происходило по пути, фаланга никогда не теряет своего порядка, всегда встречает противника сомкнутым, непрерывным фронтом. На место почти монолитного в своей целостности единства выступает единство расчлененное. Фаланга получила звенья.

Расчленение фаланги помимо подвижности и порядка при наступлении создавало еще и другое преимущество. Мы видели, что в старой фаланге легковооруженные могли найти применение лишь в очень слабой степени. Теперь же интервалы позволяли высылать вперед летучие отряды стрелков: ведь даже когда гоплиты стояли довольно тесными рядами, стрелки имели возможность вернуться в тыл через интервалы между звеньями [1], не вызывая замешательства. Однако, не следует думать, что все 1 200 легковооруженных в легионе применялись подобным образом. Ведь, если бы гоплиты стояли по 15 чел. в глубину и по 200 в ширину, это должно было бы образовать стену застрельщиков в 6 чел. глубиною, тогда как в действительности поль-

[1] Полибий, XI, 22, 110.

зоваться метательным оружием могут не более 2 чел., стоящих один за другим [1].

По одному свидетельству, сохранившемуся у Ливия (см. ниже— ч. 8, гл. 8), для этой цели применялось только 20 чел. от каждой манипулы гастатов, т. е. в общей сложности 200 чел. из легиона; вероятно, сверх того еще некоторое число высылалось с флангов; часть следовала за гоплитами для оказания первой помощи раненым; остальные оставались в тылу и окапывались в лагере, составляя его гарнизон.

В несомненной связи с разделением фаланги на манипулы стоит также изменение в римском оружии и в боевых приемах. Раньше римские гоплиты сражались, как и греческие, копьем, а в качестве подсобного оружия имели короткий меч, кинжал или нож. Отныне римский воин мечет сперва копье и затем скорым шагом устремляется вперед, чтобы завершить борьбу мечом. Хотя копье и имеет преимущество большей длины, но в борьбе с противником в хороших доспехах оно представляет собою неудобное оружие [2]. По терминологии современной германской армии, «нижняя хватка» [3], как мы ее обычно представляем, давала неверный и не очень сильный удар, так как при ней предплечье и кисть должны принимать неестественное, почти отвесное положение; полную силу такой удар получает лишь в том случае, если он направлен сверху вниз. Колоть же копьем так, как это практикуется в современной кавалерии,— «верхней хваткой», зажимая древко между торсом и верхней частью руки, — для гоплитов невозможно. Это — прием атакующих всадников, который имеет целью ударить противника безразлично как и достигает этой цели даже в том случае, если удар придется по щиту или панцырю и выбьет всадника из седла, не причинив ему ранения. Гоплит же должен высмотреть у закованного в латы противника уязвимое место и соответственно вонзить свое оружие.

Для этой цели заостренный меч [4] или короткий кинжал гораздо лучше приспособлен, чем копье, а вдвойне действительным является, конечно, последовательное применение обоих этих видов оружия, как это, вероятно, и практиковали римляне, сперва кидая копье (которое и было сконструировано соответственным образом в виде дротика «pilum» [5]) и затем врезаясь с обнаженным мечом в расстроенные об-

[1] Также и Вегеций (I, 20) ясно свидетельствует, что число высылаемых вперед за линию фронта легковооруженных было незначительно и что они высылались преимущественно с флангов.

[2] Каждое оружие имеет свои преимущества и недостатки, и оценка их остается субъективной. Так, например, Групп (Grupp) в своей «Kulturgesch. d. Mittelalters» (I, 109) говорит: «Норвежское Королевское Зерцало предостерегает от слишком раннего выпуска копья: в сухопутном бою одно копье стоит двух мечей».

[3] «Vorschrift f. die Waffenubungen d. Kavalerie», Berlin 1891.

[4] Какова была конструкция первоначального римского меча, неизвестно. Вероятно, он представлял собою не более как длинный и крепкий кинжал, что-нибудь вроде охотничьего ножа или даже просто обыкновенный нож, какой употребляется, чтобы резать мясо или тесать дерево. Во время Второй пунической войны был введен «испанский меч» — прямой обоюдоострый меч, заостренный на конце, приспособленный скорее для укола, чем для удара, короткий и очень широкий сверху. A. Müller, Philologus, т. 47, стр. 541. Из Villenoisy «Du mode d'emploi des épées antiques», «Revue archéol.», 1894, стр. 230, нельзя извлечь ничего существенного.

[5] Дротик (пилум), представлявший собою, — по крайней мере первоначально,— простое метательное копье с очень длинным и тонким наконечником, имеет свою собственную историю. Об этом из современных авторов лучше всего трактует Дам (Dahm, «Jahrb. d. Ver. v. Aitertumsfreunden in Rheinland», 1896/97, стр. 226). До

стрелом неприятельские ряды. Можно допустить, что тот самый военный авторитет, который расчленил фалангу на манипулы, повысил также и ее боевую мощь, предписав и осуществив на деле комбинацию обстрела копьями с рукопашным боем.

Само собою разумеется, что обычно метать копья приходилось только двум первым шеренгам фаланги; остальные сохраняли свои копья в руке. Триарии, которым почти никогда не доводилось метать копий, вообще не имели пилума; у них удержалось старое гоплитское копье — «hasta» [1].

Примечательна также в манипулярном строе организация фаланги по возрасту. В прежней римской классовой фаланге вперед выставлялись наиболее надежные и лучше других вооруженные. Теперь передние ряды пополняются младшими, а задние — старшими. Это служит показателем, что теперь в войске учитывались и сочетались два принципа — военный и гражданский. В глубокой фаланге задние шеренги почти никогда не принимают участия в непосредственном рукопашном бою, так что за исключением случаев общего бегства им не угрожает почти никакой опасности, — разве что залетит шальная стрела. В чисто гражданском войске нельзя распределять опасность просто по возрастам, так как один гражданин равен всякому другому; в чисто наемном войске — еще того менее, так как каждый продал свою жизнь за одну и ту же плату. Но в организованном по-военному гражданском ополчении вполне естественно, что послужившие уже отцы семейств становятся в задние ряды и говорят молодым бойцам: «Теперь ваша очередь». Равным образом и у немцев ландвер применялся больше для гарнизонной и тыловой службы, чем для боевой. «Res ad triarios venit» вовсе не означает, что теперь должны выступить избранные отменные бойцы; нет — это звучит так же, как немецкое «дело дошло до ландвера» и означает не что иное, как недостаток в людях. Ведь и солдат германского ландвера отличается большой военной гордостью и как старый солдат кичится перед новобранцами, но это отнюдь не придает ландверу ценности отборных войск.

Из среды гастатов, на которых падала вся тяжесть подлинного боя, выделялись, как и у греков, избранные воины, составлявшие передние шеренги фаланги.

странности ошибочная конструкция, предложенная Рюстовом, служит лишним доказательством тому, как в сущности трудна критика античного литературного предания даже для наилучших практиков и как легко она попадает на ложный след. Заслуга правильной реконструкции пилума принадлежит Линденшмиту (Lindenschmit); очень ценными также и для этого вопроса оказались раскопки, предпринятые по почину Наполеона III.

Примечание к 3-му изданию. A. Schulten (Rhein. Museum, N. F., т. 66, стр. 573, 1911) считает вероятным, что пилум, как таковой, был только во Вторую пуническую войну заимствован у иберов. Это, конечно, отнюдь не исключает возможности того, что римляне задолго до того усвоили прием — бросать издали копье и вести рукопашный бой ножом, кинжалом или мечом, иберам же они были обязаны только последним техническим усовершенствованием в конструкции метательного копья. Положительных указаний, когда именно римляне ввели описанную выше комбинацию боя копьем и мечом, мы не имеем да и не можем иметь в силу самой природы вещей.

[1] По Полибию. В эпоху цезарей мы находим, что в арсеналах оружие делилось на «оружие для войск, стоящих впереди знамени», и «оружие для войск, стоящих позади знамени», что вряд ли могло означать что-либо иное, чем то, что передним шеренгам полагался «pilum», а задним «hasta». Ср. Domaszewski, Sitz.-Bericht. d. Heidelb. Akad., 1910, стр. 9.

1. За нормальную глубину манипулы я взял 6 чел.; это составит глубину всей фаланги 15 чел. (манипула триариев имела лишь половинный состав). Мы можем это вывести из соотношения различных чисел. К каждой манипуле принадлежало еще 40 чел., не имевших доспехов, составлявших при маневрировании задние шеренги фаланги. Числа подобраны были так, чтобы при полном наборе не получалось неделимых остатков. Но манипулы триариев имели, несомненно, ту же глубину, что и другие подразделения, а, следовательно, были по фронту вдвое уже остальных и стояли на очень больших интервалах. Только при таком условии они могли исполнять свое назначение. Если бы они строились только по 3 чел. в глубину, то их выдвижение на линию фронта приносило бы мало пользы, так как столь тонкая стена не могла бы оказать в рукопашном бою достаточного сопротивления. Между тем большие интервалы в третьем ряду не представляли опасности: ведь полководец мог во время наступления стягивать их туда, где возникали широкие бреши и предвиделось — или уже происходило — внедрение принципов в ряды гастатов.

Итак нормальная ширина фронта манипулы должна была выражаться числом, которое входит множителем в 120, 60 и 40, глубина же — таким, на которое делятся без остатка 120 и 60. Отсюда выводим, что гоплиты строились по 20 чел по фронту (триарии — по 10) и по 6 чел. в глубину; вся фаланга имела, таким образом, в глубину иногда 18, а иногда и 12 чел., в среднем же — 15. Не имевшие доспехов стояли во время смотров по 2 чел. в глубину за двумя младшими разрядами и по 4 — за триариями, если только они не выключались вовсе из фаланги гоплитов и не выстраивались в тылу за триариями. Другая мыслимая по соотношению чисел комбинация — та, что манипулы гоплитов имели каждая всего по 3 шеренги, — недопустима по существу, так как в этом случае вся фаланга в целом оказалась бы очень неглубокой, а манипулы — слишком широкими для своей главной цели, т. е. для заполнения разрывов.

У греков за норму глубины было принято 8 чел. Нас сразу поражает, что римляне строили фалангу почти вдвое глубже. Но не следует упускать из виду, что эти цифры говорят лишь о норме, которая в пределах надобности допускала изменения; так и о греках мы зачастую слышим, что они стояли в 12, а то и в 25 рядов. Далее, надо принять в расчет, что в построении римлян были интервалы. Глубокая расстановка имеет минусом короткий фронт, легко допускающий опасность обхода и фланговой атаки. Римское же построение удлиняло фронт за счет интервалов; а в тех местах, где во фронт выдвигались принципы, глубина понижалась и составляла, — если дело доходило до триариев, — всего 6 чел. Таким образом, для фаланги легиона средняя глубина в 15 чел. соответствовала 10—12 шеренгам греческой фаланги.

2. В старом легионе легковооруженные назывались, видимо, р о р а р и я м и, а позднее в е л и т а м и. Остается невыясненным, означала ли эта перемена названия какое-либо существенное нововведение. Применительно к 211 г. у Ливия (XXVI, 4) сказано: «Было решено иметь в легионах легковооруженных». Фраза звучит так, точно автор исходит из какого-то старого обозначения. Но рассказ, в который она вплетена, заставляет велитов появляться в роли г а м и п п о в, т. е. легковооруженных, перемежающихся со всадниками, — в силу чего они должны быть исключены из состава легиона. Да и многие другие штрихи рассказа наводят на раздумье, например, когда Ливий вооружает велитов копьем с наконечником. Кроме того, Ливий и в более ранних книгах не раз упоминает велитов (ср. Марквардт, II, 349, примеч. 4). Возможно, что все это согласуется таким образом: в 211 г. из рорариев впервые было выделено 200 чел., которых с тех пор высылали вперед застрельщиками; их, конечно, специально обучали и вооружали особыми метательными копьями. Эти застрельщики и названы были велитами, а со временем от них название распространилось и на всех рорариев.

О ЗНАЧКАХ (ЗНАМЕНАХ)

3. Вопрос о значках (знаменах) в римском войске представляет большие трудности, и я не беру на себя смелость сказать об этом последнее слово. Во всяком случае Домашевский в своей очень ценной статье («Abhandlungen des Archäol. Epigraph. Seminars der Universität», Wien 1885) [1] сильно переоценивает практическую ценность значков в строю. По его мнению (стр. 2), «они в длительном рукопашном бою служили для войсковой единицы опорным пунктом, на который ориентировались бойцы и при помощи которого полководец управлял их движениями в бою, поскольку вообще ему удавалось руководить массой по единому плану». Далее он высказывает мысль (стр. 6), что полководец через трубачей управлял движением значков, а бойцы следовали затем за значками.

Все это представление неправильно потому, что боец, захваченный рукопашной схваткой, уже не поддается руководству; а если и говорить тут о руководстве, то все-таки оно скорее осуществимо посредством сигнала, действующего на ухо бойца, независимо от того, слушает он или нет, а не посредством значка, на который надо обязательно взглянуть.

Сообразно этим своим воззрениям Домашевский определяет место для значков в первом ряду манипулы, где они будут видны каждому солдату. Стоффель в своей истории Юлия Цезаря («Histoire de Jules César», III, 329 и сл.) полагает, что они находились во втором ряду, и я склонен с ним согласиться, оговаривая, однако, что и этот автор, обладающий не только теоретическими, но и практическими познаниями в военном деле, все же несколько преувеличивает, на мой взгляд, значение значков в бою.

Стоффель очень убедительно доказывает, что под «антесигнанами» следует разуметь две первые шеренги манипулы. Я только ставлю под сомнение, можно ли выводы, относящиеся к когортной тактике эпохи Юлия Цезаря, переносить на более ранние времена. Например, очень возможно, что в манипулярной фаланге словом антесигнаны обозначались все гастаты, а потом, с изменением тактики, менялось и значение слова. Приводимые Домашевским места из Ливия (8, 11, 7; 9, 39, 7; 22, 5, 7) вообще совершенно не допускают предположения, что signa стояли в первой или во второй шеренге, а наводят скорее на мысль, что все signa легиона во время сражения помещались рядом, между принципами и триариями. Но так как уже и в то время signa sequi («следовать за значками») приводилось как особая примета римских солдат и так как характерное словоупотребление, выражающее военные передвижения через передвижения значков: поднимать, передвигать, нести, выносить, продвигать вперед, останавливать, вносить, соединять, повертывать, нести назад, переносить, выставлять, убирать назад и пр.,—во всяком случае восходит, по правильному замечанию Домашевского, к довольно давнему времени, то здесь, очевидно, перед нами открывается противоречие в источниках. Домашевский (стр. 12), не находя другого объяснения, предполагает, что тут речь идет о различных signa. Сообщаемое Плинием (nat. hist. 10, 16) воспоминание о том, что в древности боевыми эмблемами римлян были не только орлы, но также волки, минотавры, вепри и лошади, он считает возможным отнести еще ко времени Пунических войн; эти-то эмблемы, по мнению Домашевского, и помещались между принципами и триариями, тогда как боевые значки, служившие тактическим целям, находились при каждой манипуле.

Я считаю приемлемой еще и другую догадку, а именно, что практическое применение манипулярных значков не только возникло на учебном плацу, но им и ограничивалось. В военной обстановке значками пользовались только при развертывании боевого порядка для его выравнивания, а затем они стягивались в сере-

[1] К ней добавления в «Mitteilungen d. Östr. Archäol. Epigraph. Instituts», т. 15, 1892. Ср. также обстоятельную рецензию Моммсена, там же, т. 10 (1886), стр. 1 и сл.

дину легиона, где находились под надежной защитой, не мешая никому из находящихся в первом ряду пользоваться оружием. Практического значения для порядка и равнения в бою они отнюдь не имели, а моральный импульс, какой могло бы дать бойцу развевающееся перед ним священное боевое знамя, еще не принимался в расчет, пока фаланга двигалась мощной сомкнутой массой.

Введение когортной тактики внесло перемену. Для этих действующих вразбивку небольших тактических единиц значки играли значительно бо́льшую роль и как раз морального порядка. Поэтому теперь им отвели место в самом бою, — если не в первых, то во вторых рядах.

4. По сообщению Аппиана («Celtica», гл. I), диктатор К. Сульпиций в одном сражении с бойями приказал, чтобы дротики метались каждой шеренгой поочередно: выпустив копья в неприятеля, вся шеренга должна была пригнуть колено, чтобы следующая могла свободно бросать свои копья. Так как, по рассказу, это проделано было 4 шеренгами, после чего, наконец, когда «все» выпустили свои дротики, фаланга должна была двинуться в атаку, то отсюда было сделано заключение (Fröhlich, Kriegswesen, Cäsars, стр. 146), что гастаты стояли в 4 шеренги. Этот вывод я не могу допустить как по существу дела, так и с методологической точки зрения.

Все описания сражений IV в. представляют чистый вымысел, и подробности их не имеют никакой исторической ценности. Коленопреклоненное положение трех передних шеренг на таком близком расстоянии от наступающей или даже атакующей неприятельской колонны прюсто немыслимо. Даже на мирных учениях оно не совсем безопасно; ведь случись кому-либо в первых шеренгах слишком поздно опуститься на колени или слишком рано выпрямиться, или же кому-либо из задних слишком рано пустить копье, — и непременно будут раненые; а если с этой стороны и пройдет все благополучно, то все же возможность такого исхода и необходимость считаться с нею должны вызвать в передних шеренгах беспокойство и нервное напряжение, вред от которого с лихвой перевесит пользу, ожидаемую от многократного метания дротиков.

5. Полибий (IV, 22 и сл.) дает нам подробное описание римского вооружения, но его манера изложения при всей ее широте часто носит поверхностный характер; так, он забыл описать конструкцию панцыря. В VI, 23, 14 мы читаем: «Большинство солдат носит медную бляху в пядень[1] ширины и длины, которая прикрепляется к груди и называется нагрудником. Эти бляхи завершают вооружение. Те же граждане, имущество которых определяется цензором больше, чем в 10 000 драхм, вместо нагрудника к остальным доспехам добавляют кольчугу». По дословному смыслу этих строк мы должны принять, что огромное большинство римских легионеров вообще не носило панцырей, а лишь вешало на шею в качестве «насердника» железный щиток в одну пядь длиной и шириной. Однако, не подлежит сомнению, что этот щиток служил лишь дополнением к кожаному или холщевому панцырю, устроенному неизвестно как. Наряду с вооруженными таким образом легионерами граждане первого класса, как говорилось раньше, или — как скажем теперь вслед за Полибием — граждане, имевшие состояние свыше 10 000 динариев, носили более совершенный чешуйчатый панцырь (ср. у Марквардта, II, 337, примеч. 4 и Fröhlich, Kriegswesen Cäsars, стр. 68). У нас принято попросту повторять это за Полибием, но что следует под этим разуметь? Неужели среди гастатов, принципов и триариев здесь и там стояли люди в совершенно ином вооружении только потому, что случайно они располагали средствами? Но не могло быть в интересах государства, чтобы отдельные бойцы в шеренге были вооружены лучше других.

---

[1] Пядень или пядь — мера длины, равная пространству между растопыренными мизинцем и большим пальцем (приблизительно 20 см). — Ред.

Я предложил бы такое объяснение: «насердники» представляли собою простейшего вида панцыри, которые государство заказывало для массового производства и выдавало бойцам. При этом каждому предоставлялась свобода носить иной панцырь — добротнее или же красивее; наиболее состоятельные обзаводились «чешучайтыми» доспехами. Таким образом, «люди, имевшие состояние свыше 10 000 драхм», вовсе не означает, что здесь мы имеем дело с пережитком старого классового порядка, а означает просто «самые богатые», хоть Полибий и передает это не совсем ясно; он ложно истолковал свой источник и сам в свою очередь был плохо истолкован. Несомненно, с таким же недоразумением мы имеем дело и в том случае, когда Полибий (IV, 23) дает каждому легионеру два копья — одно легкое и одно тяжелое. Не каждый легионер был вооружен двумя копьями, а были копья двух родов: кроме легкого копья, применявшегося легионерами в бою, имелось еще и тяжелое, употреблявшееся при защите укреплений.

Глава III

Римское военное обучение, лагерное искусство и дисциплина

Нельзя строить фалангу и управлять ее движениями, не обучив соответственно бойцов. Мы должны представить себе, что уже с первого дня возникновения понятия фаланги имела место некоторая военная учеба. В Спарте и у греческих наемников она проводилась систематически. Воспитанные на дисциплине римляне не могли пройти мимо этого превосходного средства, а манипулярный строй, несомненно, требовал большего, чем то, чего достигли в этом отношении греки и македоняне. До нас дошло одно описание строевых упражнений манипулярного легиона, — правда, настолько искаженное, что долгое время оно наводило исследования на ложный путь; однако, очищенное от искажений и прикрас, оно может служить прекрасной иллюстрацией.

Главной задачей манипулярного легиона было держать крепкую связь между отдельными манипулами при наступлении и, как только в передних рядах образовывались разрывы, тотчас в должном порядке заполнять их, выдвигая центурию или манипулу из второй или третьей линии. При упражнениях это делалось таким образом, что передовые манипулы ставились на интервалах, равных фронту 1 манипулы. Затем вся фаланга двигалась вперед, причем центурионы строго следили за соблюдением раз установленных дистанций.

В бою интервалы между манипулами, конечно, нельзя было делать такими широкими, так как каждый промежуток представлял бы для врага удобное место для прорыва.

Но на учебном плацу таким способом приучали солдат итти вперед, не нарушая строя, а это очень трудно. Значок в первой шеренге каждой манипулы помогал соблюдать направление и дистанции.

Наконец, производилось пробное вдвигание принципов в интервалы между манипулами гастатов: принципы выступали на передовую линию, а гастаты оставались позади, чтобы затем таким же порядком заполнить по команде интервалы. Триарии также втягивались в это упражнение, хотя мы теперь не можем установить, каким, собственно, образом это происходило: ведь перед ними всегда находилась манипула

либо гастатов, либо принципов, пока в бою замешательство или урон не создавали разрыва.

Едва ли не столь же значительную разницу, как и расчленение на манипулы, создавал между греческим и римским войсками характер лагеря.

О лагерях греков мы имеем лишь очень скудные сведения. Ксенофонт в своем изображении государства лакедемонян (гл. 12) рассказывает нам [1], что они соблюдали в лагере хороший порядок и устраивали лагерь круглым, когда местность не предоставляла ничего другого; но он не говорит, чтобы они его постоянно укрепляли. Правда, из общей связи мы, пожалуй, можем вывести такое заключение, а кое-где даже прямо рассказывается об укрепленных лагерях; но о постоянном обычае укреплять лагерь у македонян, а тем более у других греков, очевидно, не может быть и речи. У Александра Великого и его преемников укрепление лагеря упоминается не иначе, как только при особенных обстоятельствах. Полибий ясно говорит (VI, 42), что греки, во избежание лишних трудов, не окапывались, а выискивали для расположения лагерем защищенные природными условиями места [2].

Римляне же с очень ранних пор держались твердого принципа проводить вокруг лагеря ров и вал с частоколом. Это стоило, конечно, каждый раз немалого труда, зато предоставляло большие преимущества. Обычай греков искать защиты в условиях местности естественно приводил к тому, что они нередко довольствовались лишь очень незначительным прикрытием, подвергаясь опасности нападения. Полководец неохотно предлагает своим войскам делать то, к чему они не привыкли. На успешное проведение тех или иных военных действий оказывает большое влияние их привычность. Римский полководец, который всегда и всюду нес с собой уверенность в закалке и выучке своих солдат, мог проводить гораздо более широкие и длительные операции, чем греческий. Постепенное систематическое покорение Италии, которое легло в основу государственного могущества Рима, было бы невозможно без римского укрепленного лагеря. Даже после проигранного сражения лагерь представлял собою заранее подготовленное убежище.

Но едва ли не столь же важным является другое — косвенное — последствие, на которое указывает Полибий (там же). Греки, располагавшие свой лагерь в зависимости от обстоятельств, не имели для него твердо выработанных форм; у римлян же была совершенно определенная схема [3], в которой каждая часть, каждый человек имел свое опре-

---

1 Ксенофонт, Hellenica, III, 2, 2; IV, 4, 9; VI, 2, 23. Плутарх, Фокион, гл. 13.

2 Полиэн (III, 9, 11) заставляет Ификрата занять крепкую позицию перед лагерем для прикрытия последнего. Непосредственно за этим рассказывается, правда (§ 17), что Ификрат даже и здесь, на неприятельской территории, приказал провести рвы, чтобы ему, как полководцу, не пришлось, чего доброго, сказать: «Я упустил это из виду» («я не думал, что это лежит на обязанности полководца»). Таким образом, повидимому, гораздо чаще случалось, — как это можно заключить и по первоисточникам, — что для защиты лагеря по меньшей мере рыли ров.

3 Полибий называет римский лагерь квадратным; более позднее описание лагеря у Хигина дает форму прямоугольника. В еще более поздний период углы стали закругляться; так оно, вероятно, и осталось. До известной степени устройство лагеря, конечно, приспособлялось к местности, но основная форма сохранялась постоянной. Из лагерей Цезаря в Галлии некоторые настолько сохранились до наших дней, что раскопки Наполеона III совершенно точно установили их форму и размеры. Здесь, однако, не место для обсуждения подробностей устройства римского лагеря. Наряду с Марквардтом укажу на Фрелиха («Kriegswesen Cäsars», стр. 74, а также 220 и сл.).

деленное место. Лагерь был четырехугольный, имел четыре входа, в середине стояла палатка полководца, по определенному плану шли «улицы» лагеря, а определенные знаки указывали направления. Вследствие этого выступление из лагеря и возвращение в него совершались в естественном порядке, без всякого замешательства, и даже при внезапной тревоге каждый солдат тотчас находил свое место.

У Ливия (XLIV, 39) Эмилий Павел перед сражением при Пидне держит речь к своим солдатам, в которой он так говорит о лагере: «Ваши предки считали укрепленный лагерь всегда открытой гаванью войска, откуда они выходили на противника и где, разбитые бурей сражения, они могли найти себе надежное пристанище. Лагерь есть место отдыха для победителя и оплот для побежденного. Это — военное жилище, вторая родина: вал — это стены, а палатка для каждого бойца — его дом и очаг».

Закон укрепления лагеря налагал на римского воина чрезвычайно большие тяготы. Так как не всегда представлялись возможность и время найти на месте необходимый для частокола материал, то бойцам приходилось таскать на себе помимо тяжелого гоплитского вооружения, провианта и инструмента — топоров, лопат и пил — еще нередко и самые колья [1]. Каждый греческий гоплит, как мы знаем, требовал себе слугу или помощника; римские легионеры имели 2 легковооруженных на 5 гоплитов. Греки, говорит Полибий (XVIII, 18), считали едва возможным нести свое вооружение на походе; для римлян незатруднительно было взваливать на себя еще и колья для ограды. Цезарь (bell. civ., I, 78) рассказывает мимоходом, что инородческие вспомогательные отряды не брали с собой обычной легионерской ноши.

С полным правом одна римская легенда вкладывает в уста Камилла слова (Ливий, V, 27, 8), что средства, которыми римлянин побеждает врагов, суть его «virtus, opus, arma» (доблесть, работа, оружие). «Opus», — тяжелый и безвестный подвиг земляных работ, — играет отнюдь не меньшую роль в покорении мира римлянами, чем храбрость и оружие.

Все различия между греческим и римским военным искусством восходят к различию в дисциплине.

Хотя афинские полководцы и были облечены правом налагать наказания, однако, по свидетельству Аристотеля [2], они его не применяли на деле. Даже в случаях специфически военных преступлений,— неявка в войска, трусость, бегство перед неприятелем и т. п. — не применялось непосредственного наказания, а только по окончании похода полководцы возбуждали обвинение перед народом в Афинах [3].

---

[1] Обыкновенно считается (Марквардт, стр. 426), на основании одного цицероновского описания в «Тускуланах» (II, 16, 37), что легионеры постоянно брали с собою колья. Против этого Liers (стр. 155) вполне основательно приводит три места из Ливия (VIII, 38, 7; X, 25, 6; XXV, 36, 5), где рассказывается, как нечто совершенно естественное, что воины натесали колья на месте, и также четвертое (XXXIII, 6, 1), где таскание кольев с собою явно выставляется, как нечто исключительное.

Примеч. к 3-му изд. Штолле (Stolle, Der röm. Legionär und sein Gepäck, 1914), однако, высказывается положительно за предание, по которому к постоянной нагрузке легионера принадлежит также и кол; но кол этот будто бы представлял собой довольно тонкую палку, вес которой он устанавливает в 1 310 граммов. Ср. ниже, примеч. к ч. VI, гл. 2.

[2] Ср. Bauer, Griech. Kriegsaltert., § 39.

[3] Gilbert, Handb. d. griech. Staatsaltertümer, I, стр. 356, 2-е изд. В примечании автор говорит, что «стратег мог чинить полевой суд», и в доказательство цитирует

Когда в Пелопоннесскую войну афинский стратег Демосфен задумал укрепить Пилос, что привело затем к большой победе на Сфактерии, то сначала, как запросто рассказывает нам Фукидид (VI, 4), он не мог склонить к этому ни своих сотоварищей стратегов, ни воинов. И только когда им пришлось из-за волнения на море надолго остаться в гавани на якорях, воины решили со скуки выполнить замысел своего полководца.

В своих воспоминаниях о Сократе Ксенофонт заставляет Перикла жаловаться, что афиняне всегда проявляют послушание по отношению к учителям гимнастики и руководителям хоров, но всадники и гоплиты строптиво относятся к своим начальникам (III, 5, 19). Афиняне стараются, где только можно, действовать наперекор властям и кичатся этим (III, 5, 16). Сократ видел причину этого в том, что полководцы сами ничего не смыслят в военном искусстве; следовало бы выбирать в стратеги людей, которые превосходством знания и умения завоевали бы добросовестное послушание масс, как завоевали его учителя гимнастики и хорового пения.

Однажды у Фокиона спросили (Плутарх, Фокион, гл. 23), когда же он посоветует афинянам начать войну с Македонией? Он ответил: «Когда я увижу, что молодые люди готовы нести службу, богатые — платить налоги, а риторы — отказаться от утайки общественных денег».

Зато спартанцы славились послушанием начальству, и не подлежит сомнению, что их военная община удерживала власть над своими многочисленными подданными только благодаря этой твердой спайке. Но если вомотреться ближе, то спартанская выдержка оказывается скорее результатом общего воспитания, а не тем, что мы, собственно, называем военной дисциплиной. Понятие дисциплины подразумевает, что она исходит от власти военачальника. А между тем власть военачальника в Спарте была как раз очень ограничена. В этом сложном государственном строе верховное командование войсками лежало в руках наследственных царей, но эти цари не правили, а только занимали нечто вроде председательского места среди аристократии; и вот, чтобы царская власть не возросла в силу командования войсками, пришлось сильно ограничить полномочия военачальника. Да и царствование было не единоличное, а дублированное: первоначально и на войне оба царя командовали сообща, а когда этот порядок из-за больших неудобств был отменен (ок. 510 г.), то позаботились другим путем стеснить свободу царей в области военных действий, иначе эта царская власть получила бы совсем иной вес [1].

Павсанию при Платее пришлось стерпеть, что один из командиров спартиатов, Амамфарет, не понимавший его операций, отказался выполнить его приказ и вступил с царем в открытое пререкание. Позднее

Лисия (13, 67). Это место гласит: «Так как он изменнически подавал сигналы врагу, он был забит до смерти палками по приказанию Ламаха». Таким образом, в войсках Ламаха под Сиракузами 1 чел. за измену был засечен до смерти. По какой судебной форме это было произведено, мы не знаем. Отсюда мы можем принять, что такое преступление, как измена, могло караться смертной казнью непосредственно в армии, но какую роль играла при этом дисциплинарная власть полководца, мы из этого места не усматриваем.

[1] Аристотель говорит («Politica», III, 14 (9) 2), что во время сражения спартанские цари были хозяевами над жизнью и смертью своих подчиненных; следовательно, в другое время они таковыми не были. Такая база слишком узка для создания подлинной военной дисциплины.

к царю приставлен был советник из эфоров, сопровождавший его на войне. Когда царь Агис в 418 г. хотел дать сражение неприятелю на неблагоприятном месте и уже выступил вперед на расстояние выстрела из пращи, один из старейших командиров крикнул ему вслед, что он хочет исправить одно зло посредством другого, в ответ на что царь повел войско обратно. В последовавшем вскоре затем сражении при Мантинее два полемарха вышли из повиновения и не исполнили предписанного им маневра; за это ослушание они не были тотчас наказаны царем, а только по возвращении домой отданы под суд и приговорены к изгнанию.

С выступлением на сцену греческих наемных войск возникает, конечно, иная дисциплина, чем в гражданских ополчениях. Еще в упомянутом выше разговоре между Периклом и Сократом Ксенофонт заставляет философа в противоположность сухопутному войску восхвалять отличный порядок во флоте. Когда спартанец Брасид образовал из илотов отряд гоплитов, которых повел во Фракию, он их основательно обучил и дисциплинировал. По рассказу Ксенофонта (II, 6, 10), Клеарх—самый знаменитый кондотьер «десяти тысяч»—установил принцип, что воин должен бояться своего начальника больше, чем неприятеля, и собственноручно пускал в ход палку, когда уличал кого-либо из своих людей в распущенности. Однако, когда сам Ксенофонт в обратном походе высек однажды одного солдата за то, что тот отказался помочь больному товарищу, то наказанный возбудил против него жалобу на войсковом собрании, и Ксенофонт, чтобы доказать свою правоту, должен был объяснить причину своего поступка.

У македонян под твердой властью царя-полководца господствовал строгий порядок; в тяжелых случаях царь налагал кару на виновника с одобрения своего войска[1]. Равным образом у преемников Александра, когда армия состояла из постоянных наемнических отрядов, должна была господствовать свойственная этому типу войска дисциплина, так как без нее наемников невозможно ни пускать в дело, ни просто держать в повиновении. Полибий (I, 66) высказывает мудрую мысль, что для наемников покой не годится, а является источником смуты. Это, несомненно, служило одной из причин, почему при диадохах усердно производились строевые учения. Еще Ификрат, как нам сообщают (Полиэн, III, 9, 35), постоянно давал занятия своим солдатам, чтобы они не взбунтовались; однако, среди этих занятий не упоминаются военные упражнения, а только земляные работы, рубка деревьев, погрузка провианта и сопровождение обоза.

Если и нельзя на основании всего изложенного совершенно отказать грекам в знакомстве с принципами военной дисциплины, то все же самое это понятие, собственно, впервые возникает вместе с наемничеством, а по свидетельству Полибия греки вообще никогда не могли научиться истинному повиновению. Совсем другая атмосфера охватывает нас, как только мы вступаем в римский лагерь. Только римляне вполне постигли принцип дисциплины, всю его силу и сумели провести его в жизнь.

Понятие о твердой верховной власти (imperium) не было уничтожено вместе с изгнанием царей, а лишь перенесено на двух чередовавшихся в правлении консулов. Шесть ликторов с прутьями и топором выступали перед каждым из них, как непосредственные исполнители

[1] Правильно указано Белохом в «Griech. Gesch.», II, 479.

их приказов. Даже в стенах города личная неприкосновенность гражданина едва ли имела защиту перед железной властью этих чиновников, в строю же они неограниченно распоряжались жизнью и смертью человека, и воля их была непреклонна. От консулов такая же власть распространялась и на других командиров. Каждый центурион имел палку; позднейшая эпоха видела в ней особую эмблему и, как таковую, изваяла ее в камне [1]. Вегеций подробно изображает нам (II, 19), как тщательно в римских войсках велись книги и записи жалованья, службы, командировок и отпусков. Поэтому при наборе рекрутов старались получить известное число грамотных людей, умевших писать и считать. Этот точный административный учет мы должны отнести далеко назад, к очень давнему времени, так как без него не может быть никакого порядка, а, следовательно, и никакой дисциплины. К каждой центурии издревле причислялось, таким образом, еще и несколько невооруженных (accensi velati), т. е. писцов [2]. По твердой схеме, рассказывает нам Полибий (VI, 36 и сл.), совершался у римлян обход сторожевых постов. Если дозорные не находили часового на посту или заставали его спящим, то на следующий день над ним совершался военный суд. Обвиненного трибун касался своим жезлом, и по этому знаку все солдаты кидались его бить или же забрасывали его камнями. Если несчастному удавалось избежать смерти от камней и уйти из лагеря, то он все же ни под каким видом не смел вернуться на родину. Та же неумолимая кара постигала и центурионов (Полибий говорит: «начальника арьергарда и начальника конного отряда»), если они неправильно совершали обход. Неповиновение, дезертирство и трусость карались смертью. Когда виновным оказывался целый отряд, то казнили по жребию каждого десятого.

Даже высшие командиры самого знатного происхождения иногда подвергались телесному наказанию [3].

Из римских легенд едва ли не самым характерным можно признать рассказ о консуле Манлие, который велел казнить своего собственного сына за то, что тот нарушил приказ и принял поединок по вызову из неприятельского лагеря. Окаменев от ужаса, — так живописует нам эту

---

1 Для более древнего периода мы не имеем прямых доказательств власти центуриона. Кто видит в римском гражданском войске ополчение собственников, тот скорее примет предположение, что такого рода дисциплина была введена только с переходом к вербовке из масс. Но при моем взгляде на историю римской войсковой организации не подлежит сомнению, что дисциплина испокон веков покоилась на одних и тех же основах. Где на высшей ступени власть с таким неограниченным произволом применяет смертную казнь, там она по самой природе вещей и в низших инстанциях облечена широкими полномочиями. С другой стороны, точно так же лежит в природе вещей, что центурион, чувствуя себя гражданином среди сограждан, допускал известную неровность в обращении, и какой-нибудь почтенный отец семейства в условиях обычной службы не подвергался опасности побоев. Против моего взгляда может быть приведена ссылка на Полибия (VI, 37, 8), где право наказывать, сажать под арест и сечь приписывается трибунам, без упоминания о центурионах. Но Полибий говорит здесь о формальном наказании, наряду с которым вполне могло стоять не утвержденное никакими законами рукоприкладство со стороны командиров в целях поддержания порядка.

2 Ср. выше, стр. 224.

3 Ливий, XXIX, 9, 4; Valerius Maximus, II, 7, 4; Frontin, Stratagem., IV, 1, 30, 31. «Консул Котта, оставивший вместо себя при осаде Липар своего родственника Публия Аврелия, так как сам он должен был отправиться в Мессену для повторения гаданий, после взятия и сожжения неприятелем укрепления приказал бить розгами и разжаловать Публия Аврелия в простые пехотинцы и одновременно помиловать его».

сцену Ливий, — взирали воины на страшные приготовления и только тогда пришли в себя, когда голова отделилась от туловища и потоком хлынула кровь. Но зато послушание было теперь обеспечено.

Несколько лет спустя, рассказывают далее римские исторические сочинения, случилось, что magister equitum Кв. Фабий Руллиан наперекор приказу диктатора Л. Папирия Курсора дал в его отсутствие сражение и выиграл его. Диктатор напомнил пример Манлия и вызвал ослушника на свой суд. Фабий бежал из лагеря в Рим; с ходатайством за обвиняемого выступил сенат; отец виновного, который раньше сам был диктатором и трижды консулом, апеллировал к народу и народным трибунам. Но те не решились вмешаться, считая, что на первом плане должно стоять соблюдение основных законов дисциплины.

И только когда все — сами Фабии, отец и сын, сенат, трибуны и народ—прибегли к мольбам, признав тем самым право верховной власти полководца и закон субординации, диктатор позволил себе смягчиться и уступил преступника римскому народу, во власть трибунов, потому что они не требовали, а просили.

На греческой почве немыслим был бы рассказ о Манлие или о Папирие. Даже в Спарте никогда не существовало такого представления о силе административной власти. Эта власть сдерживала и уравновешивала в Риме аристократический и демократический элементы. Ни один не мог вытеснить и подавить другой. В этом государстве всеобщего и равного избирательного права, где формально признан был суверенитет народа, сохранилась в то же время на деле властвующая аристократия, занимавшая в войске командные должности. Как отражение этих сил, сложился римский народный характер; твердая административная власть явилась корнем дисциплины, а на древе дисциплины возросли плоды — манипулярная тактика и постоянное, планомерное укрепление лагеря.

1. Описание, из которого я счел возможным заимствовать картину древнеримского строевого учения, вплетено Ливием в рассказ о Латинской войне (340 г.) и связано с обзором общего развития римской тактики. Ввиду важности этого свидетельства мы должны обработать его в общей связи и, проанализировав строку за строкой, постараться оправдать то применение, которое мы из него сделали здесь. Ливий (VIII, 8) говорит: «Раньше римские войска имели круглые щиты, но затем, после того как войско стало получать жалование, оно заменило круглые щиты продолговатыми».

Это замечание является, очевидно, гипотезой римского историка, который представлял себе, что римляне в древние времена должны были иметь щиты гомеровских героев, и связывал переход к легионерскому щиту с введением платы в войсках.

Следующая фраза показывает, что мы имеем дело с подлинным знатоком; перевести ее следует так: «Первоначальная фаланга, похожая на македонскую, была сперва расчленена на манипулы, а затем поделена на несколько частей».

Введение эшелонного строя, как мы увидим, имело место на исходе III в., во Вторую пуническую войну. Следующая ступень, когортная тактика, достигнутая на пороге I в. до нашего летосчисления, здесь еще не упоминается. Отсюда можно заключить, что описание принадлежит автору, жившему во II в., или еще точнее — в первой половине II в. Рассказчик сравнивает древнеримский строй с македонским; этим он отнюдь не хочет сказать, что римляне в древнейшие времена вооружены были сариссой. Имей он это в виду, он назвал бы римскую фалангу не просто «похожей на македонскую», а совершенно ей подобной. Общим могло

здесь быть только сомкнутое линейное построение и вооружение копьем, иначе говоря — то, что мы видим в древней греческой фаланге гоплитов. Но автор — возможно, Катон — приводит в пример, вместо последней, македонскую фалангу, потому что в ту пору как раз велась или только что закончилась война с македонянами, и представление об их фаланге было очень хорошо знакомо римлянам.

«Каждое отделение («ordo») состояло из 60 бойцов, 2 центурионов и 1 знаменосца».

Это отделение в 60 чел. есть позднейшая центурия, т. е. половина манипулы. Но оно должно иметь не двух, а только одного центуриона и сверх 60 гоплитов еще 40 легковооруженных. Далее, оно едва ли могло иметь собственного знаменосца, как как значок был не у центурии, а у всей манипулы. Следовательно, либо Ливий допустил здесь оплошность,— слово «ordo», означавшее в его источнике «отделение», истолковал как центурию и затем, желая дать разъяснение, вставил в текст свой неудачный и неясный намек,— либо же позднейший интерполятор исказил таким образом текст. Фразу следует вычеркнуть.

«Первый ряд боевого строя составляли гастаты (т. е. бойцы, вооруженные копьями), делившиеся на 15 манипул...»

Нам, вообще говоря, известно только одно деление легиона — на 3 части: гастатов, принципов и триариев, по 10 манипул в каждом. Однако, сообщение Ливия о 15 манипулах может заключать в себе историческую истину. Вполне допустима мысль, что старую фалангу разделили первоначально только на 2 части по 15 манипул, о чем сохранилось воспоминание. Если это так, то Ливий, конечно, делает только ту ошибку, что он приписывает 15 манипул всем 3 частям. Во всяком случае легиона в 45 манипул никогда не существовало. Порядок голосования центуриатных комиссий неопровержимо доказывает, что легион искони состоял из 42 центурий, а связь этого легиона с тем, который описан у Полибия и в котором на 3 000 гоплитов приходилось 1 200 легковооруженных (что равняется 42 центуриям), совершенно несомненна. Это развитие не могло однажды быть нарушено другой цифровой схемой, от которой затем случайно или преднамеренно вернулись к прежним числам. Тождественность этих чисел в различные века скорее доказывает нам консервативность мышления, сказавшуюся в этом постоянном сохранении раз введенной цифровой нормы.

«Они выстраивались на небольшом расстоянии друг от друга. Манипула включала 20 легковооруженных бойцов, остальные же носили продолговатые щиты. Легковооруженными назывались бойцы, вооруженные только метательным копьем и пикой. Это был передовой отряд, состоявший из цветущей молодежи призывного возраста. За ними шел отряд, состоявший из более зрелых людей, разделенный на столько же манипул; они назывались принципы, все имели продолговатые щиты и были прекрасно вооружены».

В этом абзаце ценно замечание, что к манипуле гастатов прибавлялось 20 легковооруженных, тогда как манипула принципов их не имела. Нельзя усмотреть, ради чего кто-либо стал бы сам изобретать такое утверждение; оно, очевидно, соответствует истине и подкрепляет наше мнение, что только незначительную часть легковооруженных можно рассматривать действительно как бойцов.

«Этот отряд из 30 манипул назывался «антепиланы», так как остальные 15 рядов размещались уже позади знамен...»

Текст отнюдь не позволяет нам признать за этими «антепиланами» и отрядами «позади знамен» особое тактическое значение; да и слово «антепиланы» понятно лишь постольку, поскольку триарии некогда назывались «pilani»; отсюда и первый их центурион даже в более поздние времена назывался «primus pilus». Но что, собственно, означали слова «pilus» и «pilani», нам неизвестно; как правильно выводит Зольтау, они не стоят ни в какой связи с pilum (дротиком). Однако, из этого

места также можно заключить, что в бою signa ставились между принципами и триариями.

«Из них каждый в свою очередь подразделялся на 3 части, из которых каждая первая часть называлась pilus. Ряд состоял из 3 знамен, а при знамени было 186 чел. За первым знаменем шли триарии — старые бойцы, испытанные по своей храбрости. За вторым — следовали рорарии, менее надежные как по возрасту, так и по нравственным качествам. Наконец, шли «причисленные» (accensi) — наименее надежный отряд, почему он и был поставлен в последнем ряду».

Это место доставило ученым много хлопот. Если трудно было справиться с 3 × 15 манипулами, то 3 значка на каждые 186 чел. и вовсе нельзя было осилить. Пытались превратить «vexillum» в «vexilla III», но и это не разрешило вопроса. Наконец, вся фраза от слов «из которых» до слов «186 чел.» была разжалована в интерполяции. Но каким образом интерполятор пришел именно к этому числу — 186?

Что тут мы имеем дело с рядом грубых ошибок, на этом сходятся теперь все исследователи. Я предложил бы внести поправку следующим образом. Прежде всего надо исключить 45 манипул. Они появились на сцену потому, что в источнике Ливия речь шла о более раннем периоде, когда в легионе было только 2 части по 15 манипул в каждой. Ливий ошибочно отнес это число также и к триариям. С тех пор как появились триарии, каждая часть имела только по 10 манипул.

Далее ошибочным является различение триариев, рорариев и accensi по их воинской доблести. Различие между триариями и рорариями лежало в возрасте, в вооружении и в функциях. Accensi же вообще не были бойцами.

Следовательно, построение войск, списанное у Ливия, применялось не в сражениях, а на смотрах, и это объясняет нам также цифру 186. На смотре «небойцы» и «полубойцы» стояли за бойцами, т. е. за триариями. Манипулы гастатов, принципов и триариев держались вместе. За каждой манипулой триариев, которая сама имела 60 чел., стояли 3 × 40 рорариев всех 3 манипул и 6 accensi (денщиков, военных писарей) от 6 центурий — 186 чел!

Ошибка, сделанная Ливием, состоит только в том, что он дает рорариям и акценсам собственные значки и что он, как показывает дальнейшее, принимает все в целом за боевой порядок. В этом смысле он и списывает картину, внося свои интерполяции; но его источник был безупречен, что как раз доказывается числом 186, вызвавшим столько споров. Ниже (часть VI, гл. I), в описании сражения при Киноскефалах, мы встретимся с аналогичным приемом со стороны нашего автора: пользуясь Полибием, он делает ошибку в переводе и затем на основании этого ошибочного перевода описывает всю обстановку по-своему, измышляя для нее причины. Так как в этом случае мы еще располагаем подлинником, с которого Ливий переводил, то здесь весь этот процесс совершенно прозрачен.

У консулов и трибунов тоже, конечно, были свои accensi, но они не принимали участия в параде легиона, так как принадлежали к штабу.

«Когда войско было построено в таком порядке, гастаты прежде всех начинали сражение. Но если они не могли устоять против неприятеля, они медленным шагом отступали назад, и принципы их тотчас же принимали в промежутки между своими рядами. Тогда уже сражались принципы, а за ними следовали гастаты. Триарии выстраивались позади своих знамен, вытянув левую ногу, плечом они опирались на щиты, а копья с поднятым вверх острием держали воткнутыми в землю, представляя собою боевую линию, как бы защищенную укреплением. Если принципы терпели неудачу в битве, то они из первого ряда отступали постепенно к триариям. Отсюда для обозначения крайней опасности вошло в поговорку выражение «дело дошло до триариев». Тогда триарии поднимались с места, приняв принципов и гастатов в промежутки между своими рядами, образовав, таким образом, сплошную

фалангу, как бы загораживающую все выходы, быстро нападали на неприятеля, не имея уже больше позади себя никакой поддержки. Для неприятеля этот момент был самый ужасный: преследуя уже как бы побежденного противника, он вдруг видел, что на него наступает новый и еще более многочисленный боевой отряд» (Ливий, VIII, 8).

Пришлось бы отказаться от всякой возможности понять развитие римской тактики, если вместе с Ливием рассматривать это описание как описание боя римской эпохи. Для того чтобы манипулы принципов могли пройти сквозь манипулы гастатов, эти последние должны были быть расставлены на интервалах, равных ширине фронта 1 манипулы. Это до некоторой степени осуществимо на совершенно ровном учебном плацу, где продвигаются на незначительное расстояние и в любую минуту делают остановку для исправления ошибок и выравнивания. Но это совершенно немыслимо в бою, когда интервалы по мере продвижения неизбежно нарушаются, то слишком увеличиваясь, то уменьшаясь. А если бы даже гастатам и удалось подойти к противнику, сохранив правильные интервалы, то это представляло бы самый неразумный боевой порядок, какой только можно себе вообразить. Каждая манипула тотчас оказалась бы окруженной и теснимой с обоих флангов. Еще нелепее представление, будто бы гастаты пускались в наступление, соблюдая интервалы но затем, перед столкновением с неприятелем разрежали свои ряды с целью сомкнуть таким образом фронт. Ведь создался бы неисправимый беспорядок, если бы бойцы в то самое мгновение, когда им следовало ринуться на неприятеля, должны были бы сперва сосредоточить свое внимание на соблюдении интервалов. Даже просто для того, чтобы пропустить вперед принципов, гастатам пришлось бы под давлением неуклонно теснящего их противника вновь смыкать свои ряды до такой тесноты, при которой они едва ли могли бы пользоваться своим оружием; и прежде чем принципы успели бы вступить в интервалы, лишь постепенно доводимые до должной широты, неприятель, конечно, не преминул бы воспользоваться добровольно предоставленными ему разрывами фронта, врезался бы во фронт и окончательно раздавил бы гастатов в их беспомощном, стесненном положении. Таким образом, все представление о расстановке манипул в бою в шахматном порядке следует отмести. Но такое построение вполне понятно и уместно, если мы сочтем его только за учебный маневр, как это и сделано нами выше. К этой цели оно приспособлено наилучшим образом. Если же это так, то единственной погрешностью Ливия, объясняемой опять-таки просто интерполяцией, будет то, что автор заставляет гастатов отступать, когда нужно пропустить вперед принципов. Провести в полном порядке такое попятное движение целой строевой единицы в 120 чел. вряд ли возможно, да к тому же и бесцельно; маневр, по всей вероятности, совершался следующим образом: гастаты оставались на месте, а принципы выступали вперед за линию фронта. Ливию пришлось это извратить потому, что он представлял себе всю картину не на учебном плацу, а на поле сражения и соответственным образом описывал ее.

Интервалы между отдельными римскими легионерами, как и между греческими гоплитами, были гораздо шире, чем теперь у нас, так как иначе они не могли бы свободно пользоваться своим оружием. Эти интервалы исчислялись в 3 фута (ок. 1,5 м), тогда как человек имеет в плечах всего 1,5 фута (ок. 0,75 м). Отсутствие тесного соприкасания, конечно, сильно затрудняло маневр. Возможно, что второй ряд выстраивался не в затылок, а против интервалов или при столкновении с неприятелем по меньшей мере закрывал промежутки. Поэтому Вегеций (III, 14) предполагает интервалы между рядами не в 3, а в 6 футов, считая от первого до третьего, от второго до четвертого и т. д. Ср. Руд. Шнейдер, «Philolog. Wochenschr». от 15 мая 1886 г., № 20, и ниже, ч. IV, гл 1 «Über die Sarisse und den Rottenabstand» (О сариссе и интервалах между рядами).

2. Большие заслуги надо признать за Штейнвендером [1] в его попытке установить по первоисточникам порядок выступления римского войска из лагеря. Однако, учитывая состояние наших источников, я не решаюсь высказаться с уверенностью о таких деталях. Исследование Штейнвендера страдает тем недочетом, что оно упускает из виду постепенное развитие римской тактики от простой фаланги через расчленение на манипулы к делению на линии (эшелоны). Автор рассматривает манипулярный строй так, как будто бы он искони заключал в себе деление на 3 части. В своем отзыве на статью Штейнвендера, появившемся в «Militär-Literaturzeitung» (№ 9, 1907 г., стр. 336), майор Балк делает нижеследующее добавление: «Судя по известным мне многочисленным римским лагерям, porta pretoria (ворота, ведущие в лагерь, где находится командир) всегда делались шире, чем боковые ворота. При выступлении из лагеря, по моему мнению, пользовались всеми выходами (см. цитату Полибия: «И весь лагерь должен притти в движение»), чтобы по возможности сократить срок пребывания в тесноте; оба легиона выступали одновременно двумя шедшими рядом походными колоннами через porta pretoria, а союзники тем временем выходили из обоих боковых ворот. Путем развертывания можно было в ожидании сражения построить «agmen quadratum» «боевую колонну» (в противоположность нашему автору я понимаю под этим термином укороченную походную колонну), или же, регулируя моменты и сроки выступлений, построить обычную походную колонну «agmen pilatum», шириной по фронту в 4 чел.».

Глава IV

Пирр

Выводы относительно древнеримской тактики мы сделали на основании преданий, вплетенных в историю римской конституции; но до нас не дошло известий о ходе какого-либо определенного сражения. Древнейшие римские сражения, о которых мы, по характеру наших источников, можем еще кое-что знать, относятся к войне с Пирром.

Хотя в Риме еще и тогда не записывалось никаких исторических рассказов, но другие участники войны — греки — не обошли своим вниманием этого замечательного события: сам Пирр оставил о нем мемуары, использованные затем в доступном для нас источнике, а именно — у Плутарха.

Тем не менее для истории военного искусства из этих рассказов ничего нельзя извлечь. Возможно, что многие подробности предания правильны, и историк может повторять рассказ без особенных опасений. Но для нашей цели мы должны прилагать более строгое мерило. Наша задача — установить неуклонное развитие техники военного дела, а для этого можно пользоваться только безусловно достоверным данными. Рассказ же о пирровой войне хотя и восходит к надежному первоисточнику, однако, получен нами лишь из третьих рук; мы уже не имеем возможности проверить его слагаемые и отделить в общей фабуле легенду от исторических фактов, так что ни одну деталь нельзя признать вполне достоверной.

[1] Th. Steinwender, Professor am Königlichen Gymnasium zu Danzig. „Die Marschordnung des römischen Heeres zur Zeit der Manipularstellung", Danzig, A. W. Kafemann, 1907.

Пирр был племянником и подражателем Александра Великого; полагаясь на выработанную его предшественниками, славными македонянами, военную систему и военное искусство, он задумал покорить запад, как те покорили восток. Прибавив к войску слонов, он сделал свою вооруженную силу еще грознее, чем она была некогда при Александре. Но ему не под силу оказалось одолеть упорное сопротивление властвовавшего над Италией города-государства с его своеобразной организацией военного дела. Одержав не одну победу на поле сражения, Пирр все же должен был отказаться от войны. Мы не знаем, понес ли он в конце концов действительное тактическое поражение или же в тактическом отношении борьба осталась нерешенной и только невозможность создать надежную политическую базу побудила царя-кондотьера признать войну бессмысленной и прекратить ее. Во всяком случае римляне, несмотря на ряд поражений, одержали победу, и этого было достаточно, чтобы воспрепятствовать Пирру в создании большой державы, откуда он черпал бы средства для продолжения борьбы. Не создав такой базы в самой Италии, а опираясь только на незначительный Эпир, он не мог продолжать войну.

1. Наряду с общим изложением римской истории у Моммсена и Инэ (Ihne), а также соответствующими страницами Низе в его «Истории греческих и македонских государств со времени сражения при Херонее» (Niese, Gesch. d. griech. und macedon. Staaten seit d. Schlacht bei Chäronea), Пирру посвящены две монографии: R. v. Scala, Der Pyrrhische Krieg, и R. v. Schubert, Geschichte d. Pyrrhus, 1894.

Отсутствие исторической ценности в передаче событий этой эпохи римским преданием прекрасно доказано Шубертом, стр. 182.

СРАЖЕНИЕ ПРИ ГЕРАКЛЕЕ

2. Силы римлян исчисляются Моммсеном в 50 000 чел., Скалой — в 36 000. Силы Пирра известны нам столь же мало.

Пирр расположился за р. Сирисом; как принято думать, он избегал сражения и поджидал подкреплений от союзников. Это во всех отношениях невероятно. Во-первых, Пирр как хороший полководец знал, конечно, что маленькая речка вроде Сириса не являлась для противника действительной преградой. Во-вторых, если он со своей стороны ждал союзников, то ведь равным образом и римляне легко могли стянуть к себе подкрепления; они собрали на месте далеко не все свои силы, а по некоторым предположениям — даже только четвертую часть своих сил.

Возможно, правда, что для римлян скорейшее разрешение сражения имело большее значение, чем для Пирра. Уже самый факт его пребывания на италийской земле ослаблял авторитет римлян в подчиненных им областях, а кто отпадал от римлян, тот присоединялся к Пирру. Но раз уже дошло до встречи, то Пирр должен был принять сражение, итти на тактическое разрешение борьбы, чтобы доказать напряженно ожидавшим народам Италии превосходство своего военного искусства. Медлительность ослабила бы доверие к нему италийцев. Следовательно, Пирр занял позицию за рекой не ради уклонения от сражения, а ради получения тактического преимущества в предстоявшем бою. Он разбил свой лагерь не непосредственно у реки, а в некотором отдалении, и охранял переправы только кавалерией. Если источники сообщают, что известие о переходе римлян через реку привело его сперва в смущение, то это, по-моему, совершенно не заслуживает доверия, так как Пирр не мог желать для себя ничего лучшего.

---

[1] Шуберт, стр. 174.

Также не заслуживает доверия и то, что он, уже сознавая свое преимущество и желая ударить на римлян в сумятице переправы, выступил с одной лишь кавалерией, а фалангу оставил стоять на месте. К чему такое дробление сил?

Когда конница стала сдавать, — рассказывает дальше предание, — Пирр выслал вперед фалангу, а когда та долго сражалась с переменным успехом, вызвал, наконец, слонов и тем решил исход сражения в свою пользу. Совершенно необъяснимо, зачем Пирр, наперекор здравому смыслу, дробил свои силы, выдвигая их по частям. Так как переправа большого войска через реку, которую, как нам определенно сообщают (Плутарх), пехота могла перейти вброд только в одном месте, требовала очень большого срока и так как Пирр был своевременно оповещен всадниками о наступлении римлян, то не подлежит сомнению, что он имел возможность построить свои войска в боевой порядок и двинуть их сомкнутым строем. Нельзя подыскать никакого основания к оставлению слонов в тылу. Ведь в этом случае Пирр добровольно обрекал бы свою пехоту на тяжелые потери; вместо того, чтобы с самого начала смести римскую конницу своими слонами и затем ударить с флангов на римскую пехоту, он предоставил сперва фаланге 7 раз чередоваться с римскими легионерами в бегстве и преследовании, — как сочиняет источник Плутарха. Царь имел в своих руках полную возможность выбора. Он отлично мог уклониться от боя, отступив, пока римляне еще не переправились через реку, и мог принять сражение — непосредственно ли у реки или же позже в некотором отдалении от берегов. Для выдающегося полководца, каким все признают Пирра, невероятно, чтобы он, спеша в безрассудном пылу напасть на римлян во время их переправы, повел свои войска на противника по частям; и, наконец, совершенно невозможно, чтобы слоны двинуты были лишь после пехоты, развертывание которой в боевой порядок всегда требует гораздо больше времени.

Даже если мы примем, что царь сперва не хотел дать сражение, а только думал при помощи кавалерии оттеснить обратно за реку уже переправившиеся римские части, то все же останется непонятным, почему он не двинул тотчас вслед пехоту, а главное, почему оставил слонов позади?

Сохранившееся у Зонара предание также сообщает, что бой завязался, когда римляне еще только переходили реку, и также выпускает на сцену слонов лишь под конец; в остальном оно сильно расходится с обычной версией и, в частности, ничего не сообщает о долгой нерешительной борьбе между обеими фалангами.

Данные о потерях колеблются между 7 000 и 15 000. Но так как численность войск нам неизвестна, то эти числа не представляют большого интереса. Примечательно, что в источниках ничего не говорится о трудностях, которые должна была доставить потерпевшим поражение римлянам обратная переправа через Сирис; только Зонар упоминает, что они эту переправу совершили. Пирр будто бы прекратил преследование из-за одного своего слона, который пришел в ярость от полученной раны и испугал остальных.

СРАЖЕНИЕ ПРИ АСКУЛУМЕ

3. Сведения о сражении при Аскулуме более шатки и противоречивы, чем наши известия о сражении при Гераклее.

У Дионисия сохранились точные данные о расстановке обоих войск; у Фронтина (II, 3, 21) — приведены другие. Шуберт (стр. 194) выясняет, что мы имеем перед собою позднейшие римские вымыслы, — вероятно, Клавдия Квадригиария и Валерия Антийского.

По источнику Плутарха (скорее всего — Иерониму), сражение длилось два дня, по Дионисию — только один.

В первый день сражение разыгралось будто бы на неровной болотистой местности, стесненной рекою, так что Пирр не мог в полной мере использовать своих всадников и слонов. По рассказам о сражении при Гераклее, он в конце концов победил как раз благодаря этим родам войск,—так почему же такой искусный полководец вынужден был принять сражение в столь неблагоприятной для него местности? В маневрах он, несомненно, был искуснее ежегодно сменявшихся чиновников, командовавших римским войском. На второй день сражение продолжалось уже на открытой равнине; если так, то почему же римляне, столь удачно начав дело накануне, допустили этот новый невыгодный для них оборот? В этом нет, конечно, ничего невозможного, но для правильного понимания событий мы должны знать те обстоятельства, при которых это случилось и которые к этому привели; между тем нам о них ничего неизвестно.

Как при Гераклее, так и здесь,—и по Плутарху и по Дионисию,—Пирр двинул в бой слонов лишь под конец и благодаря им одержал победу.

Оба войска имели будто бы по 70 000 чел. пехоты и по 8 000 всадников, а Пирр сверх того имел еще 19 слонов. Хотя относительно этих чисел случайно нет разногласий, однако, они заслуживают доверия не более, чем все другие, относящиеся к этому периоду. Но указание, что эпироты потеряли 3 505 убитыми, а римляне около 6 000, можно, пожалуй, признать правильным, так как оно восходит к мемуарам Пирра.

По Дионисию, Пирр вообще не одержал здесь никакой победы, а сражение окончилось вничью, причем сам Пирр был ранен. По Зонару, римляне одержали даже полную победу.

СРАЖЕНИЕ ПРИ БЕНЕВЕНТЕ

4. Сообщения о сражении при Беневенте не имеют для нас никакой ценности; мы даже не можем сказать, действительно ли Пирр потерпел здесь поражение или же только не смог провести атаку, и бой оставался нерешенным. Я приведу здесь то, что по этому поводу говорит Низе (цит. соч., т. II, 52). По обычному рассказу исход сражения зависел от того, что римляне теперь уже научились защищаться против слонов, а именно обстреливать их горящими стрелами, вследствие чего животные в испуге кидались вспять и сметали своих же. Эта версия восходит к Евтропию и Орозию. Однако, она стоит в противоречии с другим, сравнительно лучшим описанием сражения—с рассказом Плутарха, по которому слоны оттеснили одно римское крыло до самого лагеря, и только здесь свежие силы гарнизона отогнали их своими выстрелами. Горящие стрелы едва ли применимы в открытом бою, так как на близком расстоянии от противника воин не имеет никакой возможности запалить стрелу; потому-то мы ничего и не слышим о применении этого изобретения против слонов в более поздние времена. Между тем из укрепленного места такой способ борьбы вполне возможен.

Зонар говорит о применении огня против слонов еще в сражении при Аскулуме. Для борьбы со слонами были будто бы построены особые колесницы, откуда животных предполагалось обстреливать огнем. Но колесницы не помогли, так как Пирр, как на зло, почему-то не пустил слонов туда, где выставлены были колесницы. При Беневенте же, по этому автору, Пирр был обязан поражением раненому слоненку, который кинулся искать свою мать-слониху и вызвал смятение в войске царя.

Глава V

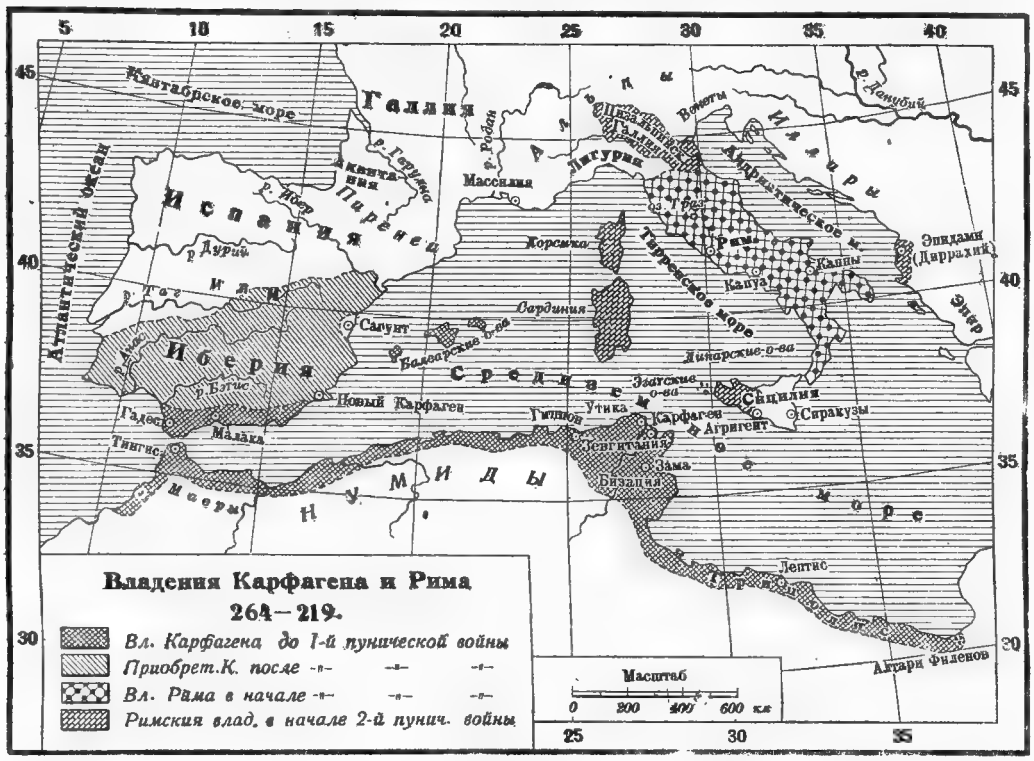
Первая пуническая война

Совершенно иначе обстоит дело с нашими сведениями, когда мы обратимся от войны с Пирром к Первой пунической войне. Здесь выступает на сцену первоклассный историк — человек, который питал особенный интерес к военному делу и сам оставил о нем немало поучительных страниц, — на сцену выступает здесь Полибий. Таких, как он, самостоятельных источников, можно сказать, не существует; факты у него обычно бывают глубоко продуманы, и за ними стоит его вполне заслуженный авторитет. Поэтому его всегда просто пересказывают. Однако, не исключена возможность того, что при этом вкрались и некоторые ошибки. Полибий сам уже не застал Первой пунической войны и не мог лично опросить ее современников и свидетелей. Для своей книги он пользуется, главным образом, двумя источниками: один из них — римский, а именно Фабий Пиктор, другой же написан был греком Филином, сочувствовавшим Карфагену. Полибий как искусный и сведущий критик подверг оба эти источника взаимному контролю, и таким путем сам заново создал картину, несходную ни с тем, ни с другим источником. Но, отбрасывая со своей стороны все спорное, он тем самым лишил нас возможности судить о подлинных качествах этих источников. Большой ценности, однако, они не могли иметь. Фабий Пиктор родился ок. 253 г. до н. э. и написал свой труд, вероятно, уже после окончания Второй пунической войны; а мы знаем, как сильно искажаются события в устном предании уже на протяжении одного поколения. Остов внешних данных давал городской календарь, но для нас сейчас важно не это. Если принять, что Фабий использовал в своем повествовании о Первой пунической войне стихотворную хронику Невия, то это едва ли послужит порукой за достоверность его описаний, хотя поэт сам принимал участие в этих боях. Что касается Филина, то он, правда, принимал участие в войне на стороне карфагенян [1] и, таким образом, ближе стоял к событиям, чем Фабий, но, судя по отзывам самого Полибия, ему не слишком можно доверять. По таким источникам даже величайший мастер вряд ли может создать достоверное в своих подробностях историческое полотно. Об Александре у нас также, в сущности, нет первоисточников; но хотя Арриан подобно Полибию сообщает нам сведения из вторых рук и хотя из них двоих Полибий обладал более острым критическим умом, все же там мы находимся в лучшем положении, потому что первоисточники Арриана гораздо ценнее. Птолемей и Аристобул, которыми он, главным образом, пользовался, были непосредственными участниками и даже очевидцами событий в наиболее выдающиеся моменты. Фабий и, вероятно, Филин вряд ли стояли ближе к событиям Первой пунической войны, чем Геродот к Персидской; но у Геродота мы сами смотрим и проверяем, что можно принять и чего нельзя, а в отношении Первой пунической войны мы вынуждены целиком положиться на суд Полибия. Но как бы высоко мы ни расценивали дарование Полибия-критика и Полибия-

[1] Unger, Rhein. Museum, т. 34, стр. 102, и ф.-Скала, Römische Studien («Приветственное слово из Инсбрука к XLII съезду германских филологов», 1893), заставили сильно считаться с возможностью, что и Невий, писавший свою поэму лишь на склоне лет, уже пользовался Филином.

историка с учетом также всей важности того, что он пользовался источниками из обоих лагерей, все же приходится признать, что наши сведения о сицилийских и африканских боях покоятся на менее верной основе, чем сведения о Марафоне и Платее.

На основании этих соображений мы отказываемся от более подробного исследования рассказов о Первой пунической войне. Самое для нас существенное, самое главное и решающее — римская манипулярная тактика — нам уже знакомо, и этим мы обязаны отчасти тому же Полибию; тем не менее мы не можем в достаточной мере доверять ему в подробностях. Сколько бы мы ни расписывали нашу картину предположениями и гипотезами, наши знания от этого не приумно-



жатся. Вот почему мы и в отношении этой войны довольствуемся лишь кратким обзором.

Давно доказано, что неправильно было видеть в ней борьбу исключительно сухопутной силы с могущественной морской державой. Рим сам издревле был торговым городом, портом Лациума, и в его гербе красовалась галера; союз же, возглавляемый им, включал города исконных мореходов — города Великой Греции, от Кум и Неаполя до Тарента. Если до тех пор Рим обращал все свои силы на сухопутную войну, то происходило это от того, что его противники были сильны на суше; в противных же случаях, как при покорении в древнейший период других латинских городов или, наконец, Тарента, римляне вели свои войны как раз в союзе с Карфагеном [1], что избавляло их от необходимости укреплять свою морскую мощь. Только борьба с самим Карфагеном принудила Рим подтянуться также и в этом отношении.

[1] Этот вопрос прекрасно освещен у В. Зольтау в «N. Jahrb. f. Philologie», т. 154, стр. 164 (1896).

Рим построил себе флот из пентэр, которых он раньше не имел, но мог легко создать, так как в изобилии располагал всем материалом для постройки и снаряжения кораблей.

Полезно будет заметить, что знаменитый рассказ, будто римляне ничего не понимали в морском деле, построили свои корабли по образцу случайно выброшенной на берег карфагенской пентэры и обучали своих гребцов на остовах кораблей на суше, восходит к Полибию, который здесь явно становится жертвой чудовищного риторического преувеличения.

В противоположность этому мы читаем, что карфагенянам пришлось учиться сухопутному военному искусству у спартанца Ксантиппа. Моммсен и этот рассказ считает отголоском греческих басен. Нич (Nitzsch) спорит с ним, так как в мировой истории мы часто встречаем нелепости, вроде той, что проявили здесь карфагеняне. Это совершенно справедливо,—так мог думать и Полибий, заимствуя свою версию, по-видимому, у Филина; но хотя это и не представляется нам такой откровенной басней, как предание о постройке римского флота, все же свидетельство Полибия не дает нам, конечно, никакой поруки в том, что эта версия верна.

Война закончилась победой Рима над Карфагеном как на суше, так и на море. Однако, обусловившее победу превосходство сил было не очень велико: 23 года длилась борьба, пока не выявились ее результаты, причем на суше карфагеняне до самого конца удержались в Сицилии. Разрешилась борьба не на суше, а на море. Предание утверждает, что решающую роль сыграло при этом изобретение абордажных мостов, доставившее римлянам перевес в морском бою. Нам, однако, такое объяснение кажется сомнительным. В позднейших боях об этом нет и речи, и римляне, несмотря на свое изобретение, проиграли еще одно большое сражение, а их превосходство на суше не смогло ни предотвратить поражения Регула в Африке, ни окончательно вытеснить карфагенян из Сицилии. Если в конце концов римляне все-таки одержали верх, то этим они были обязаны не столько искусству и доблести своих легионеров, сколько жизнеспособности объединенного под властью Рима большого Италийского союза, что давало возможность на место уничтоженного или разбитого флота без замедления спускать на воду новые корабли.

В Карфагене финансовые средства были далеко не исчерпаны, как это показала впоследствии война с восставшими наемниками, а затем выплаченная Риму военная контрибуция; однако, продолжение борьбы не обещало карфагенянам никаких выгод. Они, конечно, долго еще сопротивлялись бы и могли бы даже одержать не одну победу, но победы эти были бы бесплодны. Мощь карфагенян на суше была во всяком случае недостаточна, чтобы вырвать у римлян города и крепости Сицилии, а поражения только на море, как показывал опыт, не могли сломить Рим. Кроме того (если наши источники сообщают здесь полную правду), своими большими потерями на море римляне были обязаны не столько неприятелю, сколько буре и непогоде.

Итак карфагеняне не были окончательно побеждены, но, сознавая, что полная решающая победа для них невозможна, склонились принять мир на сносных условиях. Римляне тоже не чувствовали в себе достаточной силы, чтобы добиться большего, чем давал им этот мир. Для этого они должны были бы перенести театр военных действий в Африку, а такое предприятие не обещало успеха, раз они не сумели до тех пор вытеснить Гамилькара Барку из Сицилии.

1. В сражении под осажденным Акрагантом [1] (Полибий, I, гл. 19) карфагеняне будто бы выставили позади наемников 50 слонов. Под этими наемниками во всяком случае следует разуметь легковооруженных, так как среди (или позади) слонов поставлены были другие τάξεις. Наемники были отброшены римлянами и в бегстве увлекли за собою слонов, а также и все остальное войско.

ПОРАЖЕНИЕ РЕГУЛА В АФРИКЕ

2. После того как карфагеняне в одном из предшествовавших столкновений (2 л. 30) были разбиты, приняв сражение в такой местности, которая была непроходима для их конницы и слонов, спартанец Ксантипп научил их, будто бы, как им победить римлян. Он избрал полем сражения открытую равнину и поставил 100 своих слонов перед фронтом пехоты, а всадников и легковооруженных — на обоих флангах. Поскольку мы знакомы со слонами по сражению при Гидаспе, подобный строй представлял ту опасность, что если бы слоны были обращены в бегство неприятельским обстрелом, они должны были бы смять стоявшую позади них собственную фалангу. Римляне, имевшие дело со слонами уже по меньшей мере в четырех сражениях и еще совсем недавно, под Акрагантом, захватившие их в большом числе, знали, конечно, как обороняться против них. Они выставили вперед метальщиков, а за ними пехоту необычайно глубоким строем, чтобы слоны не могли прорваться сквозь нее. Полибий хвалит такую расстановку, как вполне правильную в борьбе против слонов. Все же римляне проиграли сражение из-за большого численного превосходства неприятельской кавалерии (4000 против 500), которая прогнала римскую и затем напала с тыла на фалангу.

3. Хотя Полибий совершенно недвусмысленно приписывает поражение Регула в Африке не слонам, а коннице, однако, по его собственному дальнейшему рассказу (гл. 39), именно страх перед слонами в течение двух лет удерживал римлян от сухопутных боев в Сицилии. Наконец, карфагеняне со своей стороны решились (гл. 40) напасть на римлян непосредственно под Палермо, на укрепления которого опирался неприятель. Стрелами, дротиками и копьями, метаемыми частью со стен, римляне наносили карфагенским слонам такой чувствительный ущерб, что те в конце концов обратились вспять на собственные войска и этим привели их в расстройство; тогда римляне со свежими силами предприняли вылазку из города и довершили поражение.

4. Картина боя, в котором Гамилькар победил мятежных наемников (гл. 76), очень неясна. В общем, однако, описания упорно подчеркивают, что в конце концов карфагеняне одержали верх в этой опасной войне благодаря слонам.

5. Что цифровые данные, относящиеся к Первой пунической войне, — в особенности громадные флоты, спущенные якобы обеими сторонами, — также подлежат сильному сомнению, выяснил еще Белох в своей «Bevölkerung» (стр. 379 и 467). Фабий Пиктор принимает сохраненное преданием число кораблей, включающее также и множество мелких суденышек, за число одних только пентэр и по нему подсчитывает численность экипажа.

ПОКОРЕНИЕ ЦИЗАЛЬПИНСКОЙ ГАЛЛИИ

6. Переходом от Первой ко Второй пунической войне служит покорение римлянами галльской Верхней Италии. Сообщения Полибия об этих событиях довольно ясны, и ученые, разрабатывавшие историю римского военного дела, всегда широко пользовались его рассказом. Но как раз здесь мы ни на минуту не должны упускать из виду, что Полибий — не первоисточник; те же источники, которыми

[1] В 262 г., когда римляне осадили взятый Изгоном Акрагант, а на выручку осажденным пришел Ганнон и в свою очередь оцепил осадные линии римлян. — Прим. перевод.

сам он пользовался, имели самую различную — в большинстве случаев ничтожную — ценность, а он сам нередко, — по небрежности ли или будучи ослеплен красочностью легенды и остротою вымысла, — забывает критику и передает вещи, которым мы, вопреки его авторитету, не должны доверять. Все, что он сообщает нам во второй книге о боях между римлянами и цизальпинскими галлами за время от 238 до 222 г., несомненно, взято у Фабия Пиктора, который мог рассказывать о событиях как современник и — в большинстве случаев — как очевидец. Тем не менее этот рассказ внушает мне очень мало доверия.

7. В сражении при Теламоне, читаем мы у Полибия, галльские гезаты (трансальпийские наемники, примкнувшие к своим верхнеиталийским родичам) сняли с себя одежду и нагими вступили в строй — отчасти из бахвальства, а отчасти из опасения, что одежда будет цепляться за колючий кустарник и стеснять их в пользовании оружием.

Когда же завязался бой и римляне стали метать свои дротики, то те из галлов, которые сохранили на себе одежду, плащи и штаны, имели в ней хорошую защиту, а нагие гезаты, которым при их статном росте галльский щит не доставлял никакого прикрытия, сильно страдали от ранений. Если сразу же бросается в глаза странность, что плащи и штаны лучше предохраняли от римских дротиков, чем щит, то совершенно непонятно, почему обстрел дротиками явился для гезатов «неожиданным»: ведь автор непосредственно перед тем говорит, что римляне начали метать дротики «по своему обыкновению».

По дословному смыслу рассказа (II, 30), можно было бы даже принять, что гезаты были побеждены просто римскими застрельщиками — легковооруженными копейщиками, которых высылали вперед врассыпную перед фалангой.

«В это время метальщики копий, как обычно, выступили вперед из римских легионов и начали бой энергичным и частым метанием дротиков. Римляне сменили своих метальщиков копий и двинули на неприятеля свои манипулы» (Полибий, II, 30).

8. В следующем сражении против инсубров (Полибий, II, 33) римские трибуны предписали будто бы своим бойцам особый способ борьбы. Они убедились, что галлы страшны, главным образом, при первом их натиске и что галльские мечи пригодны только для удара, но никак не для укола, а вдобавок настолько плохо выкованы, что после первого же удара искривляются как по длине, так и по ширине; чтобы нанести второй удар, воин должен сперва наступить на клинок ногою и снова выпрямить его.

И вот, учтя это обстоятельство, трибуны дали гастатам пики триариев. Галлы искривили об эти пики свои мечи и не успели еще их выпрямить, как римляне снова ринулись на них со своими остроконечными клинками и опрокинули врага.

Очевидно, победить бойцов, снабженных такими мечами, как эти галлы, нетрудно для каждого хорошо вооруженного войска, и тут не требовалось бы никаких особенных хитростей. Но какое отношение имеет приведенная здесь военная хитрость к опасности первого натиска галлов, и почему они должны были искривлять свои клинки о римские копья, вместо того чтобы ловить острия на щиты и затем рубить врага мечом? Как случилось, что римляне, уже в течение полутораста лет постоянно сражавшиеся с галлами, только теперь изобрели наилучший способ борьбы с ними? И почему такой закаленный в войнах народ, как галлы, идет в бой с никуда негодными мечами? Но если галлы еще не научились искусно ковать мечи, то почему же они не могли заменить плохие мечи копьями, которые так просто сделать при наличии куска железа и которые так хороши и удобны в бою?

Это ли не образец самой неприкрытой выдумки, вплетенной в самое серьезное историческое повествование? И если такое заключение недостаточно явствует само собой из нашего изложения, то мы в состоянии привести в противовес прямое свидетельство из археологии.

Раньше в науке считалось даже, что уже германцы владели высокой техникой в области металлургии. Однако, это воззрение следует отвергнуть, как утверждает Линденшмит в своей диссертации «Доисторический железный меч к северу Альп», напечатанной в «Древностях нашего языческого прошлого (т. IV, вып. 6) [1].

«Яркий свет, — говорит он, — которым озарится наше отдаленное прошлое, если мы признаем наличие у германцев самостоятельной высокой техники металлургии, гаснет перед фактом внезапного исчезновения этой техники вместе с концом эпохи римского владычества». Но чего не было еще у германцев, то уже было у кельтов. В Крэне была древняя плавильня, о которой свидетельствуют не только показания классических авторов [2], но и много вещественных памятников. Качество металла было подвергнуто испытанию, причем сталь признана была превосходной. Правда, примитивная обработка давала не совсем равномерную сварку, однако, что похуже шло на топоры, где главную роль играет масса, а лучшее — на мечи. Если Мюльнер-Лейбах, которому мы обязаны этим исследованием, добавляет [3], что, может быть, более бедным воинам приходилось довольствоваться мечами из худшего металла, и таким образом пытается объяснить рассказ Полибия, то мне кажется совершенно излишним и даже недопустимым делать такую уступку авторитету писаного слова. В науке твердо установлено, что у кельтов ковальное искусство стояло на высоте; а интересы всего общества в целом и каждого члена в отдельности требовали, чтобы воины в строю — все до одного — были во что бы то ни стало снабжены приличным оружием. Могло недоставать мечей, но уж никак не копий. Далее в другом месте мы слышим от самого Полибия (фрагм. 137 Диндорф, 100 Беккер, — поскольку этот фрагмент имеет источником Полибия), что у кельтиберов были превосходные мечи, и римляне даже заимствовали их. Диодор (V, 33) также прославляет кельтиберов как отменных кузнецов. Таким образом, все показания согласно требуют признать рассказ Полибия баснею.

Наконец, та же глава сообщает нам, что консул Фламиний лишил себя возможности использовать своеобразную римскую боевую тактику, построив свое войско тылом к реке, так что манипулам некуда было отступать. Этот упрек не имеет, конечно, ничего общего с пропуском манипул одной части сквозь другую и заменою одних частей другими, как это происходило на учебном плацу, а по прежним представлениям также и в бою: для этих маневров не приходится отступать далее того места, где стоят триарии. Если действительно в этом сражении римляне упирались тылом непосредственно в реку, то подобная позиция представляется по меньшей мере очень странной: тогда скорее всего пришлось бы предположить, что консул рассчитывал поднять доблесть своих войск ввиду невозможности отступления, но это было бы правильно в применении ко всякому войску и не имеет никакого отношения к особенностям именно римской тактики.

---

[1] «Die Altertümer unserer heidnischen Vorzeit», Bd. 4, Heft 6.

[2] «Geschichte d. Eisens», стр. 510, составл. L. Beck; оттуда Jähns, Gesch. d. Trutzwaffen, стр. 72.

[3] Müllner-Leubach, Korrespondenz-Blatt d. deutsch. Gesellschaft f. Anthropologie, 1889, стр. 206.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ВТОРАЯ ПУНИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Введение

ВТОРАЯ пуническая война сделала эпоху в истории военного искусства. До нее мы могли лишь принципиально установить тот факт, что из общей формы фаланги гоплитов выделилась первая могучая ветвь римской, иначе говоря, специфически римской, манипулярной тактики. Но конкретно мы не могли ни наблюдать этой тактики в происходивших боях, ни установить ее хронологию. В крупных сражениях Второй пунической войны эта тактика проявилась в последний раз в наибольшем масштабе, оказалась несостоятельной и недолговечной; и тогда произошел переход к новым формам тактики, стяжавшей Риму, благодаря ее высокому техническому совершенству, на протяжении двух поколений владычество над всем миром.

К счастью, до нас дошли весьма подробные и наглядные сведения об этих событиях. Рассказами о них Полибий заслужил славу и авторитет великого историка. Начиная с этой эпохи, он получил, так сказать, возможность работать с полноценным материалом. Фабий Пиктор, игравший роль главного источника Полибия в отношении Рима, ведет рассказ как современник и участник развертывавшихся событий; во время войны он занимал пост сенатора. Со стороны Карфагена ведет свое повествование грек, приближенный Ганнибала, который описывает его подвиги. Но сражение при Каннах описано так, что автором мог быть только великий человек: для меня нет сомнения, что мы имеем здесь дело с рассказом самого Ганнибала, может быть записанным под его диктовку.

Ниже мы изложим и разовьем те основания, которые привели нас к такому предположению. Конечно, в данном случае мы не идем дальше предположения, но даже некоторая возможность такого факта заставляет нас с чувством почтения глядеть на эти страницы: город Карфаген разрушен до основания, от него не осталось камня на камне; весь народ истреблен и не осталось ни единого памятника

его существования; нет письмен, вряд ли сохранился из его языка хотя бы единый звук, который мог занять место в памяти человечества. Лишь история рассказывает о львином потомстве Гамилькара и разворачивает перед нами жизнь Ганнибала, начиная с клятвы девятилетнего мальчика и кончая смертью измученного старца, собственной рукой покончившего счеты с жизнью, полной скитаний и мытарств. Разве это не вклад в сокровищницу человечества? А ведь подумать только, что в изображении величайшей победы нашел свое непосредственное выражение гений героя и что мы держим в руках единственный из развеянных листов, сохранившийся со времен существования некогда столь могучего Карфагена, боровшегося за свое мировое первенство.

О последних годах войны мы ничего не можем почерпнуть из вышеупомянутого источника, но Полибий, находившийся в кругу Сципиона Младшего, собрал рассказы, сохранившиеся в устной передаче, и записал их. По своей ценности они не стоят на той же высоте, как первая часть. Вскоре становится ясным [1], что Полибий не так овладел материалом, как это кажется вначале, но, несмотря на некоторые недочеты, рассказ его после осторожного критического подхода дает возможность заглянуть в корень вещей.

В первой великой войне Карфаген потерпел поражение не столько на суше, сколько на море. Карфагенские патриоты во главе с Гамилькаром Баркой пытались на случай новой войны с Римом выработать стратегический план. Здесь уместно заметить, что для Карфагена — древнего торгового города — казалось бы наиболее естественным стремиться к безусловному перевесу на море. Но только что окончившаяся война учила иному.

Объединенные Римом многочисленные приморские города Италии заранее исключали всякую возможность превосходства Карфагена на море, особенно после того, как присоединилась Сицилия с ее многочисленными торговыми городами и гаванями. Если же Карфаген временами и добивался своей цели, как мы видим во время Первой пунической войны, то результаты были весьма незначительны, так как он не мог использовать создавшееся благоприятное положение и победить Рим в сухопутной войне.

Для того чтобы не только сохранить свое существование, но и добиться когда-либо победы над Римом, Карфаген должен был раньше всего создать превосходное сухопутное войско и направить удар на главный центр римского могущества.

С целью создания такого войска и вознаграждения Карфагена за потерю его господства в Сицилии, Гамилькар двинулся на завоевание Испании. Его сын Ганнибал явился наследником его идей, подобно тому как Александр Македонский преемственно продолжил дело своего отца Филиппа. В нескольких больших сражениях Ганнибал одержал над римлянами победу и едва не привел Рим к гибели. Но на море римская империя оставалась более сильной стороной, и мы увидим, какое важное значение этот факт имел для конечного исхода борьбы.

Задачей истории военного искусства не может быть подробное изложение всех событий — это превратило бы ее во всеобщую военную историю со все растущим охватом предмета. Наша задача заключается только в том, чтобы исследовать и установить, какие новые

[1] Впрочем этот взгляд уже был высказан и другими. См. ст. Унгера (Unger) в «Rhein. Mus.». Bd. 34, S. 27.

формы и явления характерны для военного искусства данной эпохи и каким образом стратегический гений Карфагена сумел использовать и дальше развить унаследованные им формы этого искусства. Если мы до сих пор включали в круг наших наблюдений каждое более или менее значительное военное действие, то мы могли и должны были это делать, ибо переданного нам материала еле хватало для понимания и уяснения хода развития. Отныне источники обогащаются настолько, что вполне достаточно выделить наиболее характерные события, тем более что ведение войны чрезвычайно усложнилось благодаря значительным силам противников, качественно и количественно не уступавшим друг другу. Исследование отдельных действий завело бы нас слишком далеко.

В первую очередь займемся вопросом тактики: на чем основано превосходство ганнибалова войска, выявленное в сражениях с римлянами? Стратегией Ганнибала руководил тактический момент — уверенность в победе над римлянами в открытом поле. Выше мы попытались на основании тактики Мильтиада, Фемистокла, Павсания и Перикла объяснить их стратегические решения. В этом же мы должны искать ключ к поведению Ганнибала, разгадку его первоначальных побед и конечных неудач. Поэтому, нарушая хронологическую последовательность, мы прежде всего обратимся к военному событию, в котором особенно выпукло и ярко сказалось тактическое превосходство карфагенского войска над римлянами, — к сражению при Каннах. О других сражениях и боях мы будем говорить постольку, поскольку нам нужно будет установить, согласуются ли они с тем, что мы считаем типичным для сражения при Каннах. Лишь после того, как мы путем сравнения определенно выявим наиболее характерные черты в тактике обеих сторон, мы сможем перейти к рассмотрению их стратегии.

* * *

В 1912 г. вышел III том труда Кромайера «Antiken Schlachfeldern». Первая половина—«Италия»—обработана самим Кромайером, вторая часть—«Африка»—Г. Фейтом. Вторая пуническая война занимает в ней, естественно, наиболее видное место. О предыдущих томах этого произведения я дал не совсем благоприятный отзыв; и теперь должен сказать, что, несмотря на приложенные старания и труды, потраченные на топографические изыскания на местах, положительные результаты этого труда весьма ничтожны. Тем не менее нужно признать, что в изучении стратегии теперь сделан значительный шаг вперед. Особенно нужно отметить популярную книжку Кромайера «Roms Kampf um die Weltherrschaft» («Борьба Рима за мировое владычество» изд. Б. Г. Тейбнер), содержащую много превосходных мест. Но та часть книги, где трактуется о тактике, совершенно неудовлетворительна. Очевидно, автор еще не сумел овладеть темой. Ряд моих выводов, принятых им, также не помог ему в выработке ясного понимания. Придерживаясь наряду с ними устарелых концепций филологов, он запутался во внутренних противоречиях. Тем не менее некоторые из его выводов я принял с большой благодарностью.

«История Карфагена 218—146 гг.» Ульриха Карстедта («Geschichte der Karthager von 218 bis 146 von Ulrich Kahrstedt», III том сочинений Мельцера) почти целиком посвящена Второй пунической войне. Книга эта расплывчата и напыщена, а выводы никуда не годны. Цифровые данные о Карфагене и о военной мощи, как убедительно доказал Кромайер («Gött. Gel. Anz.», 1917, № 8, стр. 479 и сл.), не только неправильны, но и свидетельствуют о полном отсутствии понимания; например, римляне посылают против Ганнибала в Испанию войско всего из одного легиона. После Канн двум римским легионам удается победить карфагенян. Не скрою, что

Эд. Мейер отзывался о книге с большой похвалой: «Она значительно способствовала пониманию ганнибаловых войн», говорит он. Совершенно противоположен отзыв Кромайера (стр. 467): «Понимания италийских войн после Канн — автору не дано».

Эд. Мейер издал три «Изыскания к истории Второй пунической войны» (Sitz. Ber. d. Berl. Akad. 1913 г., стр. 688; 1916 г., стр. 937; 1916 г., стр. 1068). В конце (стр. 1069) он совершенно правильно замечает: «Суждения Моммсена о военных вопросах и о военной истории сплошь и рядом неприемлемы. Очевидно, это область для него чуждая». Но слова эти применимы ко многим историкам. Об изысканиях Дессау см. ниже (Сражение при Каннах, примеч. 3).

Глава I

Сражение при Каннах

Войско римлян при Каннах вдвое превышало их силы при Треббии, где они впервые пытались сомкнутым боевым строем выступить против Ганнибала. Войско это насчитывало не меньше 8 легионов римских и соответственно столько же легионов союзных, короче говоря, в общей сложности 16 легионов. Кроме гарнизона лагеря и рорариев, не выступавших непосредственно в сражении, войско насчитывало 55 000 гоплитов, 8 000—9 000 легковооруженных и 6 000 кавалерии. Большое количество гоплитов было использовано не для удлинения фронта, а лишь для придания ему большей глубины. Легионы не ставились друг за другом, так как они были построены по возрастам, причем молодые воины не могли стоять позади отцов семейств. Большая углубленность, по словам Полибия, достигалась тем, что каждая манипула развертывалась гораздо больше в глубину, чем в ширину, причем в соответствии с суженным фронтом сокращались интервалы между манипулами.

Я полагаю, что ширина фронта пехоты не превышала 800—900 м, так как в глубину строилось человек 70 [1].

Консул Теренций Варрон, установивший этот боевой порядок, доказывал в своей речи римлянам, что их силы при таком порядке увеличились вдвое. Он считал очевидным, что чем длиннее фронт, тем затрудненнее и замедленнее становится продвижение войска, и что при наличии превосходства карфагенской кавалерии, на которое неоднократно с тревогой указывал его товарищ Эмилий Павел, об обходе и охвате неприятельских флангов нечего и думать. Очевидно, нужно было лишь стремиться произвести неотразимый натиск глубоко эшелонированной массой войска.

Кавалерия была распределена между обоими крыльями; правое крыло примыкало к реке Ауфиду.

Поле сражения представляло широкую равнину без всяких препятствий. Пехота Ганнибала была почти вдвое слабее пехоты против-

[1] Средняя глубина была значительно меньше; при наступлении интервалы становились неравномерными и во время наступления заменялись частями, внедрявшимися в них с тыла. В предыдущих изданиях я допускал возможность двойной длины при соответственно малой глубине. Но теперь я пришел к убеждению, что фронт, развернутый на 2 км, не мог бы продвигаться вперед, сохраняя хороший порядок.

ника: 32 000 тяжеловооруженных против 55 000. Количество стрелков у обоих противников было почти одинаково, но кавалерия Ганнибала была значительно сильнее (10 000 всадников против 6 000). Ганнибал разделил свою кавалерию также на две части, расположив их на флангах, и образовал фалангу из иберийцев и кельтов общей численностью свыше 20 000 чел. Африканцев он также разделил на две части по 6 000 чел. и разместил их глубокой колонной позади каждого фланга у стыка пехоты с кавалерией. Так поступил и Александр Македонский при Гавгамеле. Из этой позиции африканцы могли в случае необходимости выступить либо в одном направлении — для подкрепления и поддержки центра, либо в другом — для удлинения фронта пехоты и охвата неприятельских флангов.

Полибий в очень яркой картине изобразил боевой порядок войска: сначала оно было развернуто в прямую линию — конница, африканцы, иберийцы, кельты, снова африканцы и в конце снова конница. Затем центр выдвинулся вперед, сделался тоньше, и линия расположения получила фигуру полумесяца.

Не следует, однако, увлекаться заманчивой картиной, как это сделал Полибий, и рисовать себе линию изогнутой или думать, что центр, выдвигаясь, сам по себе редел. Правда, при продвижении вперед очень легко образуются изогнутые линии, но они не являются формами, облегчающими тактические действия. Это скорее неправильности, которых совершенно избежать нельзя и к которым нужно уметь приспособляться, но им все же необходимо по возможности противодействовать, дабы сохранить прямую линию.

Если принять безоговорочно изображение Полибия, то африканцы очутились между центром и кавалерией, отодвинутой к крайнему рогу полумесяца, другими словами, дальше всего от неприятеля; между тем мы узнаем дальше, что кавалерия приняла бой первой, т. е. была к неприятелю ближе всех. Африканцы как раз занимали ту часть боевой линии, которая выступала за линию римской фаланги. Такое положение допустимо лишь в том случае, если африканцы во время схватки находились позади кавалерии. Лучше всего представить себе происшедшее следующим образом. До выступления все части стояли рядом на одной линии, но развернуты еще не были. Таким образом, линию фронта составляли головы, примерно, 6 колонн, интервалы между которыми делали возможным вклинение в них других частей. Такой боевой порядок в тактике XVIII в. назывался выдвижением с фланга. Но вместо того, чтобы двинуть равномерно все колонны, Ганнибал двинул лишь кавалерию да иберов и кельтов из центра, развернув их таким образом, что они в количестве 22 000 заполнили такое же пространство, какое занимали стоявшие напротив 55 000 римских легионеров. За этим фронтом, там, где кавалерия примыкала к центру, стояли на обоих крыльях колонны африканцев. В наше время мы называем такое расположение (не принимая во внимание кавалерии) подковообразным, но при том же условии, как и при построении полумесяцем, а именно, что стороны не закруглены, а прямоугольны. Так как при продвижении широко развернутого фронта середина легко выпячивается и выгибается вперед, то для глаза наблюдателя из центра — иначе говоря, из перспективы главнокомандующего — эта фигура полумесяца гораздо нагляднее, чем при нашем тактическом анализе, рассматривающем фалангу как прямую линию фронта. Правда, на практике направление очень часто терялось.

Когда многочисленные стрелки, находившиеся впереди фронта обеих сторон, вступили в бой, кавалерия левого карфагенского крыла под предводительством Гасдрубала первая перешла на берегу реки в решительное наступление. В этой части своего войска Ганнибал вообще значительно превосходил противника; к тому же он сосредоточил на этом крыле всю тяжелую конницу [1].

Римская конница была настигнута, опрокинута, загнана в реку и должна была очистить поле сражения.

Тем временем на другом крыле легкая нумидийская конница ограничивалась небольшими стычками с противником. Гасдрубал, обойдя римскую пехоту, послал ей подкрепление, а когда римская конница и здесь обратилась в бегство, то карфагенский полководец двинул всю массу своей конницы в наступление в тыл римской фаланге.

Во время конного боя эта фаланга настигла неприятельскую пехоту и огромным перевесом сил — 55 000 гоплитов против 20 000—оттеснила ее назад. Но конница остановила с тыла наступавшую массу противника. Хотя иберийские, кельтские и нумидийские всадники и не могли ворваться в легионы и опрокинуть их огромную массу, но они ринулись на нее с метательными копьями и вместе с пуническими стрелками осыпали их с тыла таким градом дротиков, стрел и камней, что заставили обратиться в бегство последние шеренги и тем задержали дальнейшее наступление фаланги. Теперь центр карфагенян смог удержаться. Обе задержанные позади колонны карфагенской пехоты — африканцы — двинулись вперед, обошли крыло римской фаланги и, окружив ее справа и слева, закончили охват неприятеля так, что он был атакован одновременно со всех сторон.

Несмотря на то, что римская конница очистила поле сражения, римляне все еще численно превышали неприятеля. «Концентрические действия против неприятеля не подобают более слабой стороне», говорит Клаузевиц в своем сочинении «О войне». В таком духе выразился и Наполеон: «Более слабый не должен одновременно обходить с обоих флангов». Здесь же более слабый противник сделал обход с обеих сторон, пока не сомкнул кольца. Если по распоряжению консулов манипулы держались оборонительной тактики с трех сторон, то с четвертой они могли мощным натиском прорваться сквозь посредственно сильное кольцо фронта и, расширяя прорыв, заставить свернуться неприятельское войско. Но для такого маневра требовалось гораздо больше тактических данных, чем имело гражданское войско Рима. Манипулы не являются самостоятельными тактическими единицами, а лишь отдельными членами однородного тактического целого, называемого фалангой. Легионы также не были тактическими единицами, способными и привычными к самостоятельным действиям. Они являются лишь единицами административными.

Если бы легионы стояли один позади другого, то еще можно себе представить, что в случае крайней необходимости задние фланговые легионы, сделав поворот, отбили бы неприятельскую кавалерию и африканцев, а остальные 6 легионов, уже теснившие впереди себя не-

[1] Полибий говорит, что иберийская и галльская конницы находились на левом, нумидийская — на правом крыле, и характеризует их первоначальные действия, как стычки. В сражении при Требии он отличает тяжелую кавалерию («всю тяжелую и регулярную конницу») от нумидийцев. Отсюда следует, что тяжелой кавалерией были иберийцы, а это не исключает того положения, что Ганнибал имел также африканских кирасиров; лишь a potiori легкая конница могла быть названа нумидийской.

приятельские части иберийцев и галлов, окончательно опрокинули бы их. Но римляне ни в коем случае так расположены не были: их легионы стояли в ряд, и ни один из них не мог сделать самостоятельного движения, не расстроив всей фаланги. Большая глубина достигалась глубоким построением каждой отдельной манипулы (наиболее характерная особенность римской тактики), причем три эшелона манипул — гастаты, принципы и триарии — были нераздельны. Нам кажется очень простым, что манипула триариев могла, повернувшись, обороняться от конницы Гасдрубала копьями, а гастаты и принципы при их огромном численном превосходстве могли бы продолжить начатый натиск. Но такой тактический поворот, хотя и кажется очень простым, не мог быть импровизирован, а триарии тем менее могли принять бой с тыла, что в манипулах имелись большие интервалы (ср. выше, стр. 233), которые они не были в состоянии сразу заполнить и, таким образом, упорядочить фронт. Вся римская пехота привыкла производить натиск сомкнутой фалангой до тех пор, пока неприятель не сдавался и не бежал. Когда раздался клич: «натиск с тыла» и задние шеренги сделали поворот, тогда поступательный натиск масс прекратился, и вся фаланга принуждена была остановиться. В этот момент она была безвозвратно потеряна.

Преимущество численного превосходства было парализовано. Ведь все его значение заключалось только в огромном физическом и моральном нажиме, который производили задние шеренги. Оружие пускалось в ход лишь ничтожной частью фаланги. В тот момент, когда атака с тыла прекратила фронтальный натиск, вступили в бой лишь крайние ряды фаланги, ограничиваясь простой обороной.

Карфагенские наемники, чуя близкую добычу и будучи уверены в победе, стали напирать со всех сторон. Ни один удар, направленный в массу римлян, не пропал даром. Охваченные ужасом, римляне пришли в замешательство и расстроили ряды. Чем меньше они могли пускать в ход оружие, тем яростнее и увереннее косил неприятельский меч.

Много часов подряд шло избиение. Римское войско было почти все уничтожено; лишь немногие были взяты живыми в плен. Едва ли четвертой части удалось бежать.

Итак решающее значение имела тыловая атака карфагенской кавалерии. Но в изложении Полибия есть удивительное противоречие: с одной стороны, Ганнибал в своей речи к воинам накануне сражения говорит о победе, которую, несомненно, должен одержать Карфаген благодаря превосходству в кавалерии,—и сам автор в заключительном выводе говорит об этом превосходстве кавалерии как об основной причине победы; с другой стороны, Полибий усиленно подчеркивает значение фланговой атаки африканцев. Маневр кавалерии приписывается даже не Ганнибалу, а самостоятельному приказу Гасдрубала. Римляне, — говорит он, — столкнувшись с выдвинутым вперед центром карфагенян и отогнав его, сбились к середине и постепенно стали втягиваться в африканские части, на что и рассчитывал Ганнибал.

Что римляне действительно сбились к середине, весьма понятно. Их фланговые манипулы, правда, несколько опередили карфагенский центр и не могли повернуться к его крылу, так как имели перед собой расположившихся уступами африканцев, которые могли ударить им самим во фланг. Они продолжали свое движение вперед, но усердие стоявших позади частей, еще надеявшихся на непосредственную схватку с кельтами и иберийцами, устремляло их к середине. Кроме

того, крайние фланговые манипулы несколько медленнее продвигались вперед, так как неудачно протекавший рядом с ними конный бой сильно отвлекал их внимание. Но не нужно, конечно, понимать так, что лишь из-за этого перемещения африканцам удался охват фланга. Также мало могло приостановить натиск римского центра фланговое продвижение африканцев. Если бы для победы над храбрым войском, превосходившим противника также и численностью, достаточно было лишь удлинить или сделать менее глубокой собственную линию и направить удар против неприятельского фланга, то этот искусный прием применялся бы очень часто. Опасность его заключается в том, что при охвате фланга собственный центр, который необходимо для этой цели ослабить, легко может быть прорван. То, что при Каннах такого прорыва не было, является отличительной чертой этого сражения. Это может быть объяснимо лишь тыловой атакой массы пунической конницы; поэтому правилен конечный вывод Полибия, что решающим моментом явилось превосходство карфагенской кавалерии. И вовсе не по собственному почину, а выполняя боевой замысел своего полководца, Гасдрубал привел в исполнение данный маневр.

Как ни правильно то положение, что более слабой стороне не следует обходить неприятеля одновременно с двух сторон, ибо этим чрезмерно ослабляется центр, Ганнибал решился наперекор этому правилу окружить с 50 000 чел. неприятельское войско в 70 000 и почти целиком уничтожил его в этом железном кольце.

В течение нескольких часов должно было длиться жестокое, страшное избиение. Одних карфагенян погибло не меньше 5 700. Из римлян полегло на поле брани 48 000, бежало 16 000, остальные попали в плен.

Самое существенное в этом сражении то, что пунический центр мог держаться, пока кавалерия гнала римскую конницу и закончила обход ее; но почему Ганнибал не поставил в середину свои самые надежные войска — африканцев — и почему он при этом еще выдвинул центр? Ведь чем дольше он удерживал бы его, чем позже начался бы в этом месте бой, тем больше было бы вероятия, что кавалерия своевременно исполнит свою задачу, и тем меньше было опасности, что центр преждевременно уступит напору противника. Почему же Ганнибал не поступил наоборот? Почему он не выдвинул кавалерию и не поставил ее перед обоими флангами пехоты в таком порядке, чтобы полумесяц, говоря словами Полибия, получил обратную форму?

При внимательном рассмотрении оказывается, что оно так и было. Выдвижение центра не меняет его отношения к кавалерии; напротив, кавалерия была уже продвинута, когда стычки пехотинцев только начались. Но она не должна была преждевременно наступать, иначе не дошло бы, пожалуй, до полного развития сражения. Пунический полководец должен был быть готов к тому, что консулы, видя, как разметало их кавалерию, в спешном порядке могли повернуть пехоту назад к укрепленному лагерю. Лишь когда все римское войско приблизилось настолько, что не могло никоим образом уклониться от сражения, конница могла броситься в атаку; поэтому кавалерия стояла с пехотой на одной линии, а африканцы, которые должны были сделать поворот, были оттянуты в тыл кавалерии.

Таким образом, нельзя было избежать того опасного момента, когда слабый пунический центр оказался без всякого подкрепления и подвергся натиску огромных масс римских легионов. Тем разитель-

нее факт, что в этих местах были расставлены наименее надежные союзники — галлы.

Но центр и в этом сражении понес наибольшие потери: галлы оставили на месте не меньше 4 000 трупов, иберийцы же и африканцы — только 1 500. Ганнибал должен был щадить кровь наиболее преданных ему людей, составлявших прочное ядро войск, сражавшихся в Италии с римлянами. Само собой напрашивается вывод: место гвардии там, где должно быть проявлено наиболее упорное сопротивление. Неисчислимы были бы последствия в случае прорыва римлянами фронта тогда, когда дорога была каждая минута, если бы Гасдрубал не оттянул их с тыла. Тогда полководец должен был сказать сам себе: «Африканцы удержались бы вдвое дольше. Какая ошибка, что я не поставил их на это место!».

В военном искусстве невозможно все рассчитать, взвесить и вымерить. Но в том, что не поддается учету, решает вера в свою звезду. Не желая жертвовать настоящим ради будущего, Ганнибал отважился доверить опасные позиции галлам, перемешав их для большей уверенности с иберийцами. В своем обращении к ним он разъясняет действия победоносной кавалерии и подчеркивает свое доверие тем, что сам становится в их ряды. Александр во главе своей конницы вступал в бой первый. Ганнибал передает командование кавалерией одному из надежных командиров, а сам со своим штабом и младшим братом Магоном становится в центре, чтобы отсюда руководить сражением и силой своей личности закалить слабую сталь сопротивления. Один вид полководца, звук его голоса придают галлам непоколебимую веру в победу, и они выдерживают труднейшие из всех испытаний: отступать под напором превосходных сил неприятеля, но не давать ему взять верх, и с тяжелыми потерями протянуть сражение до тех пор, пока с другой стороны не явится обещанное подкрепление.

Ни в одном описании сражения не должно быть упущено указание позиции, занятой в сражении Ганнибалом. Не только его дух, но и его личность занимают в сражении центральное место. Не потому, что он первый бросается в бои подобно Александру, и не потому, что сражение распадается на различные эпизоды, которыми должен руководить сам полководец (выступлением и приказом к наступлению идея сражения уже вполне предначертана), а потому, что его личность, как таковая, одним своим присутствием в том или ином месте может пассивно или активно оказывать решающее воздействие.

Единственным приказом, отданным Ганнибалом после боевого сигнала, был приказ о выступлении африканцев на обоих крыльях. Так как они вначале еще стояли в колоннах, у Ганнибала была мысль в случае нужды послать их не для охвата неприятельской фаланги, а на подкрепление центра, если тот не сможет в достаточной степени противостоять натиску римлян до успеха обходных действий Гасдрубала. Мы узнаем тот же боевой порядок, что и при Гавгамеле. В ставке у Ганнибала находились греческие поэты, описывавшие его подвиги так же, как и подвиги Александра. Не будет чрезмерной смелостью предположить, что тот, кто окружил себя подобными людьми, сам приобщился к науке и усвоил то, чему учила его Греция. В Первой пунической войне спартанец Ксантипп обучал карфагенян искусству побеждать Регула. Ганнибал, вне сомнения, также изучал греко-македонское военное искусство, и мы легко можем представить себе, как

по вечерам на зимней стоянке грек Силен читал ему книгу царя Птолемея о подвигах Александра Великого, причем планы карфагенян слагались под влиянием блистательного прообраза зевсова сына.

С помощью варваров-наемников карфагеняне одержали при Каннах победу благодаря превосходству своей кавалерии, командному составу и военачальникам, сумевшим держать свое войско в руках и тактически управлять им, а также благодаря полководцу, сумевшему с непреклонностью и уверенностью гения объединить имевшиеся у него силы к органически целостному действию.

И я полагаю, что этому полководцу мы обязаны также описанием сражения у Полибия и, в основных чертах, также и у Ливия. Здесь показательно не содержание. Как ни великолепно описание сражения, автором его все же мог быть и другой высоко талантливый человек. Здесь характерны места умолчания, разбросанные словно теневые пятна на свету.

Самый решающий момент — тыловая атака кавалерии — особенно не подчеркивается. Мы как будто имеем здесь дело не с приказом Ганнибала, а с действиями кавалерийского начальника. Весь упор рассказа — в распределении африканцев на двух крыльях, находившихся на отлете. О причине, заставившей так щадить эти войска, не упомянуто. Полководцу всегда немного тяжело, когда он одну часть войска, особенно союзников, намеренно подвергает большей опасности, чем другие. Он, пожалуй, сам себе не захочет признаться, когда и как он на это рассчитывает. Но нам его побуждения ясны. Каждый посторонний человек не считал бы себя вправе обойти молчанием эти побуждения, которые сами по себе очевидны. Однако, в вышеупомянутом повествовании о них ничего не говорится, а все внимание сосредоточено на тактическом маневре охвата, как на основном замысле данного боевого построения. Решающий же момент — атака кавалерии — остается в тени, ибо для полководца в ней нет ничего необычайного; это его привычная техника. Этот момент мог быть и на этот раз исчерпывающим: если бы Ганнибал не расставил африканцев в определенном боевом порядке, а укрепил бы ими фалангу, победа в сражении была бы все равно обеспечена. Но Ганнибал хотел не только победы, он хотел полного уничтожения неприятельского войска. И он дерзает ослабить центр, а на обоих флангах поставить в боевой готовности африканцев для охвата, чтобы римское войско не могло никуда бежать, а было взято в тиски. В повествовании о сражении все наше сочувствие на стороне африканцев, которым дано было выполнить такую трудную задачу, и мы забываем о заслугах кавалерии.

Из рассказа о боевом порядке, принявшем форму полумесяца, о смятении сгрудившихся в середине римлян, о потрясениях ослабленного центра, обращении полководца читателю ясно, под каким углом зрения наблюдалась картина сражения. И в самом повествовании первое место занимают факты не наиболее значительные, а те, которыми больше всего полна душа полководца.

1. Чрезвычайно разноречивы мнения в науке о том, на каком берегу Ауфида — на правом или левом — было дано сражение. Так как установлено, что правое римское крыло и левое карфагенское были расположены у самой реки, то с переменой речного берега пришлось бы перевернуть все боевое расположение. Я не счел нужным повторять здесь то, что мною было сказано в предыдущих изданиях, так как меня опередил в этом вопросе Конрад Леман (Klio, т. 15, стр. 162, 1917 г.).

Согласно прежним исследованиям, все источники ясно называют правый берег, но никто не был в состоянии стратегически объяснить, как могли римляне при таком расположении очутиться спиной к морю и как их воины, бежавшие с поля сражения, могли спастись в Канузий и Венузий. Я подробно изложил это в «Histor. Zeitschr.», т. 109, стр. 502. Конраду Леману удалось рассеять заблуждение, будто согласно историческим данным сражение непременно должно было происходить на правом берегу. Сопоставив слова Полибия (что Ганнибал выступил из Геруния перед сбором урожая) с датой сражения при Каннах (2 августа), он установил, что сражение не следовало непосредственно за выступлением из Геруния, а что между ними имелся промежуток в два месяца. В этот промежуток времени Ганнибал запасался фуражем в Апулии, к югу от Ауфида. Брод, находившийся якобы на севере, через который переходило войско накануне сражения, нужно отнести на юг, — и тогда станет очевидным, что по всем источникам сражение происходило на северном берегу.

Теперь может быть установлена стратегическая последовательность действий. Из Герунния Ганнибал выступил в Апулийскую равнину. Римляне следовали за ним, занимая на крайних холмах горной стороны неприступные позиции. Так как они устроили себе базу в Каннах и перенесли туда из окрестностей Канузия запасы, то очевидно, что последнее их местопребывание было хотя и ближе к Каннам, чем к Канузию, но не у самых Канн, так как Ганнибалу удалось отнять у них Канны вместе со складами. Я полагаю, что лагерь находился первоначально в окрестностях Монте-Альтино, приблизительно на 6 км юго-восточнее Канн, и был сильно развернут для того, чтобы занять возможно большее пространство и тем оградить себя от карфагенян. Но Ганнибал, обезопасив себя сильной конницей, перешел с юга на север по равнине мимо римского лагеря, смелой атакой взял Канны вместе со складами и принудил римлян отступить вглубь страны по направлению к Канузию.

Леман высказывает также предположение, что римляне, имея в виду превосходство пунической кавалерии, так выбрали поле сражения, чтобы оба крыла имели опору. Леман находит такое место шириною в 3 км, ограниченное справа рекою, а слева гористым кустарником. Поле и поныне носит название «prezzo del sangue». Достоверным такое расположение нельзя назвать. Я на всякий случай оттянул бы поле сражения выше, где равнина суживается, так как ширина в 3 км кажется мне чрезмерной.

ИСЧИСЛЕНИЕ СИЛ И ПОТЕРЬ

2. Силы римского войска при Каннах обычно исчисляются цифрою в 86 000 чел., включая 6 000 конницы. Из этого числа в лагере осталось 10 000, так что 70 000 римлян были побеждены 50 000 карфагенских наемников, при коннице в 10 000 чел. Полибий, Ливий и Аппиан в общем сходятся на этих цифрах. 80 000 чел. пехоты были разбиты на 8 легионов римских по 5 000 чел. в каждом и столько же легионов союзных.

Лишь недавно выступил против этих исчислений П. Канталупи (P. Kantalupi) в труде «Le Legioni Romane nella Guerra d'Annibale», изданном Белохом в «Studi di Storia Antica», т. I.

Канталупи обращает наше внимание на то, что у Ливия цифры иные, а именно римляне мобилизовали в 216 г. не 4 новых легиона, а лишь 10 000 запасных. При вычислениях меньшие числа всегда являются наиболее правдоподобными. По мнению Канталупи, римское войско числом не превышало 44 000, и в то время как Полибий доводит число павших римлян до 70 000, Канталупи после тщательной проверки считает, что их было от 10 500 до 16 000. Если принять эти цифры, то поле сражения значительно изменит свой вид.

Но доводы, которыми пользуется Канталупи для его исчислений, далеко не убедительны. Он полагает, что лишь в сражении при Каннах Ганнибал стал тем грозным призраком для римлян, каким он изображен в истории. До этого-де римляне, готовясь к сражению, не имели никаких оснований прибегать к исключительным мерам. При Тичино имела место лишь схватка конницы; при Треббии римляне отступили без существенных потерь; при Тразимене было лишь произведено нападение на консула. Диктатор Фабий имел не больше 4 легионов, и общественное мнение Рима требовало, чтобы он с этими боевыми силами дал сражение. Очевидно, придерживались того мнения, что при хорошем полководце такое войско с успехом может померяться силами с Ганнибалом. Новые консулы, прибыв с подкреплением, разбили, кроме старого лагеря, еще один для 2 000 союзников. Подкрепления, очевидно, были не очень велики, если они все, кроме вышеупомянутого отряда, разместились в старом лагере.

По сравнению с убедительными данными Полибия эти аргументы не особенно полноценны. Что Ганнибала еще до сражения при Каннах считали в Риме грозным противником, доказывает способ ведения войны диктатором Фабием. Если противная партия требовала от него сражения, то этим еще не сказано, что она требовала выступления лишь с 4 легионами. Партия войны могла, конечно, при этом присовокупить, что диктатор должен прежде всего поднять мощь армии на нужную высоту и тогда сражаться. Что подкрепление большей частью разместилось в имевшемся лагере, ни в коем случае не доказано. Лагерь мог быть расширен, о чем Ливий или его источники, быть может, не сочли нужным упомянуть. Удивительно все-таки, что у Ливия содержатся вообще противоречивые показания и что, как указывает также Канталупи, из спасшихся упомянуты лишь имена военных трибунов 4 легионов. Но объективные соображения неминуемо приведут к заключению, что римское войско насчитывало значительно больше 44 000 чел.

Стремясь сделать свои положения как можно более правдоподобными, Канталупи пытается уменьшить численность карфагенского войска, о котором говорит Полибий, ибо нам ясно с самого начала, что римляне, у которых не было недостатка в людях, не пошли бы на решающее сражение против Ганнибала, не имея значительного численного перевеса. В противном случае каннское поражение не имело бы такого рокового значения. По словам Полибия, консул в своем обращении к командирам накануне сражения определенно говорит, что римское войско числом вдвое превосходит противника.

Исчисляя карфагенское войско при Каннах в 40 000 пехоты и 10 000 конницы, Полибий опирается на общепризнанный правдивый карфагенский источник Силена, которому мы обязаны всей картиной сражения. Какие причины могли побудить Силена преувеличить карфагенские силы? Если предположить, что от него исходят также цифровые данные о 86 000 римского войска, то при сильно развитой подозрительности можно предположить, что под необычайно сильным впечатлением событий он равномерно преувеличил силы обоих противников. Но данные о 86 000 римлян, как доказывает Аппиан, почерпнуты из римских источников, и нет никакого реального основания усомниться в численности пунического войска. Мы докажем это при ближайшем рассмотрении его состава.

Если войско Ганнибала насчитывало не больше 50 000 чел., то римское войско ни в коем случае не могло состоять только из 4 легионов. Основные данные о том, что оно состояло из 8 легионов римских и 8 союзнических, несомненно, правильны. Легион же включал тогда 5 000 чел., следовательно, насчитывалось всего 80 000 пехоты. Но это число мы не можем безоговорочно противопоставить 50 000 карфагенских наемников. 1 400 чел. в каждом легионе — легковооруженные, имеющие для военных действий лишь второстепенную ценность, а 8 000 — балеарских стрелков и пельтастов Ганнибала были, несомненно, технически обучены и являлись полноценными воинами. 22 400 римских легковооруженных, не говоря об их техниче-

ской неприспособленности, были вообще для сражения непригодны. При описании сражения при Треббии определенно говорится (Полибий, III, 72, 2), что 6 000 легковооруженных были из фаланги выделены. Так как у Семпрония на месте имелось 4 легиона, то вместе с союзниками он насчитывал, за исключением выбывших, 10 000 легковооруженных. Часть их осталась в лагере. При Треббии фаланга гоплитов имела по фронту около 1 000 чел. Если на каждом из обоих флангов стояло по 2 000 легковооруженных, то для фронта оставались 2 000, т. е. две шеренги. Глубже легковооруженные не могли быть поставлены. Фронт фаланги при Каннах был, вероятно, также не шире, т. е. насчитывалось самое большее 2 000 чел. Очевидно, на фронте могли поместиться лишь от 2 000 до 4 000 легковооруженных. Если мы на каждое крыло положим от 2 000 до 3 000 чел., то мы сможем с известной вероятностью сказать, что в сражении принимали участие в качестве соратников приблизительно от 8 000 до 10 000 (максимум) римских легковооруженных. Другая часть, следовавшая за фалангой, несла обязанности санитаров и тому подобную обозную службу. Остальные оставались в лагере.

Численность гарнизона равнялась приблизительно 10 000, из них, во всяком случае, было несколько тысяч гоплитов, общее число которых равнялось $16 \times 3\,600 = 57\,600$ чел. Следовательно, считая 55 000 гоплитов, 8 000—9 000 сражавшихся легковооруженных и 6 000 конницы, мы определяем общую численность войска в 70 000 чел.

Не совсем ясно, имел ли также и Ганнибал кроме 50 000 сражавшихся еще запасные части для гарнизона лагеря или он был принужден забирать для этого воинов из действующих войск.

При исчислении потерь принимаются, конечно, во внимание также убитые римляне, не входившие в действующее войско. Мы же должны исходить из следующего состава: 80 000 пехоты и 6 000 конницы. По Полибию, пало 70 000, спаслось 3 000 пехоты и 370 кавалерии, взято в плен 10 000. В плен были взяты воины, оставленные в лагере и сделавшие вылазку для нападения на карфагенский лагерь. Они были взяты в тиски и сдались.

Впрочем Полибий так неясно выражается, что порождает разногласия. Он хотел, возможно, сказать, что кроме римлян, взятых в лагере, 10 000 чел. живыми отдались в руки карфагенянам, и это нам кажется вполне естественным. Вряд ли можно предположить, что, усеяв поле огромным числом неприятельских трупов, уставшие от избиения наемники не захотели пощадить оставшихся, пригодных для продажи или получения за них выкупа.

Это противоречит, конечно, вычислениям Полибия, который получил цифру павших в 70 000 простым арифметическим действием: он вычел из первоначальной цифры (86 000) 10 000 пленных и несколько тысяч спасенных и без вести пропавших. Но мы ни в коем случае не можем признать, что пало 70 000, ибо установлено, что римляне образовали из спасшихся воинов два полных римских легиона. Но кроме них должно было спастись, примерно, такое же число союзников. Поэтому указанная цифра 70 000 основана не на достоверных данных, а на беглом и ошибочном подсчете, почему и лишена ценности.

По сообщению Ливия, римляне потеряли 45 000 чел. пехоты и 2 700 чел. конницы; хотя в общем авторитет Ливия неизмеримо ниже авторитета Полибия, все говорит за то, что мы имеем здесь дело с достоверными официальными данными. В высшей степени невероятно и даже невозможно утверждение Полибия, будто вся конница полегла на поле сражения. Ведь она не была окружена, а только обращена в бегство и даже не подвергалась особенно энергичному и дальнему преследованию, так как главные силы пунической кавалерии сейчас же бросились на легионы. Потеря в размере 2 700 убитых и 1 500 пленных, о которой говорит Ливий, кажется нам уже достаточно значительной, и его данные о состоянии пехоты внушают полное доверие.

По Ливию, спаслось около 14 000 пехоты и взяты пунийцами в плен: на поле сражения — 3 000, в деревне Каннах — 2 000, в лагере — 13 000 и, кроме того, 1 500 чел. конницы.

Сложив эти цифры и приняв во внимание, что состав легиона не всегда достигал своей предельной цифры в 5 000 чел., мы получим следующий расчет:

Убито	пехоты	45 500
	конницы	2 700
Взято в плен	пехоты	18 000
	конницы	1 500
Спаслось	пехоты	14 000
	конницы	1 800
Пропало		2 500
	Всего	86 000

Силы исчислялись

Гоплиты на фронте	55 000
Гоплиты в лагере	2 600
Рорарии на поле сражения	8 000
Рорарии, несшие обозную службу	7 000
Рорарии в лагере	7 400
Конница	6 000
Всего	86 000

Из них нужно отсчитать 2 500 чел. пропавших без вести.

О войске Ганнибала — см. ниже, гл. 3.

3. В отношении Канн мы поставлены в исключительно благоприятные и редкие условия благодаря исчерпывающей и наглядной картине сражения, оставленной нам обоими противниками. Это дает нам возможность еще раз убедиться на примере, как непригодны описания сражений, лишенные вышеупомянутых качеств. Наши историки всегда поддаются искушению за отсутствием годного материала пускать в ход негодный. То, что имеется в предании (если нет других противоречащих этому сообщений), они продолжают повторять, отбрасывая лишь наиболее явные небылицы. Но это неправильно. Очень возможно, что в таком повествовании все достоверное будет выброшено, и останется лишь одна неправда. Доказательством служит подробное описание сражения при Каннах, сохранившееся у Аппиана. Если бы случайно у нас не было других источников, то наши сведения о войне, почерпнутые у Аппиана, не имели бы даже отдаленного сходства с истиной. Так как очень существенно, чтобы читатели нашей книги прониклись вышеизложенным методологическим положением, я здесь подробно излагаю Аппиана, пересказывающего, очевидно, какую-то римскую басню.

Консулами были избраны Луций Эмилий, прославившийся в войне с иллирийцами, и любимец народа честолюбивый Теренций Варрон, по своему обыкновению суливший римлянам всякие блага. Когда оба мужа выступали, провожавшие их граждане просили дать скорее решительное сражение, а не ждать, пока город будет окончательно истощен бесконечной воинской службой, поборами, голодом и запустением заброшенных пашен. Тогда консулы объединили свое войско с войском япигиев и получили в общем 70 000 пехоты и 6 000 конницы, разбили свой лагерь при деревне, называвшейся Канны, а Ганнибал расположился напротив. Ганнибал, как боевая натура, враг всякого бездействия, в этот момент был принужден из-за острого недостатка в припасах ежедневно выступать в боевом порядке и вызывать, таким образом, противника на военные действия. Положение его осложнялось еще тем, что из-за задержки жалованья его наемники могли перейти к неприятелю или разбрестись для добывания пищи.

Мнения консулов разделились. Эмилий считал, что Ганнибал ввиду недостатка продовольствия не сможет оказывать длительное сопротивление, а потому его нужно брать измором, не вступая в сражение с искушенными в боях и привык-

шими к победам полководцем и его войском. Теренций же, всегда добивавшийся популярности, находил, что нужно считаться с наказом, данным им народом при их выступлении, и как можно скорее дать решительное сражение. С Эмилием согласился Сервилий, бывший годом раньше консулом и еще находившийся в то время при войске. К мнению Теренция присоединились все сенаторы и лица из сословия всадников, занимавшие в войсках командные должности.

Пока обе партии пререкались, Ганнибал произвел нападение на отряд, высланный за дровами или фуражем, причем сделал вид, будто потерпел поражение, и во время последнего ночного караула стал выводить все войско, как бы снимаясь с позиции. Заметив это, Теренций также вывел войско и собрался пуститься за Ганнибалом в погоню. Напрасно Эмилий старался в последний момент отговорить Теренция от безрассудного шага. Видя, что Теренций не идет на уступки, Эмилий, по римскому обычаю, приказал проверить ауспиции и послал ему вдогонку весть, что день этот несет дурные предзнаменования. Из уважения к ауспициям Теренций отступил, но на глазах всего войска стал рвать на себе волосы и горько жаловаться на зависть товарища, вырывавшего из его рук победу. Толпа разделяла злобу Теренция.

Увидев, что попытка врага окончилась неудачей, Ганнибал немедленно вернулся в лагерь, чем явно показал притворство своего маневра. Но и этот факт не убедил Теренция, что поведению Ганнибала нельзя доверять. Вернувшись, он в полном вооружении бросился в шатер главнокомандующего, где сидели сенаторы, военачальники и полководцы, и стал перед ними обвинять Эмилия в том, что ауспиции были для него лишь предлогом, что он не то из-за трусливой нерешительности, не то из зависти к его, Теренция, славе лишил Рим победы. Эти упреки, гневно выкрикиваемые консулом, долетали до войска, окружавшего лагерь, и оно также стало поносить Эмилия. Тот напрасно приводил собравшимся в шатре весьма разумные доводы. Все, исключая Сервилия, приняли сторону Теренция, так что Эмилий в конце концов принужден был сдаться и на следующий день, переняв от Теренция командование, вывел войско из лагеря. Ганнибал, правда, заметил этот маневр, но в этот день не выступил, так как еще не вполне был подготовлен к сражению. Лишь на третий день обе стороны расположились внизу на равнине.

Римляне были выстроены в три линии, причем одна отстояла от другой на небольшом расстоянии. В каждой из них пехота находилась посредине, а легковооруженные и конница — на обоих крыльях. Командовали: центром Эмилий, левым крылом — Сервилий, правым — Теренций. Каждого из них окружала тысяча отборнейших всадников, предназначенных оказывать немедленно помощь всюду, где она оказалась бы необходимой. Таков был боевой порядок римлян.

Ганнибал, зная, что в этой местности к полудню поднимается юго-восточный ветер, нагоняющий на небо тучи, занял все места, где ветер дул в спину. Конницу и легковооруженных он поместил в засаде на горе, окруженной лесом и прорезанной ущельями. Затем он отдал приказ броситься на неприятеля с тыла, как только пехота начнет действовать. Пятьсот кельтиберов должны были, помимо своих длинных мечей, спрятать под платья короткие, с тем чтобы по определенному знаку пустить их в ход. Все свое войско Ганнибал разделил на три линии. Конница была расставлена в широких интервалах на крыльях с целью охвата неприятеля. Командование правым крылом Ганнибал передал своему брату Магонну, левым — своему племяннику Ганнону. Сам он принял на себя командование центром против Эмилия, о военном искусстве которого он был очень высокого мнения. Его окружали 2000 избранных всадников и тысяча других воинов, во главе с Магарбалом. Им было поставлено задачей — в нужный момент броситься на помощь туда, где это будет необходимо. В таком боевом порядке Ганнибал ждал до второго часа дня, чтобы наступление начать незадолго до того момента, когда должен был подняться ветер.

Приведя оба войска в полную боевую готовность, полководцы стали объезжать их и поднимать их дух. Римляне призывали именем родителей, детей и жен не

забывать о прошлых поражениях и помнить, что сегодняшнее сражение — решающее для их положения. Ганнибал напоминал своим воинам о предыдущих победах над неприятелем и рисовал им позорность поражения от противника, однажды уже побежденного. Зазвучали барабаны, и фаланги пехоты подняли крик. Первыми бросились в середину стрелки, пращники и метальщики. Завязался бой. За ними двинулись фаланги. Обе стороны дрались с таким мужеством, что кровь лилась рекою. В это время Ганнибал дал знак своей коннице двинуться в охват флангов. Но римская конница, хотя и уступавшая количественно неприятельской, бросилась вперед и дралась с большим мужеством, невзирая на то, что ей пришлось вытянуться в тонкую линию. Особенно отличалось левое крыло у моря. Ганнибал и Магарбал вместе с окружавшими их всадниками также ринулись в сражение, исторгая для устрашения неприятеля дикие варварские крики. Но и этот натиск римляне выдержали с непоколебимым мужеством.

Ввиду того что первая попытка Ганнибала окончилась неудачей, он подал 500 кельтиберам условленный знак. Неожиданно они оставили свои ряды, перешли на сторону римлян и как перебежчики предложили им свои щиты, копья и те мечи, которые они носили открыто. Сервилий высказал им хвалу, сейчас же забрал у них оружие и как обезоруженных поставил их в тыл своих шеренг. Он считал неправильным вязать перебежчиков на глазах у неприятеля, а видя их обезоруженными, не имел основания подозревать какой-либо подвох. Да кроме того, в разгар сражения он не имел и времени что-либо предпринять. Между тем некоторые части ливийцев, сделав вид, что отступают, с криком бросились к горе. Крик этот был сигналом для частей, засевших в горных ущельях. Они должны были броситься на противника, преследовавшего бегущих. Внезапно появились из засады легковооруженные и конница. Одновременно небо потемнело, поднялся сильный вихрь, окутавший стоявших к нему лицом римлян таким столбом пыли, что они не могли видеть стоявшего спереди неприятеля. Сила римских стрел была ослаблена сопротивлением дувшего напротив ветра, между тем как стрелы неприятеля, усиленные этим же ветром, попадали очень метко. Римляне не могли видеть неприятельское оружие, почему им и не удавалось избежать его действия. Сами же они целились неудачно и даже попадали друг в друга, что вызвало среди них большое смятение.

То был момент, которого ждали 500 мнимых перебежчиков. Они вынули спрятанные на груди короткие мечи и стали наносить удары в спину тем неприятельским воинам, позади которых они стояли. Потом, отняв у них большие мечи, щиты и копья, они бросились на уцелевших и беспощадно стали с ними расправляться. Кровавая баня, устроенная перебежчиками, не знает себе равной, ибо карфагенские воины стояли в тылу всего неприятельского войска. Велико и многообразно было бедствие римлян: стоявший напротив неприятель беспощадно теснил их, засада окружала, а неприятельские части вторгались в их ряды и избивали их направо и налево. Римляне не могли обернуться к ним лицом, ибо тогда начали бы их теснить спереди другие части. Да и нелегко было узнать неприятеля, защищенного римским щитом. А тут еще из-за столбов пыли терялось всякое представление о том, что творилось вокруг. Как обычно бывает в момент смятения и замешательства, все казалось гораздо страшнее, чем было в действительности. Они не знали, что неприятельская засада была невелика и что перебежчиков было всего 500. Им казалось, что все войско окружено всадниками и перебежчиками. Повернув, они бросились в беспорядочное бегство, очистив сперва правое крыло, во главе которого стоял Теренций, ушедший оттуда, а затем и левое. Командовавший этим крылом Сервилий спешно двинулся к Эмилию. Вокруг этих двух мужей собралась толпа храбрецов из конницы и пехоты числом около 10.000.

Тогда полководцы и вся конница спешились и вступили в рукопашный бой с окружавшей их конницей Ганнибала. Как опытные воины бешено дрались и врывались в ряды неприятеля, — частью вследствие подлинной храбрости, частью —

от отчаяния. Но гибель ждала их повсюду, ибо Ганнибал объезжал свои части и то ободрял их, умоляя сделать последнее небольшое усилие и одержать победу, то бранил и грозил позором, если они не сумеют справиться с ничтожной кучкой неприятеля. Пока Эмилий и Сервилий находились среди своих войск, римляне держались стойко и дорого продавали свою жизнь. Но когда их предводители пали, они с огромной силой прорвались сквозь неприятельские ряды и врассыпную бросились бежать: одна часть бежала в лагерь, где уже укрывались бежавшие до них части, — число их доходило до 15 000 чел., и они были окружены войсками Ганнибала, — а остальные 2 000 чел. бросились было в Канны, но принуждены были затем сдаться Ганнибалу. Лишь незначительной части удалось скрыться в Канузие. Небольшая кучка одиночками рассеялась по лесу.

Так окончилось сражение римлян с Ганнибалом, длившееся с 2 час. дня до 2 час. ночи. Оно известно у римлян своим великим поражением, ибо в течение немногих часов 50 000 римлян пали, а большое число их было взято вечером в плен. Погибло также много сенаторов, принимавших участие в походе, а равно и все военачальники, командный состав и оба храбрейших полководца. Лишь трусливый виновник поражения бежал в начале боя. В течение двух лет борьбы с Ганнибалом в Италии римляне потеряли 100 000 воинов — своих и союзных.

Таким образом, Ганнибал в один день пустил в ход 4 хитроумных приема: использование благоприятного для него ветра, ложную перебежку кельтиберов, подстроенное бегство одних частей и засаду других в глубоких горных ущельях. После одержанной им исключительно блестящей победы Ганнибал немедленно по окончании боя объехал поле сражения и осматривал павших. Среди них он увидел также трупы отважнейших своих друзей. В горести он воскликнул со слезами: «Другой такой победы мне не нужно!» Те же слова произнес ранее Пирр, царь эпирский, одержавший с огромными потерями победу над римлянами в Италии.

Часть римских воинов, бежавших с поля сражения, собралась в большом лагере и, выбрав поздней ночью Публия Семпрония предводителем, прорвалась сквозь строй уставших и сонных сторожевых постов Ганнибала и в числе 10 000 бежала в Канузий. Оставшиеся в малом лагере 5 000 чел. на следующий день попали в плен к Ганнибалу. Теренций собрал остаток рассеянного войска и, приложив все усилия, чтобы ободрить его, дал им в предводители одного из трибунов — Сципиона, а сам поспешил в Рим.

Так повествует Аппиан.

Примечание к 3-му изданию. Я оставил эту главу без изменений, хотя в одном пункте мой взгляд поколеблен. По общепринятому до сих пор мнению, Полибий в основных вопросах своего повествования непосредственно черпал сведения из карфагенского первоисточника. Этим источником почитали грека Силена, который, как мы полагали, находился в свите Ганнибала. Но Дессау в своем труде «Источники наших познаний о Второй пунической войне» (H. Dessau, Über die Quellen unseres Wissens vom Zweiten punischen Kriege, Hermes, т. 51, вып. 3, 1916 г.) доказывает, что это утверждение очень шатко. Но оба приводимые доказательства не выдерживают критики. Во-первых, всякий источник, берущий свое начало из карфагенского лагеря, он считает источником тенденциозным, что совершенно необязательно; во-вторых, он вообще не верит, что Ганнибал первоначально окружил себя греческими литераторами. Он-де приблизил их к себе лишь после того, как завладел большим числом греческих городов в Нижней Италии. Но это безусловно неверно. Греческий язык был международным и литературным языком тогдашнего культурного мира. Даже римский сенатор Фабий писал свой исторический труд на греческом языке. Думать, что Ганнибал не владел в совершенстве греческим языком и не окружил себя в лагере образованными греками, значит составить себе о нем представление, как о совершенно необразованном человеке. Трудно себе представить, чтобы он не изучал историю подвигов Александра, а для этого ему не-

обходимы были греческие учителя и чтецы. Греки ему были необходимы также для дипломатических переговоров и разведки. Поэтому он подобно Александру должен был с самого начала иметь в своем кругу литераторов, которые воспевали бы его подвиги. Но я не хочу повторять ошибку Дессау и считать доказанным то, о чем мы при наличии имеющегося материала можем только строить известные предположения. Поэтому считаю — хотя не достоверным, но вероятным,— что Дессау прав и что наиболее ценные данные у Полибия, приписываемые нами до сих пор Силену, исходят от Фабия Пиктора. В этом случае мы не черпаем непосредственно из карфагенского источника. Сам Фабий почерпнул их от карфагенских пленных и перебежчиков. Так, Дессау уверяет, что в 210 г. командир одной нумидийской части Муттин перешел к римлянам, занял в Риме очень видное положение и в 190 г., при Сципионе, принимал участие в походе против Антиоха. Этот пунический военачальник и был, очевидно, тем выдающимся военным источником из карфагенского лагеря, который приковывает наше внимание и вызывает чувство восхищения при чтении Полибия.

Если это предположение правильно, то оно наипростейшим образом разрешает некоторые трудные вопросы относительно сражения при Каннах. Полибий называет подковообразную форму боевого порядка пунической пехоты серпообразной, представляя себе этот полумесяц в виде изгиба (κύρτωμα), что тактически невозможно. Тут мнения всех исследователей сходятся. Совершенно исключается, чтобы подобное дилетантское определение исходило от самого Полибия. Оно взято из какого-то источника. Очевидно, между военным первоисточником и Полибием имелось еще третье лицо, способное дать такое несуразное определение. Вполне возможно, что перед нами рассказ крупного нумидийского военачальника в передаче сенатора Фабия, мало знакомого с военным делом. Не исключена, конечно, возможность, что и Силен, находившийся в штабе Ганнибала, мог допустить такое недоразумение, но это предположение гораздо менее вероятно.

В описании войны у Полибия бросается в глаза то обстоятельство, что значение тыловой атаки кавалерии очень затушевано по сравнению с охватом фланга пехотой, и в связи с этим особенно сильно подчеркивается скопление римской пехоты к середине. Эту трактовку я уже пытался объяснить психологически, с точки зрения штабквартиры. Но не менее, если не более, правдоподобно предположение, что рассказ исходит от Фабия, слышавшего его в свою очередь от начальника африканской пехоты, того же Муттина. Муттин был достаточно просвещен в военном искусстве, чтобы по достоинству оценить значение кавалерийской атаки, но желание подчеркнуть подвиги собственных частей так велико, что невольно приводит его к некоторым противоречиям.

Дессау нашел поддержку своему взгляду у Белоха, доказывавшего еще до Дессау в труде о сражении при Треббии («Histor. Zeitschr.», т. 114, 1915 г.), что свои сведения Полибий почерпнул не от Силена, а от Фабия. Все неясности, встречающиеся в описаниях перехода через Альпы, сражения при Треббии, перехода через Апеннины, сражения при Тразимене, над которыми так ломают головы современные исследователи, можно объяснить тем, что данные Полибия исходят не непосредственно от человека из штаба Ганнибала, а от Фабия, своеобразно преломившего рассказ какого-то пунического военачальника.

Что зависимость Полибия от его источников была гораздо большей, чем обычно думают, Дессау устанавливает с большой достоверностью. Кромайер в оценке авторитета Полибия переходит от одной крайности к другой. Вначале он выступает в качестве его защитника, во II же томе «Полей сражения» («Schlachtfelder») не хочет признавать ни его военных выводов, ни фактических данных (ср. «О военных действиях в сражении при Магнезии» — «Kriegerisches zur Schlacht bei Magnesia»). Говоря же о сражении при Каннах, он старается разбить меня при помощи авторитета Полибия и заявляет Карстедту: «Не понимаю, как кто-либо

может не признавать или исправлять ясные слова древнего военного писателя, величайшего из всех, живших до Цезаря» (стр. 434). Допустим, что это так. Но что касается несогласий между мною и Кромайером в вопросе о Каннах, то тут дело не в признании или отрицании Полибия, а в том, какие поправки наиболее рационально внести в кривизну карфагенского фронта, о котором говорит Полибий. Ведь ее не приняли ни я, ни Кромайер. Я истолковал понятие «полумесяц» как современную подковообразную форму. Кромайер понимает форму полумесяца как уступообразное построение, которое тактически так же невозможно, как кривая линия. Второе разногласие — сосредоточения римлян в центре. Хотя, на мой взгляд, мы имеем здесь дело с действительным происшествием, но и оно вследствие вышеизложенных причин очень преувеличено. По моему мнению, римляне с самого начала рассчитывали на глубокий массовый натиск. При численно превосходящей, но тактически неподготовленной пехоте они иначе действовать не могли.

По Кромайеру, римский фронт вначале был развернут очень свободно, и только во время наступления—в силу какого-то массового безумия—римляне, вопреки привычному им военному образу действия, сгрудились к середине. Заметьте при этом, что они, по Кромайеру, не были взяты в тиски пуническими обходными колоннами, а при наступлении добровольно так укоротили фронт, что карфагеняне могли зайти с флангов. Помимо несуразности такого предположения, оно само собою отпадает еще потому, что при данном положении римские фланговые части должны были бы отодвинуться на 700 м в сторону. Так как одновременное продвижение вперед может быть лишь очень коротким, то, очевидно, дело идет только о боковом передвижении. Легко представить себе, что означает боковое передвижение больших масс на 700 м в течение нескольких минут.

Опровержение этой танцовальной тактики,—которая если и не опирается на достоверные показания источников, то во всяком случае на них ссылается,— имеется в моем труде «Сражение при Каннах» («Histor. Zeitschr.», т. 109, стр. 481). В изданной в 1912 г. книге Кромайера «Борьба Рима за мировое господство» («Roms Kampf um die Weltherrshaft») автор очень приблизился к моей реконструкции сражения, усиленно подчеркивая то обстоятельство, что римляне с самого начала стояли «возможно более тесно» сомкнутыми рядами. Дальнейшее укорачивание фронта он, как и я, считает явлением второстепенным. При ближайшем рассмотрении нет даже никаких разногласий, так как «возможно более тесное построение войск явно исключает возможность квинкункс-интервала (т. е. расположения в шахматном порядке. — Р е д.) и делает излишним уступообразный порядок карфагенян.

ТИЧИНО. ТРЕББИЯ. ТРАЗИМЕНСКОЕ ОЗЕРО

4. Нет необходимости исследовать все бои и сражения этой войны, имевшие место до и после Канн. Нам достаточно установить, что выводы, сделанные из исследования сражения при Каннах, могут быть отнесены ко всей римской и пунической тактике данной эпохи.

При Тичино карфагенская конница одержала верх над римской. Римская легкая пехота, сопровождавшая конницу, не успела даже приступить к метанию, а сразу обратилась в бегство из страха быть растоптанной наступавшей неприятельской конницей.

5. При Треббии, так же как и при Каннах, пуническая кавалерия и легкая пехота обошли римлян с флангов и атаковали их с тыла. Части, бывшие у Ганнибала в засаде, якобы еще более увеличили силу тылового удара. Но такого рода засада тактически невозможна. Если она находилась приблизительно на пути продвижения римлян, то все 2000 чел., будучи обнаружены противником, что весьма вероятно, должны были бы погибнуть. Если же засада находилась на значительном расстоянии в стороне, то она была бесполезна, так как карфагеняне, произведя охват римских крыльев, несомненно, опередили бы ее. Для меня совершенно ясно,

что Полибий стал жертвой какой-нибудь римской басни. После Канн римская гордость старалась найти утешение в такого рода побасенках, которые, впрочем, и сейчас пересказывают некоторые историки. Но самое существенное в том, что римлянам, хотя они были взяты в тиски так же, как и при Каннах, удалось прорваться во все стороны и спасти бо́льшую часть войска.

О причинах, по которым это сражение окончилось для них гораздо благоприятнее, чем сражение при Каннах, не говорит ни один источник. Общие условия были для римлян не более, а значительно менее благоприятны, чем при Каннах. При Каннах карфагеняне численно намного превосходили их, при Треббии — лишь незначительно или даже вовсе не превосходили. Их конница при Каннах равнялась 6 000 всадников против 10 000 пунийцев, при Треббии же лишь 4 000. Кроме того, карфагеняне имели в своем распоряжении некоторое число слонов, служивших для всадников подкреплением в атаке. При этом, если верить рассказам, нужно учесть еще части пунийцев, бывшие в засаде, и, наконец, физическую усталость римлян, измученных, по словам Полибия, переходом через ледяные воды разлившейся Треббии; вода доходила римлянам до груди, и вдобавок они перед этим ничего не ели.

И если, несмотря на все эти обстоятельства, римляне в сражении при Треббии оказались в более благоприятных условиях, то причина, очевидно, та, что Ганнибалом для охвата были назначены лишь конница и легкая пехота. Несмотря на то, что собственная его фаланга была, таким образом, еще сильнее, в ней был произведен прорыв в том месте, где находились кельты и африканцы.

Отдельные, очень трудные вопросы этого сражения разработаны в прекрасном труде И. Фукса «Вторая пуническая война и ее источники Полибий и Ливий» (Jos. Fuchs, Der zweite punische Krieg und seine Quellen Polybius und Livius), о них я буду говорить ниже. Но против Фукса снова выступил Белох («Histor. Zeitschr.», т. 114, 1915 г.). Он впрочем снова доказывает, что Кромайер слишком решительно исправляет Полибия, противореча своим же собственным взглядам, изложенным в других трудах.

6. Сражение при Тразименском озере является нападением, произведенным на походе. Оно показывает, с какой уверенностью начальники карфагенской конницы умели самостоятельно действовать и как беспомощны в этом отношении были римляне. 10 000 чел. при Треббии и 6 000 чел. при Тразимене прорвались сквозь пуническое кольцо, но не нашли способа оказать помощь державшимся еще римским частям; между тем пунические полководцы всегда действовали совершенно самостоятельно.

Вопрос, каким образом Ганнибал из Верхней Италии пробрался к Тразименскому озеру, был до сих пор очень неясен; теперь же, по моему убеждению, вопрос этот окончательно решен благодаря исследованиям И. Фукса «Ганнибал в Средней Италии» (Jos. Fuchs, Hannibal in Mittelitalien, Wiener Studien, т. 26, вып. 1, 1904 г.). Несогласен я только с его изображением самого сражения. Оно изображено не как внезапное нападение, а как заранее подготовленное Фламинием сражение в открытом поле.

К 3-му изд.— Из более новой литературы, относящейся к этому сражению, могу еще указать; Gärtner, Berl. Dissert. 1911.—Gröbe, Zeitschr. f. österr. Gymnas. 1911, 7. Heft, S. 590.—Caspari, Engl. Historical Rev. 1910 Juli.—Reusz, Rhein. Museum 1910.—Fuchs, Zeitschr. f. österr Gymnasien 1911.—Sadé, Klio 1909.—Konr. Zehmann, Jahresber. Philologischen Vereins, Bd. 41, 1915.

Останавливаться здесь на противоречиях нет оснований. Отмечу только, что, как это доказал Леман, Кромайер и в данном случае сильно расходится с Полибием. Это, конечно, не является упреком, но лишь вновь подтверждает, что Кромайера не следует считать защитником авторитета Полибия.

Глава II

Основная стратегическая проблема Второй пунической войны

Лишь установив тактические взаимоотношения обоих противников, мы с полным основанием можем перейти к рассмотрению их стратегии. Тактически карфагеняне были, несомненно, более сильной стороной. Они имели постоянного главнокомандующего, римляне же каждый год избирали двух консулов, которым одновременно вручалось и командование. Они имели такое слабое представление о предпосылках ведения крупных военных действий, что считали возможным то делить легионы между консулами поровну, то поручать командование по очереди — день одному, день другому. В войне против Ганнибала хотели этот чудовищный порядок несколько смягчить, подняв вопрос лишь о смене председательствующего в военном совете. Но в действительности этот шаг только обострил бы положение, ибо тогда вообще командование было бы в руках не отдельного лица, а коллегии. Правильнее будет выражение: сменяющееся командование, хотя, конечно, заседал и военный совет. То же и в отношении командного состава. У карфагенян командиры были профессионалами, получившими специальную выучку в школе Гамилькара; у римлян — лишь воинственными гражданами, более или менее одаренными от природы. Карфагенские военачальники по мере необходимости маневрировали различными частями пехоты и кавалерии. Римские легионы умели передвигаться рядом поставленными частями только вперед. Наконец, карфагенская кавалерия численностью значительно превосходила римскую.

Этим преимуществам противника римляне могли противопоставить лишь одно — неисчерпаемое число прекрасных и надежных воинов.

Перевес сил то на одной, то на другой стороне создал положение, напоминающее соотношение сил между афинянами и спартанцами в Пелопоннесской войне. Долго, долго шла война с переменным успехом, ибо афиняне были сильнее на воде, а спартанцы на суше, причем каждый в пределах своей стихии был недосягаем. Во Второй пунической войне контраст не был так силен и был осознан римлянами лишь постепенно. Вначале они кичливо вызывают противника на борьбу, и, лишь будучи научены рядом страшных поражений, ищут иных путей; Ганнибал же заранее знает свои как сильные, так и слабые стороны.

Тот, кто, ведя войну, ставит своей основной задачей сокрушение неприятеля, должен быть в состоянии, — после того как он настиг и поразил главные силы противника на поле сражения, — неуклонно стремиться к дальнейшим победам, вначале осадив и заняв неприятельскую столицу, а если и это не приведет к миру, то преследовать врага до debellatio (полного разгрома. Р е д.). Но для таких действий Ганнибал был слишком слаб; с самого начала войны он сознавал, что, несмотря на величайшие победы, он не будет в состоянии осадить и занять Рим.

При Каннах он разбил и уничтожил меньшую часть римских легионов — 8 из 18; римляне очень скоро восполнили свои потери новыми наборами. Они даже не отозвали легионов, стоявших в Сицилии, Сардинии и Испании. Наступать непосредственно после сражения на Рим, рассчитывая лишь на внушенный им ужас, Ганнибал считал для себя бесполезным. Этот поход мог только превратиться в ничтожную де-

монстрацию, парализующую моральное действие победы при Каннах. Если знаменитое изречение, — что Ганнибал умеет побеждать, но не умеет использовать победу, — действительно принадлежит Магарбалу, начальнику конницы, то это доказывает лишь, что храбрый военачальник был хорошим рубакою, но не полководцем. После нескольких часов избиения взятых в тиски легионеров пуническое войско также потеряло 5 700 воинов убитыми и не менее 20 000 ранеными, которые могли стать боеспособными лишь спустя много дней и недель. В случае похода на Рим сейчас же после данного им сражения, Ганнибал мог бы подвести к городу едва 25 000 воинов, и как ни велик был ужас римлян перед Ганнибалом, такому незначительному отряду не одержать бы над ними победы.

Позже — после оздоровления и пополнения войска — Ганнибал имел, пожалуй, столько людей, что мог бы повести на Рим от 50 000 до 60 000. Но Рим был большим прекрасно укрепленным городом. Построенная во времена Самнитских войн так называемая Сервианская стена имела милю (около 7 км) в окружности; большие незастроенные места внутри могли вместить спасавшееся население. Как большой торговый город и столица Рим был в изобилии снабжен всякого рода припасами. Если бы Ганнибал овладел морем, взял вначале Остию и мог бы затем обеспечить подвоз продовольствия морем, то осада Рима с 50 000—60 000 чел. не была бы невыполнимой задачей. Но здесь нужно принять во внимание, что на море римляне были более сильным противником. Чтобы не раздробиться, Ганнибал бросил все свои силы на сухопутный фронт. При ведении осады войско должно было бы получать продовольствие с суши. Пришлось бы, заготовив огромные транспорты, возить их сквозь сплошь неприятельские земли, мимо бесчисленных заграждавших путь неприятельских городов и укрепленных пунктов. Эту службу должна была бы нести большая часть пунического войска, причем каждая отдельная часть подвергалась бы опасности нападения со стороны остававшихся еще в стране и вновь сформированных легионов и когорт, как римских, так и союзных. Войско, оставленное для осады города, было бы разделено Тибром на две части и не могло бы противостоять вылазкам гарнизона, численно гораздо более сильного. Главная же сила карфагенского войска — кавалерия — обречена была бы на бездействие.

Отказавшись от похода на Рим,— как после победы при Тразименском озере, так и после Канн, — Ганнибал хорошо знал, что делал. С самого начала он лелеял иной замысел сокрушения врага.

Не будучи в силах совершенно разбить римлян и сразу уничтожить их могущество, он повел войну так, чтобы взять их измором, расслабить их до того, что они добровольно примут предложенные условия мира. Стратегия становится политикой, а политика — стратегией. После сражения при Каннах, имевшего, как казалось, решающее значение, Ганнибал велел передать римлянам, что он не ведет с ними войну за право на существование («не для их истребления» — Ливий, XXII, 58), и предложил перейти к мирным переговорам. Римляне это предложение отклонили. Но добиться от противника согласия на мир можно было и не прибегая к решительным действиям, от которых римляне теперь упорно уклонялись. Да и Ганнибал с самого начала на них не рассчитывал. Вступив в Италию, он заявил, что явился не для покорения народов полуострова, а для освобождения их от римского ига. После каждого сражения он отпускал пленных союзников без выкупа,

дабы они возвестили своей родине о целях и великодушии карфагенского полководца. Римские граждане едва ли составляли третью часть населения Италии. Остальные две трети состояли из более или менее самостоятельных общин и округов, которые могли бы согласиться свергнуть римское иго. В общую союзную армию они поставляли самостоятельные контингенты. Даже общины, основанные в качестве римских колоний, могли найти для себя выгодным отделиться от своей метрополии.

После Канн началось массовое отпадение союзников от Рима. К Ганнибалу перешел самый большой после Рима город Италии, имевший даже у себя римское гражданское право «sine suffraggio», — Капуя, затем большое число округов и небольших городов и, наконец, третий город Италии — Тарент. На севере оказали карфагенянам поддержку галлы, а в Сицилии перешел на их сторону город Сиракузы. Если бы Ганнибал мог неуклонно под натиском и угрозой поддерживать это движение и дальше, то в конце концов наступил бы момент, когда обессиленные римляне принуждены были бы заключить мир, — или же база Ганнибала в Италии настолько бы расширилась и укрепилась, что он мог бы приступить к осаде Рима. Изложив вышеупомянутые события вплоть до сражения при Каннах, Полибий прерывает свое повествование фактами из греческой жизни и, раньше чем перейти к Пунической войне, говорит о римской конституции. В этой последовательности изложения сказался истинно великий историк. Абстрактные формы какого-либо законодательства и порядок управления сами по себе мало интересны. Но у Полибия они являются ответом на вопрос: как может государство удержаться после такого поражения, какое понесли римляне при Каннах, особенно, когда ему предшествовали тяжкие удары при Тичино, Треббии и Тразименском озере?

Читателю передается огромная напряженность, вызванная всеми событиями. Этот вопрос и ответ на него являются шедевром искусства Полибия, ибо эта напряженность вызывается не внешним художественным приемом, а самой природой вещей, получившей здесь свое художественное отображение.

Мы попытаемся, в подражание Полибию, при помощи того же рефлекса вдохнуть жизнь в мертвые статистические данные. Какие усилия приложил Рим, чтобы противостоять гению Ганнибала и, несмотря на все понесенные им потери, удержать свое несокрушимое господство? Подробные выкладки мы приведем ниже, но вот основные цифры, перешедшие к нам из сохранившихся источников, если не вполне, то достаточно достоверных.

По тогдашней официальной статистике, римское государство насчитывало в начале Второй пунической войны миллион свободных душ, не считая союзников. В начале войны имелось в строю 34 000 сухопутного войска. Кроме того, какое-то количество было во флоте. Мы не можем точно определить его, так как большая часть экипажа состояла из рабов и союзников.

Несмотря на потери при Треббии и Тразимене, Рим в 216 г. насчитывал не 7—8 легионов, как на первом году сражения, а 18. Состав главных частей был увеличен на 5 000 чел. пехоты. 8 легионов главного войска были противопоставлены Ганнибалу; 2 — находились в Испании, 2 — в Сицилии, 1 — в Сардинии, 2 легиона были высланы против цизальпинских галлов, 2 — оставлены в Риме в качестве гарнизона и запасных войск и 1 — во флоте. Последние 8 легионов представляются нам полностью не укомплектованными. Считая каждый легион при Каннах

в 4 800 чел., оба в Испании — по 4 000, остальные 8 — по 2 500, мы получим круглым счетом 66 000 чел., или иными словами 6,5% свободного населения. Причислив павших в 218 и 217 гг., получим около 7,5% [1].

Так как из остатка войска, бывшего при Каннах, римляне образовали 2 новых легиона, то мы должны считать 6 легионов погибшими. Два легиона были позже уничтожены галлами. Пополнить эти потери было не по силам, тем более что целые большие общины с jus cives sine suffraggio (Капуя) отошли к неприятелю. Выпустив узников из тюрем и призвав юношей, еще не достигших 17-летнего возраста, римляне образовали из них 2 легиона. Еще 2 легиона были сформированы из рабов, которым обещали свободу. Таким образом, Рим выставил 14 легионов. Это число в последующие годы возросло до 22, ибо в дальнейшем легионы формировались из возмужавших боеспособных юношей. Больше всего легионов Рим имел в 212—211 г., около 22, но войска в них было меньше, чем в 216 г., так как численность каждого легиона значительно понизилась. До 216 г. все пленные по договору, заключенному еще в Первую пуническую войну, были выкуплены. На выкуп пленных при Каннах сенат, несмотря на предложение Ганнибала, не согласился, — дабы это впредь служило уроком, — и предпочел сформировать легионы рабов. Пленных карфагеняне продавали, и много лет спустя римляне нашли в Греции столько своих соотечественников в качестве рабов, что, когда в 194 г. консул Фламинин добился у греков права выкупа, одни ахеяне должны были вернуть 1 200 чел. [2]. Шесть лет спустя на Крите также было освобождено и препровождено на родину большое число римлян [3].

Хотя государство во время войны не рассчитывало на граждан, попавших в руки неприятеля и оставленных им на произвол судьбы, мы все же должны учесть, что много пленных было выкуплено не государством, а родными. Работорговцы, взявшие на себя продажу карфагенских пленных, конечно, должны были ради собственной выгоды продавать их как можно дороже. В 210 г. римляне, жалуясь на непосильные поборы, говорят: «даже для выкупов ничего не остается» (Ливий, XXVI, 35); следовательно, с явлением частного выкупа военнопленных нельзя не считаться. Но если даже благодаря этому явлению потери римлян при Тразимене и Каннах были на несколько тысяч меньше, чем принято думать, все же военное напряжение римлян не знает себе равного. Даже Пруссия могла дать в 1813 г. лишь 5,5% своего населения, хотя такое напряжение и не требовалось непрерывно в течение целого года. Афиняне, правда, вооружали порою больший процент населения, чем римляне, но лишь на короткое время. В Риме же условия были таковы, что из года в год на самых отдаленных театрах военных действий находились под оружием почти все боеспособные мужчины. Из рабов также большая часть посылалась в легионы или на морскую службу. Буквально непостижимо, как в таких условиях могли итти своим чередом хозяйственная жизнь страны и ее финансовое управление. Кроме налогов должны были быть предоставлены, в особенности поставщикам, кредиты до конца войны. Сицилия была выжата дотказа, падение курса облегчало должников, денежные ре-

[1] Для флота я этого начисления не делал, так как в то время римские граждане оставались на кораблях в очень небольшом числе; ввиду того что настоящей морской войны не было, можно было (исключая морской легион) вполне ограничиться союзниками и рабами.

[2] Ливий, XXXIV, 50.

[3] Ливий, XXXVII, 60.

сурсы таяли. Лишь во время мировой войны 1914—1918 гг. германский народ напряжением всех своих сил для войны превзошел римлян.

И в то время, когда римская конституция таким образом предоставляла в распоряжение государства силы собственного народа, вырастала хорошо продуманная система союзного государственного устройства, которое увенчивал город на Тибре. Правда, большая часть союзников отпала, перейдя во вражеский стан или, по крайней мере, ослабив свою дееспособность. Но все римские колонии, все латинские и большая часть греческих городов крепко держались Рима [1], а успехи Ганнибала лишь меняли условия ведения войны. Уже перед сражением при Каннах диктатор Квинт Фабий Максим, используя опыт при Треббии и Тразимене, решил в войне с Ганнибалом избегать решительных тактических действий. Но его идей почти никто не разделял. В конечном счете нельзя винить противную партию за сделанную однажды попытку поразить страшного врага, бросив на него силы, вдвое превосходившие неприятельские. Поражение не только привело назад к стратегии Кунктатора, но и дало этой стратегии нечто, чего ей нехватало до Канн и что делало ее в то время нежизненной, а именно — определенную цель. В силу самой сущности войны, каждый успех, не закончившийся полным поражением неприятеля или же миром, непременно должен вызвать возвратный удар и противодействие. Ганнибал, — говорит Клаузевиц, — достиг кульминационного пункта победы. Римляне в дальнейшем избегали больших сражений [2].

Для большой осады Ганнибал был слишком слаб, ибо на путях стояли многочисленные римские легионы, всегда грозившие отрезать ему подвоз припасов. Он же со своей стороны был не в состоянии помешать римлянам осаждать отложившиеся города, снова покорять их и предавать каре. С тех пор на этих осадах сосредоточилось все ведение войны. Взять укрепленный римский лагерь, где при осаде укрывались консулы, Ганнибал не мог из-за недостаточного численного превосходства карфагенской армии. Здесь конные атаки и тактическое взаимодействие различных отрядов и родов войск уже не имели значения, и господствующим на поле сражения становится отныне упорное мужество легионеров [3]. Осадой и занятием римлянами города Капуа начинается решительный кризис Второй пунической войны. Факт — в своем роде единственный во всей военной истории. Несмотря на то, что одна сторона имеет несомненный численный перевес на поле сражения, другая успешно проводит длительную осаду и берет неприятеля измором. Объясняется это своеобразным распределением сил и неодинаковым составом войск. Один из противников имеет перевес в кавалерии, другой силен массой своей пехоты.

---

[1] Я не разделяю взгляда, будто Италия держалась Рима из страха перед дикими галлами, составлявшими бо́льшую часть пунического войска. Отпадение союзников в 211—210 гг. все возрастало, хотя страх, поскольку он вообще имел место, должен был все усиливаться.

[2] Многочисленные победы, которые, по словам Ливия, римляне якобы одержали над Ганнибалом в период с 216 по 203 гг., являются, как метко доказал В. Стрейт (W. Streit) в своем сочинении «К истории Второй пунической войны в Италии после сражения при Каннах» (Берлин 1887), патриотическим римским вымыслом или, попросту говоря, хвастливыми выдумками. Итог, очень удачно подмеченный Стрейтом, говорит сам за себя: во всех боях, начиная с Канн, Ганнибал должен был бы потерять 120 000 чел. В еще бо́льших боях при Гердонее и Нумистро победа осталась за пунийцами. Якобы большие победы Марцелла при Ноле сводятся к совершенно незначительным стычкам.

[3] Именно так рисует положение уже Полибий (IX, гл. 3 и 4).

В то время как капуанцы делали вылазку, Ганнибал якобы сделал попытку взять приступом римскую укрепленную линию осады. Эти сведения почерпнуты из сокровищницы римских победных бюллетеней. Но большой не удавшийся приступ должен был иметь значительные последствия, а между тем Полибий ничего о них не говорит. Ганнибал заранее понял невозможность успешного исхода, так как римляне имели в окопах от 40 000 до 50 000 чел., и он после неудачной попытки выманить противника на бой прибег к моральному воздействию. Он прямо двинулся на Рим и подошел вплотную к городским воротам. Но римляне не дали себя запугать, и Ганнибал должен был снова покинуть Лациум. В результате Ганнибал ограничился опустошительным походом и демонстрацией, а Капуа пала. С этого времени победа над Римом стала для Ганнибала невозможной.

Еще до Капуи римляне завоевали Сиракузы. Вскоре они вернули себе обратно Тарент. Вместо все возраставшего отпадения италийцев, которое, как мечтал Ганнибал, должно было его привести к окончательной победе, стало вновь распространяться и укрепляться римское могущество. Боевые же силы Ганнибала, не получавшие с родины достаточного подкрепления, таяли все больше Даже некоторые из его нумидийских и испанских частей перешли к неприятелю. На второстепенных театрах войны, в Сицилии, Сардинии и Испании, где не было страха перед гением Ганнибала и где главная сила карфагенян — кавалерия — была, с одной стороны, не так многочисленна, а с другой — и не могла себя проявить, военное счастье колебалось. После занятия римлянами большой части Испании, они в год возвращения Капуи (211 г.) потерпели сильнейшее поражение, от которого впрочем вскоре оправились и со свежими подкреплениями снова перешли в наступление. Еще трудно было предсказать, каков будет окончательный исход, но превосходство карфагенского войска, завоеванное им в первые годы войны в больших сражениях, уже было подорвано, и силы обоих противников пришли в равновесие. Ни одна из сторон не была в состоянии заставить другую перейти к решающим действиям. Римляне не дерзают вступить в открытое сражение, а Ганнибал не в состоянии осадить Рим.

После того как мы уяснили себе политико-стратегическое соотношение сил, нам кажется уместным сопоставить, как отображено это соотношение в народных преданиях. Совершенно правильно связывают решительный поворот в войне с именем Капуи, но какова его мотивировка? В богатом и развращенном городе Капуа, — говорит предание, — суровые воины Ганнибала изнежились, потеряли силу и мужество (Ливий, кн. 23, гл. 18). Почему римляне в течение 12 лет терпели в Италии это развращенное, потерявшее боеспособность войско, — легенда не говорит. Она равнодушна к фактическим соотношениям. Она знает только личность и личные мотивы, а фактические взаимоотношения всегда может поставить наголову. «Капуа» — как определение для изнеженного войска — перешло в сокровищницу метафор всех образованных народов, так же как слово «Ксеркс» обозначает массовое войско и останется таким навсегда.

Благодаря Полибию, служащему нам источником в изучении Второй пунической войны, мы прекрасно знаем, что в действительности увековечило слово «Капуа». Сказанное нами в этой главе в основных чертах давно стало общим достоянием истории. Естественно, что для Персидских войн, относительно которых мы имеем лишь легендарные

сообщения Геродота, отделить правду от вымысла было гораздо труднее.

1. О походе Ганнибала на Рим существуют самые разноречивые сведения. Все они очень мало достоверны. Полибий и Ливий навязывают Ганнибалу веру в возможность внезапного нападения на Рим. Что Ганнибал заранее не говорил о невозможности занять Рим, само собой разумеется. Не сумей он создать впечатление серьезной попытки, он вообще лишился бы своего авторитета, а игра случайностей порой поистине поразительна. Но тешить себя мыслью взять врасплох такой город, как Рим, Ганнибал не собирался и, даже приблизившись к городу, не сделал такой попытки. Известие о его выступлении пришло в Рим, конечно, за много дней до него, ибо большая армия продвигалась медленно вперед, и времени организовать оборону стен было вполне достаточно. Даже если бы в городе не было полевых войск, временно для этой цели было бы достаточно одних воинов старших возрастов.

Итак, если Полибий повествует о том, что Ганнибал совершенно неожиданно появился у ворот Рима и что городу удалось спастись лишь благодаря случайному наличию в нем двух вновь сформированных легионов, то это есть совершенно естественное преувеличение, в котором нашло свое отображение и закрепление чувство бесконечного ужаса римлян перед Ганнибалом. Канталупи[1] доказывает с большой вероятностью, что оба старые легиона — legiones urbanae — также еще находились в городе, так что в общем в распоряжении города были 4 легиона, из коих 2 необученных. Упрек, сделанный римскому сенату Стрейтом в его, вообще говоря, превосходном труде, что тот оставил столицу без гарнизона, зная о приближении Ганнибала, не имеет основания[2].

По словам Ливия, римляне, своевременно осведомленные о продвижении Ганнибала, выделили из армии, осаждавшей Капую, особый отряд, который под предводительством Фульвия прибыл одновременно с пунийцами. Я не вижу основания сомневаться в правдивости этого сообщения.

По словам обоих авторов, римские войска не только заняли стены, но и вышли за ворота, вызывая пунийцев на открытое сражение. Это, очевидно, римский вымысел. В открытом сражении, в котором Ганнибал всегда оставался победителем, и в непосредственной близости к римским воротам карфагенский полководец не только стяжал бы себе военные лавры, но получил бы действительно возможность проникнуть вместе с побежденными римлянами внутрь города и вопреки всем расчетам занять Рим. Неужели Ганнибал не принял бы вызова к такому сражению? Дважды,— говорит Ливий,— стояли оба войска друг против друга, и оба раза страшный ливень разъединял жаждавших боя. Тогда Ганнибал понял, что боги против сражения. Но, по словам Полибия, Ганнибал просто испугался неожиданно большого количества римских воинов и отказался от намеченной им атаки. Полибия не интересуют чудодейственные явления, но, критикуя римские легенды, он должен был бы сделать еще один шаг и просто-напросто вычеркнуть весь рассказ о построении войск перед стенами. Правда, Полибий не говорит с уверенностью, что войско выстроилось в боевом порядке для сражения. Можно представить себе просто крепкую передовую позицию.

Отозвание отряда Флавия из армии, осаждавшей Капую, не настолько ослабило римские силы, чтобы увеличить шансы на их поражение. Ганнибал должен был отступить, оставив Капую на произвол судьбы.

ВОЕННОЕ НАПРЯЖЕНИЕ РИМА

2. Представление о силах, которыми Рим вел Вторую пуническую войну, дает нам Ливий, сохранивший данные о римских легионах за целый ряд лет. Данные

[1] «Studi di Storia antica» pubblicati di Giulio Beloch, т. I, 34.

[2] «К истории Второй пунической войны», стр. 35.

эти подтверждаются официальной римской переписью. Но как сильны были эти легионы, насколько состав их численно приближался к норме, сколько в нем было союзников и наемников, чему равнялись морские части,— об этом мы очень мало осведомлены. К тому же указанное общее число легионов часто не совпадает с числом, получаемым в результате сложения отдельно поименованных легионов; очевидно, что при вычислении были допущены ошибки. Но при тщательном сопоставлении и оценке всех отдельных чисел мы все же получаем приблизительно верный результат. Наилучшее обоснование этих данных дает Белох не только в своей книге, но и в послесловии к трактату Кангалупи («Studi di Storia antica», I, стр. 42), которые значительно ценнее предыдущих изысканий Шемана («De legionum per alterum bellum Punicum historia», «Bonner Dissertation», 1875).

К 6 легионам, с которыми Рим, по словам Ливия, приступил к войне, нужно присовокупить части, занимавшие гарнизонами Сицилию, Сардинию и Иллирию и составлявшие в общем 1—2 легиона, так что в общей сложности Рим имел вооруженного сухопутного войска до 34 000 чел.

Что касается комплектования войска после Канн, то здесь сведения у разных источников различны. Но ошибки нетрудно распознать и выделить.

Ливий (XXII, 57) повествует вначале, что были набраны 4 легиона, большей частью из praetextatis; кроме того, был произведен набор 8 000 рабов. Он говорит также (XXII, 14) о мобилизации 6 000 преступников и несостоятельных должников. Весь набор равнялся бы тогда $7^1/_2$ легионам, кроме 10 уже имевшихся. Но Ливий (XXVI, 11) говорит, что в следующем году римляне сформировали 6 новых легионов, чтобы довести число всех легионов до 18; спрашивается: откуда же могли они набрать столько мужчин, если в предыдущем году они принуждены были прибегнуть к набору рабов, преступников и несовершеннолетних?

Но если бы эти легионы были действительно сформированы, то римляне имели бы в общем не 18, а 23—24 легиона. Очевидно, эти легионы частично или целиком являются дублетами и заключают в себе те же самые воинские части, которые были сформированы после Канн в 216 и 215 гг.

Порядок, очевидно, был такой: сначала сформировали из заключенных, из оставшихся от предыдущего набора и из претекстатов 2 легиона, потом — еще 2 легиона из рабов. Наконец, последние 2 легиона были набраны лишь в последующем году (в 215 г.) из младшего поколения. Эти легионы молодежи назывались urbanae. В первый год они оставались в городе для обучения и одновременно несли службу столичного гарнизона. Из всех этих легионов Белох считает необходимым вычеркнуть следующие: 1) с 215 г. 1 легион в Сардинии, ибо остров в то время уже не был угрожаем, а 2 легионов там было слишком много; 2) 2 легиона с галльской границы как дублеты (подобные предполагаемые войска считались также при Капуе); 3) legiones urbanae.

Я согласен с ним в первых двух пунктах, особенно во втором, но считаю, что в вопросе о legiones urbanae он неправ. Белох ссылается на Полибия, по словам которого факт угрозы Ганнибала Риму в 211 г. исключает возможность существования в городе постоянного гарнизона. Это верно, но само повествование (IX, 6, 6) носит легендарный характер и, если принять во внимание неоднократные показания Ливия, не может быть обосновано. Штейнвендер (Steinwender, Philologus, т. 39, стр. 527) удачно освещает вопрос о двояком значении legiones urbanae, которые могли быть запасными, гарнизонными или рекрутскими легионами.

После взятия Сиракуз и Капуи (211 г.) численность армии несколько пала. Старшие призывы были распущены по домам, а некоторые легионы были расформированы. Когда из Испании стал подходить Гасдрубал (207 г.), в легионы снова призвали рабов, но после победы при Метавре численность войска снова понизилась.

Что касается численности римских граждан, то мы имеем, во-первых, оставшуюся перепись, а во-вторых, данные о боеспособных гражданах в 225 г., сохра-

ненные нами Полибием. Исходя из различных выкладок, сделанных на основании этих чисел, я в 1-м издании присоединился к Белоху и в результате пришел к выводу, что военное ополчение составляло не меньше 9,5% всего населения. К этому же выводу пришел Эд. Мейер (Ed. Meyer) в Conrads Jahrbüchern, т. 70, стр. 59, 1897 г. и в своей статье «Народонаселение в древности» в сборнике «Handwörterbuch der Staatswissenschaften». В войне с Ганнибалом, говорит он, в течение ряда лет оставались в строю больше 20 легионов, т. е., не считая союзников, по меньшей мере 70 000, или приблизительно 30% всех взрослых мужчин и почти 10% всего свободного населения.

После Мейера впервые приступили к новым изысканиям Ниссен (Nissen, Italienische Landeskunde, т. II, введение, § 9), где он присоединяется к мнению Мюммсена, что оставшаяся нам перепись касается не всего населения, а лишь tabulae juniorum. Это соображение, равно как и другие поправки, приводит Ниссена к убеждению, что во времена Ганнибала население равнялось приблизительно 7 000 000 — цифра, вдвое большая той, какую приводил Белох. В своей статье, появившейся в Клио (т. III, стр. 471, 1903 г.), Белох возражает Ниссену и приводит в защиту своего мнения очень веские доказательства. Он допускает, что население полуострова могло составлять самое большее 5 000 000 душ.

Слабое место Ниссена в том, что он не сумел объяснить разницу между последней республиканской переписью 70/69 г. в 910 000 civium capita и переписью при Августе в 28 г., насчитывавшей 4 063 000.

По Ниссену (стр. 118), в эти 4 000 000 входят все мужчины, достигшие совершеннолетия, затем самостоятельные женщины и состоятельные сироты. Ясно, что данная модификация подсчета не могла удвоить число juniores. Еще меньше можно было покрыть эту разницу естественным приростом и увеличением числа полноправных граждан. Не может быть иного объяснения, кроме объяснения Белоха, по которому со времен Августа перепись охватывала не только мужчин, но и все население [1]. А если оно так и было, то цифровые данные переписи относятся не только к juniores, но и ко всем мужчинам.

При дальнейшем исследовании получившихся противоречий я в одном из пунктов, в котором усомнился уже в 1-м издании и в котором пошел на уступки и Белох, сделал существенные поправки. Дело идет о численной силе римского воинского ополчения, которое я по числу легионов полного состава исчислил для 216 г. в 83 000 сухопутного войска.

Несколько лет спустя после сражения при Каннах такая же приблизительно численность была снова достигнута беспрерывным набором молодежи. В 216 г. Рим имел 18, а в году 212/11—21, если не 23 легиона.

Вначале в своем сочинении «Народонаселение» (стр. 383) Белох считает неоспоримым фактом, что в промежутке 214—203 гг. в строю насчитывалось около 20 легионов. Теперь же, ссылаясь на Полибия (VIII, 3), он утверждает, что эти 20 (или даже 22—23) легионов являются чванливым вымыслом римских летописцев и что Рим имел для военных действий в поле не больше 8 легионов, из которых лишь 4 находились в Италии. Тут Белох, очевидно, сошел с правильного пути. Из слов Полибия ни в коем случае не следует, что Рим имел для военных действий в поле 8 легионов. Он говорит только, что в Италии имелось два войска под предводительством консулов, конечно, при этом он имеет в виду не войско из двух легионов; это совершенно явно из того, что он слово στρατόπεδον относит также к морскому командованию Публия Сципиона в Испании. Да и как возможно было римлянам взять с 4 легионами Капую, когда Ганнибал, несомненно, после Канн располагал войском в 40 000—50 000 чел. У Ливия числовые данные о легионах

[1] В 1-м издании были даны мои возражения Корнеману, пытавшемуся опровергнуть Белоха («Conrads Jahrbüchern», N. F., т. 14, стр. 291, 1897 г.). Я ссылался на непреложные основания (здесь я их не привожу).

основаны на государственных записях, и его сообщение о призыве 212 г., о котором мы ниже будем говорить подробно, имеет несомненную печать достоверности. Но Белох несомненно обладает правильным чутьем; с небольшими поправками его положения вполне приемлемы и могут быть подкреплены другими, весьма полновесными доказательствами.

Если данные о 22 легионах соответствуют действительности, то почему же, спрашивает Белох, Полибий (VIII, 3), говоря о римских вооружениях того времени, не упоминает о числе легионов? Он не делает этого, очевидно, потому, что большая часть этих так называемых легионов представляла собой небольшие части гарнизона, которые только римская любовь к преувеличению могла украсить гордым именем легиона. Для меня нет сомнения в том, что в этой фразе находится ключ к познанию, разрешающему целый ряд трудностей. Прямое доказательство этого дают нам legiones urbanae.

Начиная от 215 до 212 г., Рим ежегодно формировал по 2 легиона из римского же населения. Одновременно они служили гарнизоном столицы; таким образом, число легионов с 14, которые Рим насчитывал в 215 г., дошло до 22. Пополнение войск после сражения при Каннах так истощило резервы, что пришлось призвать и арестованных за долги и рабов. Если же действительно в течение последующих четырех лет римляне ежегодно формировали по 2 легиона, то делалось это, очевидно, за счет последнего призыва молодежи, достигшей 18 лет. Следовательно, римляне призвали юношей того возраста, который по нашим понятиям считается недостаточно окрепшим даже для военной службы, не говоря о боях. Но на практике это было не так. У римлян не было регистрационных книг для рождений, а потому случалось довольно часто, что уклонившиеся от службы уменьшали свой возраст, чтобы еще год или два не подлежать призыву. Власти нашли выход, объявив призывниками даже 17-летних, другими словами, набор производился по наружному виду, и ссылка на свое несовершеннолетие, приводившаяся нередко юношами в возрасте 18—20 лет, не принималась во внимание.

Взрослое мужское население равнялось тогда приблизительно 217 000 чел. Из этого числа нужно исключить 25 000 отложившихся капуанцев. Один возрастной класс 17-летних составляет в Германии 3,13%, во Франции — 2,45% всего мужского населения, перешедшего за 17-летний возраст[1]. Соотношение возрастов в Риме, очевидно, более сходно с соотношением их во Франции, чем в Германии. Если мы контингент 17-летних примем в 2,75%, то он равнялся 6 740 чел. Возьмем для большей уверенности цифры 7 000—7 500. Отсюда исключаются негодные к военной службе. В Германии при нынешнем рекрутском наборе процент годных к военной службе колеблется между 52,7 (1898 г.) и 59,9 (1896 г.). Сюда относится также большое число забракованных вследствие незначительных недостатков. Находясь в запасе, они в случае войны призываются в действующую армию. Число совершенно негодных в последнее десятилетие колебалось между 8,5% (1903 г.) и 6,99% (1904 г.). Перенося данное соотношение на Рим, мы можем считать в призывном году годных рекрут 6 500, вероятно, даже меньше. Отсюда нужно отнять уклонившихся. Ливий говорит (XXIV, 18), будто бы в 214 г. ревизия списков показала, что в течение 4 лет (quadriennio) уклонилось от службы 2 000 чел., причем они не могли сослаться ни на законное освобождение, ни на болезнь. Отсюда видно, что в те времена законное освобождение от службы допускалось не только по болезни;

[1] По народной переписи 1 декабря 1900 г. число мужчин от 17- до 18-летнего возраста в Германии равнялось 525 582, а число всех мужчин, перешагнувших этот возраст,— 16 806 581 (ср. статистику Германии, т. 150, стр. 118). По народной переписи во Франции в начале 1901 г. число мужчин, перешагнувших за 17 лет и не достигших еще 18 лет 1 января 1901 г.,—330 318, а число всех достигших 17 лет—13 456 430 (ср. «Résultats statistiques du recensement», 1901, т. IV, стр. 58).

слово quadriennio в связи с позднейшим указанием, обязывающим каждого воина принять участие, по крайней мере, в 16, а в случае необходимости и в 20 походах, доказывает, что в те времена существовала некая сменяемость. Ниссен был прав, говоря, что семейные льготы имели при рекрутском наборе большое значение, — гораздо большее, чем указывал раньше я.

Увести на войну приблизительно всех мужчин в возрасте от 17 до 46 лет возможно лишь на несколько дней. На каждый из небольших крестьянских дворов, население которых составляло бо́льшую часть римских граждан, непременно должен был быть оставлен трудоспособный мужчина или хотя бы на соседнем дворе какой-нибудь родственник, обязанный помогать в хозяйстве. В противном случае наступили бы голод и полный хозяйственный развал. Само собою разумеется, что существовавший порядок был особенно на-руку 17-летним. Ведь не было смысла отпускать домой со службы отца, прошедшего воинское обучение, в обмен на 17-летнего сына, помогавшего матери в крестьянском хозяйстве. Иначе взамен опытного воина получили бы обыкновенного рекрута. С точки зрения интересов хозяйства и семьи такой обмен, может быть, и был бы желателен, но он не был в интересах ведения войны. Такого взгляда придерживался и Ливий, говоря (XXV, 3), что в 212 г., кроме двух вновь сформированных городских легионов, было решено произвести дополнительный набор для старших легионов, стоявших в Италии. К такого рода решению могли притти только в том случае, если бы в предыдущие годы осталась от набранных рекрут значительная часть. Правда, Ливий сообщает нам, что для проведения в жизнь этого проекта прежних рекрут нехватило. Принуждены были призвать не 17-летних, т. е. юношей, хотя не достигших, как они сами уверяли, этого возраста, но вполне годных по наружному виду. Так как пополнение старых легионов, стоявших в течение нескольких лет в боевой готовности, должно было, по крайней мере, равняться 5 000—8 000 (иначе оно не имело бы никакого значения), то потребность в новых силах была настолько велика, что тут, несомненно, были пущены в ход излишки от предыдущих призывных годов. Таким образом, чтобы получить действительную цифру призывников, нужно от 6 500 имевшихся налицо рекрут сделать еще некоторые отчисления. А так как в двух легионах вместе с конницей нормально считалось 9 000 чел., то отсюда следует, что с самого начала состав легионов был значительно ниже нормального. Кроме того, ввиду молодости рекрут, было очень развито дезертирство. Принимая во внимание все эти данные, мы должны нормальное количество выступивших в поход воинов уменьшить, по крайней мере, на половину.

Это положение относится также и к другим легионам. Поскольку Рим привык считать легионом каждую войсковую единицу, хотя бы она при выступлении насчитывала не больше 2 000 чел., то и мы уже не обязаны предполагать в каждом боевом легионе одну и ту же численность. Напротив, мы имеем полное основание значительно преуменьшить число старых боевых частей. Полибий знал, что делал, когда для определения римской боеспособности не брал масштабом число легионов.

Войско, с которым Гасдрубал в 207 г. перешел через Альпы на помощь брату, было не очень велико. Боевая сила Ганнибала также уже значительно ослабла. Почему бы эти два войска так сильно тревожили римлян, если бы последние располагали 20 полноценными легионами? Почему Нерон должен был предпринять свой знаменитый тайный поход на подкрепление Северного войска, если римляне располагали двумя настоящими легионами в Этрурии, двумя—в Риме, одним—в Капуе и кроме действующей армии имелось 2 легиона в Нижней Италии?

Если я раньше полагал, что в 22 легионах насчитывалось около 80 000 чел., то теперь думаю, что это число можно и должно сократить до 50 000—60 000.

Спрашивается только: не следовало ли бы сократить еще больше и те 18 легионов 216 г., о которых определенно сказано, что при главном войске их состав был увеличен на 5 000 чел.?

Конечно, эти легионы гораздо больше приближались к норме, чем легионы последующих лет. В частности 8 легионов при Каннах и оба в Испании имели почти полный состав. Предположить то же самое об остальных 8 легионах нет основания, ибо для поставленных им задач требовались лишь небольшие гарнизоны. Если мы исчисляем основные 10 легионов в 45 000—47 000 чел., то весь боевой состав не превысит 66 000.

Наши исчисления привели нас к следующему разультату: боевое напряжение исчисляется в 6,5% численности всего населения, а включая потери — в 7,5%. Раньше мы считали 9,5%. Должен сознаться, что в глубине души я всегда сомневался в этой цифре и привел ее лишь потому, что явных противопоказаний не было. Даже ежегодные 5% после огромных боевых потерь являются таким колоссальным напряжением сил, что могут нас вполне удовлетворить. Становятся понятными жалобы римских граждан, столь часто служащие темой их литературных повествований.

Численное боевое напряжение римских граждан известно нам, как мы показали, довольно хорошо. Но римские граждане составляли лишь третью часть всех свободных граждан союза. Воинская повинность налагалась в таком порядке: в сухопутные войска союзники должны были поставлять несколько большее число, чем римляне, а во флоте составлять значительное большинство флотских экипажей (socii navales). Здесь наши сведения кончаются, и мы не можем сказать, что из этой повинности фактически было выполнено. Часть союзников после Канн перешла прямо к пунийцам. Но и от тех, кто остался верен римлянам, вряд ли можно было ждать такого же напряжения сил, какое мы наблюдаем у римлян; во всяком случае при отпадении стольких союзников вряд ли можно предположить, чтобы ими поставлялась половина каждого войска. Какова фактическая численность римского войска после Канн, мы не знаем, ибо в источниках ничего не сказано о силах не отложившихся союзников. При изучении последующих походов, особенно похода 207 г., — в этом большой пробел.

Примечание к 3-му изданию. Со времени опубликования вышеприведенных выводов рассматриваемая проблема неоднократно подвергалась исследованию, особенно у Бовередорфа («Die Streitkräfte der Karthager und Römer im 2. pun. Kriege, Berl. Dissert. 1910), Кромайера («Antike Schlachtfelder, III, 476) и у Эд. Мейера (Sitz.-Ber. der Akad. 1915, 948). По Кромайеру, численность римских граждан значительно возрастает, если принять, что в перепись не вошли мужчины старше 60 лет, и внести некоторые поправки в дошедшие до нас предания. Тем не менее он вполне согласен со мной, что хотя многие из упомянутых Ливием легионы действительно существовали, но состав их был значительно ниже нормального. Его утверждение, что я слишком подчеркиваю разницу между консульскими и гарнизонными легионами, основано на недоразумении; в этом пункте я вполне присоединяюсь к его мнению. Но его предпосылка, что мужчины старше 60 лет не вошли в перепись, мне кажется неверной. Я остаюсь при том же мнении, а именно — что в 216 г. наличность боеспособных граждан была почти совершенно истощена; если и было налицо еще некоторое число годных к войне граждан от 17 до 46 лет, то большинство из них скрывалось, так что даже в случае крайней нужды их невозможно было призвать, и гораздо проще было создать легионы из рабов. Поэтому я остаюсь при прежнем мнении, но делаю уступку: я принимаю во внимание указания Кромайера о зимних отпусках, дававшихся в большом числе даже целым легионам.

Эд. Мейер внес в 1915 г. некоторые поправки в свои положения: он несколько сократил сухопутное войско, но довел силы флота до 18 000, что составляет третью часть римских граждан. Считая цифровые данные слишком высокими и принимая во внимание, что во флоте в те времена национально римским был лишь команд-

ный состав, я остаюсь при прежнем расчете: общая численность боевой силы римлян в 216 г. равнялась 66 000, а в последующем не превышала 50 000—60 000.

Английская «United Service Gazette» опубликовала в 1905 г. (№ 3787) статистику английского ополчения при Наполеоне. Она насчитывает в 1805 г. круглым счетом 300 000 при населении приблизительно в 17 000 000. О боевом напряжении народов во время мировой войны официальных данных еще не имеется. Боевые силы немецкого народа приблизительно вдвое превосходят силы Пруссии в 1813 г.

Глава III

Взгляд на стратегическую подготовку войны

Теперь на основании установленной нами научной точки зрения мы снова возвращаемся к началу боевых действий с обеих сторон.

Иозеф Фукс недавно опубликовал свои превосходные труды [1], к которым я всецело присоединяюсь.

Ганнибал двинулся по суше, ибо этот путь вел его к галлам — народу, готовому немедленно объединиться с ним против римлян. Если бы он из Африки перебросился в Сицилию, то в течение долгого времени принужден был бы рассчитывать только на собственные силы. Кроме того, каждой морской экспедиции угрожало нападение численно превосходных морских сил римлян, а создать транспортный флот, способный перевезти 10 000 лошадей для армии, было невозможно. Это — последняя и решающая точка зрения, ибо сразу противопоставить неприятелю кавалерию, значительно превосходящую в силах, и этим выиграть первое сражение — вот план, из которого вытекали все дальнейшие действия.

Ганнибал, будучи уверен, что сумеет создать себе в самой Италии новую базу, отказался от длительной связи с родиной и снабдил флот лишь самым необходимым. Все силы и средства он бросил на сухопутье, обеспечив себя также финансовыми средствами. Не имея на море численного превосходства над противником, Ганнибал скорее предпочитал иметь наличные деньги, чем флот средней мощности, ибо тогда он мог регулярно рассчитываться с наемниками и не быть сразу в тягость предполагаемым союзникам. Поэтому указания Полибия (III, 17, 10) на то, что Ганнибал взял в экспедицию с собою и деньги, совершенно естественны.

---

[1] Вторая пуническая война и источники ее изучения — Полибий и Ливий — с точки зрения стратегии и тактики. 219 и 218 гг., за исключением альпийского перехода. Опыт Иозефа Фукса, профессора в Винер-Нейштадте 1894 г. Винер-Нейштадт, Вена и Лейпциг. — Переход Ганнибала через Альпы — результат исследований и путешествий Иозефа Фукса, профессора в Винер-Нейштадте. С двумя картами и снимком. Вена. Изд. Карла Конегена. 1897 г. Вопрос о путях перехода Ганнибала через Альпы в эту книгу не вошел, ибо для стратегических и тактических выводов пути продвижения значения не имеют. Фукс останавливается на «Mont Genêvre». — Конрад Леман в «Наступлении трех Баркидов на Италию» 1905 г. весьма обоснованно стоит за малый Сен-Бернар. Позже выступил также французский капитан инженерных частей Колен с сочинением «Annibal en Gaule» 1904 г. Но безоговорочного признания не нашла ни одна из этих гипотез.

Замысел римлян для нас менее понятен, чем план Ганнибала. До Фукса их поведение определяли как совершенно несвойственную римлянам нерешительность и ничем не оправданную медлительность.

Почему римляне не перешли сразу в наступление и, воспользовавшись отвлечением ганнибаловых сил к осажденному Сагунту, не перенесли театра войны в Испанию?

При тактическом превосходстве карфагенян, которое впоследствии обнаружилось при Каннах, каждое войско, даже вдвое более сильное, будучи послано римлянами в Испанию против Ганнибала, легко стало бы его добычей. Ведь здесь карфагеняне были еще сильнее, чем в Италии.

Если бы римляне предприняли большое наступление на Карфаген, то Ганнибал, перебросив из Испании все войско или даже часть его, уготовил бы и в этот раз римлянам судьбу Регула в первой войне.

Еще хуже было бы, если бы римляне, разделив свои силы, одновременно повели наступление в Испании и Африке, подвергнув обе экспедиции по очереди ударам всей мощи пунических сил. О взятии Карфагена в период борьбы Ганнибала с римскими войсками в Испании, конечно, нечего было и думать. Карфаген был мощной крепостью, осада которой потребовала бы нескольких лет, а Ганнибал не особенно церемонился бы с высланными против него римскими войсками.

Итак мы вместе с Фуксом должны отдать полную справедливость той партии в сенате, которая, по словам Ливия (XXI, 6), полагала «non temere movendam rem tantam». Наступление против карфагенских войск, сформированных Баркидами в Испании, римлянам было не под силу. Их медлительность, долгая нерешительность, отказ от защиты Сагунта — все это вполне понятно, хотя, как ниже нами будет установлено, численность карфагенских войск в Испании была не 130 000, как обычно полагали вместе с Полибием, а всего 82 000 чел.

Но данной установке противоречат фактическое поведение римлян и их замысел, начиная с момента их вступления в войну. Так, они считали 6 легионов вполне достаточными, а до восстания цизальпинских бойцов, отвлекшего часть войска, думали даже ограничиться обычной армией в 4 легиона. Из них 2 легиона они собирались послать под начальством Семпрония в Сицилию, чтобы потом перебросить их в Африку, а 2 других должен был вести второй консул, Сципион, в Испанию. Если они полагали, что могут с 2 легионами — всего 22 400 чел. пехоты и 2 000 конницы (Ливий, XXI, 17) — выступить в Испании против Ганнибала, то совершенно непростительно, что они не пошли на помощь Сагунту.

Своими выкладками, сделанными на основании первоисточников, Фукс внес во все эти вопросы ясность. Римляне с самого начала подозревали о военных планах Ганнибала — вернее, знали. Естественные трудности небывалого до тех пор похода от Эбро и через Пиренеи к Альпам, мимо враждебных земель, казались им еще непреодолимее, чем Ганнибалу. Они рассчитывали на то, что боевые силы Ганнибала значительно убавятся еще до того, как он достигнет подножья Альп. Замысел римлян был таков: выступив против Ганнибала близ реки Роны, втянуть в борьбу также и туземцев. Экспедиция Сципиона с самого начала направлялась к этому театру войны, и лишь потом — в Испанию. Войско Семпрония в Сицилии было приведено в боевую готовность, но двинуться в Африку должно было лишь после ухода Ганнибала со своим войском в Галлию, когда нечего было бояться его внезапного появления у стен Карфагена.

Поражает слабость обоих консульских войск. Если бы для каждого из двух предприятий было двинуто двойное число легионов, т. е. по 4 легиона, было бы вполне ясно, что римский сенат, осознав карфагенскую мощь, остановился на отступательном стратегическом маневре, уступил Ганнибалу инициативу, пожертвовал Сагунтом и приступил к военным действиям с осторожной медлительностью.

Но обоим консулам дали лишь по 2 легиона. Это обстоятельство объясняется, очевидно, тем, что дело идет о морской экспедиции. Переброска больших войск морем требует огромных средств, а кроме того, большой флот с трудом поддается управлению: нехватает гаваней, чтобы принять его; ветер гонит корабли в разные стороны и отдает отставших в руки неприятеля. О бешеной силе натиска Ганнибала римляне не имели даже отдаленного представления. Зная, что в Африке или в Испании они не могут развить военные действия, они все же обольщались надеждой, что пополненное консульское войско может вступить в победоносный бой, опираясь на дружественный ему город Массилию и в союзе с галльскими племенами, не желавшими пропускать Ганнибала через свои земли. Поведение римлян, рассматриваемое под таким углом зрения, уже теряет характер слабости и нерешительной противоречивой половинчатости. Оно вполне соответствует тем взглядам, которыми сенат руководствовался как до войны, так и после нее, при ведении государственных дел римской империи.

Но Ганнибал раньше всего нанес удар их расчетам, преодолев встречавшиеся ему на пути препятствия с такой быстротой, какой римляне совершенно не ожидали от него. Когда Сципион во главе 24-тысячного войска прибыл в Марсель в полной уверенности, что Ганнибал еще не успел выбраться из Пиренеев, тот уже давно находился на Роне, совершив переход раньше, чем Сципион успел помешать ему.

Здесь уместен вопрос, почему Ганнибал, вместо того чтобы приветствовать приход Сципиона, как радостную весть, как бы боязливо стал уклоняться от встречи с ним? Со своими военными силами, качественно и количественно значительно превосходившими неприятеля, он мог бы, так сказать, одним железным объятием положить его на обе лопатки. Прекраснейшая, вернейшая победа была бы ему обеспечена над ничего не подозревавшими римлянами. Но молодой карфагенский полководец не погнался опрометчиво за дешевыми лаврами, — и это доказывает всю его гениальность, соединение высшего мужества со спокойной рассудительностью. Мнение Наполеона «une victoire est toujours bonne à quelque chose» («победа всегда годится на что-нибудь»), несмотря на всю его непреложность, также знает исключения. Если бы победа над Сципионом задержала Ганнибала хотя бы на несколько дней, он не смог бы перейти в том году Альпы. Как ни обеспечена была Ганнибалу победа, римляне обычно недешево продавали свою жизнь. Потери убитыми сами по себе были Ганнибалу не так страшны, как масса раненых, которых нельзя было ни бросить на произвол судьбы в неприятельской стране, ни тащить за собою через Альпы. Наступала поздняя осень; через несколько недель перевалы через горы (горные проходы) стали бы непроходимыми из-за снега. Если бы карфагенское войско осталось зимовать в Галлии, с тем чтобы весною спуститься в Италию, то весьма возможно, что римляне, предупрежденные и напуганные поражением первого войска, встретили бы карфагенян с превосходными силами непосредственно у выхода из альпийских теснин. Это было наиболее уязвимое место в военном плане Ганнибала. Если

бы римляне перенесли оборону к Альпам и грудью встретили неприятеля у самого выхода из теснин, то трудно сказать, удалось ли бы Ганнибалу вторгнуться в неприятельскую страну. Лишения в пути и трудности передвижения наполовину вывели его конницу из строя. Но, как мастерски показал Фукс, Ганнибал, благодаря своему проникновенному психологическому чутью, заранее предвидел, что исконный боевой дух мужественных римлян не допустит их ожидать неприятеля внутри своей страны. И если они не дошли до Испании, как Ганнибал первоначально надеялся, то во всяком случае достигли Галлии. Очевидно, что в Риме, где стекались различные народности, связь была налажена хорошо, и Ганнибал сумел прекрасно организовать разведку. При всех римских добродетелях такая обширная коллегия, как сенат, с трудом могла хранить в полнейшей тайне все принятые решения, а тем более — подготавливаемые практические мероприятия. В 216 г. римляне, открыв в своем городе карфагенского шпиона, выслали его для устрашающего примера из города с отрубленными руками (Ливий, XXII, 33).

Очевидно, Ганнибал с полным основанием ожидал римлян где-либо на своем пути. Когда он — не то избегая сражения, не то после него — перешел Альпы, то при выходе из теснин не нашел никакой подготовленной обороны, да и вряд ли нашел бы ее даже в том случае, если бы дал сражение в Испании, ибо слава об огромной победе значительно облегчила бы ему поход сквозь страны кельтских народов. Путь ганнибалова похода от Эбро до долины По составляет по выпрямленной линии приблизительно 120 миль (около 850 км) и мог бы быть тогда пройден вместо 5 месяцев в 3. Но незачем перебирать все возможные комбинации: достаточно сказать, что расчеты Ганнибала на беспрепятственный переход через Альпы были вполне обоснованы. Он был совершенно прав, уклоняясь от сражения при Роне, с тем чтобы уверенно, не рискуя ослабить себя потерей нескольких тысяч раненых, вступить в область По и там, соединившись с цизальпинскими галлами, создать себе новую базу.

Все расчеты Ганнибала оправдались, чего нельзя сказать о римлянах. Но не следует их за это слишком строго осуждать: ведь они имели дело не с кем иным, как с Ганнибалом, а это была нелегкая задача. В решениях сената не может быть гениальной интуиции; он решает и действует по примеру отцов, и мы должны признать, что римляне действовали все время мужественно и руководствуясь здравым смыслом. Но в некоторые исторические моменты этого мало.

ИСЧИСЛЕНИЕ БОЕВЫХ СИЛ

Покидая в 203 г. итальянскую землю, Ганнибал приказал воздвигнуть в издревле священном храме Геры Лацинии около Кротона железную плиту, на которой были вырезаны все его подвиги и победы на полуострове. Полибий, по его словам, сам видел эту плиту и оттуда почерпнул все данные о воинских частях, оставленных Ганнибалом в Испании и Африке, а также о численности войска, прибывшего в Италию (III, 33, 56).

Хотя великим полководцам обычно свойственно преуменьшать численность своих сил после одержанных побед (Цезарь, Фридрих и Наполеон особенно отличались в этом отношении), все же мы можем отнестись к сообщениям Ганнибала с полным доверием. Спрашивается только: правильно ли Полибий сделал выдержки и действительно ли все цифры взяты им из данного источника?

На основании лацинийской плиты Полибий сообщает, что Ганнибал в Африке оставил 19 920 чел. гарнизона (недостающая цифра о балеарах дополнена по Ливию), а в Испании — 15 200 чел. (III, 33). Несколько дальше он говорит о том, что Ганнибал выступил с войском численностью в 102 000 чел. Отсюда общая сумма войск — 137 000 чел.

Из выступивших с ним 102 000 чел. Ганнибал оставил севернее Эбро 11 000 чел. и 11 000 испанцев распустил по домам, а сам с войском в 59 000 чел. двинулся через Пиренеи. Следовательно, покорение испанцев к северу от Эбро стоило ему 21 000. Для короткого похода против нескольких варварских племен это воистину невероятная цифра.

К Роне он подошел с войском в 46 000 чел.—38 000 пехоты и 8 000 конницы. Таким образом, переход стоил ему якобы 13 000 чел.

По этим данным после альпийского перехода в пуническом войске едва осталось 20 000 чел. пехоты и 6 000 конницы. Тут Полибий ссылается на лацинийскую плиту. Следовательно, поход через Альпы якобы вновь обошелся карфагенянам в 20 000 чел.

Эти чудовищные потери не кажутся невероятными, ибо известно, насколько поход через неприятельские страны истощает войска даже без больших сражений. Примером служат потери армии Наполеона в начале похода на Москву. Но аналогии здесь нет. Войска Наполеона, особенно французские полки, состояли большей частью из молодняка и рекрут принудительного набора, которых лишь с трудом удерживали в строю. Войска Ганнибала состояли из воинов, закаленных во всяких невзгодах. Правда, сопротивление, оказанное кельтскими народами, задерживало продвижение Ганнибала, поскольку оно требовало известных предосторожностей, но большого кровопролития вызвать не могло.

Принимая во внимание подавляющую численность и качественное превосходство карфагенян, а также мощь их конницы, варвары вряд ли могли бы решиться вступить с ними в открытый бой. О каком-либо большом сражении или столкновении объединенных племен нам ничего неизвестно. Лишь в особо благоприятных местных условиях, как, например, в Альпах, жители могли нанести проходившему войску существенный урон. Если искушенное в боях войско на протяжении двухмесячного похода могло[1] естественным путем потерять половину своего войска, то поход Цезаря по тому же пути из Италии в Испанию и из Испании в Италию, а тем более походы Александра в Азию были бы совершенно немыслимы. Непонятно тогда также, почему состав пунического войска так мало потерпел при следующих походах в Италию.

Отсюда совершенно ясно, что, ввиду отсутствия в лацинийской плите цифровых данных о силах выступившего пунического войска, Полибий сопоставил данные из других источников с имевшимися цифрами лацинийской плиты и полученную разность определил как потери во время похода. Потери получились огромные. Тем же путем пришел он к преувеличенным цифрам о римских потерях при Каннах, исчисленных им в 70 000 чел. Как велико было в действительности войско Ганнибала при переходе через Эбро, мы фактически не знаем. Нет оснований сомневаться в том, что потери не превышали 10 000, а скорее, и весьма вероятно, были гораздо ниже, ибо ни в одном источнике нет данных, заставляющих нас предположить потери, превышающие несколько сот человек. Отсюда явствует, что на лацинийской плите Ганнибал дал лишь сведения о частях, оставленных в Испании и Африке, а также тех, с которыми он вступил в Италию.

---

[1] Уже в начале мая Ганнибал, очевидно, двинулся из Нового Карфагена, но Пиренеи перешел лишь в начале или в середине августа. В долину По он спустился, самое позднее, в середине октября, а возможно даже, что и в середине сентября.

Моя резкая критика цифровых данных Полибия о военных силах Ганнибала и его потерях во время похода, — данных, считавшихся до настоящего времени незыблемыми, встретила отпор со стороны Гиршфельда (Hirschfeld, Festschrift für Th. Gomperz, Вена, Альфр. Гельдер, 1902, стр. 159). Из этой полемики я принял некоторые одиночные поправки, в остальном же продолжаю защищать точку зрения, изложенную мною в этом труде и опубликованную раньше во II томе 1-го издания (стр. 242).

Мои сомнения в правильности выводов Полибия Гиршфельд рассматривает с точки зрения морали: я-де бросаю тяжкие обвинения, порочу имя величайшего мужа древности. In abstracto трудно спорить о такого рода оценке. Но я думаю, что мы легко можем притти к соглашению, как только Гиршфельд решится выявить свое отношение к аналогиям, приведенным мною из сочинений Мольтке, Зибеля, Дройзена и Трейчке (т. I, стр. 44 и 284, т. II, стр. 67 и 224). Как только мы с помощью аналогий подойдем ближе к вопросу, нам станет ясно, что объективно усомниться еще далеко не значит бросить моральное обвинение, и мы увидим, как опасно считать всякое мнение, хотя бы и высокочтимых авторов, абсолютно непогрешимым.

В данном случае Гиршфельд тем более не должен был прибегнуть к такого рода доводам, что я в своей критике не ограничиваюсь лишь одним определенным фактом, а опираюсь также на данные Полибия о Каннах. Из них явствует, что автор оперирует не только цифрами, взятыми из источников, но и теми, которые найдены им путем вычислений, — вычисления же эти очень беглы и неправильны. Этот факт мне кажется бесспорным и очень важным для проверки остальных цифровых данных этого автора. Но ни одним словом Гиршфельд не упоминает о столь важном для меня аргументе. Я считал излишним приводить еще больше доказательств тому, что в своих вычислениях Полибий не отличается большой тщательностью и очень часто допускает погрешности. Но так как это положение теперь оспаривается, я укажу также на его рассказ о сражении при Иссе. Так как здесь дело идет о ссылке на другого автора — Калисфена, то нужно думать, что Полибий должен был быть вдвое осторожнее; тем не менее всем известно, что в его исчислениях допущены ошибки. Я считаю себя вправе говорить об этом еще потому, что сам неоднократно не без успеха отражал направленные против него резкие выпады. Но цифры, приводимые им здесь, считаю частью ложными, частью противоречивыми.

Наконец, общепризнано, что приведенные Полибием цифры о римском флоте в Первой пунической войне чрезвычайно преувеличены и также вытекают из неправильных вычислений: так все — даже небольшие — корабли он причисляет к «пентэрам» (ср. Beloch, Bevölkerung, стр. 379).

Гиршфельд старается подкрепить показания Полибия ссылкой на цитату из Ливия (XXI, 38), будто Ганнибал сам сказал попавшему к нему в плен Цинцию Алименту, что он после перехода через Рону потерял 30 000 чел. Как и все предыдущие исследователи этой эпохи, я оставил это место без внимания, считая его малоценным. Гиршфельд же толкует его по-новому. Текст гласит:

«По словам самого Ганнибала он со времени своего перехода через Родан (Рону) потерял 36 000 чел. и колоссальное количество лошадей и других вьючных животных».

До сих пор слова эти понимались так, что со времени перехода через Рону, т. е., главным образом, при переходе через Альпы, Ганнибал потерял 36 000 чел. Гиршфельд допускает, что таково толкование Ливия, но считает себя вправе вернуть этим словам их первоначальный смысл: здесь-де имеется в виду поход не от Роны, а до Роны. Так как Полибий исчисляет потери первого периода походов в 35 000 чел., то оба указания, видимо, подкрепляют и подтверждают друг друга.

Я ни в какой мере не могу одобрить такого способа доказательств. Во-первых, разница в 1 000 чел., которой легко пренебречь, фактически для критика очень существенна, ибо, если выкладки обоих взяты из одного первоисточника, они должны точно совпасть. Во всяком случае здесь речь идет не о первом периоде походов, иначе не было бы указаний на потери и в скоте и лошадях, да и весь ход событий был бы иной. У Ливия вышеупомянутая заметка помещена вслед за описанием прибытия Ганнибала в Италию после чреватого ужасами и потерями альпийского перехода. Разве естественно было бы ему говорить здесь о потерях до Роны, а не о потерях альпийского перехода? Естественно ли, что Ганнибал, удостоив Алимента разговором о своих потерях, говорил не о всем походе или о переходе через Альпы, а лишь о потерях, понесенных близ Роны, да еще, главным образом, об уроне в скоте и лошадях?

Что касается меня, то я вообще не придаю особого значения использованию таких цифр; но если уже хотеть мудрить над ними и стараться путем догадок вскрыть кроющуюся в них очевидную ошибку, то мне кажется единственно рациональным отнести вышеупомянутые данные о потерях ко всему периоду, начиная от перехода через Рону и кончая моментом разговора. Цинций был около 209 г. претором, а попал в плен и был почтен разговором с Ганнибалом значительно позже.

Но чем терятся в такого рода догадках, лучше укажем на имеющееся там же сообщение Ливия, что якобы, по словам Цинция Алимента, Ганнибал перевел через Альпы 90 000 чел., включая галлов и лигуров. Очевидно, цифрам, приведенным автором, нельзя придавать никакой цены.

Совершенно неправильно также, что для объяснения огромных потерь Ганнибала во время похода Гиршфельд прибегает к таким предположениям, как «массовое дезертирство» испанских частей. Ни в источниках, ни в самой природе вещей нет ни малейшего повода к такого рода догадкам. Они абсолютно произвольны. Куда могли двинуться такого рода дезертиры? Пробираться домой через чужие, подчас враждебные земли, бродяжничая и побираясь? Во-первых, по всем данным, Ганнибал мог найти среди народа полуострова достаточно воинственных элементов, которые последовали бы за его знаменем так же, как и африканцы, по собственной склонности, ради наживы, славы и приключений, и ничто не принуждало его неволить уклончивших; во-вторых, совершенно ясно, что воину, перешедшему Эбро, возможность возвращения была отрезана. В этом отношении Ганнибал имел то же преимущество, что и русское войско в XVIII в., а именно — отсутствие дезертирства, ибо, перейдя границу, простой человек чувствует себя в чужой стране беспомощным.

Также неправильно утверждение Гиршфельда, что о ганнибаловых боях во время похода мы ничего не знаем не потому, что этих боев вообще не было, а вследствие отсутствия записей. Но разве мыслимо, чтобы на протяжении пути от Пиренеев до Роны войско в 59 000 чел. потеряло 13 000, что составило бы 22%? Вспомним всю древнюю военную историю, особенно по Цезарю, и мы увидим, как ничтожны в борьбе с варварами потери организованных войск, имевших хороших полководцев, пока они одерживали победу. Теперь представим себе, как ужасны были бы бои, потребовавшие таких огромных потерь, а между тем нам об этих боях ничего не сообщается. При этом протяженность всего похода от Пиренеев до Роны не превышала 35 миль (около 250 км). Если бы Ганнибал действительно потерял во время этого небольшого перехода 13 000 чел., то это относительно было бы гораздо больше, чем во всех его великих победоносных сражениях — при Треббии, Тразимене и Каннах, вместе взятых. Возможно ли, что в вопросе о такого рода боях историки отделывались краткими заметками, вроде того, что Ганнибал-де очистил себе путь частью силой, частью деньгами.

И все это произвольное построение сделано из боязни допустить возможность неосторожного использования Полибием какого-либо ненадежного источника,—тем самым Полибием, относительно которого трижды в различных местах выяснено, что он в вопросах цифр и выкладок так же способен ошибаться, как и все люди, тем более что историки вообще редко относятся с особым вниманием к значению и роли цифр.

Полибий сообщает нам, какие войска Ганнибал оставил в Испании и Африке (III, 33), а через две главы (III, 35) мы узнаем о количестве выступившего войска и о численности армии, с которой Ганнибал перешел Пиренеи. Гораздо дальше (III, 56) Полибий указывает, с какими силами Ганнибал прибыл в Италию, а еще через четыре главы (III, 60) — сколько у него осталось воинов при переходе через Рону. В первом и втором случаях Полибий ссылается как на источник на лациниискую плиту. Отсюда Гиршфельд умозаключает, что эта плита служила источником и для других глав, иначе автор вряд ли мог бы избежать упрека в том, что он двукратным указанием на лацинииский первоисточник внушил своим читателям ничем не обоснованное доверие к остальным цифровым данным, взятым, по мнению Дельбрюка, из совершенно не внушающих доверия источников. Но это умозаключение методически совершенно ложно. Сам Полибий считает свой источник вполне надежным, иначе он бы им не воспользовался. Что современная критика с ее особо зорким взглядом усомнилась в этой надежности, не может быть истолковано, как спор о моральной личности Полибия. Мы можем сказать наоборот: если бы Полибий все свои данные черпал из одного источника, то было бы непонятно их расхождение. Все они, естественно, относятся к двум событиям — выступлению и прибытию в Италию. Но в рассказе Полибия о выступлении цифровые данные о выступивших и оставшихся разделены целой главой, и если здесь это обстоятельство может быть объяснено ходом повествования, то все же знаменательно, что в рассказе о прибытии раньше всего упоминается о цифре войск, достигших Италии, и лишь через четыре главы — о силах, сосредоточенных у Роны. Вместо того чтобы строить такое умозаключение: так как Полибий оба раза берет первую цифру из лацинииской плиты (о чем говорит вполне определенно), то, значит, он берет оттуда же и вторую цифру (о чем он совершенно не говорит),— нужно рассуждать наоборот: мы можем быть вполне уверены, что вторая цифра не взята из лацинииской плиты.

В заключение Гиршфельд бросает мне упрек, что в показания достоверных источников я совершенно произвольно вношу свои поправки. Надеюсь, что по мере развития моего труда и этот уважаемый противник мало-помалу принужден будет признать, что моя критика основана не на произволе, а на знании дела.

Впоследствии выступил в защиту моих аргументов Конрад Леман (Konr. Lehmann, Die Angriffe der drei Barkiden auf Italien, стр. 131). Если я считаю необходимым значительно сократить приводимые Полибием цифры военных сил Ганнибала при выступлении, то, по моему разумению, имеется достаточно оснований значительно повысить цифры этих сил, вступивших в Италию. Ганнибал вступил в Верхнюю Италию с 12 000 африканцев, 8 000 иберийцев, 6 000 конницы — это по сведениям Полибия, почерпнувшего свои данные из лацинииской плиты.

Но в его передаче, несомненно, есть брешь.

В сражении при Треббии (Полибий, III, 72) говорится о 8 000 балеаров и копьеносцев (пельтасты) [1]. А по Ливию (XXII, 379), в речи посланников тирана Гиерона

[1] Беверсдорф (стр. 16) ставит мне в вину, что я под метальщиками копий понимаю и пельтастов. Я же считаю нужным оставаться при своем мнении. Так как человек не может метать копья в таком же количестве, как стрелы или метательные камни, имеющиеся в распоряжении настоящих стрелков, то очевидно, что метальщики копий должны были быть снаряжены и для близкого боя, т. е. быть пельтастами.

упоминаются мавританские и другие стрелки, имеющиеся у Ганнибала (ср. XXIII, 26 и XXVII, 18). О них, по словам Полибия, ничего не сказано в лацинийской плите. Совершенно исключается, что Ганнибал, готовясь к предстоящим большим боям, во время великого похода, особенно в горах, не придал бы своему войску значительного отряда легковооруженных.

Но также совершенно невероятно, чтобы 8 000 легковооруженных могли войти как составная часть в 20 000 чел. (по Леману) пехоты. В таком случае Ганнибал прибыл бы в Италию всего с 12 000 гоплитами, из которых при Каннах могло оказаться всего 9 000—10 000 чел. В этом сражении он в отдельных частях центра перемешал иберийцев с кельтами, а с африканцами совершил слева и справа обход; но нам неясно, ни каким образом 3 000—4 000 иберийцев были смешаны с 22 000 кельтских гоплитов, ни как распределенные на обоих крыльях 5 000—6 000 африканцев выполнили поставленное им задание. Свое настоящее лицо сражение получает лишь при предположении, что из 32 000 гоплитов было 11 000 африканцев, 7 000 иберийцев и 14 000 кельтов; лишь при такой предпосылке становится понятным, почему для усмирения взбунтовавшихся кельтов взяли из африканско-иберийского ядра такую значительную часть. Противоречат такому положению исчисления Полибия (III, 72), по которым силы карфагенской конницы, включая и усмиренных тогда кельтов, исчислялись лишь в 21 000 гоплитов и 8 000 легковооруженных. Конрад Леман (стр. 134) доказывает, что в этом сражении конница Ганнибала увеличилась, по крайней мере, на 7 000 кельтских всадников. Отсюда-де следует, что и пехота получила в подкрепление не меньшее, а большее число кельтов.

Этот аргумент недоказателен. Ганнибалу была нужна не какая-нибудь пехота, а пехота дисциплинированная: тактический маневр, которым он собирался победить римлян (и действительно их победил), мог быть выполнен лишь сплоченными тактическими частями, управляемыми твердой рукой полководца. Как доказывают успехи Ганнибала, он такую пехоту и создал себе зимой 218/17 г. из перебежавших к нему кельтских наемников. В сражении при Треббии он имел их не больше, если не меньше 2 000. Во всяком случае не только возможно, но и в большой степени вероятно, что карфагенский полководец по прибытии объявил своим кельтским друзьям, что он в массовом наплыве пехоты не нуждается, — пусть лучше защищают свою родину от римлян. Объединившись же с его войском, она лишь значительно затруднила бы снабжение. Ганнибал просил кельтов лишь об их храброй коннице и фураже. Только после сражения при Треббии Ганнибал для наступления вглубь Апеннинского полуострова организовал большое количество кельтской пехоты. Таким положением разрешается и вопрос Канталупи, как могло ганнибалово войско при Каннах равняться 50 000 или 60 000, если оно тогда большей частью состояло из галлов? Такое положение совершенно невероятно, ибо, зная ненадежность союзников-галлов, Ганнибал никогда не сделал бы подобной ошибки.

Если Ганнибал перешел Альпы с войском приблизительно в 34 000 чел., то выступил он приблизительно с 36 000. Около 20 000 он оставил в Африке, около 26 000 в Испании. Таким образом, в общей сложности он располагал войском не в 137 000, а лишь в 82 000 чел., но и это число вполне достаточно для обоснования вышеизложенных стратегических предпосылок.

Если даже считать недопустимым, что Полибию было неясно, нужно или не нужно причислить легковооруженных, и что он при списывании с лацинийской плиты просто не заметил цифры, обозначающей 8 000 чел., то остается лишь предположить, что упущение сделано самим Ганнибалом. Ведь Цезарь, Фридрих и Наполеон в своих бюллетенях и мемуарах тоже часто преуменьшали численность своих боевых сил.

Примечание к 3-му изданию. Хотя возражения, вызванные вышеизложенными вычислениями, и показали, что в имеющихся у нас источниках много

противоречивых моментов, но они не побудили меня изменить свою точку зрения. Решающим было и будет то положение, что тяжеловооруженных испанцев и африкандев у Ганнибала было значительно больше, чем 12 000 чел. Исчерпывающим доказательством этого служат Канны. Противоположные доводы лишены всякой ценности для тех, кто принял гипотезу Дессау о пунических источниках Полибия.

СТРАТЕГИЯ СОКРУШЕНИЯ И СТРАТЕГИЯ ИЗМОРА ВО ВТОРОЙ ПУНИЧЕСКОЙ ВОЙНЕ

Крюмайер в своем сочинении «Борьба Рима за мировое господство» поставил интересный вопрос: в какой мере ведение Второй пунической войны поддается подразделению на стратегию сокрушения и стратегию измора? Но подобно многим историкам он не разобрался в происхождении тех понятий, которым посвящен IV том настоящего труда. Он считает, что до Канн Ганнибал придерживался стратегии сокрушения, а после перешел к стратегии измора. Так как Ганнибал постоянно вызывал неприятеля на открытый бой, то вышеизложенное разделение как будто близко к истине. Но в действительности это не так. Если стремиться к бою в открытом поле значит быть стратегом сокрушения, то таким стратегом может быть назван даже и Фридрих Великий, Ганнибал же не только до 216 г., но и значительно позже. Несомненно, что Ганнибал и после Канн открыто стремился к бою, и если ему это не удавалось, то это зависело только от римлян. Ганнибал не менял своей стратегии; он с самого начала был стратегом измора и остался им до конца. Если бы он сначала был стратегом сокрушения, то он стремился бы к поражению римского войска, т. е. считал себя достаточно сильным для осады и взятия Рима. Но совершенно ясно, что Ганнибал никогда на это не рассчитывал, да и рассчитывать не мог. Очень ценно указание Крюмайера,— благодаря ему я сам обратил внимание на значение нижеизложенного факта, за что ему весьма признателен,— что Ганнибал после Канн искал соглашательского мира с римлянами, а его договор с Филиппом Македонским (Полибий, VII, 9), несомненно, имеет предпосылкой дальнейшее существование Рима как державы и — даже больше — как великой державы.

Согласно вышесказанному, стратегия Ганнибала была направлена к тому, чтобы путем тягчайших ударов, отложения союзников и опустошения земель принудить Рим к известным уступкам Карфагену и к самоограничению. Подобно стратегии Фридриха стратегия Ганнибала была хотя и двухполюсной, но никогда не имела своей целью полное военное сокрушение неприятеля, как мы это видим у Наполеона и у Александра.

Но как ни заманчиво противопоставление Ганнибала Фабию Кунктатору как представителю противоположной стратегии, оно неправильно. Если бы Ганнибал мог быть стратегом сокрушения, то маневр Кунктатора все равно ни к чему бы не привел. Ганнибал так или иначе осадил бы и взял Рим, чем положил бы конец войне. Противоположность Ганнибала Фабию не принципиальная, а чисто практическая, вытекающая из неоднородности их вооруженных сил. Главное преимущество Ганнибала заключалось в мощной кавалерии и тактической способности к маневрированию. Использовать его Ганнибал мог лишь в открытом бою. Фабий же, признавая в этом пункте превосходство Ганнибала над римлянами, пытается побороть противника вспомогательными военными способами. Но ни та, ни другая из воюющих сторон не стремилась лишить противника боеспособности, а хотела лишь ослабить его и после этого вызвать согласие на мир или на уход из страны.

Глава IV

Рим получает перевес

Вторая пуническая война пришла в некоторое равновесие, ибо хотя Ганнибал и брал верх в открытом бою, но не смог дальше расширять сферу своего могущества. Этому препятствовали римляне с помощью укрепленных городов, оставшихся верными своей метрополии или вновь ею завоеванных. Затем чаша весов все больше и больше перетягивает на сторону римлян, и они на всех второстепенных театрах войны получают несомненное превосходство. В Италии же они вырывают у карфагенян значительное число городов. Ганнибал делает последнюю блестящую попытку снова стать господином положения: отказавшись от Испании, он отзывает оттуда войско и посылает его под предводительством своего брата Гасдрубала по старой дороге через Пиренеи и Альпы в Италию. Но раньше чем Ганнибал успел с ним соединиться, оно при Метавре (207 г.) подверглось нападению римлян, было разбито и уничтожено [1], и нужно признать, что если бы даже поле сражения осталось за Гасдрубалом, то и эта победа также не решила бы поражения римлян. Даже соединившись с братом, Ганнибал не мог бы предпринять осаду Рима, ибо всегда существовала возможность, что римский флот мог возвратить на родину из Испании, Сардинии и Сицилии свои победоносные легионы, причем, кто знает, можно ли было бы тогда побудить Рим заключить мир на желательных условиях.

Но как ни благоприятно складывались теперь военные обстоятельства для римлян, они могли притти к окончательной развязке, лишь став на новый путь борьбы. Необходимо было разбить главную карфагенскую армию в открытом бою и сломить ее мощь. Пока римляне не могли отважиться на бой с самим Ганнибалом, о покорении Ганнибала нечего было и думать. Римляне все еще были под угрозой неблагоприятного поворота в войне: восстания испанских народностей против римского ига, вмешательства Филиппа Македонского, государственного финансового краха. Если бы такое положение Рима сохранилось, то он мог бы, правда, навязать Карфагену невыгодные для него условия мира, но не мог бы окончательно подорвать его мощь и самостоятельность.

Если бы Карфаген утвердился как самостоятельная держава, Риму никогда не удалось бы объединить под своим владычеством весь древний мир. Уже следующему поколению римлян удалось победить Сирию

---

[1] Раймонд Элер («Последний поход Баркида Гасдрубала и сражение при Метавре. Историко-топографические изыскания», 1897 г.) в своих основных выводах значительно отклоняется от Конрада Лемана («Deutsche Liter.-Zeit.», 1897 г., № 23, столб. 902).

В своей книге «Die Angriffe der drei Barkiden» (1905 г.) Леман, говоря очень подробно о сражении при Метавре, пытается его реконструировать, но результаты этой попытки довольно сомнительны. По моему мнению, вряд ли при данном состоянии источников можно из них извлечь что-либо положительное. Цифры, характеризующие воинские части, крайне неубедительны. По исчислению Лемана, у Ганнибала осталось 15 000, а у Гасдрубала 12 000, римляне имели в Италии в строю 150 000. При таком численном соотношении поведение римлян становилось совершенно непонятным. Ср. критику Кромайера «Gött. Gel. Anz.», т. 169, № 2, июнь 1907 г., стр. 458.

По Беверсдорфу у Ганнибала при Метавре было 15 000, а по Кромайеру — около 30 000.

и Македонию, и эта победа, как совершенно правильно говорит Полибий, восстановила окончательно их мировое господство. Если бы Карфаген мог стать на сторону этих двух государств, то образовалось бы своего рода равновесие держав, напоминающее современное нам соотношение сил в 1914 г., сохранившееся благодаря тому, что в критический момент все наиболее слабые государства объединились против сильнейшего. Решающий момент древней истории — в новом способе ведения войны, выработанном римлянами в течение Второй пунической войны. Этот новый способ помог им одержать верх над Ганнибалом в открытом бою и тем окончательно сломить мощь Карфагена. И в мировой истории нет более важного объекта для исследования, чем вопрос, какое изменение произошло в римском военном искусстве на протяжении 14-летнего промежутка между Каннами и Замой.

Поэтому будем поступать, как и раньше: вместо того чтобы пытаться подбирать в хронологическом порядке разрозненные и неясные следы, оставленные нам разными источниками, сразу подойдем с анализом к тому событию, где с наибольшей ясностью и зрелостью выявилась новая военная система римлян — к сражению при Заме, закончившемуся решительным поражением Ганнибала Сципионом. Что касается одиночных промежуточных ступеней, то они или совсем не поддаются исследованию, ввиду отсутствия ясных источников, или понятны сами по себе. Резкое отличие римлян при Каннах от римлян при Заме есть отличие государственно-правовое, если можно так выразиться. Командование римским войском при Каннах было вручено двум высшим чиновникам республики, при Заме — одному полководцу. Наученные горьким опытом римляне поняли, что старая система ежегодного чередования в командовании и других должностях, распределяемых между виднейшими сенаторами, оказалась совершенно несостоятельной, когда дело дошло до такого противника, как Ганнибал. Назначение диктатора, казавшееся спасительным исходом после нового поражения при Тразименском озере, не повторилось. Эта должность по закону и по природе вещей могла быть лишь кратковременной, не более шести месяцев. Вручить одному человеку диктатуру, как периодически возобновляемую, так и постоянную, значило бы прямым путем притти к монархии. Чтобы помочь беде, стали назначать консулами не в очередь, вопреки всем законам и обычаю, испытаннейших полководцев, как, например, Фабия Максима, Клавдия Марцелла, Кв. Фульвия Флака. По истечении служебного срока им снова вручали командование, как проконсулам.

Но и этот компромисс был недостаточен. Мужей, способных вести армию, немного, а если такой муж имеется, то его следует использовать не для разового выступления и не на годичный срок, а для длительного командования. Когда в 211 г. пришла весть из Испании о страшном поражении римского войска, то для этого театра войны полководцем, облеченным консульской властью, народ избрал Публия Корнелия Сципиона, оставив его у власти вплоть до окончательной победы и изгнания карфагенян из Испании. И это избрание тем более шло вразрез с законодательством, что Сципион был перед этим эдилом и даже не достиг возраста, установленного для такой должности. Прелюдией к такому компромиссу был факт облечения консульской властью претора Марцелла после каннского поражения [1].

[1] Моммсен, Государственное право, II, 1, 662.

Такого рода нарушение было, правда, неизбежной предпосылкой победы над Карфагеном, но оно знаменовало собой конец республиканского законодательства. Тот, чье присутствие духа становится для всех абсолютно необходимым, возвышается над массой. Полководец Сципион был предшественником полководца и самодержца Цезаря. Словно пророчество звучит обвинение, брошенное ему в сенате престарелым Кунктатором, что он-де в вопросах дисциплины держит себя монархом [1]. Но для такого развития потребовалось полтора века. Рамки римского законодательства были достаточно прочны, чтобы выдержать длительное напряжение их и дать выдающимся личностям свободу действий в пределах существующей законности. Когда Сципион вернулся из Испании, он был избран консулом и в качестве проконсула вел командование в Африке. Но в старых формах чувствуется новый дух: это уже не прежний консул или проконсул, так как сенат определенно постановил в 203 г., что его imperium в Африке не будет ограничиваться временем, а будет длительным [2].

Длительная война способствовала как выдвижению полководца, так и образованию офицерского сословия, да и сама армия стала иной.

Солдаты, погибшие при Каннах, были просто гражданами, призванными в действующую армию. До того республика редко поставляла на поле сражения больше 4 легионов, т. е. 18 000 чел. (исключая союзников). Нередко таких легионов было всего 2.

Ополченцы, призванные в 217 и 216 гг., шли на поле брани с уверенностью, что скоро удастся вернуться к родным очагам. Между тем даже 14 лет спустя основным ядром войска Сципиона были оба легиона, сформированные из осколков каннского войска и дважды значительно пополненные в 214 и 209 гг. [3] рекрутами и остатками других легионов. Наряду с ними имелись также воинские части, сформированные из добровольцев.

Существует, правда, подозрение, что общины, поставлявшие добровольцев, делали это не столько по доброй воле, сколько из стремления вернуть себе обратно благосклонность Рима, утерянную ими во время войны, вследствие их нерадивости и скрытой неприязни. Этим не исключается тот факт, что существенная часть ополчения состояла, главным образом, из наемников, поступавших в войска ради заработка и добычи. Став воинами, они обычно окончательно отвыкали от гражданского образа жизни.

Итак войско Сципиона приобретает характерные черты профессионального войска не только с его достоинствами, но также и с его пороками: последние сказались, главным образом, в высокомерном и дурном обращении с собственным гражданским населением [4].

Если бы римское войско было в 204 г. таким же, как и в 216 г., т. е. состояло бы из граждан-солдат, граждан-командиров и граждан-полководцев, то Рим никогда не отважился бы послать войско в Африку и там начать военные действия против Ганнибала. Был бы заключен мир, по которому Рим сделал бы некоторые уступки Ганнибалу, за что тот очистил бы Италию.

---

[1] Ливий, XXIX, 19.
[2] Там же, XXX, 1, 10.
[3] Там же, XXIV, 18 и XXVII, 7.
[4] Там же, XXIX, 8—22. Со стороны местных жителей раздавались такие жалобы, что сенат постановил произвести расследование.

Последствия Второй пунической войны имели всемирное значение. Рим пережил внутреннюю ломку, безмерно повысившую его боевую потенцию. Рассказ о сражении при Заме наглядно выявит этот новый этап.

Глава V

Сражение при Заме-Нараггаре и эшелонная тактика

Сципион переправился в Африку лишь с незначительным войском, но как в свое время Ганнибал в Италии, так и он рассчитывал найти подкрепление на месте, и этот расчет оправдался. Первые два года, пока Ганнибал оставался еще в Италии, Сципион действовал в Африке очень осторожно, причем главным его достижением было то, что часть нумидийцев отложилась от Карфагена и перешла на сторону римлян. Могущественнейший вождь дружественных Карфагену нумидийцев, Сифакс, был взят римлянами в плен, и власть перешла к его политическому противнику Масиниссе. Только когда Масинисса привел ему 6 000 чел. пехоты и 4 000 нумидийских всадников, Сципион принял решительное сражение с Ганнибалом. Благодаря нумидийским подкреплениям в сражении при Заме-Нараггаре римская конница в отношении численности значительно превзошла пуническую. Даже по римским источникам (другие до нас не дошли), Ганнибал имел только 2 000—3 000 всадников.

В пехоте карфагеняне имели, вероятно, перевес; кроме того, они располагали некоторым количеством слонов, которых у римлян не было,—но и в этом сражении слоны не играют большой роли. В основных чертах боевые силы противников представляют ту же картину, что и при Каннах, но только распределены они обратным порядком. Однако, внутренняя структура оказывается совершенно новой.

Как и при Каннах, оба войска с обоих флангов своей пехоты поставили кавалерию. Она-то и открывает сражение, причем более сильная — в данном случае римская — вытесняет с поля более слабую, т. е. карфагенскую.

Однако, для достижения победы при Каннах потребовалось не только то, чтобы 10 000 пунических всадников опрокинули 6 000 римских,—нет, надо было еще, чтобы непосредственно после победы конница Ганнибала вновь собралась воедино и атаковала тыл римской фаланги. Такая задача чрезвычайно трудна. Мы уже познакомились с целым рядом сражений, в которых кавалерийское крыло, даже под личным управлением полководца, одерживало победу, но затем победоносная конница, вместо того чтобы ударить на неприятельскую пехоту, увлекалась погоней за разбитой конницей неприятеля и тем самым уничтожала ценность своего успеха для исхода сражения. Так случилось при Ипсе с Деметрием, при Рафии с Антиохом, при Мантинее с Маханидом; случалось это и в позднейшие времена, хотя бы, например, с австрийской конницей при Молльвице. Быстро собрать удалых всадников не так легко; для этого нужна хорошая военная вы-

учка, которой не достигнешь в один день. Поэтому для победы при Каннах потребовался не только численный перевес в коннице, но и тот созданный Гамилькаром Баркой командный состав, который умел держать в руках своих бойцов даже во время сражения. Нумидийцы же, приведенные к Сципиону Масиниссой, только что явились со склонов Атласа и из ливийских оазисов. По римским сообщениям, Ганнибал кроме своих всадников имел еще 80 слонов, а так как нам известно, что слонов с наибольшим успехом можно применять как раз против конницы, то само собою напрашивается предположение, что Ганнибал мог обороняться против римских превосходных сил, комбинируя свою конницу со слонами. Однако, он этого не сделал; может быть, число его слонов было значительно скромнее, чем указывают римские источники; во всяком случае число это было настолько скромно, что Ганнибал не мог возложить на слонов свои надежды. Он предоставил конному бою завязаться обычным порядком на обоих флангах, не подкрепив своей конницы слонами (как это сделано было при Треббии), и римляне легко одержали победу. Даже слишком легко. Мы можем принять, что карфагенянин сам ни на что другое и не рассчитывал: Ганнибал отдал своим всадникам приказ не сражаться, а путем бегства отвлечь за собою противника с поля сражения. Так и случилось. На обоих крыльях конница, как нумидийская, так и римско-италийская, в хмелю победы погнались за своими противниками и все больше удалялась от того места, где решалось сражение.

В центре сперва началась схватка между легковооруженными, причем борьба оказалась серьезнее, чем обычно, так как Ганнибал на этот раз выставил здесь слонов. Нам известно, что против стойкой, сомкнутой фаланги слоны бессильны, а будучи ранены, они приходят в ярость и легко обращаются вспять, представляя собой угрозу для собственной пехоты. Естественно возникает вопрос: что привело Ганнибала к такому построению боевого порядка? Я думаю, он хотел таким образом выиграть время и несколько оторочить начало борьбы между фалангами. Тот маневр, который, по его расчетам, должен был доставить ему победу, можно было осуществить только по удалении конницы. Пока неприятельская кавалерия оставалась вблизи, пунийцы никоим образом не могли выиграть сражение. Лагерь Ганнибала, как мы можем вполне допустить, был укреплен и расположен таким образом, что его нельзя было сразу запереть. Следовательно, пока слоны буйствовали перед фронтом, Ганнибал мог бы в случае нужды прекратить сражение и вернуться обратно в лагерь. При Каннах карфагенянин выдвинул свой центр, чтобы как можно скорее завязался рукопашный бой, из которого уже невозможно правильное отступление. При Нараггаре, двинув в дело слонов, он искусственно затягивает схватку передовых отрядов, чтобы как можно дольше оставлять за собою возможность выбора, вступать ли в настоящий бой или нет. Опасность, что разъяренные ранами слоны обратятся против собственной пехоты, можно было предотвратить: у каждого корнака была острая стальная палка, которую он, если слон отбивался от рук, втыкал ему в затылок, и слон падал мертвым [1].

Начало сражения соответствовало замыслу полководца. Обе конницы сошлись и удалились с поля сражения, пока еще разыгрывался бой между застрельщиками при участии карфагенских слонов. Затем

[1] Ливий, XXVII, 49.

двинулись вперед фаланги, а в обход их флангов или же через их интервалы передовые отряды отошли в тыл.

Теперь перед нами начинается обыкновенный старый фаланговый бой, где исход решает уже не полководец, а сами массы, их мужество и стойкость. Но тут произошло нечто новое, неслыханное.

Ганнибал выстроил свою тяжелую пехоту в две линии: в первой стояли карфагенские граждане, лично защищавшие свое существование против грозного соперника; во втором — приведенные Ганнибалом из Италии войска — старая гвардия, которая совершила с ним переход через Пиренеи и через Альпы и поседела вместе со своим вождем в двадцатилетней войне.

Нараггара—это первое сражение в мировой истории, в котором эшелонная тактика выступает перед нами как великий, вновь открытый принцип, направляющий ведение боя и решающий его исход.

При эшелонном построении тактические единицы стоят одна за другой на таком расстоянии, что каждая может двигаться самостоятельно, но в то же время и настолько близко, что они могут оказать друг другу непосредственную поддержку.

Сущность фаланги покоилась, как мы видели, на том, что сражаются собственно только первые шеренги или даже только одна первая шеренга, т. е. самое большее четверть, а то и пятнадцатая или даже тридцатая часть всей вооруженной массы. Ценность всех остальных бойцов состоит исключительно в том, что они замещают павших, сохраняют цельность фронта и производят сзади физическое и моральное давление. Если теперь отделить заднюю половину и поставить ее в некотором отдалении от передней, то очень многое изо всех этих преимуществ будет потеряно; в частности, физическое давление совершенно прекратится. Но зато вторая линия окажется в состоянии предпринимать самостоятельные движения, отбивать фланговые и тыловые атаки, даже самостоятельно развить наступление и ударить на неприятеля сбоку.

Ганнибал построил свою вторую линию за первой на дистанции более одного стадиона, т. е. на 300 с лишним шагов, и лично принял над нею командование. Если бы римская конница, отказавшись от преследования бежавших пунических всадников, тотчас обратилась против пехоты, то вторая линия повернулась бы к первой спиною. Неприятельская конница вряд ли отважилась бы вклиниться между обеими линиями. Тогда, как я полагаю, карфагенское войско, без труда построив фронт во все стороны, совершило бы отступление в лагерь, пока слоны удерживали бы натиск римской фаланги.

Но когда неприятельские всадники скрылись за горизонтом, Ганнибал тотчас же пустил в дело вторую линию: пока первая сражалась с римскими гастатами, вторая, разделившись пополам, двинулась вправо и влево в обход, чтобы напасть на римлян с флангов. Это — то же самое движение, которое африканцы произвели при Каннах, с тою лишь разницей, что оно началось позднее; поэтому отрядам предстояло совершить более длинный путь. А римская пехота на этот раз не только не имела перевеса над пунической, но, напротив, была слабее, даже, может быть, значительно слабее противника. Таким образом, первый натиск карфагенских граждан шел успешно, и если бы за ним последовала двойная фланговая атака, произведенная «старой гвардией», то римляне были бы побеждены. Тогда Ганнибал, несмотря на превосходство неприятельской конницы, выиграл бы сражение.

Но и Рим выдвинул на этот раз человека, который понял знамение времени и, как 2 000 лет спустя Гнейзенау Наполеону, сумел противопоставить гениальному противнику свое собственное искусство.

Мы знакомы со старым делением римского легиона по возрасту на три разряда — гастатов, принципов и триариев, стоявших эшелонами друг за другом. Выстраивая свои войска перед сражением при Нараггаре, Сципион, по сообщению Полибия, поставил манипулы принципов и триариев «на некотором расстоянии» (ἐν ἀποστάσει). Значит, и римская фаланга была построена в две линий. При Каннах принципы и триарии еще примыкали вплотную к гастатам; теперь же Сципион, как только заметил движение, предпринятое второй карфагенской линией, тотчас же двинул навстречу ей свою тем же самым порядком. Гражданское войско и гражданские командиры не сумели бы осуществить такой маневр, но война сама выковала у римлян не только полководца, но также командиров и солдат, способных не хуже их противника маневрировать на поле сражения. Вместо флангов римской пехоты старая гвардия Ганнибала встретила удлиненный фронт, а бой остался тем, чем он был — фронтальным столкновением двух параллельных линий.

Тем не мнее римским легионам нелегко было устоять перед отчаянным мужеством карфагенских граждан, перед боевым закалом гордых победами ветеранов, а, может быть, и перед численным их перевесом; повидимому, дело уже клонилось к поражению, когда вернулась из безрассудной погони римская конница и напала на пунийцев с тыла. Поистине в эту минуту решались судьбы мира.

Карфагенское войско было разбито и во время бегства истреблено. Самому Ганнибалу едва удалось спастись в Гадрумет [1].

ПРЕДТЕЧИ ЭШЕЛОННОЙ ТАКТИКИ

Изобретение эшелонной тактики имеет такое колоссальное значение в истории военного искусства, что было бы желательно установить каждый отдельный момент ее развития. Однако, наши источники слишком для этого скудны. Мы встречаем это нововведение совершенно неожиданно и притом на обеих сторонах. Его предтечами можно считать подковообразное построение ганнибаловых африканцев при Каннах и расположение уступами за обоими крыльями Александра в сражении при Гавгамеле. Если заглянуть дальше вглубь времен, то можно еще указать на резервы, которые Ксенофонт оставил у себя в тылу, когда дал сражение Фарнабазу (ч. II, гл. 5, стр. 132). С другой стороны, хотя эшелонирование римской фаланги по глубине в три линии — гастатов, принципов и триариев—и не было ступенью, ведущей непосредственно к эшелонной тактике, но все же наличие такого деления оказало Сципиону большую подмогу и облегчило ему введение новшества.

Однако, от всех этих аналогий до организационного принципа требовался резкий скачок. Римские гастаты, если бы за ними в первый раз не выстроились непосредственно манипулы второго эшелона, должны были чувствовать себя так, как будто их предали, выставив

[1] Почему Ганнибал не отправился прямо в Карфаген, предание умалчивает. Может быть, он не хотел являться в столицу лишь с небольшими остатками армии, уцелевшими после сражения, тогда как в Гадрумете у него, конечно, были еще резервные отряды и запасы вооружения; приведя их с собою, он как-никак сохранял в городе известное положение и получал возможность обороны.

вперед на убой; следовательно, только полководец, пользовавшийся высоким личным авторитетом и располагавший безусловным доверием своих бойцов, мог отважиться на такую реформу. Как ни очевидны преимущества второго эшелона, однако, мы ни на миг не должны упускать из виду, как много ради него оказывается потерянным. Зачем, в самом деле, выставляли в поле эти огромные сплошные массы? Мы видели, что их применяли больше для углубления фаланги, нежели для удлинения линии фронта. Победу должен был доставлять натиск массы. Значит, если отделить заднюю половину, то это сразу явится противоречием основному принципу фаланги. Заполнение возникающих при передвижениях разрывов, ради чего в свое время и был создан манипулярный строй, теперь оказалось затрудненным вследствие расстояний между тремя эшелонами, а решающий натиск из глубины ослаблен больше, чем вдвое.

Это противоречие сглаживалось благодаря военной выучке. Как некогда римский манипулярный строй стал осуществим благодаря тому, что каждый отдельный солдат вполне полагался на соседнюю и на заднюю манипулы, зная, что они неукоснительно исполнят свой долг, — так теперь воинский дух настолько окреп, что можно было лишить первую линию физической близости со второй половиной и физического давления на нее из задних рядов; она теперь довольствовалась одним лишь сознанием, что в случае нужды не останется без поддержки. У бойцов гражданского войска не может быть такой большой моральной стойкости: для этого потребовались воины, сделавшиеся профессиональными солдатами, и командиры с многолетним стажем. Казалось бы, разница невелика. Деление на гастатов, принципов и триариев существовало и раньше, а теперь только установили между эшелонами дистанцию в сотню, другую шагов. Однако, эта дистанция была обусловлена совсем иною сущностью войска: она требовала иного воинского духа, иного полководца, иных командиров, иных бойцов. Начальник гражданского войска не пришел бы к эшелонной тактике; даже величайший полководец не сумел бы ее осуществить с гражданскими солдатами.

Понятие второй линии и резерва переходит одно в другое. Резерв остается в безусловном распоряжении полководца; вторая линия следует за первой на столь недалеком расстоянии, что может целиком или частично — без особого приказа — быть захвачена самым ходом сражения или быть втянута в бой. Термин «резерв» употребляется в том случае, когда дело идет о стоящих в большем отдалении и потому более мелких отрядах; в остальном же они по своему расположению могут вполне соответствовать второй или третьей линии.

Нараггара была отнюдь не первым сражением, в котором Сципион испробовал свой новый тактический прием. О предшествовавшем сражении на «Великих равнинах», где римский полководец одержал победу над Гасдрубалом и Сифаксом (203 г.), Полибий сообщает нам (XIV, 8, 11), что принципы и триарии обошли с обоих флангов пехоту неприятельского центра и окружили ее. Следовательно, они произвели маневр, совершенно аналогичный предпринятому в сражении при Нараггаре. По всей вероятности Сципион выработал эту новую тактику в Испании, где он, по дошедшим до нас сообщениям, энергично обучал своих солдат. Когда сенат перед отбытием Сципиона в Африку послал в Сицилию комиссию проинспектировать его армию, на которую поступали всевозможные жалобы, Сципион проделал со своими вой-

сками морской и сухопутный маневры под Сиракузами [1], чтобы продемонстрировать искусство и выучку своих солдат. Более подробных сведений мы, к сожалению, не имеем, а потому не можем судить, в какой мере эти маневры служили образцом военных операций, совершаемых в действительности на поле сражения.

Очень возможно, что к этому же времени римляне усовершенствовали по найденному у иберов образцу метательное копье, которым были вооружены первые ряды манипул. Иными словами, мы с большой вероятностью можем предположить, что введение pilum'а также относится к сципионовским военным преобразованиям [2].

1. Ход сражения при Нараггаре я изложил, может быть, более уверенно, чем позволяет состояние наших источников. Но мне не хотелось прерывать нить рассказа критическим разбором источников, так как я стремился возможно более четко выявить те линии характерного в целом события, которые, главным образом, интересуют нас сейчас. Но и здесь я прошу уволить меня от повторения критических обоснований во всех подробностях; я просто сошлюсь на превосходное исследование Конрада Лемана [3], в котором так же, как и в указанном выше труде Иозефа Фукса, автор сочетал обширную эрудицию филолога с авторитетом военного специалиста и сумел всесторонне осветить вопрос и выяснить ход сражения.

О нараггарском сражении мы осведомлены несравненно хуже, чем о каннском, так как Полибий уже не располагает здесь своим превосходным источником из карфагенского лагеря и вынужден ограничиться исключительно римскими сообщениями; а мы уже видели, как сильно при всем своем критическом чутье Полибий зависит от источников. Правда, он отбрасывает все слишком баснословное; например, он не включает в свое повествование поединка между Ганнибалом и Сципионом, которым по другим римским версиям было решено сражение; но все же он оставляет очень много ложных и запутывающих моментов, и мы должны решительно вырезать их острым ланцетом, если не хотим ограничиться простым пересказом, а действительно стремимся дать картину, понятную с точки зрения военной истории. Конечно, исследователь не так-то легко отваживается выступать против Полибия и объявлять какое-либо описанное им действие по существу невероятным и невозможным. Но я напомню, как мало удовлетворительны у Полибия описания сражений эллинской эпохи, какие сведения сообщает он нам о постройке римского флота или о галло-римских боях; напомню, что его данные о численности карфагенского войска в Испании оказались очень спорными; что он рассказывает нам нелепую римскую басню, будто Ганнибал постоянно менял парики, чтобы его не узнавали — до такой степени он боялся своих кельтских союзников; что он наполовину повторяет римские патриотические россказни, будто в 211 г. легионы выстроились под Римом для открытого отпора пунийцам на поле сражения.

Несмотря на все это, Полибий, конечно, остается первоклассным авторитетом, но было бы нелепо всецело отдаться в его власть. Перед лицом той безоговорочной определенности, с которой выступает римская легенда, и при том глубоком уважении к римской государственности, которое воодушевляло самого Полибия в его работе, он не смог придать своей критике всепроницающей силы, какая требуется в науке для достижения полной ясности. Исследование Лемана позволяет с большою вероятностью предполагать, что очень многое в сообщениях Полибия ведет свое происхождение от эпоса Энния. Конечно, Полибий не был настолько наивен, чтобы принимать картины героического эпоса за историческую действительность.

[1] Ливий, XXIX, 22.

[2] Ср. выше, стр. 231—232.

[3] «Der letzte Feldzug des hannibalischen Krieges», von Konrad Lehmann. Перепечатано отдельной книгой из 21-го приложения к «Jahrbücher für klassische Philologie». С картой. Лейпциг 1894 г., изд. B. G. Teubner.

Но в кругу Сципионов, где он жил и собирал свои сведения, образы поэтической фантазии Энния постепенно сливались с подлинно историческим преданием, так что сами рассказчики зачастую не могли с уверенностью различать эти два элемента, и через этот промежуточный слой (за счет которого, несомненно, надо отнести, между прочим, аппиановский рассказ о поединке между двумя полководцами) фантастический элемент проник также и в изложение рационалиста-аналитика Полибия.

2. Основными моментами в рассказе Полибия о Нараггаре, к которому нужно отнестись критически, являются следующие.

Полибий не приводит никакого обоснования дистанции между гастатами и принципами; вместо этого он упоминает о другом новшестве, которое ввел Сципион вразрез с установленным римским обычаем: манипулы поставлены были не против интервалов, как обычно, а в затылок одна за другой. Сделано это было, по словам Полибия, вследствие значительного числа слонов у неприятеля. Против этого можно привести ряд возражений: во-первых, римляне не могли знать заранее, что Ганнибал на этот раз выставит слонов не с кавалерией, а перед пехотой; во-вторых, коль скоро эшелоны были разделены дистанцией, ставить манипулы одну за другой было совершенно нецелесообразно: если даже допустить, что слоны в угоду римлянам побегут прямо по коридорам интервалов, то все же нельзя было бы ожидать, что они неуклонно будут держаться прямой; ведь стоило бы им уклониться хотя бы на два-три шага вправо или влево, и они уже не попали бы в интервалы второго эшелона. Для нас ясно, что в это очень важное и совершенно правильное историческое воспоминание о вновь введенной дистанции между эшелонами, мало интересовавшее Энния, вмешались картины атаки слонами, которые он изобразил так, как они рисовались ему по свободным законам опоэтизированной им тактики.

Интервалы между манипулами гастатов Сципион заполнил в е л и т а м и, которые должны были высыпать отсюда вперед. Трудно усмотреть какое-либо основание, почему как раз в этом сражении велиты должны были стоять сначала в интервалах. Ведь таким образом было бы утрачено преимущество, представляемое интервалами при походе. Леман выдвинул предположение, что дело идет здесь только о расстановке при первом сборе, еще до выступления, когда Сципион держит речь перед войском, а потому требуется возможно более тесное построение.

Леман с несомненностью доказал, что п е р в а я л и н и я Г а н н и б а л а (лигуры, кельты, балеары, мавры) состояла из застрельщиков. Следовательно, мы не можем назвать ее линией в том смысле слова, какой мы принимаем по нашей терминологии.

Римляне тоже, как с большою вероятностью выводит Леман, стояли в две линии, причем принципы и гастаты примыкали друг к другу. При нормальной численности манипул создается в таком случае некоторая нецелесообразность: вторая линия оказывается значительно сильнее первой, тогда как по самой природе вещей скорее допустимо обратное. Застрельщики, которых можно причислить к первой линии, не меняют положения. Первая линия должна быть всегда настолько сильна, чтобы во всяком случае выдержать фронтальную атаку неприятеля. Сципион, несомненно, уравновесил это тем или иным способом.

Искусственная задержка начала борьбы между фалангами нашла такое отражение в римской легенде: карфагенская линия, состоявшая из гражданского ополчения, — вместо того чтобы двинуться вслед за передовыми отрядами, — из-за трусости задержалась, и застрельщики истолковали это, как предательство.

Тот факт, что римские гастаты едва выдерживали натиск карфагенских гражданских отрядов, передан у Полибия по римской патриотической поэме следующим образом: сперва на карфагенян напали их собственные наемники, повернувшиеся тылом к неприятелю, чтобы наказать их предательскую трусость. Тут карфагеняне поневоле стали храбрыми и, вступив в бой, даже привели было в смятение рим-

ских гастатов, которые весьма примечательным образом не использовали междоусобной борьбы в рядах противника. Все же в конце концов карфагенские граждане были разбиты, но Сципион велел трубными сигналами вернуть победоносных гастатов из преследования, потому что поле было так завалено трупами, ранеными и оружием, а почва до того размякла от обилия пролитой крови, что отряды не могли продвигаться вперед в должном порядке. Если гастаты одержали победу, то они должны были уже иметь за спиною это скользкое залитое кровью поле, и только отступление должно было вынудить их пересечь его снова. Такая несообразность, конечно, нисколько не смущала поэта; но этот пример очень ясно показывает нам, как был неосторожен Полибий в доверии к своим источникам.

Маневр Ганнибала со второй линией, имевший решающее значение, у Полибия не упомянут вовсе: явное доказательство, что мы имеем перед собой показания, данные только римскими свидетелями, без подлинно исторической или тактической точки зрения. Мы узнаем этот факт только косвенным образом — из маневра Сципиона, который со своей стороны двинул свою вторую линию влево и вправо, причем столкнулся с ветеранами Ганнибала: значит, и они должны были аналогичным образом покинуть свое первоначальное место. Однако, мотивом к маневру Сципиона приводится не тот же маневр со стороны неприятеля — это было бы слишком трезво, слишком прозаично, — а опять-таки горы трупов и море крови в центре, вынудившие римлян взять новое направление.

3. Относительно сил обеих сторон до нас не дошло никаких надежных сообщений, кроме одного, — что римляне имели большой перевес в кавалерии. Общую численность римских войск Леман (стр. 532 и 574) с известной степенью вероятности принимает в 35 000 чел., включая 10 000 нумидийцев. Превосходство Ганнибала в пехоте вытекает не столько из утверждений римских источников, сколько из самого факта, что он сумел сильно потеснить римлян. Показание относительно 80 слонов следует отбросить как явное преувеличение.

4. Оба сражения при Бекуле (второе связывают иногда с названиями Элинга, Силпия или Илитта) [1] указывают на очень искусное маневрирование. Сципион в обоих случаях обходит неприятеля с обоих флангов, хотя во втором сражении он имел только 45 000 пехотинцев и 3 000 всадников против 70 000 пехотинцев, 4 000 всадников и 32 слонов. Несомненно, и здесь Полибий не сумел подвергнуть свой источник достаточно острой критике и только повторяет римские басни, стараясь придать им возможно больше правдоподобия. Ihne («Röm. Geschichte», т. II, стр. 350 и 369) придерживается мнения, что, вероятно, оба сражения — или во всяком случае первое — представляют собою чистейшую выдумку. Оба раза бой не приводит ни к каким непосредственным результатам. В первом случае Гасдрубал своевременно прекращает сражение и с разбитым войском предпринимает поход в Италию; во втором случае римлянам помешала вполне использовать победу внезапно разразившаяся буря — того же порядка, что и та, которая в 211 г. дважды воспрепятствовала римским патриотам дать Ганнибалу сражение под Римом. Так или иначе, но для военной истории из этих сражений ничего не извлечешь. Так же мало дают нам «линии», упоминаемые у Ливия (XXVIII, 33) и у Фронтина (II, 3, 1).

Сохраненные у Ливия [2] рассказы о многократных боях в Италии после Канн часто рисуют картину линейного расположения легионов друг за другом. Однако, все эти сообщения не заслуживают ни малейшего доверия.

[1] Полибий, X, 38, 39; XI, 20—24; Ливий, XXVII, 18, 19; XXVIII, 12—15.

[2] XXVII, 1, второй бой при Гердонее; XXVII; 2, бой при Нумистро; XXVIII, 12—14, победа Марцелла в Апулии; XXX, 18, победа над Магоном в стране инсубров.

Глава VI

Ганнибал и Сципион

Когда Сципион переправился из Сицилии в Африку, Ганнибал еще не был побежден и стоял с небольшим войском в Нижней Италии. Можно было бы спросить, почему Сципион не напал сперва на Ганнибала здесь же, где он легко мог получить большой перевес над противником и положить конец войне? Ответ на вопрос будет такой: в этом случае Ганнибал сумел бы избежать решительного сражения с превосходными силами неприятеля и в конце концов увел бы свое войско в Африку. А если бы он прибыл туда раньше Сципиона, то последнему было бы очень трудно укрепиться в Африке и вступить в союз с нумидийцами [1].

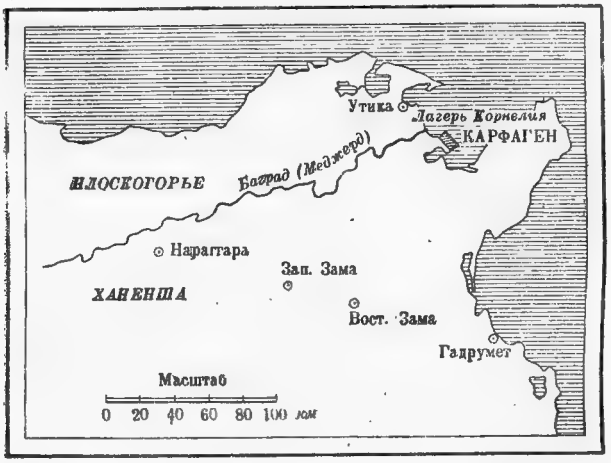
Правильнее будет, пожалуй, поставить обратный вопрос: почему Ганнибал раньше не очистил добровольно Италию, где он не мог больше надеяться на какие-либо положительные достижения? Ответ будет такой: Ганнибал стремился не к победе над Римом, а только к заключению мира на приемлемых условиях, и считал, что римляне за очищение Италии как-никак заплатят приличную цену. Даже когда Сципион высадился в Африке, Ганнибал не сразу последовал за ним. Он знал, что римляне не смогут достичь особенно крупных успехов и во всяком случае не нанесут удара самому городу Карфагену, укрепления которого имели втрое больший периметр, нежели тогдашний Рим (26 905 м), а если его землякам удастся и без него справиться со Сципионом, в то время как римляне со своей стороны не сумеют вытеснить пунийцев из Италии, то силы окажутся до некоторой степени в равновесии, и на такой основе можно будет заключить мир.

Только когда Сципион уже два года пробыл в Африке и благодаря своей предприимчивости и удаче достиг неожиданно крупных успехов, а именно — взял в плен Сифакса и нашел сильного союзника в Масиниссе, Ганнибал оставил, наконец, Италию и с остатками своего войска явился в Африку для последней борьбы. Его прибытие дало карфагенянам мужество отвергнуть уже заключенный мир и даже нарушить перемирие, так что теперь все зависело от того, на чьей стороне окажется перевес военных сил. Кроме ветеранов Ганнибала, в Африку прибыли еще отряды его брата Магона, балеарские, лигурийские и кельтские; приступили к вербовке среди африканских племен, и даже карфагенские граждане сами взялись за оружие. Не удавалось только перетянуть на свою сторону большинство нумидийских племен — и как раз тех, чьи кочевья лежали ближе к Карфагену: Масинисса призвал их к оружию на помощь римлянам.

Обе стороны напряженно готовились к борьбе. С мудрым расчетом Ганнибал обосновал свой штаб не в самом Карфагене, а в небольшом приморском городке, Гадрумете, в 5—6 переходах к югу от Карфагена. Здесь он лучше оберегал своих ветеранов от развращающего соприкосновения со столицей; здесь он крепче мог держать в руках

[1] В речах перед сенатом о предполагавшейся экспедиции, которые Ливий вкладывает в уста старого Кв. Фабия Максима и самого Сципиона, этот мотив не дан под правильным углом зрения. Если бы Сципион говорил прямо, ему пришлось бы слишком ярко подчеркнуть трудности всего предприятия, между тем как речь его, естественно, была направлена к тому, чтобы выставить замысел наступления как нечто совершенно безопасное.

формируемые новые отряды; отсюда он мог напасть на Сципиона с тыла, если бы тот двинулся на самый Карфаген, а сам был прикрыт Карфагеном с фланга в случае, если бы римляне хотели напасть на него до окончания его приготовлений. Прошло, кажется, три четверти года [1], прежде чем Ганнибал двинулся на римлян, располагая все еще лишь очень слабой конницей. У него были к тому серьезные основания. Сципион еще не соединился с Масиниссой; значит, если бы удалось настичь его до этого соединения или же встать между союзниками и держать их врозь, то пунийцам была бы обеспечена победа. Сципион до сих пор еще не держал в своих руках никакой гавани и только имел опорным пунктом укрепленный лагерь (castra Corneliana), расположенный на полуострове близ Утики, которую он безуспешно пытался взять приступом. Отсюда он двинулся вглубь страны и сделал несколько переходов плодородной долиной Баграда (Меджерды), разоряя и опустошая страну.



Тут до него дошло известие, что Ганнибал выступил против него из своего сборного пункта, Гадрумета, и стал лагерем у Замы — более западного из двух городов, носивших это имя. Положение Сципиона было критическое. Если он останется, выжидая в долине Баграда, и Ганнибал нападет на него здесь до прибытия нумидийских подкреплений, то поражение будет неминуемо.

Если он вернется в свой приморский лагерь, то будет заперт там Ганнибалом, решительно отрезан от Масиниссы и окажется в полной зависимости от противника безо всякой надежды повернуть судьбу иначе. Его экспедиция потерпит крушение, — и хорошо еще, если удастся без больших потерь переправить войско обратно в Сицилию.

К этому-то моменту предание приурочило пресловутые личные переговоры между Ганнибалом и Сципионом, в которых карфагенянин выступает как просящая мира сторона. Не подлежит сомнению, что эта встреча двух полководцев, как устанавливает Конрад Леман, порождена фантазией Энния. В то мгновение Ганнибал меньше всего думал о том, чтобы запрашивать у римлян мира, а Сципион был очень далек от безусловной уверенности в победе.

По преданию, в его лагере были схвачены три шпиона, но он не наказал их, а в гордом сознании превосходства своих сил велел показать им все и отпустить к Ганнибалу. Этот рассказ почти дословно заимствован Эннием у Геродота из его «Истории Персидских войн» [2], от Энния он перешел в римское предание, а затем через По-

[1] Можно принять, что Ганнибал вернулся в Африку осенью 203 г. и что сражение при Нараггаре приходится на август 202 г. (Леман, стр. 555).

[2] Доказано Конрадом Леманом.

либия был принят на текущий счет историографии. Мы видим, как осторожно следует нам относиться к сообщениям наших источников. Свои суждения мы стараемся выводить больше из общего положения вещей, чем из этих свободных сплетений фантазии. Ни Сципион, ни Ганнибал нисколько не проигрывают от такого критического подхода к ним. Здесь повторяется то же самое, что мы уже наблюдали при изучении Персидских войн: при правильном освещении героизм греков нисколько не убавился, когда мы так сильно снизили численность персидского войска. Картину, написанную легендой и поэзией, отнюдь не следует признавать фальшивой из-за того, что она написана не теми красками, какими пишется история. Они говорят только на другом языке, и весь вопрос лишь в том, чтобы правильно перевести этот язык на язык истории.

Сципион сумел принять великое решение, которое ставит его в ряды величайших полководцев мировой истории и сообщает внутреннюю правдивость всем поэтическим образам, изобретенным Эннием в его хвалу: это решение заключалось в том, что он возложил все надежды на отвагу, сам отрезал себе возможность отступления, отказался от сообщения с морем, от последней возможности спасения в случае неудачи, и, поняв, что ждать Масиниссу опасно, пошел ему навстречу вглубь страны. Он взял в сторону и ушел от Ганнибала.

Близ города Нараггары, на границе нынешнего Туниса и Алжира, он соединился с войсками Масиниссы и стал ожидать здесь прибытия Ганнибала, которому не оставалось ничего другого, как принять решительное сражение.

Мы видели, как до последнего мгновения колебалась в этом сражении стрелка весов. Но если мы хотим постичь во всей полноте, сколько нужно было душевной силы для того, чтобы дать приказ к выступлению на Нараггару, а также и для проведения самого сражения с невозмутимым спокойствием, то мы должны взвесить оба эти момента в их взаимной связи: сражение рассматривать в связи со всей стратегической обстановкой, а смелость стратегического шага мерить по той остроте, с какой разыгрывалось сражение.

Отчаянная смелость решения Сципиона весьма примечательным образом отразилась в том неверном названии, с которым традиция связывает сражение вплоть до наших дней, — З а м а. Даже после победы Сципион не отважился в своем сообщении в Рим дать свою стратегическую конъюнктуру, показать во всей полноте, как совершен был этот марш вглубь страны, прочь от морских берегов; он не указывает самого места сражения, упомянув лишь название главной ставки Ганнибала при его последнем переходе; этим названием стало обозначаться самое сражение, и это настолько затемнило всю стратегическую картину, что историки могли колебаться в выборе между Западной и Восточной Замой. Марш Сципиона можно сравнить с движением Силезской армии от Мульды через Заалу в октябре 1813 г. или с отступлением от Линьи на Вавр в 1815 г.; обе эти операции были стратегической победой над Наполеоном. А если Сципион, вместо того чтобы хвалиться неслыханной смелостью своего решения, предпочитает скрыть и замаскировать опасность, которой он подвергался на пути к победе, то это нам напоминает случай с Мольтке, когда тот, опасаясь коршунов критики, обозначил свой гениальнейший и смелейший стратегический шаг — вступление в Богемию раздвоенной армией — как «применение к неблагоприятным условиям обстановки».

Даже после наратгарской победы Сципион со своими незначительными силами не мог думать об осаде и взятии Карфагена. И морально и экономически Рим был настолько истощен длительной войной, что не мог и не хотел отпускать на нее новые средства; а между тем группировки греко-македонских государств складывались в такие отношения, что перед Римом вставал насущный вопрос о вмешательстве и о новой войне. Как перед отъездом Сципиона в Африку римские политики не одобряли экспедиции и предсказывали неудачу, так и после победы они снова подняли голоса; но только теперь они тянули в обратную сторону и требовали продолжения борьбы до полной победы над противником, вплоть до разрушения Карфагена. Однако, победитель при Нараггаре показал, что умел правильно учесть не только свою силу, но и ее ограниченность. Как часто ставили ему в вину, что он поторопился заключить мир, не желая уступать преемнику славу окончательной победы. Этот упрек, притязая на убийственную остроту, показывал только зависть критиков, и в наши дни его не следовало бы повторять. Много протекло бы времени, пока преемник Сципиона в борьбе с Ганнибалом и неприступными стенами Карфагена унаследовал бы эту славу. Сципион лучше понимал выгоды своего родного города и принял мир, предложенный теперь по настоянию Ганнибала. Условия этого мира по существу не очень расходились с теми, которые сам Сципион год тому назад, до прибытия Ганнибала, ставил пунийцам и которые римский народ находил в то время вполне приемлемыми. Таким образом, значение сражения при Нараггаре заключалось не столько в его положительной стороне—в самой победе, одержанной здесь Римом; оно было скорее отрицательного порядка: Карфаген был сломлен в своем последнем взлете, и граждане его утратили надежду на будущее. Самым главным из новых условий, прибавленных к мирному договору, было то, что Карфаген не имел права вести какую бы то ни было войну без согласия Рима, а, следовательно, признал его полный суверенитет.

Конечно, при заключении мира трудно было бы сказать с уверенностью, останется ли это условие мертвой буквой или оно действительно положит конец самостоятельной карфагенской политике. Покорность побежденного города зависела в будущем от международных отношений, от македонской и сирийской политики, от внутреннего развития Карфагена и Рима. Дальнейшее показало, что поражение при Нараггаре окончательно сломило силу Карфагена. Шесть лет спустя, в 195 г., когда римляне в короткий срок без участия Карфагена покорили также и Македонию, карфагеняне по требованию римлян изгнали Ганнибала из родного города, и только это событие сообщило мирному договору истинное значение.

Двух великих полководцев знает мировая история — Ганнибала и Наполеона, чью славу нисколько не умалило их конечное поражение. Перед их величием история всегда испытывала искушение судить их победителей строже, чем их самих,— чтобы отнюдь не создалось впечатления, будто победитель выше побежденного. Сколько бы ни превозносили Сципиона римляне или Веллингтона—англичане, однако, во всех случаях, когда не была замешана национальная гордость, о них высказываются очень сдержанно, а о Веллингтоне даже с некоторым пренебрежением; меньше же всех получил признание тот, кто больше всех имеет право называться победителем Наполеона в стратегии,—генерал Гнейзенау. Здесь вообще трудно было говорить

о сравнении с Наполеоном, так как прусским полководцем был не Гнейзенау, а Блюхер, — а уж Блюхера ставить как стратега наряду с Наполеоном и вовсе никто не помышлял.

Пусть история даст это удовлетворение побежденным, поскольку их противники получили щедрую награду в самой победе. Мы, однако, в нашем специальном исследовании должны судить более осторожно. О полководцах нового времени речь будет позже, о Сципионе же прямо следует сказать, что он, как показало уже все наше изложение, с полным правом может притязать на место хотя, конечно, и не выше Ганнибала, но все же рядом с ним. Трезвый Рим, с его строгими, авторитарными формами государственности, не позволяет личности так самостоятельно выдвигаться, как мы это видели в Греции. Общая черта — дисциплина — настолько преобладает над всем личным, что мы почти боимся говорить о гении, который всегда должен обладать чрезвычайно сильной индивидуальностью. Но, может быть, все же не следует скупиться на это слово, когда речь идет о человеке, который дал римскому войску новые формы тактики, отважился на экспедицию в Африку и на выступление из Баградской долины к Нараггаре, — который твердо и уверенно, через опаснейший кризис, провел сражение с Ганнибалом и, наконец, сумел не превысить мер в своих требованиях и заключить правильный мир. Однако, мы знаем о Сципионе не только эти общие абстрактные черты величия, как вырисовываются они из самых событий. Мы имеем возможность заглянуть полководцу прямо в лицо на том портрете, который творческая сила Моммсена сумела воссоздать по различным показаниям источников и которым я хочу завершить свое описание Второй пунической войны. Настоящим исследованием мне удалось, надеюсь, доказать великое значение Сципиона как полководца и государственного человека; остается дополнить эти доказательства последней решающей чертой: Моммсен дает характеристику Сципиона в тот момент, когда он выступает перед римским народом в качестве кандидата на пост главнокомандующего в Испании, где римские войска были наголову разбиты.

«Сын шел, чтобы отомстить за смерть отца, которому девять лет тому назад он спас жизнь на берегах Тичино; это был мужественно красивый длиннокудрый юноша, скромно красневший от стыда, когда за неимением другого, более достойного кандидата вызвался занять высокий, но опасный пост; простой военный трибун, разом возведенный теперь по выбору центурий на самую высшую должность, — все это произвело на римских горожан и крестьян необычайное и неизгладимое впечатление. Действительно, образ этого героя отмечен какою-то чудесной силой обаяния. То бодрое и уверенное, наполовину искреннее и наполовину напускное воодушевление, которое он излучал вокруг, создавало ему ослепительный ореол. В нем было достаточно пылкой фантазии для того, чтобы зажигать сердца, и достаточно расчетливости, чтобы во всем подчиняться требованиям благоразумия и не упускать из виду мелких подробностей; он не был настолько наивен, чтобы разделять слепую веру толпы в свое божественное вдохновение, и не был достаточно прямодушен, чтобы самому разрушать эту веру; однако, в глубине души он был убежден, что его осеняет особая милость богов, короче — это была настоящая натура пророка; будучи поставлен выше народа, он в то же время стоял и вне народа; он был непоколебимо верен данному однажды слову и отличался царственным складом ума; однако, он считал для себя унижением принять обыкновенный царский титул и вместе с тем не мог даже представить себе, чтобы государственные установления республики связывали его, как всякого другого

гражданина; он был так уверен в своем величии, что вовсе не знал ни зависти, ни злобы, снисходительно признавая чужие заслуги и прощая чужие ошибки; он был превосходный командир и тонкий дипломат без того отталкивающего отпечатка, который свойствен обоим этим званиям; настоящий римский патриот с эллинским образованием, красноречивый и обходительный, Публий Сципион легко покорял сердца женщин и воинов, своих земляков и испанцев, сердца своих соперников в сенате и сердце своего более великого (по Моммсену,— я сказал бы иначе) карфагенского противника. Вскоре имя его было у всех на устах, и он сделался звездою, которой, казалось, назначено было доставить своей родине победу и мир» [1].

Примечание к 3-му изданию

1. В двух первых изданиях я полностью приводил в этом месте рассказ Аппиана о сражении при Заме, чтобы читатель мог сравнить эту версию с моей и непосредственно убедиться, какие неверные описания сражений мы встречаем у древних авторов, — описания, которые не имеют ничего общего с действительными событиями и должны быть попросту отброшены in toto. Относительно названного аппиановского рассказа этого никто не отрицает, так как здесь мы имеем счастливую возможность черпать правдивые сведения из другого источника. Но этого недостаточно. Надо иметь мужество отвергать явно легендарные рассказы даже в тех случаях, когда мы не имеем возможности заменить их чем-либо лучшим. Решиться на это нелегко, и лишь очень постепенно научный мир привыкает к правильным мерилам. Ввиду этого я настойчиво рекомендую читателю ознакомиться с аппиановским рассказом, но сам я, к сожалению, ради экономии места должен отказаться от перепечатки его на этих страницах.

2. Фейт в переработанном им томе своего труда «Die Antiken Schlachtfelder» (III, 2) в основных чертах, как тактических, так и стратегических, примыкает к тому пониманию похода 202 г., которое было разработано Конрадом Леманом и мною; мало того, чрезвычайно тщательным географическим и топографическим исследованием он со всей возможной точностью устанавливает самое место сражения. В частности он так же, как и мы, помещает сражение не под Замой, а под Нараггарой и считает, что спасительным моментом для римлян явилась, во-первых, выработанная Сципионом в Испании эшелонная тактика, а во-вторых, — возвращение конницы, отвлеченной сперва пунийцами. Но я не могу согласиться со всем тем, что Фейт нашел возможным позаимствовать из Полибия и вплести в свое построение.

Фейт считает, что Леман и я слишком скептически отнеслись к рассказу Полибия; сам он видит в этом рассказе только один бесспорно ошибочный момент — ту несообразность, что карфагенские граждане изображены сперва трусами, а потом храбрецами. Но ошибка эта состоит лишь в неверном толковании поведения карфагенян, самих же фактов отнюдь не искажает; подобные ошибки вполне извинительны. Я держусь как раз обратного мнения: по-моему, скорее можно было бы простить отдельный ложный факт, чем такое объяснение, которое притязает на убедительность и вместе с тем представляет настолько явную нелепость, что отпадает само собой. Как бы там ни было, остаются еще такие несообразности, как то, что Ганнибал едва не выиграл сражение, хотя его две первые линии передрались между собою; остается отступление римских гастатов вследствие чрезмерного количества крови и трупов на поле. Все эти басни, очевидно, попали сюда из того же арсенала, что и ганнибаловы парики, требля на суше, полуденные отливы под Новым Карфагеном и многое другое, что Полибий, при всем своем критическом чутье, так необдуманно заимствует из своих источников. Что же касается такти-

[1] Дельбрюк, цитируя Моммсена, опускает некоторые строки, ослабляющие общее впечатление, и, таким образом, несколько сгущает краски Моммсена. — Прим. ред.

ческих эволюций, построенных на подобном материале Фейтом, то они представляют собою совершенно фантастические картины. Это тем более неизбежно, что в них очень видную роль играет оборона при посредстве 80 мифических слонов Ганнибала, а между тем Фейт при подсчете сил (стр. 681) сам приходит к заключению, что у карфагенян было не более как 15—20 слонов. Получается, что Сципион из-за этих нескольких слонов в корне изменил обычный римский боевой порядок. Это тем менее вероятно, что слоны обычно применялись не против пехоты, а против кавалерии. О намерении Ганнибала двинуть в этом сражении своих слонов против пехоты Сципион, по мнению Фейта (стр. 691), мог узнать из того обстоятельства, что слоны стояли впереди, а, следовательно, должны были двинуться первыми. Я не допускаю мысли, что Ганнибал проявил так мало предусмотрительности. Коль скоро он задумал нечто необыкновенное, то ему, конечно, было ясно, что его прием окажется сугубо действительным, если будет применен неожиданно. Следовательно, Ганнибал должен был приказать, чтобы слоны выстроились сперва, как обычно, вместе с конницей и лишь в последнюю минуту вышли вперед для прикрытия пехоты; это можно было исполнить под самый конец пути — на протяжении в несколько сотен шагов. Если мало всего изложенного выше, то одно это соображение ясно показывает, какую детскую сказку представляет собой вся эта история со слонами и с проходами, заранее оставленными для них в римском строю, чтобы слоны послушно использовали эти любезно предоставленные им коридоры. Как именно Ганнибал по всей видимости, использовал фактически своих слонов, было изложено выше.

Тому, что все предание об африканском походе переплелось с сознательным вымыслом какого-либо поэта, Конрад Леман привел дополнительно прямое доказательство, открыв в качестве источника истории со шпионами аналогичный рассказ у Геродота («Jahrb. f. klass. Philologie», 1896 г., Bd. 153, № 68). У Полибия достало критического чутья, чтобы исключить рассказ о поединке между Сципионом и Ганнибалом, возникший, понятно, из того же источника; однако, критик проглядел, что и анекдот со шпионами, и личное свидание обоих полководцев, и бой пунийцев между собою, и непроходимое из-за трупов и крови поле сражения — все это столь же мало заслуживает веры. Сам старый Лелий, путая подлинные воспоминания с образами энниевой поэмы, мог рассказать Полибию эти подробности, но голос критики смолчал. Ведь даже Фукидид был подобным же образом введен в заблуждение своим гостеприимным спартанским другом и принял за истину его рассказ о государственной измене Павсания.

Очень существенно еще и другое отклонение Фейта от моей концепции: он не согласен, что Сципион покинул область Замы и дошел до Нараггары, чтобы получить подкрепления от Масиниссы; по мнению Фейта, римское войско находилось в Нараггаре еще до приближения Ганнибала. Если так, то мы самым неожиданным образом должны сильно понизить наше мнение о стратегических способностях не одного лишь Сципиона, но и его великого противника. Неслыханно смелое решение Сципиона — сняться с места и уйти в таком направлении, откуда ему был отрезан обратный путь,— отпадает, а на Ганнибала падает упрек, что он безо всякой настоятельной необходимости до срока выступил из Гадрумета и дал решительный бой, не закончив сборов. Между тем, если в момент выступления карфагенян из Гадрумета Сципион стоял в окрестностях Замы, Ганнибал, повидимому, имел в виду напасть на него с превосходными силами,— и тогда его преждевременная вылазка получает оправдание; если же Сципион находился уже в Нараггаре, то его соединение с Масиниссой следовало считать уже совершимся фактом, и у Ганнибала не было никаких оснований прерывать свои подготовительные работы и, не собрав всех сил, двинуться в поход.

Такое, если можно так выразиться, снижение ценности двух крупных исторических величин, конечно, не могло бы служить доводом против фактов, если бы

сами эти факты были доказуемы. В данном случае, однако, мы видим обратное. Соображения, приведенные Фейтом (стр. 639), очень неясны и совершенно неубедительны. Подобный случай мы имеем в сражении на Лехфельде, где точно так же историческое значение личности императора Оттона сильно зависит от того, происходило ли сражение на левом берегу реки или на правом.

Мое положение, что Сципион сам впоследствии не вполне признавался в неслыханной смелости своего ухода в Нараггару, Фейт отводит (стр. 641), как психологически неправдоподобное; успех, полагает он, в глазах современников еще более, чем в глазах потомков, служит оправданием риска. Этот довод насчет психологического неправдоподобия я могу опровергнуть историческими аналогиями. Когда Наполеон в 1800 г. зашел в тыл австрийской армии с целью отрезать ей отступление, он, чтобы вернее захватить противника, имел смелость разделить свою собственную армию на несколько частей и послать ее по различным дорогам, которые могли использовать австрийцы. В результате он подвергался чрезвычайному риску, что будет разбит при Маренго, если откомандированный Десэ не подоспеет во-время с подкреплением. Однако, Наполеону никогда не приходило на ум хвалиться после победы своею смелостью (в которой он безусловно был бы оправдан); напротив того, он дает попросту ложный отчет о сражении, превращая смелость в мудрую предусмотрительность. Приведу другой пример: величайшим стратегическим делом Мольтке, несомненно, следует признать его вступление в Богемию двумя разделенными армиями при опасности, что на одну из них могут обрушиться главные силы австрийцев, прежде чем придет на место вторая. Хотя вступление блестяще удалось, самомнение военных критиков отнюдь не преклонилось перед успехом; они постоянно старались доказать, что только небывалая удача или небывалая оплошность противника доставила Мольтке победу, и фельдмаршал сам, наконец, взялся за перо (1867 г.), чтоб защититься от этих нападок.

Sann в своих «Untersuchungen zu Scipios Feldzug in Afrika», стр. 24[1] вполне справедливо отводит те основания, по которым Фейт заставляет Сципиона отправиться в Нараггару. Но столь же мало убедительны и его собственные доводы, которыми он оправдывает позицию Сципиона под Замой; Зани полагает, что Сципион рассчитывал таким образом прикрыть наступление Масиниссы. Это было бы грубейшей ошибкой. Откуда шел Масинисса? Конечно, с запада. Зачем же было Сципиону, прикрывая союзников, подвергать свое собственное войско опасности нападения со стороны превосходных сил Ганнибала, когда он попросту мог бы указать нумидийцам, чтобы они шли на соединение с римлянами по одной из упомянутых в источниках более северных дорог.

Подвожу итог прениям. Если сражение имело место при Нараггаре, то приход Сципиона в эту местность имеет только одно объяснение: под давлением необходимости римлянин делает героический выбор и, видя в отваге единственный путь к спасению и победе, уходит от Ганнибала вглубь страны, до самой Нараггары, чтобы здесь соединиться с Масиниссой. Объяснение Фейта, что Сципион отправился сюда по доброй воле, нельзя признать удовлетворительным. Если сражение произошло при Заме, то непонятно, зачем Ганнибал его принял. Он ждал от Вермины еще один сильный отряд конницы, который действительно присоединился к нему через несколько недель после сражения. То, что он все-таки принял сражение при Нараггаре, зная уже о соединении Сципиона с Масиниссой, представится вполне естественным, если мы учтем, как далеко он зашел, преследуя противника, и в какое неблагоприятное стратегическое положение поставил Сципиона; если бы оба войска сошлись в окрестностях Замы, то Ганнибал очень мало потерял бы и очень много выиграл бы, оттянув решительное сражение еще на несколько недель и получив тем временем столь нужные ему конные подкрепления от Вермины. Итак

[1] «Berliner Dissert.» 1914 г.

Фейт прав, когда отводит Заму как место, где произошло сражение; но он неправ, принимая для Нараггары неудовлетворительное объяснение (поход вглубь страны с целью опустошения местности).

Фейт заблуждается, полагая (стр. 658), что маневр, которым Сципион удлинил свой фронт за счет второй (или третьей) линии, явился, по моему мнению, неожиданностью для карфагенян. Я ведь сам говорю, что Сципион выработал эшелонную тактику еще в Испании и применил ее в сражениях на «Великих равнинах». Ганнибал, разумеется, это знал и, следовательно, был подготовлен к подобным приемам со стороны Сципиона. Тем не менее Ганнибал рассчитывал на победу и был до некоторой степени прав, так как имел перевес в пехоте; и даже по свидетельству самих римлян, Ганнибал благодаря этому перевесу неминуемо одержал бы победу, если бы не вернулась во-время римско-нумидийская кавалерия и не напала бы на карфагенян с тыла.

Одним из самых существенных результатов моих изысканий в области военного дела у древних явилось утверждение, что римляне выработали эшелонную тактику только во время Второй пунической войны под командованием Сципиона. Первый, кто согласился со мною в то время, когда Моммсен упорно отвергал это, был Фрелих. На мой труд он откликнулся статьею: «Die Bedeutung des zweiten punischen Krieges für die Entwicklung des römischen Heerwesens», 1884 г. Кромайер и Фейт также стали теперь на мою точку зрения. «Сципионово эшелонирование римского боевого порядка в глубину на три самостоятельных линии и его блестящие фланговые эволюции, ставшие возможными только благодаря этому нововведению, — вот что вырвало победу из рук его великого противника», — пишет Кромайер [1]. Это совершенно справедливо, но стоит в противоречии с кромайеровским представлением, будто римляне исконни владели искусством маневрирования самыми малыми тактическими единицами — манипулами.

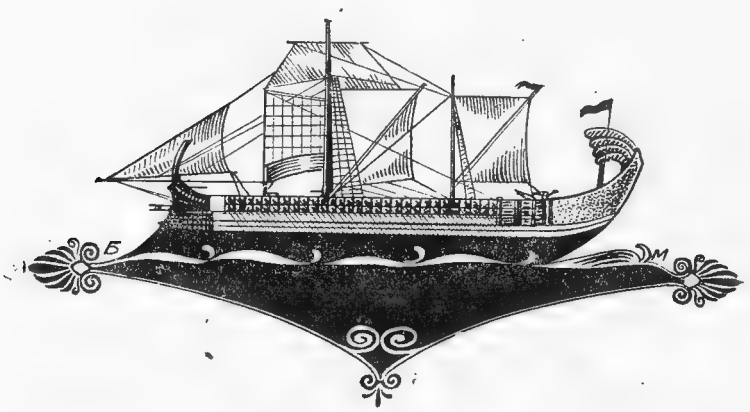
Для всех, кто владел таким искусством, фланговые движения, как их провел Сципион при Нараггаре, не только не представляли ничего особенного, но были проще простого; мало того, можно даже сказать, что для них сципионовский строй явился бы не прогрессом, а шагом назад, не усовершенствованием тактики, а напротив — переходом к более грубым формам. Даже Кромайер и Фейт не могли не увидеть, что между беспомощной неподвижностью римской тактики при Каннах и нараггарским маневрированием должно было иметь место какое-то существенное преобразование, и что здесь надо искать одно из великих дел Сципиона. Но желая в то же время сохранить представление о необычайной тонкости воображаемой древнеримской Quincunx-Taktik (тактики шахматного порядка), они впадают в неразрешимое внутреннее противоречие.

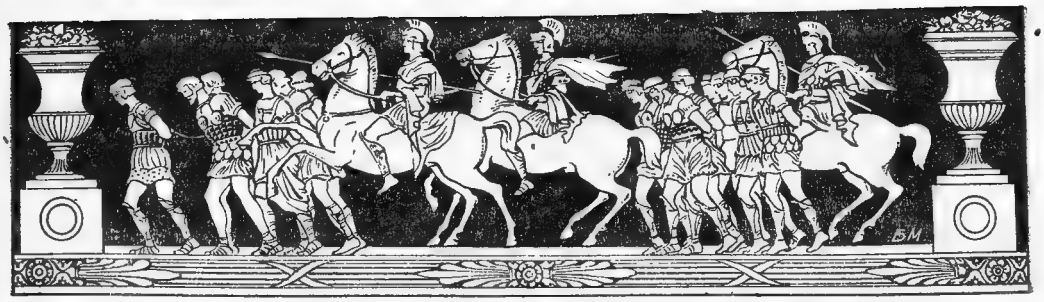
Когда я впервые (в «Histor. Zeitschr.», Bd. 51, 1883) опубликовал свое открытие (как я позволю себе это назвать), то главное возражение, которое я и сам себе ставил, заключалось в том, что Полибий не только ничего не сообщает о каких-либо реформах в римской пехотной тактике во время Второй пунической войны, но даже явно ничего о них не знает.

В настоящее время вопрос настолько выяснен, что это возражение уже никем не выдвигается; даже Кромайер в этом решающем моменте примыкает теперь к моей теории. Но я хочу обратить внимание еще на одну вещь: такой человек, как Полибий, пребывает в темноте относительно такого важного события, как военная реформа Сципиона! Кто правильно взвесит этот факт, тот не преминет сделать отсюда дальнейшее методологическое следствие, — что мы должны чрезвычайно скептически относиться ко всем деталям, ко всем оборотам речи у древних писателей, когда они касаются вопросов тактики. Как мало могут знать порою

[1] «Roms Kampf um die Weltherrschaft», стр. 61.

современники о самых фундаментальных реформах тактики,— даже писатели-специалисты по военному делу,— читатель может судить, если прочтет IV том настоящего труда (стр. 466), где приведены рассуждения очень компетентного человека — Гойера (Ноует) — о постановке дела во французских революционных войсках. Здесь можно также указать и на то, что через 100 лет после Фридриха Великого в прусском генеральном штабе уже ничего не знали о его стратегии (ср. т. IV, стр. 438).





ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

РИМЛЯНЕ—ЗАВОЕВАТЕЛИ МИРА

Глава I

Римляне и македоняне

КО ВТОРОЙ пунической войне примыкает и победа римлян над теми войсками, которые следует рассматривать как наследие Александра Македонского. Относительно организации, способов ведения боя и тактики войска, направленного Ганнибалом против римлян, нам почти ничего не сообщается. Так как мы знаем [1], что он снабдил их римским оружием, то надо полагать, что в общем, т. е. в том, что касается вооружения, можно поставить знак равенства между обоими стоявшими друг против друга войсками.

Ганнибал в своем войске, состоявшем из наемников-варваров различных племен и немногих карфагенских высших командиров, не имел своеобразного деления фаланги на манипулы, но он, вероятно, располагал незначительными подкреплениями для второй линии или применял кое-какие методы, дававшие возможность его фаланге стать не менее, а может быть, и более подвижной, чем римская.

В сражениях римлян против македонян особенно подчеркивается различие вооружения и тактики. Римляне благодаря манипулам расчленили старинную фалангу гоплитов, а затем благодаря образованию трех эшелонов сделали ее менее густой; копье заменили метательным оружием — дротиком (pilum) и ввели при атаке короткий острый меч. Македоняне же, наоборот, увеличили еще больше густоту фаланги и заменили короткое копье длинным — сариссой.

Мир напряженно ожидал, какой способ ведения войны окажется более правильным.

Так как нам казалось сомнительным, действительно ли сарисса и македонская фаланга (как мы ее видим при внуках Александра) существовали в том же виде в его эпоху, то исследование этого вопроса мы отложили до данного момента.

---

[1] Полибий, XVIII, 28.

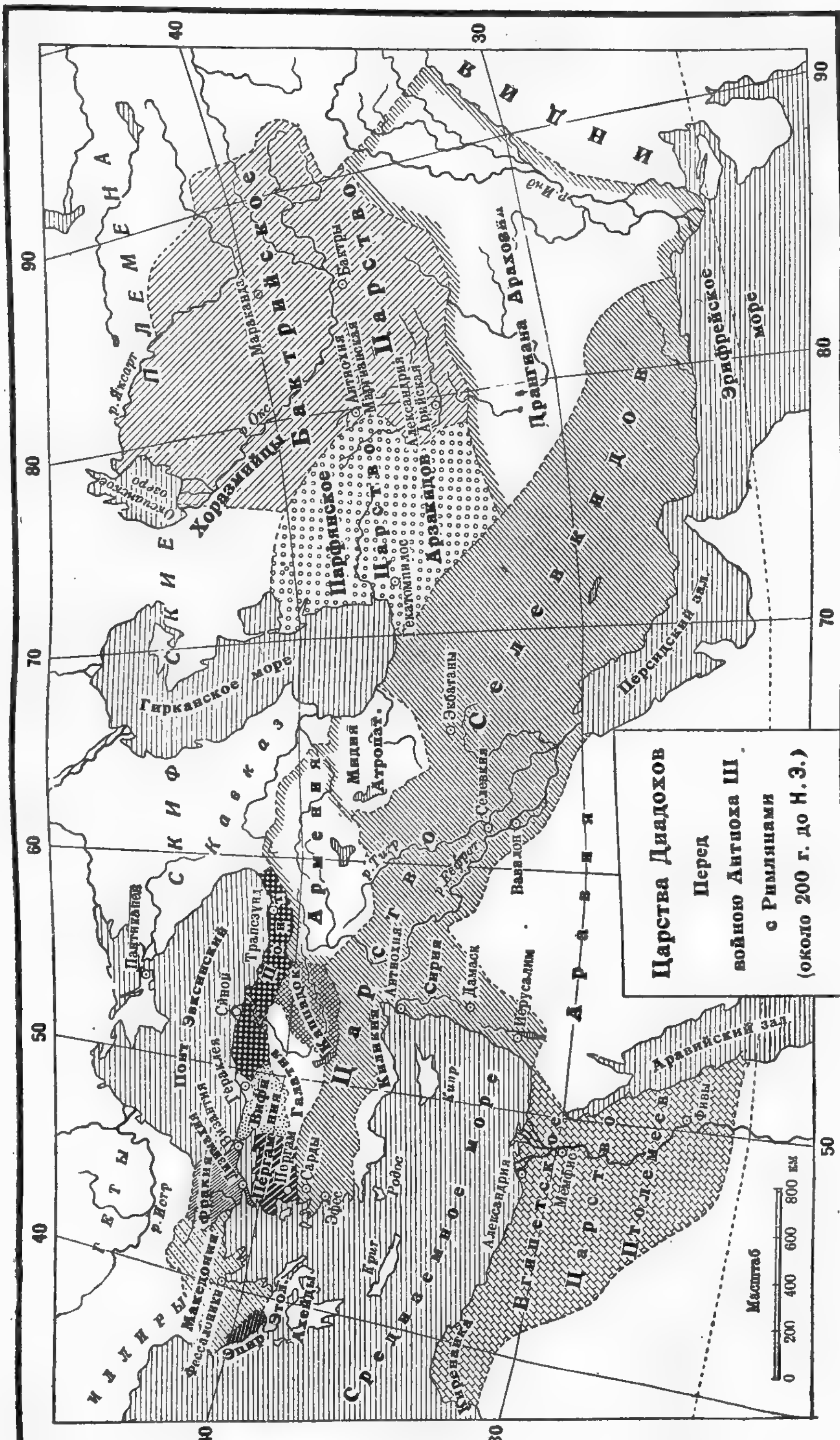
Изучим прежде всего македонский способ борьбы, как нам его описывает Полибий, современник и классический свидетель сражений при Киноскефалах и Пидне (кн. 18, гл. 28—32); попутно мы имеем сходные описания и в нескольких учебниках тактики. Исследование этого вопроса представляло много трудностей и часто вводило в заблуждение, так как в источниках оказались несовместимые противоречия; например, в проблеме о длине сариссы, о дистанции и о расположении по шеренгам, — то и другое как у македонян, так и у римлян. Рюстов и Кёхли отрицают вообще существование у македонян этого длинного копья (24 или 21 фут.) и принимают длину сариссы не больше 14 футов, заменяя слово πήχεις — локти, о которых пишет Полибий, словом πόδες — футы. Сознаюсь, что и я долго придерживался этого мнения, но специальное исследование Эдмунда Ламмерта, сравнение с швейцарскими копьями и копьями ландскнехтов и, наконец, сеанс, который по моей просьбе осуществил военно-гимнастический кружок при Берлинской академии, убедили меня в том, что правильным является большее число, и я создал себе следующую картину.

По регламенту длина сариссы могла доходить до 24 футов, в действительности же копье достигало 21 фута; воин держал его обеими руками так, что конец его выдавался на большое расстояние вперед. Когда фаланги смыкались, сариссы 5 шеренг выступали за фронт и приводились в действие одновременно; в передних 3 шеренгах они были равномерно укорочены [1].

О том, что передние ряды было вооружены укороченными копьями, не упоминается ни у Полибия, ни в других произведениях, но явствует из одной заметки, где упоминается, что сариссы, взятые наперевес, образовывали дугу; это вытекает из того обстоятельства, что слишком длинное копье являлось бы бесцельным и для передней шеренги; наконец, потому (как нам сообщается), что воины носили щиты. Сарисса длиною в 21 фут или даже в 18 футов не может быть управляема одной рукой, а требует обязательно работы обеих рук. Воин, направляющий копье обеими руками, не может рассчитывать на защиту себя при помощи щита. Он мог бы только укрепить вокруг руки круглый маленький щит, чтобы пользоваться им при близкой борьбе на кинжалах или мечах, если сарисса уже вышла из боя. Но, пользуясь в бою сариссой, воин, надо полагать, не мог носить щит, так как последний занял бы перпендикулярное положение по отношению ко всему корпусу и явился бы помехой воину. Если же предположить, что первая или первые шеренги были вооружены укороченными копьями, управляемыми одной только рукой, то все сообщения становятся ясными. Следовательно, если пятая шеренга носила копья длиной в 21 фут, четвертая — 18, третья — 15, вторая — 12 и первая — 9 футов, то в строю копья могли находиться в том же перпендикулярном положении или образуя незначительную дугу; получался, таким образом, непроницаемый колючий вал.

Эта фаланга сарисс рассчитана на массовое действие, а не на борьбу каждого воина в отдельности. Расстояния между стоящими рядом и находящимися впереди воинами могут быть поэтому меньше, чем у римлян, вооруженных метательным оружием (дротиком) и мечом. Полибий говорит, что на каждого римлянина, занимавшего площадь

[1] Так понимал это Иоганн фон-Нассау и Монтекуколи. Иенс, I, 573. Монтекуколи, Schriften, II, 225.


Царства Диадохов
Перед
войною Антиоха III
с Римлянами
(около 200 г. до Н.Э.)
Гирканское море
Понт Эвксинский
Средиземное море
Персидский зал.
Аравийский зал.
Эрифрейское море
Масштаб
Скифские племена
Кавказ
Армения
Мидия Атропат.
Парфянское царство
Бактрийское царство
Хорезмийцы
Царство Селевкидов
Египетское царство Птолемеев
Аравия
Киренаика
Македония
Фракия
Эпир
Ахейцы
Вифиния
Пергамия
Галатия
Каппадокия
Понтийск.
Киликия
Сирия
Вавилон
Селевкия
Антиохия
Дамаск
Иерусалим
Александрия
Мемфис
Фивы
Кипр
Родос
Крит
Эфес
Сарды
Пергам
Трапезунд
Синоп
Гераклея
Пантикапея
Геты
Иллирия
Арахозия
Дрангиана
Индия
Бактры
Мараканда
р. Окс
р. Яксарт
р. Инд
р. Тигр
р. Евфрат
р. Истр
Гекатомпилос

в 3 кв. фута, приходилось 2 фалангита, а так как было 5 шеренг фалангитов, направлявших сразу свои копья на неприятеля, то и получалось 10 фалангитов на 1 римлянина.

Невероятная сила удара фаланги сариссе увеличивалась еще и потому, что она составлялась вдвое теснее, чем старинная фаланга гоплитов, имевшая по уставу фронт в 16 чел. Задние 11 шеренг держали сариссы ввысь, и тем самым получалась защита от стрел и дротиков.

Когда вся эта торчащая масса копий подвигалась вперед, создавалось ужасающее зрелище; даже римский полководец Эмилий Павел содрогнулся, увидев их приближение.

Относительно сравнительной ценности македонской и римской тактики Полибий говорит: ничто не могло устоять против нападения фаланги сариссе; римлянин не мог своим мечом ни раздробить, ни пробить 10 копий, обращенных на него одновременно. Но римский легионер мог быть использован для боя во всякое время и на каждом месте, тогда как копьеносец мог сражаться только в массе, даже не в маленькой группе, а еще менее — сражаться самостоятельно. Поэтому фаланги могли действовать только на равнине. Каждый ров, каждый холм, каждая впадина или лесная поросль приводили ее в беспорядок. Когда же нарушался порядок в каком-либо одном месте фаланги сариссе или ударяли с фланга римские манипулы,— что при их подвижности было легко сделать, — то фаланга сариссе терпела поражение.

Это изложение [1] настолько убедительно, что возникает вопрос, возможно ли предположить, чтобы цари Македонии не постигали этого сами; возникает также и другой вопрос (так как уже очевидно, что фаланги Александра не могли быть так плохо сконструированы), когда и каким образом реформировалось войско?

Даже при ближайших потомках Александра вряд ли могла существовать фаланга сариссе, как ее описывает Полибий. В описаниях различных сражений о ней не упоминается, а в историях пирровых войн говорится противоположное. Не подлежит сомнению, что Пирр, имевший такую тесную связь с Македонией, лелеял план завоевать Запад посредством той же военной тактики, какую применял Александр при захвате Востока. Но нам точно указывается, что в Италии Пирр заполнял свои войска италийцами, вооруженными италийским оружием; при этом войско свое он строил, ставя попеременно один отряд из италийцев, другой — из эпиротов [2]. Это возможно, конечно, лишь при равноценном по боеспособности, хотя и различном, вооружении. Так, например, в бою не имело бы значения, если бы одна часть войска была вооружена мечами, а другая — копьями, даже если бы копья были различной длины, но при условии, что все одновременно вступают в единоборство с обнаженным оружием.

Опыт показал мне, что небольшой отряд, вооруженный длинными копьями, может произвести атаку на полном бегу, но тут получается разница в натиске между отрядом, вооруженным длинными копьями, и отрядом с короткими копьями. Копьеносцы сариссы теряют при этом то, что им необходимо,—обеспеченные фланги. Фаланга, вооруженная сариссами, сметает все со своего пути, пока порядок в ней не нарушен. Перед одним отрядом, вооруженным сариссами, противник может отступить, чтобы затем ринуться со всей силой на нахо-

[1] Ср. также у Ливия, XXXIII, 18.
[2] Полибий, 18, 28.

дящиеся тут же отряды, вооруженные коротким мечом; а стоит ему сбить хотя бы один из таких отрядов, как копьеносцы, вооруженные сариссами, уже будут им побеждены, ввиду того что он может атаковать их с фланга. Чувство опасения, что в непосредственном соседстве благодаря мужеству противника будет создана угроза флангу, должно действовать разлагающим образом на порядок во время сражения. Сарисса может иметь значение только в массовом масштабе и должна быть прикрыта другими войсками. Поэтому сообщение о смешанных отрядах приводит нас к заключению, что фалангиты Пирра не были вооружены этим длинным копьем.

Итак, если Пирр еще не имел фаланги сарисс, как ее описывает Полибий, то следует предположить или то, что сарисса, которая равнялась при Александре 12 футам, удлинялась постепенно или же, что предстоявшая война с римлянами заставила царя Филиппа V ввести в своих фалангах длинное копье, которое держали обеими руками. Царь Филипп V был человеком большого размаха и ума; при его дворе в военных сферах римские победы над Ганнибалом производили, вероятно, большое впечатление, причем, несомненно, взвешивались и сравнивались способы ведения войны как той, так и другой стороной. Короче, римская тактика была для македонян неприемлема. Нельзя отбросить сразу в большом налаженном войске все старые привычки, взгляды и военные традиции, заменив их без всякой постепенности новыми. Македоняне привыкли сражаться густой линией, имея оружием очень длинное копье, но не умели метать копье и биться мечом. Убедившись в том, каких больших успехов достиг этот способ борьбы, они могли бы притти к мысли еще больше усилить свое военное искусство — довести его до высшей точки, удлинив копье до 21 фута, сократив расстояние между воинами до 1,5 фута, причем в результате этой односторонности упустили из виду все вытекавшие отсюда последствия. Если это предположение верно, то по аналогии с глубокой позицией римских манипул при Каннах мы придем к заключению, что при таком противнике нельзя было маневрированием сохранить позиции для отступавших войск, а потому надо было приложить все старания смять его.

Следует отметить, что вполне свободного от посторонних влияний испытания боевой ценности обоих способов борьбы никогда не было. Оба сражения — при Киноскефалах и Пидне,— где македоняне потерпели поражение от римлян, настолько зависели от случайностей, что общее значение их результатов может быть оспорено. К этим двум можно еще присоединить третье сражение при Магнезии, в котором македонско-сирийское войско потерпело поражение и в котором, по несомненно фантастическим боевым описаниям, будто бы вовсе не было фалангового строя.

КИНОСКЕФАЛЫ

Это сражение в общих чертах вполне соответствует данному Полибием описанию встречи македонской фаланги с римским легионом. Исход этой встречи не был предрешен, но выявился благодаря стычке при рекогносцировке.

Филипп, думая воспользоваться счастливым моментом, принял сражение, хотя холмистая местность и была неблагоприятна для фаланги сарисс. Поэтому фаланга двигалась неравномерно,—и в то время, когда правое крыло победоносно продвигалось вперед, левое, продол-

жавшее еще выстраиваться, было пробито слонами и отброшено легионерами.

Так как нигде больше в истории не упоминается о подобной победе слонов, то важно еще раз подчеркнуть, что и здесь слоны опрокинули не развернувшийся уже боевой порядок, а, как Полибий точно повествует, фалангитов, шедших в бой, но не смогших произвести развертывание вследствие неподходящей местности.

После того, как левое крыло македонского войска было разбито, один из римских трибунов, вместо того, чтобы продолжать преследование левого крыла, бросил 20 манипул в тыл правого фланга македонского войска и этим решил исход сражения.

В большом недоумении оказалась бы история тактики, если бы случай пожелал предоставить нам не повествование самого Полибия о сражении при Киноскефалах, а лишь переработку его Ливием.

Ливий (XXXIII, 8) перевел приводимый у Полибия приказ Филиппа атаковать «с сариссами наперевес» так: «Македонской фаланге он приказал положить копья, которые мешали своей длиной, и сражаться мечами». Пример очень ценен для того, чтобы на нем изощрялась критика, так как часто традиционная передача слов требует размышления. Многие ученые находили бы возможным считать это показание недоразумением, если бы мы не могли случайно присовокупить к нему первоначальный текст [1].

ПИДНА

О сражении при Пидне сам Полибий ничего не сообщает; имеются только не внушающие особого доверия и недостаточно обработанные заметки Ливия и Плутарха. И это сражение произошло случайно, без заранее точно намеченного плана.

МАГНЕЗИЯ

Ливий и Аппиан описывают нам сражение при Магнезии в совершенно фантастических тонах. Колесницы, вооруженные серпами, всадники на верблюдах, мобилизация 16 народностей, слоны из Индии, превосходящие качеством африканских,—всем этим было снабжено сирийское войско. Оно превосходило численностью римское почти вдвое (по Флóру — в 20 раз), а по числу всадников — вчетверо; хотя оно и было глубоко построено, но фронт его был так растянут, что из середины не видно было фланга; тем не менее об охвате его не могло быть и речи. У римлян и их союзников погибло менее 400 воинов, сирийцы потеряли 53 000. Это сражение отличалось от предыдущих тем, что здесь было введено деление фаланги сарисс на 10 частей, причем в интервалы между последними было вставлено по 2 слона. Вероятно, и это относится к измышлениям автора, которому мы обязаны повествованием обо всем данном сражении. Всякая нелепость имеет свой предел, даже недомыслие сирийского царя, который не сумел использовать гений Ганнибала, находившегося у него на службе. Слоны, как мы знаем, сильнее всего действовали на конницу. В пе-

[1] Во II томе своего труда «Antiken Schlachtfelder» Кромайер располагает сражения несколько иначе, чем это делалось раньше. Это не меняет впрочем течения событий. Я не проверял детально, насколько правильно его описание стратегического плана всей войны, разработанного на основании специального топографического обследования.

ший сомкнутый строй они не могли проникнуть; наоборот, случалось часто, что дротики и стрелы отбрасывали их или же воины отскакивали в сторону, пропуская слонов через образовавшийся проход. В таком случае фаланга попадала в одно из самых опасных положений: в боевом порядке образовывался большой прорыв, куда легко могли проникать римские манипулы и атаковать с фланга. Это соображений имеет тем больше оснований, что слоны не шли вровень с фалангой, а при попадании в них неприятельских дротиков и стрел стремительно бросались на противника или обращались вспять.

Того, кто считает методологически возможным и правильным на основании подобных описаний сражений при помощи критического анализа составить правдивый исторический рассказ, прошу попытаться сделать это на основании рассказа Аппиана о сражениях при Каннах и Тараггаре.

КРИТИЧЕСКОЕ ЗАМЕЧАНИЕ ПО ПОВОДУ СРАЖЕНИЯ ПРИ МАГНЕЗИИ

Кромайер пытался дать точный анализ сражения при Магнезии во II томе своего труда «Античные поля сражений». Он насчитывает у сирийцев 60 000 чел. пехоты и 12 000 конницы, у римлян — 27 600 пехоты и 2 800 всадников. Спрашивается, почему сирийцы, имея такой численный перевес, не обошли римлян? Ответ гласит, что предполагался обход обоих флангов и что на одном из флангов это и было приведено в исполнение, но другой фланг был благодаря смелому наступлению римлян прорван и расстроен; поэтому победителями оказались римляне. Это сообщение в корне неправильно: если бы можно было победить таким простым способом войско, вчетверо более многочисленное и не менее опытное, то ведение войны было бы не искусством, а игрой.

Внедрение слонов в фаланги Кромайер объясняет тем, что фаланги должны были занимать оборонительное расположение, слоны же и расположенные в интервалах легковооруженные держались на значительном расстоянии от неприятельских стрелков. Это тактически неверно. Оборонительное расположение одной части войска не мешает наступлению другой, фаланга же со слонами совершенно утратила бы свой смысл и оказалась бы совершенно беспомощной перед натиском легионеров. Противнику нужно было выбить слонов только из одного интервала, и тогда легко было бы обить с позиции всю фалангу. Без сомнения, римляне вклинились бы во многие интервалы.

Кромайер ссылается на то, что сообщения Ливия и Аппиана принимаются и Полибием, но они не тождественны с повествованием самого Полибия; мы только что видели, какие ошибки допускал Ливий, а, кроме того, могли быть взяты сведения и из других источников. Если бы все это приписывалось исключительно Полибию, то пришлось бы сказать, что ученый допустил в своей критике невнимательность, какая нередко проявляется и в других местах (ср. выше, стр. 306 и 314). Далее сам Кромайер в своем описании сражения при Магнезии приводит некоторые вымыслы Ливия и Аппиана. Предположение, что Полибий ссылается на источники, не заслуживающие доверия, не является недопустимым. Совершенно иначе обстоит дело с военно-политическими размышлениями историка; здесь сила его ума так велика, что надо иметь необычайно веские аргументы, чтобы позволить себе противопоставить их ему. Это, по-моему, является методологической основой, необходимой при изучении Полибия. Какого мнения Кромайер о Полибии, определить трудно. Часто он следует указаниям Полибия, как верующий — изречениям из Библии, и старается оправдать неправильности всевозможными хитросплетениями, сомневающихся же укоряет, как фанатик безбожников (мы вскоре рассмотрим один из таких случаев). Иногда же он отвергает самые положительные

ссылки, а на политические и военные суждения не обращает никакого внимания. У нас имеются подобные примеры (см. стр. 206) во II томе «Античных полей сражений», в описаниях войн против Антиоха и Персея. Многое основано на этом его свойстве. В стратегическом разборе этих войн мы находим некоторые соображения, ярко освещающие события, — хотя обзор этот и сообщает много туманного о стратегии измора. Мне же лично трудно примириться с тем, что мнение Полибия не только отбрасывается, но в большинстве случаев даже опровергается. Если Полибий в своих рассуждениях об этих войнах, которые он так хорошо знает, односторонен в такой степени, в какой его рисует Крюмайер, то авторитет его, признаваемый за ним, несмотря на некоторые ошибки, расшатан до основания. Даже точный пример не может служить доказательством одного или другого положения, например, правильно ли предпринял Персей (в 169 г.) отступление при известии об обходе его позиции, или же неправильно, из-за недостатка самообладания? Тот, кто разделяет соображения Крюмайера, должен отказаться признавать авторитет Полибия.

Во всяком случае абсолютно неправильна мысль Крюмайера, которую он выразил в своем очерке «Ганнибал и Антиох Великий» (прочтенном в Дрездене на «Историческом дне» «N. Jahrb. f. d. kl. Altert.», т. 19, 1907, стр. 681), что стратегический план войны, который предложил Ганнибал, и тот, которому следовал Антиох, были так же противоположны, как и их политика. И если бы Антиох согласился с планом Ганнибала, то тем самым он содействовал бы чужим интересам. Та же картина наблюдалась в Европе с 1805 г. до зимы 1813/14 г., когда в главном штабе союзников была, как известно, партия, считавшая излишним раздавить Наполеона. Они рассуждали так же, как Крюмайер о царе Антиохе, а именно — что достаточно отнять у противника территорию. Теперь никто не станет оспаривать, что император Александр, настаивавший вместе со Штейном и Гнейзенау на переходе через Рейн и на походе на Париж, защищал не одни только русские, но и общие интересы освобождения от Наполеона. Так же и Ганнибал, предлагавший всеобщую коалицию против Рима, не следовал исключительно карфагенской политике, а защищал независимость народов, т. е. стремился сохранить равновесие на Средиземном море и таким образом обеспечить будущность сирийского царства и династии. Поражения карфагенян в 202 г. и македонян в 192 г. еще не обеспечивали римлянам владычества над миром, так же как Иена и Ваграм — всемирного господства французов. Древний Рим победил только потому, что слабые народы не соединялись вместе, чтобы дать отпор сильному. Не надо очень строго судить Антиоха, что он сразу, при первом же столкновении с римлянами, не нашел правильного решения задачи. И русский царь постиг истину только на дымящихся развалинах Москвы. Думать, что Ганнибал, служа при сирийском дворе, заботился только о Карфагене, так же неправильно, как считать, что Штейн, Шарнгорст и Гнейзенау служили сепаратным интересам, за что и подвергались преследованиям в 1812 г. со стороны не веровавших в успех людей, находившихся при всех европейских дворах.

Ввиду того что труд Крюмайера основан на общих рассуждениях, вполне возможно подставить вместо слова Рим — Наполеон, вместо Антиоха — Александр, вместо Ганнибала — Штейн, вместо Македонии и Карфагена — Пруссия и Австрия, а потому уровень подобного образа мыслей не вызывает сомнений. Каждый историк знает, с какой глубокой иронией Теодор фон-Бернгарди изображает политико-стратегическую мудрость фельдм.-лейтенанта Дука — может быть, Крюмайер возьмет под свою защиту храброго Дука на следующем «Историческом дне» от нападения злого Бернгарди, так же как царя Антиоха от гнева Моммсена? Но я должен к этой критике присовокупить, что Крюмайер в своем произведении «Борьба Рима за мировое владычество» прекрасно обрисовал политический горизонт той эпохи.

О САРИССЕ И ПРОТЯЖЕНИИ РЯДОВ ПО ФРОНТУ

Мы встречаем длинное копье не только у македонян, но часто и у варваров. Ксенофонт (Анабазис, IV, 7, 16) пишет, что иберы имели копья длиной в 15 футов, а моссинеки (V, 4, 25) — такой длины и толщины, что один человек с трудом поднимал свое копье. И у этолян (Ливий, 38, 7), так же как у германцев, была сариосса; наконец, мы ее снова встречаем у швейцарцев и ландскнехтов; у этих последних мы еще рассмотрим ее применение более подробно.

Связывалось ли со словом «сариосса» представление только о длинном копье или оно первоначально, наряду со многими другими словами (δουυ, λόγγα, αἴχμη, Χοντος ξυστου...), обозначало лишь вообще копье, — как, например, у нас (копье, пика и т. д.), — неизвестно. Страбон, т. X, 1,12 (XC, 448), говорит: «Копья (δορατα) имеют двойное применение — для рукопашного и для дальнего боя; также двойное назначение, т. е. для ближнего боя и для метания, имеет и другой вид копья (χοντός), равно как и сариосса и «пос» (νοσός)" Если предположить по этому указанию, что сариосса употреблялась и как дротик, то она не могла быть очень длинной.

О том, что царь Филипп ввел фалангу в македонском войске, рассказывает Диодор (XVI, 3). Он упоминает лишь о плотности построения фаланги, но не о длинном копье, однако, эта сомкнутость масс фаланги дает повод сделать заключение, что удлинение копья было необходимо. Если бы Филипп сгустил только фаланги, сохранив при этом греческое вооружение, то он не извлек бы из этого никакой пользы. Греки, опытные в сражениях, тоже, вероятно, построили бы гуще свои фаланги гоплитов, если бы находили это удобным. Если же македоняне уплотнили построение своего войска настолько, что для единоборства было тесно, то, значит, они рассчитывали на сомкнутый удар или на пассивный отпор (сопротивление), а для этого им необходимо было иметь копье длиннее, чем у противника. Надо установить, что копье длиною в 12—14 футов может еще быть управляемо одной рукой; возможно, что и греки употребляли иногда такие длинные копья. Если, — как рассказывает Корнелий Непот, — афинский полководец в своей фаланге «учил, чтобы бойцы, упершись коленом и выставив щит, принимали копьем удар противника» (Корнелий Непот, Жизнь Хабрия, гл. I), то надо полагать, что копье было длиннее, чем обыкновенное копье гоплитов, едва достигавшее 8 футов.

Какой длины они действительно достигали, особенно в эпоху Филиппа и Александра, мы с уверенностью не можем сказать. Арриан не упоминает нигде о сариссе как о длинном копье, а в рассказе о смерти Клития сариосса фигурирует так, что понятие о длинном копье исключается. По его словам, Александр выхватил копье из рук адъютанта, а по другой версии — сариссу из рук воина, стоявшего на посту, и пронзил ею Клития. Затем, как повествуют некоторые историки, он вонзил сариссу в стену, чтобы самому броситься на нее. Оба действия нельзя было выполнить в зале, где было собрано многочисленное общество, так как оружие в 15—21 фут длины требует большого пространства, чтобы им размахивать, и много времени, чтобы его правильно взять и держать в равновесии.

Когда Александр незадолго до смерти допустил варваров в свои войска, он дал им, как говорит Арриан (III, 6, 5), «македонские копья взамен пик, применявшихся варварами». В источнике, которым пользуется Арриан, нет слова «сариосса», а есть «македонское копье», и это наводит меня на мысль, что разница между различного рода копьями была велика.

Единственное место, где Арриан указывает, что сариосса была действительно длинным копьем, встречается в описании наступления фаланги в сражении при Гавгамеле: «Македонская фаланга напала на врага в тесно сомкнутом строю, ощетинившись сариссами» (Арриан, III, 14), но когда мы ясно читаем в описании сражения при Гидаспе, что пехота состояла из гипаспистов и читаем (в т. V, 17, 7):

«Он дал сигнал пешим, сомкнув теснее ряды, ударить на фалангу», то отпадает сила вышеприведенной греческой цитаты. Полибий говорит о пельтастах (в т. V, 64, 6): «Смыкаться, смыкать щиты». При царе Персее, как говорит Кромайер в своей книге «Античные поля сражений» во II томе, пельтасты были вооружены сариссами.

Часто упоминает Арриан (I, 27, 8; III, 23, 3; IV, 28, 8) о «легковооруженных гоплитах» или, наоборот (II, 4,3), о тяжеловооруженных. Так как различие в вооружении фаланг было незначительно, то, может быть, здесь идет речь о более коротком и удобном копье передних шеренг, в отличие от длинного, неудобного в обращении копья последующих шеренг.

Из трудов Диодора мы ничего не можем привести характерного для определения фаланги сарисс. В описании сражения при Гидаспе он рассказывает, как македоняне перебили находившуюся среди слонов пехоту из Индии. Так как мы знаем из описаний Арриана (ср. выше разбор сражения при Гидаспе), что там участвовали только гипасписты, а не пельтасты, то и копье названо сариссой.

В кн. XVII, гл. 100 Диодор описывает борьбу между афинянином Диоксиппом и македонянином Коррагосом. Первый был вооружен наподобие Геракла палицей. Коррагос бросил в него копьем, но оно не попало в него. «Затем, выставив копье, он начал наступать, тот же, когда он приблизился, ударил по копью дубиной и сломал его». Здесь, несомненно, сарисса упоминается как длинное копье.

В ботанике философа Феофраста, ученика Аристотеля, находим следующую заметку (III, 12, 2): «Кизиловое дерево мужского вида бывает максимум 12 локтей высоты, как длинная сарисса». Феофраст умер в 287 г.; он упоминает об исторических событиях, происходивших в 302 и 306 гг. Следовательно, его труд написан при Диадохах между 306 и 287 гг. Если и тогда самая длинная сарисса равнялась 18 футам, то, вероятно, она не была длиннее и в эпоху Филиппа и Александра. Но это еще не доказывает, что только во времена Феофраста фалангиты употребляли 18-футовую сариссу. Быть может, философ под словом «самая длинная сарисса» подразумевал оружие, употреблявшееся не на поле сражения, а при осадной войне, при защите стен или на кораблях. Наши ботаники подтверждают, что кизиловое дерево (из которого делают так называемые цигенгайнские трости [1] действительно достигает 18 футов высоты. Следовательно, Феофраст свидетельствует, что даже ближайшие потомки Александра не имели фаланги, вооруженной (по Полибию) сариссой в 21 фут длины.

Свидетельство Плутарха в его «Филопемене» (гл. 9) относительно сариссы в Ахайе нельзя считать основательным: создается впечатление, что до Филопемена в Ахайе вообще не было настоящих гоплитов.

У лакедемонян ввел сариссу (по Плутарху, гл. 11 и 23) Клеомен; в чем они видели ее преимущество, об этом не упоминается; вряд ли лакедемоняне организовали фалангу, как ее описывал Полибий. В сражении при Селлазии Клеомен как раз и был побежден македонской фалангой, вооруженной сариссой (гл. 28).

Подробнейшее описание Полибием (XVIII, 28—32) македонской фаланги вызвало много сомнений, так как он определил длину сариссы по уставу в 16 локтей, а в действительности в 14. Это оказалось невозможным, во-первых, практически, а во-вторых, потому, что он установил протяжение одного ряда по фронту в 3 фута как у римлян, так и у македонян, утверждая в то же время, что легионер занимал двойную площадь по сравнению с фалангитом. Настоящее решение задачи найдено в труде Руд. Шнейдера в «Philolog. Wochenschr.» от 15 мая 1866 г. (№ 20) и в очерке д-ра Эдм. Ламмерта «Полибий и римская тактика» «Programm, des Königl. Gymnasiums zu Leipzig», 1889).

Что касается протяжения по фронту каждого ряда, то одно из двух указаний Полибия должно отпасть. Раньше склонялись к тому мнению, что фалангит дол-

[1] Грубые трости, изготовляемые в дер. Цигенгайн, близ Иены в Германии.— Ред.

жен был занимать по фронту 3 фута, тогда как легионеру, вооруженному мечом, требовалось для борьбы протяжение по фронту в 6 футов. Стоффель в своей «Истории Цезаря» также присоединяется к этому взгляду. Но Шнейдер и Ламмерт доказали путем объективных критических размышлений, что это неправильно, и когда я сам раньше возражал, что при протяжении в 1,5 фута человеку не остается места для держания копья, так как каждый человек сам по себе занимает протяжение в 1,5 фута, то я был неправ. Бердинский Академический спортивный клуб любезно устроил для меня турнир с сариссой. Мы составили фалангу сначала только с шестами длиною в 20 с чем-то футов и пробовали, при какой плотности построения люди могли продвигаться вперед. Выяснилось, что если каждый воин занимал неполных 2 фута, то движение совершалось легко, если держать сариссу наперевес. Шесты сами по себе были очень тяжелы, так как были сделаны из сырой сосны. Не надо строго математически придерживаться расстояния между фалангитами в 1,5 фута, но можно легко представить себе, что построение и движение людей опытных, вооруженных копьями из сухого дерева, мыслимо при таких интервалах.

Особенно успешен был опыт, проделанный по предложению Ламмерта, когда мы передние шеренги вооружили более короткими, в порядке постепенности, шестами. Даже концы копий шестой шеренги высились над фронтом; вся масса подвигалась легко даже при быстром марше.

Этим опытом мы разбиваем возражения Зольтау, которые он делает Ламмерту в «Hermes», № 37, 1890 г. Зольтау объясняет указания Полибия следующим образом: «Римляне занимали каждым рядом по фронту 3 фута, причем к моменту наступления образовывались пустые широкие интервалы между манипулами. Незадолго до атаки римляне уплотняли их, отступая на 5—6 футов. Говоря о 3 футах, Полибий не принимал в расчет самого воина (*γάλαδμα και διάστασις*). Это объяснение можно было бы еще принять, если опираться только на указание Полибия; но, видя воочию построение войска и измерив его, мы пришли к убеждению, что объяснение несостоятельно. Протяжение ряда по фронту в 3 фута для каждого воина настолько свободно, что излишне оспаривать это. Интервал же в 6 футов совершенно неприемлем, и маневр с отступлением при атаке невыполним. В труде Дирса «Kriegswesen d. Alten.» (стр. 45) тоже указывается, что Фукидид (V, 71) свидетельствовал о тесном построении фаланги гоплитов.

Ламмерт полагает, что противоречия, встречающиеся в трудах Полибия, появились не по вине этого историка, а что произведения его подвергались переделке. За подробностями я отсылаю читателя к этому превосходному труду.

Чтобы опровергнуть возражение Рюстова и Кёхли, которые уверяют, что сариссу, как ее описывает Полибий, нельзя было бы удержать в равновесии, так как центр тяжести слишком близок к ее основанию, Ламмерт утверждает, что задний конец сариссы был окован тяжелым металлическим обручем, и мне это сначала казалось правильным. Но я отказался от этого мнения при сравнении сариссы с наиболее ей близким по сравнению оружием — с копьем ландскнехтов. Деммин в своей книге (Demmin, Die Krigswaffen in ihrer geschichtlichen Entwickelung, 3-е изд., стр. 779) говорит, что копья эти были 7—8 м. длины, а, следовательно, на 2—3 м длиннее македонской сариссы. Это указание определенно неправильно. Сарисса достигала, как мы знаем, 24 футов длины, т. е. свыше 7 м, немецких же копий такой длины как будто бы и не существовало. Венделин Бехейм в своем труде (Wendelin Böheim, Handbuch d. Waffenkunde) определяет длину немецких копий в 4,5 м (15 футов) или в 5 м (17 футов), но и этот размер, как мы сейчас увидим, недостаточен.

Эти старинные немецкие копья являются большой редкостью, и даже Берлинский музей не имел ни одного в наличии. Но мне любезно предоставил одно копье директор фон-Убиш, кроме того, я собрал сведения в музеях Зальцбурга

(Karolino-Augusteum) и швейцарском национальном в Цюрихе, где имеются этой длины копья.

Берлинское копье равнялось 17 футам (больше 5 м); среди зальцбургских копий (31 копье) самое длинное превышало 17 футов (515 см); среди 8 штук цюрихских копий самые большие копья достигают длины более 18 футов (540—544 см). Таким образом, сариосса, по Полибию, все-таки оказывается на 3 фута длиннее.

Ламмерт делает нам следующий расчет: сариосса из сухого ясеневого дерева 6,5 м длины (14 греч. локтей, или 21 фут), имеющая в диаметре внизу 5 см, а наверху 3 см, весит 5,6 кг, если брать только дерево, но к этому присоединяются еще 270 г веса железных наконечников. При таком копье он считает возможным, что тяжесть его в нижнем конце достигает 2,4 кг.

Я поручил составить расчет для ясеневого, соснового и кизилового дерева, и он совпадает с вышеприведенным. Удельный вес ясеня равен 0,59, лучшего соснового дерева—0,63, кизилового—0,81. Последнее дерево является самым тяжелым, и для самых длинных копий оно непригодно. Вес сосны находится в зависимости от почвы на которой она растет; имеются виды сосны, которые легче ясеня. Вероятно, греки, так же как и швейцарцы, брали нужное для копий дерево, произраставшее на сухой почве. Такой высоты ясень не всегда растет прямо. Употребляли ли македоняне для копий ясень или сосну, это не имеет большого значения [1]. Что касается размеров, то берлинское копье равно в диаметре почти 3,5 см, зальцбургские и цюрихские копья в общем самые толстые: их окружность имеет посредине 13 см, у нижнего конца — 8,5 см, в начале обруча — 7,5 см; следовательно, в середине диаметр больше 4 см. Цюрихское копье имеет в середине 4 см, на верхнем остром конце—3,1 см, у нижнего конца—3,2 см. Бехейм (стр. 312) предполагает толщину в 4,5 см. Это совпадает с вычислениями Ламмерта. Немецкие копья не имеют противовеса в виде наконечника, ни даже пильзы на конце. Только короткие копья XVII в., находящиеся в Цюрихском музее, имеют пильзы.

Если немцы могли бороться длинными копьями, не имевшими противовеса, то, вероятно, и на македонских копьях их не существовало; в этом мнении меня еще более укрепляет описанный выше опыт, произведенный мной при берлинском спортивном кружке.

В особенности бросилось мне тогда в глаза, насколько неудобно было носить эти длинные копья в походе; при атаке они доставляли меньше затруднений.

Примечание к 2-му изданию. С тех пор я лично исследовал длинное копье в Цюрихе и Вене и нашел все изложенное выше вполне правильным. Подтвердились также и результаты опытов, проведенных на Шенхольцском спортивном плацу в виде небольших учебных упражнений с длинным колющим оружием Берлинского военного музея, проделанных мною с участниками моего военно-исторического семинара.

Мое мнение о построении римских и македонских фаланг Кромайер неоднократно оспаривал и полемизировал со мной по этому поводу. Он объясняет вышеприведенную цитату из Полибия так, что фалангит во время боя занимал по фронту 3 фута, римский легионер вначале, до боя, то же протяжение, но при столкновениях и при передвижениях взад и вперед во время боя расширял площадь до 6 футов. По его мнению, сражаться мечом, занимая площадь в 3 фута, невозможно. Следовательно, после первого удара первая шеренга выстраивалась узкой длинной цепью, состоявшей из опытных бойцов, ведших бой, в то время как люди задних шеренг выжидали благоприятной минуты, чтобы занять место в образовавшемся пустом пространстве среди передних бойцов и оттуда направить копье или метательный снаряд в противника, отразить удар, опрокинуть

[1] Блюмнер в своей «Технологии и терминологии ремесла и искусства у греков и римлян», ч. II стр. 252, 263, 285, 289, указывает, что имелись копья из бука, дуба, пихты. О сосне не упоминается, но говорится о ели (стр. 289).

проникшего вглубь неприятеля, поднять убитых или раненых и, наконец, в случае надобности заменить убитых («Histor. Zeitschr.» 95, 17). Время от времени это единоборство первой шеренги, где приходится 6 футов на человека, сменяется более тесной группировкой.

Если бы это предположение было правильным, мы имели бы в нем великое научное открытие. Здесь идет речь о самом существенном в древней тактике построения пехоты. Способ употребления оружия и массовый натиск являются самым кардинальным пунктом при обсуждении построения этой фаланги; развертывание ее происходит при постепенном расчленении на шеренги. Эта теория развертывания должна отпасть, если придерживаться мнения Крюмайера относительно протяжения по фронту рядов и искусной борьбы первой шеренги.

Автор непоследователен, так как вполне присоединяется к моему разбору сражения при Каннах, где все базируется на массовом натиске фаланг.

Соображения Крюмайера неправильны и невыполнимы по следующим причинам:

а) Он считает, что римский воин должен занимать площадь в 6 футов, так как в противном случае он не сможет бороться мечом. Следовательно, в те минуты, когда римляне сближаются между собою, — а сам Крюмайер тоже утверждает, что каждый из воинов занимает тогда всего 3 фута, — они теряют возможность употреблять оружие. Странный способ воевать, в особенности если принять во внимание, что противник постарается составить свое войско так, чтобы его воины могли пользоваться оружием.

б) Расстояние между воинами в 6 футов, которое образуется во время боя, взято, видимо, в среднем, ибо при такой сумятице невозможно точно измерить интервал. Здесь нельзя брать «в среднем»; при этом некоторые воины отойдут дальше, некоторые ближе, получатся большие, широкие интервалы между воинами, куда может продвинуться противник; в узких же римлянин не может повернуться со своим мечом. Не мог Полибий, описывая войны, брать цифры «в среднем».

в) Воины первой шеренги увеличивали якобы занимаемую ими площадь тем, что отчасти продвигались небольшими группами в ряды противника, отчасти — раздвигали своих товарищей. Спрашивается, как можно, вклиниваясь в неприятельские ряды, сохранять нужные для каждого воина 6 футов, а при меньшем интервале не помешает ли борьбе соседство противника так же, как и находящиеся рядом свои товарищи.

г) Меньше всего можно себе представить это внедрение отдельных воинов в неприятельские ряды во время боя римлян против фаланги, вооруженной длинными копьями, о чем повествует Полибий. Легионер, очутившийся среди таких копьеносцев, подошел бы настолько вплотную к ним, что копьеносцу нельзя было бы защищаться. Полибий же как раз утверждает, что фаланга сариссе была непрочищаема, — каким же образом мог он предполагать, что через каждые 6 футов в фалангу вклинивался римлянин и как мог он исчислить по этим признакам протяжение по фронту рядов у обоих противников.

д) Крюмайер воображает, что римский воин наносит удар рукой, протянутой горизонтально в сторону. Такой удар не достигал бы цели; настоящий удар наносится согнутой рукой, протягиваемой вперед. Этому удару обучают не только в наше время, но и, по Вегецию (I, 12), определенно рекомендуется легионерам не наносить ударов, а колоть, так как это причиняет противнику больший вред; «кроме того, в то время как наносится удар, рука и правая сторона тела остаются неприкрытыми, при уколе же корпус прикрыт». При таком уколе, когда рука тесно прилегает к корпусу, площадь в 3 фута совершенно достаточна для воина. А для укола с протянутой даже горизонтально рукой нужно расстояние в 4 фута.

е) Всякий полководец старается дать своему войску настолько плотное построение, насколько оно позволяет воинам владеть оружием, так как чем больше людей, тем больше и оружия. Если предположить, что римлянину с мечом нужно

было протяжение по фронту в 6 футов, а греческому гоплиту с копьем — в 3 фута, то меч оказался бы оружием, непригодным для боя. На каждого меченосца пришлось бы 2 копьеносца, и ни один — даже самый искусный — способ борьбы не спас был первого от гибели. Следовательно, и для меча и для копья надо предполагать одинаковое пространство при бое.

ж) Если бы сила фаланги базировалась не на массовом натиске, а на искусной борьбе первой шеренги при помощи второй и третьей, то при глубоком построении, как это было при Каннах, $^{9}/_{10}$ или $^{19}/_{20}$, войска бездействовали бы.

з) Некоторую часть работы Кромайер отводит в римском войске на долю масс; он считает, что работа первой шеренги чередуется с массовым натиском. Искусная борьба первой шеренги начинается после того, как вся масса бросается вперед, причем после удара естественно отскакивает обратно, и тут-то происходит расширение интервалов между воинами. Затем, при переходе противника к массовому наступлению, снова надо противопоставить ему живую человеческую стену («Histor. Zeitschr.» 95, 17). Таким образом, должна происходить беспрерывная смена тесного и свободного построений в войске. Если предположить, что такие маневры возможны, то только при условии, что оба противника будут производить их одновременно; та сторона, которая не признает искусной борьбы в свободном пространстве или хотя бы на одну минуту больше будет теснить противника, одержит победу. Тонкая цепь борцов при интервалах в 6 футов не в силах противостоять, — это понимает и Кромайер, — яростному натиску неприятельского боевого порядка, построенного глубиной в 10, 20, 30, а, может быть, и в 60 чел. Задние же шеренги не могут притти на помощь первой, так как, отскочив назад, для того чтобы освободить место борцам первой шеренги, они не в состоянии будут снова продвинуться вперед. При происходящем шуме не может быть слышно ни команды, ни сигнала, но если даже предположить, что применимо и то и другое, то во всяком случае масса, которая отступила хоть на минуту перед наступавшим противником, не сможет пойти снова в наступление.

Первый шаг отступления при борьбе двух фаланг является роковым; он способствует яростному подъему у наступающей фаланги и ведет ее к победе. Представление Кромайера об естественном скачке назад относится к стороне, на которую нападают; это обстоятельство еще более подчеркивает невозможность постоянной смены построения в войске.

и) Кромайер ссылается («Histor. Zeitschr.», 17) на описание сражения при Мутине (Аппиан, Междоусобные войны, III, 68). Это описание не может служить подтверждением его гипотезы. Здесь речь идет не об организованном сражении, а о трех отдельных частях легиона, сражающихся бок-о-бок в трех боях. Эти части не были достаточно сильны для настоящего флангового натиска, а потому, ввиду храбрости ветеранов, натиск этот превращался в массовое единоборство. О постоянном чередовании общего натиска с индивидуальным поединком здесь не говорится, и продолжительное единоборство кажется рассказчику неподходящим способом сражаться; он даже проводит аналогию с цирковыми борцами, которые во время борьбы расходятся на минуту в разные стороны, чтобы отдышаться и затем снова броситься друг на друга.

к) Кромайер, определяя для фалангита площадь в 3 фута (для римлянина поэтому 6 футов), ссылается на военные навыки швейцарцев и ландскнехтов («Античные поля сражений», I, 323 и «Histor. Zeitschr.», 95, 18). В IV том настоящего труда я включил специальное исследование (I, ч. 2, гл. 3, стр. 191), из которого ясно видно, что вышеприведенные цитаты недоказательны. Построение фаланги, которую описывает Полибий, в отличие от римской, не следует определять, как древнегреческую или македонскую, но как фалангу, густота которой была в то время искусственно доведена до крайних пределов. Она не оправдала себя.

Неудивительно поэтому, что швейцарцы и ландскнехты строили боевой порядок шире, но случалось, что и они прибегали иногда к тесному построению.

л) Кромайер считает, что если бы когда-либо две таких густых фаланги сошлись в бою, то они, имея возможность лишь наступать, а не оражаться и не отбизать удары, оказались бы пронизенными друг другом. Я сомневаюсь в том, сражались ли когда-либо две таких фаланги, но если это и происходило, то, конечно, различные шеренги, не имея возможности долго бороться, с двух сторон напоролись бы на копья или были бы вдавлены на них наступающими сзади шеренгами. Незначительная возможность парировать удар была только у первых шеренг, вооруженных более короткими копьями; но из этого еще не следует, что надо отбросить все предыдущие доказательства. Даже и в таком случае мог и должен был победить более решительный противник. Кроме того, тактики (Асклепиодот, гл. IV) определенно высказываются, что построение в 1,5 фута на человека пригодно для обороны, но оно не дает возможности вести действительный бой. Конечно, это построение возможно только при длинном копье, которое, будучи протянуто вперед в массе, является само по себе защитой, в то время как при коротком копье без свободного пространства для борьбы, не говоря уже о мече, такое построение бесцельно.

м) Если я допущу, что Вегеций (III, 14) свидетельствует о том, что римляне сражались на интервале в 3 фута друг от друга, так как при таком построении боевая линия не имеет пробелов и возможно употребление оружия («Интервал между отдельными бойцами обыкновенно составлял по прямой линии 3 фута, так что на протяжении мили (5 000 футов) выстраивалось 1 660 пехотинцев; при таком расположении боевой фронт не имел свободных промежутков, а вместе с тем оставалось достаточно места для свободного применения оружия»), то я должен буду считать взгляды Кромайера окончательно опровергнутыми.

Соображение Кромайера о том, что линия фронта римского легиона превращается в цепь искусных фехтовальщиков, тем более необоснованно, что он сам в своем труде («Античные поля сражений», II, 83) примыкает к теории Фейта, по которой римляне сохраняли интервалы между манипулами (также и когортами) не только при наступлении, но и во время боя. В таком случае и без того тонкая цепь легионеров, соответствующая цепи застрельщиков, будет еще менее заполненной, так как на расстояниях, равных приблизительно длине фронта, не находится вовсе бойцов.

О натиске, который масса должна производить на такие разрозненные группы, не может быть и речи даже в те минуты, которые сам Кромайер допускает во время удара.

Отдает ли себе Кромайер отчет в том, что его теория о ширине ряда и теория Фейта об интервалах между воинами во время боя уничтожают одна другую? Сомневаюсь в этом. Также небезынтересно знать, сознательно ли или невольно отбрасывает Кромайер свою теорию, изложенную во II томе его труда «Античные поля сражений», и противопоставляет ей другую. Он говорит (стр. 83) о «привычке» римлян в начале сражения делать уступку врагу, затем разочаровать его, упоенного победой, упорством сопротивления, потом утомить и, наконец, победить. Итак вместо «естественного скачка назад» (по первой теории), который совершают одновременно оба противника, чтобы освободить место для сражающихся в одиночку, принята теория «привычки» у римлян.

Вторая теория так же неприемлема, как и первая. Если бы римляне после первого столкновения отскакивали добровольно назад, предоставляя цепи одиночных бойцов сражаться с противником, то, конечно, эта цепь не могла бы ни на минуту устоять перед массовым натиском неприятеля. Этого мнения Кромайер и сам раньше придерживался, говоря что «как только одна сторона заметила, что противник собирается перейти к массовому натиску, она должна сейчас же проти-

вопоставить ему живую человеческую стену, чтобы отпарировать удар» («Histor. Zeitschr.», 95, стр. 17).

Руд. Шнейдер (в «Gott. Gel.-Anz.», 169, стр. 445) сообщает, что вопрос об интервале является для него еще нерешенной задачей, так как фалангит не может удовлетвориться протяжением по фронту в 1,5 фута; если же дать ему 3 фута или 6 футов, т. е. вдвое большее протяжение, то такая ширина фронта будет для легионера слишком большой. Почему же он не образовал фаланги из 100 студентов, вооружив их жердями? Кто хоть раз видел и измерял подобную фалангу, тот может отбросить все муки сомнений относительно протяжения рядов по фронту. Странные люди эти ученые: им вполне доступно в этом вопросе решить историческую задачу посредством скромного опыта, но почему-то они его не производят.

Кромайер, отбросив теорию «обратного скачка» и заменив ее «привычкой» у римлян, руководствовался, вероятно, описанием сражения между римлянами и галлами в 223 г., так как этой новой теории предшествует следующая заметка: «В одном из своих описаний Полибий (II, 33, 7) рассказывает об очень существенном для тактики римлян способе вести бой. Фламиний, — говорит он, — дал войску в одном из сражений такое построение, которое не допускало возможности пятиться назад и мешало римлянам применять их обычный способ борьбы. («Сделал невозможным для римлян вести сражение обычным для них способом, так как в тылу не оставалось места для отступления их манипул шагом».) И дальше: «если бы их начали хотя бы немного теснить, то в случае несообразительности их начальника они были бы вынуждены бросаться в реку» (Полибий, II, 33, 7). Следовательно, по смыслу цитаты римляне, прорвавшие сражение, не обращались в бегство, а отступали шаг за шагом и потому в данном случае могли легко попасть в реку, что вызвало бы замешательство в войске и повело бы к полному поражению. Ничего общего с особой тактикой римлян эта цитата не имеет.

Глава II

Профессиональная армия и когортная тактика

Военные силы римлян, организованные во время Второй пунической войны, оказались достаточными для преодоления сопротивления восточных держав; две из них — Македония и Сирия — были побеждены; Египет и большинство маленьких царств присоединились к Риму и подчинились ему. Не оставалось никого, кто мог бы выступить против Рима. Но постепенное осуществление прямого господства Рима над миром требовало постоянного ведения более или менее значительных войн, во время которых военные традиции не только сохранялись, но и нарождались. Надо было бороться с галлами в Верхней Италии, в Испании, доконать Македонию, усмирить Грецию, разрушить Карфаген, сражаться с нумидийским царем. Часто победа доставалась римлянам после поражений и продолжительного перехода счастья то на одну, то на другую сторону. Созданная Сципионом новая организация могла бы после победы над Ганнибалом легко подчинить себе весь древний мир, если бы она сделалась органической частью законодательства Римской республики. Но она была во внутреннем противоречии с духом республики, и это внутреннее проти-

воречие проходит с тех пор красной нитью как через всю военную историю, так и через всю историю Рима вообще. Старое положение, по которому войском управляли два избираемых ежегодно консула, имевших право пополнять легионы по мере надобности гражданами и затем распускать их, осталось в силе, но оно не в состоянии было разрешать задачи римской политики. Всеобщая воинская повинность не могла быть применяема во время продолжительных войн, как это было в Риме, и солдаты, сражавшиеся в Испании, Азии, Африке и в Альпах, не могли одновременно оставаться и гражданами. Можно высчитать, что при всеобщей воинской повинности призывалась только десятая часть римской молодежи, способной носить оружие; из нее-то и образовалось настоящее солдатское сословие [1]. Эта профессиональная организация воинства была совершившимся фактом, но не стала конституционным установлением, а потому в управлении государственной машины были большие неточности.

И все-таки Рим побеждал, обладая громадными преимуществами в сравнении с другими государствами. Временные поражения не могли причинить ему большого ущерба, а состав хорошо обученных воинов, полководцев и командиров был так велик, что Рим мог в конце концов, как только выступал на сцену способный человек и организовывал подходящее войско,—нанести решительный удар.

В III в. во время Пунических войн, надо полагать, третья часть свободного населения Италии владела правами гражданства. Если для сухопутных войск из римлян набиралось меньше половины, из союзников — больше половины мужчин и из морских союзников — почти весь флот, то воинская повинность была распределена приблизительно равномерно. Во время Второй пунической войны вся тяжесть призыва пала на римлян, так как часть союзников отпала, часть вяло мобилизовалась. После победы римляне сильнее привлекли к себе союзников; теперь значительно меньшая часть войска состояла из римских граждан, и вербовались по провинциям на службу в войсках всякого рода наемники — нумидийцы, балеарские пращники, иберы, галлы, критские стрелки; греков же заставляли выставлять вспомогательные отряды. Собственно римское войско состояло из 4 легионов, насчитывавших 18 000—20 000 чел.; если присоединить сюда контингент запасных, то республика имела 50 000 воинов, бывших почти всегда в строю. В случае надобности,—как, например, когда вспыхнуло восстание в Испании или для войны с Карфагеном и одновременно для борьбы с Македонией и Грецией,— войско пополнялось.

В более трудном положении очутилась республика, когда на границе появился новый враг среди варваров и угрожал Италии нашествием; это были германцы. Римляне потерпели целый ряд поражений: в 113 г. при Папирии Карбоне в Норике; в 109 г. при М. Юние Силане у Аллоброгов; в 107 г. при Л. Кассии у Верхней Гаронны; в 105 г. при Маллии Максиме, при Цепионе и при Аврелии Скавре у Аравзиона. Наконец, Кай Марий сорганизовал новое войско, разбил и уничтожил тевтонов и амбронов (в 102 г.) около Секстиевых вод (Aqua Sextia) и кимеров и тигоринов при Верцеллах (101 г.). Как велика была паника у римлян, видно из того триумфа, которого удостоился Марий.

[1] Мюллер в «Филологии», т. 34, стр. 125 (1876), обратил внимание на то, что 4 регулярных легиона не могли вместить всех военнообязанных; но полагает, что, вероятно, по мере надобности привлекали самые молодые возрасты, т. е., примерно, 10 возрастных контингентов. Но и этого было бы слишком много.

Шесть раз подряд этот выдвинувшийся фельдфебель был избираем консулом, а после победы провозглашен третьим основателем Рима. Но все описываемые детали войны оказались при более тщательном расследовании болтовней адъютантов, так что они не могут иметь места в военной истории. Война же эта имеет значение для нас потому, что благодаря ей произошло окончательное преобразование римского войска из гражданского в кадровое. Хотя мы имели только частичные указания, но по всем признакам видно, что творцом этой реформы был Марий [1].

Деление легионов на три призываемых год за годом группы — гастатов, принципов и триариев — обратилось ко Второй пунической войне в чистую формальность. Оба столичных легиона, которые формировались ежегодно, состояли, вероятно, из подраставших военнообязанных юношей, а триарии были так же неопытны в военном искусстве, как в 1814 г. воины в гвардии Наполеона, состоявшей из рекрут [2]. В прежних же римских легионах замечалось обратное явление: даже гастаты не были очень молоды, а в легионах, сражавшихся при Каннах и при Раграрре, самые молодые легионеры были значительно старше знаменитой «старой гвардии» Наполеона.

Исчезли группировка по возрастам и бережливое отношение к старшим возрастным контингентам. В то время как раньше триариев щадили, теперь их часто выдвигали из задних рядов на фланги или же применяли при поворотах в сторону противника и для откомандирований, и тут-то они попадали на наиболее угрожаемые места, где больше всего было потерь.

Если же в военном деле и держалась еще 100 лет схема деления войска на три части, то это объясняется естественной устойчивостью всякой застывшей организации [3].

Двойная роль велитов,— с одной стороны, как легковооруженных, а с другой — как обозных и денщиков,—была видоизменена, повидимому, во время Второй пунической войны.

Марий уничтожил все эти различия. Денщики и обозные не считались вообще воинами и были выделены из легиона [4]. Из легковооруженных составили корпуса стрелков и пращников. Легион состоял из одинаково вооруженных и обученных гоплитов; число манипул оста-

[1] Фрелих (Frölich, Kriegswesen Cäsars, стр. 13, 14) высказывает сомнение, действительно ли введение когортной тактики принадлежит Марию. Мадвиг хотел ее отнести ко временам союзнической войны. Я думаю, что, по всей вероятности, реформатором армии был все-таки Марий. Когорты, о которых упоминает в Югуртинской войне Саллюстий (51, 3; 100, 4), должны быть рассматриваемы не как тактическое ядро армии, но как части легиона. И если даже упоминается в одном из отрывков Сисенны о том, что в союзнической войне сражались манипулы, то из этого нельзя заключить, что манипула существовала, как встарь.

[2] Нич (Nitzsch, Geschichte d. römisch. Republik, herausg. v. Thouret, I, 181) говорит, что после Канн легионы формировались один за другим, т. е. что при формировании новых легионов возраст не играл такой роли, как раньше.

[3] Если, по Ливию (VII, 34), в 340 г. и были выделены в легионы гастаты и принципы или только гастаты, это не имеет исторического значения, но подчеркивает возможность такой меры во II в.

[4] В своем труде Ливий (гл. LXVII) говорит, что в сражении при Аравзионе 80 000 солдат, 40 000 погонщиков и маркитантов (calones et lixae) были убиты. Цифры, вероятно, преувеличены, но важно то, что на количество сражавшихся приходилось 50% погонщиков. Из этого можно заключить, что даже до Мария легковооруженные (велиты) большею частью (или совершенно) исчезли из легионов и что институт денщиков и погонщиков фактически возник как-то иначе.

лось прежнее, причем каждая манипула заключала в себе 200 чел., а каждые 3 манипулы составляли когорту.

Когорта из 600 чел., соответствующая нашему батальону, является с этих пор тактической единицей. Легион состоит из 10 когорт, или 6 000 чел. [1]. Новая организация примыкает к старой, поскольку когорта состоит из 3 манипул. Контингент войск у союзников, не имевших возможности выставлять целые легионы, но обязанных сохранять тот же военный строй, что и римляне, назывался иссстари когортой и делился на гастатов, принципов и триариев [2]. Эти когорты не имели тактического значения. В лагере они, конечно, вливались в легионы, а при построении боевого порядка приблизительно распределялись так, что гастаты приноравливались к первому, принципы и триарии ко второму и третьему эшелонам. Когорты Мария были всегда вместе и составляли ядро армии.

Прежние манипулы не являлись тактическими единицами: они были слишком малы; они не были самостоятельны по-настоящему,—а если даже и бывали случаи, когда одна манипула или несколько вместе совершали маневр или отдельное нападение, то принципиально все-таки действовал весь эшелон или определенная часть эшелона. Старая манипула состояла из 60, 120 или самое большее из 150 чел.; новая когорта — из 600 чел. Подобный отряд исключительно обученных воинов мог с этих пор легко повиноваться всякому приказу — принимать любой строй и совершать любое движение. Полководец мог приказать войску выстроиться в одну, две, три или четыре линии; он мог одну линию усилить, другую ослабить; он мог выстроить из них ломаную линию и ставить когорты спиной друг к другу, чтобы образовать двойной фронт. Он мог, наконец, перемещать каждую когорту с одного места на другое.

Легион являлся всегда только административной единицей, первоначальной же тактической единицей была фаланга, состоявшая из одного или нескольких легионов. У греков и македонян она такой единицей и осталась. Римляне же расчленили фалангу, поделили ее на эшелоны (линии) и разбили на многочисленные небольшие тактические подразделения, которые могли то соединяться в прочное целое, то с необычайной гибкостью менять форму строя: делиться, поворачиваться в одну или другую сторону. Как жутко и трудно было, вероятно, старинной греческой фаланге гоплитов охранять фланги от натиска кавалерии! Римский же полководец со времени Мария мог приказать нескольким когортам образовать прикрытие для флангов и быть вполне спокойным за них. Каким простым и удобным кажется такое устройство войска! Но для того чтобы организовать это удобное подразделение на мелкие группы, спаянные так тесно, что в любую минуту можно было образовать тактическую единицу, надо было преодолеть много трудностей. Для этого потребовались целые столетия и римская дисциплина. Одно лишь это государство из древнего мира

---

1 Штолле (Stolle, D. Lager und Heer d. Römer, 1912) думает, что нельзя считать правильным число 6 000 для легиона, для когорты—600; надо отдать ему справедливость, что достаточных оснований для этого счета нет, как до сего времени думали, но я считаю его приемлемым, с уклонениями же,— для нашей цели, по крайней мере, — можно и не считаться.

2 Это, конечно, не доказано, но, как Марквардт (II, 339) заметил,— вполне возможно. Ср. у Полибия (XI, 23), где сказано, что 3 манипулы, составленные вместе, называются когортой.

действительно добилось этого и благодаря этому достигло господства над всеми остальными.

Раньше находили, что производить впечатление на войне могут только воины, объединенные в сомкнутые массы. Но массы эти оказались на деле неуклюжими, беспомощными и очень чувствительными со стороны тыла и на флангах. При этом большая часть оружия бездействовала.

Но для того чтобы вместо одной большой группы составить много маленьких, взаимно помогающих друг другу исправлять недочеты, понадобилась огромная сила военной дисциплины, которая спаяла воедино сумму одиночных воинов; при этом единая воля настолько твердо властвует, что даже душевное волнение и угроза смерти в сражениях не могут их разъединить. Когорта находится в руках начальника, а начальники следуют приказу полководца [1].

Когортная тактика является высшей точкой, которой достигла древняя пехота в развитии искусства боя. С тех пор все зависит от искусства полководца, которому уже не требуется изобретать новые формы строя, а нужно только применять и развивать установившиеся.

Основой когортной тактики явилось профессиональное войско, заменившее гражданское.

Вплоть до Мария комплектование производилось еще по старым правилам, хотя сущность последних и изменилась. Всеобщая воинская повинность проводилась очень мягко лишь задолго до Второй пунической войны. Во время же этой войны она действовала со всею строгостью и с тех пор стала самодержавной. Войска, выставлявшиеся римлянами на поле сражения, по отношению к количеству граждан были так немногочисленны, что требовалось всего лишь несколько возрастных классов, чтобы их пополнить. Вместо того, чтобы призывать и обучать новых рекрут (в целях справедливого распределения повинности среди населения), предпочитали брать воинов, уже отбывших срок службы, хотя бы они и не проявляли особой склонности к этому. Но жалование, добыча и подарки во время триумфа были так ценны, что многие добровольно шли на службу. Когда разразилась война против Персея Македонского,— рассказывает Ливий (XLII, 32),— в войско добровольно вступило много старых солдат, знавших, как разбогатели те, кто участвовал в войнах против Филиппа и Антиоха. Теоретически старый способ набора остался и применялся иногда так, что военнообязанные тянули жребий между собой или начальство само призывало иногда некоторых из них. Надо полагать, что гражданин, вытянувший жребий, мог беспрепятственно заменить себя другим подходящим рекрутом, причем богатые люди, нужные дома для ведения хозяйства, умели при благосклонном покровительстве чиновников уклоняться от службы. Насколько понизился интерес к военной службе, видно из многочисленных сообщений, где указывается, как трудно было набрать рекрут, когда предстояли либо опасные, либо не обе-

[1] Полибий в своем труде указывает на свойство римского боевого порядка, при котором он одновременно может и становиться непроницаемым (тесносомкнутым) и рассыпаться всеми своими мелкими группами в различных направлениях (XV, 15, 7). Это место не совсем ясно по расположению слов, но очень ценно по смыслу. Оба свойства — непроницаемость и подвижность — возможны при условии, если расстояние между когортами невелико. Мысль о больших расстояниях (по Фейту, III, 2, 701) должна быть отброшена при чтении этого места, так как фронт, у которого большие интервалы, не может быть непроницаемым. Маленькие интервалы, как я их понимаю, при смыкании пополняются сзади стоящими воинами.

щающие большой добычи походы. Призываемые выставляли всевозможные предлоги, чтобы уклониться от службы. Ничего другого не оставалось, как действовать в принудительном порядке [1].

Делались попытки упорядочить эту систему административного произвола. В то время как Полибий утверждает, что римский гражданин обязан был проделать 16 походов, а в случае надобности и 20, Аппиан в одной из заметок говорит, что гражданин, проделавший 6 походов, мог просить об отставке. Повидимому, Кай Гракх сократил еще больше срок действительной службы, но этот срок снова пришлось увеличить, когда нашествие кимвров повергло Рим в ужас, и отечество не могло отказаться [2] от помощи опытных, уже испытанных в сражениях солдат. Ввести систему и порядок при наборе, когда должен царить неограниченный закон, но нужно собрать ограниченное число граждан, невозможно; это мы увидим на примере Пруссии при Фридрихе Вильгельме I. Положение, в силу которого для войны требуются испытанные воины, идет вразрез с гуманностью и справедливым распределением тягот среди населения, а склонность старых солдат, отвыкших за время продолжительной военной службы от гражданского состояния, идет этому принципу навстречу. Таким образом, возникает противоречие между формой и содержанием, получается карикатура набора, где с добровольной явкой сочетается административный произвол, — «нажим», как это называется в истории английского флота. Если и случалось консулам применять со всею строгостью законы, то граждане считали такой образ действия тиранией и жаловались народным трибунам. Ливий дважды сообщает (Epitome, 48 и 55), что при подобном конфликте в 150 и 138 гг. народные трибуны заключили консулов в тюрьму. Марий сразу положил конец всем этим древним формам набора и утвердил систему вербовки солдат. Чем больше капитализм [3], с одной стороны, и рабство — с другой, превращали средний класс и крестьянство в деклассированный элемент, тем более удобную почву представляла собой Италия для офицера-вербовщика, и Марий не страшился принимать в войско даже рабов [4]. И теперь всеобщая воинская повинность не только не была отменена законом, но даже впоследствии давала основание для производства набора; что же касается института наемников, то он существовал в армии уже давно и теперь только усилился.

Ввиду того, что через несколько лет все италийцы получили права гражданства, исчезло различие между чисто римскими легионами и набранными из союзников. Это различие было не военного, но лишь политического свойства; совершенно так же войска Рейнского союза (итальянцев, швейцарцев) входили в армию Наполеона. Организация и тактика союзных войск почти не отличались от римской. Вспомогательное войско (auxilia), появившееся в конце Второй пунической войны, в римской армии является совершенно другой организацией; здесь составлены особые группы войска,—как, например, стрелки из лука, пращники или группы варваров, применявших свой способ борьбы. Конница вся сплошь состояла из таких элементов.

---

1 По Ливию, XLIII, 14; по Полибию, XXXV, 4.

2 По Моммсену («Röm. Gesch.», II, 107 и 175); Марквардт, II, 381.

3 Буржуазная теория наличия капитализма в древнем мире основывается на принципе циклизма. — Ред.

4 Плутарх, Марий, гл. 9.

1. Мой взгляд на историю римской воинской повинности не совпадает с принятыми до сего времени толкованиями. Тогда как я исхожу из того, что в первоначальном старинном маленьком кантоне эта повинность была всеобщей, современные историки полагают, что она создавалась постепенно и только ко времени Пунических войн стала всеобщей. От военной службы освобождались все имевшие меньше 12 800 асс (или 11 000); со временем эта сумма уменьшилась до 4 000 асс или еще ниже для пехотинцев, а из самого неимущего слоя набрались воины для несения морской службы. По моему мнению (ввиду того что повинность была всеобщей), призыв бедных во флот не является какой-то новой прерогативой бедных, а, наоборот, предназначается для охраны богатых: кто имел больше 4 000 асс, мог служить только в пехоте, а не предназначался для гребной службы. Но это ни в коем случае не значит, что неимущие слои освобождались от службы в пехоте. Это ясно видно из того обстоятельства, что после Канн были составлены два легиона из одних рабов. К этому крайнему средству, конечно, не прибегли бы, если бы был еще слой граждан, которых можно было бы мобилизовать: имело бы больше смысла предоставить вооружение гражданам, а рабов посадить на весла. Слова Полибия (IV, 17, 1—3) совпадают с этим мнением: он говорит, что все граждане считаются военнообязанными до 46 лет, «кроме тех, имущественный ценз которых ниже 400 драхм: эти последние все оставляются для службы во флоте».

Во II в., когда Полибий писал эти слова, Риму требовалась только небольшая часть военнообязанных. Для пополнения пехоты в большинстве случаев достаточно было добровольцев. Имущие классы щадились или они сами щадили себя. Для несения непопулярной матросской или гребной службы набор производился еще строже [1]; для нее просто отделялись пролетарии. Сумма в 400 драхм (4 000 асс), которую определяет Полибий, основана, вероятно, не на существовавшем законе, а на административном мероприятии или на каком-нибудь сенатском решении, которое видоизменялось в зависимости от обстоятельств. Поэтому и получается, что Полибий определяет точную сумму в 400 драхм, Геллий — в 1 500 и 375. То, что aerarius считался военнообязанным ко времени Второй пунической войны, видно из труда Моммсена («Государственное право», III, 252) и из многочисленных рассказов у Ливия (XXIV, 18; XXVII, 11; XXIX, 37). Эти рассказы уничтожают последние сомнения. Было бы невозможно, как нам сообщают, превращать людей в эрариев и одновременно посылать их на поле брани; какой-то цензор грозил даже превратить всех граждан в эрариев, если они связывают с этим званием освобождение от воинской повинности.

Общепринятое мнение совпадает с моим только в том смысле, что в исключительных случаях прибегали к призыву всех классов населения, невзирая на имущественный ценз. Реформа Мария, по определению Моммсена, выразилась в том, что при нем случаи, из ряда вон выходящие, стали обычными правилами. Вывод, по-моему, неприемлем, во-первых, потому, что я считаю мною доказанным, что в древние времена не существовало классовых ограничений для несения воинской повинности, во-вторых, потому, что после Второй пунической войны всеобщая повинность проводилась на практике и так внедрилась в правосознание граждан, что казалось уже немыслимым переложить это право, — или, скажем, обязанность, — снова только на высший класс. Одно только приемлемо, что пехота заняла высшую социальную ступень. Кроме того, возможно, что и покупка вооружения играла здесь роль, а потому неимущий не мог стать гоплитом [2].

---

[1] Здесь идет речь не о морской солдатской службе, что видно из труда Маркварда «Римское государственное управление», II, 380, примеч. 10.

[2] По Полибию (VI, 39, 15), государство снабжало воинов платьем и оружием, но в случае надобности высчитывалась потом стоимость этих предметов из жалования. Тиберий Гракх отменил этот обычай (Моммсен, История Рима, 107); по Тациту (Аппиан, I, 17), это происходило и во времена царей и ложилось большой тяжестью на солдат.

А если в Риме существовала всеобщая воинская повинность, то, конечно, во II в. она проводилась очень вяло. Цифра цензов во II в. равнялась 243 704 и доходила до 337 452 чел.[1] (в 164/3 г.); ежегодное количество рекрут надо определить поэтому в 10 000—15 000 чел. Войско, призываемое регулярно, состояло из 4 легионов, т. е. из 18 000—20 000 чел. Так как мы с уверенностью могли сказать, что многие солдаты оставались ими в течение 16, 20, а может быть и более лет, то, следовательно, нужно было набирать ежегодно не более 1 000—2 000 рекрут, что составляет только десятую часть годных для несения воинской повинности. Правило, по которому общественную должность мог занимать только гражданин, проделавший 10 походов, вероятно, не строго соблюдалось; но во всяком случае в таком воинственном государстве нужно было находиться в военном сословии, чтобы играть роль в общественной жизни; поэтому наряду с людьми, которых привлекала военная профессия, охотно шла на военную службу из политических соображений и часть молодежи. Таким образом, объединялись воедино наиболее пригодные и охотно служившие элементы. Конечно, трудно было набрать и командиров и воинов для неблагодарного похода в Испанию против Нуманции. Еще одно доказательство того, что о правильном ежегодном наборе не могло быть и речи.

Полибий описывает, как стекались ежегодно в Рим для набора военнообязанные; которые выбирались и распределялись по легионам трибами или трибутными комиссиями: «Когда лица, избранные в консулы, пожелают произвести призыв в войска, они в народном собрании заранее объявляют день, в который должны явиться все римляне, достигшие определенного возраста» (Полибий, VI, 19).

Если судить по этому описанию, то такое отношение к повинности является идеальным, но в действительности, вероятно, все происходило несколько иначе. Всех военнообязанных насчитывалось 150 000—200 000 чел.; не могли же они ежегодно со всей Италии стекаться к Капитолию. Легко представить себе поэтому, что окружные комиссии заботились о том, чтобы выставить достаточное, покрывавшее спрос число солдат. Об отсутствовавших не спрашивали, а наличное число явившихся считалось явкой всех военнообязанных. Если же требовалось большее количество солдат и не находилось добровольцев, то производились фактические коонскрипции и жеребьевка[2]. Каким образом это происходило, мы точно не знаем. Во всяком случае не так, что приходили сначала все военнообязанные в Рим, где отбирались годные и негодные и где происходила среди них жеребьевка, и не так, что призывался только случайно последний год рекрут. Вероятно, был предварительный осмотр и внесение в списки рекрут в каждой комиссии отдельно, которая уже и доставляла к призыву в Рим всех осмотренных ею.

Такой способ производства набора мог бы еще объяснить общий взгляд историков. Но существенная разница заключается в следующем: пополнялась ли римская армия во II в. только сыновьями среднего сословия, или это была профессиональная армия, которая по существу (поскольку и пролетариат поступал во флот, если для него производился набор) носила гражданско-крестьянский характер. В первом случае Марий произвел бы свои реформы на других основаниях и создал бы нечто новое; во втором — он влил бы уже существующее положение в соответствующую форму, так как остаток этого гражданско-крестьянского характера не был им уничтожен. Последний сам по себе постепенно исчез.

Этот мой взгляд, подкрепленный дошедшими до нас цифрами о количестве народонаселения и войска, не совпадает с источником, считающимся, по общему мнению, краеугольным камнем в истории организации военного дела в Риме. Это

---

[1] Цифры 394 736 и 394 336 для 125 и 115 гг. оспариваются и с большим основанием — Белохом.

[2] По Аппиану, de reb. Hisp., гл. 49—0 149 г.

рассказ Саллюстия (bell. Jug., гл. 86), где он говорит о реформе Мария: «Он произвел набор, не придерживаясь обычного порядка, не по классам, а зачисляя каждого желающего и, главным образом, из среды неимущих» (Саллюстий, Югуртинская война, 86). По естественному и дословному смыслу надо полагать, что набор производился по классам, т. е. по Сервиевой конституции, в основу которой был положен имущественный ценз, пролетарии же (capite censi) были освобождены от службы. Что это не так, уже давно известно. Полибий, который, конечно, был в курсе дела, ничего о классовом наборе не сообщает; он только говорит, что имевшие меньше 4000 ассов попадали во флот. Это объясняли историки так, что сервиев состоящий из 5 классов ценз снизили с 12500 до 4000 ассов и что Саллюстий не говорит о наборе среди всех 5 классов, а «классы» в целом противопоставляет всему пролетариату вообще.

Я считаю это объяснение искажением смысла слов: Саллюстий действительно верил тому, о чем писал, что до Мария набор производился отчасти по Сервиевой конституции, но в незначительной мере, — настолько же, насколько и по классам, созданным в 179 г. Саллюстий же, как и Цицерон, находился благодаря «Комментариям царя Сервия» в заблуждении относительно старой римской конституции; задавшись вопросом, когда и при каких обстоятельствах конституция реорганизовалась, он, зная, что Марий произвел большие реформы, отнес и изменение конституции к его эпохе. Такие ошибки возможны и у великих историков, чему я приведу яркие примеры.

Всякий понимает, что Генрих фон-Зибель или Генрих Трейчке были знакомы с историей прусской военной конституции, и если оба высказали однородное мнение по какому-либо вопросу, то последующие поколения сочтут дерзостью оспаривать это. Оба ученых относят введение всеобщей воинской повинности к царствованию Фридриха Вильгельма I, между тем известно, что она была введена при Фридрихе Вильгельме III, во время освободительных войн. Зибель (Sybel, Begründ. d. D. Reiches, I, 32) в своем труде называет регламент о кантонах 1733 г. «первым шагом ко всеобщей воинской повинности», а Трейчке (Treitschke, Deutsche Geschichte, I. 75, ср. стр. 153) устанавливает ее при Фридрихе Великом. «Одна из колонн, подпиравшая это государственное здание, зашаталась». Можно даже определить источник, который ввел их в заблуждение. Макс Леман в своем юношеском труде («Knesebek und Schön», S. 284) вставил фразу, что Фридрих Вильгельм I «видел идею о всеобщей воинской повинности если не в полном блеске, то во всяком случае в преломлении». Это наделало много шума в свое время. Зибель и Трейчке хотели повторить эту цитату и усилили содержащуюся в ней неточность. Сам Макс Леман помог выяснению этой ошибки. Основной мыслью в его труде «Шарнгорст» является то, что всеобщая воинская повинность не вытекала из старопрусской воинской конституции и всего старопрусского государственного строя, а диаметрально противоположна ему. Фридрих Вильгельм I требовал самого строгого разграничения между солдатским и гражданским сословиями. Всеобщая воинская повинность была в его глазах тем же, чем и в других государствах его времени, как во Франции, Австрии, России, т. е. что монарх имел право своею полномочной властью призывать своих подданных. Теперь во всеобщей воинской повинности видят не принцип, а только удобную систему, которая была в Пруссии — и только в одной Пруссии — введена с 1813 г.

В том же виде, о котором мы говорили раньше, всеобщая воинская повинность существовала до 1870 г. во Франции и Австрии; получается игра слов, и только. Эта возможность двоякого толкования и ввела двух крупных ученых в заблуждение, в котором они, конечно, признаются сами, после того как обратили на него их внимание.

Прошу извинения за приведенную столь обширную аналогию, но она имеет очень серьезное методологическое значение. Мне все больше и чаще приходится во

время этого исследования отбрасывать определенные заключения древних писателей об устройстве и достижениях их государств,—как, например, у Геродота в его описании бега при Марафоне (8 стадий); у Ливия—в описании манипулярного сражения; у Фукидида — в определении численности гражданского населения в Афинах и теперь у Саллюстия — относительно римского рекрутского набора. Как ни прочно обоснованными кажутся мне мои выводы, но я не могу отделаться от заботы, выдержит ли мое многоэтажное здание все возражения, а потому ищу для его стен подпорок из прочных камней новых неоспоримых фактов.

Из представлений позднейших поколений об исконно древних классах возник рассказ Ливия (X, 21) о том, что когда обрушился ужас галльского нашествия в 295 г., то перед сражением при Сентине было приказано: «беречь, ценить людей всех классов», а также рассказ [1] Орозия (IV, 1, 3). По Ливию, в 280 г. при приближении Пирра велено было заполнить легионы пролетариями которые собственно должны были оставаться в городе, чтобы позаботиться о потомстве.

2. Переходу из гражданского сословия в солдатское положили начало, повидимому, evocati (сверхсрочные), сущность которых очень трудно определить; думаю, что решить этот вопрос надо так, что это прозвище в разные времена обозначало разных людей. Они существовали уже в 455 г. (Дионисий, X, 43). В истории они нам встречаются, как и следовало ожидать, с конца Второй пунической войны; это — старые солдаты, поступившие добровольно снова на службу. Когда же в таком случае старый солдат считался evocatus?

Гражданин считался по закону военнообязанным до 46 лет и числился на службе по пехоте в течение 16 лет, в случае надобности и до 20 лет. Даже при непрерывной службе evocati должны были иметь не менее 33 лет от роду, большей же частью не менее 40 лет. Следовательно, они были очень немногочисленны.

Представим себе во II в. такого evocatus, который, хотя по закону и считался еще военнообязанным, не должен был бы по справедливости попадать в пополнение; но он все-таки записывался добровольцем. Когда римляне в 200 г. решили вести войну с Филиппом Македонским, было постановлено набрать войско из старых солдат, участвовавших во Второй пунической войне, только из добровольцев (по Ливию, XXXI, 8). Такие добровольцы «rengagés» («сверхсрочные») были основой нового войска. Но в следующем году они взбунтовались, объясняя, что их против воли завезли в Македонию, и требовали увольнения. Спустя некоторое время было постановление, что шестилетняя служба дает право на увольнение. И вот таких граждан, прослуживших свыше 6 лет, можно причислить к evocati.

Когда же наемники добились постепенно того, чтобы никаких ограничений в сроках службы не существовало, таким evocati в первоначальном смысле этого слова места не оказалось. Если же встречается упоминание о них, то это надо отнести или к призывным [2], или это что-либо другое. Они составляют особое войско [3], имеют собственного командира [4], своих лошадей [5], своего примипила (primus pilus), который впоследствии называется evocatus [6].

Я считаю, что тут идет речь о какой-то охраняющей штаб страже, куда назначались старые опытные воины [7].

---

[1] По Ливию.

[2] По Цезарю, bell. gall., III, 20, 2.

[3] По Цицерону, ad famil., XV, 4, 3.

[4] Там же, III, 6, 5.

[5] По Цезарю, bell. gall., VII, 65.

[6] Bell. civ., III, 91.

[7] Все-таки я не верю, что под добровольцами, присоединившимися к консулу, и по Полибию (VI, 31, 2) занимавшими в лагере особое место, подразумеваются evocati; вероятно, это говорится о людях высшего класса. Evocati того времени еще не были особой группой, как это думает Марквардт, II, 338, примеч. 1.

Когда Цезарь сообщает, что Помпей в сражении при Фарсале имел в своем войске 2 000 evocati, которых он распределил по всей боевой линии, то это число надо считать преувеличенным; но здесь слово evocati очень близко подходит к моему вышеприведенному определению. Evocati не были теми старыми солдатами, которые во II в. являлись основой каждой манипулы; это была избранная кучка, не несшая обязанностей обычной службы, но в период сражений становившаяся в строй. В сражении при Тапсе мы видим около Цезаря не только легатов, но и evocati, требующих, чтобы он начинал сражение. Октавиан, создав для себя из 10 000 старых солдат личную стражу (лейб-гвардию) [1], прибег, очевидно, к этому маневру для того, чтобы побудить ветеранов поступить снова на службу, но при условии призвать их к оружию не на обычную легионерскую службу, если на то дадут согласие имевшие привилегии.

Все те места, где упоминается в старых источниках об evocati, собраны у Марквардта (II, 387) и у Фрелиха (в труде «Kriegswesen Cäsars», стр. 42), где evocati определяются также как «штабная охрана».

3. В трактате Г. Фейта «Die Taktik d. Kohortenlegion» (Klio, т. 7, 1907, стр. 303) и в труде «Antike Schlachtfelder» (III, 701) полемика, предпринятая против меня, построена в своих положительных заключениях на недоразумениях и противоречиях. Автор объясняет (стр. 312), что связный длинный фронт очень неудобен и является, повидимому, противоположностью эластичной тактической единицы. Излишне это доказывать, так как я был того же мнения, указывая, как ценны и важны промежутки между манипулами и когортами. Вся разница состоит в следующем: я считаю, что в момент столкновения в начале боя маленькие интервалы заполняются людьми из тех же манипул, стоящими позади, а в большие интервалы вдвигаются целые подразделения (центурии, манипулы, когорты) из второго эшелона. Фейт же предполагает, что для удобства маневрирования большие интервалы между когортами оставались незаполненными и во время боя. В то же время Фейт сам (стр. 328) утверждает, что большие интервалы опасно оставлять незаполненными, что распоряжаться войсками, находящимися в схватке, невозможно (стр. 324) и что (стр. 328, примеч.) чем ближе окончание боя, тем больше интервалы заполняются (благодаря тому, что выдвигаются воины из задних рядов), и фронт делается все более сплошным.

Не требуется особых размышлений, чтобы понять, что Фейт считает нужным для решительного боя то, что вообще нужно в бою: сплошной фронт. Если же при сражении фронт имеет пробелы, то противник, у которого фронт сомкнут, имеет возможность атаковать сразу и с фронта и с флангов. Не надо воображать, что противник остается в бездействии, очутившись перед интервалом. Находящийся во второй линии эшелон не может помешать вторжению противника, так как раньше, чем помощь подоспеет, уже произойдет физическое и моральное воздействие; а запоздалая помощь не принесет пользы, так как ворвавшийся неприятель сможет оказать сопротивление. Крайние же ряды могут обойти с фланга части противника, производящие фронтальный удар, и атаковать их сбоку, т. е. с правой незащищенной стороны, остающейся при таком нападении неприкрытой. Фейт считает, что и проникшие в интервалы войска тоже подвержены нападению с трех сторон. Каким образом? Разве атакующие с фронта не могут сразу, игнорируя противника, повернуться в сторону? Имеется большая разница между тем, когда противник вторгается в боевой порядок и попадает между неприятельскими частями, и тем, когда отряд обойден с обеих сторон. В первом случае противник стремится вперед и подталкивается частями, находящимися позади; во втором — отряд сдавливается противником и в самый короткий срок побеждается. Прав

[1] Аппиан, bell. civ., III, 40.

Фейт, когда утверждает, что внедрение противника в добровольно оставленный интервал менее опасно, чем когда неприятель создает этот интервал, обращая отряд в бегство. Это само собой разумеется, так как это уже является частичной победой. Тем более правильно мнение, что при столкновении двух неприятельских боевых линий с обнаженным оружием интервалы представляют большую опасность и могут стать роковыми. Если же помощь, которую оказывает второй эшелон, приходит вовремя, то интервал заполняется, т. е. фронт приходит снова в то состояние, о котором Фейт говорит, что оно невыгодно! При этом автор всегда ссылается на то, что он опытный военный!

Чтобы защитить свою теорию, Фейт утверждает (стр. 313), что, когда отряды при наступлении занимают территорию, то они не в состоянии в момент столкновения выравнять фронт и заполнить промежутки. Не понимаю, почему нельзя,—надо только представить себе, что на незначительной дистанции за первым эшелоном следует второй, за вторым — третий. Понятно, что самой важной задачей легата, для которого Фейт не находит дела во время сражения, является заполнять при наступлении интервалы в первом эшелоне людьми того же эшелона, а в случае освобождения какого-либо отряда из второго и даже из третьего эшелона заполнять ими промежутки.

В подтверждение своей теории Фейт, конечно, не ссылается на какие-либо источники. Все, повидимому, основано на постоянном смешении им интервалов при подходе к противнику с интервалами во время боя. Когда автор для решения нашей задачи приводит бои, описываемые Цезарем (V, 15 и V, 34), то он упускает из виду, что в рассказах Цезаря идет речь о неорганизованных сражениях.

Я повторяю: я присоединяюсь к мнению Фейта, что между манипулами и соответственно когортами интервалы были и должны были быть, чтобы дать возможность командирам управлять тактическими единицами армий. И Фейт того мнения, что во время рукопашной схватки невозможно распоряжаться войсками. В том случае, когда Фейт благодаря трудам Полибия (XV, 15, 7) приходит к заключению, что интервалы вообще были, — он прав; но когда Фейт уверяет, что интервалы были и во время рукопашных схваток, то его заключение неправильно.

Примечания к 3-му изданию.

4. По общему мнению, римская гражданская конница со Второй пунической войны распалась и была пополнена наемниками-варварами. Зольтау в своем труде («Zeitschr. f. öster. Gymnasien», т. 22, 1911, стр. 385, 481, 577) доказывает, что здесь надо различать следующее: гражданская конница как самостоятельный род войск состояла из чужих наемников; но продолжали существовать в небольшом масштабе кавалерийские части, заполняемые сыновьями римских сенаторов и состоятельных граждан и служившие для охраны штаба, выделявшие ординарцев и т. п. (ср. ниже, часть VII, гл. I, 3).

5. Труд Элера (Oehler Neue Forschungen zur Schlacht bei Muthul, «Jahresh. d. öster. archäol. Instituts», т. XII, стр. 327, 1909 и т. XIII, 257) дает описание боя, из которого я заключаю, что источники не сообщают ничего, имеющего историческую ценность.

6. В вопросе о нагрузке римского воина я присоединяюсь к Стоффелю. Подробнее я остановился на нем во II томе моего труда (часть IV, гл. 4), где я говорю о ленной системе. Стоффель не считает возможным, чтобы легионер носил на себе запас провианта на 16 или даже на 30 дней. После того появилось в печати исследование Штолле «Римский легионер и его нагрузка» (Stoll, Der römische Legionär und sein Gepäck, Страсбург 1914), где он снова доказывает, что 30-дневный запас надо считать неправильным, а 16-дневный, судя по источникам, можно допустить, но не в виде исключения и не так, чтобы тяжесть ежедневно уменьшалась, а как явление обыденное. Он снижает вес потому, что среди мучных запасов находятся сухари.

Штолле составил следующую таблицу:

Хлеб, сухари, пшеница	11,369 кг
Мясо	1,910 „
Сыр	0,436 „
Соль	0,327 „
Вино или лимонад	0,327 „
Итого съестных припасов	14,369 кг
Утварь	5,278 „
Инструменты	7,149 „
Итого снаряжения и продовольствия	26,796 кг
Наименьший вес для оружия	14,463 „
Общая нагрузка	41,259 кг

Штолле не отрицает, что подобная нагрузка является слишком большой тяжестью для солдата, но он говорит, что римляне совершали короткие однодневные переходы (ср. ниже — часть VII, гл. 3, конец).

Допустим, что бывали случаи, когда воина нагружали тяжестью в 41,25 кг или даже больше, но мы рассматриваем обычную норму. В моем исследовании во II томе, с которым, к сожалению, незнаком Штолле, разъяснено, как мешает нагрузка в 31 кг передвижениям. Неужели римляне лишали свое войско возможности совершать более длинные переходы,—скажем в 15 км,— для того, чтобы сэкономить 300 вьючных животных для каждого легиона? Приводимые цитаты Цицерона и Аммиана недостаточны для того, чтобы уверовать в эти цифры, потому что первый находится под подозрением как писатель, прибегавший к преувеличениям, и второй потому, что в его время уже давно не существовало дисциплинированного войска; всадники же варвары меньше всего любили отягощать себя багажом. Свидетельства того времени после падения Севера недостаточно ценны. Уже ко времени Римской республики дисциплина так упала, что легионеры позволяли себе иметь частным образом слугу или вьючное животное для багажа (Саллюстий, bell. Jugurth., 45, 2; Плутарх, Марий, гл. 13). Свидетельство Цицерона и Аммиана тем меньше имеет успеха, что находится в противоречии с заявлением Иосифа Флавия (B. У., III, 5, 5), по которому солдат имел при себе всего на 3 дня провианта. Этого свидетельства Штолле не должен игнорировать, если он даже и опровергает это толкование. Но и 3-дневный запас провианта можно считать порядочной нагрузкой для легионера.

Глава III

Центурионы

Представителем нового римского солдатского сословия надо считать центурионов. По существу все изменилось в строении римского войска, начиная от полководца и кончая самым обыкновенным солдатом или обозным, причем все члены войска одинаково важны, но центурионы являются в этом новом строении чем-то специфически римским. И полководцы, и старшие командиры Рима походили на полководцев и старших командиров других народов, их солдаты существенно не отличались от других наемников; центурионы же представляют собой особое явление.

До сих пор не удалось составить точную картину социальной структуры римского народа в последнем столетии существования республики. Мы ясно различаем аристократию, усвоившую греческую образованность, владевшую громадными богатствами и имевшую всю власть в государстве благодаря занимаемым в сенате постам. Она не имела характера замкнутой касты; крупному таланту, вышедшему из народа, нетрудно было проникнуть в правящие сферы, быть там принятым и занять большое положение. Но приток таких людей был невелик; дух правящего сословия оптиматов был духом наследственной аристократии. Так же отчетливо знаем мы о существовании богатого торгового сословия, не допускаемого к высоким сенатским должностям и питающего политическую ревность к оптиматам (аристократическая партия). Со времени деления на имущественные классы эти торговые люди называются всадниками,— наименование, относящееся к сословию и переводимое обыкновенно словом «рыцарь». Употребляя этот термин, необходимо всегда иметь в виду и указывать, что он не должен никого вводить в заблуждение [1].

Наконец, на противоположном конце общественной лестницы стоят городской и сельский пролетариат, мелкие граждане и мелкие крестьяне.

Самым туманным для нас является положение социальных слоев, находящихся посредине между обоими концами этой общественной лестницы. Насколько многочисленны, как образовались, какое экономическое положение занимали и какой степенью культуры обладали те социальные слои, которые мы теперь именуем средним сословием? Эта средняя часть свободного народонаселения вследствие существования института рабства была еще более пестра, чем категории граждан, стоявших на высшей и низшей ступенях социальной лестницы, а потому в наше время этот слой населения трудно сравнивать с каким-либо сословием. Но как бы то ни было и что бы нам ни показали будущие исследования, теперь мы должны установить, что рассматриваемый слой населения был социально слаб и в армии, о которой мы говорили, не занимал никакого места.

Наемная армия всегда до некоторой степени способствует такому явлению: либо она вообще не имеет определенного социального типа, либо верхние и низшие слои общества объединяются в ней, средний же слой, больший или меньший по численности, выпадает. Строгое разграничение между офицерскими и солдатскими слоями, которое наблюдается в современных армиях (до 1914 г.) и которого еще не существовало в Элладе, появляется сначала у римлян, но, конечно, в другом наслоении, чем в настоящее время в Германии. Корпус офицеров, в современном смысле, состоял в Риме только из генералов (legati) и штабных офицеров (tribuni militum). Эти последние были молодыми людьми, посвятившими себя военной карьере; они принадлежали к аристократическим семьям оптиматов или всадников, посвятивших себя военной службе. В общем их военные качества не были высоки, но их воспитание и образование вносили все-таки много ценного в их профессию, и если среди них попадался человек со специфически военными способностями, то он со временем

[1] Феодальный термин «рыцарь» даже mutatis mutandis не может быть применен к условиям социального быта рабовладельческой эпохи. В нашей исторической литературе для обозначения римского «eques» всюду применяется термин «всадник». — Ред.

мог достигнуть командных высот и стать способным военачальником. Правильное соотношение между высшим командным составом и частями войск вырабатывалось постепенно; легаты получали командование легионом на основании особого приказа так же, как и трибуны когортами. Трибуны наблюдали в определенном доставшемся по жребию округе за устройством и чистотой лагеря, за караульной службой, несли судейские обязанности и применяли наивысшее наказание [1].

Людьми совершенно другого типа (в противоположность этим аристократам) были центурионы, соответствующие нашим младшим командирам. Они были простого происхождения и набирались из низших, необразованных слоев населения. Жалование их равнялось двойному солдатскому; Цезарь увеличил его и вместо 120 денариев (90 марок=44 зол. руб.) они стали получать 225 денариев (165 марок= =77 зол. руб.) в год. Итак, центурионы соответствовали нашему рангу унтер-офицеров, но по возложенным на них обязанностям — нашим капитанам (ротным командирам). Они насаждают дисциплину, в их руках власть над манипулами, над низшими чинами.

Полибий ясно говорит (VI, 24), что при выборе центуриона играла роль не только его храбрость, но, в особенности, умение командовать и твердо действовать («стойкость и душевная твердость»).

Их облик станет нам яснее всего при сравнении с нашими фельдфебелями. Самую близкую аналогию можно провести между ними и французскими капитанами, произведенными из унтер-офицеров, с той только разницей, что последние после своего производства попадают в высший слой офицерства, воспринимая от них многие свойства этой среды; центурион же оставался социально тем, чем был и раньше, ввиду чего его сословие вырабатывает и сохраняет своеобразный колорит. Он горд сознанием своей деловитости, но сам не претендует на принадлежность к правящим классам. Центурион — римский патриот, он храбр и строг, но его кругозор узок; он нуждается в высшем руководстве и сознает это. Согласно традиции, он может конституционно избирать и быть избранным на пост магистрата или в сенат, авторитету которого он подчиняется. Но чем меньше он чувствует себя гражданином, считая себя только солдатом, тем больше исчезает из его сознания авторитет конституции; он заменяет ее авторитетом полководца, который в такой же мере был создан из старых конституционных норм.

Близкое сходство с завоевавшим мир римским войском представляет собой английская армия XVIII в. В ней высшее офицерство принадлежало к аристократии и начинало свою карьеру после короткого обучения с должности штабного офицера. Веллингтон был в 24 года подполковником. Все войско — навербованное, и в нем поддерживается строжайшая дисциплина; но в основе оно состоит из англичан. Чужие народности, взятые для пополнения армии, образуют особые отряды. Разница между английской и римской армиями заключается

---

[1] По Полибию (VI, 34). Можно было полагать, что соответственно 10 когортам в легионе было и 10 трибунов; но даже в императорскую эпоху было только 6 трибунов; по Вегецию (II, 12): «когортами командовали трибуны или начальники». Противоречие между тем, что когорта являлась тактической единицей, а действительным командиром ее был центурион, объясняется тем, что армия возникла из гражданского ополчения. Трибуны еще долго сохраняют тип начальников, тогда как центурионы сделались простыми солдатами.

в составе низшей корпорации офицеров: в Англии она состоит из обедневшего дворянства и высшей буржуазии, причем строго отделяется от унтер-офицерства; римский же центурион исполнял функции обоих этих классов вместе.

Мы удивительно мало осведомлены об унтер-офицерах, которые так же, как и ефрейторы, именовались principales (важнейшие). Самым важным унтер-офицером был optio (выборный), который, собственно, не нес строевой службы, но управлял и заведывал письменными сношениями [1]. Начальники отделений называются decani, а впоследствии caput contubernii [2], но о них не упоминается нигде в военных рассказах. Управление ротой принадлежит центуриону, и хотя его центурия меньше немецкой роты, однако, все же состоит из 100 чел. Но надо принять во внимание, что солдаты, если не идет речь о новых легионах, все — опытные старые служаки, а потому ни обучать, ни формировать их не требовалось, а нужно было лишь поддерживать дисциплину.

Наряду с optio упоминаются еще tesserarius, державший пароль, и signifer, носивший знамя. Какого рода службу несли они как представители солдат, мы не знаем [3].

Вторая пуническая война дала Риму кадровую армию, которая официально оставалась еще гражданским ополчением, причем этот переход из ополчения в кадровую армию продолжался довольно долго.

Промежуточная стадия между гражданским и профессиональным войском отличается тем, что в II в. во вновь образованных легионах, каждому командиру в отдельности было определено его место; понятие о постепенном чинопроизводстве еще отсутствовало. Правда, у центурионов имелись еще ранги: второй центурион десятой манипулы часто был низшим, первый центурион первой манипулы триариев был старшим и назывался primus pilus (примипил), но эти чины не имели длительного характера. Консулы и трибуны, которые постоянно чередовались, занимали при новых формированиях свои посты только по новым приказам полномочной власти. Пока легионы имели еще гражданский характер, такой порядок назначений не являлся особой помехой, и консул подчинялся ежегодно другому лицу; у афинян гражданин мог быть полководцем, а в следующем году простым солдатом. Но римские центурионы относились к этим понижениям, которые часто зависели от каприза, по-солдатски. Как-то раз они подняли даже возмущение. Рассказ Ливия (XLII, 33 и сл.) по этому поводу настолько ярко обрисовывает римское государство, а также образ жизни и образ мыслей центурионов, что я привожу его здесь дословно.

Когда была решена (в 171 г.) война против Персея Македонского, сенат приказал призвать как можно больше старых центурионов, многие же из них явились добровольно. 23 примипила обратились к народным трибунам с требованием назначить их на старые посты, раз их уже мобилизовали. Ввиду того что каждому легиону нужен был только

[1] Ср. Марквардт, II, 545; Фест (стр. 198) говорит: он занял место старинного accensus (причисленного, прикомандированного),; на стр. 184: центурион выбрал его для себя «личным секретарем» (rerum privatarum ministrum).

[2] Вегеций, II, 7.

[3] Во времена царей приводится еще много наименований уполномоченных, которые у нас известны под именем ефрейторов или унтер-офицеров, несущих административные обязанности. I. H. Drake, The principales of the early empire, 1905 г. и теперь Домашевский, Порядок рангов в римском войске, 1908.

один примипил, а имелось в виду сформировать вначале и впоследствии еще 4 резервных легиона, то удовлетворить требование примипилов было невозможно. Повидимому, таким путем рассчитывали сократить набор. Но самое интересное для нас в этом инциденте представляет рассказ сам по себе. Он гласит следующее.

Набор производился консулами тщательнее, чем обыкновенно. Лициний призвал много старых солдат и центурионов, но многие явились и добровольно, так как знали, насколько разбогатели те, кто участвовал в войнах против Македонии и в Азии против Антиоха. Ввиду того что военные трибуны, которые были когда-то сами центурионами, призывали по своему усмотрению, 23 примипила апеллировали к народным трибунам. Двое из них — Марк Фульвий Нобилиор и Марк Клавдий Марцелл — отослали их к консулам, которые имели право решать, так как им был поручен набор и на них было возложено ведение войны. Остальные народные трибуны обещали центурионам расследовать, на каком основании их призвали, и если тут произошла несправедливость, оказать своим согражданам помощь.

Дело это разбиралось перед народными трибунами, куда явились старый консул Марк Попилий, призванный в качестве защитника, консул и центурионы. Как только консул потребовал, чтобы дело разбиралось в народном собрании, сейчас же был собран народ. Вместо центурионов говорил Марк Попилий; бывший 2 года назад консулом: «Воины, выслужившие свое время, здоровье которых ослабело от возраста и понесенных трудов, не отказались все-таки послужить на общую пользу, но они не могут позволить, чтобы их назначили на должность ниже той, какую они занимали в период их службы».

Консул Публий Лициний приказал прочитать сенатские решения, — сначала первое, где сенат объявляет войну Персею, а затем второе, где сенат приказывает призвать как можно больше центурионов, причем не разрешает освобождать от службы ни одного моложе 50 лет. Затем сенат обращается с просьбой, ввиду предстоящей близкой войны, не мешать военным трибунам при производстве набора и не противодействовать консулам при назначении каждому воину той должности, на которой он сможет принести республике наибольшую пользу.

После того как консул кончил говорить, Спурий Лигустин, один из призванных народными трибунами, просит у консула разрешения обратиться с речью к народу. С общего разрешения начал он говорить: «Граждане, я, Спурий Лигустин, родом из страны Сабинов, из округа, находящегося в долине Сабинских гор; отец оставил мне в наследство участок земли [1] и маленькую хижину, где я родился, где меня воспитали и где я живу и поныне. Когда я вырос, отец дал мне в жены дочь его брата, не принесшую с собою ничего, кроме свободы, целомудрия и такой плодовитости, которой было бы достаточно и для богатого дома. У нас 6 сыновей и 2 дочери; обе уже замужем. Четыре сына уже облачены в мужские тоги, двое носят еще детские одеяния. Я стал солдатом при консулах Публии Сульпиции и Кае Аврелии. Я сражался против царя Филиппа в том войске, которое переправили в Македонию и где я был 2 года простым солдатом; на третий год Тит Фламиний дал мне за храбрость командование над десятой манипулой гастатов. Так как нас после покорения Македонии и Филиппа переправили в Италию и распустили по домам, я тотчас явился

[1] В оригинале — «einen Morgen Landes», что составляет около ¼ га. — Ред.

добровольцем к консулу Марку Порцию Катону. Не было более зоркого наблюдателя и ценителя храбрости среди живущих поныне полководцев, чем он; об этом знают все, кто наблюдал его и других начальников во время военной службы. Этот полководец нашел меня достойным командовать первой центурией гастатов. В третий раз я пошел добровольцем в войско, посланное против царя Антиоха. Маний Ацилий передал мне первое место центуриона у принципов. После победы над Антиохом и этолянами нас переправили в Италию, и затем я еще 2 раза служил в легионах, где служба продолжалась один год. Служил я еще 2 раза в Испании, — 1 раз при Квинте Фульвии Флакке и затем при Тиберии Семпронии Гракхе. Флакк взял на свой триумф меня и еще одного взятого им за храбрость из наместничества; Тиберий Семпроний Гракх просил меня итти с ним в наместничество. 4 раза я был примипилом, 34 раза был я за храбрость награжден полководцами; я получил 6 гражданских венков.

Я провел 22 года на военной службе, а мне больше 50 лет. Если бы я не окончил всего срока службы и возраст не освобождал бы меня, то и в таком случае меня освободили бы, так как я могу вместо себя дать 4 солдат. Но это я говорю о себе; и теперь бы я сам никогда не отказался быть солдатом, пока хоть один формирующий войско нашел бы меня годным. Военные трибуны знают, какого места я достоин; я старался, чтобы никто в войске не превзошел меня храбростью, и я всегда исполнял то, что и другие, находившиеся вместе со мной на войне. Об этом могут свидетельствовать мои военачальники. Так и вы, товарищи, если вы уже благодаря призыву воспользовались своими правами, должны добровольно подчиниться. Вы, которые, будучи юношами, никогда не оспаривали авторитета сената и начальства, и теперь должны правомочному сенату и консулам подчиниться и считать почетными все должности, на которых вы принесете пользу общественному делу».

После такой речи консул Публий Лициний осыпал его похвалами и повел из собрания в сенат. И здесь он удостоился благодарности, а военные трибуны дали ему, с согласия сената, за храбрость командование над первой манипулой первого легиона. Остальные центурионы отвели свою апелляцию и покорно приняли назначенные им должности.

Необъяснимо в этом рассказе, почему Лигустин, ратовавший вначале так горячо за центурионов, восстал против их требований потом. Это совпадение заставляет подозревать Лигустина в неискренности. Произошло ли это событие так или несколько иначе, но речь Лигустина, мнимая или действительная, выражает отношение римской правящей знати к институту центурионов.

Глава IV

Митридат

Борьба партий, отпадение союзников и гражданская, потрясшая всю Италию война, казалось, грозили распадом Римской мировой державе, не успевшей еще окончательно сформироваться. Это дало смелость каппадокийскому царю восстать против Рима, чтобы отвоевать у него греческий восток и подчинить последний своей власти.

Митридат был по происхождению перс,— возможно, что он состоял в родстве с ахеменидским царским родом; по образованию и поступкам он был грек,—настоящий продукт слияния народов, произошедшего благодаря Александру Великому. Умной и твердой политикой ему удалось расширить границы своего царства до берега Черного моря, и греки, доведенные до отчаяния управлением и поборами римских чиновников, примкнули к нему в большой своей части, в том числе и афиняне.

Римское государство казалось совершенно потрясенным. Митридат собрал силы своих территорий под свою единую власть. В хозяйственном и финансовом отношениях Восток, без сомнения, превосходил Запад; эллинство, как и римская эмиграция, в изобилии предоставляло в распоряжение понтийского царя военные и политические таланты и умственные силы своей интеллигенции. Казалось поэтому, что Митридат, будучи и сам бесспорно значительною личностью, мог устоять против Рима.

И все-таки он был побежден. Греки только частично перешли на его сторону; некоторые государства,— как, например, Родос и Македония,— остались верны Риму, а база, на которую опиралась римская власть, была шире и более военизирована, чем у Митридата. Хотя греки и доставляли ему полководцев и наемников, он мог еще производить вербовку не только среди своих подданных, но и среди воинственных варваров, насколько позволяли ему это его средства. Но ему недоставало того, что теперь являлось силой Рима: сословия солдат с пониманием дисциплины на национально-политической основе, с сознанием своего римско-гражданского достоинства — римского центуриона. Римское государство, невзирая на все внутренние волнения, сохранило еще достаточно устойчивости, чтобы не распасться. Сулла— гениальная личность—стал во главе армии, и римское оружие победило. Как это победа досталась, мы подробностей не знаем, так как описания ее не имеют большей цены, чем аппиановские рассказы о сражениях с Ганнибалом или рассказы о войне с кимврами и тевтонами. Мемуары самого Суллы, которые приводят Плутарх и другие историки, вероятно, страдают хвастовством и не очень достоверны. В сражении при Херонее Сулла, имея 15 000 чел. пехоты и 1 500 конницы, одержал победу над войском азиатов в 120 000 или, по более скромным подсчетам, в 60 000 чел., предав из них смерти 100 000 или 50 000 и потеряв при этом сам всего 14 воинов, из которых двое впоследствии нашлись. Вероятно, все это сражение — плод фантазии и относится к нападению, которое Сулла почти там же на месте, при Орхомене, через некоторое время отразил, имея перед собой противника — тоже азиата — с 70 000 или 80 000 войском, которое Митридат вместе с 10 000 конницы послал на кораблях при известии о первом по-

ражении. (Один из источников повествует приблизительно то же самое) [1].

Впоследствии войско Митридата достигло 500 000 чел. Возможно, что римляне не только качественно, но и количественно имели перевес. Само собой разумеется, что Митридат был настолько умен, чтобы не выводить на поле сражения массы, которые требовали питания и не могли ничего дать взамен. Содержать же способных наемников много лет на военном положении слишком дорого,— тем более, что Митридат имел не только сухопутное войско, но и флот. Сулла явился с войском в 30 000 чел. и начал прежде всего осаждать Афины. Кажется невероятным, что большое царское войско, стоявшее в Македонии, не сделало попыток выручить город, защищавшийся очень упорно. Объясняется это тем, что громадная армия существовала лишь в фантазии наших источников, в действительности же она представляла собою небольшое войско, не решавшееся до прибытия подкрепления напасть на Рим. Говорить о подробностях войны на основании подобных источников не имеет смысла для нас [2].

Отметим только, как похожи один на другой рассказы о войне Мария против кимвров и тевтонов и о войне Суллы против Митридата. В большей своей части они тождественны. И в первом и во втором случаях солдаты впадают в панику при виде такой массы неприятеля; в обоих случаях изображается, каким гамом и криком наполняют они воздух и издеваются над римлянами. Марий приказывает войскам рыть канал, чтобы закалить их; Сулла заставляет отвести воды Кефисса для того, чтобы войско предпочитало сражаться. Солдаты Мария требуют сражения после того, как они освоились с внешностью варваров; солдаты Суллы требуют сражения после того, как они устали от рытья. Почему Архелай, полководец Митридата, не напал на римлян во время рытья канала, так же необъяснимо, как и бездеятельность Мария, разрешавшего тевтонам проходить в течение 6 дней мимо его лагеря и не воспользовавшегося случаем разбивать ежедневно шестую часть их войск.

Когда кимвры были разбиты и бежали в свой лагерь, жены встречали их с топорами и многих убивали; когда азиаты бежали, Архелай приказал закрыть ворота лагеря, чтобы принудить их снова вступить в бой,— и тут эту беспомощно стиснутую массу римляне искромсали. Чтобы усилить впечатление, кимврским женам дается время облачиться в траурные одежды. Солдаты Митридата были так увешаны серебром и золотом, что ужас римских солдат еще более увеличивался при этом зрелище. Римлянами был побежден противник, превосходивший их не только численностью, но и храбростью. Кимвры сковали цепью всю первую шеренгу, а стрелки Митридата защищаются в последний миг стрелами, употребляя их вместо мечей.

Однотипность рассказов основана не на подражании, а на психологии. Чтобы усилить впечатление от славных подвигов, рассказчики затемняют основные исторические моменты и при разных полковод-

[1] По Мемнону, который тоже не упоминает о втором сражении. «Fragm. Hist. Graec. ed. Carolus Müller», III, 542.

Кромайер («Античные поля сражений», т. II) пытается придать сражению при Херонее организованный характер, что, судя по источникам, так же невероятно, как и утверждение того же автора о сражении при Магнезии.

[2] То, что большая часть войска рассеялась для производства грабежей, не служит доказательством, так как если остаток войска был слабее римского, почему, спрашивается, Сулла не воспользовался случаем и не предпринял нападения?

цах в разных войнах выдвигают общие типы и картины, решительно похожие одни на другие; иногда только различаешь, что тут идет речь о грубом солдате Марии, там — об изнеженном аристократе Сулле; тут — о грубых сынах Севера, там — об азиатском царе Митридате.

Та же психология отражается и в швейцарских рассказах о Бургундских войнах, — с теми же сценами и отличительными чертами, как в греческих рассказах о Персидских войнах. Вся разница состоит в том, что здесь мы имеем дело с народной фантазией, которая, несмотря на то, что свободно прикрашивает и преобразовывает обстановку, сама достаточно заинтересована в том, чтобы все же не совсем затемнить подлинные события. Римские же рассказы о победах Мария и Суллы являются продуктами скудной фантазии чванливых ораторов, относившихся совершенно равнодушно к событиям.

Передача событий о походах, где Лукулл и Помпей после возобновления войны побеждают сначала Митридата, а потом Тиграна, царя Армении, носит тот же характер и не представляет для нас никакой ценности [1]. Царь Армении, произнесший при виде римского войска знаменитую фразу: «Для посольства — много, для войска — мало», владел сам очень незначительным государством, — гористым, с небольшим народонаселением, выставлявшим небольшое войско, — да и вообще армянам редко приписывались воинственные наклонности.

Глава V

Римляне и парфяне [2]

Продолжением войны с Митридатом и Тиграном можно считать поход наместника Сирии Красса против парфян.

Парфяне являются народом, родственным персам, и их способ сражаться совершенно однороден с персидским. Их войско состояло из конницы и стрелков из лука; но наряду со стрелками конница была вооружена и холодным оружием, т. е. копьями.

Римское войско состояло из 7 легионов, 4 000 конницы и 4 000 чел. легкой пехоты; это составляет значительную массу, но так как легионы были не вполне укомплектованы, то надо считать, что в общем они состояли только из 36 000 чел. В войске Александра насчитывалось 47 000 чел., и, кроме того, оно было лучше приспособлено для предстоящего боя, чем римское: оно насчитывало 7 000 всадников, а римское — только 4 000; сколько среди македонской пехоты было легких отрядов, точно установить нельзя.

Подробные описания этого римского похода, хотя и носящие анекдотический характер, имеются у Плутарха о Крассе и один рассказ у Диона Кассия. С некоторой долей правдоподобности можно извлечь из них кое-что существенное.

Куда Красс намеревался совершить свой последний поход, точно не указано; возможно в Селевкию. Парфяне не ожидали римлян за

[1] K. Eckhardt, Die armenischen Feldzüge des Lucullus. Berliner Dissert. 1909 (Klio, IX и X). Военно-критические суждения недостаточно обоснованы, с чем соглашается и Гребе («Нем. лит. газ.» 1910, № 47).

[2] Все изменения в этой главе основаны на тщательной работе Френсиса Смитса («Hist. Zeitschrift», 115, 1916).

Тигром, а пошли им навстречу, к Месопотамской равнине, где и столкнулись с ними после нескольких переходов. Парфянам удалось завлечь в засаду и уничтожить часть римской конницы, бывшей под начальством молодого Красса, сына полководца, отличившегося в Галлии у Цезаря и прибывшего на помощь отцу с тысячью галльских всадников. Римское войско не в состоянии было продолжать наступление и повернуло обратно; если мы сравним его положение с положением 10 000 греков после сражения при Кунаксе, то оно покажется нам еще не очень угрожающим. Конные стрелки из лука не могли особенно сильно противостоять сомкнутой и хорошо вооруженной для стрельбы пехоте. Жуткие описания наших источников об ужасных нападениях парфян, имевших в резерве целые караваны стрел, не должны нас вводить в заблуждение относительно того, что эти конные лучники не те, которых мы встречали в древней истории Греко-персидских войн. У римлян было еще много легких отрядов, которые в пешем строю стреляли более метко, чем парфяне с лошадей, причем оставалась еще конница, которая могла делать вылазки, если неприятель находился на близком расстоянии.

Кроме того, о парфянах, так же как и о персах, сообщается, что они с вечера отходили далеко от неприятеля, чтобы не подвергнуться ночному нападению, и, таким образом, давали возможность римлянам совершать беспрепятственно ночные переходы. Отступление, совершенное римлянами, продолжалось недолго; оно несравненно короче, чем отступление 10 000 греков. Столкновение римлян с парфянами произошло южнее Карр, на юго-восток от Эдессы, на расстоянии 10 миль от Евфрата [1].

Если все-таки греки сумели уйти от противника, а римляне при отступлении были почти уничтожены, то причину надо искать не в особой храбрости парфян, так как и персы отличались храбростью. Да и численностью парфяне не превосходили тех персов. Источники придают большое значение предательству одного из правивших в этой местности князей. Какой вред причинил он римлянам, кроме подачи сознательно фальшивого совета и бегства со своим войском с поля сражения, они не указывают. Как раз при гибели римской конницы о нем не упоминается, так что нельзя приписывать поражение римлян этому предательству. Я скорее приписываю его тому, что они так же, как и персы однажды при Тиссаферне, не считали нужным проливать свою кровь для уничтожения греческого войска; они находили, что греки, вторгшиеся в долину Кардухских гор, все равно погибнут, и если при этом кардухи пожертвуют собой, тем лучше для персов. Парфяне должны были приложить все старания для того, чтобы не только отбросить римлян, но и воспрепятствовать их возвращению, и если им это удалось, то причину надо искать в слишком большой численности римлян. Греков, по Ксенофонту, было 13 000 чел., а со всеми наемниками — не больше 20 000, причем они не имели большого конного парка и обоза; римляне даже после поражения конницы насчитывали 30 000 воинов, очень большой обоз и конные колонны, в общем, вероятно, 50 000—70 000 чел. Эта масса не могла оторваться от противника быстрыми, особенно ночными, переходами, которые помогали грекам.

Добравшись до Карр, римляне разделили войска и выступили снова в поход; один корпус с полководцем во главе двинулся не к Евфрату

[1] Regling, Crassus Partherkrieg, Klio, т. VII, 1907.

на запад, а на север, чтобы укрыться в горах Армении; но положение ухудшилось вследствие начавшейся деморализации войска. Конечная катастрофа наступила не во время общего боя, а в результате того, что Красс по слабости вступил в личные переговоры, вызвавшие недоразумения и подозрения, а, может быть, и потому, что парфяне умышленно совершили предательство, которое погубило его.

Два легиона, образованные из остатков армии Красса, приняли участие под начальством Помпея в сражении при Фарсале против Цезаря.

АНТОНИЙ

К описанию поражения Красса присоединим обзор похода Антония, который он предпринял 17 лет спустя (в 36 г.), чтобы отомстить за позор при Каррах. Он, повидимому, очень тщательно подготовился к походу. Его войско было вдвое больше, чем у Красса [1]; оно насчитывало 10 000 всадников и было обеспечено пращниками, которые наносили поражение своими камнями на большем расстоянии, чем парфяне своими стрелами, и даже пробивали панцыри [2]. Антоний перешел Евфрат у того же места, где и Красс (у Зевгмы), и направился по той же дороге (там когда-то и Александр проходил) с запада на восток, где Армяно-Кардухские горы переходят в равнину, в том направлении, где расположены или были расположены города Эдесса — Нисибис и Тиграноцерта. Парфяне не посмели атаковать это войско; Антоний перешел Тигр и ворвался, сохраняя направление на восток, в Мидию (Атропатену), бывшую вассальным государством Парфии под управлением царя Артвасда. Здесь должен был к нему присоединиться со вспомогательным войском находившийся в союзе с Римом армянский царь, носивший тоже имя Артавасда. Очевидно, им был составлен такой план, чтобы, базируясь на Армению, перетянуть Мидию с парфянской на римскую сторону. Мы задаемся вопросом, отчего он не перешел по Евфрату вниз в плодородную Среднюю Месопотамию, где большой греческий город Селевкия ожидал римлян как освободителей. Ктезифон (предместье Селевкии) была резиденцией парфянских царей; ведь если бы удалось изгнать их оттуда, это можно было бы считать большой победой. Ответ заключается в том, что для большого войска продолжать наступление через горы в Парфию было нелегко. А если бы удалось привлечь к союзу Мидию, то парфяне должны были бы все равно отдать Месопотамию, и тогда римляне были бы обеспечены базой для ведения дальнейшей войны. Антоний направился по дороге к главному городу Мидии Фрааспе, — вероятно, теперь именующемуся Тахти-Сулейман,— в 42 милях восточнее Гавгамелы, куда царь Артавасд укрыл свою семью и сокровища. Римляне рассчитывали, что, если бы они захватили этот город, Артавасд, которому Антоний предложил бы выгодные условия, присоединился бы к Риму так же, как и его армянский тезка. Чтобы закончить осаду в самый короткий срок, римляне привезли с собой таран, так как в данной местности не было толстых деревьев. Эти машины, которые можно было продвигать очень медленно, были привезены под

[1] По Гартхаузену, II, 1, 150, прим. 6, указания относительно численности римского войска колебались между 13 и 18 легионами. К этому должны быть добавлены армянские вспомогательные войска.

[2] По Диону, 49, 26.

прикрытием 2 легионов. Антоний шел во главе всей массы войска, чтобы прибыть скорее к неприятельской твердыне и организовать осаду.

Но на следовавший за ним обоз, находившийся под начальством Оппия Статия, было произведено парфянами нападение, причем осадные машины были разрушены. При каких обстоятельствах это произошло, мы не знаем, но, вероятно, этого не случилось бы, если бы римский полководец не совершил каких-либо тактических ошибок. Длинный обоз не мог быть защищен 2 легионами против парфянской конницы, и этот натиск парфян с юга надо было предвидеть ввиду того, что римляне совершали фланговый марш. Нельзя себе представить, чтобы Антоний не обеспечил обоза конницей, которая должна была бы во-время заметить приближение парфян и донести об этом. В таком случае римляне успели бы устроить укрепленный лагерь, где могли бы защищаться от неприятельской конницы до прибытия Антония. Но чья бы ни была вина в недосмотре, в результате этого поражения планы похода Антония были сорваны в своем основании,— тем более, что армянский царь Артавасд, испугавшись, вернулся обратно в свое государство, чтобы защищать его и спасти себя.

Антоний нашел в себе еще достаточно упорства, чтобы продолжать осаждать Фраасну импровизированными машинами; он прошел еще дальше вглубь страны в надежде вызвать парфян на бой. Почему Антоний не подразделил на части свое все еще мощное войско, которому парфяне не смели противиться? Окружность города Тахти-Сулейман равна 1 330 шагам; достаточно было бы незначительного корпуса, чтобы блокировать эту крепость и продолжать осаду. Устройством циркумвалационной линии он мог защитить себя от парфянских стрелков, главные же силы направить в Экбатану или в Гирканию. Но все же этими мероприятиями, вероятно, ничего не было бы достигнуто. Все зависело от того, удалось ли бы отнять Атропатену у парфян или нет. Имея подходящую базу, можно было бы продолжать войну, а без нее продвигаться в неприятельскую страну было бы опасно. После блестящей победы парфян над Оппием Статием, занятие Фраасны могло бы еще побудить царя Атропатены перейти на сторону Антония. Но Антонию пришлось пережить следующее: во время одного из его выступлений осажденные сделали удачную вылазку и сожгли плотину, подводившую к крепости; полководец в гневе присудил 2 когорты к самому тяжкому наказанию — к децимированию (казнь каждого десятого солдата) за то, что они недостаточно хорошо сражались. Когда он увидел, что в окрестностях нельзя добывать съестные припасы, а на сдачу крепости надежды нет, ему пришлось назначить отступление.

Антоний свернул на другую дорогу не потому, что его войско стало менее боеспособным, а потому, что на прежнем пути он не мог рассчитывать на получение съестных припасов. Вместо того, чтобы итти Месопотамской равниной, он направил путь на север, в горы, через всю Армению, где союзный царь должен был прокормить войско [1]. При отступлении парфяне причиняли ему существенный вред: хотя римляне и побеждали их в настоящем бою и прогоняли их, но войско все же морально разлагалось, так что Антоний считал удобнее выступать из лагеря не утром [2], а в полдень, чтобы иметь возможно больше времени вечером для совершения безопасного перехода.

[1] По Плутарху, Антоний, гл. 49, конец; Дион, 49, 31.
[2] Так надо понимать Фронтина: «Strateg.», II, 13, 7.

Походы Красса и Антония заставляют нас оглянуться назад. Мы еще вернемся к ним, когда будем в следующем томе разбирать, почему Месопотамия осталась на границе римского государства и ни один полководец Рима не повторил похода Александра.

Еще раз зададим здесь вопрос, как это было возможно, что царь маленькой Македонии завоевал Азию до Инда, а римское войско, гораздо более многочисленное, погибло? Одной гениальности Александра недостаточно для объяснения этого факта. Военное искусство Запада настолько развилось благодаря римской когортной тактике, а военное дело у римлян было настолько основательнее поставлено, чем у македонян, что одна только личность сама по себе не могла всего этого возместить.

Стратегическая основа похода Антония имеет еще больше сходства с походом Александра на Гавгамелу, чем это кажется с первого взгляда. Разбив Красса, парфяне через некоторое время снова перешли к агрессивным действиям, но были, наконец, разбиты в Северной Сирии легатом Антония. Это поражение можно сравнить с поражением при Иссе: провинции, которыми Дарий еще повелевал после Иссы, образовали Парфянское государство царя Фраата IV, против которого выступил Антоний. Римляне, как мы видели, продвигались по Верхней Месопотамии почти тем же путем, как и Александр, и перешли Тигр в той же местности, как и последний, не имея до этого времени сражений так же, как и Александр. Что произошло бы, если бы Дарий — вместо того, чтобы принять сражение, — уклонился от него, как Фраат, и ограничился бы защитой своих укрепленных мест, лишив македонян возможности добывать съестные припасы?

Чтобы провести этот стратегический план, народ и государство должны обладать большой силой сопротивления. Даже после поражения при Гавгамеле персы, как и парфяне, могли еще защищаться; но все большие города, — как Вавилон, Персеполь, Экбатана, — открыли македонянам ворота без сопротивления; властители даже приглашали их к себе, и вскоре царь-беглец был одним из своих сатрапов лишен трона и убит. Дарий Кодоман сам происходил из семьи Ахеменидов по побочной линии и сел на трон благодаря дворцовому перевороту, которому предшествовали многие другие волнения. Эта внутренняя слабость персидского царства не должна быть упущена из виду при оценке несравнимых ни с чем успехов Александра. Азия в лице парфянского царства протестовала против эллинско-македонского владычества; но это не было чистым варварством, — наоборот, оно известным образом принимало эллинскую культуру: в день победы при Каррах при дворе парфянского царя ставили греческую трагедию Эврипида.

Когда Антиох III расширил свое царство от Сирии до Индии (209 г.), ему не удалось подчинить себе парфян и бактров; он должен был оставить их полусвободными в вассальной от себя зависимости. Когда Антиох VII задумал восстановить великое Сирийское царство и победоносно проник в Мидию, солдаты его были размещены на зимние квартиры среди населения, которое обязано было их кормить, но которое напало на них и уничтожило всех (129 г. до н. э.). Александр Великий нигде не испытал такого сопротивления. Персидское царство, которое он разрушил, было велико, но внутренне бессильно. Этим замечанием мы так же не хотим уменьшить величие Александра, как не хотят снять лаврового венка с главы Наполеона,

когда говорят, что монархия Фридриха Великого была бессильна в 1806 г. Персия внутренне разлагалась ко времени македонского нападения. Эта бесспорная истина заставляет относиться к греческим рассказам о высокомерии и самоуверенности персидского двора с недоверием; принимая во внимание эту точку зрения, кажется невероятным, что Дарий смог создать два сильных войска одно за другим. Для того, чтобы создать запас продовольствия, нужна не только сильная государственная организация и твердое управление, но и добрая воля народа. Этого всего не было как раз в персидском царстве; ко всему этому мы можем присовокупить только еще один аргумент, что войско Дария было не только не больше, но даже численно меньше македонского.

О походе Антония я составил себе другое мнение, чем Гутшмидт (Gutschmidt, Geschichte Irans, 1888) и Гартхаузен (Gardthausen, Augustus und seine Zeit, 1891).

Надо принять во внимание, что все сообщения об этом походе мы черпаем из одного только источника, — из записок сопровождавшего Антония Деллия. Один историк извлекал из этих записок один материал, другой — иной и придавал этому походу субъективную окраску. Плутарх отнесся благосклонно к Антонию; Дион и следующие за Ливием мелкие латинские авторы — враждебно (Гутшмидт, стр. 97, примеч. 3). Но суть в том, что Деллий, хотя и хорошо осведомленный о всех внешних событиях, не понимал внутреннего соотношения их или не знал. Его занимали сплетни о полководце, который забывал военные обязанности из-за любви к Клеопатре, или рассказы о том, что лошади парфян испугались бряцанья оружия в римских легионах и потому парфяне предались бегству. Когда Антоний собирался начать отступление, как раз в это время появляется мудрый человек, служивший в войске Красса, пробывший 17 лет в плену у парфян, и поучает римского полководца, указывая, что парфянская конница менее опасна в горах, чем на равнине. Чтобы укрыться от парфянских стрел, римляне сооружали крышу из щитов; парфяне считали это признаком поражения римлян, но последние набрасывались снова на них. Все эти истории, — так же как и все цифры о парфянском войске, — можно вычеркнуть.

О походе Антония Гартхаузен (II, 11, 153) говорит: «Мы не представляем себе дороги, по которой он шел, но и не можем в ней сомневаться, раз источники указывают, что Антоний шел через Армению». Но ведь Армения, как и Аравия, слишком неопределенный географический термин, чтобы на основании этих нескольких слов в рассказе приписать такому полководцу, как Антоний, такие неразумные действия, — тем более, если принять к сведению, что, по Плутарху (Антоний, гл. 37), Антоний из Зевгмы шел через «Аравию и Армению». Почему он избегал равнины? Ведь он был настолько во всеоружии, что мог дать парфянам сражение и стремиться к нему.

Гартхаузен сам (I, 1, 295) выводит заключение, что Антоний, перейдя у Зевгмы Евфрат, шел через Осроэну и Мигдонию к Тигру и дальше южнее озера Урмия. Это — прямая линия, ведущая в дальнейшем к Фрааспе. Армению сюда нельзя включить; либо она отпадает, либо под Арменией надо подразумевать обширную территорию, которая включает в себя Верхнюю Месопотамию.

Но с этим не совпадает то обстоятельство, что Антоний хотел с севера проникнуть в Парфию; это вообще находится в противоречии с указанием (по Гартхаузену, I, 1, 295), что он шел к югу от озера Урмия.

Надо также отбросить утверждение, что Антоний удивил парфян направлением, которое он взял для своего похода; это был самый обыкновенный путь, и приближение такого громадного войска нельзя было не заметить, а потому царю Фраату не требовалось прилагать старания, чтобы во-время узнать о нем.

Отступление сопровождалось трудностями и потерями, но так как римляне располагали еще прекрасными пращниками и конницей, то парфяне не могли причинить им особого ущерба.

Описание страданий и опасностей, которым он подвергался, — так же, как и отчаяние полководца, — являются лишь риторическими преувеличениями.

Примечание ко 2-му изданию.

Исследование Кромайера об этом походе («Hermes», т. 31, 1896) при составлении предыдущего текста было мне незнакомо. Но я и теперь не могу к нему присоединиться и считаю его в самом важном пункте неправильным. Кромайер думает, что Антоний считал свое войско, собранное им при Зевгме, недостаточно сильным, чтобы сразиться с парфянами на Месопотамской равнине, а потому сделал громадный круг, взяв направление на север, через Армению. Он полагает, что Антоний имел намерение укрыться в горах и по пути найти подкрепление у Красса, который сражался на Кавказе во главе римского войска за год до этого похода, и, кроме того, привлечь к себе армянское войско царя Артавасда. Ссылка на источник, который он берет для этого похода, неудачна. Да и по существу невероятно, чтобы Антоний (даже если несколько войсковых частей не примкнуло к нему), имевший в своем распоряжении громадное войско, избегал сражения с парфянами. Его легат Вентидий уже не раз побеждал парфян в больших сражениях в предыдущие годы, а Антоний имел не меньше 10 000 чел. кавалерии. Те 16 000 тяжеловооруженных всадников, которых должен был доставить римлянам Артавасд, конечно, являются выдумкой. Подкрепление, которое Антоний в своем северном направлении получил бы от Армении и, может быть, от Красса, было бы поглощено не в малой мере теми потерями в людях и материале, которые должны были бы произойти при походе через горную страну на протяжении 100 миль (ок. 700 км). Когда Кромайер утверждает, что и Цезарь хотел итти через Малую Армению, то он не принимает во внимание, что Цезарь шел из Рима, а войско Антония из Сирии, и что для Цезаря являлось прямым путем, то для Антония — большим крюком.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

ЦЕЗАРЬ

Глава I

Введение

МЫ РУКОВОДСТВОВАЛИСЬ до сих пор таким методом, что, оставляя в стороне хронологию, исследовали систематически в каждом сражении отдельно тактику данной эпохи, чтобы выработать определенное о ней мнение и, исходя из этого, перейти к разбору стратегии. По отношению к Цезарю такой прием не нужен. Все те элементы, из которых состоит его искусство предводительствовать войском, нам знакомы; нам надо только показать, как, применяя его, он довел военное искусство древности до высшей точки его развития, вследствие чего его самого следует считать величайшим в этом смысле мастером древней эпохи.

Невзирая на то, что мы, благодаря личным произведениям Цезаря, очень обстоятельно осведомлены об его походах, мы все-таки имеем только односторонний отчет о событиях. Даже передача событий гражданской войны людьми из лагеря Помпея и сторонниками сената расплывчата и ничтожна по сравнению с широко освещающими события рассказами Цезаря и его приверженцев, а о германо-галльской войне у нас имеются только свидетельства победоносных римлян. Этого не надо забывать.

Нельзя сказать, чтобы критика этого не помнила, но она не могла ничего сделать: она была беспомощна; несмотря на то, что имеется обилие освещающих походы Цезаря произведений, критика еще недостаточно разобралась в них. Она не обладала средствами хорошо уразуметь великого полководца и не менее великого «собственного историка» и на основе его описаний проникнуть в суть вещей. Для этого нужно было иметь оружие, которое создавалось постепенно в длительной совместной работе; нужны были познания относительно организации и тактики войска, понимание технических выражений, географические и топографические исследования, статистические определения численности войск. Все эти предварительные условия теперь

уже настолько выполнены благодаря работе многих поколений филологов, археологов, историков и военных, благодаря путешествиям, раскопкам и методологическим сопоставлениям, что критика может отважиться вступить в бой с титаном, прямо посмотреть ему в глаза и заставить его раскрыть свою объективную сущность.

1. Из старых произведений о военных делах Цезаря можно считать самыми важными и поныне труды: В. Рюстова, «Военное дело и ведение войны Юлием Цезарем» (2-е изд. 1862 г.) и Авг. фон-Гелера, генерал-майора баденской службы, «Галльская война Цезаря и отдельные части его междоусобной войны» (2-е изд. фон-Гелера 1880 г.). Переработку всего материала,— руководствуясь тем, что есть по этому вопросу в новой литературе,— дает в своем труде «Военное дело Цезаря» Франц Фрелих (1889 и 1890 гг.). Некоторые выписки из этой книги,— правда, не очень существенные,— дает Фр. Кауер в «Histor. Zeitschr.», т. 64, стр. 123 и т. 66, стр. 288). Очень подробно полемизировал по поводу некоторых пунктов полк. Стоффель в «Revue de Philologie», т. XV (1891 г.).

Труд Наполеона III в двух томах о жизни Цезаря вместил только описание галльских войн и кончается переходом через Рубикон. Если он в литературном отношении и невысоко стоит, то научно можно им пользоваться; особенную ценность представляют собой вызванные этим трудом географические исследования, раскопки и опыты. Но гораздо выше стоит продолжение этого труда, составленное полк. Стоффелем: «История Юлия Цезаря, гражданская война» («Histoire de Jules César, guerre civile» par le colonel Stoffel), два тома большого формата, 1887 г. Полк. Стоффель, занимавший должность флигель-адъютанта императора, принимал участие в подготовительных работах к этому труду и продолжал над ним работать с 1866 до 1870 гг. во время своего пребывания в Берлине. Когда же военные события прервали его работу и ему, как и его императору, пришлось уйти от политической жизни, он снова возобновил свой труд в 1879 г. и закончил его; при этом он лично объезжал все театры военных действий и поля сражений, где участвовали в боях войска Цезаря. Стоффель — истинный ученый, которому несвойственна и тень дилетантизма; к тому же он и опытный военный. Если я, невзирая на это, расхожусь иногда с ним в мнениях, то эти разногласия основаны на том, что я отношусь скептически к рассказам Цезаря, подвергаю их критике и надеюсь доказать мою правоту, основываясь на статистике, которая Стоффелем игнорируется.

Кроме труда о гражданской войне Стоффелем еще выпущена в свет как дополнение к труду Наполеона III монография—и очень ценная—о двух первых походах в галльской войне («Guerre de César et d'Arioviste et premières opérations de César en l'an 72» par le colonel Stoffel, Париж, 1890, 164 стр.).

Раньше чем приступить к окончательной обработке настоящей главы, мне удалось заполучить в свои руки следующий труд: «Caesars conquest of Gaule, by T. Rice Holmes» («Победа Цезаря в Галлии», Лондон 1899, 845 стр.). Это настолько же научная, насколько и остроумная книга, в которой полемика сопровождается очаровательным юмором и которая соединяет в себе все, что с какой-либо точки зрения относится к галльским войнам. Я присоединяюсь к нему в вопросах оценки работ и взглядов Стоффеля. О моих с ним разногласиях, так же, как в отношении Стоффеля, я поговорю отдельно.

Помимо указанных выше трудов, я могу указать как на подходящую литературу, наряду с «Историей военного искусства» Иенса (Jähns), и на другой труд того же автора — очень обстоятельное исследование—«Cäsars Kommentarien und ihre literarische und kriegswissenschaftliche Folgewirkungen, VII прил. к «Milit. Wochenbl.» 1883, — книга, которой я обязан многими наблюдениями и цитатами.

В 1906 г. к литературе о Цезаре прибавилось и произведение лейтенанта Г. Фейта (G. Veit, Geschichte d. Feldzüge C. Julius Cäsars, Wien, L. W. Seidel und

Sohn). Насколько это произведение широко задумано, настолько же оно мало интересно в научном отношении. Автор представляет еще себе, что между римскими когортами оставляли интервалы, равные протяжению фронта когорты, и приводит для этого «доказательство» (стр. 48 и 486) из военного источника «Terminus technicus quincunx» — принадлежащего, однако, не Ливию, а Липсию (ср. критику Руд. Шнейдера в «Götting. Gel. Anz.» Jahrg. 169, стр. 419, июньская книга 1907 г.). Указание автора (стр. 483), что он «во всех существенных вопросах опирается на источники», основывается поэтому на самообмане не меньше, чем его мнение, что его профессия лейтенанта дает ему возможность подходить к военной истории в качестве специалиста.

2. При обсуждении некоторых отдельных вопросов и присущих древней эпохе особенностей военного искусства Цезаря немецкие читатели придерживаются взглядов книги Фрелиха (Fröhlich, 276 стр.). Так как я указываю на его труды, то и хочу некоторые пункты, где я присоединялся к Стоффелю и расхожусь с ним, разобрать здесь. Кроме упомянутой критики Стоффеля возьмем еще его труд «Remarques générales», который он присоединил к книге «Жизнь Цезаря».

Фрелих (стр. 9) сомневается, чтобы 13-й легион, с которым Цезарь перешел Рубикон, насчитывал, как сообщает Плутарх, 5 000 чел., ввиду того что он вел войну много лет и не получал никакого подкрепления. Стоффель же («Revue de Philologie», стр. 140) выводит справедливое заключение, что Цезарь, несомненно, пополнял свои легионы. Если нам и сообщается кое-где о добавлении (supplementum), которое не было обычно, а организовано (в. G. VII, 57) специально, то это надо отнести к переходным моментам. Если, невзирая на эту систему постепенного пополнения, старые и новые легионы были все-таки различны, то это объясняется тем, что, во-первых, из старых легионов не отпускали старых солдат, а сами легионы совершенно расформировывались, и затем, что во время сражений в древности число убитых было, как правило, ничтожно, разве только в случае сильного поражения, когда легко можно было уничтожить целые войсковые части. Следовательно, число ветеранов настолько превышало число молодых людей или, вернее, число молодых людей в старых легионах было так мало, что легко было отличить старые легионы от новых.

Стоффель все-таки считает, что каждый легион Цезаря был численно невелик, и отклоняет понятие о «нормальной численности легиона», которое надо считать в такой же мере правильным, как и понятие о «нормальной численности дивизии». Конечно, дивизия — это не то, что легион во времена Цезаря. Старый римский легион, имевший придаток из всадников и легковооруженных, можно еще,—поскольку в нем соединялись все роды войск,— сравнить с современной дивизией. Но при Цезаре этого давно уже не существовало: его легионы можно скорее сравнить с современной кавалерийской бригадой, так как по силе легион был равен ей, или же с пехотным полком, так как он имел самостоятельное хозяйство. Но все эти сравнения ни к чему не ведут. Самое существенное — это то, что по самой точной схеме легион состоял из 20 когорт, из которых в каждой было по 3 манипулы, а в каждой манипуле было по 2 центурии. Эти небольшие тактические единицы должны были иметь определенный численный состав. Обучение, продовольствие, устройство лагеря и рассылка приказов были бы немыслимы, если бы эти низшие тактические единицы не были приблизительно однородны. А если центурии и манипулы имели определенную численность, то ее имел и легион,— а цитаты, приведенные у Фрелиха, не оставляют сомнений в том, что легион насчитывал нормально 6 000 чел., когорта — 600 чел., манипула — 200 чел. и центурия — 100 чел.

Главное возражение, которое можно себе позволить против принятия этих цифр, будет отброшено при вычислении войсковых сил при Фарсальском сражении.

На стр. 17 Фрелих говорит, что центурионов можно сравнивать с современными фельдфебелями, а не с командирами рот. Это правильно, если принять во

внимание их социальное происхождение; по функциям же они равны нашим командирам рот, причем для истории Цезаря очень существенно, что в римском войске самые основные функции исполнялись «капитанами и командирами рот», принадлежавшими социально к группе унтер-офицерства.

На стр. 19 Фрелих дает очень низкую оценку воинским качествам военных трибунов Цезаря. В основе это правильно, но краски явно сгущены: по утверждению Rice Holmes (стр. 570) эти трибуны выполняли, как доказано, много важных обязанностей.

Стоффель говорит в своем труде «Guerre de César et d'Arioviste» (стр. 127), что легаты, бывшие раньше высшими офицерами и несшие обязанности при главнокомандующем, вошли в течение Галльской войны в более тесные отношения с легионами и в конце концов получили командование над ними; Хольмс (Holmes) возражает—и справедливо—против этого (стр. 568). Отношение легатов к отдельным частям войск осталось при Цезаре таким же, каким было и раньше в римском войске. Следовательно, и круг деятельности трибунов не был сужен Цезарем.

Относительно «antesignani», по Фрелиху (стр. 29), мы сделали указания выше, на стр. 231.

На стр. 38 Фрелих присоединяется к мнению Шамбаха (Schambach), что Цезарь так же, как и в древние времена, присоединял к каждому легиону определенную норму кавалерии. На мой взгляд выводы Шамбаха не очень доказательны. Но это не играет особенно важной роли. И Хольмс (стр. 583) отвергает взгляд Фрелиха.

На стр. 42 главу об evocati, согласно вышеприведенным на стр. 337 выводам, надо пополнить следующим пояснением: между evocati II в., — составлявшими многочисленную группу, бывшими просто солдатами сверхсрочной службы, — и rengagés I в.,—служившими в почетном отряде, который являлся охраной штаба полководца,—имеется разница, и их надо отличать друг от друга. Отсюда вытекает простое и ясное толкование главы, вызвавшей так много споров («bell. civil.», III, 91, по R. Menge, «Berl. Philol. Wochenschr.», 1890, стр. 273). Глава гласит: «Крастин был сверхсрочным в войске Цезаря; он раньше командовал у него первой ротой триариев в X легионе. Человек необычно храбрый, он, подав знак, сказал: «Идите со мною, мои бывшие товарищи по роте; постарайтесь для вашего полководца, которого вы сами выбрали. Остается только одно это сражение; после него он восстановит свою честь, а мы вернем себе свободу». Посмотрев при этом на Цезаря, он сказал: «Я сделаю так, что ты меня сегодня будешь благодарить, живого или мертвого». После этих слов он первый бросился на врага с правого фланга, а за ним устремилось около 120 отборных бойцов—добровольцев из той же центурии».

Центурия, к которой Крастин обратился с речью, состояла из evocati и была штабной, стоявшей на правом фланге. Во время гражданской войны Цезарь, как мы предполагаем, произвел всех давно служивших, главным образом, из X легиона, в primipilus. Ввиду того, что Крастин был примипилом в этом легионе, они (evocati) почти все находились в его манипуле, и он мог к ним обратиться с речью как к своим бывшим сотоварищам по манипуле. Как evocati это были воины, выслужившие свой срок, но поступившие добровольцами в армию только на время данной войны и признавшие Цезаря своим полководцем. По окончании же войны они освобождались от службы и становились свободными людьми.

На стр. 72 Фрелих считает, что легионеры носили панцырь и при окопных работах. Стоффель это справедливо опровергает («Revue de Philol.», p. 142), так же как и указание Фрелиха (стр. 75 и 127), что каждый солдат носил на себе запас муки на 16 дней.

Относительно передвижения римлян, по Фрелиху (стр. 104 и 200), ср. ниже, гл. 3.

Нельзя также присоединиться к взгляду Фрелиха (стр. 105), что легионеры были вооружены и луком; приводимые им цитаты не служат доказательством этого.

Стоффель (стр. 121) говорит, что имеется упоминание о метательном копье, снабженном amentum (метательным ремнем). Метательное копье никогда не бросалось посредством amentum. Последний употребляется только для легких снарядов.

Расстояния (дистанции) между башнями на контрвалационной линии вокруг Алесии равнялись 80 футам. Фрелих (стр. 145) применяет эти дистанции к протяжению фронта манипулы. Стоффель же берет для протяжения линии фронта расстояние, равное дальности полета римских метательных снарядов.

На стр. 169 Фрелих приводит заимствованные у Вегеция неправильные сведения о cuneus, о чем я буду говорить в следующем томе.

На стр. 183 Фрелих толкует маневр, который Цезарь применил к седьмому и двенадцатому легионам в сражении с нервиями, таким образом, как будто легионы сражались, будучи поставлены спиной друг к другу. Правильнее понял этот маневр Гизинг: последние шеренги обоих легионов были повернуты кругом («N. Jahrb. f. Philol.», т. 45, 1892, стр. 493).

3. Конница Цезаря следовало бы посвятить отдельную главу, — или, правильнее, наряду с описанием развития тактики в пехоте надо было бы параллельно привести и историю развития кавалерии. Уже начиная с Персидских войн при Филиппе и Александре, так же как и в эпоху Ганнибала, конница в римском войске имела большое значение и часто играла решающую роль. В пехоте мы наблюдали органическое развитие тактических форм; разве нельзя установить что-либо подобное и в кавалерии?

Здесь идет, главным образом, речь о разрешении двух вопросов: в какой мере древние применяли шок, т. е. удар (атаку) сомкнутым строем на быстром аллюре? И как мы должны представлять себе смешанный бой конницы совместно с легковооруженными?

Несмотря на имеющуюся тщательно разработанную монографию Шамбаха («Die Reiterei bei Cäsar», «Progr. Mühlhausen», 1881) и труд Фрелиха (кн. III, гл. 5), в этом вопросе еще много неясного. Мы не приступим сейчас к его исследованию, а отложим его до тех пор, пока последующие эпохи не дадут нам достаточно материала для сравнения.

Глава II

Поход против гельветов

Мы предполагаем, что рассказ Цезаря о его походе против гельветов всем известен, а потому подвергнем критике лишь все несообразности, пробелы и противоречия, которые мы в нем находим.

Гельветы решили, по Цезарю, переселиться с женами, детьми и всем имуществом, чтобы овладеть Галлией (I, 30, 3). Их собственная страна казалась им мала.

Оставим в стороне ошибочные указания Цезаря относительно величины территории гельветов, но спросим, каким образом можно согласовать мотив, который Цезарь приписывает переселенцам, со способом его выполнения. Если гельветы желали подчинить себе галлов, то для этого не требовалось выступать с женами, детьми, очагами и домашним скарбом; наоборот, это только стеснило бы их во время военных действий.

Страна, которую гельветы облюбовали, находилась между Ля-Рошель и устьем Жиронды у Атлантического океана. Эта страна непригодна для того, чтобы отсюда завоевывать Галлию, и еще менее — для того, чтобы, — если уже искать во время переселения новые места, —

бросить из-за нее целому народу прекрасную местность, в которой он до тех пор обитал. Допустим, что гельветы действительно задались целью, вместо того чтобы расширить свою территорию по соседству, переселиться к океану и прогнать или уничтожить жившие там народы. Такой план и сам по себе трудно было бы привести в исполнение, а осуществить его одновременно с подчинением всех остальных народов Галлии было невозможно. Комбинация тем менее допустимая, что Галлия, — как мы, правда, узнаем это не в связи с этим переселением, но от самого Цезаря, — имела над собой владыку, а именно — германского князя Ариовиста, который покорил галлов и заставил их давать ему заложников и платить дань. Мы не можем точно определить, как далеко простиралось владычество Ариовиста. Иногда получается впечатление, что он подчинил себе только секванов и эдуев и подчиненные им племена. Однако, далее мы узнаем, что послы почти всей Галлии (гл. 30) просят Цезаря о помощи против Ариовиста. Во всяком случае, если бы гельветы и задумали подчинить себе Галлию, они должны были бы первым долгом считаться и столкнуться с Ариовистом. Между тем об этом Цезарь ни одним словом не упоминает. В продолжение всего рассказа о гельветской войне нет упоминания об Ариовисте, — как будто бы его и не существовало.

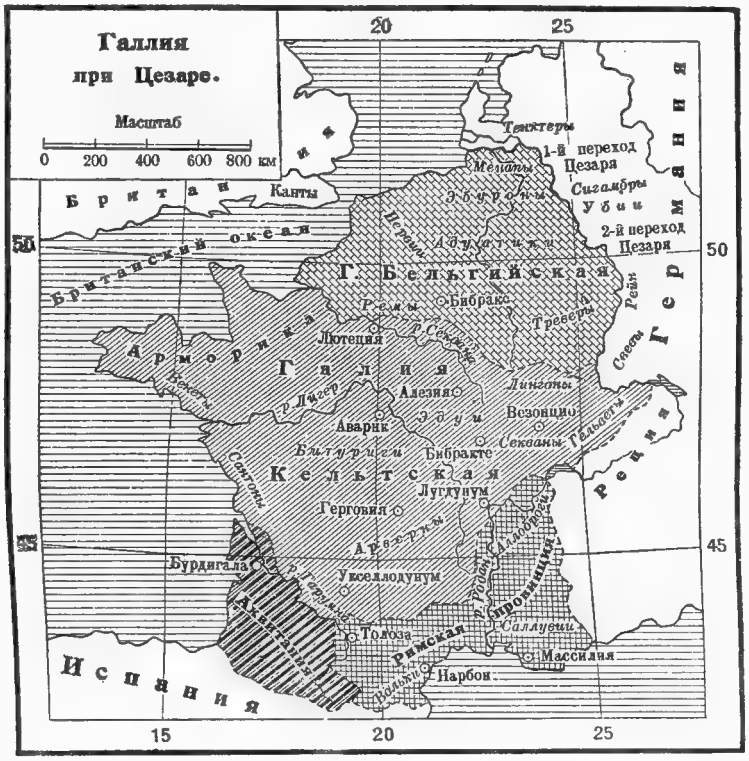
К тем приготовлениям, какие делались гельветами для своей великой завоевательной войны, относится также заключение мирных и дружественных союзов с соседними государствами. Спрашивается, с какими? Находившиеся на западе государства принадлежали к тем, которые надо было подчинить; на севере находился Ариовист; восток вообще отпадает; юг принадлежал Риму. Оставалось только два пути, говорит Цезарь, по которым гельветы могли уйти из своей страны: либо по северному берегу Роны через страны секванов, либо по южному берегу, перейдя у Женевы через римскую Провинцию. Надо к этому добавить, что все эти пути надо брать в том случае, «если они хотели итти по направлению к владениям сантонов», так как в общем у гельветов, если бы они пожелали завоевать Галлию, были еще дороги через Юру или севернее Юры.

Хотя, по Цезарю, гельветы уже в течение двух лет делали приготовления к этому походу и о нем, вероятно, всюду было известно, но римляне не только не были осведомлены относительно предполагавшегося перехода через их Провинцию, но и не проявляли никакой озабоченности. В этой угрожаемой пограничной области имелись до прибытия Цезаря только два легиона. Цезарь хитростью выиграл время и быстро соорудил оборонительную линию укреплений длиною в 4 мили (ок. 28 км) от Женевы до форта Эклюз, где Рону можно было в нескольких местах перейти вброд, и разместил там солдат своего легиона и призванных поголовного ополчения.

Гельветы будто бы тщетно пытались прорвать эту линию.

Это утверждение мы возьмем под сомнение. Гельветы были народом воинственным; если войско их и не состояло из 92 000 чел., то, как мы увидим далее, было все же значительным. Ополчение, набранное Цезарем, не имело большой ценности в военном отношении. Как можно было силами одного легиона защитить линию в 4 мили? Это немыслимо с военной точки зрения. Если такую временно укрепленную линию длиною в 4 мили атаковать с трех сторон сразу, то она при всех обстоятельствах (тогда еще не было новейших современных орудий) будет прорвана, если только противник достаточно энергичен.

Цезарь утверждает, что после победы над гельветами были найдены в их лагере таблички, на которых было записано число душ каждого племени, что составило 368 000 чел. Так как мы можем приблизительно высчитать величину площади, которую гельветские племена занимали (18 000 км²), то получается невероятная плотность населения: 20 чел на 1 км². Белох вполне справедливо считает это невозможным [1]. Цезарь упоминает еще одну цифру: когда он отослал гельветов обратно в их страну, он велел устроить перепись населения, показавшую 110 000 чел. По рассказам Цезаря, потери в людях у гельветов во время их пере-



селения и в сражениях не были очень велики; поэтому Белох, исходя из указанной цифры, прибавил к потерям 40 000 душ и вычислил плотность населения в 7,5 чел. на 1 км².

Против этого заключения нельзя было ничего возразить, если бы можно было быть уверенным, что Цезарь действительно устроил эту перепись и что гельветы все поголовно ушли из страны. В таком случае (так как цифра в 40 000 чел. для потерь кажется преувеличенной) можно было бы назвать цифру, еще меньшую, чем у Белоха. Но, не будучи в основном уверенными в этом вопросе, к которому мы еще вернемся, мы пока опускаем этот вопрос. Однако, надо еще тверже установить, что в основной массе гельветов не было 368 000 душ; для этого у нас имеются некоторые возможности.

---

[1] Так считает Белох; Hubo («N. Jahrb. f. Philol.», т. 147, 1893, стр. 707) дает цифру в 25 000 и старается оправдать указания Цезаря, зачеркнув в его расчете одну сотню (одно С.).

Цезарь рассказывает, что в походе гельветов участвовало 368 000 чел. и что они взяли с собой продовольствия на 3 месяца. По приказанию Наполеона III было вычислено, что для перевозки одной только муки требовалось 6 000 повозок, запряженных четверткой; если считать на голову 15 кг груза, то надо прибавить еще 2 500 повозок. Растянутые по одной дороге 8 500 повозок, при условии, что каждая повозка занимает в глубину 15 м, займут 17 немецких миль (ок. 120 км)[1]. Здесь рассчитана тяжесть в 10 центнеров на каждое животное. Я убедился и представил доказательства (т. II, стр. 455 и 465), что для условий античного (древнего) времени эта цифра вдвое или втрое выше, чем она должна быть. Линия повозок заняла бы не 17, а приблизительно 40 немецких миль (ок. 280 км). На очень немногих дорогах Галлии того времени, как мы ее себе представляем, могли поместиться несколько повозок в ряд. Дисциплина, поддерживаемая в такой колонне, вероятно, была невелика; остановок и препятствий на пути тоже было немало; повозки были запряжены преимущественно быками. Такая колонна требует не менее 3—4 час. времени, чтобы пройти 1 милю (ок. 7 км). Даже в самый разгар лета, когда можно выступать в 3 часа утра и прибыть в лагерь в 9 часов вечера, — при условии, если весь дневной марш будет равен 1 миле, — его выполнить смогут только 2 500 повозок. В распоряжении колонны имеются всего 15 часов (с 3 часов утра до 6 часов вечера, когда последние повозки должны быть двинуты), так как каждые последующие 500 повозок могут быть двинуты только через 3 часа после отправления предыдущих. Если мы примем, что для прохождения 1 мили нужно 2 часа, то и тогда только 250 повозок смогут отходить каждый час, считая 16 часов в сутки для марша (с 3 часов утра до 7 часов вечера); и тогда можно было бы продвинуть на 1 милю вперед только 4 000 повозок [2]. Но ведь колонна состоит (о чем Наполеон не упоминает) не только из повозок, но и из массы мужчин, женщин и детей, а кроме того, в ней имеются рабочий скот, молодняк и птица.

По рассказу Цезаря, гельветы, сократившиеся численно [3], вследствие того, что тигурины покинули их около р. Соны, прошли в течение 15 дней расстояние от места их переправы (в 2—4 милях севернее Лиона, около Трэву или Монмерля) до окрестности Бибракта (у Autun). Это составляет 14—16 миль (ок. 100 км) по воздушной линии, так что ежедневно они проделывали 1,25—1,5 мили. Дорога шла сначала по широкой долине р. Соны, затем по горным дорогам Мон-дю-Маконэ и Мон-дю-Шароле, где повозки могли, вероятно, двигаться только по одной в ряд. Если часть повозок с провиантом была уже свободна от поклажи, то они, вероятно, их утилизировали; повозки представляют ценность, их всегда можно заполнить добычей и новым провиантом. Ввиду того что вся эта обозная колонна продвигалась по неприя-

---

[1] Так вычисляет и Клаузевиц (X, 66). Подходящее сравнение можно найти в книге о войнах Альбрехта фон-Бранденбург у Иенса (Jähns, Gesch. d. Kriegsw., I, 521).

[2] Транспорт, предоставленный прусской армии при Ольмюце в 1758 г., насчитывал почти 4 000 повозок, запряженных преимущественно четверкой, и равнялся по глубине колонны двухдневному переходу («Gen.-St.-Werk.», т. VII, стр. 93).

[3] Здесь идет речь не о целой четверти, как это часто указывается; та четверть, о которой говорит Цезарь, относится только к гельветам в более узком смысле: союзники уже переправились, и Цезарь не говорит, что и эта четвертая часть еще находилась здесь, когда он атаковал их, — это было тогда, когда их наблюдали его лазутчики. Ср. Стоффель, Война Цезаря и Ариовиста, стр. 75.

тельской стране, нельзя было высылать детей и жен вперед на расстояние однодневного перехода и неудобно было расчленять колонну. По описаниям Цезаря, несомненно, вся эта масса продвигалась сразу, держась вместе; из этого следует, что не может быть и речи о том, что первоначальная группа состояла из 368 000 чел. Даже если сократить эту колонну, состоявшую из повозок, людей и скота, на половину, на четверть, на восьмую, то и тогда она казалась бы слишком длинной, чтобы иметь возможность продвигаться по одной дороге одним эшелоном. Следовательно, подсчеты Цезаря, — так же как и Геродота относительно Ксеркса, — надо не сократить, а просто отвергнуть.

Пока Цезарь стягивал из Верхней Италии еще 6 легионов, из которых два нового набора, гельветы перевалили через Юру и переправились через р. Сону выше г. Лиона. После того как Цезарь атаковал и рассеял при переправе их арьергард, остальная часть пошла вверх по реке к северу.

Цезарь не объясняет причины, почему они выбрали именно это направление. Они шли, как он говорит, к сантонам; т. е. на запад. Эту недомолвку различным образом объясняли Моммсен, Гелер и Наполеон III; они думали, что Цезарь оттеснил гельветов с их пути, а Наполеон III прибавляет еще и то соображение, что по Роне лежат неприступные горы; даже в XIX в. почта из Лиона в Ля-Рошель шла через Отэн (Autun) и Нэвер (Nevers).

Но этого объяснения недостаточно. По общему мнению, Цезарь находился в стране сегузиавов у Лиона, в углу между рр. Роной и Соной, где он с 3 легионами атаковал гельветов при переправе через Сону около Трэву — Вильфранш. Три остальных легиона он оставил позади. Если допустить, что последние остались на правом берегу Соны, то все же они не в состоянии были отрезать гельветам путь на юг в Провинцию или на запад в горы. Два легиона из трех были только что сформированы из вновь призванных рекрут; никогда римляне не двинули бы их в бой против гельветов. Последние, вероятно, не нашли бы ничего лучшего для себя, как атаковать часть войска так же, как Цезарь это сделал накануне с их войском.

Вероятно, на другом берегу войска вообще не было, а если и было, то оно находилось за укреплениями, из-за которых и не выдвигалось [1]. Легионы же, бывшие под командованием самого Цезаря, гельветы, вероятно, опередили на день, пока Цезарь сооружал мост через Сону. Горы на западе, вероятно, очень отвесны, но не непроходимы, как уверял Наполеон III.

Биаль (Bial, Chemins de la Gaule, стр. 289 и сл.) думает, что имелись дороги, по которым можно было перейти через Севенны; а Мессиа (Maissiat, Jules César en Gaule, I, 349) доказывает, что по берегу р. Изары, устье которой находится у Трэву — Вильфранш, можно легко перейти Севенны, а для спуска в долину Луары имеются не одна, но три побочных долины (через Шофайль, Тарар, Сент-Фуа). Этот путь имел

---

1 Если бы Мессиа был прав, говоря, что сегузиавы и себузианы — два разных народа и что последние жили на юге от Юры, севернее Роны, то Цезарь сообразно этому не имел бы лагеря у Лиона, а пошел бы из форта Эклюз через Бур-о-Бресс; Лабиену с 3 легионами во время сражения на Соне он велел бы подождать его одним переходом дальше в восточном направлении, вверх по реке. Тогда гельветы могли бы от Монмерля, где они были атакованы, отойти свободно к западу или юго-западу.

двойное преимущество: гельветы могли у истоков перейти рр. Луару и Аллье, причем получали возможность уклониться от римского нападения. А дойдя до горы, им легко было уже задержать небольшим арьергардом натиск римлян. Вместо этого они предпочли пойти по широкой долине р. Соны, где Цезарь мог легко опередить их тяжеловесный отряд. Укрылись они только позже в горах, а, кроме того, должны были еще переправляться через широкие потоки.

Даже если мы допустим, что гельветы, задержавшись с переходом к отступлению, дали Цезарю время отойти вниз по Соне и закрыть, таким образом, вход в долину р. Азерги, все-таки остается невыясненным, почему они не спустились прямо с Мон-дю-Шароле в долину р. Луары и не перешли у Бриенона или Дигуэна. Наконец, мы точно можем установить, что Цезарь сам не ожидал ничего другого, как того, что гельветы пойдут вдоль по реке, а потому он, как мы узнаем после, приказал продовольствие подвезти на кораблях; о повозках он не позаботился.

Итак, мы справедливо сомневаемся в серьезном намерении гельветов перейти в страну сантонов.

Когда Цезарь отказался дать разрешение гельветам на переход через Провинцию, эдуйский князь Думнорикс дружественно позволил им пройти через страну секванов. Отсюда гельветы попали в страну эдуев, — вероятно, судя по предыдущему, им дружественную. Но они сами оказались врагами эдуям: они опустошили страну, а потому эдуи принуждены были призвать римлян на помощь. Здесь, вероятно, произошли события, о которых Цезарь умалчивает.

После частичного поражения на Соне, рассказывает Цезарь, гельветы предложили мир и дали согласие переселиться в ту страну, которую им укажет Цезарь. Переговоры были прерваны потому, что гельветы не желали оставлять заложников, которых требовал Цезарь. Неужели Цезарь не дал ответа на их главный вопрос? Вероятно, он сказал: «Ввиду того что вы обещаете переселиться в ту страну, которую я вам укажу, я и избираю вашу старую страну, куда и требую вашего возвращения». Так как этого ответа не имеется, то все переговоры и все, что находится в связи с ними, кажутся очень сомнительными.

В каком направлении ушли гельветы, об этом Цезарь точно не говорит; мы можем только сами вывести заключение из того, что, по словам Цезаря, на р. Соне провиантом запастись он не мог, так как гельветы, за которыми он следовал, свернули с берега реки, и что, наконец, сражение произошло вблизи Бибракта (Мон-Беврей), в 20 км к западу от Отэна. Цезарь пытался обойти гельветов, чтобы атаковать их с двух сторон, но попытка эта случайно не удалась, и он повернул по направлению к Бибракту. Он принужден был так поступить, говорит он, ради продовольствия, обещанного ему эдуями, когда они обратились к нему за помощью против гельветов, но которого они ему все-таки не доставили. Его уклонение в сторону вызвало сражение: гельветы увидели в этом со стороны римлян страх перед ними или желание отрезать их от продовольствия, а потому перешли в наступление.

Можем ли мы действительно поверить тому, что гельветы в повороте римлян в сторону усмотрели страх перед сражением и что они, незадолго перед тем хотевшие принять из рук Цезаря новую родину и проведшие в походе 15 дней подряд, чтобы уйти от него, вдруг так

воспрянули духом, что повернули за ним и напали на него? Что касается другого мотива, вызвавшего нападение, — отрезать римлян от продовольствия, — то как его понять? Хотели ли гельветы отрезать Цезаря от его операционной линии и базы? Но для этого не требовалось ни наступления, ни сражения. Или, может быть, они хотели отрезать его от Бибракта? Отрезать от продовольствия и дать сражение — два понятия, несовместимые здесь: если бы гельветы победили, то римлянам не потребовалось бы продовольствия; если же они были бы побеждены римлянами, то последних невозможно было бы отрезать от продовольственной базы. Почему гельветы все время находились в походе? Если они пробирались в страну сантонов, то надо предположить, что они шли в северо-западном направлении и были так близко к Луаре, что могли, — ввиду того что римляне повернули на восток, — беспрепятственно продвигаться дальше. Если же они хотели отомстить за поражение на Соне, то почему только теперь? Почему они не заняли удобной оборонительной позиции и не ждали нападения римлян?

Незначительные сообщения и отдельные заметки, которые мы имеем об этом походе у римских писателей, ничего не объясняют. Мы находились бы в безнадежном положении, если бы должны были черпать наши сведения только из одного рассказа, где истина, — очевидно, умышленно, — скрывается от нас сплошь и рядом, но по которому мы все-таки хотим нарисовать правдивую картину событий. Однако, нельзя же и отбросить рассказ Цезаря, не поставив на его место какой-либо другой. Просто же повторять его рассказ не следует, — это общеизвестно. Наполеон I выразился однажды [1], что поход гельветов просто необъясним; даже те историки, которые вполне доверяют Цезарю, находят нужным добавлять и исправлять его произведения во многих местах. Моммсен присоединяет еще один повод для переселения гельветов, а именно — страх перед Ариовистом, что не вяжется с желанием приобрести гегемонию над Галлией. Цезарь уверяет совершенно противоположное (как будто Ариовиста и не существовало), что гельветы, окруженные горами и водными потоками, очень страдали от того, что не могли итти войной на соседей. Моммсен вообще не останавливается на переговорах о мире на р. Соне. Наполеон III рассматривает переселение и желание подчинить галлов как два самостоятельных плана и совершенно упускает из виду то, что гельветы во время мирных переговоров просили Цезаря указать им для переселения страну. Хольмс, наконец, — так же, как Моммсен, — считает, что гельветы были очень стеснены германцами и решили искать новую родину; что касается плана подчинения Галлии, то он усматривает в этом интригу князя Оргеторикса. Это как раз обратное тому, что нам рассказывает Цезарь. Но все эти поправки все-таки ни к чему не ведут. Нехватает объяснения: в какие отношения гельветы думали стать с Аривистом, подчинив себе Галлию? Невозможно защищать временно укрепленную позицию длиною в 4 мили (ок. 28 км), имея в своем распоряжении один только легион и ополчение. Нехватает еще объяснения причины отхода от берега Соны к северу и внезапного перехода к сражению. Надо осветить и пополнить все эти недочеты, чтобы нарисовать картину, если и не совсем точно объясняющую, то по меньшей мере имеющую преимущество быть приемлемой.

[1] Las Cases, Mem. de St. Hélène (Мемуары, написанные на о. св. Елены), II, 445.

Попробуем набросать следующий очерк.

Средняя Галлия находилась под властью германского князя Ариовиста [1]. Трудно было галлам нести это иго и платить ежегодную дань Князь эдуев Дивитиак обратился тайно к римлянам за помощью, — как нам рассказывает Цезарь не в первой, но в одной из последующих книг (VI, 12). Рим не склонен был оказывать помощь эдуям, а хотел, наоборот, сохранить хорошие отношения с Ариовистом — дать ему во время консульства самого Цезаря титул царя и почетное звание друга и союзника римского народа. Но эдуи не хотели отказаться от мысли об освобождении от ига. Другая партия эдуев под предводительством Думнорикса, брата Дивитиака, желала освободить Галлию силами самих же галлов [2]. Еще один мощный и воинственный народ в этой стране не был подчинен Ариовисту, и с ним-то они вступили в союз. Поднять восстание в надежде на подкрепление гельветов было невозможно, так как почти все знатные семьи эдуев, секванов и других народов были заложниками в руках Ариовиста. Спастись можно было только хитростью. Предводитель гельветов Оргеторикс предложил своему народу переселиться; может быть, он говорил при этом о перенаселенности или о том, что и они в скором времени должны будут, — так же как и другие галльские народы, — подчиниться германцам. Под предлогом переселения к океану, к сантонам [3], все военнообязанные гельветы очутились в стране эдуев, не вызвав подозрения у Ариовиста, и тут-то национальная партия эдуев решила с их помощью поднять всеобщее восстание против германцев. Конечно, жены и дети сопровождали гельветов в походе так же, как позднее войска ландскнехтов, а, может быть, еще и для того, чтобы замаскировать обман. Внезапная смерть Оргеторикса не задержала выполнения этого плана.

Обо всем этом Цезарь был осведомлен Дивитиаком и римской партией эдуев. Цезарь ни в коем случае не мог позволить осуществить этот план, так как он хотел, чтобы галлы не своими силами, а с помощью римлян освободились от германского ига и в благодарность за это взвалили на свои плечи римское. Запрос гельветов о разрешении пересечь римскую Провинцию был ему очень кстати, так как способствовал тому, чтобы усилить и двинуть войско к границе. Гельветы запросили Цезаря только для того, чтобы версия о их переселении к сантонам держалась как можно дольше. По этой же причине, получив отказ от Цезаря, они пошли по направлению к югу, чтобы после переправы через р. Сону выйти на дорогу к их настоящей цели, — к стране эдуев. Цезарь, пользуясь тем предлогом, что они нарушили границу, атаковал их арьергард при переходе через р. Сону. Тем вре-

[1] Бендер в своем труде «Достоверность рассказа Цезаря о войне с Ариовистом» («N. Korresp.-Bl. f. d. Gelehrtenschulen Würtembergs», 1894) доказывает, насколько преувеличены указания Цезаря о владычестве Ариовиста в Галлии; но что Ариовист властвовал над частью Средней Галлии, в этом не следует сомневаться.

[2] Эту мысль Цезарь высказывает устами Лиска (I, 17) так: лучше повиноваться другим галлам, чем римлянам, из чего можно заключить, что другие галлы уже свергли власть германцев.

[3] Очень остроумно объясняет нам О. Гиршфельд в своем труде «Аквитания во времена римлян» («Sitz.-Ber. d. Berl. Akad.», 1896, стр. 453), почему гельветы своею конечной целью избрали эту страну: весьма вероятно, что как гельветы, так и шедшие с ними бойи были в родстве с племенами, населявшими нижнюю часть Гаронны. Гиршфельд точно утверждает, что причину такого похода нелегко себе представить, но если мы пойдем дальше по этому пути догадок, то согласимся с вышеприведенной гипотезой.

менем римская партия среди эдуев, подкрепленная, вероятно, римским золотом, взяла верх в своей стране и добилась того, что эдуйское государство пригласило на роль освободителя от ига не гельветов, а Цезаря. Гельветы пришли в замешательство, пошли к Цезарю с просьбой указать им страну, т. е. вернее, дать разрешение вернуться домой. Соглашение не состоялось из-за вопроса о заложниках, — так рассказывает Цезарь. Но он настаивал на выполнении этого условия не потому, что не доверял гельветам, а потому, что это обстоятельство должно было положить начало подчинения Риму всей Галлии. Гельветы не хотели брать на себя этого позора и направились к северу, чтобы, описав круг, добраться по Верхней Соне до своей страны. Но они не шли по долине, где римляне могли легко обогнать их и, окружив, напасть на них, но постарались возможно скорее пробраться в горы, где сильный арьергард смог бы задерживать римлян в каждом ущелье. Цезарь следовал за ними, взяв себе в подкрепление конницу эдуев. Но в первом бою, еще в равнине, конница эта изменила и предалась бегству. Цезарь подозревал, что здесь играли роль не неблагоприятные местные условия, а злонамеренные действия, так как командование находилось в руках Думнорикса.

Хотя Цезарь и мог ежедневно напасть и вызвать на бой арьергард гельветов, но он этого не делал, а следовал в некотором отдалении с величайшей осторожностью, подкарауливая подходящий момент для большого нападения.

Наконец, случай представился; гельветы были обойдены двумя легионами под начальством Лабиена, но неправильное и не во-время сделанное донесение спасло противника. Тотчас же Цезарь отошел от гельветов и повернул к столице эдуев, Бибракту, вблизи которого и расположился. Как он сам рассказывает, затруднения с продовольствием принудили его к этому; но можно допустить, что здесь было и недоверие к эдуям. Римский полководец не должен был проникать вглубь неприятельской страны, не обеспечив себя опорным пунктом. Но этот поворот вызвал развязку.

Гельветы могли бы беспрепятственно продолжать свой путь и возвратиться через дружественную им территорию секванов в свою страну. Но если бы они так поступили, то этим предоставили бы Бибракт, эдуев и всю Среднюю Галлию римлянам. Национальная партия эдуев, приглашавшая гельветов в свое время на помощь и находившаяся, вероятно, и дальше в тайных с ними сношениях, старалась использовать это и молила о помощи, предвидя, вероятно, сражение. Так как Цезарь, несмотря на ежедневную близость, до сих пор не напал на них, то гельветские предводители стали питать надежду, что он в конце концов оставит их в покое. Вскоре и продовольствие, как они узнали от своих эдуйских друзей, должно было иссякнуть у него, а эдуи не доставляли ему ничего. Но поворот его к Бибракту разбил все эти надежды. Возможно, что часть гельветов и без того считала позорным вернуться домой, не отомстив за подвергшихся коварному нападению и за убитых на р. Соне братьев. Теперь эта партия победила; решили повернуть и атаковать римлян во время похода.

Во всей этой истории Цезарь хочет затемнить один момент: борьбу с Ариовистом — цель, во имя которой гельветы начали свое предприятие. Поэтому он во всем описании похода и не упоминает ни разу об Ариовисте. Гельветам приписывается, что они хотят стать владыками Галлии, — как будто Галлия не имела владыки в лице страшного

германского воинственного князя; поэтому идея подчинения Галлии находится в полном противоречии с безобидным переселением с женами и детьми к сантонам. Цезарь должен выдумать нарушение границы, должен подавить измену союзных эдуев, должен описать мирные переговоры в полутонах, должен отход гельветов к северу оставить необъясненным; он тщетно ищет причины для их внезапного решения сражаться, — и все это только потому, что он не хочет указать истинных побуждений гельветов, предпринявших этот воинственный поход. А если указать их, то все остальное делается понятным само по себе.

Повторяю еще раз: я не уверяю, что события происходили точно так, как я их только что рассказал; я только говорю, что рассказ Цезаря не выдерживает критики, и я дал ему другое более приемлемое и возможное толкование, которое в существенных пунктах меньше расходится с указаниями Цезаря, чем объяснения Моммсена, Наполеона III и Хольмса. Нам пришлось глубже заглянуть в политику, чем этого требовала наша задача, так как здесь военное дело находится в неразрывной связи с политикой, и еще потому, что мы хотели показать, как осторожно должна пользоваться историческая наука комментариями Цезаря.

СРАЖЕНИЕ ПРИ БИБРАКТЕ

После общих обсуждений мы пришли к заключению, что количество душ, которое Цезарь насчитывает в гельветском походе, т. е. 368 000, невероятно преувеличено [1]. Политический характер, который имел этот поход, снова заставляет нас сомневаться в том, что выступил действительно весь гельветский народ со своими союзниками. Известная часть жен и детей, конечно, сопровождала их, — это нужно было для выполнения намеченного плана, — но верится с трудом, чтобы все гельветы, нагрузив на себя семьи и домашнюю утварь, сожгли за собой все деревушки и села. Дневные марши, которые они делали, не очень коротки, но и не особенно длинны и заставляют предполагать, что их сопровождал некоторый обоз; рассказ о сражении показывает, что обоз этот был не очень велик. Цезарь, устроивший свой лагерь в полумиле за гельветами, перестал их преследовать и повернул по направлению к Бибракту. Некоторые перебежчики принесли гельветам эту новость, и в седьмой час, — т. е. между 12 и 13 часами, — начался бой. Гельветы следовали со всеми повозками и соорудили из них укрепление. Таким образом, гельветы выступили со всеми повозками в одном направлении, а затем повернули и последовали за Цезарем в другом направлении. Эта колонна повозок сделала, вероятно, за утро от 1,5 до 2 миль (10—15 км). Мы знаем, что это значит, если даже слова Цезаря и не определяют, что все повозки были на месте к началу сражения. Нельзя точно указать количество, но то, что масса, совершающая подобные передвижения, не очень значительна, это ясно.

Цезарь имел 6 легионов и вспомогательные отряды союзных народов [2], среди которых было 4 000 всадников (гл. 15). 6 легионов на-

[1] Продолжительное время, которое они употребили для переправы через р. Сону, не служит доказательством противного, так как возможно, что Цезарь и в этом случае преувеличивал.

[2] Я не допускаю, чтобы Цезарь, как это принято считать, кроме конницы имел еще в войске вспомогательные отряды от других союзных народов из Про-

считывают в нормальное время 36 000 чел., из них 30 000 чел. Цезарь имел, вероятно, тут же на месте, в том числе 2 легиона, сформированные из рекрут, которых он поставил в тыл и не допустил до участия в сражении. Цезарь имел, таким образом, вместе с союзными войсками 36 000—40 000 чел., — следовательно, значительное численное превосходство.

Как только Цезарь заметил, что гельветы приближаются, он послал им навстречу свою конницу, чтобы возможно дольше задержать их, а своим 4 легионам ветеранов приказал тремя эшелонами подняться по склону холма. Два новых рекрутских легиона и часть союзных войск он направил для сооружения позади линии боя укрепленного лагеря, где они должны были засесть и куда ввезен был весь обоз [1].

Гельветы атаковали очень удачно выбранную позицию римлян, но были ими отброшены. Когда римляне стали их преследовать, то бойи и тулинги ударили римлянам во фланг; произошло ли это оттого, что народы эти только что перед тем подошли к полю сражения, или оттого, что римляне при первоначальном занятии позиции имели прикрытие фланга в самой местности, откуда гельветы хотели выманить их хитростью, — нанесенный римлянам удар во фланг ободрил гельветов, и они возобновили атаку; при том исключительном мужестве, с которым боролись галлы, положение римлян стало бы угрожающим, если бы не римская эшелонная тактика, приспособленная для борьбы на два фронта. Цезарь приказал третьему эшелону сделать поворот против бойев и сражаться на два фронта («римляне начали наступать с двух сторон»). Медленно отступали галлы, и только к ночи удалось римлянам захватить их обоз. Преследовать их Цезарь не стал, но еще 3 дня оставался на поле сражения для ухода за ранеными, как он говорит, и для того, чтобы предать земле мертвых. Гельветы направились к востоку (северо-востоку) — в страну лингонов, но через несколько дней вернулись и сдались.

Странно, что Цезарь совершенно не использовал оба новых легиона, а отразил фланговую атаку бойев третьим эшелоном. Он рассказывает, подчеркивая, как трудно далась римлянам победа над гельветами и что последние были только оттеснены, но никто из них не бежал. Почему же тогда он не использовал для боя своих резервов?

Объяснить это можно следующим образом: когда Цезарь заметил наступление гельветов, у него мелькнуло подозрение об измене эдуев, которые могли бы напасть на него внезапно с тыла в то время, когда он будет сражаться с гельветами. Он не хотел об этом упоминать не только потому, что этого не случилось, но еще и вследствие того, что он хотел внести неясность в отношения эдуев и гельветов. Он все время рассказывает о Думнориксе, который сбивает свой народ с правильного пути. По нашим соображениям, эта партия была очень сильна; они подтверждаются еще и тем, что иначе нечем было бы объяснить непонятное отсутствие всех стрелков и трети гоплитов.

винции, от эдуев или от каких-нибудь других племен. Его 6 легионов могли противостоять гельветам в сражении, а помощь не вполне надежных народов приносит мало пользы, а скорее даже вред, увеличивая расход продовольствия. Вспомогательные войска (auxilia), о которых говорит Цезарь, состояли из нумидийцев, балеар и критян, находившихся у него (II, 7).

[1] Та часть рукописи Цезаря, где рассказывается о построении лагеря, неясна, а потому исправляется и читается толкователями Цезаря неодинаково.

1. По тому, как мы понимаем сущность всего похода, гельветы должны были пройти на восток от Бибракта, ученые же, которые признают конечной целью гельветов страну сантонов, считают, что поле сражения находилось к западу от столицы эдуев. То обстоятельство, что гельветы, возвращаясь домой, прошли так близко от Бибракта, т. е. повернули далеко на запад, не противоречит нашим взглядам, так как они все рассчитывали на политический переворот у эдуев. Но очень сильным аргументом за правильность нашей поправки является указание Цезаря, что они пошли на обратном пути к лингонам, т. е. на восток. Как бы они могли туда добраться, если предположить, — как думают другие ученые, — что они дали сражение фронтом на восток? Разбитое войско отходит в том направлении, на котором оно было поражено, а не в обратную сторону. Если же гельветы, как я полагаю, дали сражение фронтом на запад, то они не могли направиться к Луаре и дальше к сантонам.

Наполеон III и Стоффель (последний в своем труде «Война Цезаря и Ариовиста», стр. 78) объясняют весь этот инцидент так: после того как сражение при Люзи, юго-западнее Отэна, было дано фронтом на юг, гельветы совершили обратный путь через Мулен-Энжильбер, Лорм и Аваллон на Тоннерру, т. е. к северу. Но в таком случае надо предположить, что у Тоннерры уже находилось владение лингонов, простиравшееся на юг до р. Соны [1], где был их главный город Лангр. Все это кажется маловероятным, и это предположение находится в явном противоречии с указанием Цезаря, что гельветы пришли к лингонам на четвертый день. От Люзи до Тоннерры 120 км по воздушной линии; этого расстояния гельветы не могли ни при каких обстоятельствах, — даже если бы они шли дни и ночи подряд, — пройти в 4 дня [2].

Из того, что Цезарь после капитуляции гельветов проделал значительный переход до Безансона (bell. gall. I, 38), не следует заключать, что он не мог в промежутке выполнить еще какое-либо передвижение, о котором он не сообщает.

Стоффель полагает, что можно установить следы поля сражения благодаря раскопкам между Монмор и Тулон-сюр-Арру в 2 милях юго-восточнее Люзи, прямо на юг от Мон-Беврей. Но по найденным предметам нельзя точно указать эпоху и отношение к какому-либо сражению, так что они не могут служить доказательством. По Хольмсу (стр. 619), там были еще найдены обломки мечей, копий и шлемов, но и это не является серьезным доказательством.

Прямым опровержением является следующее место в тексте Цезаря. Он говорит, что бойи и тулинги обошли римлян «a latere aperto» — при открытом фланге. Обыкновенно считается latus apertum правая, не прикрытая щитом сторона. Но ведь ясно, что если поход гельветов, по мнению Стоффеля, направлялся к западу, а их фронт потом был обращен на юг, то арьергард их мог ударить на римлян только с левого фланга. Стоффель доказывает, что latus apertum называется не обязательно правый, но вообще неприкрытый фланг. Но Хольмс опровергнул доказательства Стоффеля, указав на текст в bell. gall. (V, 35, 2 и VII, 4), где latus apertum является техническим термином для «правого фланга». Хольмс, соглашающийся обыкновенно с выводами Стоффеля, не хочет об этом говорить более определенно. Я бы, наоборот, сказал, что это является самым ярким доказательством того, что сражение было дано на востоке

---

[1] По Страбону (IV, 1, 11). На севере владения лингонов простирались дальше владений медиоматрицев.

[2] Идет спор о том, как понимать выражение Цезаря: «nullam partem noctis itinere intermisso» (ни на миг не прерывая похода, даже ночью). Мейзель ставит его в скобки, и действительно все здесь зависит от толкования. Но по смыслу они не совершали переходов только по ночам и не шли в течение 4 дней и ночей подряд, а здесь, вероятно, применена гипербола, т. е. что страх заставлял их итти и ночью.

от Бибракта. Если бы гельветы отошли к западу, а отступление повели бы на север, то они пошли бы левым флангом, и во время боя фронт их был бы повернут на юг. Бойи и тулинги, двигавшиеся с запада, могли ударить только в левый фланг римлян. Но если сражение произошло восточнее Бибракта и если гельветы бежали к северо-востоку, то их фронт был бы повернут к юго-западу или к югу, и тогда бойи и тулинги могли ударить в правый фланг римлян. Доказательства были бы исчерпывающими, если бы Хольмс не указал, что в рукописях Цезаря написано только «latere aperto», а не «a latere aperte», что можно перевести: «в то время как их фланг не был прикрыт». Все-таки это выражение «latere aperto» можно с большим вероятием расшифровать как удар в правый фланг римлян и этим установить, что поле сражения было восточнее Бибракты и что гельветы не направлялись во владения сантонов.

2. Некоторые ценные возражения против Цезаря можно найти в неудачной книжонке «Борьба гельветов, свевов и белгов с Цезарем»; древняя история в новом освещении Макса Эйххейма (Max Eichheim, Neuburg a D. Selbstverlag, 1886), но они отвергаются ученым миром вследствие явно дилетантского характера, который они имеют. Х. Раухенштейн в одной из своих диссертаций («Поход Цезаря против гельветов», 1882) пытался сделать критику Эйххейма, так сказать, приемлемой, а его возражениям придать научный и методологический характер. Но он не имел успеха, так как проделывал ужасные операции над фактами. Последовательное развитие его мысли заставляет его признать, что будто не Цезарь победил при Бибракте, а гельветы оттеснили Цезаря в его лагерь; что обоз, из-за которого шла борьба, принадлежал не гельветам, а римлянам, и что гельветы, которые не были настолько сильны, чтобы подчинить себе римлян, вступили с ними в сделку.

В своих исследованиях Раухенштейн сходит с прямого пути, начиная с обсуждения цели, к которой стремились гельветы. Все без исключения комментаторы галльской войны сходятся на том, что нельзя ставить рядом обе цели, на которые указывает Цезарь, — т. е. переселение и владычество над галльскими народами. Раухенштейн, как и другие, тоже признает это, но направление, в котором он исправляет эту ошибку, ложно: он опускает подчинение Галлии и оставляет только переселение. Точно так же поступает и Цезарь; хотя он ясно указывает, что гельветы и после смерти Оргеторикса остались при том же решении (переселение и завоевание), но дальше он говорит все время только о переселении. Он не в состоянии заполнить этот пробел, так как не хочет сознаться, что настоящей причиной похода гельветов была предполагаемая борьба с Ариовистом, который считал вмешательство римлян в галльские дела излишним и неподходящим. Если же мы в его рассказ вставим эту истинную цель, т. е. вычеркнем оба мотива, которые он приводит, или по крайней мере один из них, а именно: переселение, которое мы сведем к военно-политической маскировке, — тогда все станет совершенно ясно.

Раухенштейн считает показательным, что Цезарь, несмотря на победу, не преследовал гельветов и не пошел к Бибракту, а между тем он сообщил нам раньше, что солдаты иначе остались бы без продовольствия. Это доказывает, что Цезарю победа дала все, что ему было нужно. Он не преследовал гельветов потому, что ему не нужно было их уничтожить, а наоборот — победив их, пощадить ввиду того, что он собирался стать защитником всех галлов против Ариовиста. Это подтверждается и тем, что римский полководец,—о чем он сам не рассказывает, но что доказывает Моммсен («Hermes», т. 16, стр. 447),—предоставил очень выгодный договор гельветам. Снова отступить к Бибракту, т. е. в противоположную сторону, было бы неразумно, — и это могло вызвать сомнение в окончательной победе Цезаря. Продовольствие же от эдуев римляне после победы стали бы получать, где бы они ни стояли.

3. Исследование этого вопроса в труде Х. Клевекорна «Бои Цезаря с гельветами в 68 г.» (H. Klövekorn, Die Kämpfe Cäsars gegen die Helvetier i. J. 68, Leipzig 1889) я знаю по отзывам Акермана в «Wochenschr. f. klass. Philologie» (1889, стр. 1392). По этому же предмету исследование Бирхера я нашел очень приемлемым, но не мог его достать.

4. Как трудно освободиться от авторитета печатного слова, видно по отношению Наполеона III и Стоффеля к цифрам, данным нам Цезарем. Наполеон высчитывает, на какое протяжение должна была растянуться обозная колонна гельветов, если цифры, данные Цезарем, верны. Но ни Наполеон, ни Стоффель не отбросили цифр Цезаря, а на этом основании Хольмс (стр. 224) добавляет, что так как Стоффель знает, что пишет, то цифры Цезаря не подлежат оспариванию. Но здесь является решающим не авторитет, а весь ход вещей, причем единственное средство, которое Хольмс нашел для спасения, неприменимо. Он основывается на том, что гельветы не должны были пускать все свои повозки в один ряд, но могли составить из них несколько рядов. Это, конечно, возможно, но до тех пор, пока они следовали по открытой местности. Как только дорога суживается или как только на пути встречается мост, брод или ущелье, — это становится невозможным. Владея хорошим материалом и поддерживая очень строгую дисциплину, можно узкие места проехать удвоенной скоростью и, таким образом, свести на-нет потерю времени из-за препятствий. Но к такой обозной колонне, где повозки запряжены быками и наполнены детьми и женщинами, это средство неприменимо. Его нельзя применить и при рыхлой или размокшей от дождя почве, а также в гористой местности, препятствующей движению рысью. Поэтому надо установить, что и переселение народов, если оно действительно происходило, совершалось в повозках, вытянутых в один ряд.

5. Разумные головы еще в древнем Риме понимали, что Цезарь преувеличивает. Мы можем об этом судить по тому, что Орозий (VI, 7, 6) определяет численность гельветов в 157 000 чел., из которых 47 000 погибло в пути. Это известие доходит до нас, видимо, через одного из военачальников Цезаря, участвовавших в междоусобной войне, Азиния Поллиона. Но хотя и он считает, что гельветы по возвращении домой насчитывали 110 000 чел., все-таки число это очень велико. Вероятно, счет этот основан на сопоставлениях и указаниях старшин (представителей сотен), которые не вели точного подсчета, как это делается при переписи. Когда я вспоминаю все те передвижения, которые были выполнены гельветами за время похода, то не могу себе представить, чтобы в них участвовало 110 000 чел., и предполагаю поэтому, что в это число входили все оставшиеся на родине.

У Страбона (IV, 3, 3) мы находим сообщение, что число оставшихся было 8 000. Неужели эта заметка взята из воздуха? Отнесем ее только на счет воинов и предположим, что первоначально это число было вдвое больше, а уменьшилось на половину ввиду больших потерь и отхода бойев, оставшихся у эдуев; тогда его можно с уверенностью принять. 12 000 храбрых варваров могут считать себя боеспособными и вступить в сражение с 4 римскими легионами; в таком случае передвижение войска, насчитывающего вместе со всем обозом 20 000 чел., не вызывает сомнений.

Исследование Вахсмута (Wachsmuth, Klio, т. III, 1903, стр. 281) основывается на доверии к древним авторам, повествующим о передвижении сотен тысяч людей.

6. Фейт приводит в своем произведении текст рассказа Цезаря, дополняя его моими объяснениями, но с оговоркой, что Цезарь искажал события неумышленно, действительно видя их в таком соотношении.

7. В противоположность моим взглядам многие новые исследования стараются взять под защиту достоверность сообщений Цезаря, — как, например, план переселения гельветов, — и сообразно этому предполагают сражение не восточнее, а юго-западнее или южнее Бибракта. Назову: Ziehen, Der neueste Angriff auf Cäsars

Glaubwürdigkeit (Ber. d. fr. deutschen Hochstifts zu Frankfurt a. M. 1901); Fr. Fröhlich, Die Glaubwürdigkeit Cäsars in seinem Bericht über d. Feldzug gegen d. Helvetier, Aarau (1903); H. Bircher, Bibracte, Aarau, 1904.

Самым важным вопросом является здесь, действительно ли гельветы хотели переселиться к устью Гаронны или же этот план служил только предлогом для того, чтобы притти на помощь национальной партии эдуев, выступавшей против Ариовиста?

Приняв второе предположение, мы легко объясняем как отклонение похода к северу после переправы через р. Сону, так равно поворот и принятие сражения. Если же мы примем первое предположение, то все останется для нас непонятным.

Циен (Ziehen) говорит: «Я должен сказать, что в 1900 г. на основании прекрасных карт легко давать указания, какие дороги могли выбрать для себя злосчастные гельветы, но 2000 лет тому назад нелегко было иметь эти сведения, — да еще зная, что римляне следуют по пятам». Дальше: «Откуда Дельбрюк знает, что открытые французскими учеными дороги были тогда проходимы? Но допустим, что они были проходимы и что гельветы об этом знали; ведь возможно, что они были для них закрыты местными горцами. Переговоры, которые велись с секванами в начале похода, ясно говорят о том, как важно было для гельветов избегать трудных ущелий, и сам Дельбрюк говорит, что гельветам легко было на этих горных дорогах задерживать римлян небольшими арьергардами. Но то, что удобно гельветам, то применимо и против них: они могли держаться этой дороги только в том случае, если местное население не чинило им препятствий, — а что это было, ни один человек не станет оспаривать».

Возражаю на это: совершенно ясно, что горная, хорошо населенная и не бедная городами и сообщениями страна имела дороги. Также ясно, что гельветы знали их. Они подготовляли свой поход давно и не были так глупы, чтобы итти, не произведя предварительно рекогносцировки. Не подлежит сомнению, что они направлялись прямым путем к сантонам. Для чего бы иначе они переправлялись через р. Сону так далеко на юге, а не повернули бы раньше — от Женевы или после того, как вышли на равнину к северо-западу? Какой смысл имело для них делать обход в правом углу? Конечно, допустимо предположить, что население могло помешать их переходу через горы, но этот мотив недостаточно силен, чтобы служить доказательством изменения маршрута. Занятие горных проходов в такой стране могло бы вызвать задержки в движении, но эти проходы можно было бы обойти, причем нельзя сравнивать те трудности, которые явились бы при этом, с той опасностью, которой подверглось бы продвижение гельветов на равнине, имея римлян за спиной. Прежде всего враждебность горцев является пустым предположением; Цезарь не упоминает об этом; он не только не приводит причин для странного изменения маршрута неприятельского похода, но мы ясно видим, что он и сам не ожидал другого направления марша, как к северу, вдоль по р. Соне. Продовольствие, подготовленное им для своего войска, следует за ним по реке, а когда он отошел от р. Соны, ему нехватало обоза, который мог бы везти провиант. Если бы Цезарь предполагал поход через горы в долину р. Луары, он позаботился бы о нужном ему обозе. Цезарь не приводит причин, по которым гельветы отошли к северу, потому что он сам не верит в их поход к сантонам, и поворот гельветов к северу кажется ему естественным.

Так же надо объяснять и переход гельветов к сражению. Если они шли к сантонам, то для чего им нужно было сражаться с римлянами и притом тогда, когда последние перестали их преследовать, изменив направление? Никто до сих пор не ответил на этот вопрос.

Фрелих сам уничтожает сомнение, возникшее по поводу свидетельства Цезаря. Я говорил выше, что натиск бойев и тулингов «latere aperto» должен быть понят (даже если нет предлога «а») как удар в правый фланг. Фрелих приводит (стр. 29)

два места из «bellum Alexandrinum» («Александрийская война», 20, 3 и 40, 2), которые дают возможность заключить, что присоединение предлога «а» не имеет никакого значения. Если бы бойи и тулинги ударили в правый фланг римлян, то, принимая во внимание естественную позицию армий, гельветы могли бы отступить только к востоку или к северо-востоку, т. е. вправо от Бибракта,—и тогда соображения Стоффеля оказались бы неприемлемыми, так как он предполагает натиск слева. Против этого аргумента выступает Бирхер, заставляя оба войска сделать при построении настолько крутой поворот (в то время как фронт римлян был направлен к юго-западу), что удар все еще был возможен с правого фланга. Я с этим не согласен потому, что в таком случае обоз гельветов не смог бы отступить к лингонам. Бирхер еще добавляет: «Самым необъяснимым местом являются последствия сражения; странной кажется эта бешеная скачка по 30 км в день». Но все неясное становится ясным, если предположить сражение восточнее Бибракта, т. е. недалеко от границы лингонов.

8. Альфр. Клотц в своем труде (Alfr. Klotz, Der Helvetierzug, «N. Jahrb. f. d. klass. Altert.», 1915, тт. 35 и 36, вып. 10) хочет спасти сообщение Цезаря, причем не принимает во внимание встречающиеся трудности.

9. Конр. Леман (Konr. Lehman, Sokrates, т. 69, вып. 10/11, 1915, стр. 488) в существенном защищает Цезаря и присоединяется к моим взглядам, отвергая нападки Ферреро.

Глава III

Ариовист

После победы над гельветами Цезарь согласился принять депутацию галльских князей, явившихся к нему с просьбой освободить их от владычества Ариовиста. Цезарь пустился в путь и столкнулся с германцами около Бельфора или в Верхнем Эльзасе. Точно определить место столкновения невозможно. Ариовист не вступил в решительное сражение, но обошел римский лагерь и установил в полумиле от него заграждение из повозок своего обоза (построил вагенбург) таким образом, чтобы ему удобно было оттуда посылать своих всадников для перерыва сообщений по дороге, по которой римлянам подвозилось продовольствие. Так как Ариовист не мог предполагать, что обойдется без сражения, и не хотел сделать еще несколько миль до Цезаря, то, вероятно, цель его маневра заключалась в том, чтобы заставить Цезаря вернуться обратно ради продовольствия и тогда уже напасть на него во время похода. Сила его войска заключалась в том, что он соединял конницу с легковооруженными, которые были прекрасно обучены и наводили страх. Против этих войск галльская конница, бывшая у Цезаря, не решалась выступать.

Это соотношение между родами войск и тот перевес, который германцы имели в боевых действиях смешанных отрядов, объясняют успех маневра Ариовиста. Иначе трудно было бы представить себе все это или же надо считать Цезаря полководцем, стоящим гораздо ниже Ариовиста, раз этому последнему удалось расположить свой обоз (вагенбург) в такой непосредственной близости от римского лагеря. Допустим, что сообщения Цезаря преувеличены и что в путь пускались не целые германские народности, со всеми женами и детьми, а только легко подвижные воины в сопровождении небольшого обоза и немно-

гих женщин; но даже несколько сот повозок являются уже большим грузом и не должны подвергаться организованному нападению неприятеля. Ход событий станет понятным, если принять, что Ариовист был в состоянии скрыть свое обходное движение путем искусного использования местности.

После того как обходное движение удалось Ариовисту, он стал господствовать над равниной и перехватывал подвоз. Римскому войску, предпринимавшему движение в каком-либо направлении, было трудно обороняться и защищать обоз от целого роя нападений этих презиравших смерть варваров. Ариовист действовал с исключительной ловкостью, но Цезарь превзошел его. Вначале он неоднократно вызывал его на бой и перевел свое войско в равнину. Ариовист опасался выйти из своего лагеря, и это подняло дух римских солдат, так как в этом уклонении от боя они усмотрели трусость германцев. Но прежде всего требовалось освободить дорогу для подвоза. С войском, построенным в боевой порядок, Цезарь продвинулся к месту, запиравшему германцам вход в равнину в направлении дороги, по которой производился подвоз; затем, оставив там два первых эшелона в боевой готовности, он приказал третьему эшелону соорудить за ними укрепление, достаточное для размещения 2 легионов, и поместил их туда. Тщетно пытался Ариовист по возвращении римских главных сил в основной лагерь взять налетом небольшой лагерь. Цезарь настолько полагался на свое сооружение и на гарнизон, что даже не вывел главных сил своего войска на выручку. На следующий день он снова подготовил свое войско к сражению и приблизился к германскому вагенбургу. Ариовист решился принять бой. Цезарь имел теперь перевес над ним; продовольствие свое он обезопасил, и германцы ничего уже не могли выиграть от проволочек. Ариовист подготовлялся к войне уже много недель или месяцев и, вероятно, сосредоточил все имевшиеся в его распоряжении силы до того, как итти навстречу римлянам. Он мог без труда и особых жертв еще долго отступать, увлекая за собой Цезаря. Но этого ему не нужно было. А привлечь римлян к штурму германского вагенбурга не удалось бы; дальнейшее же ожидание бодрило бы римлян, так как они были стороной, вызывавшей на бой, и понизило бы настроение германцев. Поэтому Ариовист принял вызов и для сражения расположил своих воинов по народностям.

Снова эшелонная тактика оправдала себя. Когда германцы стали теснить левый фланг римлян, то молодой Красс, командовавший конницей, подоспел с третьим эшелоном к этому флангу и опрокинул противника так же, как и сам Цезарь сделал то же на другом фланге.

В рассказе Цезаря нехватает указания места расположения конницы. Где находилось смешанное, внушавшее страх войско? Почему, после того как отогнали галльских всадников, оно не ударило римлянам во фланг и в тыл, как это сделала конница Ганнибала при Каннах? Нельзя предположить, что оно не прибыло на надлежащее место, так как Ариовист не выступал в этот день из своего вагенбурга.

Ответы на эти вопросы являются решающими. Цезарь об этом молчит. Ответ, по-моему, можно найти у лучшего профессионального комментатора его, Наполеона I, который в своих записках на острове св. Елены о войнах Цезаря высказывает мнение, вопреки общему взгляду того времени, что германцы не могли быть сильнее Цезаря. Пойдем дальше: отсутствие германской конницы в сражении можно объяснить только тем, что Ариовист имел так мало пехоты, что дол-

жен был включить в пехоту и людей, сопровождавших конницу. Это помогло галльской коннице держаться против германской и помешало германской действовать с флангов. Цезарь умолчал об этом потому, что не хотел говорить ни о численном перевесе своих войск над германскими, ни об участии и заслугах союзной галльской конницы.

Прекрасным подтверждением нашего взгляда, что войско Ариовиста было невелико, служит сообщение Цезаря (I, 40) о том, как германский правитель добился владычества над галлами; несколько месяцев подряд, говорит Цезарь, он прятался в лагере под прикрытием болот. Даже если это были не месяцы, а недели, то и тут мы можем с уверенностью сказать, что войско не насчитывало десятков тысяч человек, тем более что оно сопровождалось женщинами и должно было кормить не только лошадей, но и скот. Представим себе, как это ни кажется невероятным, что германцы везли в своих повозках еще больше зерна, чем гельветы, так как гельветы на походе брали фураж у населения, германцы же в лагере должны были кормить лошадей из своих запасов. Конечно, войско, которое Ариовист повел против римлян, было сильнее того, с которым он основывал свое владычество, но ядро осталось то же; можно говорить о том, что оно удвоилось, но не удесятерилось.

Установив факт очень значительного, вероятно, перевеса римского войска, мы еще больше понимаем теперь маневрирование Ариовиста; это обстоятельство подтверждается также и знаменитым инцидентом, имевшим место в этой войне.

Когда Цезарь в своем выступлении дошел до Безансона, в его войсках вспыхнуло возмущение, и они не захотели следовать за ним, боясь страшных германцев. Цезарь старался поднять дух войска, рассказывая им о прежних войнах Ариовиста, и закончил свою речь так, что если за ним не последует никто, то он выступит с одним только десятым легионом.

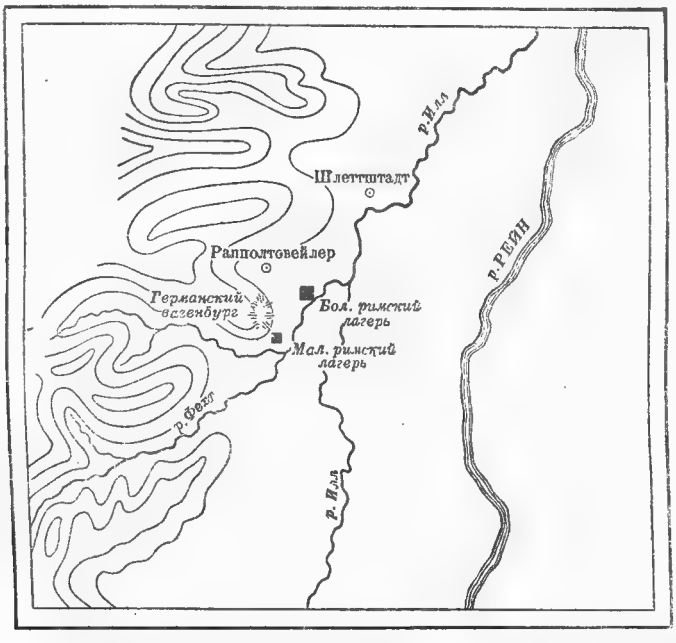
Если бы германцы действительно превосходили численностью войско из 6 легионов, то заявление полководца выступить с одним легионом произвело бы на солдат неблагоприятное впечатление; Цезарь, вероятно, прибавил еще одну фразу, не введенную им в Комментарий, а именно, что германцы так малочисленны, что он питает уверенность разбить их с одним десятым легионом; галлы подтвердили это римским солдатам. После этой речи римляне позволили своему полководцу вести себя в далекую незнакомую глушь на борьбу с неуклюжим германским великаном.

Мы гораздо больше и с большей уверенностью говорили бы об этом походе, если бы могли точно определить место передвижения войска и поле сражения. Это было бы желательно не только во имя Цезаря и римской стратегии, но и во имя его противника. Ариовист был, вероятно, не только крупным, но и гениальным стратегом. Он столкнулся с более талантливым полководцем и потому погиб. Играя роль связующего звена между кимврами и Арминием, он является важным свидетельством природных воинственных наклонностей германского народа. О кимврах мы почти ничего не знаем, за исключением того, что сначала они победили римское войско, а потом сами были им побеждены. Когда мы видим, как смело и искусно ведет войну Ариовист, и когда впоследствии перед нами предстанет Арминий [1],

[1] Арминий — германский герой из племени херусков.

то мы сможем думать, что германцам была свойственна не одна только грубая сила, но и высшее интеллектуальное понимание войны; поэтому мы сожалеем, что не можем набросать еще более яркую, более конкретную картину ведения войны Ариовистом.

1. У Диона Кассия мы находим выражения, согласующиеся с вышеприведенными воззрениями относительно гельветского и германского походов. Ими теперь уже нельзя пользоваться как достаточно ценным источником с тех пор, как И. Мелыбер (I. Melber) в одной из мюнхенских брошюр (изд. в 1891 г. — «Der Bericht d. Dio Cassius über die gallischen Kriege Cäsars») ярко показал, что рассказ этот является только риторически обработанным резюме Комментариев Цезаря. Но и от этого комментатора не вполне ускользнули противоречия и пробелы, имеющиеся в изложениях Цезаря, причем иногда он по своему благоусмотрению исправлял их.



2. Еще Наполеон I жаловался в труде «Précis», что сражения Цезаря в Галлии «без указания их названий» не могут быть восстановлены топографически и потому о них трудно судить. Были сделаны определенные попытки установить место сражения с германцами, но ни одна из них не была признана удовлетворительной. Возможность различных комбинаций по этому поводу усиливается еще тем, что один из самых важных вариантов страдает неточностью. Из рукописей Цезаря явствует, что римляне преследовали германцев до Рейна на протяжении 5 000 шагов, т. е. германской мили, Плутарх же, который руководствуется Цезарем, говорит, что на протяжении 400 стадий, что равняется 50 000 шагов, и это же число мы читаем у Орозия, черпающего свои сведения у того же Цезаря. Возможно, что в рукописях Цезаря число это стерто, и германцы бежали до Рейна не 1, а 10 миль. Это было бы тем более вероятно, что иначе никак невозможно объяснить, почему маневры Цезаря и Ариовиста происходили в 1 миле от Рейна, т. е. посреди Эльзасской равнины; между тем для них нужна была суженная и ограниченная горами территория.

Решение задачи было бы найдено, если бы при водных работах на Рейне инженеры-строители не установили, что в древности один из рукавов Рейна протекал

по местности, где ныне находится Илиас. На основании этого открытия Гелер (Göler) придерживается версии о 5 000 шагов и определяет поле сражения на южной границе Вогез, около Сенгейма (Cennay) на северо-восток от Бельфора. В той же местности устанавливает это сражение и Наполеон III, но маневры — в противоположном направлении.

В 40 км к северу, у подножья Вогез, между Кольмаром и Шлетштадтом, близ Раппольтсвейлера, ищет поле сражения также полковник Стоффель. По описанию этого дальновидного воина и прекрасного знатока Цезаря, у деревни Целленберг имеется местность, где могли действительно происходить описываемые Цезарем маневры. Обоз германцев мог быть перевезен на расстояние 3 км от римского лагеря, через предгорье Вогез, где римским легионам трудно было совершить нападение, а маленький римский лагерь мог быть расположен южнее, где он и закрывал германцам доступ в долину.

Против этой гипотезы [1] восстал Виганд, указывая, что германцы не могли бы отступить к Рейну после сражения, при котором фронт был расположен на восток. Возражение правильное, но его можно устранить. Возможно, что германцы приняли бой не около их вагенбурга, у Целленберга, а произвели перед сражением какой-нибудь маневр, и их фронт оказался расположенным на юг. Цезарь не указывает ясно на такой маневр, но то, что он был, можно заключить из одной заметки, где он пишет, что германцы окружили их боевое построение своими повозками и телегами, т. е., вероятно, перед сражением они произвели маневр совместно со своим обозом. Мотив, который Цезарь приводит, — «чтобы не оставалось надежды на бегство», — принадлежит к числу такого рода мотивов, когда говорится о том, что кимвры во время сражения были прикованы цепями друг к другу в шеренгах; но германцы, как мы узнаем потом, все-таки бежали.

Не так легко отвергнуть другое возражение, сделанное Коломбом и Штолле [2]. Цезарь говорит, что он на седьмой день после отхода от Везонтиона получил донесение о приближении Ариовиста и тут же разбил лагерь, вблизи которого и произошло сражение. Он не шел прямой дорогой, а окольным путем (circuitus) и сделал переход в 50 000 passus (шагов), т. е. 10 немецких миль (ок. 70 км). Стоффель, как и многие ученые, полагает, что circuitus относится к части всего пути и что римское войско в 7 дней дошло до Раппольтсвейлера, что равняется в среднем ежедневному переходу в 27 км. Это не является невозможным, но для такой большой натяжки нужен подходящий стимул, а мы его не находим. Не мог Цезарь утомлять свои войска для того, чтобы выиграть 2—3 дня и застать Ариовиста неподготовленным к нападению. Ариовисту следовало только, если он находился в ожидании подкрепления, не итти навстречу Цезарю, а оставаться на месте или отодвинуться однодневным переходом назад, чтобы избежать Цезаря. Непонятным является и то обстоятельство, почему Цезарь, если у него и был такой план, разбивает лагерь, когда ему доносят, что Ариовист находится на расстоянии 38 км от него, а не бросается за ним? Следовательно, Коломб и Штолле правы в том отношении, что при указанных обстоятельствах Цезарь не мог в течение 7 дней добраться от Безанссна до Раппольтсвейлера.

---

[1] Mitt. d. Gesellsch. f. Erhaltung d. geschichtl. Denkmäler im Elsasz, т. 16, 1893.

[2] G. Colomb, Campagne de César contre Arioviste в «Revue archéologique», III серия, т. 33 (1898). Franz Stolle, Wo schlug Cäsar den Ariovist? Страсбург 1889. — Коломб произвел топографические съемки, приведшие его к Арсей. Штолле дополнил их филологическими исследованиями. Его труд очень тщательно составлен и ценен во многих отношениях, но, к сожалению, неудобочитаем из-за системы формул и сокращений. В конце он приводит наглядную таблицу для сравнения различных мнений и полный перечень литературы, на который и ссылается. Работы Винклера были мне недоступны. Можно сравнить со Штолле еще разбор Конрада Лемана в «D. Lit. Zeitschr.», 1899 г., № 44, столбец 1682.

Несмотря на это, я все-таки не могу оставить гипотезы Стоффеля. Поверим указаниям Цезаря, что он шел в течение 7 дней. Но разве это непреложно? Рассказ составлен через 8 лет после совершившихся событий. Возможно, что эта заметка относится к какому-нибудь другому, одновременно совершившемуся событию или что в ней не было указания относительно времени. Когда нам придется разбирать мемуары Фридриха и Наполеона об их походах, которые мы сможем документально проверить, то мы увидим, как много вкралось туда серьезных ошибок, без всякого с их стороны умысла. Возможно, что Цезарь ошибся и что поход продолжался не 7, а 9—10 дней. Этим я и закончу мои возражения Стоффелю.

Еще меньше значения придаю я тому утверждению, что преследование германцев не продолжалось от Раппольтсвейлера до Рейна на протяжении 10 миль. Прямой путь до Рейна равен 2,5 мили, но если фронт был обращен на юг, то германцы могли при бегстве попасть только на очень узкую полосу земли у Рейна, причем снова не исключена возможность, что указания Цезаря преувеличены.

Видя, с каким глубоким скептицизмом разбираются эти события, кто-либо может, пожалуй, спросить, как мы вообще решались что-либо высказать относительно Персидских войн. Здесь перед нами запись, может быть, одностороннего и пристрастного, но компетентного и принимавшего личное участие в этом деле свидетеля, показания которого имеют первостепенное значение; там же — запись совершенно несведущего рассказчика, передающего события полвека спустя, основываясь на народной молве. Конечно, Цезарь является более точным источником, чем Геродот, и более точным, чем те, кто пользуется Геродотом; какими ненадежными кажутся его рассказы, если к Цезарю надо применять такую осторожность. Однако, мы не должны сомневаться в правильности нашего исторического познания Персидских войн, так как у нас имеются вспомогательные средства для критического разбора — то, чего нам так нехватает у Цезаря: Персидские войны топографически обозначены, а знание местности играет важную роль при разборе каждого сражения и дает возможность осветить многие неясности описываемых событий.

Все прежние гипотезы относительно места сражения с Ариовистом страдают одним и тем же недостатком — невозможностью реально преодолеть все трудности. Гипотеза Гелера, требуя включения еще одного передвижения легионов, о котором Цезарь не сообщает, определяет для маленького римского лагеря неподходящее место. Наполеон III заставляет германцев делать обход по Эльзасской равнине, где территория не дает никакой защиты во время марша от римского флангового удара. Гипотеза Стоффеля увеличивает все реальные трудности. Вполне понятно, что Ариовист, сознавая свою силу в объединении двух родов войск, предоставил римлянам войти в равнину раньше, чем сам пошел навстречу. Но нельзя отрицать, что определение местности не совпадает с текстом Комментариев.

Новейшая гипотеза Коломба и Штолле, по которой сражение было при Арсей, в 10 км восточнее Мемпельгара, имеет то преимущество, что совпадает с обоими определенными указаниями Цезаря о месте и времени [больше 50 000 шагов (passus), обход (circuitus) около Безансона и 50 000 от Рейна]. Если итти окольным путем через Ворэ, Пеннезьер, Виллерсексель, то Арсей как раз и будет в 10 милях, приблизительно, от Безансона и на таком же расстоянии от Рейна. Что касается возражения, что для 7-дневного марша 10 с лишним миль являются незначительным расстоянием, его надо отбросить. Римляне должны были продвигаться с величайшей осторожностью и укреплять каждый вечер лагерь; никаких причин для особой спешки у них тоже не было. Возможно, что была дождливая погода, размывшая дороги и мешавшая быстрому передвижению.

Кроме того, можно привести против этой гипотезы еще следующие возражения.

Во-первых, нам неясно, почему Цезарь, получив при Арсей донесение о том, что Ариовист находится в 36 км от него, сделал остановку? Если он был уже в глу-

бине Эльзаса, то эта остановка логична: римский полководец не хотел удлинять операционную линию и тем затруднять подвоз продовольствия. Остановка у Арсей в стране секванов, вдали от противника, должна была произвести впечатление трусости: если же он остановился у Раппольтсвейлера, то об этом не могло быть и речи, так как в этом случае он сам шел навстречу неприятелю.

Во-вторых, мы не понимаем ни цели, ни способа выполнения германского маневра при Арсей. Штолле недостаточно углубил свои исследования, выводы же Коломба нереальны, необоснованны и не выдерживают критики. Он предполагает, что лагерь Цезаря был расположен между Сесмондан и Дезандан и что Ариовист, приближаясь от Мемпельгара, закрыл Цезарю у Арсей путь подвоза. Но подвоз провианта римлянам не был прекращен этим маневром, так как они могли получать его от лингонов или от леуков; пройти же германцам по равнине мимо римского лагеря было невозможно, так как они были бы атакованы не только галльской конницей, но и легионами.

Уже Фрелих в своем труде «Военное дело Цезаря» (стр. 206) опровергает мнение Рюстова, который ссылается на Вегеция и определяет обыкновенный дневной переход римлян в 30 км. Коломб и Штолле в тщательном научном обзоре определяют, что в неприятельской стране больше 12—14 км в день войско сделать не может. Стоффель придерживается 25 км, что все-таки еще больше, чем считается нормальным в наше время, а римский солдат должен был еще каждый вечер устраивать лагерь. В одном из своих новых исследований («Лагерь и войско римлян», Страсбург 1912) Штолле очень успешно защитил свою теорию.

З. Винклер (Der Cäsar-Ariovistsche Kampfplatz, Kolmar 1907) считает, что территория, устанавливаемая Стоффелем, не совпадает в некоторых пунктах с указаниями Цезаря, и ищет поле сражения на 23 км дальше к северу. Фабрициус (в «Zeitschr. f. d. Gesch. d. Oberrheins») проверил топографические исследования, причем некоторые гипотезы подтвердил, а некоторые отверг.

4. Эр. Эберт (Ehr. Ebert, Über die Entstehung des Bellum gallicum, 1909) доказывает, что Цезарь писал каждую книгу отдельно и немедленно публиковал ее. Он не убедил меня в этом; но если он даже и прав, то, насколько мне позволяет говорить мое знание военно-исторических мемуаров, этим не исключается возможность ошибки, на которую мы указывали выше (стр. 385), т. е., что марш мог длиться не 7, а 9 дней.

Глава IV

Покорение бельгов

Под видом освобождения галлов от германского владычества Цезарь во главе галльских же войск победил Ариовиста и вместо него утвердил свою власть в стране. На следующий год он продвигается дальше, чтобы покорить и северные народности, которые он определяет общим названием бельгов.

Бельги, предвидя грядущую им опасность, объединились и выступили навстречу Цезарю, как только он перешагнул их границу.

Цивилизация обладает способами ведения войны, каких век варваров не знал. Бельги были в состоянии сосредоточить войско, но удержать и питать его они не умели. Как кимвры и тевтоны в своем

походе на Италию должны были разделиться и затем были разбиты Марием поодиночке, так и здесь: вместо того, чтобы вступить в решительную борьбу с таким же сильным, а, может быть, и значительно превосходившим его по численности войском, Цезарь решил разъединить союзную армию, чтобы потом бороться с каждой народностью отдельно. Он призвал два новых легиона, так что имел всего в своем распоряжении 8 легионов. Вместе с вспомогательным войском нумидийцев, критян, балеар и галльских всадников, у него было около 50 000 бойцов, а всего 80 000—100 000 чел. Для того чтобы содержать продолжительное время на одном и том же месте такую массу, нужны были твердая организация, транспорт, поставщики и средства. Всем этим римляне обладали, у бельгов же все это отсутствовало.

Но у Цезаря были еще другие возможности. Он разбил лагерь на северном берегу р. Аксоны (Эн), причем войско было так богато инструментом, солдаты так дисциплинированы и техника настолько совершенна, что в самый короткий срок была воздвигнута неприступная крепость. Наполеон III приказал на одном месте, обозначенном Гелером, произвести раскопки; при этом близ деревни Берри-о-Бак — в месте перехода войск, сыгравшем роль и в 1814 г., были найдены значительные остатки военных укреплений. Рвы были в 18 футов ширины и в 9—10 футов глубины; вал с бруствером и палисадами имел высоту в 12 футов, т. е. на 21—22 фута превышал дно рва. Перед фронтом лагеря, который был расположен на длинном холме, находился топкий ручей Мьетт.

До сих пор все совпадает. Но указание, которое Цезарь делает относительно направления рвов и соотношения между лагерем и построением войск, не совпадает с результатами раскопок. Многие исследователи поэтому решили, что сам Цезарь, когда писал рассказ, не помнил ясно расположения лагеря [1]; другие же определяют лагерь и место сражения [2] у деревни Шодар, на 1 милю ниже (западнее); но раскопок здесь еще не производилось, а потому это убеждение нельзя ни опровергнуть, ни поддержать. Принципиально этот вопрос не имеет значения. Сущность остается: Цезарь занял позицию на северном берегу реки, имея позади себя, — несколько сбоку, — переправу, у которой возвел предмостное укрепление и, кроме того, построил еще укрепление на южном берегу реки, в котором разместил 6 когорт для прикрытия пути подвоза.

Цезарь занял позицию на той стороне реки, которая была обращена к противнику; таким образом, в случае сражения река находилась бы у него в тылу; но укрепленный лагерь давал ему такую уверенность в своих силах, что он мог себе это позволить; сам же он мог с этой позиции перейти в любой момент в наступление.

Римский лагерь находился в стране ремов — бельгийской народности, присоединившейся уже к римлянам. Бельгийское союзное войско окружило пограничный город ремов — Бибракс (Вье-Лаон или Бьевр), надеясь этим заставить Цезаря выступить из лагеря, так как завоевание этого городка само по себе не имело значения и не могло служить заданием для такого большого войска. Но Цезарю удалось

---

[1] Диттенбергер, в новом издании текста Цезаря, изданного Кранером.

[2] Конрад Леман, «N. Jahrb. f. klass. Altert.», 1901, т. 7, вып. 6, стр. 506 и Klio, т. 6, вып. 2, стр. 237 (1906).

укрепить гарнизон стрелками и пращниками из своего войска, так что городок держался, и бельгам пришлось снять осаду. Тогда они двинулись против римского лагеря, и Цезарь построил свое войско в боевой порядок. Дальше демонстрации это не пошло, так как никто не хотел наступать первым в болотистой долине.

Бельги пытались несколько дальше вниз по течению перейти р. Аксону (Эн) с несколькими легковооруженными отрядами, чтобы отрезать подвоз римлянам, но Цезарь приказал зорко оберегать берег, чтобы при первом же донесении двинуть через мост своих стрелков и всадников и помешать переправе. Если бы бельги с главными силами своего войска успели перейти, то римское легковооруженное войско не смогло бы им противостоять, но это была непосильная стратегическая задача для бельгов. Они действительно прервали бы тогда операционную линию и отрезали бы римлянам подвоз, но в такой же мере они и сами были бы отрезаны от своей страны и предоставлены нападениям римлян. В чем был выход для них? Так как римляне не выходили на бой в открытое поле, то бельги должны были бы обложить их лагерь со всех сторон и взять их голодом; но, чтобы обойти р. Эн и болото, им пришлось бы сделать для этого очень большой круг. По данным Цезаря (который насчитывал у бельгов 306 000 чел. [1]), их численное превосходство позволяло им выполнить это. Возможно, что бельги не превосходили численно римлян, но если это даже и имело место, то трудности, сопряженные с продовольствием такого громадного войска, превосходили их силы. Их военное искусство выдохлось, а когда они еще получили известие, что эдуи, по приказу Цезаря, напали на их страну с другого конца и разоряют ее, то они решили повернуть домой. Они ничего другого сделать не могли. Обещание притти друг другу на помощь при вторжении римлян в их страну было в данном случае лишь маскировкой полного поражения. Стратегия Цезаря сумела направить превосходство римской военной организации на подавление численного превосходства человеческих масс варваров. Цезарь разделил эти массы почти без кровопролития на отдельные части и по частям — почти без труда — одолел их. Успех настолько превзошел ожидания Цезаря, что вначале он был ошеломлен им и принял отступление неприятельских полчищ за военную хитрость. Ночью бельги начали отступать, и только на следующее утро римско-галльская конница начала преследовать их, чем еще более усилила их поражение.

Укрепления бельгов также стали сдаваться римлянам, как только последние подвозили осадные машины.

Только группа из трех народностей — нервиев, веромандуев и атребатов — сделала попытку спасти свободу своей храбростью в сочетании с военной хитростью. Они напали на римлян, патрули которых были недостаточно бдительны, в тот момент, когда римляне собирались разбить лагерь в лесистой местности на Самбре. Галльская вспомогательная конница, легковооруженные и обоз обратились в бегство, но римские легионеры были достаточно дисциплинированы, чтобы не растеряться и построить боевой порядок. Как только бой начался, он был уже выигран, так как римляне боролись теперь только с тремя племенами и имели, не считая обратившихся в бегство вспомогательных

[1] Конрад Леман подчеркивает, что Цезарь не указывает точно, что на месте было 306 000 чел., но он говорит, что римляне знали точно, сколько каждая народность обещала на союзном собрании выставить войска.

войск, двойное численное превосходство над ними. Два легиона, находившиеся долгое время в угрожаемом положении [1], были выручены другими, одержавшими победу войсками, а также двумя легионами, находившимися в пути, но во-время подоспевшими.

Как в сражении с гельветами, так равно с германцами и теперь — в третий раз — с нервиями, мы видим, что римляне численно превосходили своих противников. Относительно гельветов мы пришли к этому заключению, приняв во внимание маневрирование перед сражением; относительно германцев мы судили по их прежним походам в Галлию и по ходу самого сражения; относительно нервиев нам это показывают статистические данные о населении. Кто все эти доказательства считает только кажущимися, тот должен будет все же признать, что они не только увеличивают правдоподобность предположений, но, не являясь простым перечнем повторяющихся возможностей, каждый раз в другом сочетании приводят к одинаковым результатам. В то же время Цезарь дает нам цифры, давно уже никем не оспариваемые, но которые, благодаря его же собственным указаниям, кажутся сильно преувеличенными. Когда нервии подчинились, они якобы доложили, что из числа 600 старейших остались в живых только 3, а из 60 000 способных носить оружие — только 500. Несмотря на это, Цезарь приписывает им через 3 года уже значительное войско (V, 39), а через 2 года после этого они посылают в Алезию 5 000 чел., что будто бы составляет только часть их призыва. Было бы методологически неправильно доверять автору, который приводит нам явно неправильные цифры потерь, в том случае, когда он указывает численность войска. Кроме того, мы в состоянии противопоставить его указаниям точное исчисление народонаселения.

Римская перепись может послужить нам прекрасным основанием для определения численности народонаселения Италии при Цезаре. Сам полуостров, кроме островов, имел тогда от 3,5 до 4 миллионов жителей, т. е. 25—28 чел. на 1 км^2; Верхняя Италия (Галлия Цизальпинская) имела 1,5—2 миллиона жителей, т. е. 14—18 чел. на 1 км^2. Немного менее жителей, чем в Цизальпинской Галлии, было в римской Провинции, которая еще не обладала культурным хозяйством, а еще меньше народонаселения было в свободной Галлии, где народности постоянно сражались между собою. Самым большим числом, которое следует принимать для плотности населения Галлии, будет 9—12 душ на 1 км^2.

Наименьшее число можно вывести из сравнения с населенностью Германии. Крупные военные походы германцев требовали немалых человеческих масс. Из наших более точных доказательств в следующем томе будет видно, что меньше 5 душ на 1 км^2 (250 чел. на 1 кв. милю) считать нельзя. Бельгия была гуще населена, чем Германия; средняя Галлия гуще, чем Бельгия. Наименьшим средним числом для плотности населения Галлии должно быть 7—8 душ на 1 км^2. Область расселения трех народностей, сражавшихся на Самбре, занимала площадь приблизительно в 18 000—22 000 км^2 (400 кв. миль), из которых 11 000 км^2 занимали нервии; поэтому можно думать, что их было 150 000 душ, или 40 000 взрослых мужчин, из которых, если отнять больных, стариков и рабов, останется максимально 30 000 воинов; возможно и меньше, так как могли быть не все на месте. Римское же войско насчитывало одних только легионеров 40 000 чел.

---

1 Относительно маневра, который они совершили, см. выше, стр. 366.

1. Может казаться странным, что к концу нашего летоисчисления на Апеннинском полуострове насчитывают 25—28 жителей на 1км², в то время как мы берем для римской общины в 510 г. цифру выше 60. Но если в этих цифрах и есть ошибка, то следует скорее считать вторую цифру слишком высокой, чем первую слишком низкой, так как эта последняя должна казаться достоверной по имеющимся правильным записям римской переписи; а если мы добавим, что Рим в 510 г. не мог иметь больше 60 000 жителей, то этим мы еще более подчеркнем, что так оно и было. Надо принять во внимание, что, во-первых, за 500 лет — от Тарквиния до Цезаря — народонаселение Италии увеличилось незначительно; во-вторых, что почти все рабы, а с ними четверть или треть всего населения общины жили в 510 г. в городе, получая подвоз извне; в-третьих, что окрестности были очень заселены не потому, что были плодородны, но потому, что находились под мощной защитой большого города, дававшего бо́льшую охрану по сравнению с другими местностями.

2. Основные положения для нашего расчета взяты снова у Белоха, который недавно освежил свои сопоставления и защитил их в своей статье (в «Rhein. Museum N. F.», т. 54, стр. 414, 1899 г.); ср. также выше стр. 284. Его взгляд на числа, данные Цезарем для войска, пришедшего на выручку к Алезии, я разделяю только отчасти. Он считает силу каждого контингента отдельно по племенам, так как Цезарь брал свои цифры отчасти в соотношении с количеством населения у различных народностей, плотность населения которых уменьшалась по мере удаления от римской Провинции к северу. Это очень ценное статистическое подтверждение факта, о котором мы выводим заключение из общих положений. Больше мы ничего не можем извлечь из этих цифр, так как не знаем, какое соотношение было между призванным контингентом и общим числом имевшихся мужчин, а также производил ли Цезарь набор тщательно или небрежно. Но так как мы добились другим путем сведений о количестве народонаселения Галлии, то считаем, что можно с правдоподобностью сказать, что наборы для Алезии охватили около трети способных носить оружие, т. е. двенадцатую часть населения.

В конечном результате, на основании сравнения с германцами, я беру для общего народонаселения Галлии более высокую цифру, чем Белох, т. е. 7—12 чел. вместо 6,3 чел. на 1 км², что составит в общем для свободной Галлии (имеющей 523 000 км²) от 4 до 6 миллионов человек.

3. Белох («Rhein. Mus.», loc. cit.) определяет владения нервиев (южную часть Северного департамента, Антверпен, Хенегау, половину Брабанта) в 11 000 км², владения атребатов и моринов вместе (департамент Па-де-Кале) в 7 000 км². О вермандуях (графство Вермандуа департамента Эн) ни Цезарь, ни Белох не упоминают. Мы не имеем оснований предполагать, что в странах этих трех народностей была в среднем наибольшая плотность населения, хотя владения их были плодородны и очень живописны. Нервии считались самыми дикими («maxime feri») среди бельгов и не имели даже своего города. Узнав о приближении римлян, они спрятали свои семьи в места, окруженные болотами; это служит явным доказательством хозяйственной отсталости; следовательно, и производство продуктов питания и плотность населения были незначительны.

4. На основании этих цифр вернемся еще раз к гельветам, при переселении которых Цезарь насчитывал у них будто бы 368 000 чел.

Страна гельветов и их союзников занимает площадь, как мы видели на стр. 355, от 18 000 до 25 000 км²; плотность населения должна была быть больше, чем у бельгов, так как страна менее гориста; следовательно, у гельветов могло насчитываться 180 000 — 250 000 душ.

Таких размеров воинская колонна быть не могла, следовательно, в ней участвовал не весь народ, а только часть его. Если же в походе принимала участие

только часть народа, то это подтверждает наше предположение, что тут было не переселение, а чисто военный поход, сопровождаемый из политических соображений некоторым числом семей.

Глава V

Верцингеторикс

Цезарь подчинил Галлию смелым, быстрым наступлением, которое, однако, было соединено с предусмотрительностью и осторожностью. Стратегия и политика шли рука об руку. Сначала он вступил в союз с одной частью галлов, а других разъединил до борьбы с ними. В этих сражениях, сделавших его обладателем громадной территории, он располагал каждый раз армией, численность которой, несомненно, превосходила войско как гельветов, так равно Ариовиста и нервиев.

После первых побед он не сократил своих боевых сил, а значительно увеличил их. Против гельветов он повел 6 легионов; в завоеванной Галлии он имел к концу войны 10 легионов [1], а, кроме того, для защиты Провинции — 2 легиона и 2 когорты [2]; вероятно, и в Цизальпинской Галлии было еще 8 когорт, так что в общем он располагал тринадцатью легионами.

Мы не будем разбирать ни отдельные бои, ни отважные переходы в Британию и через Рейн, но перейдем прямо к самому решительному моменту, когда на седьмом году наместничества Цезаря все галльские племена соединились и восстали против него под предводительством арверна Верцингеторикса.

Надо думать, что Верцингеториксу не представляло затруднений собрать войско, так как в Галлии, наверное, имелся миллион военноспособных мужчин, — войско, превосходившее римское и в решительном сражении способное победить римлян. Верцингеторикс советовал своим соплеменникам использовать свой перевес в коннице, чтобы прервать римлянам подвоз и, кроме того, опустошить кругом свою собственную страну, чтобы таким образом заставить римлян отступить. Если бы это распоряжение было плодом стратегической мудрости Верцингеторикса, то мы считали бы его ум весьма ограниченным, так как какую пользу мог бы принести Галлии уход римлян в Провинцию за продовольствием? Они очень скоро вернулись бы обратно. Освобождения Галлии нельзя было добиться только одними маневрами; чтобы действительно избавиться от римлян, нужно было так разбить их войско, чтобы они потеряли желание вернуться скоро вновь, и так уничтожить их, как это сделали позднее херуски в Тевтобургском лесу. В действительности и у Верцингеторикса мысли были так же направлены. Цезарь вначале не говорит об этом, но упоминает

---

1 Цезарь сам указывает 10 легионов (VII, 34), начиная с седьмого до пятнадцатого и первый. К ним присоединяется шестой после осады Алезии. Ср. примечание у Наполеона III (в нем. переводе, II, стр. 282). Гелер (стр. 333) отбрасывает «шестой легион» и ставит на его место «третий». Мейзель и Кюблер указывают «VIII»; 4 читают «VI» и правильно поступают. Ср. Домашевский, «N. Heidelberger Jahrb», Jahrg. IV (1894), стр. 158, ср. ниже гл. 7, начало.

2 Bell. gall., VII, 65.

только потом, при разборе галльского плана (VII, 66); кроме того, он сам рисует нам Верцингеторикса как крупную личность, так что мы обязаны считать, что галльский национальный герой наметил с самого начала правильный стратегический план — не удалить, а победить римлян. Приказ отрезать доставку продовольствия надо рассматривать только как мероприятие, способствующее созданию благоприятных условий для сражения.

Этими благоприятными условиями, к которым стремился Верцингеторикс, были два: во-первых, перетянуть на защиту национального дела те племена, — а именно эдуев, — которые еще стояли за римлян, и, во-вторых, найти возможность напасть на римское войско во время похода.

Первое удалось, и так как галлы отказались итти в бой, то Цезарю пришлось прибегнуть к осаде главного города битуригов Аварика (Bourges), который он и взял; а затем он разделил свое войско, чтобы подчинить себе каждую народность в отдельности и завоевать их города. Он послал Лабиена с 4 легионами на Париж, а сам пошел с 6 легионами осаждать главный город арвернов — Герговию. Но эти части войск были слабы для решения предстоявших им задач. Цезарь сам при одной попытке нападения у Герговии потерпел поражение, а Лабиен с трудом пробился через галлов, загородивших ему дорогу, чтобы снова соединиться с шедшим ему навстречу Цезарем (в области р. Сены). Ободренные успехом галлы почти все примкнули к арвернам.

Несмотря на то, что Цезарь, после соединения с Лабиеном, усилил еще свое войско присоединением германской конницы, он все-таки не осмеливался оставаться в Средней Галлии, а устроил свою продовольственную базу в римской Провинции. Он направился через страну лингонов (у Лангра), которые еще были с ним в союзе, в страну секванов. Гелер, как и Наполеон III, считает, что он должен был итти на Безансон, чтобы сделать этот город своим опорным пунктом.

Оттуда, считает Гелер, он мог бы скорее оказать помощь римской Провинции, чем с севера, из страны сенонов, а, кроме того, он не оставил бы совсем и Галлию. Наполеон еще добавляет, что он не мог даже думать о том, чтобы итти прямым путем через страну эдуев, бывшую очагом восстания. Если бы это было так, то мы присутствовали бы на странном спектакле, где оба противника одновременно избегали бы сражения.

Неужели дело зашло так далеко, что Цезарь, не будучи разбит в открытом поле, должен был не только очистить Галлию, но и избегать противника? Если же он должен был отойти к границам Провинции, то это было по другим причинам: он шел прямым путем через неприятельские владения, причем противник избегал вызова; в последнем случае у него был моральный перевес над противником, а если бы он поступил, как утверждают Наполеон и Гелер, он убежал бы крадучись.

Предположения Наполеона и Гелера вообще неправильны. Секваны были так же враждебны по отношению к римлянам, как и эдуи, да и вообще мы не знаем, намеревался ли Цезарь итти на Безансон. Город был укреплен самой природой, и неизвестно, находился ли в нем римский гарнизон. Следовательно, если бы Цезарь решил сделать его своим опорным пунктом, то надо было бы раньше осадить и взять его, но для этой цели он не представлял особенно выгодных условий, а был скорее неудобен.

Поход Цезаря к секванам должен быть объяснен иначе. Он сам говорит, что направился по этому пути, чтобы легче было оказать помощь Провинции, ввиду того что Верцингеторикс не довольствовался только действиями против войска Цезаря, но делал еще набеги на Провинцию, чтобы этими диверсиями вынудить Цезаря совершить маневр из Галлии. Еще важнее помощи, которую он мог оказать Провинции, было для Цезаря продовольствие, которым Провинция могла его регулярно снабжать, так как немногие оставшиеся еще верными племена в состоянии были продолжительное время кормить такое громадное войско. Цезарю нужна была теперь позиция, с которой он мог бы добывать продовольствие, прикрывать Провинцию и с которой он мог бы одновременно давить и на Галлию. Поэтому он направился не на Безансон, а на р. Сону, в открытую местность восточнее Кот-Дор, через плоскогорье у Лангра, где не так легко было устроить ему засаду. На р. Соне он снова мог повторить тот маневр, которым он покорил бельгов. Если бы он на этой реке или дальше вниз, где р. Дубс вливается в р. Сону, разбил укрепленный лагерь, то галлы не в состоянии были бы вытеснить его оттуда. Стоя на правом берегу, он все время держал бы соседние народности, а именно эдуев, в страхе перед внезапным нападением, в то время как особо выделенные легионы успели бы снова на левом берегу подчинить секванов и гельветов. Верцингеторикс не мог бы притти на помощь, так как не хотел бы оставить страну эдуев на произвол судьбы, и не мог бы решиться переправиться через р. Сону, опасаясь нападения всего римского войска по ту сторону реки. Если же Цезарю удалось бы усмирить население левого берега реки, то он был бы обеспечен свободным сообщением с Провинцией; он мог бы даже, принимая известные меры предосторожности, получать продовольствие из Провинции самым удобным путем: водой по р. Соне, которая до Грея была судоходна.

Я уверен, что таков был стратегический план Цезаря и что Верцингеторикс догадывался об этом; он понимал, что настал момент, когда нужно приблизить развязку, а для этого надо совершить нападение на Цезаря во время похода, до того, как он достигнет р. Соны. Он рассчитывал посредством конных атак расстроить походные колонны Цезаря [1]. Но эти нападения не удались, так как Цезарь к своей коннице, в которую влил вновь навербованных из германцев воинов, присоединил подкрепление в виде сомкнутых частей пехоты; Верцингеторикс же не пустил своей пехоты в бой. Галлы были совершенно разбиты. Вместо того чтобы продолжать продвижение к р. Соне, римское войско занялось преследованием неприятеля. Верцингеторикс удержал бегство только тем, что бросился в город Алезию (Alise S-te Reine на Mont-Auxois, между Нюи и Дижоном); там Цезарь его и запер, чтобы начать осаду. Так как галлы очистили поле, то у Цезаря явились место и время для прокормления, хотя и с трудностями, своего запертого осадой [2] войска.

---

[1] Хольмс после тщательной проверки всех предположений относительно места этого сражения указывает на то (стр. 780), что полной достоверности достигнуть в этом вопросе нельзя, но что наиболее правдоподобна гипотеза Гужэ (Gouget), которая предполагает поле сражения около Дижона. Во всяком случае Наполеон III неправильно указывает место на 6 миль дальше на северо-восток, между Финжан и Баденом, южнее Лангра.

[2] Ср. «Bell. civile», III, 47. Трудно себе представить, как могло войско, насчитывавшее 100 000, а, может быть, и более человек, пропитаться вместе со всеми

Но вот на выручку запертого в Алезии войска подошло общее ополчение всех галльских племен. Должно было произойти большое сражение, без которого не могло быть решения вопроса. Но если Верцингеторикс не решался отправить свою пехоту раньше в открытое поле на борьбу с легионами, то тем менее могли галлы рассчитывать теперь на победу.

Цезарь употребил те 5—6 недель, которые прошли с начала осады до прибытия освободительного войска, на постройку укрепления с обеих сторон. Наполеон III велел произвести раскопки, которые восстановили почти полностью картину укреплений, совпадающую с указаниями в «Галльских войнах» (bellum gallicum). Контрвалационная линия имела 16 км длины, циркумвалационная линия равнялась 20 км, а открытую местность он усилил всякими искусственными препятствиями, мешавшими приближению, как-то: капканами, волчьими ямами с острыми кольями, расположенными в 8 рядов в шахматном порядке.

Для анализа решительного сражения нам нехватает еще больше, чем раньше, определения численности войска. Цезарь имел 11 легионов, нумидийских и критских стрелков из лука, германских всадников и вдвойне вооруженных, — в общем не менее 70 000 чел. Галлов он исчисляет в 80 000 чел., а освободительное войско в 250 000 чел. пехотинцев и 8 000 всадников. Так как мы знаем, насколько он преувеличивает силы неприятельского войска, то и тут мы усомнимся в правдивости его указаний. Не раз уже мы сомневались в том, что осажденных было 80 000. Вполне достаточно было 20 000 чел. для защиты города и было бы неразумно со стороны Верцингеторикса оставлять в городе много людей, имея мало продовольствия. Так как Цезарь сообщает нам, что, надеясь на конницу, Верцингеторикс не призывал всеобщего ополчения пехоты и что до окончания постройки римских укреплений он нашел возможным отослать конницу из Алезии, то мы можем с уверенностью сказать, что он и пехоты оставил у себя только в необходимом количестве, т. е. не больше 20 000.

В освободительном войске 250 000 пехоты и 8 000 всадников не кажутся с первого взгляда цифрой преувеличенной. Почти вся Галлия,

---

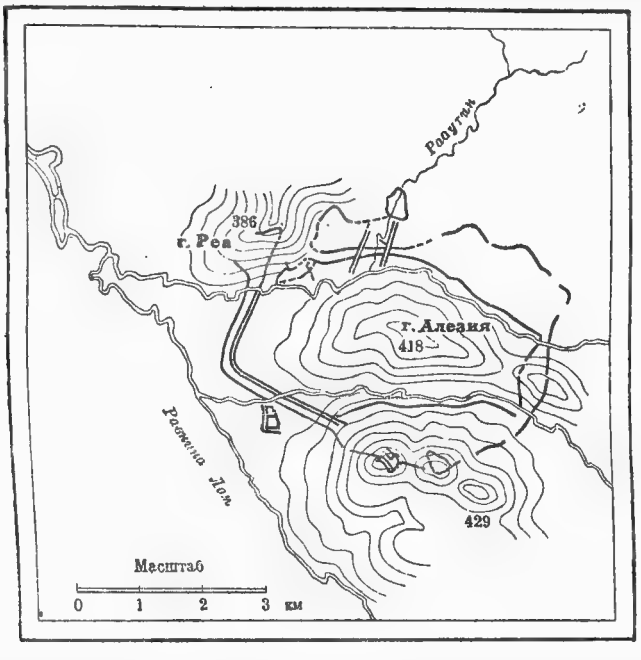
лошадьми, находясь в течение 6 недель на одном месте в неприятельской стране (ср. Илерда). Нужны были колоссальные подвозы издалека. Как могли они пробираться через враждебные страны? Я думаю, что в Виенне были скоплены большие (запасы), доставлявшиеся по р. Сене до места, от которого до Алезии оставалось всего 6 миль сухого пути.

Позже мы видим, что шестой легион соединился с основным войском: возможно, что, сопровождая транспорт, он столкнулся с ним во время осады. Возможно, что он только выступил в поход, когда Цезарь с севера подошел к нему. В первое время после победы, пока галлы вооружались и собирались соединиться, легион этот мог беспрепятственно охранять транспорт на левом берегу р. Соны и доставлять его, а для приема транспорта Цезарь мог посылать отряд с фургонами. Странным все-таки кажется, что, если даже река и охранялась от натиска большей части галльского войска, то как гельветы и секваны не пытались перехватить транспорт? Ведь до тех пор весь стратегический план сводился к тому, чтобы отрезать подвоз продовольствия. Возможно ли, чтобы секваны, невзирая на утверждение Цезаря, не принимали участия в этом восстании? Как бы то ни было, но на такое большое войско не могло хватить продовольствия в окрестностях Алезии, а потому нужно было регулярно подвозить и фураж и продовольствие, без чего осада Алезии была бы немыслима, а для транспорта требовались войска, которые охраняли бы его. Сравните, какими трудностями была обставлена доставка продовольствия в 1870 г. немецкому войску, осаждавшему Мец, несмотря на близость немецкой границы и железнодорожного сообщения. Все это приведено в моей речи «Дух и масса в истории» («Geist und Masse in der Geschichte», «Preus. Jahrb.», т. 174, стр. 193, 1912).

имевшая 4—8 миллионов душ (из которых 1—2 миллиона мужчин), встала на борьбу; она смело могла выставить для решительного сражения за народную свободу 250 000 чел.

Но если мы подумаем, что представляло собой 250-тысячное войско, то увидим, что оно втрое превышало самое большое войско, о котором до тех пор слышала мировая история, т. е. римское войско в сражении при Каннах. Разве галльский главнокомандующий был в состоянии оперировать с 250-тысячным войском? В таком случае было непростительным и непонятным упущением со стороны Верцингеторикса не взять всеобщего ополчения и не выступить с ним на поле сражения.

Сделав еще шаг вперед, мы должны будем сказать, что не только галльский полководец не был в состоянии оперировать с ополчением



в 250 000 чел., но даже самое представление о том, что можно было легко собрать в таком большом народе, как галлы, 250 000 воинов, неправильно. Мы знаем, что число воинов, которое население может дать, зависит, — как это мы видели в Персидских войнах, — не столько от числа мужчин, сколько от социальных условий и военной организации. В достаточно нам известных средневековых государствах мы не можем установить соотношения между численностью войска и способными носить оружие мужчинами. Численность войска определяется не общей численностью народной массы, а наличием особого военного сословия. Но это как раз и сообщает Цезарь о галлах. Простой народ живет почти в состоянии рабства, — говорит он нам (VI, 13), — а воинами являются рыцари со своими дружинниками. Допустим, что такой порядок имеется не у всех галльских народностей. Гельветы и союзные бельги не утратили даже в массе воинской доблести. Не будем долго проводить аналогии между средневековым и галльским военным положением, но признаем, что и у последних были какие-то нам не вполне известные различия. Но что народная масса, находившаяся в рабстве

и не привыкшая к оружию, имела особое военное сословие, не подлежит сомнению.

Чтобы образовать гигантское галльское войско, о котором сообщает Цезарь, нужно было, как мы себе это представляем, призвать всеобщее ополчение. Но всеобщее ополчение из неприспособленных к войне людей не представляет ценности, в боях они бесполезны, а в смысле расхода продовольствия на них являются даже вредными. Поэтому средневековые войска и в самых решительных сражениях были незначительны.

При осаде Алезии, когда настал решительный момент, дело стало обстоять иначе: трудности снабжения продовольствием отошли на второй план на неопределенное время для непредвиденных операций — так же как и трудности тактических маневров в бою. Возможным представляется и призыв известной части ополчения. Но течение борьбы не позволяет предполагать численное превосходство галлов. Это уже признал острый и практический ум Наполеона I: он также считает, что Верцингеторикс имел в Алезии не больше 20 000 чел., и говорит, что освободительное войско не вело боевых действий и не маневрировало, как войско, превосходившее противника, но как равное ему. Следовательно, из хода самого боя мы должны составить себе представление о вероятной численности галлов.

В день прибытия освободительного войска, которое расположилось лагерем юго-восточнее Алезии, произошло сражение между галльской и римской конницами, где, по словам Цезаря, снова победили германские всадники при помощи римских когорт. Вероятно, галлы хотели этим боем обеспечить приближение пехоты.

Затем, употребив день на вооружение, они совершили ночное нападение на окопы, расположенные на равнине Лом, шириною около 3 км. После того как их нападение было отбито, они направили в следующую ночь колонну к северу, к горе Реа, где по склону горы должен был итти вал, и потому его удобно было атаковать с вершины. В полдень начался штурм одновременно с обеих сторон; что касается Верцингеторикса, то он так же, как и в предыдущие дни, атаковал изнутри контрвалационную линию. На горе Реа галлы столь яростно набросились на неприятеля, что римляне дрогнули; тогда Лабиен по приказу Цезаря двинулся из окопов с некоторым числом когорт [1] и с кавалерией; сделав с ними обход выше, у ручья Рабутена, он ударил во фланг и в тыл галльских штурмовых колонн. Этот удар с переходом в наступление решил исход сражения. Галлы предались бегству как здесь, так и на равнине Лом; Верцингеторикс вернулся со своими войсками обратно в город и сдался.

Окружность вала и насыпи, как мы видели, равнялась, примерно, 36 км. Если войско Цезаря состояло из 70 000 чел., то на каждые полметра бруствера приходился 1 чел., так что вся армия до последнего человека была поглощена защитой укреплений.

---

[1] По рукописям, Лабиен совершил нападение с 39 или 40 когортами. Число это преувеличено, как уже давно доказано; больше трети пехоты нельзя взять с одного места для вылазки. Поэтому вместо XL предположили цифру XI, а Мейзель и Кюблер внесли последнюю цифру в текст. Если бы это число было сообщено, то из него можно было бы заключить, что штурмовые колонны галлов не были так сильны, как их описывал Цезарь, но так как число это основано на догадках, то и принимать его в расчет нельзя.

Галлы в первый раз произвели нападение на равнине шириной в 3 км. Если бы их войско действительно состояло из 250 000 человек, то оно могло бы атаковать, имея по фронту 2 000 чел. и в глубину 120 чел. и будучи прикрыто справа и слева конницей. Если мы представим себе, что такая масса подвижна, то она смогла бы взять любое укрепление, так как задние шеренги, которых поражение почти не коснулось бы, были бы в состоянии давить на передние, заполнять вместе с ними все рвы, покрыть все препятствия и по грудам трупов ворваться в крепость. Но эта фантазия неосуществима: сомкнутая масса в 250 000 чел. не может быть подвижной. Самым разумным и естественным применением такой массы было бы использование ее для многократных частичных атак и, главным образом, ночных, так как при таком маневре противнику труднее отличить сильный натиск от демонстративной атаки.

Только на следующий день галлы решили разделить войско, причем укрепились только в двух пунктах, вместо того чтобы одновременно произвести штурм со всех сторон, откуда только был возможен подступ.

В этом еще одно бесспорное доказательство того, что они не имели перевеса, а, может быть, даже были значительно слабее; если бы у них было хотя бы на 10 000 больше войска, чтобы появиться в долине Рабутена, то они обеспечили бы этим фланг при нападении на горе Реа, и Лабиен не мог бы произвести решительную вылазку. Опоздание не было следствием недомыслия; Цезарь сам сообщает нам, что галлы прекратили первое нападение с восходом солнца, так как боялись, что римляне атакуют их во фланг.

Замечание Наполеона I, что оба противника имели равные силы, правильно, если только его оценка не является слишком высокой для галлов. Не надо упускать из виду, что Цезарь не мог оставить ни одного пункта своего тянувшегося на многие мили укрепления без охраны или без резерва в ближайшем соседстве. Он не мог не расчленить своего войска: неприятель мог выбрать любой пункт для массового нападения, причем одновременно можно было ожидать и вылазки со стороны осажденных, так что римские солдаты находились под угрозой тыловой атаки. Поэтому оборона осаждавшей армии от нападений армии, снимавшей блокаду, принадлежит к одной из самых трудных стратегических задач даже при равных силах; ввиду этого многие полководцы считали принятие боя при такой обстановке неправильным. В следующих томах этого произведения мы еще много будем говорить об этом.

Если считать правильным, что при Алезии силы противника были равны, т. е. если у Цезаря было 70 000 воинов, то около 20 000 галлов было заперто в городе, а 50 000 явились на выручку. Для галльского войска такая цифра является слишком высокой; боевое напряжение даже такой большой страны не могло ее дать. Надо предположить, что рыцарство, так же как и саксы в борьбе с Генрихом IV, усиливало свои ряды в таких крайних случаях смелыми выходцами из народа и крепостным крестьянством. Многие рыцари оставляли коней и становились в ряды пехоты; то же мы можем заключить из рассказа Цезаря, где он исчисляет всадников Верцингеторикса в 15 000, а в освободительном войске — только в 8 000. Средневековая история знает много примеров, когда рыцари оставляли коней и сражались во главе пехоты, составленной из слуг или из народа.

Если это может служить характеристикой для состава и силы галльского войска, явившегося для снятия блокады, то нам станет понятным образ действия Верцингеторикса во время данного похода. Этим же будет объяснено и противоречие, почему галльская пехота при Алезии, с которой Верцингеторикс не решался выступить в открытом поле против римлян, шла с таким громадным мужеством на штурм римских земляных укреплений.

Войско при Алезии надо рассматривать как самое мощное, которое галлы могли стянуть к одному пункту. Оно могло быть только равно римскому. Но римляне превосходили плохо организованные толпы галлов способностью маневрировать и совершать любое передвижение на поле сражения [1]. Их культивированный воинский дух и строгая дисциплина давали им возможность прокормиться при условиях, при которых галльские военные толпы пожирали вмиг свои запасы. Поэтому Верцингеторикс и должен был избегать организованных сражений. Численного перевеса, который являлся бы порукой успеха, у него не было, а Цезарь, — если бы Верцингеторикс и сумел не надолго добиться перевеса,— не принял бы сражения, но как на втором году войны с бельгами, постарался бы задержками постепенно рассеять большое галльское войско. Поэтому Верцингеторикс не объявил всеобщего галльского призыва, а удовольствовался пехотой из 20 000—30 000 чел., рассчитывая исключительно на призванное многочисленное и доблестное галльское рыцарство. Даже когда представился случай к предполагавшемуся нападению, пехота не была введена в бой, чтобы не подвергать ее нападению имевшего перевес римского войска. Все это было правильно задумано, но организация римского войска, умевшая охранять обоз в походных колоннах и дававшая коннице активную поддержку в лице пехоты, разрушила план Верцингеторикса. Не оставалось никакого выхода, кроме как подвергнуться осаде и стянуть войска для снятия блокады; здесь было то преимущество, что галлы могли выступать большими массами, что Цезарь не мог производить маневры, что у галлов была возможность выбора пунктов нападения и что Цезарь попадал между двух атак; однако, он противопоставил им такие грозные укрепления, что смелый набег галлов разбился о них.

[1] Фейт на стр. 177 говорит, что Верцингеторикс не жалел ни времени, ни трудов для переобучения армии по римскому образцу. Об этом Цезарь не упоминает, а основано это утверждение на ложном понимании существа обучения. Для обучения требуется дисциплина, которая даже посредством величайшей строгости не создается вдруг, но внедряется постепенно и становится привычкой, традицией. Цезарь же говорит (VII, 4) о том, что Верцингеторикс собрал и обращался с войском с величайшей строгостью и жестокостью (VII, 29, 30), заставляя его вопреки привычкам укреплять лагерь по римскому образцу.

Глава VI

Римское военное искусство в борьбе с варварами

Стратегия Цезаря в Галлии была основана на том, что он избегал галлов там, где они были сильны, а то, в чем римляне были сильны, он умел противопоставить слабым сторонам галлов. Сила галлов заключалась в численности более или менее воинственных народностей. Если бы Цезарь разделил свои легионы для того, чтобы все эти народности одновременно победить, а потом уже снабдить своими гарнизонами все их крепости и города, с целью держать их в узде, то римляне были бы побеждены. Однажды в 4-м году, когда Цезарь ввиду плохого урожая разместил войско, в целях снабжения его продовольствием, по различным зимним квартирам, 1½ легиона подверглось нападению эбуронов, а так как начальники этих легионов не проявили единодушия, то римляне были полностью уничтожены. Эти 1⅓ легиона со вспомогательными отрядами и всадниками были численностью около 9 000 бойцов.

В войне с Верцингеториксом Цезарь, когда увидел, что галлы избегают сражения в открытом поле, снова применил метод дробления неприятельского войска, в результате чего оно потерпело поражение. Сам Цезарь не был настолько силен, чтобы запереть галлов в Герговии, а одно его отважное нападение не удалось и повлекло большие потери. Только потому, что римское войско действовало согласованно, блокада Алезии удалась.

Когда же Алезия сдалась, то уже было нетрудно в течение следующего года победить еще кое-какие сопротивлявшиеся народности.

Но самым искусным шагом в стратегии Цезаря было подчинение бельгов на 2-м году. Если бы еще нервии не совершили своего нападения, то все эти воинственные народы подпали бы почти без борьбы под тяжелую пяту римлян: Цезарь не только избегал сражения как такового, но раньше, чем он его принимал, он создавал благодаря дроблению неприятельских боевых сил настолько благоприятные условия для римлян, — а именно такой значительный перевес в каждом данном месте, — что бельгийские народности не отваживались вступать в бой.

Когда современные народы сталкиваются с варварами, то заранее можно предвидеть исход ввиду высокой техники у первых, но в древние времена соотношение сил не было таким простым.

Спрашивается: в каком отношении римская военная мощь стояла выше варварской? Варвары имеют то преимущество перед цивилизованными народами, что обладают животными инстинктами и суровостью. Цивилизация облагораживает человека, делает его более чувствительным и понижает этим боеспособность не только в смысле телесной силы, но и в смысле психологического подъема. Этот недочет должен быть восполнен искусственным образом. Шарнгорст был первым, выразившим мысль, что умение культурных народов благодаря дисциплине противостоять некультурным является заслугой всякого войска. Любая часть римлян, живших дома жизнью горожан или крестьян, не могла бы противостоять такому же количеству варваров

и, вероятно, убежала бы от них без борьбы. Только создание тесно спаянных тактических единиц — когорт — сделало их равными по силам.

По Цезарю нам трудно с уверенностью представить себе, в какой стадии развития находились галлы в его время [1]. Исключительно воинственным варварским народом они не были уже в течение нескольких поколений. Они имели города, промышленность, торговлю. Национальное жречество друидов превратилось в иерархию. С народом, — говорит Цезарь (VI, 13), — обращались, как с рабами: повинностями, налогами и всякими притеснениями власть имущие доводили простых смертных до того, что они начинали считать себя в крепостной зависимости. Эти власть имущие и составляли военное сословие — рыцарей и их свиту; а выделенный из масс особый военный класс не может дать массового войска. То, что мы сократили в смысле количества, мы должны прибавить к качеству. Цезарь делает различие между народами; так, например, гельветов, нервиев и беловаков он считает особенно храбрыми. Вероятно, и существовала такая разница; но и у арвернов, битуригов и карнутов тоже, вероятно, не заглох воинский дух, причем те элементы, которые сражались на поле брани с римлянами, должны быть рассматриваемы как исключительно храбрые воины, — как военщина, в которой сочеталось вытекавшее из принадлежности к военному сословию чувство чести с воинственными инстинктами варваров.

Но и римское войско не состояло из одних только утонченных культурой граждан. Легионы Цезаря, составленные из воинов, завербованных или призванных в Цизальпинской Галлии или в Нарбонской провинции, были укомплектованы по большей части романизированными кельтами. Если до этого римские граждане образовывали войско, то теперь это на практике почти стало набором: вступление в войско стало путем к получению римского гражданства, причем римское войско не отказывалось вступать в соприкосновение с первобытной нетронутой силой.

Но то было лишь соприкосновение, а не заполнение варварскими элементами, — как, например, тогда, когда германская конница была присоединена к римскому войску. В сравнении с легионерами галлы являются варварами, но римский легионер в отдельности не стоит выше этих воинов. Не надо думать поэтому, что при равных условиях римская когорта из 600 чел. должна победить такое же количество галлов. Мы видели уже, как избегал Цезарь сражений, если противник превосходил его численностью; наоборот, он стремился сам обладать численным превосходством. Тонкости построения когорты и эшелонной тактики недостаточны все-таки для того, чтобы победить кипучую храбрость варварских полчищ, если они к тому же еще численно превосходят противника. Это обстоятельство имеет первостепенное значение для последующего времени, и мы при разборе других эпох мировой истории еще вернемся к нему.

Превосходство римской военной организации было основано на том, что можно было сосредоточить в одном месте большие массы войска и правильно их питать, передвигать и поддерживать дисциплину. Этого всего галлы не умели. Не римская храбрость, которой

[1] Свидетельство Диодора (кн. V, гл. 28 и сл.) очень красочно, но для нас непригодно.

у них было не меньше, но римская масса подавила их, — и опять не потому, что эта масса количественно была больше, но потому, что масса галлов была неподвижна, мертва. Римская культура победила варварство, так как привить большим массам подвижность — это большое искусство, основанное на высокой культуре; этого варварство не имело. Римское войско было не просто массой, а организованной массой, и ввиду этого являлось многообразным живым организмом. Для этого нужны были не только солдаты и оружие, всадники и пехотинцы, не только легаты, трибуны, центурионы, легионы, когорты, манипулы, центурии, дисциплина снизу, командование сверху, авангард, арьергард, патрули, донесения, лагерное расположение, но нужен был и квестор (казначей) со своим аппаратом служащих и контролеров; нужны были инженеры с их инструментами и уменьем наводить мосты, строить тараны, сооружать валы, блокгаузы, орудия и корабли; интенданты — с их повозками; нужна была армия поставщиков с их агентами; врачи и лазареты, магазины, цейхгаузы, арсеналы, кузнецы и, наконец, глава всего — вождь, в котором природная сила должна была сочетаться с эластичностью и тонкостью духа и рассудка, развитого в сфере высокой культуры, чтобы быть в состоянии все постигать и своей единой волей все и всех направлять.

Все указанные обстоятельства затемняются представлением, будто галльское войско, побежденное Цезарем, превосходило его значительно численностью. Если Цезарь рисует нам свою победу в таких тонах, то мы не должны быть на него за это в претензии, так как победа меньшего числа людей над большим является в глазах толпы геройским подвигом и создает представление о стратегической гениальности. Проникнуть сквозь эту оболочку к ядру является делом научного исследования, причем познание сути не следует понимать как умаление талантливости исторически великого римского полководца,— наоборот, только таким путем мы доходим до истинного познания. Когда мы узнаем о том, что 70 000 чел. победило 300 000, у нас создается представление о храбрости и о силе, но это еще не настоящее познание. Лишь после того, как мы узнаем, что один галл равен одному римлянину, а 10 000 галлов равны 10 000 римлян, в нашем представлении вырастает данная Цезарю стратегическая задача, — и тут-то мы приходим к заключению, что не только Цезарь победил Ариовиста и Верцингеторикса, но и что Рим победил германцев и галлов, а культура — варварство.

Для того чтобы дойти до такого признания, надо было снизить авторитет Цезаря как бытописателя; многие ученые не примкнут к этой критике, которая требует таких же признаний в отношении Цезаря, как и в отношении Геродота, и выразят ей принципиальное недоверие. Поэтому надо рассматривать как большую удачу, что у самого Цезаря имеется цитата, где он дает точное соотношение сил и тем помогает критике фактов. Описывая самое тяжелое поражение, которое его войско пережило в Галлии, когда эбуроны уничтожили 1½ римских легиона, он прибавляет, что по численности и по храбрости противники были равны, но римляне были покинуты и начальниками и счастьем (V, 34). Исследователи уже давно обратили внимание на то, что эта фраза находится в противоречии со всеми описаниями. Гелер («Philologus», т. 31, 1872 г., стр. 512) называет эту цитату «бессмысленной». «Как, — говорит он, — римляне были по численности воинов равны галлам? Неужели эбуроны, не имея числен-

ного перевеса, вышли бы в поле и осмелились бы напасть на один из самых укрепленных лагерей; неужели, невзирая на тяжелый пятилетний опыт войны, они посмели бы атаковать римское войско, равное им по численности? Ни один военный не поверит этому; только школьников можно в этом убедить!..»

Вместо «они не уступали нам ни в храбрости, ни в числе сражавшихся, но были покинуты начальниками и счастьем» он читает «они сражались храбро и упорно», а Мейзель в своем новом издании предлагает вариант: «они сражались храбро и были многочисленны». Мы, со своей стороны, признаем, что именно в этой фразе кроется истина, — что эбуроны могли собрать среди рыцарства и ополченцев 9 000 чел., т. е. столько же, сколько имел римский корпус: мы не отбрасываем исчислений Цезаря, но только отбираем необходимые данные среди его же разноречивых указаний. Но примем аргументацию Гелера и подойдем к решению задачи с другого конца: так как Цезарь сам говорит, что равная по числу группа галлов победила римлян только потому, что начальство бросило последних, то не может же быть, чтобы в других сражениях римляне побеждали противника вдвое и даже чуть не вчетверо многочисленнее их. Цезарь сам сообщает все это нам и своим согражданам. Римляне привыкли получать гиперболические вести о победах, — как, например, от Суллы, который при Херонее победил 120 000 чел., имея сам 16 500 чел. и потеряв при этом всего 12 чел.; или от Лукулла, который при Тиграноцерте победил 250 000 чел., в том числе 55 000 чел. конницы, имея всего 14 000 воинов, причем 5 чел. было убито и 100 ранено. Все эти цифры кажутся скромными в сравнении с 13 000 греков, которые, по Ксенофонту или согласно его интерполятору, победили 900 000 персов при Кунаксе. Все это доказывает, что римляне так же, как и греки, находились в отношении войск варваров под каким-то численным гипнозом, который затуманивал даже самые светлые умы. Возможно, что Цезарь находился под обаянием таких представлений. Мы во всяком случае можем принять из всех его указаний о численности галльских и германских войск только сведения об эбуронах и обсуждать римские и варварские методы ведения войн, положив в основу то обстоятельство, что каждый солдат в отдельности равен по качеству своему противнику.

Осознать все это так важно, что я хочу еще раз сформулировать свою мысль.

Общепринято считать, что варварское войско было массовым. Мы, наоборот, доказали, что варвары не могли дать массового войска. Даже там, где масса боеспособных мужчин имелась в наличии, как в Галлии, составить массовое войско было нельзя: не умели ни передвигать, ни оперировать им. Способность передвигать человеческие массы есть продукт культуры. Человеческие массы — не мертвый материал, который при помощи грубой силы можно по желанию громоздить один на другой. Чтобы создавать массы, нужно уметь расчленять их и организовывать. Победа посредством масс кажется с первого взгляда победой благодаря физической силе, что при некоторых обстоятельствах и бывает; но если масса слишком велика, то надо приписать победу организующему и руководящему началу.

* * *

Все эти мысли я изложил, добавив некоторыми новыми выводами и примерами в своей речи «Дух и масса в истории» («Geist und Masse in der Geschichte», «Preus Jahrb.», т. 147, стр. 193, 1912 г.), а затем—в одной из целой серии лекций, которые я читал в 1913 г. на английском языке в Лондонском университете. Они появились под названием «Numbers in history» у Hodder & Stoughton в Лондоне.

Глава VII

Гражданская война в Италии и Испании

Как мы видели на примере Цезаря в Галлии, стратегия должна уметь уклониться от сил противника и противопоставить свою силу его слабости. Точно так и поступал Цезарь в гражданской войне; но эти же методы надо было применять здесь иначе, так как и условия войны были иные. Устраивать укрепленные лагери, правильно довольствоваться, занимать выгодные позиции и производить маневры римские противники Цезаря умели так же хорошо, как и его войско. Что касается материальных преимуществ, то тут они настолько были больше, чем у автономного военачальника, что власть имущие в Риме не верили даже в возможность этой войны. Цезарь отдал из своих 13 легионов два Помпею и оставил себе 11 [1]. Помпей имел в Испании 7 старых опытных легионов, а в Италии, кроме двух легионов Цезаря, еще и третий в периоде формирования; за этими силами, почти рав-

[1] Ср. выше стр. 391 и 394. Если эти цифры и не совсем точно переданы, то все же их можно принять. Домашевский в своем ценном сочинении «Войска в междоусобной войне с 49 до 42 гг. до Р. Х.» («N. Heidelb. Jahrb.», IV, 1894 г.) доказал, что Цезарь к началу войны имел 11 легионов. Так как в походе против Верцингеторикса упоминается только 10 легионов, а потом на зимних квартирах—11, то ввиду того, что Цезарь два легиона отдал, осталось, собственно говоря, всего 9. Домашевский объясняет это следующим образом: Цезарь, как только почувствовал приближение конфликта, образовал еще два новых легиона взамен двух отданных им. Но мне кажется, что можно это лучше объяснить: Цезарь имел в 52 г., кроме указанных выше 10 легионов, еще 22 когорты, защищавшие Провинцию (VII, 65) и набранные в ней, следовательно, имевшие в своем составе не только римских граждан. V легион Алауда был именно таким негражданским легионом. По Светонию, Цезарь, сорганизовал этот легион уже во время Галльской войны, а не потом, как думал Домашевский, не в 50 г. Скорее всего V легион относился к тем 22 когортам 52 г., а также и VI. Однако, Светоний, вероятно, говорит только о легионе из варваров. Но если мы присоединимся к мнению, что VI легион только впервые упоминается в Комментариях; что он, по словам Наполеона III, был уже в главных войсках при Алезии; что Цезарь ни в каком случае не мог тогда иметь в Цизальпине еще один легион из ветеранов, то нам станет ясным, что Цезарь после поражения Верцингеторикса, когда Провинция уже не нуждалась в прикрытии, использовал часть гарнизона для решительного сражения. Отсюда мы выведем заключение, что этот легион был частью набранных в самой Провинции для ее защиты 22 когорт, «praesidia ex ipsa coacta provincia».

Против этого можно возразить, что в bell. Alex. 69 о VI легионе сказано, что он уменьшился на 1 000 чел. из-за лишений и потерь («crebritate bellorum» — вследствие частых сражений) и что он был распущен вместе с другими ветеранами в 45 г. Если же он был составлен только зимой 53/52 г. (может быть, и раньше), то должен был участвовать в сражениях, имевших целью защитить Провинцию,— в освободительном сражении при Алезии,— и проделать всю междоусобную войну,

ными силами Цезаря, стояла вся масса римского государства со всеми вспомогательными средствами, так что легионы можно было формировать по желанию в любом количестве. Единственным преимуществом Цезаря (кроме симпатий широких народных кругов, выразителем демократических принципов которых он являлся) было то, что силы противника еще не были сосредоточены. Разъединить их, как бельгов, если бы они соединились, уже не было возможности; еще меньше можно было рассчитывать на то, что Помпей не сумеет свои многочисленные массы сосредоточить в одном пункте, если дать ему на то время. Следовательно, Цезарь мог надеяться победить при том условии, если он нападет на противника раньше, чем имеющиеся силы соединятся, а вновь образующиеся — присоединятся к ним.

Цезарь, находясь во главе только одного легиона в Верхней Италии, повел переговоры с Помпеем, так что последний еще не считал пока нужным спешно снаряжаться. Но Цезарь успел стянуть еще два легиона и напал на противника. Эти три легиона со вспомогательным войском составляли около 20 000 чел. и могли дать в данный момент Цезарю в Италии перевес над противником. Правда, Помпей имел тоже 3 легиона на полуострове, но два из них были старые легионы Цезаря, и Помпей не настолько доверял им, чтобы направить их против их старого полководца; третий же легион являлся небоеспособным, новообразованным. Почти без сопротивления прошел Цезарь всю Италию. Вновь составленные Помпеем когорты распылились, перешли к Цезарю или, попав к нему в плен, перешли на его службу. Сенаторы-оптиматы, во главе с Помпеем, бежали в Грецию.

Помпея упрекают в том, что он не явился на выручку сенатского отряда, находившегося в Корфиниуме под начальством Домиция Агенобарба и запертого Цезарем. Очень метко сказал по этому поводу Стоффель, что здесь была бы совершена та же ошибка, которую сделал Мак-Магон, когда он хотел с недостаточными силами выручить Базена при Меце. Он только погубил этим и себя. Помпей обладал стратегическим чутьем и достаточной выдержкой, чтобы предоставить Домиция Агенобарба своей судьбе и спас благодаря этому ядро армии для последнего решительного боя.

Цезарь повернул в Испанию. Он мог бы следовать непосредственно за Помпеем, а свои легионы из Галлии вызвать через Иллирию к себе. Тогда он овладел бы почти без сопротивления всем востоком, где во-

т. е. провести 6 лет в интенсивных военных походах до того, как Цезарь повел его из Египта против Фарнака. Домашевский (стр. 171), даже признавая, что V легион был образован в 50 г., считает, что в 48 г. он был легионом ветеранов.

Примечание ко 2-му изданию. Гребе (изд. Отто Гиршфельд, 1903 г., отпечатанное во 2-м издании Друмансом «Römische Gesch.», т. III, стр. 702) в исследовании о легионах Цезаря приходит к выводу, что V легион образовался из когорт, составленных в 52 г. в Провинции. Но он относит их к 51 г., VI легион гражданской войны образован в 50 г., после того как старый VI отошел к Помпею и был у него обозначен номером 1.

Восемь когорт, о которых я думал, что они находятся в Цизальпинской Галлии, у него совершенно отбрасываются. Таким образом, по его мнению, Цезарь имел в 52 г. только 10 легионов. Разница незначительная, так как весь вопрос сводится к тому, были ли легионы раньше или позже образованы из 22 когорт и были ли эти 8 когорт в Цизальпинской Галлии в 52 г. О том, что новообразования были в 50 г., говорит письмо Цицерона к Аттику (в декабре 50 г.), цитируемое Гребе: «Следовало сопротивляться, и это было легко; теперь имеется 11 легионов, а конницы столько, сколько он захочет, — все транспаданцы» (Цицерон, Письмо к Аттику, VII, 7, 6). Но из этой цитаты ничего нельзя заключить, так как во всяком случае Цезарь в 52 г. имел, кроме своих 10 легионов, еще и 22 когорты.

оружение только начиналось. Но тем временем он предоставил бы запад республиканским легионам в Испании. Помпей, наверное, сам убежал бы туда, стал бы во главе этих легионов и перешел бы в наступление. А пока Цезарь дошел бы до Антиохии, Помпей был бы уже, вероятно, снова в Риме. Цезарь следовал основному своему методу и считал самым верным и важным находить и раздроблять неприятельские силы.

Многие вновь набранные в Италии легионы были двинуты в Сардинию, Сицилию и Африку, некоторые же охраняли самую Италию; из 9 старых победоносных галльских легионов 3 были предназначены для осады Марселя, который перешел на сторону республики, и 6 были направлены в Испанию.

У Помпея было в Испании 7 легионов, но они находились под командованием трех различных легатов. Два из них — Афраний и Петрей — соединились в Северной Испании, чтобы отразить предполагаемое с севера нападение; третий — Теренций Варрон, знаменитый антиковед и филолог, остался со своими двумя легионами на юге Испании. Гишар высказал подозрение, что Варрон, помирившийся впоследствии с Цезарем, ценившим его очень высоко, намеренно уклонялся от решительного боя; во всяком случае трудно разгадать причину, из-за которой он не присоединил свои боевые силы к войску двух легатов. Южная Испания была бы лучше защищена, если бы удалось в Пиренеях противопоставить цезарианцам непреодолимую силу.

Афраний и Петрей со своими 5 легионами считали себя с самого начала слабее атакующих их войск. Хотя сначала двинулись только 3 легиона Цезаря, помпеянцы все-таки сохраняли лишь оборонительную позицию. Вероятно, эти 5 легионов, воевавших очень мало в Испании, были не вполне укомплектованы. Цезарь упоминает о 80 когортах испанцев, которыми помпеянцы также располагали. Эту цифру, как и указания относительно сил галлов, мы считаем преувеличенной. Вероятно, войско Цезаря, имевшее в своем составе галльскую и германскую конницы, а также вспомогательные войска других галльских народностей, было многочисленнее. Стратегия помпеянцев могла быть направлена не на решение вопроса, а только на то, чтобы задержать Цезаря, выиграть время и дать возможность Помпею закончить вооружение на востоке, а тогда уже либо появиться самому на испанском театре военных действий, либо натиском на Италию заставить Цезаря повернуть.

В пиренейских горных проходах цезарианцы не встретили сопротивления. Вероятно, помпеянцы не имели времени занять их. Мы знаем по инциденту при Фермопилах, как опасно занимать горные проходы. Римляне следовали на войне другому методу: когда кимвры спустились с Бреннера, как повествует Плутарх (Марий, гл. 23), римский полководец Катулл отказался занять горные проходы, чтобы не дробить войска, а предпочел встретить противника в равнине. Афраний и Петрей доказали, что и они понимали военное искусство.

В 20 милях (150 км) южнее пиренейских проходов, в 5—6 милях к северу от Эбро, на правом берегу бурной реки Сикориса (Сегре) расположен на холме город Илерда, в котором имеется каменный мост через реку. У самого города, к югу от реки, возвышается второй холм, вполне пригодный для римского лагеря; на нем-то и укрепили свои позиции Петрей и Афраний. Этот холм был по природе так трудно доступен, что никакой штурм не мог бы его одолеть. Не атаковать эту

позицию было невозможно для Цезаря; это значило бы очистить неприятельскому войску дорогу в Массилию и Италию. Запереть же эту позицию было невероятно трудно, так как коварная река Сикорис вздувалась и бурным течением сносила мосты; таким образом, блокирующее войско разделялось на две части, а блокируемые имели в городе каменный мост, по которому могли переходить с одного берега на другой. В город были привезены большие запасы, чтобы обеспечить себя продовольствием на долгое время.

Возможно, что подобная позиция имелась и на самом Эбро, на северном берегу, откуда можно было всегда начать наступление, а имея позади себя каменный мост, можно было господствовать над окрестностью подобно Цезарю на р. Эн. Но Афраний и Петрей не считали нужным так далеко отходить назад. Занимая Илерду, они прикрывали и большую часть их провинции; если бы они решились отойти, то надо полагать, что они пробили бы себе дорогу на какой-либо из берегов Сикориса. Они владели южным берегом Эбро и могли всегда навести понтонный мост. Они выигрывали еще отрезок территории и прикрытие, дававшее возможность свободно передвигаться.

Так как Афраний и Петрей заняли Илерду после того, как к ним прибыл посол от Помпея, Вибуллий Руф, знавший хорошо Испанию, то возможно, что он создал этот план и наметил место для лагеря.

Позиция в Илерде дала помпеянцам все, чего можно ожидать от позиции. За 4 недели до этого сюда прибыли 3 легиона под начальством Фабия и ничего не предприняли (приблизительно с 17 мая по 24 июня 49 г. до нашего летоисчисления [1]).

Фабий разбил свой лагерь на том же берегу в полумиле севернее Илерды и перекинул через реку два моста, отстоявших один от другого на расстоянии 6 км. Один раз поток снес нижний мост в то время, как 2 легиона Цезаря производили по ту сторону реки фуражировку. Афраний и Петрей сейчас же двинули туда 3 легиона и чуть не захватили их, но Фабий подоспел на помощь еще с 2 легионами через второй мост и выручил своих.

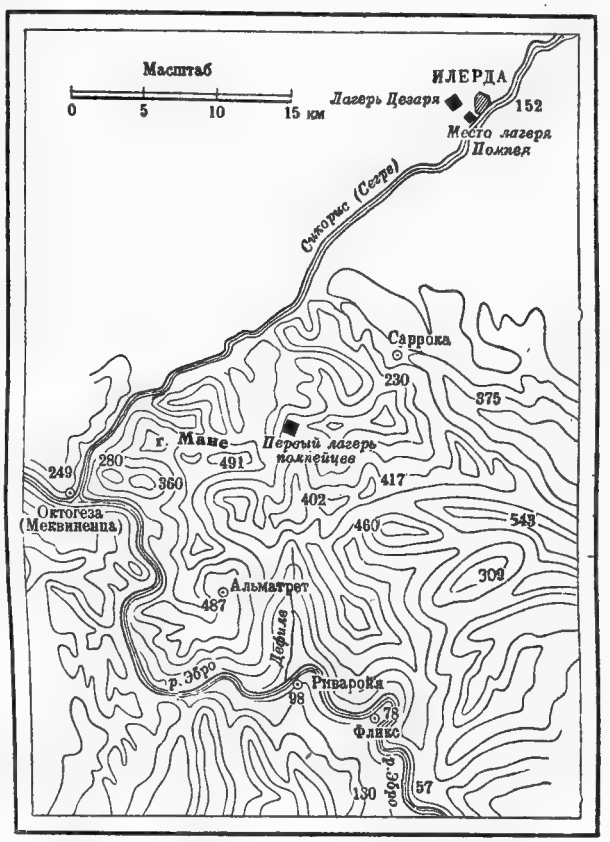
Во второй раз, когда Цезарь уже сам принял командование над войском, течением снесены были оба моста, и помпеянцы тотчас заняли левый берег, чтобы помешать наведению нового моста. Цезарь ожидал в это время большой транспорт провианта из Галлии, который, не успев переправиться через реку, был отрезан помпеянцами и снова увезен в горы. Окрестности вокруг лагеря ничего не могли дать в смысле продовольствия, а выше к западу сообщение через реку было прервано высоко стоявшей из-за половодья водой; таким образом, Цезарь очутился как бы запертым на острове. Его войска нуждались, в то время как помпеянцы прекрасно питались благодаря заранее заготовленному продовольствию.

Однако, ввиду того что помпеянские легаты не осмелились удалиться от лагеря и не уничтожили продовольственного обоза Цезаря, последнему удалось все-таки в конце концов доставить его к себе. Он перекинул мост через реку в 4 милях (28 км) выше лагеря, где неприятельских сторожевых постов уже не было, и таким образом снова наладил сообщение со своей операционной базой в Галлии.

---

[1] Даты приведены по Стоффелю, который опирается на исследования, сделанные астрономом Леверье по приказу Наполеона III. По Иделеру, Моммсену, Мацату, Зольтау и Унгеру, события эти произошли, примерно, на 3 недели раньше.

Сообщение это отстояло слишком далеко для того, чтобы запереть помпеянский лагерь с обоих берегов. Произведенная Цезарем после его прибытия смелая попытка вклиниться между лагерем помпеянцев на холме и собственно городом Илердой с его мостом не удалась. Хотя настоящей опасности помпеянцам еще не угрожало, но они все-таки решили отойти; так как у противника появился новый мост, то при желании он мог послать превосходящую по численности конницу на левый берег Сикориса и лишить помпеянцев фуража. Многие испанские народности, среди них жившие по обоим берегам Нижнего Эбро, примкнули к Цезарю. Наконец, можно было предвидеть, что, как только вода спадет, явится возможность перейти вброд Сикорис выше Илерды, и войска Цезаря смогут тогда переправляться через реку и блокировать неприятеля. Цезарь даже пытался, посредством отвода части вод в глубокие рвы, которые он велел проложить, устроить брод для переправы.



Совершенно спокойно, не принимая особых мер предосторожности, в третью ночную смену (между 12 и 3 часами ночи) помпеянцы со всем обозом совершили отход к Эбро, через который они навели понтонный мост у Октогезы при слиянии с Сикорисом. Неприятельская конница настигла этот отряд и мешала его продвижению; но когда он оставил позади себя более открытую волнистую местность и достиг гористых отрогов Эбро, в 5 милях южнее Илерды, то этим мукам настал конец, и ничто не препятствовало более переходу через Эбро. Однако, едва лишь они успели пройти 4 мили, как заметили вдруг приближение неприятельских легионов.

Вода настолько убыла в Сикорисе, что около Илерды приходилась людям по плечи; хотя собственно для пехоты этот переход вброд и был неудобен, но Цезарь, как он рассказывает, осмелился совершить его по просьбе солдат. Он поставил ниже брода по течению всадников, которые перехватывали относимых течением легионеров, и, таким образом, никто из них не погиб. Перейдя на другую сторону, они форсированным маршем двинулись без обоза в путь и к вечеру настигли неприятеля. Петрей и Афраний принуждены были остановить войско и занять позицию, поскольку не желали принести в жертву

большую часть своего войска в арьергардных боях. И без того дневной переход был очень продолжительным.

Положение помпеянцев все-таки еще не было отчаянным; оставалась всего одна миля до спасительных гор и еще одна миля до моста через реку. Продолжать путь ночью не решались, боясь переутомиться. Возможность пройти это короткое расстояние даже на глазах у врага казалась невероятной.

Однако, благодаря необычайному усердию войск (им удалось кружным путем, пользуясь едва проходимыми тропинками, обойти помпеянцев, которых все время задерживала стычками конница) Цезарь занял ущелье и все возвышенные пункты, отрезав этим дорогу к Эбро.

Энергия и быстрота Цезаря, а также усердие и выносливость его войска достигли в данном случае того, что по нормальным военным соображениям казалось немыслимым. Помпеянское войско, желавшее из одной неприступной позиции перейти на другую, принуждено было остановиться, будучи отрезано от своей цели. Оно должно было или сражаться или немедленно сдаться. Решительное нападение получило перевес над хорошо рассчитанной обороной. Более (но не намного более) слабое помпеянское войско в течение нескольких месяцев связывало противника, но расплатилось за это своей гибелью. Относительно отдельных маневров остаются некоторые сомнения; что касается разногласий между Афранием и Петреем, то возможно, что они-то и облегчили победу Цезаря. Во время кризиса, когда все зависит от быстроты решений, согласованность действий двух полководцев особенно важна. Странно, что помпеянцы, будучи настигнуты Цезарем, оставались в покое целый день и производили разведку. Если они считали возможным производить передвижения на глазах противника, то почему они не попытались пройти вперед по дороге к Октогезе? Они не могли рассчитывать [1] на то, что Цезарь их оставит, хотя его войско и было без обозов и продовольствия, но обозные колонны, конечно, уже двигались, чтобы доставить войскам все необходимое. Этот день проволочки был гибельным для помпеянцев, и это нельзя объяснить не чем иным, как нерешительностью и разногласиями в штабе. Но это не уменьшает заслуги Цезаря и его войска. Ошибка, совершенная помпеянцами, является следствием морального превосходства противника, оказавшего на них влияние, а при таком положении полководец, чтобы не совершить никакой оплошности, должен быть великим.

После того как противник снова вернулся в Илерду, Цезарь не считал более нужным вступать в бой, так как был вполне убежден в своем окончательном успехе. Солдаты его рвались в бой, будучи уверены в победе, но он ограничился тем, что встал на позицию в открытом поле и предоставил возможность совершить нападение противнику, если это ему удобно. Даже храбрый Петрей, решивший не сдаваться до последней возможности, убедился, что это сражение превратится для него в бесцельную бойню, а потому не оставалось ничего другого, как сдаться на капитуляцию.

Эта победа Цезаря является единственной в мировой истории в том смысле, что полный успех, при полном уничтожении неприятельского

---

[1] Когда Цезарь выступил на другой день и снова пошел по направлению к Илерде, то помпеянские солдаты решили, что недостаток в съестных припасах принудил его к отступлению. Это не противоречит тому, что было сказано выше.

войска, был достигнут без сражения, одними маневрами и несколькими небольшими столкновениями. Римское войско при Тразименском озере и при Каннах, прусская армия в 1806 г. и три французских армии в 1870—1871 гг. также были окончательно уничтожены, но лишь после упорных сражений. Нельзя сравнивать стратегию Цезаря и Перикла: последний, сознавая малочисленность сухопутного войска, избегал большого решительного боя, а так как противник в свою очередь уклонялся от решительного морского сражения, то Перикл хотел утомить его и довести войну до конца. Цезарь же, наоборот, стремился к тому, чтобы помпеянские легаты вступили с ним в бой, а затем, покончив с ними, итти скорее самому против Помпея. Но ввиду того что легаты со своей стороны тоже избегали развязки, война превратилась в маневры, а когда сражение стало излишним, то Цезарь отказался от него, но не от самой цели сражения — уничтожения неприятельских боевых сил.

Вероятно, многие сражения вовсе не состоялись бы, если бы полководцы правильно учитывали моральное и физическое состояние неприятельских войск. Кто уверен в своем поражении, тот старается (если только не находится в таком положении, как Леонид) уклониться от боя. Пример похода на Илерду нам ясно показывает, что можно достичь результата и без боя, но при условии, что обе враждебные стороны правильно оценивают положение и не нуждаются в тактической проверке его.

Оба легата, сознавая недостаточность своего войска, избегали сражения и избрали позицию, на которой атаковать их было невозможно, а запереть — только с трудом. Цезарь, понимая, что они недоступны для нападения, готовился к блокаде. Легаты избегли ее; они уже в походе, но Цезарь захватывает позицию, с которой можно блокировать неприятеля, и тут опять обе стороны приходят к заключению: одна — что ей сражение не нужно, другая — что она не выиграет сражения, а потому слабейшая сторона ликвидируется без дальнейшего кровопролития.

1. Поход на Илерду разобран очень обстоятельно Гишаром (Guischard, Mémoires critiques et historiques sur plusieurs points d'antiquités militaires), затем Гелером и в специальном исследовании Руд. Шнейдером (Ilerda, Berlin 1886). Но труды полковника Стоффеля превзошли все эти работы. Он составил географическую карту, отличающуюся от всех имевшихся до тех пор. Он сам лично изучал местность. Стоффель (ч. I, 256) указывает, что Наполеон III обратился с просьбой в 1863 г. к властям Испании составить для него штабные карты Илерды и Мунды, которые в 1865 г. и были ему переданы в превосходном исполнении. Карты, принадлежавшие лично Стоффелю, являются репродукциями с тех испанских. Эти карты, вероятно, в Германии не известны, так как карта, которую Шнейдер приложил к своей книге и которая издана Г. Кипертом, не согласована с картами Стоффеля.

Считаю излишним разбирать отдельно отклонения Стоффеля от Гелера и Шнейдера и доверяюсь вполне руководству этого большого знатока. Но не могу умолчать о некоторых мыслях, которые так же, как и относительно похода против Ариовиста, касаются общих фактов.

Что Октогеза и Меквиненца — одно и то же, это не подлежит сомнению. Я бы хотел прибавить еще одно соображение. Если бы легаты навели понтонный мост у Альматрета (по Гелеру) или у Фликса (по Шнейдеру), то они рисковали бы тем, что Цезарь со всем войском мог тотчас перейти на левый берег Сикориса и закрыть

путь. Если же они имели намерение отойти по правому берегу, то они навели бы мост выше по течению — выше Сикориса. Поэтому расположение моста мы определяем вблизи устья Сикориса — ниже по течению; поэтому у легатов и сохранилась до последней минуты, в зависимости от позиции Цезаря, свобода передвижения по правому или по левому берегу.

Но если Октогеза находилась у устья Сикориса, то недостаточно обосновано, почему помпеянцы не отошли вдоль левого берега. Стоффель полагает, что они опасались ровной прибрежной местности, так как предвидели, что их будет беспокоить неприятельская конница. Дорога все равно шла через Сарроку по возвышенной местности, но, судя по результату, достаточно еще удобной для нападений конницы. Если бы они шли по реке, то хотя бы один фланг был защищен, а, кроме того, дорога была бы короче, что при тех обстоятельствах было очень важно. Могли ли помпеянцы, идя непосредственно по берегу, опасаться стрел и свинца пращей, которые бросали бы в них с противоположного берега неприятельские стрелки?

Затем недостаточно ясно, почему легаты, когда их догнал Цезарь, решили, по Стоффелю, пойти в ущелье Риваройа. Можно предположить, что они послали приказ перевести к Риваройе понтонный мост. Причины для перемены маршрута не видно, — тем менее, что в последнюю минуту решили снова итти на Октогезу. Даже путь на Мон-Манэ должен был иметь несколько ущелий, где можно было бы укрыться от войска Цезаря.

Особенно поражает нас то обстоятельство, что легаты предприняли марш через Мон-Манэ на Октогезу после мнимого отступления Цезаря к Илерде и после того, как они увидели, что движение это пойдет по дороге к Риваройе.

Все эти сомнения будут устранены, если мы предположим, что Цезарь, своими словами «ubi paullatim retorqueri agmen ad dextram conspexerunt» (гл. 69) («они постепенно повернули фронт, который стал смотреть вправо») определял собственно фронт, а не занимаемую позицию, т. е. что войско Цезаря повернуло налево к западу. При повторных исследованиях я пришел к убеждению, что так оно и было, т.е. что сведения о повороте помпеянцев на Риваройю не верны. У них не было другой цели, кроме движения на Октогезу (Меквиненца), и этот путь преградил им Цезарь, продвинувшись между их походным лагерем и Сикорисом в направлении к Мон-Манэ.

2. Своеобразен рассказ Цезаря о трудностях, которые ему пришлось преодолеть при устройстве брода на реке Сикорисе. Спрашивается, отчего он не перекинул моста? Если даже бурные воды и сносили его мосты, то и брод мог оказаться непроходимым; работа же при устройстве брода, по описанию самого Цезаря, была сложнее, чем постройка даже нескольких мостов. Так как кавалерия охраняла левый берег, то противник не мог помешать постройке.

Для объяснения всего этого не находишь другой причины, кроме недостатка дерева, но и тут является вопрос, неужели нельзя было доставить дерево с Пиренейских гор по реке Сикорис?

Но самым важным вопросом будет: возможно ли вообще устроить брод так, как это Цезарь предполагал? Мнения относительно того, как понимать прокладку рвов, расходятся. Шнейдер, ссылаясь на Гиппара, предполагает полный отвод реки. Дело это настолько трудно, что мне оно кажется невыполнимым, так как затратить на него можно было только 10 дней. Стоффель рисует более простую картину. Он исходит из того, что в 2 км выше Илерды река разделяется и образует острова; вот через эти-то острова Цезарь и приказал проложить рвы шириною в 30 фут.; таким образом он расширил русло реки и понизил высоту воды. Насколько это технически правильно и возможно, не смею судить.

Глава VIII

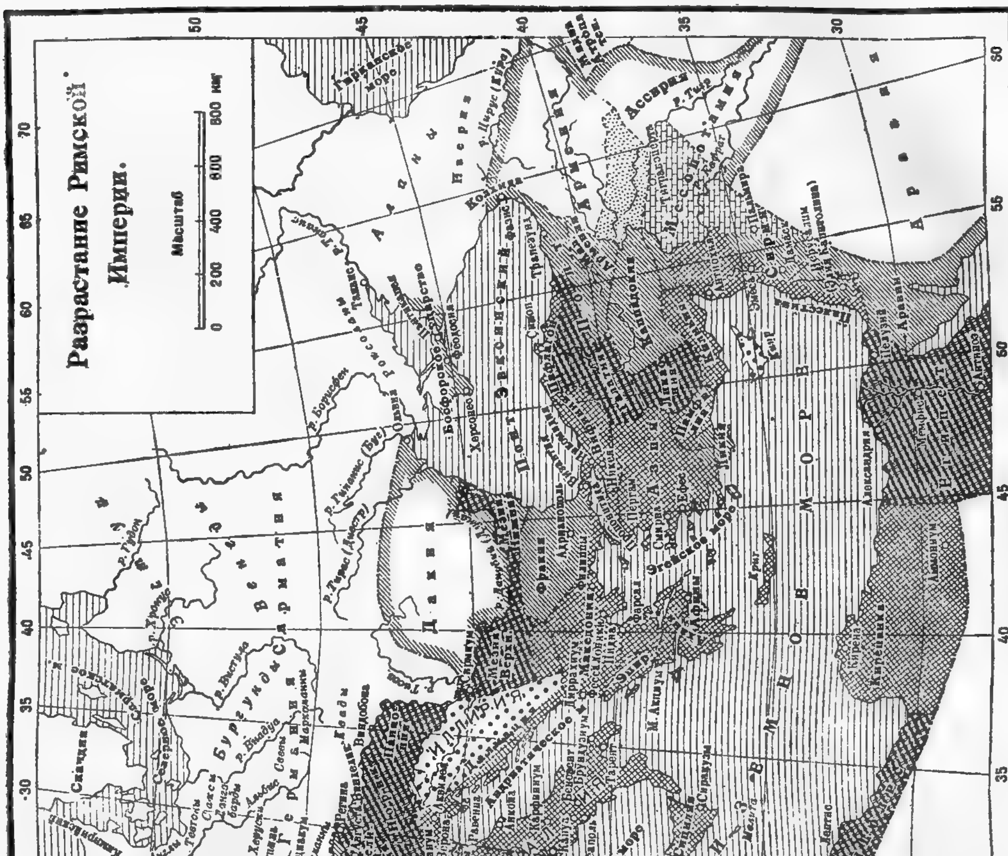
Поход в Грецию

Победа в Испании дала Цезарю превосходство на суше над своим противником. Наряду с 11 легионами, с которыми он начал войну, он образовал постепенно еще 17 новых легионов [1], большей частью из солдат Помпея, поступивших после сражения к нему на службу. Из новых легионов два были разбиты в Африке под начальством Куриона; полтора — в Адриатическом море, у Иллирийской бухты, под начальством Кая Антония. Из других ему удалось собрать около половины; всего же он имел у Брундизия 12 легионов и 10 000 конницы, чтобы переправиться в Эпир и вести войну против Помпея. Остальные войска были размещены в Италии, Сицилии, Галлии и Испании.

Войску, направлявшемуся в Эпир, Помпей мог противопоставить 9 легионов, которые шли на помощь из Сирии, и еще 2 под начальством Сципиона. Не только по численности, но и по качеству они не соответствовали легионам Цезаря. В числе этих легионов было 2 старых легиона Цезаря, доверять которым было опасно; остальные были вновь сформированы и состояли отчасти из старых призывов, пополненных новыми наборами в Греции и Азии. Помпей должен был бы потерять всякую надежду на успех после уничтожения главных сил его войска в Испании, если бы он, подобно Цезарю на суше, не имел необходимого перевеса на море. К имевшимся у него римским кораблям он присоединил еще суда восточных подвластных государств. Цезарь же хотя и начал сооружать корабли, но у него не было того фундамента, который был у Помпея: старого флота. Самый значительный морской город в его первоначальных владениях—Массилия—перешел на сторону его противников и был вновь присоединен лишь после жестокой осады. Флот в Адриатическом море был разбит и уничтожен помпеянцами. Преимущества, которых достиг после этих событий Помпей, были так велики, что Цезарь не мог стать с ним на один уровень. Когда он достиг Брундизия, у него не было даже достаточного числа кораблей для одновременной перевозки всего войска, предназначенного для наступления.

При современных условиях считается стратегически невыполнимым переправлять войско по морю, на котором господство не обеспечено хотя бы временно или отчасти. Цезарь решился на это, хотя не имел для перевозки достаточно транспортных средств. Если бы он ждал прибытия такого количества кораблей, которого хватило бы для перевозки всего войска, то, во-первых, такая масса осложнила бы самую перевозку, а главное — обратила бы на себя внимание неприятельского флота, стоявшего пока еще спокойно в портах. Помпей сам еще не прибыл со своим войском в Эпир; портовые города, в которых находились большие склады запасов, не имели пехотной охраны. Успех можно было завоевать только быстротой. Благодаря сокращению обоза можно было разместить на корабли половину войска — 7 легионов и корпус конницы, — которые благополучно и переправились, так как противник не предполагал, что в такое время — в середине зимы —

[1] Возможно, что даже больше. Гребе, цит. соч., стр. 710.


Разрастание Римской Империи.
Масштаб
0 200 400 600 800 км
Условные знаки:
Римские владения в 60-х годах до Н.Э.
Завоевания римлян 60—30 до Н.Э.
Приобрет. империи до смерти Августа 14 г. Н. Э.
Приобрет. империи до смерти Траяна 117 г. Н. Э.

можно предпринять подобную экспедицию [1]. Было сделано наблюдение, что в это время года периодическая перемена направления ветра, с юга на север, за которой обычно следовало несколько дней хорошей погоды, благоприятствовала выполнению плана Цезаря. Северный ветер примчал его флот за 12—15 часов к бухте, хорошо защищенной от этого ветра и имеющей удобный берег для быстрой разгрузки [2].

Только теперь начались трудности. Правда, два эпирских приморских города — Орик и Аполлония — были тотчас же взяты, но главный — Диррахий — Помпей успел занять своим войском до Цезаря. Помпеянские корабли настигли и сожгли часть возвращавшейся транспортной флотилии и с тех пор зорко следили, чтобы помешать второму транспорту. Отрезанный от своей базы Цезарь казался в Эпире парализованным с половиной войска. Тем не менее непосредственной опасности еще не ощущалось. Помпей, — невзирая на то, что имел на 2 легиона больше пехоты и более сильную кавалерию, — не решался напасть со своими неопытными войсками на ветеранов Цезаря или запереть их в укрепленном лагере.

Так стояли друг против друга два полководца, не сражаясь. Помпей ожидал легионов Сципиона, чтобы иметь еще больший перевес в пехоте, и летнего времени, чтобы начать действовать флотом. Цезарь надеялся на прибытие его генералов со второй половиной войска из Брундизия.

Можно поставить вопрос, почему он не стянул нужные подкрепления сухим путем, через Иллирию, а также почему он с самого начала не направил легионы, возвращавшиеся из Испании и Галлии, этим вторым путем, на котором можно было избегнуть опасного морского переезда и который был даже короче? Ответ будет гласить, что переход большого войска зимой через гористую и враждебную Иллирию представлял непреодолимые затруднения в отношении продовольствия. Во всяком случае этот переход требовал больших приготовлений; в то же время переход по Италии до Брундизия не представлял опасности и мог быть сделан безостановочно. И здесь, как видим, эта переправа была отважной, но не бессмысленной. Вызывает удивление только то, что Цезарь отдал приказ о переброске оставшейся части войска и что она удалась. При этом надо помнить, что в древности военные корабли с тесно сплоченной массой экипажа не могли долго держаться на море. Они не могли, следовательно, блокировать Брундизий, хотя помпеянский адмирал Либон пытался это сделать и занял с этой целью лежащий у гавани небольшой остров. Но на этом острове было мало воды, и Марк Антоний, командовавший в Брундизие, мешал экипажу добывать воду с материка, расставив на большое расстояние сторожевые посты из конницы. Таким образом, помпеянцы вынуждены были снять блокаду и ограничиться только наблюдением из эпирских гаваней за прибывающим транспортом Цезаря, чтобы во-время на него напасть. Но когда дул благоприятный для цезарианцев ветер, то шедшие на веслах корабли не могли причинить большого ущерба парусному транспорту. Конечно, этот переезд был со-

[1] 28 ноября 49 г. — по Стоффелю; 5 ноября — по Моммсену.

[2] Эти наблюдения были произведены комиссией, посланной Наполеоном III в 1861 г., и опубликованы Л. Хезе: «Военные операции Цезаря, исследованные на месте комиссией из Македонии», Париж 1886 г.; это подтверждено Стоффелем в его труде «Жизнь Цезаря», I, 138.

пряжен с большим риском, так как зависел всецело от произвола ветра. Только спустя два месяца решились Антоний и другие генералы выполнить этот повторный приказ Цезаря и предпринять этот смелый переезд; и счастье настолько сопутствовало им, что не только весь их флот переправился невредимым, но и неприятельский флот, желавший их настичь, был разбит об утесы.

Повидимому, Цезарь, не будучи уверенным в безопасности морского транспорта, направил также подкрепление через Иллирию, но оно было задержано враждебными горцами и не успело притти к решительному моменту [1].

Антоний привел Цезарю 4 легиона и кавалерию, так что Цезарь имел теперь безусловно численный перевес. Но что он должен был с ним предпринять? Благодаря его внезапным и исключительным по смелости переходам ему удалось вклиниться между Помпеем и Диррахием, но он достиг этим немногого. Помпей укрепился непосредственно на берегу и, имея в своем распоряжении корабли, сохранил связь с хорошо защищенными в Диррахие складами, — так же как и со всем миром. Он мог без труда доставить продовольствие по своему водному пути, тогда как Цезарю подвозился провиант долгим сухим путем из местности, наполовину опустошенной всякими фуражировками. И Цезарь, невзирая на имевшийся у него перевес, не мог вынудить развязку.

Он решился разделить свое войско. Почти все прибывшие к нему в конце подкрепления — $3\frac{1}{2}$ легиона — он отослал вглубь страны. Два легиона пошли навстречу Сципиону, чтобы его найти и разбить. Полтора направились в Элладу, чтобы подчинить возможно больше городов и местностей или в крайнем случае привлечь их на сторону Цезаря. С главной массой своего войска Цезарь решил запереть войско Помпея. Местность благоприятствовала этому начинанию, нужно было только местами отсечь естественные скаты холмов и построить редуты. Но работа была чудовищно трудна, а ожидаемая удача незначительна. Цезарь сам говорит, что он имел в виду получить выгоду в трех отношениях, если бы удалось запереть неприятеля: прикрыть от помпеянской конницы подвоз продовольствия к своим войскам, эту конницу ослабить, отрезав ее от фуража, и, наконец, нанести моральный удар враждебной партии, так как везде стало бы известно, что Помпей заперт и не решается вступить с ним в бой. Добиться этой блокадой капитуляции Помпея или хотя бы начала мирных переговоров Цезарь и сам не думал; да это было и невозможно. Ничто не могло препятствовать Помпею разместить войско на корабли и перевезти его в другое место.

Почему Помпей не отплыл в Италию, как советовали ему друзья? У него было веское основание не делать этого. Цезарь тогда повел бы свое войско тоже в Италию через Иллирию, что ему и удалось бы рано или поздно, хотя бы с частью войска; а затем, если бы даже Помпей и успел за это время захватить Италию в свои руки, ему пришлось бы дать решительное сражение, которое не сулило успеха Помпею, так как он имел 9 легионов, а Цезарь 11 и еще столько же в Италии, Галлии, Испании и на островах.

---

[1] Домашевский, цит. соч., стр. 171 и 172, считает невозможным переход легионов из Италии в Иллирию, так как морем владели помпеянцы. Аргумент неправильный, ввиду того что на суше дорога была свободна.

Наилучшим планом для Помпея было бы не прямо направиться в Италию и Рим, но отнять сначала у цезарианцев с помощью нумидийского царя Юбы Сицилию, Сардинию и Испанию, а затем, увеличив свои боевые силы рекрутами этих провинций, принять решительный бой. При помощи флота все эти действия могли быть приведены в исполнение или сразу, или непосредственно одно за другим. Четыре легиона, которые были у Цезаря в Испании, состояли большей частью из старых солдат Помпея; возможно, что они перешли бы снова на сторону последнего. Нам не известно, были ли такого рода планы у Помпея. У нас нет источника, дающего нам возможность заглянуть глубже в происходившие в главном штабе интимные совещания [1]. Но так как мы имеем сведения, что Помпей желал избегнуть сражения, и не можем себе представить, чтобы вся его стратегия свелась только к стремлению уклониться от боя, то мы вправе подозревать подобного рода мысли.

Наступление Цезаря вызвало в нем представление, что здесь имеются большие возможности успеха. Войско, с которым Цезарь повел блокаду, было меньше войска Помпея; последний мог при помощи своих кораблей ударить в тыл осаждающим. Мы должны предположить, что такой опытный полководец, как Помпей, понимал, какие выгоды ему сулила слишком большая отвага Цезаря, а потому решил, вместо всяких дальнейших планов, извлекать пользу пока из этого, имея флот и войско под рукой. Вся энергия ветеранов Цезаря не могла все-таки воспрепятствовать широко задуманному наступлению, которое предприняли помпеянцы при поддержке своих кораблей. Цезарианцы были атакованы сразу с трех сторон: из помпеянского лагеря, с берега и с тыла; они потерпели жестокое поражение, сопряженное с большими потерями, а линия их укреплений, достигавшая на юге берега, была прорвана.

Этот результат является настолько естественным, что некоторые склонны видеть в попытке Цезаря запереть с суши большое непобежденное войско, владевшее морем, крупную ошибку с его стороны. Он мог в лучшем случае мало выиграть и много проиграть. Но на войне случай и счастье играют роль, а, кроме того, Цезарь испытывал судьбу не вследствие высокомерия, но потому, что ничего другого нельзя было предпринять. Кроме того, он не терял надежды захватить Диррахий благодаря имевшимся у него в городе связям. Если бы он, вместо того чтобы проводить осаду, ушел со своим войском вглубь страны, он тоже не достиг бы больших результатов, чем направленные им туда отряды. Приморские города не сдались бы ему и он не победил бы Сципиона, который естественно держался в отдалении от главной массы неприятельского войска. Помпей же мог бы тем временем отпра-

[1] Этот вопрос не был до сих пор достаточно расследован. Ранке в своей книге «Всемирная история» говорит, что у нас имеются описания сражения при Фарсале, принадлежащие приверженцам сената и Помпея. Это возможно лишь в том смысле, что Ливий тоже писал в помпеянском духе, а Лукан воспевал междоусобную войну, придерживаясь той же тенденции. Но они оба пользовались рукописными источниками, а так как сами они кроме тенденции ничего не вносили, что не исходило бы от Цезаря или Помпея, то и ясно, что подлинного помпеянского источника, основанного на собственной информации, не существовало или же к тому времени он исчез. Лукан, наверное, считался бы с ним. Удивительно, как мало положительного он дает, что не было бы и без того известно. Платнер (Plathner) в труде «Zur Glaubwürdigkeit d. Gesch. des Bürgerkrieges» (Progr. Bernburg, 1882 г.) очень хорошо показал, что Лукан черпал все из Ливия. Но оба могли обнаружить свои симпатии к делу Помпея, черпая свои сведения лишь из враждебных источников.

вить в различные экспедиции свой флот и легионы, которые имели бы больше успеха, чем Цезарь со своим войском. Превосходство противника на море, позволявшее ему избегать развязки, дало бы ему еще больше преимуществ.

Осада помпеянского войска повела все-таки к худшему — к поражению. Но именно этот удар вызвал долгожданный ответный удар.

Упоенные успехом помпеянцы готовы были тут же выйти на решительный бой, но Цезарь уклонился от сражения, считая, что надо дать войску время оправиться от морального потрясения. Ловким маневром он выиграл расстояние и направился по дороге в Фессалию, чтобы вновь соединиться с выделенными им отрядами, которые завоевали для него большую часть местностей внутри страны. Главный корпус под предводительством Домиция маневрировал без успеха вокруг Сципиона, избегавшего решительного сражения [1].

Для Помпея и сейчас было бы самым правильным не спешить с развязкой, но, опираясь на моральный подъем после сражения при Диррахие, склонить раньше на свою сторону западные провинции, а затем с удвоенной силой напасть самому на Цезаря. Но если сам Помпей и лелеял подобные мысли,— а как сообщает Цезарь, он все еще уклонялся от решительного сражения,— то он все-таки не имел такой силы в своей партии, чтобы настоять на выполнении подобного длительного плана. Цезарь рассказывает, что он сам находил для Помпея три возможности: уход Помпея в Италию, осада эпирских городов, имевших гарнизоны и склады Цезаря, и, наконец, — следование за самим Цезарем. Цезарь говорит, что в последнем случае он начал бы сам осаду против Сципиона и заставил бы этим Помпея притти на выручку. Но Сципион имел возможность вернуться в какой-либо приморский город, например, Фессалоники или даже Византию, где Цезарь, не имея флота, ничего не мог бы сделать, в то время как Помпей мог подвергнуть нападению укрепления Цезаря и с суши и с моря. Шансы в отношении оружия были неравны. Но помпеянцы были теперь так уверены в себе, что не хотели добиваться победы окольными путями. Сначала они сделали попытку отрезать корпус Домиция, который маневрировал в Македонии против Сципиона, а когда это не удалось и Домиций со своими двумя легионами ушел к Цезарю, то они последовали за ним на Фессалийскую равнину и предложили решительный бой. Оба полководца имели в своем распоряжении на театре военных действий больше 11 легионов; Цезарь оставил в эпирских городах 8 когорт, Помпей в Диррахие — 15. Но выделенные в Элладу 1½ легиона еще не вернулись к Цезарю, так что помпеянское войско было значительно сильнее и морально, благодаря победе, и по численности.

Сам Цезарь говорит, что он имел только 22 000 чел. пехоты и 1 000 чел. кавалерии, Помпей же — 45 000 чел. пехоты и 7 000 чел. кавалерии. Прибавим к этому, что он добыл победу, потеряв якобы только 200 чел., в то время как 15 000 помпеянцев пало на поле сражения. Таким цифрам можно было оказывать доверие до тех пор, пока

[1] Аппиан и Дион рассказывают о больших поражениях, которые попеременно терпели эти выделенные корпуса. Сведения эти идут от Азиния Поллиона. Если бы это было верно, то мы видели бы какие-нибудь серьезные последствия. Поэтому мы предпочитаем пользоваться рассказом Цезаря. Поллион, вероятно, сделался жертвой преувеличений, содержавшихся в рассказах каких-либо участников событий.

все они принимались на веру, но меня удивляет, что они и сейчас еще находят себе горячих защитников. Они неприемлемы и сами по себе, а еще больше потому, что находятся в явном противоречии с утверждением Цезаря, что Помпей сам не хотел сражения и был принужден принять его только благодаря настояниям и уверенности в победе окружавших его. Что же представлял собой Помпей, если он, имея вдвое больше пехоты и всемеро больше кавалерии, хотел уйти от боя? По тем маневрам, которые Помпей производил, мы судим, что он имел численный перевес, но этот перевес был не так значителен, чтобы затмить качественное превосходство ветеранов Цезаря и вселить в него уверенность в победе в открытом поле. Только после того, как удалось нападение на неприятельский лагерь при Диррахие, что подняло дух его войска и, как он полагал, понизило настроение противника, он осмелился решиться на сражение и при этом старался подыскать благоприятные условия на местности, что еще отсрочило сражение. Если мы прибегнем к другим известиям, которые, может быть, исходят от одного из военачальников Цезаря, Азиния Поллиона, написавшего труд о междоусобной войне, то надо исчислить (при условии, что точно мы ничего не можем сказать) войско Помпея в 40 000 легионеров и около 3 000 всадников, а войско Цезаря в 30 000 легионеров и, может быть, 2 000 всадников; в отношении легковооруженных, имевшихся у обоих противников, перевес был на стороне Помпея.

Нельзя доверять известиям, что и теперь Помпей был против сражения. После того как началось следование за Цезарем вглубь страны, откладывать события не имело смысла. Нельзя было помешать прохождению Цезаря по плодородным местностям от Черного моря до г. Истма и дать ему возможность получать с них продовольствие. Преимущество, бывшее у помпеянского войска и состоявшее в том, что оно могло благодаря связи с приморскими городами получать издалека транспорты, все же не было настолько велико, чтобы поддержать надолго дух войска, а к тому же все моральное значение похода было утрачено благодаря излишним проволочкам. Кроме того, Цезарь находился в ожидании легиона из Эллады и, вероятно, еще двух, следовавших из Италии через Иллирию [1]. Помпей не решался сразиться с Цезарем; он мог колебаться при Диррахие раньше, чем решил преследовать Цезаря, или во всяком случае раньше, чем удар против корпуса Домиция потерпел неудачу, но не теперь, встретясь в Фессалии лицом к лицу с ним. И все-таки сражение не состоялось тотчас же после того, как войска оказались на виду друг у друга: каждый из противников думал, что другой, ожидая развязки, выбирает благоприятную для себя позицию и надеется заманить его туда [2].

Наконец, Помпей продвинулся на равнину так далеко от своего лагеря, что не имел больше преимущества в местности, и Цезарь, хотевший уже отойти, решил не ожидать своих подкреплений и пошел навстречу Помпею.

Попробуем набросать картину этого чрезвычайно тяжелого последствиями дня. Она будет отличаться от общепринятых представлений так как я полагаю, что описания Цезаря, которым обыкновенно доверяют, подлежат исправлению на основе других источников.

[1] По Плутарху, Цезарь, гл. 43.

[2] Таков смысл соответствующих мест «Bell. civile», гл. 84, 2 и 85, 1.

Глава IX

Сражение при Фарсале

Правый фланг Помпея примыкал к протекавшему в глубокой долине ручью. Опираясь на него, полководец решил отступить в одном существенном пункте от общепринятой схемы сражения. Рассчитывая, что этот ручей будет служит достаточным прикрытием фланга с этой стороны, он стянул почти всю кавалерию с легкой пехотой на левый фланг под командой лучшего своего военачальника Лабиена, перешедшего от Цезаря в партию оптиматов. Если бы кавалерия получила здесь перевес и сбила с позиции стоявшие против нее войска Цезаря, то она ударила бы тотчас же во фланг и тыл неприятельских легионов и тем задержала бы бой пехоты, по крайней мере до этой минуты; при этом помпеянские легионы не должны были, как это обычно делалось, бежать на противника, а, наоборот, должны были ждать его набега. Помпей рассчитывал извлечь из этого расположения ту выгоду, что цезарианцы, не встретив неприятеля на полпути, добегут до рукопашного боя в полном беспорядке и задыхаясь.

Цезарь не сообщает точно, поставил ли он всю или почти всю кавалерию на фланг, выходивший на равнину, но это можно предположить, так как он видел издали расположение войска на неприятельской стороне.

Ввиду того что неприятельская кавалерия превосходила численностью его, он примешал к своей кавалерии легкую пехоту, набранную из молодых воинов его легионов, а также самых опытных antesignani[1], которые должны были сражаться вместе с конницей, вроде того как это было принято у германцев.

За несколько дней до этого сражения ему удалось с таким составом войска одержать победу в одной стычке. Затем, когда оба войска уже собирались выступить, он извлек из третьего эшелона 6 когорт (3 000 чел.) и пристроил их под прямым углом к правому флангу для поддержки кавалерии, а из остатков третьего эшелона образовал резерв, не пустив его вместе с первыми двумя в наступление; каждый эшелон Помпея имел 10 чел. в глубину, так что все три эшелона образовали глубину в 30 чел.[2]; на них набросились цезарианцы без своего третьего эшелона, т. е. почти наполовину меньшей глубиной; но Цезарь имел основание доверять своим легионам и знал, что они и в таком составе смогут оказать сопротивление неприятелю, а потому распоряжение Помпея задержать вступление пехоты в бой пошло ему на пользу.

Когда помпеянские всадники со стрелками впереди фаланги бросились в атаку, германская и галльская конницы не приняли ее и, согласно данной им инструкции, отступили. Но когда помпеянцы продолжали давить на них, 6 когорт Цезаря из-за правого фланга главной линии атаковали их во фланг, а цезарианские всадники сделали поворот кругом и вместе с легкой пехотой пошли снова на них. Пом-

[1] Солдаты, набранные из лучших легионеров и сведенные в отборный корпус, который вместе с конницей должен был встречать первое нападение (д-р Вегнер, Рим, т. II, стр. 206).—Прим. ред.

[2] По Фронтину, II, 3.

пеянцы были опрокинуты, и цезарианцы пустились в преследование за ним.

Хотя ни один источник не упоминает об этом, но надо полагать, что такие военачальники, как Помпей и Лабиен, знали, что следовало предпринять против угрожавшего им со стороны неприятельской кавалерии удара во фланг. Они вызвали подкрепления из третьего эшелона пехоты и, чтобы отразить фланговую атаку, хотели построить их тоже под прямым углом к правому флангу. Но события развивались слишком быстро и, кроме того, нельзя сравнить случай, когда помощь из третьего эшелона предусмотрена, как у Цезаря, с тем, когда ее подают во время бегства всей массы войска от преследующего ее противника и нужно при этом произвести сложную перемену фронта. К тому же обе фаланги столкнулись, и началась схватка первых линий.

При создавшихся обстоятельствах для ответного удара против нападавших на фланги всадников и когорт у помпеянцев не было сил. Хотя всадники и стрелки Помпея предались бегству, численно они все-таки были равны противнику или имели даже перевес; но форма боя, охват с фланга и комбинация родов войск оказались сильнее. Цезарь укрепил свою фалангу с тыла резервами из третьего эшелона; под давлением двойного натиска с фронта и с фланга, без помощи своих бежавших всадников и стрелков, левый фланг помпеянцев постепенно растаял, а с ним и все войско.

Сражение было спланировано по обычной схеме, но комбинация в расположении эшелонов, а также в наступлении и в обороне придала ему многогранность. Оба полководца предназначили соответствующие фланги для наступательных действий. Вполне правильно поступил Помпей, сосредоточив на своем фланге всю кавалерию и легкую пехоту и укрепив его, насколько возможно; он должен был сообразно обычному ходу вещей быть сильнее неприятеля. Но Цезарь, предвидя события, дал своему кавалерийскому фронту необычное подкрепление и направил его в дело только в благоприятную минуту. Если бы он эти 3 000 легионеров бросил вместе с кавалерией в бой, они не принесли бы ей пользы, а, может быть, при намеченном заранее отходе тоже были бы захвачены. Поэтому Цезарь поставил их под прямым углом к правому флангу в засаду, как гласит один из источников; тут они пропустили раньше свою конницу, а затем ударили во фланг неприятеля в то время, когда своя кавалерия повернулась и приняла бой.

Эта поддержка кавалерии посредством тяжелой пехоты, наступавшей на неприятельскую конницу, является высшим достижением когортной тактики. Только с очень хорошо обученными тактическими единицами,— не с фалангами, а с когортами, эластичными благодаря такому количеству воинов,— можно было производить с уверенностью подобные операции.

Комбинацией родов войск Цезарь уже достиг победы над всадниками Верцингеторикса, не имевшими около себя пехоты; при Фарсале такая частичная победа вылилась тотчас же в полную победу также и над неприятельской пехотой. Несмотря на то, что военный организм стал гораздо сложнее, слова Полибия (35,1) вполне применимы и здесь: «Судьбу сражений решает один момент».

Как у Ганнибала при Каннах центр, так у Цезаря фаланга страдала от натиска значительно превосходившей ее численностью неприятельской фаланги до тех пор, пока ее не выручил удар по флангу;

но вытекавшие отсюда последствия были еще важнее, чем при Каннах, так как события на флангах произошли не сразу, а начались с обороны и вылились в наступление.

Как легионы, так и конница Цезаря с присоединенной к ней легкой пехотой были, очевидно, прекрасно обучены и вполне уверены в своих полководцах и командирах, если оказалось возможным после отступления при первой атаке вернуть их снова в наступление, несмотря на то, что вступление в бой когорт изменило направление линии фронта. Всадниками были германцы и галлы.

Так одерживает победы войско меньшей численности над значительным численным превосходством в силах однородного войска, если оно качественно выше и если высшее командование умеет гениально использовать это обстоятельство.

Приказ Помпея задержать вступление пехоты в бой был правильно задуман, но он принес пользу неприятельскому полководцу ввиду принятых им заранее мер и облегчил ему образование четвертого эшелона, который способствовал победе в столкновении с конницей.

Такое сражение, как при Фарсале, всегда является решающим. Чем помогли бы помпеянцам правильное отступление и оборона их лагеря? Они были бы заперты в нем, как Верцингеторикс в Алезии или Афраний и Петрей при Илерде, а так как выручить их было невозможно, то рано или поздно они были бы принуждены капитулировать. Так сложились обстоятельства для войска, но иначе—для его вождей. Дело партии оптиматов не было еще совершенно проиграно этим сражением: оставалось еще достаточно сопротивлявшихся сил, и Цезарь должен был дать еще два сражения, чтобы установить окончательно свое господство. Источники единогласно бросают упрек Помпею за то, что он под влиянием поражения совершенно упал духом, убежал преждевременно с поля битвы в лагерь и там ничего не предпринял для его обороны. Цезарь рассказывает, что Помпей удалился в палатку полководца, выждал исхода сражения и, когда противник ворвался в лагерь, оставил последний, сняв с себя знаки отличия полководца. Плутарх и Аппиан описывают, как он сидел в оцепенении в своей палатке, пока приближение бежавшего через вал неприятеля не устрашило его. Возможно, что так оно и было, но следует указать, что, после того как исход сражения был решен, Помпею больше нечего было там делать. Войско нельзя было спасти, но командующие, спасая себя, могли еще продолжать борьбу в другом месте. Поведение Помпея, как его описал Плутарх, с чисто военной стороны представляется таким, как-будто он позабыл, что он Помпей Великий, и Зевс помутил ему рассудок, как когда-то Аяксу. Политически мы объясняем это тем, что интересы войска и командовавших им более не совпадали. Аппиан сообщает, будто Цезарь посылал к сражавшимся герольдов, которые выкрикивали, что солдаты Цезаря щадят земляков и обрушиваются только на союзников. Точным этот рассказ не может быть, так как в грохоте сражения подобные приказы не были бы слышны, а среди помпеянских солдат (о них только и была речь) трудно было отличить римлян от чужих. Но если этот факт и не был выполним реально, то он выясняет обстановку событий. Около трети помпеянских легионов состояли из солдат, чтивших еще недавно своего полководца Цезаря, а остальные две трети не были связаны с партией, за которую они боролись, никакими внутренними узами. Они свято чтили клятву своему знамени и под страхом воинской дисциплины

храбро сражались, оказывать же дальнейшее безнадежное сопротивление они по ходу вещей не считали себя обязанными.

Так закончилось сражение. Помпей бежал, лагерь после незначительного сопротивления сдался, а разбитое войско спаслось в горы, где — преследуемое и окруженное цезарианцами — в ту же ночь без боя капитулировало.

1. Относительно численности войска в походе 48 г. у нас имеются очень сбивчивые сведения, исходящие от двух различных групп лиц: от самого Цезаря и от группы, состоявшей из Плутарха, Аппиана, Евтропия и Орозия, ссылающихся на Азиния Поллиона. До сего времени предпочтение отдавали цифрам Цезаря и опирались на них, но дальше так не должно продолжаться.

Если в описаниях Галльской войны Цезарь невероятно преувеличивал численность побежденных врагов, от из этого, конечно, не следует, что и при описаниях гражданской войны он поступал так же. Читатели, для которых он описывал Галльскую войну, не поняли бы его, если бы он приводил точные цифры; он побеждал варварское войско, а по греческим и римским понятиям варварское войско должно быть массовым. Мы должны поэтому исследовать, имеются ли в рассказах о гражданской войне цифры, по которым можно подвергнуть контролю достоверность автора.

Цезарь утверждает, что в Испанской войне Афраний и Петрей имели, кроме легионов, еще 80 когорт союзников («Bellum civile», I, 39). Уже Стоффель предполагает, что это было неверной цифрой, и советует читать вместо «LXXX» только «XXX».

В «Bellum civile» (III, 37, 7) мы читаем о сражении, в котором у помпеянцев было убито 80 чел., а у цезарианцев всего двое.

Там же, кн. III, 45 и 46, упоминается об упорном и многочисленном бое IX легиона у Диррахия, в котором у Цезаря погибло всего 5 чел., противник же потерял «complures», т. е. многих.

В кн. III, 54 нам рассказывают, что в один и тот же день произошло около Диррахия 6 различных боев. Часть рассказа об этих боях потеряна; в рукописи «Bellum civile» имеется пробел, который в некоторой степени можно восполнить по другим источникам. Во всяком случае это был кровавый день, причем общая сумма потерь у помпеянцев равнялись, по Цезарю, 2000, в его же собственных войсках она не превышала 20.

При Фарсале, по собственному рассказу Цезаря, всадники были сначала отброшены, а легионы продолжали упорно бороться, и только вступление третьей линии в соединении с фланговой атакой заставило помпеянцев отступить. Лагерь также храбро оборонялся некоторое время, — не столько, правда, помпеянскими легионерами, сколько фракийцами и другими союзниками-варварами, — пока не был взят. Несмотря на все это, Цезарь желает приписать после сражения своим войскам 200 убитых, а помпеянцам якобы 15 000 чел.

Нельзя все эти цифры объяснить, — как Стоффель пытается это сделать с испанскими когортами, — только испорченным текстом; но также нельзя и принять их в таком виде. Я сам многократно указывал на то, как мало теряли людей победители в древних сражениях (стр. 294, 363), но то, что здесь нам дается, выходит из пределов достоверности. Войска, сражавшиеся с той и с другой стороны, не были равноценны, но — как одни и те же римские легионы — настолько похожи, что мы должны просто отвергнуть такую разницу в потерях.

Мы не первые поступаем таким образом. Как мы уже заметили выше, разбирая исчисления о галлах, современники Цезаря в Риме также знали, что его цифровым данным нельзя доверять. Главным источником, из которого черпались все сведения, за исключением дошедших до нас указаний самого Цезаря, был, не-

сомненно, не раз упоминаемый труд Азиния Поллиона. Я не вынес впечатления, что Поллион действительно был беспристрастным историком, как принято думать о нем, когда при чтении его произведений видят, что он противоречит Цезарю и отвергает его преувеличения, хотя и сам был цезарианским военачальником. Мне кажется, что эти противоречия основаны не столько на базе беспристрастия, сколько на определенном желании стать в оппозицию к крупной личности, как это нередко случается у лиц, окружающих таких героев. Мы встречаем подобное явление в мемуарах генералов Наполеона и Фридриха.

Нельзя поэтому делать вывода, что если Поллион как цезарианский военачальник дает неблагоприятный отзыв о Цезаре, то он достоин доверия; также и в том случае, когда его указания совпадают с указаниями Цезаря, достоверность его слов от этого не усиливается. Но когда мы видим, что Поллион отказывает в доверии цифровым данным Цезаря, то наша основанная на разборке фактов критика встречает значительное подтверждение в этом даже тогда, когда мы находим, что Поллион преувеличивает. Такой случай имеется. Цезарь говорит, что при поражении у Диррахия он потерял 960 солдат и 32 командира; у Орозия, т. е., без сомнения, у Поллиона, мы читаем, что было убито 4 000 солдат и 22 (по ошибке, вместо 32) командира. Иметь 4 000 убитых на войско в 30 000 чел., а к ним надо еще прибавить от 12 000 до 20 000 раненых, — это значит лишиться боеспособности на продолжительное время. По указанию же Цезаря было около 1 000 убитых. Против этой цифры я не имею серьезного возражения. Очевидно, мы имеем здесь дело с генеральской амбицией Поллиона, который, желая доказать, что цифрам Цезаря нельзя доверять, повторяет в опровержение последнему непроверенный преувеличенный рассказ.

Перейдем к исчислению боевых сил.

Цезарь имел по его указанию при Фарсале 80 когорт на фронте; 2 охраняли лагерь. Так как он отрядил 23 когорты (15 — в Грецию, 4 — в Аполлонию, 3 — в Юрик и 1 — в Лиссу), то до 110 когорт, составлявших 11 легионов, нехватает 5 когорт. Стоффель (а до него Гелер) изменяет текст; он находит, что 2 когорты составляют недостаточную охрану для лагеря, и добавляет 5, т .е. читает вместо 2 в тексте 7.

80 когорт на фронте насчитывали, по Цезарю, 22 000 чел., т. е. каждая когорта — в среднем 270 чел. Кроме того, Цезарь прибавил к конница известную часть antesignani. Таким образом, по его указаниям, во всей пехоте легионов насчитывалось около 24 000 чел., в когорте же — в среднем около 300 чел.

Но Орозий (VI, 15) и Евтропий (VI, 20) исчисляют пехоту Цезаря менее чем в 30 000 чел., а Аппиан (II, 76) и Плутарх (Помпей, 71) говорят, что у Цезаря в 4-й линии, которая, по его указанию, имела 6 когорт, было 3 000 чел. Это значит, что в каждой когорте было не 300 чел., а 500. Если вывести из этого численность всего войска и легионов (помножив 500 на 80), то получится 40 000 чел., что недопустимо, так как возможно, что Цезарь 6 самых сильных когорт, которые могли иметь очень различный состав, взял из 3-го эшелона. Но если нельзя вычислить просто, то все-таки ясно, что если даже в 3-й линии было всего 6 когорт по 500 чел., то в остальных не могло быть меньше, чем по 300 чел. Кроме того, мы читаем у Плутарха (Антоний, гл. III), что 4 легиона и 800 всадников, которые Антоний привел Цезарю, составляли 20 000 чел (гоплитов). Если мы исчислим потери у Диррахия не только убитыми, но и ранеными, оставшимися в Аполлонии, и предположим, что подходившие легионы были численно больше, то придем к заключению, что не могло быть, чтобы в 80 когортах при Фарсале было только 24 000 чел., когда за 4 мес. до этого в 40 когортах было 20 000 чел.

Так как мы уже и в других случаях установили ненадежность цифр, указываемых Цезарем, причем мы здесь считаемся не с указаниями его противника, а с его собственным участвовавшим в сражениях военачальником, то отдадим пред-

почтение последнему. Брал ли Цезарь цифры произвольно или давал одну из самых маленьких, оставшихся в его памяти, и этим сводил когорту на-нет, — мы во всяком случае должны ее увеличить, и я не сомневаюсь, что данное Поллионом число «меньше 30 000» тоже недостаточно и что во всяком случае надо еще причислить к нему взятые из когорт и присоединенные к кавалерии antesignani.

Цезарь указывает, что 8-й и 9-й легионы были так малочисленны, что, собственно, составляли только один легион. Примем это сообщение буквально и будем считать, что вместе они составили, примерно, 6 000 чел., т. е. что каждая когорта имела ок. 300 чел.

Это является для нас указанием как для самой многочисленной, так и для самой маленькой цезарианской когорты: 500 и 300 чел. Если мы круглым счетом будем исчислять когорту в 400 чел. для всего войска, то все 80 когорт на фронте будут равны 32 000 чел., из которых 2 000 надо отчислить для antesignani, прикомандированных к кавалерии. Это исчисление более достоверно, так как совпадает с числом 30 000, данным Поллионом.

Мы приходим к еще более высокой цифре, когда следуем за М. Бангом (Германцы на службе у римлян, 1906 г., стр 27), который устанавливает, что Цезарь при Фарсале имел в своем распоряжении на фронте контингент германской пехоты. Он ссылается при этом на «Bellum civile», I, 83 и III, 52. Не считаю его аргументы очень доказательными. В первом случае о германцах сказано «levis armaturae», под чем, вероятно, подразумеваются бойцы, прикомандированные к кавалерии (ср. выше, часть VII, гл. 3). О них же, вероятно, говорится и во втором случае, так как в рукописи не все ясно.

Помпеянскую пехоту Цезарь исчисляет в 110 когорт, а всего в 45 000 чел.; 2 000 evocati упоминаются отдельно, сверх того 7 когорт охраняли лагерь.

Орозий — Поллион говорят только о 88 когортах на фронте; не подлежит сомнению, что это число является самым верным.

Сам Цезарь сообщает (III, 4), что Помпей имел сначала 9 легионов, к которым присоединились еще 2 под командой Сципиона. Сообразно этому он считает у Помпея 110 когорт; но он забыл, что Помпей оставил в Диррахие гарнизон из 15 когорт под командой Катона, а затем он сам говорит, что еще 7 когорт остались в лагере. Это объясняют различно: Стоффель (I, 343) полагает, что и когорты, которые остались в Диррахие, не состояли из римских граждан; Гелер решает (II, 163), что эти 15 когорт состояли из цезарианцев, взятых на Адриатическом море в плен и присоединенных к 11 легионам. Оба считают, что 7 лишних когорт составлены из войска, распущенного в Испании и перекочевавшего к Помпею. Но все эти сведения неприемлемы. 15 когорт, составленные из пленных, не были оформированы, по собственному утверждению Цезаря (III, 4, 2), как отдельное войско, но присоединены к другим частям, а что эти 7 полных когорт, блуждая, самостоятельно прибыли через Италию к Помпею — это совершенно отпадает. Если бы несколько сот человек предприняли такой марш, то это было бы подвигом.

Если бы у нас не было свидетельства Поллиона, мы могли бы все-таки поверить, что одна или две когорты образовались из ветеранов, раз Цезарь так положительно утверждает это, и что остальные были каким-либо иным образом присоединены к войску; может быть, Цезарь упоминает об этом в какой-нибудь не дошедшей до нас части текста. Так как Поллион знал цифровые данные Цезаря и противопоставил им свои, а с другой стороны — так как его числа вполне совпадают, мы из общей суммы всего войска вместе со 110 когортами вычтем 22 когорты, о выделении которых мы знаем; поэтому не подлежит никакому сомнению, что Помпей никогда не имел больше этих 110 когорт, из которых 88 были на фронте при Фарсале.

Мы определенно предпочтем цифру, данную Поллионом (по Евтропию и Орозию, которые черпают у него сведения) как относительно числа когорт, так

и численности всего войска. Следовательно, когорта Помпея была более укомплектована, чем когорта Цезаря (приблизительно по 455 чел. в каждой). Это объясняется тем, что Помпей, как говорит Цезарь (b. c., III, 4), — и мы должны этому верить, — пополнял свои легионы в Фессалии, Беотии, Ахайе и Эпире, а все захваченные 15 когорт тоже разместил среди них.

Показание Аппиана (II, 70), — что Помпей имел, по самому низкому исчислению, в 1½ раза больше пехоты, чем его противник, и что по данным одних — 70 000, других — менее 60 000 италийцев с той и с другой стороны сражались в этой битве, — может быть оставлено.

Взвесив все данные, мы остановимся на соотношении 40 000 к 30 000; следовательно, если не 47 000 против 22 000, как говорил Цезарь, то все же численный перевес был значителен.

Самым трудным вопросом является исчисление конницы. Сам Цезарь уверяет, что у него было 1 000 лошадей, у Помпея же 7 000.

Помпеянскую конницу Цезарь исчисляет по отдельным контингентам (III, 4):

600 галлов,
500 каппадокийцев,
500 фракийцев,
200 македонян,
500 галлов и германцев из Египта,
800 пастухов-рабов,
300 галатов,
200 сирийцев

3 600

Кроме этих 3 600 — еще фессалийцы, македоняне, дарданцы, бессии и другие народности. Кто же были эти другие народности, поставившие добрую половину всей кавалерии и которых нельзя было назвать?

Собрать 7 000 кавалеристов по тем временам было трудным делом. Александр Великий перешел Геллеспонт, имея всего 5 100 всадников и оставив дома 1 500. Три года спустя у него уже было 7 000. Во времена Диадохов и позже — ко времени распадения самостоятельных государств на Востоке — мы еще встречаем значительные массы конницы. Но с тех пор прошло больше 100 лет, а народы, вышедшие из состояния непрерывных войн, теряют очень быстро способность выставлять кавалерию. Вспомним, какое значение имела для римлян при Каннах малочисленность кавалерии; они снаряжались с невероятными усилиями, выставили неслыханное количество пехоты и все-таки не могли противопоставить 10 000 всадников Ганнибала больше 6 000 своих всадников. Во втором столетии римская гражданская конница постепенно растаяла, тогда как легионы совершенствовались в технике и боеспособности. Чтобы иметь кавалерию, надо было вербовать ее среди варваров, у которых тоже нелегко и не всегда можно было ее найти в нужном количестве. Примером может служить парфянский поход Красса, который потерпел поражение из-за слабой кавалерии. Хотя Цезарь и послал ему 1 000 галльских всадников под командой его сына Публия, в распоряжении Красса было всего лишь 4 000 кавалеристов. Невозможно допустить, что по простой небрежности был оставлен столь слабым этот род войск; прекрасно было известно, что идут войной против народа, богатого конницей, и что переход будет совершен по широким равнинам; кроме того Красс имел достаточно времени для формирования войска; только на второй год его командования был перейден Евфрат. И если тем не менее в войске, состоявшем из 45 000 чел., было всего 4 000 всадников, то это объясняется только тем, что подходящую конницу было очень трудно найти. Це-

зарь имел своих галлов и германцев; Помпей не имел в своем распоряжении таких источников для набора. Характерно, что он, имевший в своей армии остатки войск Красса, послал к парфянскому царю за подкреплением, т.-е. за всадниками [1].

Сам Цезарь имел только 1 000 всадников; чтобы их противопоставить 7 000 Помпея, рассказывает он (III, 84), ему пришлось присоединить к ним избранных молодых воинов и antesignani пеших в легком вооружении, и они так удачно совместно действовали, что одержали верх над противником в бою незадолго до большого сражения.

В самом сражении цезарианские всадники отступили перед многочисленным противником, но затем 6 когорт, т. е. (по Цезарю) едва 1 800 пехотинцев, не только отразили всадников Помпея, но и атаковали их, обратили в бегство и выбили с поля сражения. Если это верно, то всякий критический ум станет втупик перед этим, даже если бы в этих 6 когортах было не 1 800, а 3 000 чел. Да и невероятно, чтобы такой военачальник, как Лабиен, командовал кавалерией, лишенной всякого военного чутья, или чтобы сносная кавалерия, — а ведь она состояла из галлов, германцев и фракийцев, — бежала в горы (altissimos montes) от маленькой кучки пехоты, причем Цезарь даже не посылает на помощь ей своих покинутых пехотой всадников.

После всего этого мы склонны думать, что 7 000 лошадей у Помпея являются числом сильно преувеличенным. Но совершенно другая картина рисуется нам, когда мы читаем у Евтропия (VI, 20) и у Орозия (VI, 15), что Помпей имел на правом фланге 500 и на левом 600 всадников.

Если Азиний Поллион действительно сообщал так, то всякое представление о тактическом течении данного события является нарушенным, так как оно опиралось на сосредоточении обоими противниками всей кавалерии на одном крыле. Указанная проблема, данная нам приведенными выше источниками, долго занимала и волновала меня. Сообщения так расходятся, что объединить их невозможно, но нужно отбросить одно из них. Игнорировать данные Евтропием сведения, как это до сих пор делалось, нельзя; возможно, что зерно истины имеется и в них.

Цезарь и Плутарх (в своей биографии Цезаря) совершенно определенно размещают всю кавалерию обоих противников у каждого на одном только фланге. По Аппиану же, помпеянская кавалерия стоит на обоих флангах (гл. 75), причем он добавляет (гл. 76), что лучшая часть — не вся, следовательно, — перешла на левый фланг; также и Плутарх сообщает («Помпей», гл. 69), что «почти все» всадники Помпея были размещены на левом крыле. Следовательно, Помпей имел на правом крыле тоже часть конницы, о которой Цезарь не считал нужным упомянуть, но зато Поллион подчеркивает это обстоятельство.

Я считаю возможным тут два решения: первое — предположить, что текст испорчен. Правда, цифры указаны два раза, но Евтропий и Орозий не пользовались оба непосредственно Ливием (черпавшим в свою очередь у Поллиона), а собрали сведения из одной и той же пропавшей Epitome [2]. Возможно, что в ней стерлась единица, бывшая перед «600», стоявших на левом крыле, или что вообще все число стерлось и оба автора совершили одну и ту же ошибку. Может быть, Поллион писал так: Помпей имел на правом фланге только 500, а на левом у Брундизия x тысяч 600 всадников. Это дало повод Аппиану и Плутарху в биографии Помпея сообщить, что почти вся кавалерия была на левом крыле, не называя чисел. Пользовавшийся Epitome Ливия взял из нее цифры, но при этом исказил их.

Второе решение заключается в том, что Поллион действительно приписал Помпею только 1 100 всадников, т. е. минимальный перевес, и что всадники были сна-

---

[1] По Диону, 41, 55; «Bell. civ.», III, 82.

[2] Цангемейстер в предисловии к своему изданию Орозия, стр. 25.

чала размещены на обоих флангах по 500 и 600 чел., а затем, по Аппиану, вся масса была перемещена на левый фланг. Но все сведения о том, как именно произошла эта последующая перемена, для нас потеряны.

Это второе решение будет неохотно принято, так как преувеличение, в котором повинен Цезарь (7 000 против 1 000 вместо 1 100 против 1 000) было бы ужасно; фактически оно все-таки возможно. Мы должны, несомненно, признать, что помпеянцы были численно сильнее; но перевес в 10 000 чел. в тяжелой пехоте, перевес в стрелках и порядочный перевес в кавалерии объяснили бы нам решение Помпея вступить в сражение, тем более что после победы у Диррахия настроение войска было приподнятое.

Главное возражение, которое я приведу, будет состоять в следующем: 1 000 всадников, которые Цезарь якобы имел, является сомнительной цифрой, хотя ее указывают все источники, в том числе и те, которые ссылаются на Поллиона.

Цезарь рассказывает нам, что он собрал всю конницу в гавани Брундизия, и Аппиан исчисляет ее в 10 000 чел. Из нее он перевез только 600 в первом транспорте и 800 во втором. Так как он потерял немногих из этих 1 400, — одних откомандировал, другие перешли на сторону противника, — то и цифра 1 000 кажется вероятной. Но почему Цезарь, имея в таком изобилии конницу у Брундизия, не приказал стянуть к нему хотя бы часть ее? Для этого было время в течение многих месяцев; а если выступление у Брундизия было сопряжено с опасностью, то отдельные отряды могли пересечь море из какой-нибудь гавани, лежащей южнее или севернее, в то время, когда помпеянское войско было заперто Цезарем, пристать к иллирийскому или эпирскому берегу и добраться до полководца. Если предположить, что транспорт был разрушен, то можно было из Тарента, Сиракуз или из гаваней Адриатического моря достать новый; в Мессине и у Фибо в Бруттийской области у Цезаря стояли две мощных эскадры [1]. Ведь Антонию удалось переправиться благополучно с большим транспортом, несмотря на неприятельские корабли; тем более могли отважиться на это отдельные отряды всадников. Даже отдельные корабли могли добраться до восточной бухты, так как войско Помпея было заперто. Хотя конный транспорт и затруднителен, но о невыполнимости его не могло быть и речи.

Неясен вопрос о легковооруженных. Цезарь не упоминает о них. По Аппиану (II, 70), он имел долопов, акарнанян и этолийцев. Отсюда вывели заключение, что он не перевозил легкой пехоты, но недостаток ее восполнил вербовкой в ближайших местностях. Однако, при разгроме после сражения помпеянского лагеря, который энергично оборонялся фракийцами и другими союзниками-варварами, защитники были принуждены, по Цезарю, бежать с вала из-за урагана снарядов. Под этими снарядами (tela) надо подразумевать (так как в большом лагере идет речь о массах) метательные копья легионеров. Но дальность полета этих копий незначительна, а варварские защитники лагеря были, вероятно, стрелки; были ли то стрелки из лука или пращники, но нанести большой удар нападавшим легионерам они могли бы еще до того, как те пустили в ход свои метательные копья. Из этого мы заключаем, что и среди нападавших были стрелки, сдерживавшие издали и умерявшие действия оборонявшихся. Поэтому Цезарь употребил выражение «tela», и не «pila». Если события у Диррахия и показывают, что помпеянцы имели значительно больше стрелков, то все же трудно предположить, что у Цезаря были только навербованные греки и что никаких других ему не доставили морем; говоря о первом транспорте, он не упоминает и о всадниках; мы знаем их число (600) только по Плутарху и Аппиану.

Наконец, мы начинаем постигать, почему Помпей так медлил принять сражение. Он жертвует в конце концов несколькими днями в надежде приобрести преимущество хотя бы в местности, но из речи, которую Цезарь приписывает ему, не

[1] «Bell. civ.», III, 101.

видно, чтобы его перевес был так подавляюще велик. Если бы у Помпея было действительно 45 000 пехоты против 22 000 и 7 000 коней против 1 000, да ещё перевес в стрелках, то его поведение было бы непостижимо. Даже титула вахмистра, чьи качества ему приписывает Моммсен, не был бы достоин этот человек, которого Рим все-таки за его военные подвиги именовал великим Помпеем.

Можно против этого возразить, что если цифры Цезаря так далеки от истины, особенно в отношении решающего рода войск — кавалерии, то со стороны помпеянцев должен был бы подняться протест, и мы где-нибудь прочли бы о нем, как, например, в письмах Цицерона или у Лукана. Даже если бы до нас и не дошла упомянутая выше запись, посвященная Помпею, то такой серьезный факт переходил бы долго по преданию из уст в уста. Но здесь перед нами такой исключительный случай, когда интересы, заставляющие обе стороны скрывать истину, хотя и вызываются различными побуждениями, но в конечном итоге совпадают, во всяком случае — не оказываются в противоречии друг с другом. Если бы помпеянцы объяснили свое поражение незначительными боевыми силами, то на них посыпались бы с удвоенной яростью упреки,— и не только на одного Помпея, но и на всех руководивших войной,— за то, что приняли бой тогда, когда его не нужно было принимать. Качественное преимущество ветеранов Цезаря было неоспоримо. И помпеянцам для своего оправдания было удобнее утверждать, что они численно превосходили противника, и объяснять свое поражение, как это делается обычно, только неправильным командованием или изменой.

При такой ненадежности источников следует или совсем отказаться от чисел, или же вставлять их сообразно течению событий по субъективной оценке, т. е. произвольно,— для того, чтобы создать более наглядное представление о ходе сражения. На основании таких соображений я выше определил 2 000 всадников у Цезаря и 3 000 всадников у Помпея. Можно против этого возразить, что у Цезаря и по Поллиону было 1 000 всадников. Но, во-первых, это еще не известно, подтвердил ли Поллион без оговорки указания Цезаря и не было ли какого-нибудь отклонения от текста у тех, кто им пользовался; а, во-вторых, свидетельство самого Поллиона тоже не очень надежно. При указании цифровых данных часто играют роль, как нам подтверждает и новейшая история, случайные ошибки и недоразумения. Что же касается 1 000 всадников Цезаря, то против этого числа серьезно говорит то обстоятельство, что они сыграли слишком большую роль в сражении, а также установленная нами привычка Цезаря уменьшать свои боевые силы.

2. Вопрос о численности кавалерии у обоих противников является настолько кардинальным, что я считаю необходимым исправить рассказ Цезаря о ходе сражения. По его описанию, всадники Помпея были разбиты 6 когортами 4-й линии. Эти когорты устроили бойню легкой пехоте, сопровождавшей всадников, и, ударив, наконец, во фланг и тыл пехоты, решили участь сражения. Согласно моему описанию, основанному на Аппиане (II, 78), всадники совместно с легкой пехотой и когортами одержали победу и совершили фланговое нападение на неприятельские легионы.

Новейшие историки настолько слепо верят Цезарю, что издатели Аппиана поставили в скобки слово «ἱππεῖς» (конница), приняв во внимание, что и Плутарх об этом не упоминает. Но ход вещей настолько подтверждает участие всадников в деле, что это надо было бы принять, даже если бы Аппиан и не засвидетельствовал ясно это.

Сам Цезарь рассказывает, что присоединение antesignani к всадникам сделало их способными бороться с неприятелем. Рассказ был бы неясным, если бы всадники участвовали в сражении только как бежавшие с поля битвы.

Цезарь сам говорит, что потерпевшие поражение стрелки, сопровождавшие помпеянских всадников, были искромсаны. Почему они тоже не бежали? Тяжелая пехота не могла ведь их догнать. Рассказ не теряет смысла только при том условии, если цезарианские всадники и легковооруженные были повернуты кругом

и снова ринулись на врага. Наконец, разгром помпеянских легионов требует участия этих войск. Фланговая атака одних только 6 когорт не могла бы произвести такое действие на превосходившую численностью помпеянскую пехоту. Даже время, нужное для такого поворота 6 когортам, было бы слишком продолжительным: неприятельские военачальники успели бы принять за это время свои меры против них. Совсем другая картина получается, когда всадники со стрелками быстрым аллюром производят этот поворот, а сомкнутые когорты следуют потом за ними.

У Цезаря было серьезное основание приписать честь развязки не коннице, а когортам. Уже в сражении против Ариовиста мы не слыхали об участии галльских всадников в победе; теперь общественное мнение Рима бросило ему упрек, что он ведет варваров против республики [1]. Разве он может им приписать решительную победу? Какой народности были эти варвары, мы совершенно определенно узнаем из небольшого штриха, который сохранил для нас Аппиан. При вступлении в Фессалию войско разрушило и ограбило небольшой городок Гомфи, и солдаты воспользовались, конечно, запасами вина. «Самыми комичными казались в опьянении германцы», — прибавляет Аппиан (II, 65). Германские всадники уже при Верцингеториксе способствовали победе римлян. Еще одно свидетельство — правда, наполовину стертое, но которое все-таки можно прочесть,— сохранилось до нашего времени. Флор (II, 13, 48) говорит: «Когорты германцев с такой силой устремились на дрогнувшую конницу (Помпея), что казалось, будто она состоит из пехотинцев, а они наступают на конях». Разве у Цезаря были когда-либо германские когорты? Разве он комплектовал германцами свои легионы? Сомневаюсь. Вероятно, в этом месте рассказ Цезаря о победе 6 когорт над неприятельской конницей стерся и слился с другим рассказом, в котором германцы одерживают победу. Отбросим это ложное слияние и будем считать, что произошел совместный натиск когорт с галльскими всадниками, выигравшими бой.

Насколько рассказ Цезаря основан на политических соображениях, видно еще из следующего: Цезарь в своих Комментариях венчает лавровым венком победы только эти 6 когорт. Но у Аппиана мы читаем (II, 79) будто бы Цезарь в своих письмах сообщал, что 10-й легион, стоявший на его крайнем правом крыле, обошел незащищенное крыло неприятельской конницы и атаковал его с фланга. («Десятый легион окружил левый фланг противника, оставшийся без конницы, и начал упорно теснить его на этом фланге со всех сторон до тех пор, пока не привел его в замешательство и не заставил его отступить, положив таким образом начало победе»). Это во всяком случае странное уклонение, причину которого разгадал Швейгхейзер. Когда Цезарь писал и издавал Комментарии о междоусобной войне (осенью 47 г. до похода из Рима в Африку), его 10-й легион взбунтовался и этим ужасно оскорбил своего полководца. И поэтому победу при Фарсале теперь уже решил не этот легион, а 4-й эшелон, составленный из когорт различных 6 легионов. Мы же заключаем из этого, что полководец только позднее сообразил, что такие части не могли одержать решительную победу и что им искусственно приписана эта победа; признаться же в том, кому он главным образом обязан успехом — а именно храбрым варварским всадникам,— он не хотел.

Чем больше я изучаю Цезаря, тем определеннее у меня создается впечатление, что Комментарии Цезаря надо расценивать с исторической точки зрения не иначе, чем Мемуары с острова св. Елены. Они дают удивительное сочетание реалистической, проникновенной истины с совершенно сознательным и преднамеренным обманом. Кто знаком с наполеоновскими писаниями, тот знает, что великому корсиканцу было свойственно приписывать честь победы во имя политических мотивов данного момента той или другой части войска или какому-либо генералу, не претендовавшим даже на это.

3. В связи с приписыванием успеха не тем войскам, которые действительно его имели, в Комментариях встречается также очень важное изменение во времени

[1] Дион, XLI, 54, 2.

происшедших событий. Цезарь рассказывает, что прежде столкнулись обе фаланги пехоты, а затем уже благодаря повороту «eodem tempore» произошел бой всадников.

Аппиан же (II, 78) говорит определенно, что всадники наступали впереди пехоты, и это соответствует плану сражения, намеченному Помпеем, который ведь искусственно задержал пехоту; так оно и было. Но Цезарь не мог так рассказывать потому, что тогда не произвел бы впечатления геройский подвиг evocatus Крастина, который так способствовал победе и дал столь наглядную картину отношений этих старых солдат к своему начальнику. Плутарх в жизнеописании Цезаря опирается на рассказ последнего, в жизнеописании Помпея он черпает из Поллиона и устраивается таким образом, что из каждого автора берет половину рассказа: по Цезарю — он начинает сражение с пехоты, а по Поллиону — Помпей удерживает пехоту на правом фланге.

4. Если Помпей хотел задержать столкновение фаланг до победы своей кавалерии, то и о Цезаре надо сказать то же, так как он надеялся победить атакой с фланга; для Цезаря это было даже удобнее, ввиду того что он рассчитывал победить на фланге, где стояла кавалерия, контрударом. Несмотря на это, мы не слышим о том, что Цезарь задерживал свои легионы, и он поступал правильно. Для Цезаря было важно, чтобы Помпей после поражения кавалерии не двинул войска из 3-го эшелона и не произвел такого же маневра, который выручил бы его фланг и свел бы на-нет охват его. Это могло легко случиться, так как бой всадников происходил довольно далеко от помпеянской пехоты. Но это было бы сопряжено с трудностями, если бы по всей линии разгорелся бой, который требовал внимания и грохот которого доходил и до 3-й линии. Цезарь, как мы знаем, задержал из предосторожности остаток 3-го эшелона, чтобы иметь его на всякий случай в своем распоряжении. Помпей, веря в победу своих всадников, не сделал этого. Поэтому масса помпеянской пехоты, и без того более многочисленная, была сначала вдвое больше, чем оба передовых эшелона Цезаря, открывшие бой. Но Цезарь верил, что его ветераны сумеют держаться при всяких обстоятельствах даже против натиска вдвое сильнейшего, чем они, противника, а тем временем он производил обходный маневр.

* * *

После меня Фейт и Кромайер подвергли разбору сражение при Фарсале; оба полемизировали со мной и восставали против моих положений, но не приводили аргументов, которые могли бы заставить меня изменить убеждения (за исключением соображений о численности кавалерии). Большинство возражений носит такой характер, что для внимательного читателя разбора их не требуется.

Кромайер не считает, что цифры, отклоняющиеся от данных Цезаря, принадлежат Азинию Поллиону, так как не доказано, что Ливий, являющийся соединительным звеном между Орозием, Евтропием, Луканом и Дионом, пользовался трудами Поллиона. Они и не могли быть взяты у Поллиона, так как источники, которые определенно пользовались трудами Поллиона,— Аппиан и Плутарх,— приводят цифры Цезаря. Предположим, что Плутарх и Аппиан не пользовались сами трудами Цезаря, а брали у Поллиона (который, следовательно, располагал цифрами Цезаря) цифры, совпадающие с Цезарем, а несовпадающие цифры, со ссылкой на Ливия, были взяты из другого источника, которому Ливий доверял; что бы в таком случае изменилось? Я не ссылался на Поллиона как на авторитет, заслуживающий особого доверия (в чем меня упрекает Кромайер); наоборот, я дал ему среднюю оценку. Существенно только то, что фактически имеется второй источник, где цифры не совпадают с данными Цезаря. Так как мы знаем (Аппиан, II, 82), что Поллион приводил другие цифровые данные о сражении, чем Цезарь, то мы считаем, что во всех спорных вариантах можно с известной достоверностью ссылаться на первого. И это тем более, что, как я уже говорил, все те отдельные сведения, которые мы

имеем наравне с Цезарем, так ничтожны и так мало информируют нас относительно событий в помпеянском лагере, что другого подобного источника не существовало во времена Ливия и Лукана. Даже Ливий, который в этом отношении имел некоторые возможности, не смог уже собрать и зафиксировать какие-либо существенные устные предания.

Оба оппонента не считают Цезаря способным дать ложные указания, в которых я его упрекаю. Чтобы притти к убеждению, что я был прав, возражая против Цезаря, надо прибегнуть к следующему верному средству. Только критически разбирая Историю Бургундских войн Буллингера, начинаешь понимать, как правильнее всего следует подходить к Геродоту; так же и в отношении Цезаря; наилучшим мерилом будет служить исследование мемуаров его великих коллег — Наполеона и Фридриха, а также критической литературы о них. Тогда только можно будет видеть, что я подверг критике у Цезаря лишь мелочи. Даже у Фридриха, которому справедливо приписывается высокая достоверность, была слабость изменять ради славы Пруссии цифровые данные [1], и это доказано; кроме того, у него немало тенденциозных и невольных ошибок и противоречий. Шарнгорст в своем труде «Отчет о сражении при Ауэрштедте и Иене» исчисляет прусское войско в 96 840 чел., Гепфнер по актам определяет численность того же войска в 141 911 чел. О Мольтке я уже привел пример (стр. 56). Насколько Наполеон был индиферентен к исторической правде, знает всякий уже давно. Для специального изучения я рекомендую историю официального исследования сражения при Маренго, которую Хюффер поместил в своем введении к труду «Источники для истории войны 1800 г.». На этом можно будет убедиться, как мало значит довод, будто бы опубликованные современниками факты должны быть правдивы, потому что они могут быть разоблачены знающими людьми, находящимися еще в живых. Авторитет Наполеона в вопросах оперативного искусства и достижения победы в сражениях не превзойден, а потому я считаю, что вправе ссылаться на него при обсуждении событий у Алезии. Но когда авторитет Наполеона доводит Кромайера до признания цифровых данных Цезаря о потерях при Фарсале, то я думаю, что здесь Наполеон как составитель бюллетеней вмешался в чужое дело военного историка и повлиял на правдивую в остальном передачу фактов о древних сражениях. Но и знания в области военной истории не позволяют мне на основании одностороннего свидетельства победоносного полководца признать достоверными ни победу с 1 000 всадников и 6 когортами над 7 000 всадников и легковооруженными, ни победу 22 000 римской пехоты над 47 000 римской же пехоты, причем эта победа сопровождалась потерей убитыми всего лишь 200 чел.

Упрек, который мы можем сделать Цезарю за неправильные цифры, не должен приниматься как тяжелое обвинение, так как здесь все основано на общечеловеческой слабости, а тем более у римлян, привыкших к еще более сильным контрастам. Цезарианский командир, описавший впоследствии Африканскую войну, не постеснялся сообщить, что в сражении при Тапсе цезарианцы изрубили 50 000 чел. неприятеля [2], потеряв при этом всего 50 чел. Когда Ганнибал при Каннах приказал изрубить 50 000 римлян, он сам потерял при этом по меньшей мере 5 700 чел. Не следует прибегать к искусственным толкованиям, с помощью которых Кромайер выискивает указания у Ливия, Аппиана, Плутарха. 85 когорт (вместо 110), которые Помпей, по Ливию, имел на фронте, являются, по мнению Кромайера, гражданскими римскими когортами; кроме них там находились еще 22 когорты. Эти последние,— считает он,— были специально организованы для пополнения, так как Цезарь тоже указал (III, 4), что Помпей «пополнял свои легионы наборами в Фессалии, Беотии,

[1] А. Риттер, О достоверности указаний географических пунктов, цифр и данных о времени в военно-исторических трудах Фридриха Великого, Berl. Dissert. 1911 г.

[2] По Плутарху. В рукописях «Bellum Africanum» стоит X вместо L, что неправильно сохранено и новейшими издателями.

Ахайе и Эпире». Затем: «он ввел в состав легионов в качестве пополнения большое число бойцов из Фессалии, Беотии, Ахайи и Эпира и к ним добавил солдат Антония» (Ю. Цезарь, Записки о гражданской войне, III, 6). То, что пополнения до включения их в войска сводились в особые части, вполне естественно, и об этом иногда сообщается; однако, то, что легионам придавались на все время резервные когорты, вместо того чтобы по возможности доводить до нормального состояния когорты самого легиона, по существу невероятно, да и не соответствует тексту. Это не противоречит сообщению Цезаря, что солдаты испанского войска образовали свои отдельные когорты и перешли на службу к своему старому полководцу Помпею, после того как Цезарь расформировал их. Преданность этих старых вояк ценили и, вместо того чтобы вливать их как новичков в другие части войска, их оставляли воевать вместе. Но вновь навербованных и пленных нужно было распределить по старым войсковым частям, чтобы сделать их пригодными для войны,— вовлывать их, как выражались в XVIII столетии; образовать из них особые батальоны было бы слишком опасно.

Что касается вопроса о топографии местности, то Кромайер пытался найти новое решение, которому Руд. Шнейдер противопоставил свои соображения в «Gött. Gel.-Anz.», 169, стр. 438 (июнь 1907 г.). Виктор Дусманис, майор прусского генерального штаба (в прибавлении к «Militär-Wochenblatt», 1909 г., вып. 7 «Заметки по поводу определения местоположения Фессалийской битвы между Цезарем и Помпеем»), определяет,— ссылаясь на книгу «История и география Фессалии в военном отношении»,— место сражения не около гор. Фарсал (вовсе не упоминаемого Цезарем), а в 40 км западнее, около Кардиссы.

С первого взгляда так же трудно отличить истинную критику от произвольного толкования источников, как и настоящее знание фактов от жонглирования военными понятиями. Кромайер и Фейт ссылаются друг на друга; ученый применяет на поле сражения авторитет военного, а военный пользуется авторитетом ученого. Казалось бы, такая комбинация должна была быть полезна, но, как мы видели, ничего кроме путаницы из этого не вышло. Почему нечто подобное произошло, мы увидим из двух последних строк у обоих авторов по поводу сражения при Фарсале. Сопоставление это может служить в школах примером, как легко извлечь из одного и того же исторического источника противоположные выводы, если обладать известною ловкостью без привычки к строгой объективности.

У Кромайера (II, 431) мы читаем: «Долго ли продолжался ближний бой между легионами, мы не знаем, не имея указаний по этому поводу. В полдень уже все было окончено («Bellum civile», III, 95); утром Цезарь сделал все приготовления, чтобы направиться в Скотуссу («Bellum civile», III, 85), как вдруг обстоятельства сложились благоприятно для боя; тогда только он выступил к полю сражения; дорога отняла почти час времени (стр. 405), построение войска тоже требует нескольких часов,— так что времени вообще не остается. Но исход сражения на самом фланге был, вероятно, очень быстро решен».

«Поворот конницы Цезаря, удар 6 когорт во фланг — все это события, которые исчисляются минутами, самое большое — четвертью часа. Если же присоединиться к Делюбрюку, что натиск помпеянской конницы произошел раньше, чем нападение цезарианских легионов, то на ближний бой между легионами останется еще меньше времени».

Для того, чтобы доказать, что указания Цезаря о потерях в сражении всего в 200 чел. правдоподобны, Кромайер полагает, что сражение продолжалось недолго.

Фейт же пишет (Klio, VII, 332): «Сражение при Фарсале продолжалось, если исключить бой у лагеря и преследование, с утра до полудня... Продолжительность сражения станет понятной, если мы примем, что оно состояло из ряда отдельных боев, происходивших разновременно в нескольких местах... В таком случае, конечно, бой главных сил при Фарсале мог продолжаться много часов подряд».

Фейт полагает, что сражение потребовало продолжительного времени, а, кроме того, он хочет доказать, что римский боевой порядок и в сражении не являлся простой сплошной линией, а соответствовал более сложной тактике.

Примем во внимание, что Фейт не допускает участия antesignani, которых Цезарь направил в сражение вместе со всадниками; Кромайер возражает ему на это. Фейт объясняет, что даже победа кавалерии не дала бы Помпею возможности выиграть сражение; Кромайер говорит противоположное. Таким образом, пропасть между их мнениями все расширяется, причем является подозрение, что здесь идет речь не об единичных разногласиях, какие встречаются часто у двух объективно мыслящих исследователей, а о глубоком, органическом пороке. Это подозрение переходит в уверенность, когда мы убеждаемся, что не только один другому, но и каждый сам себе противоречит, не замечая этого. Фейт прав, когда представляет себе, что римское сражение, где участвуют небольшие пехотные подразделения, продолжается много времени, — тогда немыслима потеря Цезарем при Фарсале всего 200 чел. и неправдоподобны цифровые указания Цезаря, за которые Фейт так определенно ратует. Поэтому прав Кромайер, который, чтобы доказать незначительность потерь, говорит, что сражение было непродолжительно; но вследствие этого и рушится теория Фейта о ложной когортной тактике, которую, как мы видели, Кромайер принял (см. выше, стр. 332, 333 и 344).

Это противоречие с самим собой является решающим и происходит вследствие основной методологической ошибки: разбирают каждый вопрос отдельно, а не в связи со всей военной историей, обдумывая и разбирая его последовательно со всех сторон. Только тот, кто проделал такую работу, способен к объективной критике. Кромайер, несмотря на широкую осведомленность в новейшей военной литературе, не сделал этого, а потому оказался непригодным для объективной военной критики, как и Фейт для филологической. Для каждого из этих исследователей источники являются воском, из которого, смотря по требованию момента, можно лепить все, что угодно. Профессор, который заставляет фалангу, состоящую из 15 000 чел., отступать на 600 м назад, и обер-лейтенант, который свое представление о римской тактике доказывает ссылкой на «первоисточник» — «Terminus technicus quincunx» — относящийся к XVI столетию, находятся не в храме науки, а только в преддверии его.

Примечание к 3-му изданию. Печатая эти полемические разъяснения, я в то же время указываю выше, на стр. 258, 274 и 317, что оба автора сделали значительные успехи в познании античного военного дела, а еще больше указываю на те их труды, которые касаются помещаемого далее описания африканского похода Цезаря.

Глава X

Последние походы гражданской войны

Поход в Грецию и сражение при Фарсале, борьба между собою римлян под руководством двух величайших полководцев являются высшей точкой античного военного искусства. Хотя дальнейшие походы Цезаря и богаты еще индивидуальными выступлениями, но чего-либо принципиально нового, каких-либо дальнейших достижений они не дают. Если до сих пор они и казались переданными слишком неточно для военно-исторической оценки, то в данном случае этот недо-

статок устранен. Фейту удалось, применив соединенный метод топографического исследования со строгим анализом источников, создать вполне наглядную и ясную картину африканского похода. Единственно, в чем я могу упрекнуть его прекрасное описание, это — в содержавшейся в нем ни на чем не основанной полемике со мной, так как я с ним в данном случае вполне схожусь во мнениях; возможно, что какой-либо мой взгляд он воспринял слишком остро.

Сам Цезарь не дает нам после фарсальского сражения ни одного описания походов, но о них сообщают некоторые его командиры, значительно менее одаренные и в гораздо более грубой форме пристрастные, чем сам Цезарь. Африканская война описывается командиром узкого кругозора, но произведение это мы можем пополнить имеющимися у Диона и Плутарха описаниями, заимствованными у сведущего в стратегических вопросах Азиния Поллиона.

Цезарь назначил осаду города Тапса, лежащего на перешейке между морем и внутренним озером. Сципион пытается запереть перешеек с обеих сторон. Правда, Цезарь владеет морем, но так как кампания эта разыгрывается в начале февраля, то эта база является ненадежной: если бы сообщение с материком было прервано, он пережил бы много испытаний. Но разведка Цезаря так поставлена, что он замечает приближение противника с севера, атакует его и опрокидывает раньше, чем противник успевает укрепиться. Непосредственно за этим нападением на половину неприятельского войска Цезарь наступает на другую половину в 10 км дальше к югу, у входа на перешеек, настигает его раньше, чем разбитое на севере войско успевает соединиться с этим, и разгоняет их, не вступая в дальнейшем ни в какие сражения.

Необычайно интересно утверждение Фейта, дышащее большой правдоподобностью, что Сципион, над неспособностью которого Цезарь сам издевался, был только номинально главнокомандующим, а что настоящее руководство армией сосредоточивалось в руках Лабиена. Если фарсальский поход является дуэлью между двумя выдающимися полководцами своего времени, то африканский поход приобретает еще больший интерес тем, что в нем Цезарь и его собственный соратник по Галльской войне вышли на поединок друг с другом. Фейт доказал,— по всем признакам вполне правильно,— что Лабиен оказался достойным учеником своего великого учителя; все его операции обдуманны, решительны и действенны. Если же он и был, несмотря на это, побежден, то он выступал собственно не против Цезаря, а против его войска, с которым вновь организованные африканские легионы не могли мериться силами. Поражение при Тапсе было лишь тактической неудачей и превратилось затем в катастрофу только потому, что не разбитое еще войско поддалось панике, бросило лагерь и разбежалось. Когда разбитое на севере войско добралось до лагеря, где надеялось найти приют, в нем не оказалось никого; они хотели тут же сдаться, но разгоряченные боем легионеры Цезаря изрубили их всех. И с той и с другой стороны вели войну римские легионы, но они состояли из наемников, а наемники, как мы увидим в последующих томах настоящего труда, не щадят друг друга. При Илерде Цезарь еще мог воспрепятствовать бойне, здесь же он был бессилен.

1. Бой при Руспине требует особого исследования, так как он с первого взгляда кажется,— а новейшие источники так и воспринимают его,—как новое

в тактическом отношении достижение Цезаря, а именно, что Цезарь нашел средство спастись при такой обстановке, при которой за год перед тем погибли со всем войском вместе Красс в Месопотамии и цезарианский военачальник Курион в Африке. Но связь между этими событиями должна восприниматься иначе.

Цезарь выступил из своего лагеря около приморского города Руспина в Восточном Тунисе вглубь страны с 3 легионами и незначительным отрядом всадников и стрелков, чтобы раздобыть съестные припасы. Здесь на открытой равнине он был атакован нумидийскими всадниками и стрелками, находившимися под командой Лабиена. Он построил свою пехоту в неглубокий боевой порядок, имея фронт на все стороны, и отразил нападение, причем когорты при поддержке наемных всадников время от времени производили атаки и бросанием метательных копий отгоняли рой неприятеля. По рассказам Псевдо-Гирция,—как мы называем автора «Африканской войны»,— бой закончился победой, причем когорты, напрягая последние силы, сумели сбросить противника за близлежащие холмы. Но, по Аппиану, Цезарь был разбит (II, 95), а противник не довел до конца своей победы только по небрежности. Так как в отношении таких людей, как Лабиен и Петрей, подобные эпитеты неприемлемы, то находишься в недоумении и ищешь объяснения. Его легко найти у самого Псевдо-Гирция, стоит лишь вспомнить сообщение Ксенофонта в Анабазисе об аналогичном положении 10 000. Только ночь укрывает теснимую пехоту от стрел конных стрелков; и Антоний, будучи тесним при своем отступлении парфянами, тоже призвал ночь на помощь. В «Африканской войне» рассказ о том, что когорты своим наступлением, в конце концов, прогнали неприятеля, неприемлем, ибо если когорты имели возможность прогнать противника, то отчего они не сделали этого в начале боя? Они достигли только того, что в течение целого дня, с утра и до ночи, держались на месте, вероятно, с значительными потерями, так что, по Аппиану, этот бой может быть принят как поражение Цезаря. Ночью неприятельские всадники отошли далеко назад, чтобы не подвергать себя ночному нападению, а так как Цезарь находился всего на расстоянии 3 000 passus (4,5 км) от своего лагеря, то он и достиг его без труда. Его военная заслуга заключается в том, что при таких трудных обстоятельствах он сумел сохранить дисциплину и порядок в войске, а благодаря построению длинными тонкими линиями в каррe и применению нужного здесь оружия — метательных копий — не дал противнику с его стрелами и метательными копьями шансов на успех. Так как неглубокое построение не очень надежно, то мы можем из этого заключить, насколько Цезарь доверял своим войскам и как образцово они держались под его командой. Но самую важную роль сыграли здесь близость лагеря и короткий день (это происходило зимой), который не дал затянуться кризису. Курион, погибший при таких же обстоятельствах за год перед тем, выступил из лагеря ночью (во время 4-й смены ночной стражи — «Гражданская война», II, 29) и совершил переход в 16 000 passus (24 км), сопровождавшийся многими стычками, а затем уже столкнулся с главными неприятельскими силами. Его конница совершила даже ночной марш и была обессилена. Даже если бы они держались до вечера (бой происходил в разгаре лета), то вернуться в лагерь уже не было бы возможности. Поэтому отчаяние овладело солдатами, они не сопротивлялись больше и были изрублены.

Тактические эволюции, которые Цезарь приказал совершить, чтобы обороняться от наседавшего противника, объясняются очень различно. Трое самых крупных военных, исследовавшие этот рассказ, — Гелер, Рюстов и Стоффель, — дали различные пояснения, а филологи сумели помочь себе только тем, что изменили текст.

Самым нормальным мне кажется следующее объяснение. Когда Цезарь получил внезапное донесение о том, что неприятель надвигается массой и видны были уже вздымавшиеся столбы пыли, он бросил навстречу противнику 3 легиона со слабой кавалерией на обоих флангах. Необыкновенное для боя построение при-

шлось сделать для того, чтобы обезопасить себя от охвата с фланга и в то же время самому угрожать неприятелю окружением. Обычно этого не делалось, так как не было уверенности, что пехоту удастся опрокинуть 1-м эшелоном,—позади были 2-й и 3-й эшелоны, чтобы в случае надобности употребить их для усиления фронта или для флангового маневра. Здесь же имели дело не с тяжелой пехотой, а с густыми построениями легковооруженных, причем можно было считать, что подкреплений с тыла не понадобится, поэтому фронт можно было растянуть. Но противники не дошли до регулярного боя, они ограничились лишь стрелковым боем, причем всадники обошли весь длинный римский фронт, прогнав немногих всадников противника, и стали угрожать с тыла. Теперь нужно было иметь фронт на две стороны, а это могло бы нарушить все тактические связи, так как пришлось бы делать выпады то в одну, то в другую сторону. Чтобы предотвратить это, Цезарь приказал, чтобы каждая вторая когорта повернулась в полоборота, стала сзади соседней когорты и вела бой совместно с ней спиной к спине. Промежутки заполнились, ввиду того что каждая когорта вздвоилась и стала двойной ширины. Следовательно, если когорты были расположены, примерно, в 8 шеренг глубиной, то теперь их глубина равнялась 4 шеренгам; посреди, между двумя фронтами, конечно, осталось свободное пространство, куда можно было вставить имевшиеся фургоны, где находили приют разбитые всадники и где могли свободно передвигаться высшие командиры. Отдельным солдатам было запрещено выдвигаться из шеренги, чтобы до них не добрался какой-нибудь неприятельский стрелок, слишком смело приблизившийся. Но целые когорты, а особенно фланговые когорты совместно с конницей, производили выпады, которые прорывали иногда цепь окружавших их воинов, — и вот эти-то минуты успеха и были Псевдо-Гирцием возведены в полную победу. Но так как эти когорты боялись западни, то они и старались по возможности скорее вернуться снова к главным силам войска; надо полагать, что и убегавший неприятель вновь возвращался, так как сам автор сообщает, что бой длился до заката солнца.

Самая существенная часть текста гласит (гл. XVII): «Цезарь, узнав план врагов (окружить его), приказал, насколько возможно, растянуть линию боя и чтобы каждая вторая когорта сделала полуоборот, став позади ближайшей, и с этой позиции он прорывает неприятельское кольцо с правого и левого флангов». Изменение в тексте, которое было предложено, гласит в конце одинаково, но в нем выпадает перестановка когорт, и это затемняет, а не освещает эпизод. Поэтому я отвергаю эту переделку текста вместе со Стоффелем, к которому примыкаю в главном вопросе с той разницей, что не признаю интервалов между когортами, но, как и Гелер это понимает, считаю, что растяжение фронта способствовало уменьшению числа шеренг. В журнале «Revue de Philologie» (I, 184) Стоффель сам уже признался, что он не согласен с такими большими интервалами, какие нарисованы на его схеме, но признает небольшие интервалы, которые должны были быть порядка ради между тактическими единицами. Он несправедливо бросает упрек Фрелиху по поводу этого недоразумения, так как сам не указывает в своей книге, каким образом он считает возможным заполнить пробелы, возникшие от того, что были взяты 15 когорт.

Сравни: Рюстов, Организация войска и ведение войны Цезарем, 2-е изд., стр. 133; Гелер, Галльская война Цезаря, 2-е изд., т. II, стр. 272; Стоффель, Гражданская война, т. II, стр. 284; Домашевский, Знамена в римском войске; стр. 3; Фрелих, Военное дело Цезаря, стр. 194.

Примечание к 3-му изданию. Фейт (в труде «Древние поля сражений», III, 1, 784) придерживается таких же взглядов, что и я; если же он все-таки «резко возражает против моей противной источникам реконструкции», как он говорит, то это основывается на поверхностном чтении, так как тех отклонений,

против которых он полемизирует, нет; вероятно, успех наступательных войн Цезаря Фейт оценивает выше, чем я. Во 2-м издании не изменено ни одного слова.

2. О сражении при Мунде не удалось до сих пор извлечь из сообщений ничего достоверного. Некоторые авторы приписывают решительную победу в этом сражении лично Цезарю. Следует только отметить, что здесь, как и при Фарсале, конница (в которой у Цезаря был перевес [1]) решила победу на одном из флангов, причем источники стараются ей приписать только побочную заслугу, а лавры победы отдают легионам. Автор «Испанской войны» рассказывает нам, что X легион так теснил противника, что на помощь ему хотели притянуть легион с другого фланга. Этим случаем воспользовалась конница Цезаря, бросилась в атаку и помешала этому маневру. Дион (43, 38) рассказывает, что развязка была ускорена следующим: когда ни одна фаланга не отступала перед противником, нумидийский царь Богуас напал вне боевой линии на помпеянский лагерь, вследствие чего Лабиен принужден был взять с фронта 5 когорт и послать их на помощь лагерю; выход этих когорт из строя солдаты приняли как начало бегства и пали духом. Разве мы можем допустить, чтобы лучший военоначальник цезарианской школы в критический момент вывел из боя войск для защиты обоза? Я считаю, что не будет слишком смелым предположить, что на исход сражения оказала определенное влияние нумидийская конница, чьи заслуги скрываются сотоварищами из зависти к другому роду войск, а римлянами — к союзникам-варварам.

Глава XI

Слоны

Последним сражением древности, где принимали участие слоны, было сражение при Тапсе. Поэтому уместно будет дать здесь краткий обзор того, что мы узнали о применении этих животных в древних войнах, рассмотрев, главным образом, сражения, где они принимали участие.

Сражение при Гидаспе доказало нам, что победа над слонами досталась македонянам нелегко, и мы видим, как они сами потом старались приобрести это боевое средство. Но когда мы рассматриваем результаты, то выводим обратное заключение: ни в одном достоверном описании сражения мы не находим ничего существенного, совершенного слонами; наоборот, сторона имевшая в своем распоряжении больше слонов, терпела в большинстве случаев поражение. К несчастью предания о всех самых знаменитых сражениях при участии слонов сохранились лишь в виде легенд или в виде анекдотов. Единственное сражение, о котором мы можем составить приемлемую историческую картину, это — сражение при Гидаспе. Сражения Диадохов, Пирра и Первой пунической войны не дают надежных сведений. Мы узнаем, что в сражениях при Заме-Нараггаре и Тапсе слоны участвовали в большом числе, но ничего не говорится об их достижениях, да к тому же и полководцы их были разбиты. Баланс побед и пора-

[1] «Bellum Hisp.» (гл. XXX) не может быть иначе истолкована; было бы странно, если бы ни в одном из трех больших сражений гражданской войны перевес, который был у Цезаря в этом роде войск, не возымел своего действия. Кроме галльских и германских, Цезарь имел при Мунде и нумидийских всадников.

жений, если мы все сведения о них примем без критики, говорит против них. Они участвуют в победах при Ипсе, Антиоха I над галлами, при Гераклее, Гамилькара над наемниками, при Тахо (Ганнибала над испанцами [1]), при Треббии, при Киноскефалах и Пидне. Они все-таки не могли предотвратить поражений при Гидаспе, при Паретакенах, при Габиене, при Газе, при Беневенте, Агригенте, Панорме, Рафии, Гимере [2], Бэкуле, Метавре, Заме, Магнезии, Мутуле [3], Тапсе. Не указано ни одного примера, где бы слоны прорвали фронт сомкнутой пехоты. Единственный случай, где можно было бы еще предположить их победу, был при Киноскефалах; но в источниках ясно указано, что македоняне еще не были построены в боевой порядок, когда римляне их атаковали, а потому слоны и рассеяли их.

При Заме римляне оставили промежутки между манипулами, чтобы слоны могли двигаться по этим проходам. При Туне, наоборот, они были глубоко поставлены, и Полибий (I, 33, 10) одобряет такое построение как подходящее против натиска слонов. Оба сообщения, как мы знаем, основаны на недостаточно точных источниках; самым существенным является отзыв Полибия, который одобряет глубокое построение; следовательно, он считает, что слоны не в состоянии пробить глубокое построение. По его рассказам, слоны всегда производили опустошения в передних шеренгах римской фаланги, но, очевидно, это преувеличено, так как мы читали бы об этом в описаниях последующих сражений.

Действительно достоверно, что слоны сильно действовали только на всадников, лошади которых пугались их, а также на легковооруженных.

Но очевидно, что они приносили пользу при сражениях, так как великие полководцы пользовались ими, как, например, Ганнибал и даже Цезарь, о котором Цицерон как-то в одной из своих филиппик сказал, что он приготовил слонов для Парфянской войны (V, 17, 46). Но он их не применил. Римляне применяли их в течение всего II столетия после Второй пунической войны, когда у них были завязаны дружеские отношения с нумидийскими царями, доставлявшими им этих животных; но пользовались они ими только тогда, когда воевали совместно с союзными народностями, и в ограниченном количестве [4]. Они их употребили не только против македонян, но и против испанцев [5] и галлов. Хотя слоны и оказали услуги в сражениях против северных варваров [6], но о них больше не упоминается в войнах с кимврами и в Галльских войнах Цезаря. Когда нумидийский царь Юба выступил в Африке со слонами против Цезаря, последний приказал привезти этих животных из Сицилии, чтобы приучить своих солдат и лошадей сражаться с ними и не пугаться их.

Сводя воедино весь опыт древней военной истории, мы приходим к заключению, что пригодность слонов и польза от них в сражениях не должны быть высоко расцениваемы. Они имели успехи в сражениях против народов, которые их никогда не видали, и против всадников

---

1 Полибий, III, 14.
2 Ливий, XXV, 41.
3 Саллюстий, Югурта, 53.
4 По наблюдениям Фрелиха, «Значение Второй пунической войны», стр. 20.
5 Валерий Максим, IX, 3; Аппиан, Iber. гл. 46.
6 Орозий, V, 13; Флор, I, 37.

и стрелков; но успехи эти были сильно преувеличены побежденными [1], чтобы оправдать себя, как, например, в сражениях с Пирром. Войска, знакомые с ними и не боявшиеся их, умели и избегать их и нападать на них, даже, подобно Александру при Гидаспе, они умели справляться с ними не посредством фокусов в виде огненных стрел и запугивания их, а благодаря правильному употреблению оружия. Как надо правильно употреблять это оружие, можно узнать из естественнонаучных трудов, в которых описываются слоны.

Поэтому нельзя считать слонов неуязвимыми, — кожа их даже довольно чувствительна, — а если копья и стрелы не умерщвляют их непосредственно, то все же проникают так глубоко, что причиняют им сильные страдания [2], во время которых они не позволяют управлять собой. Часто сообщается, что в таком состоянии они внедряются в ряды своего войска, производят там беспорядок и способствуют поражению, как, например, у римлян при Нуманции [3]. В таких крайних случаях, как уже упомянуто выше, вожатые прибегают к стальному клину, который вбивают молотком в затылок животного, чтобы, умертвив, обезвредить его.

Распространенное у древних мнение, что индийский слон лучше африканского (даже Ливий это утверждал при Магнезии, XXXVII, 39), мы отвергли уже выше (стр. 208) как сказку.

Тактики Асклепиодот, Элиан и Арриан ничего о них не упоминают.

Большинство сведений из древних времен о слонах собрано у Шлегеля в его труде «Индийская библиотека» (т. I, стр. 129) и в очень полезном сочинении «Военная история слонов от самых отдаленных времен до введения огнестрельного оружия» П. Арманди — старого артиллерийского полковника (Париж 1843 г.).

Ср. выше стр. 187 и 208 примеч.

Заключение

В Цезаре сосредоточиваются наивысшие достижения античного военного искусства. Не потому, что его лично ставят выше Александра, Ганнибала или Сципиона, — это было бы одновременно неверным и неплодотворным методом при сравнении и исследовании, — но он среди великих мастеров был тем, в чьем распоряжении находились самые совершенные и самые большие средства. Когорта является несравненно более тонким инструментом, чем обычная старая и даже более совершенная новая фаланга из трех эшелонов.

---

[1] Шуберт (Пирр, стр. 222) обратил внимание, что в рассказе о походе Пирра в Сицилию (Тимей) слоны почти не упоминаются.

[2] Д. Шребер в труде «Млекопитающие» (т. I, стр. 245, 1775 г.), имеющем значение и поныне в качестве капитального труда в области описательной зоологии, говорит, что слон даже укусы мух ощущает очень болезненно. В том же произведении в VI томе рассказано Вагнером (1835 г.) на стр. 265, что копья охотников оставались в теле слонов и постепенно умерщвляли их. Бакер в труде «Альберт Нианца» (стр. 284) говорит, что опытный охотник может ударом копья снизу умертвить слона.

[3] Аппиан, Iber., гл. 46.

Когорты в органическом слиянии с обученными стрелками, сильной кавалерией, полевыми укреплениями и регулярным продовольственным снабжением — такова та армия, которой руководил Цезарь, владевший одинаково личной храбростью солдата и стратегическим искусством полководца. В самой армии нет ничего нового; мы видели до него все элементы, из которых она состоит, и их соединение, так что можно было бы сказать, что Цезарь не играл решающей роли в истории стратегии. Мильтиад, Перикл, Эпаминонд, Александр, манипулярная фаланга, Ганнибал, Сципион, Марий представляют собою новые явления и вносят оригинальные идеи и способы управления войском. Цезарь все это получает уже готовым, — как средства, так и идеи, — но он приводит их в действие в самом богатом разнообразии, в самом большом масштабе и в самой совершенной форме.

Ему приписывается изречение, что он побеждает охотнее голодом, чем железом [1], и это толкуется так, что он имел склонность побеждать неприятеля не силой, а одним лишь истощением. Каждый шаг на его командном поприще показывает, что это изречение надо толковать иначе. Стратегию измора можно применять только тогда, когда, по выражению Клаузевица [2], воля и сила недостаточны для решительного столкновения. Обстоятельства, при которых находился Цезарь, были почти всегда таковы, что свойственная ему сила и воля предписывали сокрушить противника, а самым естественным средством для этого являлся натиск на главные силы армии и решительное сражение. Цезарь постоянно думает о нем, но и то изречение имеет достоверность. Подготовка к решительному сражению состоит не в слепом наступлении, а в искусном создании благоприятных для него обстоятельств; а тут во все времена играет главную роль голод, продовольствие, — у Цезаря в особенности, ибо его заботы о продовольствии основывались не на мысли об ослаблении врага, а на возможности уничтожения его, и только такой образ мыслей следует приписать ему, характеризуя его как стратега. В Галлии перевес в продовольствии дал возможность Цезарю избегнуть сражения с большими галльскими массами и вынудить их на решительное сражение, причем он со своей массой выступал против их отдельных частей. В таком смысле он мог сказать, что он побеждает больше голодом, чем железом.

Иначе обстоит вопрос в гражданской войне. Здесь полевые укрепления накладывают отпечаток на стратегию. Цезарь имел, вероятно, призвание к технике — он был прирожденным инженером. Это видно из того, с какой любовью он описывает свои сооружения: укрепление берега Роны против гельветов, лагерь на р. Эн, изобретение длинных серпов в морской войне против венетов, мосты через Рейн, осадные машины при Адуатуке, Аварике и Массилии, западню вокруг Алезии, водоотводный канал при Укселлодуне, искусственный брод через Сикорис, гигантские сооружения при Диррахие, для того чтобы запереть Помпея. Все это делалось не только вследствие природных дарований и склонностей этого полководца, обеспечивших такое большое место технике при ведении войн, но и ввиду того, что этого требовал естественный ход событий. Старое римское искусство разбивать лагерь, как и всякая техника, имело тенденцию совершенствоваться и пополняться новыми изобретениями. Это искусство дало такие преи-

[1] Фронтин, IV, 7, 1. В том же роде в «Bellum Africanum», 31.
[2] «О войне», кн. VII, гл. 16.

мущества при обороне, что даже меньшее войско получило возможность прекрасно держаться на поле брани. Если не было сделано никакой ошибки, то сражение могло произойти лишь при согласии на то обоих противников. Если слабейший уклонялся от развязки и старался затянуть войну, то у сильнейшего оставался один исход, а именно запереть неприятельский лагерь, т. е. воевать снова при помощи голода: в одном случае голод способствует победе благодаря перевесу в культуре и организации у римлян над варварами, в другом — он является вспомогательным средством при наступлении против технического совершенства обороны. Но в обоих случаях это средство не противопоставляется сокрушению; оно применяется для более верного, энергичного и быстрого проведения его в жизнь. Распад войска бельгов из-за недостатков в лагере на реке Эн и взятие помпеянцев измором при Илерде — это два крупных стратегических успеха, имеющих внешне много общего, но вызванные различными причинами. На р. Эн Цезарь не решался принять сражение в открытом поле, имея перед собой соединенную массу бельгов, и сумел, благодаря преимуществам римского лагеря и правильной системе продовольствия, распылить боевые силы врага. При Илерде у него был перевес, и противники избегали сражения, — поэтому он угрожал им блокадой, поборол их в продовольственном вопросе и довел их до такого состояния, что когда представилась возможность сразиться с ними, он отклонил эту возможность, как ненужную в данный момент.

Если бы Ганнибал совершал подобные операции,— если бы он мог римские войска, уклонявшиеся от его атаки, запереть и подчинить при помощи голода, — древний мир не стал бы латинизированным. Но военные методы Ганнибала не были годны для этого; он достигал кульминационного пункта победы, с которого медленно скатывался обратно. Наступление Цезаря одолевало самую сильную оборону и сметало ее; он нагромождает одну победу на другую; для его войн как бы не существовало проблемы времени; его стратегия — молниеносна. Комбинируя голод и меч, он доводит до конца каждую войну на том театре военных действий, где он действует, в течение одного похода. В этом невероятном напряжении и состоит его самобытность. Можно провести здесь параллель с новейшей эпохой. Улучшение огнестрельного оружия, казалось, должно было пойти на пользу обороне; при современном пехотном и артиллерийском огне нельзя наступать по открытой равнине, так же как и римские легионы не в состоянии были совершать атаки на римские полевые укрепления. Но возрастающая действенность оружия позволяет теперь наступающему растянуть по желанию свою линию и даже итти в наступление разрозненными колоннами с различных фронтов, чтобы, охватив неприятеля, завоевать для себя огневое превосходство. Таким образом, преимущества обороны оказались на стороне наступления. И римские укрепления сначала охраняли войско, не желавшее драться, но зато потом давали возможность противнику запереть его, принудить к сражению и получить преимущества в свою пользу. (Написано в 1908 г.)

Мировая война доказала, что не существует непревзойденных возможностей. Совершилось то, чего ни один теоретик не мог предвидеть: линия боя растягивалась до тех пор, пока не встретила задержки в абсолютных границах, не допускающих никакой охватывающей опе-

рации — от Ла-Манша до швейцарской границы и от Балтийского моря до Румынии. И тактика должна была снова вернуться от обхода флангов к фронтальной атаке, к прорыву, а от преимуществ наступления — к выгодам обороны. (Написано в 1920 г.)

У Цезаря был необычайно развитый ум; он учился в Родосе и работал иногда над вопросами грамматики. Он старался, несомненно, теоретически усвоить сущность военного искусства; имеются случайные сообщения о том, что он читал «Киропедию» Ксенофонта [1] и рукописи об Александре Великом [2]; но в его трудах мы почти не находим теоретических размышлений, так что Фридрих Великий имел право сказать [3], что солдату нечему в них научиться, а Наполеон, хотя и рекомендовавший его изучать, жаловался на отсутствие воззрений в них, указывая, что описания его сражений не имеют никаких географических названий, — а стратегически изучать поход, конечно, нельзя до тех пор, пока он географически не обозначен. К этому надо еще присоединить неправильные цифровые данные. Но эти недостатки можно объяснить политическими целями, которые Цезарь преследовал в своих книгах; они не причинили существенного ущерба, и преуспевающая наука может многое дополнить и исправить, что она и успела уже сделать. Если Фридрих и дал более резкий отзыв, чем Наполеон, по поводу этих недостатков, то на это имеются причины, о которых мы в свое время и упомянем при исследовании деятельности названного автора. Цезарь не имеет намерения обучать по своим произведениям военному делу, а потому он проходит мимо связанных с ним деталей, мотивировок и размышлений. Поучают его действия, а не слова. Но иногда сквозь легкое течение рассказа просачивается такой глубокий ум мыслителя и приводит к таким теоретическим познаниям, которых мы не встречали у размышлявших военных писателей древности, как Ксенофонт и Полибий. Когда он в своем рассказе о фарсальском сражении сообщает, что Помпей приказал своим воинам ожидать нападения стоя, он порицает это распоряжение и, как мы теперь говорим, моральное значение наступления. Его слова выразительно звучат в дословном переводе с античного языка: «Тут, нам кажется, Помпей поступил неумно, потому что у каждого от природы имеется страстность и раздражительность духа, которую надо разжечь усердием в бою. Эти свойства полководцы не должны подавлять, и не напрасно имеется исстари обычай, чтобы в начале боя звучали трубы и несся боевой крик со всех сторон, так как думают напугать этим неприятеля и ободрить своих».

Другим теоретически важным размышлением его следует признать подчеркивание им той роли, какую играет случайность на войне. Часто употреблявшееся ранее сравнение стратегии с шахматной игрой неверно, так как эта игра основана на всеобъемлющем тончайшем расчете, а стратегия зависит также от непредвиденного. Поэтому искусство управления войсками требует не только умственного развития, но и полного напряжения всех способностей человека, который вступает в борьбу даже со случаем, встречает его всегда с новыми достижениями, производит этим давление на капризное счастье и приковывает последнее к своей колеснице. Первым, кто осветил

[1] Светоний, гл. 88.
[2] Плутарх, гл. 11.
[3] В предисловии к своей обработке изданных Фоларом комментариев к Полибию.

военное дело в таком направлении, будем считать Фукидида. Слова, которые он вложил в уста Перикла, мы привели выше: «Случай на войне не ждет». И коринфян он заставляет произнести те же речи (I, 122): «Война только в очень маленькой доле течет по определенным законам; она сама, главным образом, создает их в зависимости от появляющихся обстоятельств». И еще раз спартанский царь Архидам повторяет их (II, 11, 3): «Скрыто течение войны; многое происходит из малого, и страсть управляет событиями» [1]. Эти мысли являются основными в военной философии Клаузевица; они способствуют познанию в войне иррационального элемента, которому полководец должен иметь мужество довериться. Даже у Цицерона мы находим фразы, в которых он наравне со «знанием дела, храбростью, авторитетом требует от крупного полководца и «счастья» [2], а Цезарь пишет (b. c., III, 68): «Но судьба, от которой зависит почти все как в остальных делах, так, главным образом, и на войне, за короткое время производит большие перемены».

О Цезаре часто говорят, что он слишком слепо доверял своему счастью, что он подобно игроку испытывал его; и это правда, что он верил, как Наполеон, в свою звезду.

Рассказ, о том, как он во время бури утешал лодочника тем, что он везет Цезаря и его счастье, звучит правдоподобно, хотя он лично об этом не сообщает. Но не следует признавать за ним, так же как и за Наполеоном, только отвагу и порицать ее или превозносить. Мы убеждались на каждом шагу, что она сочеталась с размышлениями и расчетом. В этом и древние были уверены. Светоний ставит ему это в заслугу (гл. 58): «Трудно сказать, был ли он, предпринимая походы, скорее осторожным или смелым».

И так же, как у новейших полководцев, его стратегия сводилась прежде всего к тому, чтобы в решающем пункте, на поле сражения иметь численное превосходство. Мы установили, что оно у него было и в Галлии, и в Испании, и при Илерде. При Тапсе сражение не было организовано. О сражении при Мунде мы не имеем надежных цифр, но не подлежит сомнению, что Цезарь, бывший тогда властителем почти всего государства, сосредоточил больше войска, чем его противники, имевшие в своем распоряжении лишь одну страну. Расследовав все, начиная со странного в смысле взаимоотношений похода в Египет и не имеющего значения 5-дневного похода против Фарнака, мы видим, что сражение при Фарсале было единственным, где Цезарь с меньшими силами одержал победу. Он мог избежать этого сражения, подтянув к себе раньше подкрепления: 1½ легиона из Эллады и 2 из Иллирии, но если бы он так поступил, то Помпей, наверное, не принял бы сражения, а перенес бы войну и войско с помощью кораблей в другую местность.

Преимущества, которые противник имел на море, помешали Цезарю пустить в начале похода в действие пехоту, в которой он имел перевес. Он был принужден отправить большую часть своего войска, конечно, менее ценную,— вновь образованные легионы,— для охраны Италии, Галлии, Испании, Сицилии и уже при Диррахие у него было так много выделенных легионов, что рассчитывать на достижение какого-либо положительного результата он не мог, так как оказался по

---

[1] Сопоставление трех цитат в труде А. Бауэра «Взгляды Фукидида на ведение войны», «Philologus» т. 50, стр. 416.

[2] В речи «pro lege Manilia» в 66 г.

численности войска ниже Помпея. Очень важно во всех отношениях разъяснить, почему и как Цезарь, не имея численного перевеса, выиграл именно решительное сражение. Морская сила помпеянцев своим косвенным воздействием наложила такие оковы на его командование, что он не мог свободно располагать им. Тем выше заслуга Цезаря как крупной личности, что, несмотря на большое значение, которое он придавал численности, он все-таки принял сражение, сообразовавшись с ходом событий и доверяя только качеству своего войска.

Римское военное искусство, которое в руках Цезаря представляется нам как уже развившийся и созревший в течение столетий плод, не умерло вместе с ним, но продолжало жить как его школа. Еще много стран было завоевано после него для Рима, как-то: Альпы, местности южнее Дуная и Англия. Два народа поставили, наконец, предел римским мировым завоеваниям — об одном мы уже говорили раньше, а именно о парфянах; второй народ — это германцы. Обзором военного искусства германцев мы начнем второй том нашего труда. Какого же рода была сила, сумевшая поставить преграду римскому искусству?

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН И НАЗВАНИЙ,

встречающихся в тексте I тома труда Дельбрюка „История военного искусства в рамках политической истории".

Условные сокращения: гор.—город; обл.—область; сел.—селение; р.—река

А.

Абидос, гор. — 138.
Абизар, инд. князь—187, 188.
Аварик (Бурж), гор.—439.
Август (Октавий), римск. импер.—284.
Авлонская долина (Авлона)—85, 87.
Аврелий Скавр, римск. консул—335.
Австрия—326, 342.
Агезилай, царь спартанский — 21, 24, 135, 138, 140, 141, 142, 152, 163, 193.
Агис, царь спартанский—124, 240.
Агригент (Джирдженти), гор.—437.
Агриелика, гора—92.
Адам Р., герм. писат.—49.
Адеймант, вождь коринфян—102, 105.
Адриатика—22.
Адриатическое море—411, 423, 426.
Адуатука, гор.—439.
Азерга,—370.
Азиний Поллион, военач. Цезаря—378, 416, 417, 421, 422, 425, 429, 433.
Азия—106, 135, 141, 161, 163, 169, 292, 335, 350, 358, 411.
Азоп, р.—108, 109, 110.
Акарнания, область—138.
Аквитания, римск. провинция—372.
Акерман, писат.—378
Акрагант, сражение 262 г. до н. э.—138, 253.
Аксона (Эн), р.—387, 388.
Алауд, ком. легиона—403.
Алезия, осада в 52 г. до н. э.—207, 389, 390, 391, 393, 394, 396, 397, 398, 399, 403, 420, 430, 439.
Александр Македонский—10, 13, 21, 22, 24, 25, 26, 27, 31, 35, 155, 156, 158, 159, 160, 161, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 185, 186, 187, 188, 189, 190, 191, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 198, 237, 240, 247, 250, 257, 260, 264, 265, 272, 273, 292, 297, 304, 319, 322, 327, 326, 327, 328, 352, 354, 356, 358, 365, 424, 438, 439, 440.
Александрийский залив (Искандерун) — 166.
Александрия Египетская—169, 196.
Алеппо (Халеп), гор.—174.
Алезия,—365, 389, 390.
Алжир—311.
Алимент (Цинций), римск. претор—293, 294.
Алкивиад—123, 125, 195.
Алкетас—198.
Аллье (Allier), р.—370.
Альбрехт фон-Бранденбург, герм. писат.—368.
Альзен, остров—121.
Альматрет, сел. на р. Сикорис—409.
Альпы—163, 255, 273, 286, 288, 289, 290, 291, 292, 293, 294, 296, 297, 303, 335, 443.
Амамфарет, спарт. нач.—110, 239.
Аманские горы—169, 176, 177.
Аммиан, римск. писат.—346.
Амстердам—54.
Амфиполь, гор., сражение 422 г. до н. э.—122, 123, 128.

Амфитрион—142.
Анабазис,—434.
Анаксагор, стрелок—83.
Англия—349, 443.
Анненский Ин., писат.—142.
Антверпен—390.
Анти-Дюринг—9, 27.
Антигон, македонский царь—199, 200, 202, 204, 206.
Антиохи, сирийск. цари—197, 201, 208, 273, 301, 326, 338, 350, 351, 358.
Антиох Великий—326, 437.
Антиохия, гор.—405.
Антипатр, макед. нач.—163.
Антоний, римск. полков.—184, 356, 357, 358, 359, 360, 414, 422, 426, 431, 434.
Апеннинский полуостров—296, 390.
Апеннины, горы — 273.
Аполант, издат. — 43.
Аполлон, греч. бог — 80.
Аполлония, приморск. гор. в Эпире — 413, 422.
Аппиан, римск. ист. — 196, 235, 266, 267, 269, 272, 314, 324, 325, 332, 339, 340, 344, 416, 420, 421, 422, 424, 425, 426, 427, 428, 429, 434, 437, 438.
Апулия — 266.
Аравзион (Араузио), гор. — 335, 336.
Аравия — 359.
Арбелы, гор. — 194.
Аргос, гор. — 152.
Арей, стрелок — 74.
Арет, макед. военач. — 182, 183.
Ариовист, герм. князь — 366, 371, 372, 373, 374, 377, 380, 381, 382, 383, 384, 385, 386, 391, 401, 409, 428.
Аристагор, греч. писат. — 74.
Аристид, афинск. стратег — 107, 220.
Аристобул, греч. филос. — 190, 250.
Аристон, македонск. военач. — 182, 183.
Аристотель — 20, 54, 133, 212, 238, 239, 328.
Аристофан — 90, 98, 122, 132, 133, 135.
Аркадия — 49, 51.
Арманди Р., франц. арт. полк. — 438.
Армения — 354, 356, 357, 359, 360.
Арминий, герм. герой племени херусков — 382.
Армяно-кардухские горы — 356.
Арнет (Arneth), писат. — 68.
Арриан, историк — 156, 158, 161, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 173, 174, 176, 177, 180, 182, 183, 184, 185, 186, 187, 189, 190, 191, 192, 193, 194, 195, 196, 250, 327, 328, 438.
Арсей, гор. — 384, 385, 386.
Артабаз, перс. военач. — 111.
Артавасд, мидийск. царь — 156, 357, 360.
Артаксеркс, перс. царь — 24, 136, 139, 140.
Артаферн, перс. полков. — 77.
Артемида, греч. богиня — 80.
Артемизий, мыс — 62, 95, 96, 98, 99, 100, 101, 105.
Архелай, полковод. Митридата — 353.
Архидам, спарт. царь — 64, 69, 112, 442.
Асклепиодот, тактик — 333, 438.
Аскулум, гор. — 248, 249.
Астиаг, греч. военач. — 94.
Атлас, горы — 302.
Атлантический океан — 365.
Аттал, макед. военач. — 182, 183.
Аттика — 47, 49, 51, 52, 53, 58, 59, 61, 62, 63, 70, 71, 72, 77, 85, 91, 92, 98, 104, 106, 107, 108, 111, 113, 126, 127, 129, 131, 134, 217, 404.
Атропатены, обл. Мидии — 356, 357.
Ауфид, р. — 29, 259, 265, 266.
Ауэрштедт, сражение 1806 г. — 23, 47, 430.
Афганистан — 74.
Афиней — 196, 225.
Афины — 6, 10, 12, 13, 14, 18, 22, 24, 25, 47, 49, 51, 52, 53, 54, 55, 57, 59, 60, 61, 62, 63, 71, 72, 73, 74, 77, 78, 79, 82, 85, 87, 90, 92, 93, 100, 101, 104, 115, 116, 118, 122, 123, 128, 129, 131, 132, 133, 134, 135, 139, 193, 195, 217, 220, 238, 239, 343, 353.
Афраний, легат Помпея — 405, 406, 407, 408, 420, 421.
Африка — 252, 253, 288, 289, 290, 291, 292, 295, 296, 300, 301, 305, 309, 310, 312, 313, 335, 405, 411, 428, 434, 437.
Африканская война (поход Цезаря) — 430, 433, 434.
Ахайя — 209, 328, 424, 431.
Ахемениды — 162, 352.
Ахиллес — 33.
Ацилий Глабрион, консул — 94.
Аякс — 420.

Б

Баград (Меджерда), р. — 310.
Баградская долина — 313.
Баден — 393.
Базен, франц. маршал — 404.

Байэ (Bailleu P.), писат. — 46.
Байи—гор., 178.
Бакер, писат. — 438.
Балк, герм. майор — 246.
Баллегаард, писат. — 122.
Балтийское море — 440.
Бальдес (Baldes), герм. писат. — 146
Банг М., герм. писат. — 423.
Баркиды — 288, 289.
Бауэр Адольф, д-р, герм. проф.—42, 43, 59, 62, 63, 64, 69, 73, 119, 139, 149, 156, 157, 160, 163, 175, 190, 191, 198, 442.
Беверсдорф, герм. писат. — 295, 298.
Безансон, гор. — 382, 384, 385, 392, 393.
Бейланская тропа (проход)—167, 177.
Бейцке (Beitzke), герм. писат. — 45.
Бек (L. Beck), герм. писат. — 255.
Бек (Bökh), герм. писат. — 131.
Беккер, герм. писат. — 255.
Бекула, сражение—308, 437.
Белох (Beloch), герм. писат. — 37, 43, 50, 51, 52, 56, 57, 58, 59, 62, 65, 72, 100, 104, 124, 129, 139, 151, 176, 240, 253, 266, 273, 275, 283, 284, 285, 341, 367, 390.
Белуджистан — 74.
Бельгия — 389.
Бельфор, франц. креп. — 380, 384.
Бендер, герм. писат. — 372.
Беневент, гор., сражение—249, 437.
Бенедек, австр. главнок. — 205.
Биотия, обл.—47, 49, 50, 51, 111, 158, 424, 430.
Берг, писат. — 139.
Берлин—43, 49, 112. 166, 259, 362.
Берлинский музей — 329.
Берлинская академия — 320.
Бернгарди Теодор, герм. воен. писат.— 326.
Берндт, полк. австр. ген. шт. — 46.
Берри-о-Бак, гор. — 387.
Бехейм Венделин (Wendelin Böheim), герм. писат.—330.
Биаль (Bial), франц. писат. — 369.
Бибракс (Бьевр), гор. в Галлии Бельгийской — 387.
Бибракт (Бибракте близ Отэн — Autin), гор. в Галлии Кельтской — 368, 370, 371, 373, 374, 377, 378, 380.
Бирхер Х., герм. писат.—378, 380.
Блюменталь — 35.
Блюмнер, герм. писат.—330.
Блюхер, прусск. ген.—313.
Богемия—206, 311.
Богуас, царь нумид.—436.
Богуславский, герм. ген.—131.
Болау, директор зоосада — 208.
Босфор—161.
Брабант — 390.
Брагамское ущелье—160.
Брасид, спартанец — 123, 128, 134, 136, 154, 155, 240.
Бреннер—405.
Бреславль—43.
Бриенон, гор.—370.
Брисон, макед. военач.—182, 183.
Британия—391.
Брундизий, гор.—411, 413, 425, 426.
Брунке, писат.—223, 227.
Брутия, обл.—426.
Брюль Г.—35.
Бузольт (Busolt), герм. писат — 43, 72, 87, 98, 124, 130, 139, 150, 151.
Буллингер, герм. писат.—77, 88, 109, 430.
Бунгер, герм. писат. — 140, 184.
Бург-ан-Бресс, гор.—369.
Бургундские войны — 58, 76, 77, 85, 88, 90, 91, 109, 354, 430.
Бьевр (Бибракс), гор. в Галлии Бельгийской—387.
Бьюри Э. Б. (Bury), англ. писат. — 87.
Бэкер, англ. писат. — 438.
Бюхнер Август, герм. писат.—78.
Бюшинг, герм. писат. — 48.

В

Вавилон — 179, 358.
Вавр, гор., сражение—311.
Вагнер Герман, герм. писат.—438.
Ваграм, сражение—326.
Ваксмут (Wachsmuth), англ. писат.—378.
Валерий Антийский, римск. писат.—248.
Валерий Максим, римск. писат. — 437.
Вальденбург—43.
Валлис (Уэльс)—51.
Вальтер—43.
Варрон Теренций, консул — 225, 405.
Ватиканская рукопись—226.
Ватузи, африк. стрелок из лука — 83.
Вегеций, римск. историк — 83, 231, 241, 245, 331, 333, 348, 349, 365, 386.
Вегнер, доктор—418.
Везонцион (Безансон)—384.
Вейи, этрусск. гор. — 217.
Веллингтон, англ. полков.—35, 312, 348.
Вена—288, 293, 330.

Венделин Бехейм (Wendelin Böheim), герм. писат.—329.
Венеция—54, 216.
Вентилий, легат Антония—360.
Венузия, гор.—266.
Верди, герм. ген., писат.—180.
Вермандуа, графство—390.
Вернике, герм. писат.—116.
Верцеллы, гор.—335.
Верцингеторикс, вождь галлов—391, 392, 393, 394, 395, 396, 397, 398, 399, 401, 403, 419, 420, 428.
Вибуллий Руф, посол Помпея—406.
Виганд, писат.—384.
Виенне, гор.—394.
Византия, гор.—159, 416.
Виктор Дусманис, греч. майор, воен. писат.—431.
Виламовиц, писат.—142.
Вилле Р.—157.
Вилленуази, франц. писат.—231.
Виллерсексель, гор.—385.
Вилькен Ульр., герм. писат.—197.
Вильгельм II—8, 35.
Вильфранш, гор.—369.
Винер-Нейштадт, гор.—288.
Винклер, герм. писат.—384, 386.
Винтер Людвиг, герм. писат.—109, 111.
Винтерфельд Ф.—35.
Виттенберг—35.
Вогезы, горы—384.
Вольдемар, принц—35.
Ворэ (Voray), гор.—385.
Восток II—35[illegible].
Вье-Лаон—387.

Г

Габиена, сражение 316 г. до н. э.—201, 437.
Гавгамела, сел., сражение 331 г. до н. э.—140, 161, 169, 173, 179, 180, 182, 184, 185, 194, 260, 264, 304, 327, 356, 358.
Гадрумет, гор.—304, 308, 310, 315.
Газа, гор., сражение 312 г. до н. э.—159, 179, 201, 437.
Гакман Фридрих (Hackmann Frieddrich), герм. писат.—83, 186.
Галикарнас, гор.—159.
Галлия—75, 237, 289, 290, 355, 362, 365, 366, 368, 371, 372, 373, 374, 377, 383, 389, 390, 391, 392, 393, 399, 401, 402, 403, 404, 406, 411, 413, 439, 442.
Галльская война—364, 394, 403, 421, 433, 435, 437.
Гамилькар Барка, карфаг. полков.—252, 253, 256, 257, 276, 302, 437.
Ганнибал, карфаг. полков.—11, 13, 14, 21, 22, 23, 25, 26, 27, 36, 256, 257, 258, 259, 260, 261, 262, 263, 264, 265, 266, 267, 269, 271, 272, 273, 274, 275, 276, 277, 278, 279, 280, 281, 282, 284, 286, 288, 289, 290, 291, 292, 283, 293, 294, 295, 296, 297, 298, 300, 301, 302, 303, 304, 306, 307, 308, 309, 310, 311, 312, 313, 314, 315, 316, 317, 318, 323, 324, 326, 334, 352, 365, 381, 419, 424, 430, 437, 438, 439, 440.
Ганнон, карфаг. военач.—253, 270.
Гаргантюа—5,
Гаргафия—110.
Гаронна, р.—335, 372, 374.
Гартхаузен (Garthauzen), герм. писат.—356, 359.
Гасдрубал, карфаг. полков.—261, 262, 263, 264, 283, 286, 297, 298, 305, 308.
Гаук (Hauk), директор судостроит. общества—99.
Гедрозия, сатрапия—186.
Гела, гор.—138.
Гелер (Göhler) Авг. фон., герм. писат.—362, 369, 384, 385, 387, 391, 392, 401, 402, 409, 422, 423, 434, 435.
Геллеспонт, пролив—95, 113, 424.
Геллий, писат.—217.
Гельбиг (Helbig), герм. писат.—69, 70, 220.
Генрих IV, франц. король—397.
Генрих Лео, герм. писат.—96.
Георгий св.—80.
Гера, греч. богиня—110.
Геракл—66, 142.
Гераклея, гор.—9, 248, 249, 437.
Герговия, гл. гор. арвернов—392, 399.
Гердонея, гор., сражение—280, 308.
Германн (Hermann), герм. писат.—72, 126.
Германия—5,6, 7, 8, 10, 46, 51, 74, 285, 328, 347, 389, 409.
Геродот, греч. историк, „отец истории"—7, 14, 24, 47, 48, 49, 66, 73, 74, 76, 79, 81, 84, 85, 86, 88, 91, 92, 94, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 108, 109, 110, 111, 112, 115, 116, 131,

135, 195, 250, 282, 310, 315, 343, 369, 385, 401, 430.
Геруний — 266.
Гершензон, русск. переводчик — 58.
Гете — 10, 35.
Гефестион, македон. военач. — 192.
Гидасп, гор., сражение 326 г. до н. э. — 186, 187, 188, 189, 190, 201, 253, 327, 328, 436, 437, 438.
Гизинг (Giezing), герм. писат. — 365.
Гиккары, гор. — 132.
Гилипп, спарт. военач. — 125, 136.
Гильберт, герм. писат. — 238.
Гимера, гор. — 138, 437.
Гиндукуш — 161, 187.
Гиппий, афинск. тиран — 77, 135.
Гиркания, область — 357.
Гиршфельд (Hirschfeld), герм. писат. — 293, 294, 295, 372, 404.
Гишар (Gnischardt), писат. — 210, 405, 409, 410.
Глейник — 36.
Гнейзенау, прусск. воен. деятель — 26, 35, 36, 304, 312, 313, 326.
Гойер (Hoyer), франц. писат. — 318,
Голицын — 11.
Голлендер (Hollender), герм. писат. — 139.
Гольм (Holm), герм. писат. — 125.
Гомер, греч. поэт — 33, 41, 145,
Гомфи, гор. — 428.
Гота — 43.
Готберг, ф. — 35.
Готфрид Цинн, герм. писат. — 104.
Гравелот — Сен-Прива, сражение 1870 г. — 56.
Граник, р. сражение 334 г. до н. э. — 116, 163, 164, 165, 166, 180, 209.
Грансон, гор., сражение 1476 г. — 46, 76, 88.
Граубинден, швейц. кантон — 51.
Гребе, герм. писат. — 404, 111.
Грей, гор. на р. Соне — 393.
Греция — 11, 17, 18, 20, 22, 23, 24, 25, 42, 43, 47, 49, 51, 69, 93, 102, 106, 128, 135, 138, 144, 146, 159, 163, 214, 215, 226, 251, 264, 279, 313, 334, 335, 404, 411, 422.
Греко-персидские войны — 355.
Гроссе Роберт, герм. писат. — 227.
Грот (Grote), герм. писат. — 43, 122, 123, 125, 141, 149, 151.
Групп (Grupp), герм. писат. — 231.
Грэнди (Grundi), англ. писат. — 98, 109, 120, 121.
Гуг (Hug), герм. писат. — 147.
Гуже (Gouget), франц. писат. — 393.
Гусситы — 46.
Гутшмидт (Gutschmidt), герм. писат. — 359.
Гюльде (Gülde), герм. писат. — 133.

Д

Дам (Dahm), герм. писат. — 231.
Дамис, писат. — 201.
Дамаск — 112.
Дарий, царь персидский — 16, 156, 161, 163, 166, 167, 168, 169, 171, 176, 177, 178, 179, 180, 185, 186, 358, 359.
Датис, перс. полков. — 77.
Двуречье — 179.
Дезандан, сел. — 386.
Декелея, гор. — 47.
Делий (Делиум), — гор., сражение 424 г. до н. э. — 54, 118, 123, 128, 129, 144, 148, 195.
Деллий, римск. автор — 359.
Дели-Чай, р. — 166, 167, 174, 177.
Дельбрюк, Ганс (Hans Delbrück) — 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 28, 41, 70, 131, 142, 178, 374, 431.
Дельбрюк Макс, герм. писат. — 51, 131, 314.
Демарат, спарт. царь — 75.
Деметрий (Полиоркет), полков. — 200, 201, 208, 301.
Деммин (Demmin), писат. — 329.
Демосфен, афинский стратег — 118, 122, 123, 136, 194, 239.
Дерауль, франц. воен. автор — 89.
Дердас, греч. военач. — 195.
Дессау (Dessau H.) — 259, 272, 273, 297.
Десэ (Desaix), франц. генер. — 316.
Диадохи — 196, 424, 436.
Дивитиак, князь эдуев — 372.
Дигуан, гор. — 370.
Дижон, гор. — 393.
Диндорф, герм. писат. — 184, 400.
Диодор, сицилийский историк — 52, 83, 95, 103, 123, 125, 138, 140, 141, 148, 151, 159, 163, 165, 174, 179, 182, 187, 189, 197, 198, 199, 200, 201, 255, 327, 328.
Диоксипп, афинянин — 328.

Дион Кассий, греч. историк — 354, 356, 357, 358, 383, 416, 425, 428, 429, 433, 436.
Дионисий Старший, сиракузский тиран — 138, 159, 248, 249, 343.
Дипея, гор., сражение 467 г. до н. э. — 64, 112.
Диодор — 97.
Диррахий (Дураццо) гор. — 413, 414, 415, 416, 417, 421, 422, 423, 426, 439, 442.
Диттбернер (Dittberner), герм. писат. — 161, 166, 170, 174, 176, 177.
Диттенбергер, герм. писат. — 387.
Домашевский А. Ф., писат. и редактор — 349, 391, 403, 404, 414, 435.
Домиций Агенобарб, военач. Помпея — 404, 416, 417.
Дорида — 94, 98.
Драке (I. H. Drake), анг. писат. — 349.
Дракон, автор конституции — 223.
Дрески — 35.
Дройзен Х., д-р., герм. писат. — 42, 64, 149, 150, 160, 182, 184, 194, 196, 198, 201, 210, 211, 293.
Друманс — 404.
Дука, австр. фельдм.-лейт. — 326.
Дубс, р. — 393.
Думнорикс, князь эдуев — 370, 372, 373, 375.
Дунай — 443.
Дункер (Dunker), автор истор. исслед. — 43, 58, 64, 87.
Дусманис — 431.

Е

Европа — 24, 163, 164, 326.
Евтропий — 249. 421, 422, 423, 425, 429.
Евфрат, р. — 140, 179, 355, 356, 359, 424.
Египет — 59, 63, 112, 135, 179, 196, 197, 334, 404, 424, 442.
Елена св., остров — 190, 371, 381, 428.

Ж

Женева — 366, 374.
Жиронда — 365.
Жомини — 27.

З

Заала, р. — 311.
Зальцбург, гор. — 329.
Зама, гор., сражение 202 г. до н. э. — 208, 299, 301, 310, 311, 314, 315, 316, 317, 436, 437.
Занн (Sann), герм. автор — 316.
Заратустра — 75.
Запад — 352, 358.
Затруп, место переправы — 122.
Зевгма, сел. — 356, 359, 360.
Зевс, греч. бог — 420.
Зибель, Генрих фон (Subel), герм. историк — 293, 342.
Зольтау (Soltau), герм. автор — 227, 243, 251, 329, 345, 406.
Зонар, писат. — 248.
Зондербург, гор., — 122.

И

Иделер, герм. писат. — 406.
Иена, гор., сражение 1806 г. — 23, 43, 326, 328, 430.
Иенс Макс (Jähns Max), герм. воен. историк — 20, 83, 368.
Изара, р. — 369.
Изгон, карф. военач. — 253.
Илерда, гор., сражение — 394, 405, 406, 407, 408, 409, 410, 420, 433, 440, 442.
Илиада — 69.
Илипа, сел. (сражение при Бэкуле) — 308.
Илисс, гор. на Рейне — 384.
Иллирийская бухта — 411.
Иллирия — 283, 404, 413, 414, 417, 442.
Имброс, остров — 57.
Индика, лит. труд Арриана — 186.
Индия — 163, 186, 188, 195, 324, 328, 358.
Инд, р. — 358.
Инэ (Jhne), писат. — 247.
Иоганн фон-Нассау, писат. — 320.
Иония — 111.
Иорк, граф, писат. — 179.
Иосиф Флавий, римск. историк — 346.
Иосиф Фукс, герм. писат. — 288, 306.
Ипс, сражение 301 г. до н. э. — 201, 208, 301, 437.
Иран — 74.
Искандерун (Александрийский залив) — 166.
Исократ, греч. писат. — 18, 64, 65, 132.
Испания — 257, 276, 279, 281, 283, 289, 290, 291, 295, 296, 297, 299, 300, 305, 306, 313, 314, 317, 334, 335, 341, 351, 403, 404, 405, 406, 409, 411, 413, 414, 415, 423, 442.
Испанская война — 421.
Исс, гор., сражение 333 г. до н. э. — 23, 29, 155, 161, 166, 167, 169, 172, 173,

175, 176, 177, 178, 179, 180, 183, 195, 209, 358.
Истм (Истмийский перешеек) — 61, 99, 102, 103, 104, 106, 107, 417.
Италия — 18, 75, 128, 214, 217, 237, 247, 264, 272, 277, 278, 280, 281, 284, 286, 287, 288, 289, 290, 291, 292, 294, 295, 297, 300, 301, 303, 308, 309, 322, 334, 335, 339, 351, 352, 369, 387, 389, 390, 403, 404, 405, 406, 411, 414, 415, 416, 417, 423, 442.
Ификрат, афинск. нач. наемн. войск — 20, 21, 137, 138, 139, 237, 240.

К

Кавказ — 161, 360.
Кай Аврелий, римск. консул—350.
Кай Антоний — 411.
Кай Гракх, римск. народн. трибун — 339.
Кай Марий, римск. консул, победитель тевтонов — 335.
Каллимах — 14.
Каллисфен. греч. автор — 168, 170, 174, 175, 293.
Камерун, б. герм. колония в Вост. Африке — 83.
Камилл, римск. консул — 220, 238.
„Камилл", труд Плутарха — 225.
Канны, сражение 216 г. до н. э. — 13, 14, 23, 29, 256, 258, 259, 263, 265, 266, 267, 268, 269, 272, 273, 274, 275, 276, 277, 278, 279, 280, 283, 284, 285, 287, 289, 293, 294, 296, 297, 299, 300, 301, 302, 304, 317, 323, 325, 331, 332, 336, 340, 381, 395, 409, 419, 420, 424, 430.
Канталупи, итал. писат. — 266, 267, 282, 283, 296.
Канузий, гор. — 266, 272.
Капуа, гор. — 17, 214, 215, 279, 280, 281, 282, 283, 286.
Кардисса — 431.
Кардухийские горы — 140, 355.
Карл Гессенский — 86.
Карл Лотарингский — 68.
Карл Смелый — 46, 48, 76, 84.
Карл, эрцгерцог — 35,
Карпаты, горы — 94.
Карры, гор. — 355, 356, 358.
Карстедт Ульр., писат. — 273.
Карфаген — 15, 23, 54, 251, 252, 256, 257, 262, 289, 297, 298, 299, 300, 304, 310, 312, 334, 335.
Кассандр — 198, 203.
Кассий Лонгин, римск. консул — 335.
Катана, гор. — 124, 125.
Катон, военач. Помпея—225, 243, 423.
Катул, римск. полков. — 405.
Кауперт, герм. автор — 85.
Кауэр фр. (Cauer) — 362.
Квисторп, ген.-лейт. — 80.
Квинт Фульвий Флакк, римск. конс. — 351.
Келер (Köhler), герм. писат. — 167.
Кепп (Koepp), герм. писат. — 177.
Кератский проход — 160.
Кермелис, гор. — 185.
Кефис, р. — 353.
Кёхли Г., д-р, герм. воен. писат. — 42, 139, 147, 148, 151, 158, 160, 182, 183, 184, 185, 186, 187, 188, 190, 191, 197, 198, 199, 320, 329.
Киликия, обл. — 169, 177.
Quincunx-Taktik — 317.
Киноскефалы, горы —244, 320, 323, 324, 437.
Киперт Г. — 409.
Кипр, остров — 63.
Кир, царь перс. — 24, 64, 80, 82, 94, 136, 139, 140, 144, 145, 146, 163, 183.
Кифера, остров — 130.
Киферон, горы — 107, 108, 109.
Клавдий Квадригалий, римск. писат. — 248.
Клавдий Марцелл, римск. полков. — 299.
Клаузевиц — 10, 11, 12, 14, 35, 38, 62, 120, 123, 261, 280, 368, 439, 442.
Клеандр, македон. военач.—182, 183.
Клеарх, греч. полковод. — 83, 240.
Клевекорн Х. (Klövekorn), писат. — 378.
Клеомброт, спарт. полков. — 150.
Клеомен, спарт. царь — 202, 204, 206, 207, 208, 328.
„Клеомена" — 202.
Клеон, афинск. диктатор — 26, 36, 120, 122, 123, 130, 131.
Клеопатра, египетская царица — 359.
Клитий — 327.
Клотц Альфр (Klotz Alfr.), герм. писат.— 380.
Кнезебек, прусск. фельдмарш. — 342.
Койнос—188, 191, 192, 193.
Колен, франц. воен. писат. — 288.
Коломб (G. Colomb), франц. писат. — 384, 385, 386.
Колонье, франц. ген. — 89.

Кольбе В. (Kolbe W.), герм. писат. — 130.
Кольмар, гор. — 384.
Конрад Леман, герм. писат. — 265, 266, 288, 295, 298, 306, 310, 314, 315, 384, 387, 388.
Коракс, гора — 94.
Коринф, гор. — 51, 61, 62, 63, 71, 73, 128, 129, 137, 141, 159.
Коринфская область — 65.
Коринфский союз — 163.
Корнелий Непот, историк — 78, 327.
Корнелий Сисенна — 336.
Корнеман, герм. писат. — 284.
Коронея, гор. — 141, 152, 193.
Коррагос, македонянин — 328.
Корфиниум — 404.
Корфу, остров — 103.
Коркира (или Керкира Корцира, ныне Корфу) — 67, 103.
Кот-Дор, горы — 393.
Котта, консул — 241.
Кранер — 387.
Краннон, сражение 322 г. до н. э. — 198.
Красное море — 75.
Красс, триумвир, наместник Сирии — 354, 355, 356, 358, 329, 381, 424, 425, 434.
Крастий, примопил в войсках Цезаря — 364, 429.
Кратерий — 198.
Краузе А. — 158.
Крез, лидийский царь — 144.
Кретополис, гор., сражение 319 г. до н. э. — 199.
Крит, остров — 279.
Кромайер (Kromayer), герм. историк — 51, 65, 151, 152, 153, 159, 160, 166, 176, 202, 204, 205, 206, 209, 211, 258, 273, 274, 275, 287, 297, 298, 317, 324, 325, 326, 328, 330, 331, 332, 333, 334, 353, 360, 429, 430, 431, 432.
Кротон, гор — 291.
Крэн, гор. кельтов — 255.
Крюгер, герм. издатель — 184.
Ксантип, спартанец — 107, 252, 253, 264.
Ксенофонт, греческ. воен. историк — 64, 66, 67, 80, 113, 117, 132, 133, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 148, 149, 150, 151, 152, 155, 156, 161, 181, 183, 184, 185, 186, 195, 228, 237, 239, 240, 304, 327, 355, 402, 434, 441.
Ксеркс, царь перс. — 6, 31, 47, 75, 76, 94, 99, 100, 103, 104, 106, 108, 111, 112, 113, 114, 131, 139, 281, 369.
Ктезифон, предместье гор. Селевкии — 356.
Ктесий, врач Артаксеркса — 95, 140.
Кумы, приморск. гор., морское сражение 474 г. до н. э. — 251.
Кунакса, гор., сражение 401 г. до н. э. — 83, 139, 183, 355, 402.
Кунктатор (Фабий), римск. диктатор — 280, 300.
Курий Дентат — 220.
Курион, военач. Цезаря — 411, 434.
Курций, историк — 166, 172, 173, 174, 175, 177, 186, 187, 192, 193.
Курциус Е. — 85.
Кутэ (Kuthe), герм. автор — 227.
Кюблер, писат. — 391, 396.

Л

Лабиен, военач. Цезаря — 369, 373, 392, 396, 397, 418, 419, 425, 433, 434, 436.
Лакедемон (Спарта), гор. — 49, 50, 51, 65, 73, 97, 123, 129, 202, 204, 208, 210.
Лаконика, обл. — 51, 72, 217.
Ла-Манш, пролив — 440.
Ламах, афинск. военач. — 136, 239.
Ламмерт Эдмунт, герм. автор — 202, 329, 330.
Ланге, герм. историк — 122.
Ланглуа — 7.
Лангр, плоскогорье — 393.
Латинская война — 242.
Лациум, обл. — 214, 251, 281.
Леверье, астроном — 406.
Левктры, сел., сражение 371 г. до н. э. — 147, 148, 151, 184, 193.
Лейпсокутали, остров — 104.
Лейпциг — 42, 78, 288, 306.
Лейтен, сражение 1757 г. — 185.
Лелий — 315.
Леман Конрад, герм. историк — 266, 275, 296, 380.
Леман Макс, герм. автор — 342.
Лемнос, остров — 57.
Ленин — 26.
Леонардо-да-Винчи — 186.
Леонид, спарт. военач. — 93, 96, 97, 98, 101, 112, 194, 409.
Леотихид, спарт. царь — 107.
Лесбос, остров — 53, 54.

Лехеон, мест. близ Коринфа — 137.
Лехфельд, сражение 955 г. — 316.
Либенам (Libenam), англ. автор — 227.
Либон, адмирал—413.
Ливий, историк — 94, 214, 215, 220, 222, 225, 231, 233, 234, 238, 241, 242, 243, 244, 245, 266, 267, 268, 269, 275, 277, 279, 280, 281, 282, 283, 284, 285, 286, 287, 288, 289, 291, 292, 293, 294, 295, 302, 308, 309, 322, 324, 325, 327, 336, 338, 339, 340, 343, 349, 359, 363, 415, 425, 429, 430, 437, 438.
Лигустин (из страны Сабинов)—351.
Лидия, обл.—135.
Лик, персонаж из трагедии Эврипида—143.
Ликабетский хребет—125.
Ликос (Цаба), сел.—194.
Ликург, законодатель—68, 220, 223.
Линденшмидт, герм. писат.—232.
Линьи, сел., сражение 1815 г.—311.
Леон, гор.—368, 369.
Липары—241.
Липсий—363.
Лирс Гуго (Liers Hugo), д-р, герм. историк—43, 195, 329.
Лисандр, спарт. военач.—136.
Лисса—422.
Лиск—372.
Лисий—65, 135, 239.
„Лисистрата", произвед. Аристафана—98.
Лициний, римск. консул—350.
Лом, р.—396.
Лондон—87,362, 403.
Лорм, сел.—376.
Луара, р.—369, 370, 371, 374.
Лукан (Lucan), писат.—415, 427, 429, 430.
Лукиан (Lucian) — 201.
Лукулл, римск. триумвир—354, 402.
Луцеры, знатн. римск. конн. центурии—224.
Луций Эмилий, консул—269.
Лушан, герм. писат.—83.
Л'Эшелль—131.
Людовик XI, франц. король—180.
Люзи, сел., сражение Цезаря с гельветами—376.
Люндби, гор. в Ютландии—79.
Люцерн, гор. в Швейцарии—180.
Ля-Рошель, морск. порт в Бискайск. заливе—365, 369.

М

Магарбал, карфаг. военач. — 270, 277.
Магнезия, обл., поражение макед.-сир. войска—273, 323, 324, 325, 353, 437, 438.
Магон, брат Ганнибала — 264, 270, 308,
Мадвиг, писат. — 336.
Макан Н. В., англ. писат. — 87.
Македония — 10, 16, 24, 154, 155, 160, 163, 196, 239, 299, 312, 322, 326, 334, 335, 350, 351, 352, 353, 358, 413, 416.
Мак-Магон, франц. маршал —404.
Макс Леман, герм. автор — 342.
Малая Азия — 107, 112, 136, 163, 166, 169.
Маллий Максим, римск. конс. — 335.
Малосс, сел. — 176, 177.
Мандрот, швейц. автор — 180.
Маний Ацилий, консул — 351.
Манлий, консул — 241, 242.
Мантинея, гор., сражение 207 и 418 гг. до н. э. — 73, 124, 144, 147, 148, 151, 153, 193, 209, 210, 211, 240, 301.
Мантифей, афинск. гражданин — 65.
Марафон, сел. и залив, сражение 490 г. до н. э. — 6, 13, 14, 23, 24, 49, 70, 71, 72, 76, 77, 78, 79, 81, 84, 86, 88, 89, 91, 92, 93, 95, 96, 109, 111, 115, 125, 126, 140, 158, 172, 251, 343.
Марафонская равнина — 21, 77, 79, 81, 82, 85, 87.
Мардоний, полковод. Ксеркса — 47, 106, 107, 108, 110, 111, 112, 131.
Маренго, сражение 1800 г. — 316, 430.
Марий Кай, римск. консул и полководец—25, 26, 387, 439, 405.
Мария Терезия, нем. императрица — 68, 221, 336, 339, 342.
Марквардт Иоахим, герм. писат. — 224, 225, 227, 233, 237, 238, 337, 340, 343, 344, 349.
Марк Клавдий Марцелл, римск. народн. трибун — 350.
Марк Антоний, военач. Цезаря — 413.
Марк Попилий, римск. консул—350.
Марк Порций Катон, римск. консул — 351.
Марк Фульвий Нобилиор, римск. народн. трибун — 222, 350.
Марк Эмилий Лепид, цензор — 222.
Маркс — 7.
Марсель (Массилия) гор. — 405.
Марцелий, консул — 299, 308.
Марэй М. — 89.

Масинисса — 301, 309, 310, 311, 315.
Массилия (Марсель), город — 290, 439, 406, 411.
Маханид, тиран — 209, 210, 301.
Мацат, писат. — 406.
Мегалополь, гор. — 152, 201.
Мегара, гор. — 51, 52, 57, 58, 102, 104, 105, 106, 128, 129.
Мегарида, обл. — 61.
Мегарский пролив — 102.
Меджерда (Баграда), р. — 310.
Мейер, Пауль М. (Meyer, Paul M.), герм. писат. — 60, 196.
Мейер Эд. (Ed. Meyer), герм. ученый, историк — 7, 59, 61, 62, 63, 91, 92, 120, 121, 122, 212, 213, 259, 284, 287.
Мейзель, писат. — 391, 396, 402.
Меквиненца, сел. — 409, 410.
Мекленбург-Штрелиц — 51.
Мельбер И. (I. Melber), герм. писат. — 383.
Мельхиор Рус. посол — 180.
Мемнон, писат. — 353.
Мемпельгар (Mömpelgard), сел. — 385.
Менге Р. (Menge R), герм. писат. — 364.
Менексен — 98.
Менид, командир наемн. войск при Гавгамеле — 182.
Меринг Франц — 5, 6, 18.
Месогея, сел. — 87.
Мессена — 241.
Мессения, обл. — 49, 51, 71, 72, 217.
Мессенские войны — 68.
Мессиа (Maissiat), франц. писат. — 369.
Мессина, гл. гор. Сицилии — 426.
Месопотамия — 356, 358, 359, 434.
Месопотамская равнина — 355, 357, 360.
Метавр, р. — 283, 437.
Мец, креп. — 394, 404.
Мигдония, сел. — 359.
Мидия, обл. — 356, 358.
Микале, мыс — 112.
Мильтиад, полковод. — 14, 22, 25, 26, 27, 78, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 91, 92, 96, 112, 153, 172, 194, 258, 439.
Мириандр, сел. — 167, 169, 175, 176, 177.
Миронид, афинск. военач. — 54.
Митиллена, гор. на острове Лесбосе — 53.
Митридат, — 83, 352, 353, 354.
Мишке, ф. — 35.
Мищенко — 14.
Молльвиц, гор., сражение 1741 г. — 208, 301.
Мольтке старший, нач. герм. ген. шт. — 56, 57, 293, 311, 316, 430.
Моммсен, герм. историк — 37, 215—217. 222, 225, 234, 247, 252, 259, 299, 313, 314, 317, 326, 339, 369, 371, 374, 377, 406, 413, 427.
Мон-Беврей (Mont Beuvray), сраж. с гельветами — 370.
Мон-дю-Шароле, гора — 368, 370.
Мон-дю-Маконэ, гора — 368.
Мон-Манэ (Mont Manen), гора — 410.
Монмерль (Montmerle), сел. — 368, 369.
Монте-Альпино, сел. близ Канн — 266.
Монтекукколи, австр. полков. — 320.
Морген, герм. лейт. — 17, 83.
Москва — 292, 326.
Мулен-Энжильбер, сел. — 376.
Мульда, р. — 311.
Мунда — 409, 436, 442.
Мунро (J. A. Munro), англ. писат. — 92, 98.
Муртен, сражение 1476 г. — 46, 76, 88, 102, 104, 177.
Мутина (Модена), гор. — 332.
Муттин, военачальник — 273.
Мутул, сражение — 437.
Мьетт, ручей — 387.
Мюллер А., герм. писат. — 231, 335.
Мюллер-Стрюбинг, герм. писат. — 126.
Мюльнер-Лейбах, герм. писат. — 255.
Мюнхен — 43.

Н

Наполеон I — 25, 26, 27, 28, 35, 36, 38, 46, 145, 261, 288, 289, 312, 326, 336, 339, 368, 371, 381, 383, 385, 396, 397, 422, 430, 441, 442.
Наполеон III — 22, 27, 232, 237, 362, 368, 369, 371, 374, 378, 384, 385, 387, 391, 392, 393, 394, 403, 406, 409, 413.
Нараггара, гор., сражение 202 г. до н. э. — 208, 302, 303, 304, 305, 306, 307, 310, 311, 312, 313, 314, 315, 316, 317, 325, 336, 436.
Нарбоннская провинция — 400.
Нассау Иоганн, фон, основатель воен. школы — 320.
Неаполь — 251, 288.
Невий, поэт — 250.
Нейман К. (K. Neumann), герм. автор — 175.
Неоптолем — 199.
Непот Корнелий, историк — 103, 137, 139.
Нерон — 286.

Нибур, историк — 42.
Низе Бен (Niese), герм. автор — 95, 131, 132, 182, 184, 247, 249.
Никий, афинский стратег — 121, 124, 125, 132, 133.
Нин, царь — 95.
Ниневия, гор. — 179.
Нисибис — 356.
Ниссен (Nissen), герм. автор — 129, 284.
Нич (Nitzsch) — 240, 336.
Новара, сражение 1513 г. — 177.
Новый Карфаген — 292.
Нола, гор. — 280.
„Норвежское королевское зерцало" — 231.
Нордлингер — 43.
Норик, провинция — 335.
Нубия, страна между Египтом и Абиссинией — 197.
Нума Помпилий, 2-й царь римский—222.
Нуманция, гор. — 341, 438.
Нумистро, сражение — 280, 308.
Нэвер (Nevers), гор. — 369.
Нэтэ (Nöthe), герм. писат. — 133.
Нюи, гор. — 393.

О

Оветт (Nauvette), франц. писатель — 89, 90, 112, 113.
Октавиан (Август) 1-й римск. император — 344.
Октогеза, сел. — 407, 408, 409, 410.
Олимп, гора — 204, 206, 207.
Оллендорф, майор — 188.
Ольбин, писат. — 83.
Ольмюц, гор., осада 1758 г. — 368.
Ольпе, сражение 426 г. до н. э. — 123.
Ольсен, писатель — 69.
Оппий Статий, военач. Антония — 357.
Оргеторикс, правит. гельветов — 371, 372, 377.
Ореос, сел. — 57.
Оркиния — 199.
Орлеан, гор., сражение 3 и 4 дек. 1807 г. — 46.
Орик, приморск. гор. в Эпире — 413, 422.
Орозий-Поллион, историк — 249, 343, 378, 383, 421, 423, 425, 429, 437.
Осроэн, сел. — 359.
Орхомены, гор. в Беотии—352.
Остиа, гор.—277.
Оттоны, герм. императоры — 161, 316.
Отэн (Autun) 369, 370.

П

Павсаний: 1) спарт. царь и полков. при Платее, 479 г. до н. э. 107, 109, 110, 111, 112, 153, 315; 2) греч. историк II в. до н. э.—68, 70, 86, 258.
Пагасейский залив — 99.
Пагонд, фиванск. полков. — 123.
Па-де-Кале (Ла-Манш), пролив — 390.
Пай (Пинар), р. — 166—167, 170, 177.
Палермо, гор. — 253.
Панкрициус М. (Marie Pancritius), герм. писат. — 140.
Панорм, гор. — 437.
Папирий Карбон, римск. консул — 335.
Папирий Курсор, диктатор — 242.
Паралос, греч. государств. корабль — 132.
Паретакене, сел., сражение 317 г. до н. э. — 199, 201, 437.
Париж — 88, 392, 413, 438.
Парменон, нач. штаба Александра Македонского — 167, 176, 182.
Парфия, сатрапия — 356, 359.
Парфянская война — 437.
Патраос, князь пэонов — 160.
Пайяс-Чай, р. — 170, 171, 173, 174, 176, 178.
Пелла, гл. гор. Македонии, 16 — 154.
Пелопид, фиванский военач.—149, 150, 184.
Пелопоннес — 51, 53, 61, 103, 130, 214, 217.
Пелопоннесская война — 10, 11, 17, 18, 21, 51, 52, 53, 59, 62, 71, 99, 115, 116, 117, 126, 127, 128, 129, 130, 132, 134, 135, 136, 138, 143, 194, 220, 239, 276.
Пелопоннесский союз — 12, 62.
Пенезьер, сел. — 385.
Пердикка, военач. Александра Македонского — 192.
Перикл, афинский вождь — 11, 12, 13, 21, 22, 25, 26, 27, 36, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 61, 118, 120, 122, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 135, 138, 193, 239, 240, 258, 409, 439, 441.
Персей Македонский —326, 328, 338, 349, 350.
Персеполь, гор. — 358.
Персидские войны — 7, [10, 11, 13, 20, 36, 41, 42, 43, 49, 52, 58, 62, 63, 66, 69, 70, 71, 73, 76, 77, 85, 88, 90, 91, 113, 115, 116, 117, 126, 131, 132, 146, 147,

211, 250, 281, 310, 311, 354, 365, 385, 395.
Персия — 11, 15, 24, 74, 75, 161, 163, 179, 358.
Перц Георг Гейнрих — 35
Перц-Дельбрюк (Pertz-Delrbück) — 46.
Петрей, легат Помпея — 405, 406, 407, 408, 420, 421.
Пидна, гор., сражение — 238, 320, 323, 324, 437.
Писистрат, афинский тиран — 135.
Пилос, гор. — 130, 239.
Пинар (Пай-Пайас), р. — 167, 173, 174, 209.
Пиотровский А., русск. переводчик—98.
Пирей, гавань — 66, 127.
Пиренеи, горы — 289, 290, 292, 294, 298, 303, 405, 410.
Пирр, царь Эпирский — 9, 42, 197, 246, 247, 248, 249, 250, 272, 320, 323, 343, 436, 438.
Платея, гор., сражение 479 г. до н. э. — 13, 29, 48, 49, 70, 73, 76, 107, 108, 109, 112, 116, 125, 126, 138, 140, 195, 239, 251.
Платон, греч. философ — 72, 98.
Платнер, писат. — 415.
Плиний, римск. ученый — 234.
Плутарх, историк — 68, 95, 98, 99, 103, 106, 148, 149, 150, 156, 165, 184, 186, 187, 190, 192, 193, 197, 199, 201, 202, 205, 208, 209, 210, 225, 237, 246, 248, 249, 324, 328, 339, 346, 352, 354, 357, 359, 363, 383, 405, 417, 420, 421, 422, 425, 426, 427, 429, 430, 433, 441.
По, р. — 291.
Полибий, историк — 23, 33, 34, 151, 156, 160, 168, 170, 174, 175, 202, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 210, 211, 217, 230, 232, 235, 236, 237, 238, 240, 241, 243, 244, 246, 250, 251, 252, 254, 255, 256, 257, 259, 260, 261, 262, 263, 266, 267, 268, 272, 273, 274, 275, 278, 280, 281, 282. 283, 284, 285, 286, 288, 289, 292, 293, 295, 296, 297, 305, 306, 307, 308, 310, 314, 315, 317, 318, 320, 322, 323, 324, 325, 326, 328, 329, 330, 331, 332, 334, 337, 338, 339, 340, 341, 342, 345, 348, 419, 437, 441.
Поликрат Самосский, тиран — 135.
Полиэн — 19, 64, 68, 83, 112, 133, 159, 191, 237, 240.
Поллион Азиний, военач. Цезаря — 423, 426, 427, 429.
Помпей, триумвир. — 91, 344, 354, 356, 361, 403, 404, 405, 406, 409, 411, 413, 414, 415, 416, 417, 418, 419, 420, 421, 422, 423, 424, 425, 426, 427, 428, 429, 430, 431, 432, 441, 442.
Пор, царь индийский — 186, 187, 188, 189, 190, 192.
Потидея, гор., сражение 432 г. до н. э. — 52, 53, 58, 118.
Прага, гор. — 102.
Провинция римская — 366, 369, 370, 372, 374, 375, 389, 390, 391, 392, 393, 4 , 404.
Прометей — 8.
Пруссия — 23, 51, 279, 288, 326, 339, 342, 430.
Псевдо-Гирций, автор „Африканской войны" — 434, 435.
Пситтале́я, остров — 104, 117.
Птоломей, историк — 186, 190, 191, 192, 201, 265.
Птоломей II — 196.
Птоломей IV Египетский — 208.
Публий, сын Цезаря — 424.
Публий Аврелий, римский военач. —241
Публий Лициний, консул — 350, 351.
Публий Семпроний, римск. военач. — 272.
Публий Сульпиций, консул — 350,
Публий Сципион, римск. полководец и государств. деятель — 284, 299, 314, 424.
Пунические войны — 11, 13, 17, 18, 21, 26, 29, 62, 212, 215, 217, 231, 232, 234, 242, 250, 251, 253, 256, 257, 259, 264, 272, 275, 276, 278, 279, 280, 281, 282, 288, 297, 299, 301, 317, 318, 334, 335, 336, 339, 340, 343, 345, 349, 436, 437.

Р

Рабутен, ручей — 396, 397.
Радецкий, австр. полководец — 45.
Раймер Пауль, герм. писат. — 83.
Раймунд Элер, герм. автор — 298.
Рамны, знатейшие римские конные центурии — 224.
Ранке, герм. историк — 6, 7, 8, 38.
Раппольтсвейлер, сел. — 384, 385, 386.
Рауль, франц. кап. — 88, 89, 90.
Раухенштейн Х, герм. писат. — 377.
Рафия, сражение 217 г. до н. э. — 208, 301, 437.
Реа, гора — 396, 397.

Реглинг (Regling), герм. писат. — 355.
Регул, римск. полководец — 252, 253, 264, 289.
Редер — 12.
Рейн, р. — 326, 383, 384. 385, 391, 439.
Рейнский союз — 151.
Рейсс Ф. (Reus F.), герм. артор — 140.
Рейхард Пауль, герм. автор — 83.
Реньо Рауль, д-р. франц. — 89.
Реньо Феликс, франц. писат. — 89.
Ресслер В., герм. консул в Алеппо — 174, 178.
Риваройа, ущелье — 410.
Рим — 9, 13, 15, 17, 18, 22, 23, 24, 25, 26, 31, 128, 129, 212, 214, 215, 216, 217, 220, 221, 223, 224, 226, 237, 242, 246, 251, 252, 256, 257, 261, 270, 272, 274, 276, 277, 278, 279, 280, 281, 282, 283, 284, 285, 286, 291, 297, 298, 300, 301, 304, 306, 308, 309, 311, 312, 313, 326, 334, 335, 336, 339, 340, 341, 346, 347, 349, 352, 353, 356, 360, 366, 372, 373, 378, 389, 390, 399, 401, 403, 405, 415, 418, 421, 427, 428, 443.
Риттер А., герм, автор — 430.
Родан (Рона р. — 293.
Родос, остров — 116, 352, 441
Розенберг А., герм. автор — 222.
Ролоф, герм. писат. — 152, 153, 159, 160, 202, 204, 206, 207, 209, 211.
Ромул, — 215.
„Ромул", литер. произвед. Плутарха — 225.
Рона, р. — 289, 291, 292, 293, 294, 295, 366, 369, 439.
Россия — 342.
Рубикон, р. — 362, 363.
Румыния — 440
Руспина, приморск. гор. в Вост. Тунисе — 433, 434.
Рюстов В., воен. писат. — 6, 35, 42, 43, 91, 139, 147, 148, 151, 152, 158, 160, 182, 183, 184, 185, 186, 187, 188, 190, 191, 197, 198, 199, 232, 320, 329, 362, 386, 434, 435.

С

Сабинские горы — 350.
Сагунт, гор. — 289, 290.
Саламин, остров, сражение 480 г. до н. э. — 13, 29, 49, 57, 62, 100, 101, 102, 103, 104, 107, 108, 109, 112, 117, 126.
Саламинский, пролив — 105, 106.
Салические короли — 161.
Саллюстий — 336, 342, 343, 346, 437,
Самарканд, гор. — 194.
Самбр, р. — 80, 388, 389.
Самнитские войны — 217, 221, 226, 228.
Самос, остров — 138.
Сардиния, остров — 276, 278, 281, 283, 298, 405, 415.
Сарды, гор. — 106, 111, 112, 113.
Саронический залив — 100.
Саррока — 410.
Сахара, пустыня — 161.
Светоний, писат. — 403.
Севенны, горы — 369.
Север — 346.
Сегр (Сиковис), р. — 405.
Секстиевы воды (Agua Sextia) — 335.
Селевк, сирийск. царь, основатель династии селевкидов — 203.
Селевкиды — 166.
Селевкия, гор. на р. Тигре — 354.
Селинунт, гор. — 138.
Селлазия, гор., сражение 221 г. до н. э.— 202, 204, 207, 211.
Семилетняя война — 145.
Семпроний, римск. военач. — 268, 289.
Сена, река—392, 394.
Сенгейм—384.
Сентин, гор., сражение 295 г. до н. э.— 343.
Сент-Фуа (Sainte-Foy), сел.—370.
Сеньобоз—7.
Сервианская стена—217, 277.
Сервий Туллий, римск. царь—17, 25, 214.
Сервилий, консул—270, 271, 272.
Сесмондан, сел.—386.
Сибот, сражение 433 г. до н. э.—130.
Сикион, гор.—51.
Сикорис (Сегр), р.—405, 406, 407, 409, 410, 439.
Силен, грек—265, 267, 272, 273.
Сильпия, одно из названий сражения при Бекуле—308.
Симонид—74.
Сиракузы, гор.—124, 125, 133, 138, 239, 278, 281, 283, 306, 426.
Сирийские ворота—170.
Сирис, р.—247, 248.
Сирия, царство селевкидов—166, 169, 170, 179, 196, 298, 334, 358, 360, 411.
Светоний—441, 442.
Сифакс, шейх нумидийцев—301, 305.

Сицилия, остров—22, 100, 116, 128, 132, 138, 193, 252, 253, 257, 276, 278, 279, 281, 283, 288, 289, 298, 305, 309, 310, 405, 411, 415, 437, 438, 442.
Скала (R. v. Scala), писат.—247.
Скирос, остров—57.
Скотусса, сел.—431.
Смит, автор—223, 227, 354.
Сократ, греч. философ—62, 143, 239, 240.
Солон, законодатель—25, 62.
Сона, р.—368, 369, 370, 371, 372, 373, 374, 393, 394.
Соор, гор., сражение—86.
Сорос, сооружение на Марафонской равнине—84, 85, 87.
Сотириадис Г. (G. Sotiriades), греч. писатель—160.
Сохой, место Дария в сражении при Иссе—177.
Спарта—59, 62, 63, 68, 71, 72, 73, 78, 93, 97, 116, 134, 143, 153, 166, 193, 204, 212, 220, 236.
Спартола, сражение 429 г. до н. э.—118.
Спурий Лигустин, римск. гражданин—350.
Средиземное море—23, 166, 326.
Сталин—22, 26.
Стимфалия, местность у озера Стимфал в Аркадии—146.
Стоффель, франц. полк.—234, 329, 345, 362, 364, 365, 368, 378, 380, 384, 385, 404, 406, 409, 413, 421, 422, 423, 434, 435.
Страбон, историк—83, 327, 378.
Страсбург—384, 386.
Стрейт В., писат.—280, 282.
Стэнли, путешеств.—83.
Сузы, гор.—6, 74.
Сулла, римск. полководец—353, 402.
Сульпиций К., диктатор—235, 352.
Суний, мыс—47, 92.
Сфактерия, остров, сражение 424 г. до н. э.—20, 119, 120, 121, 122, 128, 129, 130, 153, 239.
Сципион Африканский, римский полководец—25, 26, 411.
Сципион младший—257.
Сципион, трибун—272, 273, 413, 414, 416, 423, 433, 438, 439.

Т

Танагра, гор.—47.
Тапс (Thapsus), гор. в Африке—29, 197, 344, 430, 433, 436, 437, 442.
Тараре, сел.—370.
Тарент, гор.—221, 251, 278, 281, 426.
Тарквиний Гордый, римский царь (рекс)—219, 390.
Тарс, гор. в Киликим—167.
Тахо, гор. в Испании—437.
Тахти-Сулейман (Фрааспа), гор.—356, 357.
Тацит, историк—340.
Тевтобургский лес—391.
Тейбнер Б. Г., писат.—258.
Теламон, место сражения с галлами—254.
Темпейское ущелье—93, 95, 97.
Теренций Варрон, консул—259, 269, 270, 271.
Тиберий Гракх—340, 351.
Тибр, р.—215, 220, 277, 280.
Тигр, р.—47, 355, 358, 359.
Тигран, царь армянский—354.
Тиграноцерта, гор.—356, 402.
Тимофей—21.
Тимэй, писат.—438.
Тир, гор.—159, 179, 195, 438.
Тиртей, поэт, военный певец—64, 65, 69.
Тиссаферн—139, 140, 355.
Тит Фламиний—350.
Тиции, знатнейшие конные центурии—224.
Тичино, р., сражение 218 г. до н. э.—278, 313.
Толмид, греч. военач.—133.
Тоннерра—376.
Торн—36,
Тразимен (Тразименское озеро)—267, 273, 274, 275, 277, 278, 279, 280, 294, 299, 409.
Трахида, сел.—94, 98.
Треббия, р., сражение 217 г. до н. э.—259, 261, 267, 268, 273, 274, 275, 278, 284, 280, 295, 296, 302, 437.
Трезен, гор.—51.
Трейчке Генрих, герм. ученый—293, 342.
Трельч—8.
Триполи, обл.—173, 177.
Трупика, бухта—105.
Трэву (Trevoux), гор.—368, 369.
Тулон-сюр-Арру,—376.
Тумзер (Thumser), австр. писат.—72.
Тун, сражение—437.

Тунис—311, 434.
Туркестан—74.
„Тускуланы", литер. труд Цицерона—238.
Тэннэ А., инженер—99

У

Убиш, фон, директор музея—329.
Узенер (Usener), герм. автор—135.
Укселлодун—439.
Ульрих Карстедт (U. Karstedt), герм. писат.—258.
Унгер (Unger), герм. автор—257, 406.
Унру-ф.—35.
Ури, кантон в Швейцарии—51.
Урмия, озеро—359.
Утика, полуостров—310.

Ф

Фабий Кунктатор, диктатор—21, 267, 297, 406.
Фабий, сенатор, историк—272, 273.
Фабий Максим, цензор—226, 280, 299, 309.
Фабий Пиктор, римск. историк—226, 250, 254, 256.
Фабий Руллиан—magister equitum—242.
Фабриций—220.
Фабрициус, герм. автор—386.
Фалерно, гавань—127.
Фарнабаз, сатрап—136, 145, 181, 304.
Фарнак—442.
Фарсал, гор., сражение 48 г. до н. э.—23, 91, 356, 363, 415, 418, 419, 420, 421, 422, 423, 428, 429, 431, 432, 436, 442.
Фауст—10
Фейт Г. (G. Feith), герм. ученый—314, 315, 316, 317, 333, 338, 344, 345, 362, 378, 398, 429, 431, 432, 433, 435, 436.
Фемистокл, афинск. полководец—95, 97, 99, 100, 103, 105, 107, 112, 258.
Феопомп, комик—133,
Феофраст, философ—328.
Фермопильская теснина (ущелье)—94.
Фермопилы—47, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 101, 104, 112, 126, 170, 405.
Феррер, писат.—380.
Феспии—97.
Фессалия, обл.—69, 158, 159, 195, 416, 417, 424, 428, 430, 431.
Фессалийская битва—431.
Фессалоники (Салоники), гор.—416.
Фест, писат.—225, 349.
Фибо, гавань—426.
Фивы, гор.—50, 62, 71, 73, 128, 129.
Филин, греч. автор—250, 252.
Филипп II Македонский—10, 16, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 297, 298, 338, 343, 365.
Филипп V Македонский—323.
Филиппсон, герм. писат.—48, 49.
Филопомен, македонский военач.—206, 209, 210, 211.
„Филопомена", лит. труд Плутарха—202, 210.
Финжан—393.
Финикия, обл.—173, 177, 179.
Флавий Иосиф, римский историк—282.
Фламиний, консул—255, 275, 279, 334.
Фликс, сел.—409.
Флор, историк—324, 428, 437.
Фойгт (P. Voigt), герм. писат.—51.
Фокион, афинский полководец—239.
Фольбрехт, издатель—184.
Фон-Франзецкий—36.
Фрааспа, гл. гор. Мидии—356, 357.
Фраат IV, царь Парфии—358, 359.
Фракия, обл.—107, 134, 138, 240.
Франа (Франская долина)—78, 79, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 91.
Франкфурт—78.
Франциск I, франц. король—68.
Франция—51, 180, 285, 342.
Фрасил, греч. флотоводец—117.
Фрасибул, военач.—66.
Фрейбург—42.
Фрелих (Fröhlich), герм. ученый, историк—237, 317, 336, 344, 363, 364, 365, 374, 386, 435, 437.
Фридерици Георг, герм. воен. писат.—69.
Фридлендер Людвиг, герм. ученый—130.
Фридрих II, Великий, прусский король, полководец—8, 27, 36, 48, 102, 120, 129, 152, 157, 185, 259, 297, 318, 342, 358, 385, 422, 430, 441.
Фридрих Вильгельм I, прусский король—47, 339, 342.
Фридрих Вильгельм III, прусский король—45, 46, 342.
Фридрих Гакман, герм. писатель—83, 186.
Фридрих-Леопольд-ф. Гейслер—36.
Фронтин, римский военный писатель—103, 248, 308, 357, 418, 439.

Фрэнсис Смитс (Francis Smith), писат.—222.
Фужер (Fougères), франц автор—209.
Фукидид, греч. историк—10, 12, 13, 36, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 68, 69, 71, 73, 81, 100, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 138, 144, 154, 195, 228, 239, 315, 329, 343, 441, 442.
Фукс Иосиф (Jos. Fuchs), герм. писат.—275.
Фульвий Флакк, римский военач—282, 299.
Фэй, франц. ген.—89.

Х

Хабрий—21.
Хагиос Георгиос, остров—104.
Хассбах-инженер—168, 170, 174, 178.
Хезэ Л., франц. автор—413.
Хельбиг—68, 69.
Хенегау, департамент—390.
Херонея, гор., сражение 338 г. до н. э.—159, 352, 353, 402.
Херсонес франкский, гор.—78.
Хигин—римск. лагерь—237.
Ходжент, гор.—194.
Хольмс (Rice Holmes), англ. писат.—364, 371, 374, 377, 378, 393.
Хубо (Hubo), герм. автор—367.
Хюзинг Георг (G. Hüsing), австр. писат.—75.
Хюффер, герм. писат.—430.

Ц

Цангемейстер, герм. писат. — 425.
Цезарь Юлий, римский полководец — 6, 11, 13, 14, 21, 22, 26, 27, 37, 91, 207, 234, 237, 238, 274, 291, 292, 294, 300, 343, 344, 345, 348, 355, 356, 360, 361, 362, 363, 364, 365, 366, 367, 368, 369, 370, 371, 372, 373, 374, 375, 376, 377, 378, 380, 381, 382, 383, 384, 385, 386, 387, 388, 389, 390, 391, 392, 393, 394, 395, 396, 397, 398, 399, 400, 401, 402, 403, 404, 405, 406, 407, 408, 409, 410, 411, 413, 414, 415, 416, 417, 418, 419, 420, 421, 422, 423, 424, 425, 426, 427, 428, 429, 430, 431, 432, 433, 434, 435, 436, 437, 438, 439, 440, 441, 442, 443.
Целленберг, деревня — 384.
Цепион, консул — 335.
Циен (Ziehen), герм. автор — 374.
Цизальпинская Галлия по сю сторону Альп — 253, 389, 391, 400, 403, 404.
Цинн Готфрид, герм. автор — 106.
Цинций Алимент, римск. претор — 293, 294.
Цинцинат, римск. полководец, диктатор — 220.
Цицерон, римск. госуд. деятель, оратор и писатель — 342, 343, 346, 404, 427, 437, 442.
Цюрих, гор. — 330.

Ч

Черник, инженер — 185.
Черное море — 75, 352, 417.
Чингис-Хан — 22.

Ш

Шамбах (Schambach), герм. писат. — 364, 365.
Шарнгорст, прусск. военн. министр — 326, 399, 430.
Шарф (Scharff), герм. писат. — 208.
Шварц, герм. автор — 194.
Шверценберг — 35.
Швейгер-Лерхенфельд, герм. ученый — 185.
Швейгхаузер, герм. автор — 428.
Швейцария — 51.
Шверин, прусск. полководе — 102.
Швиц, кантон Швейцарии — 51.
Шеман, герм. автор — 283.
Шен (Schön), прусск. фельдмарш. — 342.
Шенкль (Schenkl), австр. писат. — 72.
Шиллинг В., герм. писат. — 86, 87.
Шлегель, герм. ученый — 438.
Шлетштадт, гор. — 384.
Шлиффен — 6.
Шлихтинг — 30.
Шлоссман, герм. ученый — 227.
Шлюттербах, герм. полковник — 79.
Шмоллер, герм. ученый — 216.
Шнейдер Рудольф, герм. ученый — 184, 245, 328, 329, 334, 363, 409, 410, 431.
Шодар, деревня — 387.
Шофайль (Chauffaille), сел.— 370.
Шрейбер Д., герм. автор — 438.
Штауфены, герм. императоры — 75, 161.
Штейн, герм. политик — 326.

Штейнвендер (Steinwenber), герм. автор — 222, 227, 246, 283.
Штерн (E. V. Stern), герм. писат. — 153, 159, 160.
Штолле (Stolle), герм. ученый — 238, 337, 345, 346, 384, 385, 386.
Шуберт (Schubert), герм. ученый — 248, 438.
Шультен (A. Schulten), герм. автор — 232.

Э

Эберт Эр. (Ehr. Ebert), герм. автор — 386.
Эбро, р. — 289, 291, 292, 405, 406, 407, 408.
Эва, холм — 204, 205, 207.
Эвбея, остров — 51, 53, 57, 77, 95, 96, 98, 101.
Эвклид, спарт. военач., брат Клеомена — 204, 205.
Эвмен, полководец — 199, 200.
Эврип — 98, 100.
Эврипид, спартанский царь — 102.
Эврипид, греч. писат., автор трагедий — 142, 229, 358.
Эврот, р. — 204.
Эгейское море — 63, 77, 166.
Эгина, остров — 100, 102.
Эгоспотамос — 193.
Эдесса, гор. — 355, 356.
Эдмунд Ламмерт, герм. ученый — 320.
Эйххейм Макс (Max Eichheim), герм. ученый — 377.
Экбатаны, гор. — 357, 358.
Экгардт К., герм. автор — 354.
Эклюз, форт — 366, 369.
Элевсин, гор. — 105.
Элевсинская бухта — 104, 105.
Элер Раймунд (Raimund Oehler), герм. автор — 345.
Элинга, название сражения при Бекуле — 308.
Эллада — 93, 95, 96, 106, 111, 135, 163, 347, 414, 416, 417, 442.
Элиан, греч. тактик — 196, 438.
Эльзас — 380, 385.
Эльзасская равнина — 383, 385.
Эмилий Луций, римский консул — 270, 271, 272.
Эмилий Павел, римский полков. — 238, 259, 322.
Эн (Аксона), р. — 390, 406, 439, 440.
Энгельс — 7, 8, 9, 11, 15, 16, 27, 28.
Эней, древнегрег. военн. писат. — 146, 147.
Энний, римск. поэт, авт. „Летописи" Рима — 217, 306, 307, 310, 311.
Эпаминонд, фиванский полководец — 20, 25, 26, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 158, 159, 193, 195, 439.
Эпидавр, гор. — 51, 54, 130.
Эпир, обл. — 247, 411, 413, 424, 431.
Эпитид, спарт. военачальник — 120.
Эретрия, гор. — 77.
Эсхил, греч. писат., автор драм — 73, 103, 104, 105, 117.
Эта, гора — 93, 95.
Этолия, сражение 426 г. до н. э. — 118.
Этрурия, обл. — 286.
Эфесский храм — 83.
Эфиальт — 94.
Эфор — 52, 78, 97, 103, 151.

Ю

Юба, царь нумид. — 415.
Югурта, царь нумид. — 437.
Югуртинская война — 17, 336, 342.
Юний Силан, римск. консул — 335.
Юра, горы — 366, 369.
Юстин, писат. — 103, 174.
Ютландия — 79.

Я

Янке А., герм. автор, путешественник — 165, 170, 174.
Янчевицкий, переводчик „Киропедии" — 66, 166.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

К. Бочаров—Предисловие 5
Исходный момент 41

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПЕРСИДСКИЕ ВОЙНЫ

Глава I. Численность войск. Предварительные замечания 45
Глава II. Греческие вооружение и тактика 63
Глава III. Численность греческих войск. Итоги 70
Глава IV. Персидское войско 73
Глава V. Сражение при Марафоне 77
Глава VI. Фермопилы 93
Глава VII. Сражение у Артемизия 98
Глава VIII. Сражение при Саламине 101
Глава IX. Сражение у Платеи 107

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГРЕЦИЯ В ПЕРИОД РАСЦВЕТА

Глава I. Греческая тактика до Пелопоннесской войны 115
Глава II. Стратегия. Перикл 126
Глава III. Наемники 132
Глава IV. Усовершенствование существовавшей тактической системы в IV столетии до нашей эры 135
Глава V. Теория. Ксенофонт 142
Глава VI. Эпаминонд 147

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

МАКЕДОНЯНЕ

Глава I. Македонское войско 154
Глава II. Александр и Персия. Бой на Гранике 161
Глава III. Сражение при Иссе 166
Глава IV. Сражение при Гавгамеле 179
Глава V. Сражение при Гидаспе 186
Глава VI. Александр как полководец 193
Глава VII. Диадохи 196

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ДРЕВНИЙ МИР

Глава I. Сословие всадников и фаланга 212
Глава II. Манипулярная фаланга 228
Глава III. Римское военное обучение, лагерное искусство и дисциплина . . 236
Глава IV. Пирр 246
Глава V. Первая пуническая война 250

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ВТОРАЯ ПУНИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Введение 256
Глава I. Сражение при Каннах 259
Глава II. Основная стратегическая проблема Второй пунической войны . . 276
Глава III. Взгляд на стратегическую подготовку войны 288
Глава IV. Рим получает перевес 298
Глава V. Сражение при Заме-Нараггаре и эшелонная тактика 301
Глава VI. Ганнибал и Сципион 309

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

РИМЛЯНЕ—ЗАВОЕВАТЕЛИ МИРА

Глава I. Римляне и македоняне 319
Глава II. Профессиональная армия и когортная тактика 334
Глава III. Центурионы 346
Глава IV. Митридат 352
Глава V. Римляне и парфяне 354

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

ЦЕЗАРЬ

Глава I. Введение 361
Глава II. Поход против гельветов 365
Глава III. Ариовист 380
Глава IV. Покорение бельгов 386
Глава V. Верцингеторикс 391
Глава VI. Римское военное искусство в борьбе с варварами 399
Глава VII. Гражданская война в Италии и Испании 403
Глава VIII. Поход в Грецию 411
Глава IX. Сражение при Фарсале 418
Глава X. Последние походы гражданской войны 432
Глава XI. Слоны 436
Заключение 438
Указатель собственных имен и названий 445

ОБЪЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА И. К. П.

К печати подготовили:
Редактор Н. М. Потапов
Технич. редактор Д. Моисеенко
Корректоры: Н. Ширяева и А. Косоурова
Художники: Б. Мухин и Б. Иванов
Выпускающий Ф. Виноградов

Сдано в набор 26/III 1935 г. Подписано к печати 10/VI 1935 г.
Формат бумаги 72×110/16.
40 авт. л. 29 печ. л.
55.120 зн. в 1 печ. л.
Цена книги 8 р. 25 к., переплет 1 р. 75 к.
Ленгорлит 37736.
Огиз № 62. Заказ № 1091.
Тираж 10.000 экз.
Адрес издательства: Москва, Орликов пер., 3.

ЛОЦТ НКО СССР им. Клима Ворошилова
(Ленинград, ул. Герцена, 1).